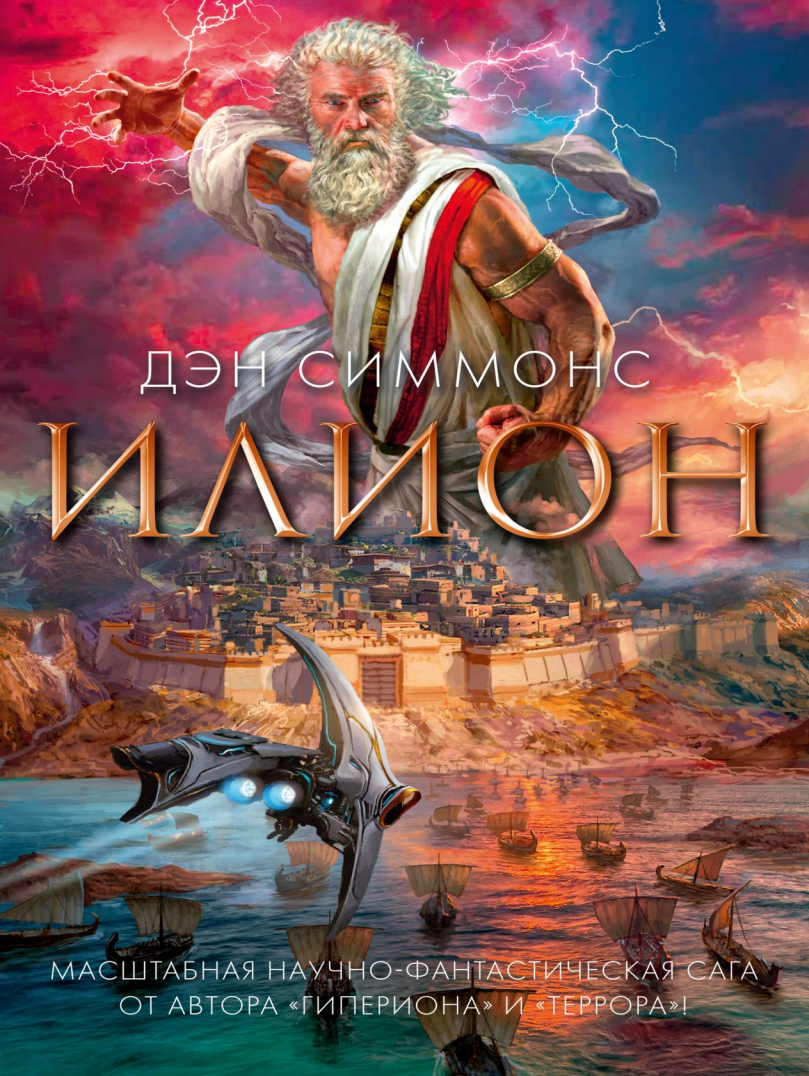
ДЭН СИММОНС
ИЛИОН
МАСШТАБНАЯ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ САГА
ОТ АВТОРА «ГИПЕРИОНА» И «ТЕРРОРА»!

Илион

Дэн Симмонс

Аннотация
Дэн Симмонс. Илион
Благодарности
От автора
1. Илионская равнина
2. Холмы Ардис. Ардис-Холл
3. Илионская равнина
4. Близ Коннемарского хаоса
5. Ардис-Холл
6. Олимп
7. Централ Коннемарского хаоса
8. Ардис-Холл
9. Илион и Олимп
10. Парижский Кратер
11. Илионская равнина
12. Над поясом астероидов
13. Сухая долина
14. На низкой марсианской орбите
15. Илионская равнина
16. Южное полярное море
17. Марс
18. Илион

19. Золотые Ворота в Мачу-Пикчу
20. Море Тетис на Марсе
21. Илион
22. Берег равнины Хриса
23. Техасский секвойевый лес
24. Илион. Индиана. Олимп
25. Техасский секвойевый лес
26. Между каньоном Эос и каньоном Копрат в восточно-центральной части долин Маринера
27. Илионская равнина
28. Средиземный бассейн
29. Расщелина Кандор
30. Лагерь ахейцев. Берег Илиона
31. Иерусалим
32. Шатер Ахиллеса
33. Иерусалим и Средиземный бассейн
34. Побережье Илиона. Индиана
35. 12 000 метров над плато Фарсида
36. Средиземный бассейн
37. Илион и Олимп
38. Атлантида и орбита Земли
39. Олимп, Илион и снова Олимп
40. Экваториальное Кольцо
41. Гора Олимп
42. Олимп и Илион
43. Экваториальное Кольцо

44. Гора Олимп
45. Илионская равнина. Илион
46. Экваториальное Кольцо
47. Ардис-Холл
48. Илион и Олимп
49. Экваториальное Кольцо
50. Илион
51. Экваториальное Кольцо
52. Илион и Олимп
53. Экваториальное Кольцо
54. Илионская равнина и Олимп
55. Экваториальное Кольцо
56. Илионская равнина
57. Олимп
58. Экваториальное Кольцо
59. Илионская равнина
60. Экваториальное Кольцо
61. Илионская равнина
62. Ардис-Холл
63. Олимп
64. Ардис-Холл
65. Индиана, 1200 г. до н. э.
Действующие лица

Аннотация

Современный классик Дэн Симмонс – прославленный автор «Террора», «Друда» и «Пятого сердца», фантастической эпопеи «Гиперион» / «Эндимион», «Темной игры смерти» и «Лета ночи», лауреат и финалист почти сотни престижных литературных наград в самых разных жанрах («Хьюго», «Небьюла», Всемирная премия фэнтези, премия имени Брэма Стокера, премия журнала «Локус», премия имени Артура Кларка, премия Британской ассоциации научной фантастики, а также многие другие, в том числе японские, немецкие, французские, итальянские, испанские награды). В дилогии «Троя», составленной романами «Илион» и «Олимп», он наконец вернулся к жанру, прославившему его в начале карьеры, – масштабной космической оперы со множеством аллюзий из классической литературы. Здесь разумные роботы-моравеки, отправившись от лун Юпитера исследовать аномальную квантовую активность Марса, обсуждают в пути сравнительные достоинства Шекспира

и Пруста; здесь олимпийские боги, пользующиеся всеми чудесами нанотехнологии, отправляют воскрешенных ученых-схолиастов наблюдать за ходом Троянской войны; здесь постлюди оставляют на Земле всего миллион человек, и вот в имение Ардис-Холл, намереваясь соблазнить юную Аду, прибывает некий собиратель бабочек…

Перевод публикуется в новой редакции.

Дэн Симмонс
Илион

Dan Simmons
ILIUM

Copyright © 2003 by Dan Simmons
© Ю. Е. Моисеенко, перевод, 2005
© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

* * *

Этот роман посвящается колледжу Уобаш – его студентам, профессорам и преподавателям, его наследию

А между тем воображенье
Мне шлет иное наслажденье:
Воображенье – океан,
Где каждой вещи образ дан;
Оно творит в своей стихии
Пространства и моря другие;
Но радость пятится назад
К зеленым снам в зеленый сад.

Эндрю Марвелл. Сад (Перевод Г. Кружкова)

Можно, что хочешь, добыть – и коров, и овец густорунных,
Можно купить золотые треноги, коней златогривых, –
Жизнь же назад получить невозможно; ее не добудешь
И не поймаешь, когда чрез ограду зубов улетела.

Ахиллес в «Илиаде» Гомера Песнь девя-

тая, 406–409 (Перевод В. Вересаева)

Больное сердце, ждет, чтоб укусить.

Калибан в поэме Роберта Браунинга «Калибан о Сетебосе» (Перевод Э. Ермакова с изменениями)

Благодарности

Хотя при подготовке к работе над этим романом я обращался ко многим переложениям «Илиады», мне хотелось бы особенно отметить следующих переводчиков: Роберта Фэглса, Ричмонда Латтимора, Александра Поупа, Джорджа Чепмена, Роберта Фицджеральда и Аллена Мандельбаума. Их переводы бесконечно красивы, а их талант превосходит мое воображение.

Из тех, чья поэзия и художественная проза на тему «Илиады» помогли в создании этой книги, я должен в первую очередь назвать У. Х. Одена, Роберта Браунинга, Роберта Грейвса, Кристофера Лога, Роберта Лоуэлла, а также Альфреда Теннисона.

За исследования и комментарии к творчеству Гомера огромное спасибо Бернарду Ноксу, Ричмонду Латтимору, Малкольму М. Уилкоку, А. Дж. Б. Уейсу, Ф. Х. Стаббингзу, К. Кереньи и другим членам Гомеровской схолии[1], которых слишком

[1] Примечания: 1

...и другим членам Гомеровской схолии... — Схолия — комментарий к классическому тексту, изначально замечания на полях древнегреческих и латинских рукописей, которые делались для разъяснения или исправления испорченного переписчиком текста.

долго было перечислять.

За глубокие замечания по поводу Шекспира и поэмы Браунинга «Калибан о Сетебосе» я признателен Гарольду Блуму, У. Х. Одену, а также издателям «Нортоновской антологии английской литературы». Читателям, желающим глубже разобраться в оденовской интерпретации «Калибана о Сетебосе» и прочих аспектах личности Калибана, я советую обратиться к труду Эдварда Мендельсона «Поздний Оден».

Размышления Манмута о сонетах Шекспира в основном направлялись великолепным «Искусством шекспировских сонетов» Хелен Вендлер.

Многие замечания Орфу с Ио, относящиеся к Марселю Прусту, вдохновлены сочинением Роберта Шаттука «Дорога Пруста. Путеводитель по книге „В поисках утраченного времени“».

Читателям, которые захотят подражать Манмуту в его страстном увлечении Шекспиром, могу посоветовать обратиться к замечательным трудам «Шекспир. Изобретение человека» Гарольда Блума, «Я и Шекспир. Приключения с Бардом» Германа Голлоба и «Жизнь Шекспира» Парка Хонана.

За подробные карты Марса (до терраформирования) я в большом долгу перед НАСА и Лаборато-

рией реактивного движения. Очень помогла при создании книги научная работа «Постигая тайны Красной планеты», опубликованная Национальным географическим обществом, под редакцией Пола Рэбурна, с предисловием и комментариями Мэтта Голомбека. Богатым источником необходимых подробностей стал для меня журнал «Сайнтифик Американ». Особенно я признателен за следующие статьи: «Затерянный океан Европы» Роберта Т. Паппалардо, Джеймса У. Хеда и Рональда Грили (октябрь 1999), «Квантовая телепортация» Антона Цайлингера (апрель 2000) и «Как построить машину времени» Пола Дэвиса (сентябрь 2002).

И наконец, спасибо Клее Ричардсон за подробное объяснение, как построить самодельную плавильную печь с деревянным куполом.

От автора

В детстве, когда мы с братом доставали солдатиков из коробки, то запросто выстраивали рядом с синими и серыми участниками Войны Севера и Юга бойцов Второй мировой в хаки. Я предпочитаю видеть в этом ранний пример того, что Джон Китс называл «отрицательной способностью»[2]. (Еще у нас были викинг, индеец, ковбой и римский центурион, который бросал гранаты, но они воевали за Патруль времени. Некоторые несоответствия требуют того, что в Голливуде именуют «предысторией».)

Однако в случае «Илиона» я решил по возможности держаться единообразия. Те, кто, как я, заглядывал в великолепный перевод «Илиады» Ричмонда Латтимора (1951), заметят, что *Hektor, Achilleus* и *Aias* зовутся здесь *Hector, Achilles* и *Ajax* (Большой и Малый). И тут я согласен с Робертом

---

[2] Примечания: 2

Я предпочитаю видеть в этом ранний пример того, что Джон Китс называл «отрицательной способностью». — Понятие «отрицательная способность» Китс предложил в письме, рассуждая о том, что именно делает Шекспира великим. «Отрицательная способность», по Китсу, проявляется, когда человек в неопределенности и сомнениях не делает суетливых попыток найти всему объяснение.

Фэглсом, переложившим Гомера на английский в 1990 году: более латинизированные варианты, конечно, далековато ушли от греческого оригинала, но более точные версии звучат так, будто кошка отрыгивает комок шерсти. Как указывал Фэглс, никто не может притязать на полное единообразие, а текст читается лучше, если вернуться к обычной практике наших поэтов и перейти на латинское — или даже современное английское — написание имен богов и героев.

Исключения, опять же по Фэглсу, составляют те случаи, когда вместо Одиссея вдруг возникает Улисс или, скажем, вместо Афины — Минерва. У Александра Поупа, дивно переложившего «Илиаду» пятистопным ямбом, Юпитер запросто может задать трепку Аресу (не Марсу); моя личная «отрицательная способность» отказывается такое принять. Похоже, иногда лучше играть в солдатиков одного цвета.

Примечание: тем, кто, как я, с трудом запоминает имена богов, богинь, героев и прочих эпических персонажей и нуждается в шпаргалке, советую заглянуть в список действующих лиц, с. 627 и далее.

1. Илионская равнина

Гнев.

Пой, о Муза, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына, мужеубийцы, на смерть обреченного, гнев, который ахеянам тысячи бедствий содеял и многие души могучие славных героев низринул в мрачный Дом Смерти[3]. И раз уж открыла ты рот, о Муза, пой и про гнев богов, столь раздраженных и сильных на этом их новом Олимпе; а еще про гнев постлюдей, пусть и ушедших от нас, и, конечно, про гнев горстки людей настоящих, пусть и давно поглощенных собой и уже ни к чему не пригодных. Пока ты распелась, о Муза, воспой также гнев тех суровых созданий, разумных и мыслящих, но на-людей-не-похожих, забывшихся сном подо льдами Европы, умирающих в серном пепле на Ио, рожденных на Ганимеде, в холодных каньонах.

Чуть не забыл я, о Муза, воспой и меня, злополучного, что возрожден-сам-того-не-желая,

---

[3] Примечания: 3

…который ахеянам тысячи бедствий содеял и многие души могучие славных героев низринул в мрачный… — Цитаты из «Илиады» здесь и далее, если не оговорено иное, приведены в переводе Н. Гнедича.

несчастный и мертвый, Том Хокенберри, филологии доктор, для близких друзей Хокенбуш — для друзей, давно обратившихся в прах, из безумного мира, того, что остался в далеком-далеком прошедшем.

Пой же и мой гнев, пусть ничтожен и слаб он рядом с яростью тех, кто бессмертен, или того же Ахиллеса-мужеубийцы.

Впрочем, я передумал, о Муза, не пой мне. Я тебя знаю. Я был твоим пленным, слугой, о несравненная стерва. Больше тебе я не верю. Нисколько.

И раз уж я невольно стал Хором этой истории, то начну ее, где сам пожелаю. А пожелал я начать ее здесь.

День как день, один из многих за те девять лет, что миновали после моего второго рождения. Просыпаюсь в казармах схолии — там, где красный песок, лазурное небо и огромные каменные лица, — получаю вызов от Музы, кровожадные цербериды обнюхивают меня и пропускают, хрустальный высокоскоростной эскалатор возносит меня к зеленым вершинам Олимпа — это семнадцать миль в высоту по восточному склону, — после доклада вхожу на пустую виллу хозяйки, выслушиваю отчет предыдущей смены, надеваю морфобраслет, непробиваемые доспехи

и с тазером за поясом квитируюсь на вечернюю Илионскую равнину.

Вы когда-нибудь пытались представить себе осаду Трои? Если да, то я, как профессионал, только этим и занимавшийся целых двадцать лет, должен уверить: воображение вас подвело. Меня тоже. Правда жизни во много раз чудесней и ужасней того, что показал нам вещий слепец.

Прежде всего поражает сам город — Илион, или Троя, огромный укрепленный полис Древнего мира. Отсюда, с побережья, где я нахожусь, до него две с лишним мили — и все же мне отчетливо видны гордые стены на возвышении, озаренные тысячами факелов и костров, круглые башни, не такие безверхие, как уверял Марло[4], но все равно исполинские, чуждые, ошеломляющие.

Боевой лагерь ахейцев, данайцев и прочих завоевателей — строго говоря, они не «греки», до возникновения этого народа ждать еще две с лишним тысячи лет, но я все равно буду называть их греками — растянулся у моря на многие мили. Рассказывая студентам о Троянской войне,

---

[4] Примечания: 4

…башни, не такие безверхие, как уверял Марло… — В «Фаусте» Кристофера Марло о Елене Прекрасной говорится: «Вот этот лик, что тысячи судов / Гнал в дальний путь, что башни Илиона / Безверхие сжег некогда дотла» (перев. Н. Амосовой). Согласно комментаторам Марло, «безверхие» у него означает «такие высокие, что их вершину не видно».

я всегда отмечал: при всем своем гомеровском величии Троянская война, вероятно, была довольно мелким столкновением — несколько тысяч греков против нескольких тысяч троянцев. Даже самые знающие члены *схолии* (сообщества комментаторов «Илиады», существовавшего две тысячи лет назад), исходя из текста поэмы, делали вывод, что на черных кораблях к этим берегам приплыли не более пятидесяти тысяч ахейцев и других греков.

Так вот, они заблуждались. По нынешним оценкам осаждающих более четверти миллиона. Осажденных, вместе с их союзниками, примерно половина этого числа. Очевидно, каждый герой с греческих островов поспешил на битву — поскольку битва означала грабеж, — захватив с собой воинов, союзников, приближенных, рабов и наложниц.

Зрелище поражает: мили и мили освещенных шатров, частоколов, мили рвов, пробитых в твердой почве, — никто не собирается отсиживаться в окопах, это лишь преграда для троянской конницы, — и на всем их протяжении полыхают, бросая отблески на лица, вспыхивая бликами на полированных клинках и ярких щитах, костры для освещения, для приготовления пищи и для

сожжения трупов.

Погребальные костры.

Вот уже несколько недель, как в греческий стан запустила щупальца смертоносная зараза; сперва погибали одни лишь мулы и собаки, но затем мор перекинулся на людей: тут сляжет боец, там слуга, и наконец недуг разбушевался в полную силу. За десять дней умерло больше храбрых ахейцев и данайцев, чем за долгие месяцы войны. Я подозреваю, что это тиф. Греки убеждены, что причина бед — ярость Аполлона.

Видел я его — и здесь, и на Олимпе. Правда, приблизиться не рискнул. На редкость злобная рожа. «Дальноразящий» Аполлон — бог лучников и целителей, а заодно и всяческих болезней. Мало того, главный божественный союзник Трои в нынешней войне. Будь его воля, ахейцы давно бы уже повымирали. Так что не важно, откуда пришла угроза: от рек ли, полных разлагающейся плоти, или от крылатых стрел Аполлона, — в одном греки правы: он не желает им доброго здравия.

Прямо сейчас ахейские вожди и владыки — а кто из этих доблестных героев не вождь и не владыка в своей земле и в собственных глазах? — идут на общий совет у шатра Агамемнона, чтобы

обсудить, как избавиться от гибельной напасти. Я тоже шагаю туда — медленно, с неохотой, как будто нынче не самый великий день за всю мою вторую жизнь, стоивший девяти с лишним лет ожидания. Ведь именно сегодня по-настоящему начинается гомеровская «Илиада».

Нет, мне, конечно, уже удавалось видеть отдельные происшествия, смещенные волей поэта во времени. К примеру, так называемый «Список кораблей»: собрание и исчисление греческих военных сил, описанное в песни второй. На самом деле сбор имел место девять лет назад, в Авлиде — на берегу пролива между Эвбеей и материковой Грецией. А Эпиполесис, обход войск Агамемноном, упомянутый в песни четвертой? Я лично наблюдал это событие вскоре после высадки ахейцев у стен Трои, а затем и то, что называл в своих лекциях «Тейхоскопия», то есть «взгляд со стены», когда Елена указывает Приаму и прочим троянским военачальникам различных ахейских героев. Тейхоскопия происходит в третьей песни поэмы, однако в настоящем ходе событий она последовала сразу за высадкой и Эпиполесисом.

Если можно говорить о настоящем ходе событий.

Во всяком случае, сегодня у нас совет в шатре

Агамемнона и его ссора с Ахиллесом. Тут начинается «Илиада», и, казалось бы, весь мой профессиональный интерес должен быть направлен на это событие. Да только мне плевать. Пусть хорохорятся и распускают друг перед другом перья. Ну вытащит Ахиллес свой меч… Хотя нет, на такое даже я бы взглянул. Интересно, вправду ли Афина явится остановить спорщика, или это лишь образное выражение для описания нежданно-негаданно проснувшегося здравого смысла? Прежде я отдал бы жизнь за ответ, и вот теперь, когда ждать осталось считаные минуты… Мне решительно и бесповоротно на-пле-вать.

Девять долгих лет мучительно возвращающихся воспоминаний, беспрестанной войны и наблюдений за доблестным выпендрежем, не говоря уже о рабстве у бессмертных богов и Музы, сделали свое дело. Знаете, я заплясал бы от счастья, прилети сюда B-52 и сбрось атомную бомбу на головы ахейцев и троянцев, вместе взятых. Пошли они на хрен, эти герои вместе с их деревянными колесницами.

И тем не менее я плетусь к шатру Агамемнона. Это моя работа — следить за всем и отчитываться перед Музой. Иначе… Что ж, зарплату за простой не урежут. Скорее боги сократят меня самого — до

горстки костяных обломков и праха, содержащего ДНК, из которой я был воссоздан. И тогда уж, как говорится, поминай как звали.

2. Холмы Ардис[5]. Ардис-Холл

Реализовавшись из факса неподалеку от дома Ады, Даэман недоуменно заморгал при виде багрового солнца над горизонтом. Ясное небо горело закатом меж исполинских деревьев по краю цепочки холмов. Отблески зарева полыхали в кобальтовой выси, отражаясь на каждом из величаво вращающихся колец — экваториальном и полярном. Даэман был сбит с толку: в Уланбате, где он недавно праздновал Вторую Двадцатку Тоби, стояло раннее утро, а здесь… Аду он не навещал уже много лет, да и вообще, отправляясь куда-либо, не знал, на какой материк или в какой временной пояс планеты угодит. Он помнил лишь, где живут самые близкие друзья, у которых бывал чаще всего: Седман — в Париже, Ризир — в собственном доме на скалах Чом, Оно — в Беллинбаде… Впрочем, Даэман не знал ни расположения материков, ни их названий, не имел понятия о географии или часовых поясах, поэтому не тяготился своим неведением.

---

[5] Примечания: 5

Ардис. — И название поместья, и имя Ада, как и некоторые другие имена, взяты из романа В. Набокова «Ада, или Радости страсти» (1969).

И все-таки. С этим факсом он потерял целый день. Или выиграл? Во всяком случае, местный воздух пах иначе: терпко, влажно, более дико, что ли.

Даэман огляделся. Обычный факс-узел: пермобетоновый круг под ногами и узорчатые железные столбы, увенчанные желтой хрустальной перголой, и, разумеется, ближе к центру на столбике всегдашняя табличка с непонятными значками. Больше ничего — только трава, деревья, далекая речка и медленное вращение обоих колец, пересекающихся над головой, словно арматура громадного, медленного гироскопа.

Был теплый вечер, более влажный, чем в Уланбате. Факс-узел стоял на лугу в окружении пологих холмов. Шагах в тридцати ожидала старинная двухместная одноколка, над ее передком парил столь же древний сервитор, а между деревянными дышлами стоял одинокий войникс. М-да, за десять лет можно было и подзабыть варварские неудобства здешней жизни. Что за глупая фантазия: жить на удалении от факс-узла.

— Даэман-ур? — осведомился сервитор, хотя и сам знал, кто перед ним.

Даэман промычал в ответ и указал на видавший виды саквояж. Маленький слуга подлетел

ближе и, подцепив багаж затупленными бивнями, легко поставил его в грузовое отделение одноколки, покуда гость забирался на сиденье.

— Ждем еще кого-нибудь?

— Нет, вы последний, — отозвался сервитор.

После чего зажужжал, занял полукруглую нишу возницы и звонким щелчком отдал команду. Войникс тут же впрягся и потрусил на закат, поднимая слабые облачка пыли над усыпанной гравием дорожкой. Даэман откинулся на удобную спинку из зеленой кожи, обхватил ладонями щегольскую трость и приготовился наслаждаться поездкой.

К черту разговоры о дружеских визитах: он прибыл сюда не навестить Аду, а соблазнить ее. Собственно, в этом и заключалось его занятие — прельщать юных женщин. И еще коллекционировать бабочек. Разница в возрасте (Аде было двадцать с небольшим, Даэман приближался ко Второй Двадцатке) совершенно не смущала его. Как и близкое родство с девушкой. Запрет на кровосмешение давным-давно исчез. Даэман слыхом не слыхивал про «дрейф генов», а если бы и слышал, то доверил бы лазарету это исправить. В лазарете исправляют все.

Даэман посетил Ардис-Холл десять лет назад

с целью обольстить кузину Вирджинию — из чистой скуки, ведь эта кикимора выглядела страшнее войникса. Тогда-то он и увидел Аду обнаженной. Блуждая по нескончаемым коридорам в поисках Оранжереи для завтраков, он нечаянно оказался рядом с Адиной комнатой. За приоткрытой дверью стояло высокое, слегка рябое зеркало. В мутной поверхности отражалась девушка, обтиравшаяся губкой над тазом. Она была совершенно голой, и лицо ее выражало легкую скуку: как он узнал, излишняя чистоплотность не относилась к длинному списку ее особенностей. Зрелище юной женщины, только-только вышедшей из кокона детской невинности, заворожило Даэмана, которому в ту пору было чуть больше, чем Аде сейчас.

Даже тогда, когда в ее бедрах и грудях с бутонами сосков еще чувствовалась детская пухлость, — на нее стоило полюбоваться. Белая кожа (сколько бы она ни оставалась на солнце, ее лицо всегда сохраняло мягкую молочную белизну), серые глаза, малиновые губы, черные волосы — воплощение эротической мечты дилетанта. Культурная модель предписывала женщинам брить подмышки, но юная Ада (и Даэман искренне надеялся, что и нынешняя тоже) обращала на это требование не

больше внимания, чем на все прочие. В огромном зеркале тогда (и пришпиленное булавкой в коллекционной коробке его памяти теперь) застыло еще детское, но уже роскошное тело, тяжелые бледные груди, молочная кожа, живые глаза, и всю эту белизну оттеняли четыре росчерка черных волос — вопросительный знак вьющихся локонов, которые она небрежно подкалывала вверх, когда не играла (а играла она почти все время), пара запятых под мышками и восхитительный, еще не оформившийся в дельту восклицательный знак, уходящий в сумрак между бедрами.

Одноколка несла седока прямо к цели. Даэман блаженно улыбался. Он не знал, отчего Аде вздумалось пригласить его после стольких лет и даже чью Двадцатку здесь отмечают, но не сомневался, что соблазнит ее до того, как вернется к настоящей жизни: к раутам, долгим визитам и случайным интрижкам с более светскими дамами.

Войникс легко трусил вперед, шуршал под его ногами гравий, ненавязчиво гудели старые гироскопы повозки. В долину тихо заползали вечерние тени, однако узкая дорожка вывела на гребень холма, и гость успел разглядеть по-

ловинку заходящего солнца до того, как опять съехал в полумрак, на просторные поля, засеянные каким-то невысоким злаком. Заботливые сервиторы порхали над колосьями, и Даэману подумалось, что они похожи на левитирующие крокетные мячики.

Дорога свернула влево, к югу, пересекла безымянную речушку по крытому деревянному мосту, серпантином поднялась по крутому склону и вошла под своды старого леса. Даэман смутно помнил, что охотился за бабочками в этом древнем лесу вечером того дня, когда увидел в зеркале голую Аду. Тогда он поймал у водопада редкую разновидность траурницы, и в памяти восторг коллекционера смешался с волнением при виде белого девичьего тела и черных волос. Даэман помнил, как глянуло на него отражение Ады, когда та подняла глаза, — без гнева или радости, без стыдливости, но и не бесстыдно, равнодушно и с легким научным интересом. Ада смотрела на охваченного вожделением двадцатисемилетнего Даэмана, примерно как сам Даэман разглядывал пойманную траурницу.

Повозка приближалась к Ардис-Холлу. Под древними дубами, ясенями и вязами на вершине было темно, но вдоль дороги горели желтые фо-

нари, а линии цветных огоньков за деревьями, возможно, обозначали тропы.

Войникс выбежал из леса, и впереди открылся сумеречный вид. От сияющего огнями Ардис-Холла на холме расходились во все стороны гравийные дорожки; на четверть мили от дома до следующего леса тянулся луг, вдалеке поблескивала река, ловя догорающий закат, а в просвете между холмами на юго-западе проглядывали другие холмы, заросшие лесом, черные, без единого огонька, за ними — третьи, и так далее, пока темные вершины не сливались с темными тучами на горизонте.

Даэман поежился. До этой минуты он и не вспоминал, что дом стоит рядом с динозавровыми лесами этого континента — уж как он там называется. Весь прошлый приезд Даэман жил в страхе, хотя Вирджиния, Ванесса и прочие хором уверяли, что на пятьсот миль от Ардис-Холла опасных динозавров нет. (Все, кроме пятнадцатилетней Ады, — она просто смотрела на него изучающим, чуть насмешливым взглядом; позже Даэман узнал, что это ее всегдашнее выражение.) Тогда на прогулку его выманивали только бабочки, теперь не выманят и они. Хотя рядом сервиторы и войниксы, бояться нечего, но мало

радости быть съеденным вымершей рептилией, а потом очнуться в лазарете с памятью об этом унижении.

Исполинский вяз на склоне под домом украшали десятки фонарей. Факелы горели вдоль подъездной аллеи и гравийных дорожек из дома во двор. У живых изгородей и вдоль темного леса стояли войниксы-охранники. Под старым вязом был накрыт длинный стол, пламя факелов трепетало на вечернем ветру, и некоторые гости уже сошлись к ужину. Даэман с удовольствием сноба отметил, что большинство мужчин по старинке облачены в грязновато-белые хламиды, бурнусы и парадные накидки землистых тонов: в более значимых кругах, к которым он принадлежал, этот стиль вышел из моды несколько месяцев назад.

Одноколка мягко подкатила к парадному входу Ардис-Холла и остановилась в снопе желтого света из дверей. Войникс распрягся и опустил дышла так бережно, что седок не ощутил ни малейшего толчка. Легкий сервитор подлетел забрать багаж. Даэман радостно ступил на твердую почву: после факса у него до сих пор кружилась голова.

Ада выбежала из двери и бросилась по лестнице ему навстречу. Даэман застыл, глупо улыбаясь.

Ада была не просто красивее, чем он помнил; она была красивее, чем он мог вообразить.

3. Илионская равнина

Греческие предводители сошлись у шатра Агамемнона; вокруг полно заинтересованных зрителей, и ссора Агамемнона с Ахиллесом уже разгорается.

Нужно сказать, что сейчас я принял вид Биаса — не пилосского военачальника из дружины Нестора, а того, который служит Менесфею[6]. Бедный афинянин болеет тифом и, хотя выздоровеет, чтобы сражаться в песни тринадцатой, сейчас почти не выходит из шатра, стоящего дальше на побережье. Биас — довольно значительная фигура, так что копейщики и зеваки почтительно расступаются, пропуская меня к внутреннему кругу собравшихся. Однако, по счастью, никто не ждет, что Биас примет участие в споре.

Я уже пропустил ту часть драмы, когда Калхас Фесторид, «превосходный гадатель», объявляет ахейцам, из-за чего разгневался Аполлон. Один из военачальников шепчет мне на ухо, что, прежде

---

[6] Примечания: 6

Нужно сказать, что сейчас я принял вид Биаса — не пилосского военачальника из дружины Нестора, а того, который служит Менесфею. — В переводе Гнедича пилосского военачальника зовут Бриант.

чем заговорить, Калхас потребовал у Ахиллеса защиты на случай, если народу и царям не понравится его речь. Ахиллес согласился, и Калхас сказал то, что и так отчасти подозревали: жрец Аполлона Хрис умолял вернуть ему пленную дочь, и отказ Агамемнона прогневал бога.

Агамемнон разозлился на Калхасово толкование. «Развонялся, только держись», — со смехом шепчет мой собеседник, дыша винными парами. Если не ошибаюсь, это Ор. Несколько недель спустя он падет от руки Гектора, когда герой-троянец начнет валить ахейцев направо и налево.

Ор говорит мне, что несколько минут назад Агамемнон согласился вернуть пленницу, Хрисеиду («Хоть она и дороже мне собственной жены Клитемнестры!» — крикнул Атрид), но взамен потребовал такую же красивую наложницу. По словам упившегося в стельку Ора, Ахиллес в ответ обозвал Агамемнона корыстолюбцем и напомнил, что у аргивян, то бишь ахейцев, или данайцев — как только не кличут этих окаянных греков! — нет больше для него добычи. Когда-нибудь, если военная удача им улыбнется, пообещал мужеубийца Ахиллес, Агамемнон получит другую девицу, а пока пусть отдаст Хрисеиду отцу и заткнется.

— Тут Атрид поднял такую вонищу, что прямо сил нет! — Ор смеется во все горло, и несколько военачальников строго оборачиваются на нас.

Я киваю и внимательно смотрю вперед. Агамемнон, как обычно, в центре событий. Вот уж поистине прирожденный лидер — рослый, статный, борода завивается классическими колечками, брови полубога строго сведены над пронзительными глазами, умащенный маслом мускулистый торс облачен в изысканнейшие одеяния. Точно напротив него, посередине круга, стоит Ахиллес. Моложе, сильнее и даже красивее Агамемнона, Ахиллес почти не поддается описанию. Еще когда я впервые увидел его на смотре кораблей более девяти лет назад, то подумал, что передо мной самый богоподобный из множества богоподобных мужей, настолько впечатляли его мощь и величие. С тех пор я понял, что при всем этом Ахиллес туповат — своего рода бесконечно похорошевший Арнольд Шварценеггер.

Ахиллеса и Агамемнона окружают герои, лекции о которых я читал всю мою другую жизнь. Во плоти они ничуть не разочаровывают. Подле Агамемнона — но в закипающей ссоре явно не с ним — стоит Одиссей. Он на целую голову ниже Атрида, зато шире в груди и плечах и потому

среди прочих греческих вождей кажется бараном среди овец. Ум и хитрость видны в его глазах и отпечатались в морщинах обветренного лица. Я ни разу не говорил с Одиссеем, но надеюсь поговорить до того, когда война закончится и он отправится в путешествие.

По правую руку от Агамемнона — младший брат Менелай, муж Елены. Жаль, что мне не дают доллар всякий раз, когда кто-нибудь из ахейцев вякает, что, мол, будь Менелай искуснее в постели («Был бы у него побольше», — сказал Диомед приятелю три дня назад, я стоял рядом и слышал), Елена не сбежала бы с Парисом в Илион и греческие герои не убили бы последние девять лет на эту треклятую осаду. Слева от Агамемнона стоит Орест — нет, конечно же, не избалованный наследник, тот оставлен дома, хотя в свое время отомстит за отца и заслужит отдельную трагедию, — а его тезка, верный копьеносец. Он падет от руки Гектора при следующей большой вылазке троянцев.

Рядом с Орестом я вижу Еврибата — вестника Атрида, не путать с Еврибатом — глашатаем Одиссея. Бок о бок с ним стоит Птолемеев сын Эвримедон, красивый юноша, возница Агамемнона — не путать с куда менее красивым

Эвримедоном, возницей Нестора. (Здесь я порою думаю, что охотно заменил бы все эти славные патронимы на несколько простых фамилий.)

К великодержавному Атриду присоединились нынче вечером предводители саламитов и локров — Большой и Малый Аяксы. Эти двое только именами и схожи: если один похож на белого полузащитника из Национальной футбольной лиги, то второй больше смахивает на карманника. Третий по значимости вождь аргивян Эвриал ни на шаг не отходит от своего босса Сфенела, который так ужасно шепелявит, что не может произнести собственное имя. Друг Агамемнона и главный военачальник аргивян, прямодушный Диомед тоже здесь. Сегодня он не весел, стоит, скрестив руки на груди, и смотрит в землю. Старец Нестор — «громогласный вития пилосский» — наблюдает за разгорающейся ссорой, и лицо у него еще мрачнее, чем у Диомеда.

Если все пойдет по Гомеру, через несколько минут Нестор произнесет знаменитый монолог, в котором безуспешно попытается пристыдить Агамемнона и Ахиллеса, пока их распря не сыграла на руку троянцам. И надо признаться, мне хочется его послушать. Хотя бы ради упоминания

о древней битве с кентаврами[7]. Меня всегда интересовали кентавры, и у Гомера Нестор говорит о них как о чем-то обыденном, а ведь во всей «Илиаде» из мифических существ упомянуты лишь они и химера. Пока же, в ожидании речи, я стараюсь не попасться Нестору на глаза, поскольку Биас, чей облик я принял, его подчиненный, и я не хочу, чтобы меня втянули в разговор. Впрочем, сейчас этого можно не опасаться: Нестор, как и остальные зрители, целиком занят перебранкой Агамемнона и Ахиллеса.

Возле Нестора, не примыкая ни к одному из вождей, стоят Менесфей (согласно Гомеру, Парис убьет его недели через две), Евмел (вождь фессалийцев из Феры), Поликсен (сопредводитель рати эпеян) с приятелем Фалпием, Фоас (военачальник этолийцев), Леонтей и Полипет в одеяниях, типичных для их родной Аргиссы, а также Махаон и его брат Подалирий (за чьей спиной выстроились фессалийские командиры пониже рангом), дражайший друг Одиссея Левк (обреченный через несколько дней погибнуть

[7] Примечания: 7

Хотя бы ради упоминания о древней битве с кентаврами. — В переводе Гнедича Нестор говорит о сражении с «лютыми чадами гор»; впрочем, кентавры упоминаются, например, в неоконченном переводе В. Жуковского.

от пики Антифа) и прочие герои, которых я за долгие годы научился узнавать не только в лицо, но даже по манере сражаться, бахвалиться и приносить жертвы богам. На случай если я еще этого не упомянул, собравшиеся здесь древние греки ничего не делают вполсилы — они в любом деле выкладываются на всю катушку, «с полным принятием рисков», как выразился один ученый в двадцатом веке.

Напротив Агамемнона, справа от Ахиллеса стоит его ближайший друг Патрокл (чья смерть от руки Гектора вызовет Гнев Ахиллеса и величайшую бойню в военной истории). Здесь же Тлиполем, сын мифического Геракла, убивший дядю своего отца и бежавший из дома (этому молодому красавцу суждено пасть от копья Сарпедона). Между Патроклом и Тлиполемом старик Феникс (добрый друг Ахиллеса и его бывший наставник) шепчется с Орсилохом Диоклидом, которого скоро убьет Эней. По левую сторону от разъяренного Ахиллеса стоит Идоменей; из поэмы я не знал, что они такие близкие друзья.

Само собой, ахейцев во внутреннем круге гораздо больше. Я уже молчу о бесчисленной толпе за своей спиной, но ведь картина и так ясна, правда? Как в эпосе Гомера, так и в повседневной жизни

на Илионской равнине безымянных героев нет. Каждый из них таскает за собой собственную историю, родину, отца, жен, детей и движимое имущество, прибегая к их помощи в риторических и военных стычках. Одного этого хватит, чтобы доконать простого гомероведа.

— Что ж, богоравный Ахиллес, вечно плутующий в кости, на поле сраженья и с бабами, теперь ты решил сплутовать со мной! — кричит Агамемнон. — Да только не выйдет! Ты получил невольницу Брисеиду, которая не уступает красой моей Хрисеиде. Ты, значит, сохранишь добычу, а мне прикажешь сидеть с пустыми руками? Не на такого напал! Да я лучше передам бразды правления… вон хоть Аяксу, или Идоменею, или многомудрому Одиссею… или тебе… да, тебе… чем позволю так себя надуть!

— Валяй, передавай! — скалится Ахиллес. — Нам и впрямь нужен достойный предводитель!

Агамемнон багровеет.

— Отлично. Спускайте на море черный корабль с гребцами, возьмите Хрисеиду, если посмеете… Жертвы, о Ахиллес-мужеубийца, ты вознесешь сам. Но знай, я без добычи не останусь. Твоя прелестная Брисеида возместит мне потерю.

Красивое лицо Ахиллеса кривится от ярости.

— Наглец, одетый в бесстыдство и погрязший в алчности! Трусливая собачья образина!

Агамемнон делает шаг вперед, бросает жезл и берется за меч.

Ахиллес тоже делает шаг вперед и сжимает рукоять меча.

— Троянцы не причинили нам зла, Агамемнон, но причинил ты. Не троянцы, а твоя алчность привела нас к этому берегу. Мы сражаемся за тебя, бесстыжая морда, чтобы вернуть честь тебе и твоему братцу, который не сумел удержать в спальне свою жену…

Теперь уже Менелай делает шаг вперед и хватается за меч. Воины и владыки стягиваются к тому или иному герою, и круг распадается на три части: на тех, кто будет драться за Агамемнона, тех, кто будет драться за Ахиллеса, и тех вокруг Одиссея и Нестора, кто настолько возмущен, что готов убить обоих спорщиков.

— Мы с моими людьми отплываем! — кричит Ахиллес. — Обратно во Фтию. Лучше утонуть, возвращаясь домой без добычи с поражением, чем оставаться здесь и позорить себя, наполняя кубок Агамемнона и завоевывая ему добычу!

— Скатертью дорога! — орет Агамемнон. — Дезертируй на здоровье! Я тебя сюда не звал. Ты

великий воин, Ахиллес, да что с того? Это дар богов, а не твоя заслуга. Ты любишь сражения, кровь и резню, так забирай своих раболепных мирмидонцев и катись! — Он сплевывает.

Ахиллес буквально трясется от негодования. Он явно разрывается между искушением повернуться, забрать своих людей и навсегда покинуть Илион и желанием прирезать Агамемнона, точно жертвенную овцу.

— Но знай, Ахиллес… — Агамемнон внезапно понижает голос, однако его жуткий шепот отчетливо слышен сотням собравшихся, — Хрисеиду я отдам, раз уж бог этого требует, но заберу вместо нее твою Брисеиду, дабы все видели, насколько Агамемнон выше вздорного мальчишки Ахиллеса!

Тут Ахиллес окончательно теряет голову и уже не на шутку хватается за меч. На этом бы «Илиада» и закончилась: смертью Агамемнона, или Ахиллеса, или обоих, ахейцы отплыли бы домой, Гектор дожил бы до глубокой старости, а Троя простояла бы тысячу лет, возможно затмив славу Рима. Как нарочно, в этот миг за спиной Ахиллеса возникает Афина.

Я ее вижу. Ахиллес оборачивается с перекошенным лицом и тоже ее видит. А вот прочие — нет. Я

не понимаю эту технологию избирательной невидимости, но она работает и у меня, и у богов.

Эй, погодите-ка, дело не только в невидимости… Бессмертные опять остановили время. Это их излюбленный способ общения со своими любимчиками без лишних свидетелей. Я такое видел всего несколько раз. Рот у Агамемнона раскрыт, брызжущая слюна застыла в воздухе, но ни звука не слышно; челюсть замерла, не дрогнет ни единый мускул, темные глаза не моргают. И так же застыли все остальные в кругу. Над головами зависла белая чайка. Волны взметнулись, но не разбиваются о берег. Воздух сгустился, будто сироп, а мы в нем — точно мухи в янтаре. Движутся в этом остолбенелом мире лишь Афина Паллада, Ахиллес да я, когда чуть заметно подаюсь вперед, ловя каждое слово.

Ахиллес по-прежнему сжимает меч, наполовину вынутый из мастерски сработанных ножен, однако богиня схватила его за длинные волосы и силой развернула к себе. Теперь он не смеет извлечь клинок, ведь это значило бы бросить вызов богине.

Однако глаза Ахиллеса пылают полубезумным огнем, и он кричит в густой, тягучей тишине замороженного времени:

— Почему? Почему сейчас? Почему ты явилась ко мне сейчас, богиня, дочь Зевса? Чтобы посмотреть, как Агамемнон меня унижает?

— Покорись! — говорит Афина.

Если вы еще не встречали богинь, что я могу вам сказать? Только то, что они выше смертных (в буквальном смысле: в Афине футов семь роста, не меньше), а также намного красивей. Предполагаю, тут не обошлось без нанотехнологий и лабораторий по модификации ДНК. В Афине женственная прелесть сочетается с божественной властностью и абсолютной силой, какую я и вообразить не мог до того, как возвратился к жизни под сенью Олимпа.

По-прежнему держа Ахиллеса за волосы, она запрокидывает ему голову, заставляет его отвести взгляд от замершего Агамемнона с приспешниками.

— Я не покорюсь! — кричит Ахиллес. Даже в вязком воздухе, где гаснет любой звук, голос мужеубийцы по-прежнему гулок и грозен. — Эта свинья, возомнившая себя царем, заплатит за свою дерзость жизнью!

— Покорись, — повторяет Афина. — Белорукая Гера послала меня укротить твой гнев. Покорись.

В шалых очах Ахиллеса мелькает замешательство. Среди олимпийских союзников ахейцев Гера, супруга Зевса Кронида, — самая могущественная и к тому же покровительствовала Ахиллесу еще в его необычном детстве.

— Убери руку с меча, Ахиллес, — приказывает Афина. — Хочешь, бранú Агамемнона, крой его на чем свет стоит, но не убивай его. Делай, что мы велим, и я обещаю — а мне известна твоя судьба и будущее любого из смертных, — что наступит день, когда это оскорбление тебе возместят трикраты более великим даром. Попробуй не подчиниться, и ты умрешь. Лучше повинуйся мне и Гере — и обретешь блистательную награду.

Ахиллес сердито кривится, вырывает волосы из божественного кулака, однако прячет меч в ножны. Он и Афина кажутся посетителями в музее восковых фигур под открытым небом.

— Не мне бороться с вами обеими, богиня, — говорит Ахиллес. — Человеку лучше покориться воле бессмертных, пусть даже сердце разрывается от гнева. Но и боги должны бы впредь внимать его молитвам.

Афина неуловимо улыбается, исчезает из виду — квитируется обратно на Олимп, — и время возобновляет ход.

Агамемнон заканчивает речь. С мечом в ножнах Ахиллес выступает на середину круга.

— Жалкий винный бурдюк! — кричит мужеубийца. — У тебя глаза собаки и сердце оленя! Что ты за вождь, коль ни разу не вел нас на битву, не ходил в походы с лучшими из ахейцев! Тебе недостает мужества грабить Илион, поэтому ты ищешь добычу в шатрах своего воинства! Лишь над презренными ты и «владыка»! Я говорю тебе и клянусь великой клятвой…

Сотни людей вокруг дружно ахают — даже если бы Ахиллес просто зарубил Агамемнона, как собаку, они не были бы так потрясены.

— Клянусь, что однажды сыны Ахеи будут призывать Ахиллеса! — кричит мужеубийца, и раскаты его голоса заставляют встрепенуться даже игроков в кости за сотню ярдов от шатров. — Гектор покосит вас, точно пшеницу! И тогда, Атрид, как ни дрожи ты за свою душонку, спасенья не будет! В тот день ты вырвешь сердце из груди и изгложешь в отчаянии, что так обесчестил храбрейшего из ахейцев!

С этими словами Ахиллес поворачивается на прославленной пятке и, хрустя морской галькой, удаляется во тьму между шатрами. Красиво ушел, шут меня дери!

Агамемнон складывает руки на груди и качает головой. Остальные возбужденно перешептываются. Нестор делает шаг вперед, готовясь произнести свою речь под девизом «во-дни-кентавров-мы-держались-вместе». Странно: у Гомера Ахиллес слушает увещания Нестора. Я как ученый отмечаю это отклонение, но мои мысли уже далеко-далеко.

Я вспомнил зверский взгляд Ахиллеса за миг до того, как Афина дернула его за волосы и заставила смириться, и у меня родился замысел. Дерзкий, самоубийственный, без сомнения, обреченный на провал и все же такой прекрасный, что с минуту я почти не мог дышать.

— Что с тобой, Биас? — спрашивает Ор, мой сосед.

Я тупо гляжу на него. Кто это? И кто такой Биас? Ах да, ясно. Мотаю головой и выбираюсь из плотной толпы великих убийц.

Галька хрустит и под моими ногами, хоть и не столь героически, как при уходе Ахиллеса. Шагаю к воде и, оказавшись вдали от любопытных глаз, тут же сбрасываю с себя личину Биаса. Всякий, кто взглянул бы на меня сейчас, увидел бы немолодого Томаса Хокенберри, в очках и так далее, в нелепой одежде ахейского копейщика; шер-

стяная ткань и мех скрывают видоизменяющее снаряжение и противоударные доспехи.

Передо мною темное море. Виноцветное, думаю я, но даже не улыбаюсь.

Меня не впервые захлестывает желание воспользоваться невидимостью и способностью к левитации: пролететь над Илионом, последний раз взглянуть на его пылающие факелы и обреченных жителей, а затем унестись на юго-запад, через виноцветное — Эгейское — море к покуда-еще-не-греческим островам и земле. Я мог бы проведать Клитемнестру, Пенелопу, Телемаха и Ореста… Профессор Томас Хокенберри и мальчиком, и мужчиной лучше ладил с женщинами и детьми, чем с сильным полом.

Правда, эти протогреческие женщины и дети беспощаднее и кровожаднее любого взрослого мужчины, знакомого Хокенберри в прошлой бескровной жизни.

Улечу как-нибудь в другой раз. Вернее, никогда не улечу.

Волны катятся одна за одной, их привычный шум немного успокаивает.

Я это сделаю. Вместе с решением приходит упоительное ощущение полета. Даже нет, не полета, а краткого мига невесомости, когда бросаешься с

высокого обрыва и знаешь, что возврата не будет. Либо утонешь, либо поплывешь. Либо упадешь, либо полетишь.

Я это сделаю.

4. Близ Коннемарского хаоса

Подводная лодка европеанского моравека Манмута была в трех милях от кракена и продолжала отрываться, что, по идее, могло бы отчасти успокоить миниатюрного полуорганического робота, но не успокаивало, поскольку щупальца кракена нередко имеют в длину пять километров.

Тяжеловато придется. Хуже того, нападение отвлекло моравека. Манмут почти закончил новый разбор сто шестнадцатого сонета и спешил отправить результаты Орфу на Ио. Не хватало только, чтобы его подлодку проглотили. Он запеленговал кракена, убедился, что исполинская голодная желеобразная масса все еще его преследует, связался с реактором и увеличил скорость подлодки на три узла.

Кракен, покинувший привычные глубины, старался нагнать добычу в разводьях близ Коннемарского хаоса. Моравек знал, что, пока они оба движутся с такой скоростью, кракен не сможет вытянуть щупальца на всю длину и захватить подлодку. Но если она натолкнется на препятствие, скажем на большой клубок мерцающих

водорослей, так что ему придется замедлить ход и выпутываться из фосфоресцирующих склизких лент, то кракен настигнет его, как…

— А, ладно, черт с ним! — изрек Манмут в гудящую тишину тесной кабины, отказываясь от попыток найти удачное сравнение.

Его сенсоры были подключены к системам подлодки, и сейчас виртуальное зрение показывало ему гигантские клубки мерцающих водорослей прямо по курсу. Светящиеся колонии колыхались вдоль изотермических потоков, подпитываясь красноватыми струйками сульфата магния, которые множеством кровавых корней поднимались к ледяному панцирю.

«Нырнуть», — подумал Манмут, и подлодка ушла на двадцать километров ниже. Кракен метнулся следом. Если бы кракен мог ухмыляться, то ухмылялся бы сейчас: эта глубина наиболее благоприятна для его охоты.

Манмут нехотя убрал из визуального поля сто шестнадцатый сонет и задумался, какие есть варианты. Стыдно быть съеденным кракеном меньше чем в ста километрах от Централа Коннемарского хаоса. Проклятые бюрократы: могли бы очистить местные подледные моря от чудищ, прежде чем вызывать одного из своих мораве-

ков-исследователей на совещание!

Можно убить кракена. Однако тут на тысячи километров ни единой уборочной подлодки, а бросать красавца на съедение паразитам, населяющим колонии мерцающих водорослей, соляным акулам, свободно плавающим трубчатым червям и другим кракенам было бы слишком расточительно.

Манмут на время отключил виртуальное зрение и огляделся, словно ожидая, что стиснутая до размеров кабины окружающая действительность подскажет верное решение. Так и получилось.

На рабочем пульте, рядом с шекспировскими томами в кожаных переплетах и распечаткой Вендлер[8], стояла лава-лампа — шутливый подарок от прежнего напарника-моравека Уртцвайля, полученный двадцать земных лет назад.

Манмут улыбнулся и восстановил виртуальную связь на всех частотах. В такой близости от Централа должны быть диапиры, а кракены их ненавидят…

И точно: в пятнадцати километрах к юго-во-

[8] Примечания: 8

…и распечаткой Вендлер… — Хелен Хеннеси Вендлер (р. 1933) — американский литературный критик, автор книг об Эмили Дикинсон, У. Б. Йейтсе, Уоллесе Стивенсе, Джоне Китсе и Шеймасе Хини, а также труда о шекспировских сонетах.

стоку целое облако диапиров лениво всплывало со дна подобно белым пузырькам в лава-лампе. Манмут взял курс на ближайший и заодно прибавил еще пять узлов для надежности, если можно говорить о надежности в радиусе досягаемости щупалец взрослого кракена.

Диапир — просто шар теплого льда, нагретого геотермальными источниками и горячими гравитационными очагами глубоко внизу; он всплывает на поверхность моря, насыщенного сернокислым магнием, и присоединяется к ледниковому покрову, который некогда покрывал Европу целиком, да и теперь, спустя тысячу четыреста з-лет после прибытия на планету криобот-арбайтеров, занимает более девяноста восьми процентов ее площади. Этот диапир имел в поперечнике около пятнадцати километров и поднимался быстро.

Кракенам не нравятся электролитические свойства диапиров, твари не хотят марать о них даже щупальца, а уж тем более руки-убийцы или пасть.

Подлодка достигла шара, оторвавшись от преследователя на десять километров, замедлила ход, усилила прочность внешнего корпуса, втянула внутрь сенсоры и зонды и вбурилась в

подтаявший лед. С помощью локатора и системы навигации Манмут проверил разводья и «веснушки», до которых оставалось почти восемь тысяч метров[9]. Минут через пять диапир вклинится в толстый ледяной покров, просочится по трещинам, разводьям и «веснушкам» и поднимет стометровый фонтан снежной каши. На какие-то мгновения Коннемарский хаос уподобится Йеллоустонскому парку из Америки Потерянной Эпохи с его красно-серными гейзерами и кипящими ключами. Затем струя рассеется в условиях тяготения Европы (одна седьмая земного), выпадет замедленным мокрым снегом на километры по обе стороны каждой поверхностной «веснушки» и застынет в разреженной искусственной атмосфере (всех ее ста миллибарах), добавив новых абстрактных скульптурных форм и без того покореженным ледяным полям.

Манмут не мог погибнуть в буквальном смысле — он, хоть и был частично органическим, скорее «существовал», чем «жил», — но ему определенно не улыбалось стать снежным фонтаном

---

[9] Примечания: 9

...Манмут проверил разводья и «веснушки», до которых оставалось почти восемь тысяч метров. — Lenticulae («веснушки») на поверхности Европы — сравнительно небольшие темные пятна, встречающиеся в виде скоплений. По одной из гипотез, они образуются, когда диапиры теплого льда протыкают холодный внешний лед.

или частью абстрактной ледяной скульптуры на следующую тысячу з-лет. На минуту он позабыл и кракена, и сто шестнадцатый сонет, углубившись в вычисления: скорость подъема диапира, движение подлодки в снежной каше, быстро приближающийся ледяной покров — затем загрузил свои мысли в машинное отделение и балластные отсеки. Если все пойдет как надо, он выскочит с южной стороны диапира за полкилометра до удара о ледяной щит и устремится вперед, производя аварийное продувание, в то самое время, как приливная волна от фонтана достигнет разводья. Тогда он ускорится до ста километров в час, чтобы опередить действие фонтана, — то есть пролетит на подлодке, как на доске для серфинга, половину расстояния до Централа Коннемарского хаоса. Последние километров двадцать до базы он проделает, когда приливная волна рассеется, но тут ничего не поделаешь. Классное будет прибытие.

Если разводье впереди чем-нибудь не перекрыто. Или из Централа не выйдет другая подлодка. Очень будет неловко несколько секунд до того, как Манмут и «Смуглая леди» разлетятся на куски.

По крайней мере, о кракене можно больше не думать: ближе чем на пять километров к поверх-

ности эти твари не подплывают.

Введя все команды и зная, что сделал все возможное, дабы выжить и прибыть на базу вовремя, Манмут вернулся к разбору сонета.

Подлодка — которую он много лет назад назвал «Смуглой леди» — проделала последние километров двадцать до Централа Коннемарского хаоса по километровой ширины разводью, скользя по черному морю под черным небом. Восходил Юпитер в четвертой четверти, облачные полосы клубились приглушенными тонами, невысоко над ледяным горизонтом по лику гиганта двигалась крохотная Ио. По обе стороны разводья вздымались на сотни километров серые и тускло-красные ледяные скалы.

Манмут в волнении вывел в поле зрения шекспировский сонет.

Сонет 116

Не признаю препятствий я для брака
Двух честных душ. Ведь нет любви в любви,
Что в «переменах» выглядит «инако»

И внемлет зову, только позови[10].
Любовь – над бурей поднятый маяк,
Не меркнущий во мраке и тумане.
Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.
Любовь – не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.
А если я не прав и лжет мой стих,
То нет любви – и нет стихов моих!

За десятилетия он успел возненавидеть это слащавое творение. Чересчур прилизано. Должно быть, люди Потерянной Эпохи обожали цитировать подобную чепуху на свадебных церемониях. Халтура. Совсем не в духе Шекспира.

Но вот однажды ему попались микрокассеты с критическими трудами некой Хелен Вендлер, которая жила и писала в какой-то из этих веков — девятнадцатый, или двадцатый, или двадцать

---

[10] Примечания: 10

Не признаю препятствий я для брака... только позови. — Перев. С. Степанова.

Любовь — над бурей поднятый маяк... б...с *...и нет стихов моих!* — Перев. С. Маршака.

первый (даты плохо сохранились), и получил ключ к расшифровке сонета. Что, если это не приторное утверждение, каким его изображали много веков, а яростное отрицание?

Манмут еще раз перечитал «ключевые слова». Вот они, почти в каждой строчке: «не, не, не, не, не, не, нет, нет». Почти эхо «никогда, никогда, никогда» у короля Лира.

Несомненно, это поэма отрицания. Но отрицания чего?

Манмут знал, что сонет относится к циклу, который посвящен «прекрасному юноше», но знал и другое: что слово «юноша» — лишь фиговый листок, добавленный в более ханжеские годы. Любовные послания предназначались не взрослому мужчине, а «юноше» — мальчику, которому могло быть и тринадцать. Манмут читал литературных критиков второй половины двадцатого века: эти «ученые» считали сонеты буквальными — то есть настоящими гомосексуальными письмами драматурга Шекспира. Однако из более научных работ предшествующих времен и конца Потерянной Эпохи Манмут знал, что такая буквальная, политически мотивированная трактовка наивна.

Он не сомневался: в сонетах Шекспир создает

сложно выстроенную драму. «Юноша» и «смуглая леди» — ее персонажи. Это не порождение сиюминутной страсти, а плод многолетней работы зрелого мастера. Что он исследовал в сонетах? Любовь. Только вот что Шекспир думал о ней на самом деле?

Этого никто и никогда не узнает. Разве Бард с его умом, цинизмом, с его скрытностью выставил бы напоказ свои истинные переживания? Однако в пьесе за пьесой Шекспир показывал, как сильные чувства — в том числе любовь — превращают людей в дураков. Подобно Лиру, Шекспир любил своих Дураков. Ромео был дураком Фортуны, Гамлет — дураком Рока, Макбет — дураком Честолюбия, Фальстаф… ну, Фальстаф не был ничьим дураком… но сделался дураком из любви к принцу Хэлу и умер от разбитого сердца, когда молодой принц его бросил.

Манмут знал, что «поэт», иногда называемый «Уиллом», был не историческим Уиллом Шекспиром, как утверждали ученые двадцатого столетия, а скорее очередным драматическим конструктом, который поэт-драматург создал для исследования разных граней любви. Что, если «поэт», как шекспировский злополучный граф Орсино, был Дураком Любви? Человеком, влюб-

ленным в любовь?

Манмуту нравился такой подход. «Брак честных душ» между поэтом и юношей означал не гомосексуальную связь, а подлинное таинство душевного единения, грань любви, которую чтили задолго до Шекспира. На первый взгляд сонет 116 кажется банальной клятвой в любви и верности, однако на самом деле это опровержение…

И вдруг все части головоломки встали на места. Как многие великие поэты, Шекспир начинал свои стихи ранее или позже их настоящего «начала». Так какие же слова «юноши» одурманенному любовью поэту потребовали столь яростного отпора?

Манмут выдвинул пальцы из первичного манипулятора, взял стилус и принялся выводить на т-дощечке:

> *Дорогой Уилл! Да, мы оба хотели бы, чтобы наш брак честных душ – раз уж мужчины не могу делить таинство телесного брака – был нерушим, как истинное супружество. Но это невозможно. Люди меняются, Уилл. Обстоятельства тоже. Если человек или какое-либо его качество уходят навсегда, гаснет и*

чувство. Когда-то я любил тебя, Уилл, святая правда. Только ты стал иным, ты уже не тот, отсюда и перемена во мне и наших чувствах.

Искренне твой,

Юноша.

Манмут глянул на свое письмо и расхохотался, хотя смех тут же замер, когда стало ясно, как бесповоротно изменился сонет. Вместо приторных клятв в неизменной любви — яростное обличение неверного юноши. Теперь сонет звучал так:

Не признаю (так называемых) «препятствий» я для брака

Двух честных душ. Ведь нет любви в любви,

Что в «переменах» выглядит «инако»

И внемлет зову, только позови,

О нет!..

Манмут с трудом сдерживал волнение. Наконец-то все встало на свои места: и каждое слово в сонете, и весь цикл. «Брак честных душ» исчез, не оставив после себя ничего, кроме гнева, упреков, подозрений, лжи и дальнейшей измены — всего, что воплотится с полной силой в сонете 126. К

тому времени «юноша» и мысли об идеальной любви канут в прошлое ради грубых наслаждений «смуглой леди». Манмут переключил сознание на виртуальность и начал шифровать электронное послание своему верному собеседнику в последние двенадцать лет, Орфу с Ио.

Завыли сирены. Перед виртуальными глазами замигали огни. «Кракен!» — в первую секунду подумал Манмут, однако кракены не выплывают на поверхность и не выходят в открытое разводье.

Сохранив в памяти сонет и собственные заметки, Манмут стер неотправленное электронное послание и раскрыл внешние сенсоры.

«Смуглая леди» была в пяти километрах от Централа хаоса, в зоне дистанционного управления доками для подлодок. Манмут передал управление Централу и принялся разглядывать ледяные обрывы впереди.

Снаружи Коннемарский хаос не отличался от остальной поверхности Европы — гряды торосов, вздымающих ледяные обрывы на двести-триста метров, массы льда, блокирующие лабиринт открытых разводий и «веснушек». Но вскоре стали заметны следы жизни: черные пасти открывающихся доков для подлодок, ползущие вдоль обрывов лифты, навигационные огни, пульсиру-

ющие на поверхности внешних модулей, жилых отсеков и антенн, и — на вершине обрыва, на фоне черного неба — несколько межлунных шаттлов, закрепленных штормовыми растяжками на посадочной площадке.

Космические корабли здесь, у Централа Коннемарского хаоса? Очень странно. Ставя подлодку в док, переводя ее функции в режим ожидания и отключаясь от ее систем, Манмут думал: «Какого черта меня вызвали?»

Закончив с установкой подлодки в док, он прошел через травматическое сведение чувств и возможностей к узким рамкам более или менее гуманоидного тела, покинул корабль, вышел на голубовато мерцающий лед и сел в скоростной лифт к жилым отсекам на вершине.

5. Ардис-Холл

Под увешанным лампочками деревом был накрыт стол на двенадцать гостей: мясо оленя и кабана из здешнего леса, форель из ближайшей речки, говядина от коров, пасущихся между Ардисом и факс-узлом, красные и белые вина из ардисских виноградников, кукуруза, салат, кабачки и зеленый горошек из огорода, черная икра, доставленная откуда-то по факсу.

— Чей день рождения и которая Двадцатка? — поинтересовался Даэман, когда сервиторы подносили гостям еду.

— День рождения у меня, только это не Двадцатка, — ответил привлекательный кудрявый мужчина по имени Харман.

— Прошу прощения? — Даэман улыбнулся, но ничего не понял. Он положил себе немного кабачка и передал миску соседке.

— Харман справляет обычный день рождения, — сказала Ада, сидевшая во главе стола.

Она была безумно хороша в платье желтоватого с черным шелка, и Даэмана возбуждала ее красота.

И все-таки он не понял. День рождения? Их вообще не замечают, и уж тем более не собирают гостей.

— А, так вы на самом деле не празднуете Двадцатку, — сказал он Харману и кивнул пролетающему сервитору, чтобы тот наполнил его опустевший бокал.

— Но я праздную день рождения, — с улыбкой повторил Харман. — Девяносто девятый.

Даэман замер от изумления, потом быстро заозирался. Очевидно, это какой-то провинциальный розыгрыш, причем в дурном вкусе. Про девяносто девятый день рождения не шутят. Он натянуто улыбнулся, ожидая завершения шутки.

— Да нет же, серьезно, — весело ответила Ада.

Остальные гости хранили молчание. В лесу кричали ночные птицы.

— Э-э-э… извините, — выдавил Даэман.

Харман покачал головой:

— У меня такие планы на этот год. Столько нужно успеть.

— В прошлом году Харман прошел пешком сто миль по Атлантической Бреши, — вставила Ханна, подруга Ады, — коротко стриженная брюнетка.

Теперь Даэман не сомневался, что его разыг-

рывают.

— По Атлантической Бреши нельзя пройти.

— Но я прошел. — Харман обкусывал кукурузный початок. — Просто разведка, всего, как сказала Ханна, сто миль туда и сразу обратно, к побережью Северной Америки, однако ничего сложного в этом не было.

Даэман снова улыбнулся, дабы не отстать от шутников.

— Но как вы попали в Атлантическую Брешь, Харман-ур? Рядом нет ни единого факс-узла.

Он понятия не имел, где находится Брешь или что такое Северная Америка, да и положение Атлантического океана представлял довольно смутно, но точно знал, что ни один из трехсот семнадцати факс-узлов не расположен рядом с Брешью. Он неоднократно факсировался через все эти узлы и ни разу не видел легендарной Бреши.

Харман положил кукурузу на стол.

— Я шел пешком, Даэман-ур. От восточного побережья Северной Америки Брешь тянется вдоль сороковой параллели до того, что в Потерянную Эпоху называли Европой. Если не ошибаюсь, там, где Брешь выходит на сушу, последней страной была Испания. Развалины древнего города Фила-

дельфии — вам они, возможно, известны как узел сто двадцать четыре, жилище Ломана-ур — находятся всего в нескольких часах ходьбы от Бреши. Будь я посмелее и захвати тогда побольше еды, то мог бы дойти до Испании.

Даэман кивал, улыбался и решительно не понимал, что этот человек несет. Начал непристойным бахвальством про свой девяносто девятый день рождения, теперь говорит про параллели, города Потерянной Эпохи, ходьбу… Никто не проходит пешком больше нескольких сотен ярдов. Да и зачем? Все нужное и интересное расположено возле факсов, и лишь некоторые чудаки, вроде хозяев Ардис-Холла, обитают чуть поодаль — так ведь и до них всегда легко добраться на одноколке или дрожках. Даэман, конечно же, знал Ломана: третью Двадцатку Оно отмечали как раз в его обширном поместье, — но все остальные слова Хармана были полным бредом. Спятил бедняга на старости лет. Ничего, окончательный факс в лазарет и Восхождение это исправят.

Даэман бросил взгляд на Аду в надежде, что та как хозяйка вмешается и сменит тему, но она лишь улыбалась, будто согласна с речами сумасшедшего. Даэман огляделся: неужели никто его не поддержит? Однако гости слушали Хармана

вежливо, даже с видимым интересом, как будто такие бредовые разговоры — привычная часть их провинциальных ужинов.

— Форель отменная, не правда ли? — обратился он к соседке слева. — У вас тоже?

Сидящая напротив крупная рыжеволосая дама, чей возраст явно перевалил за вторую Двадцатку, подперла выдающийся подбородок маленьким кулачком и спросила:

— Ну и как там, в Атлантической Бреши? Расскажите!

Кудрявый загорелый мужчина принялся отнекиваться, однако все за столом — в том числе молодая блондинка, грубо пропустившая мимо ушей учтивую реплику Даэмана про форель, — просили о том же. Наконец Харман грациозно поднял руку, показывая, что уступает:

— Если вы никогда не видели Брешь, она потрясает, ошеломляет, завораживает еще с берега. Расщелина в восемьдесят ярдов шириной убегает на восток, сужаясь к горизонту, и там, где волны сходятся с небом, кажется просто яркой прожилкой в океане… Когда заходите внутрь, впечатление странное. Песок на дне сухой. Волны туда не захлестывают. Сперва взгляд скользит по краю пролома, вы идете дальше и постепенно

замечаете как бы стеклянную стену, отделяющую вас от волн. Нельзя устоять перед искушением потрогать загадочный барьер — прозрачный, пористый, чуть поддающийся под рукой, прохладный от воды с другой стороны и при этом совершенно непроницаемый. Вы идете глубже — столетиями морское дно здесь увлажнял только дождь, поэтому ил и песок затвердели, морские животные высохли настолько, что кажутся окаменевшими… Ярдов через десять отвесные стены по обе стороны уже вздымаются высоко над головой. За ними движутся тени. Рыбки проплывают у барьера между воздухом и водой, мелькает силуэт акулы, потом глаз ловит бледное мерцание чего-то бесформенного, полупрозрачного, студенистого… Иногда морские создания подплывают к барьеру, тыкаются в него холодными мордами и быстро поворачивают, как будто в испуге. Еще миля-другая, и вы на такой глубине, что небо над вами темнеет. Спустя еще десяток миль стены уже выше тысячи футов, и на узкой полоске неба видны звезды. И это посреди белого дня.

— Не может быть! — воскликнул худой светловолосый мужчина на другом конце стола. — Ты шутишь!

Даэман припомнил его имя: Лоэс.

— Нет. Не шучу. — Харман снова улыбнулся. — Так я и шел четыре дня. По ночам спал. Кончилась еда — повернул обратно.

— А как ты отличал день от ночи? — спросила подруга Ады, молодая спортивная девушка по имени Ханна.

— Днем небо черное и звездное, — сказал Харман, — но океан далеко вверху голубой, затем синий и только на уровне Бреши почти черный.

— Видел что-нибудь экзотическое? — спросила Ада.

— Несколько затонувших кораблей. Настоящая древность. Потерянная Эпоха и даже старше. Хотя один из них выглядел… посвежее прочих. — Харман снова улыбнулся. — Один корабль я обследовал. Огромный ржавый корпус, чуть наклоненный, торчал из северной стены. Я пролез через дыру в обшивке, поднялся по лестницам, прошел на север по наклонным палубам, освещая себе путь фонариком, пока в огромном помещении — кажется, это называется «трюм», — не наткнулся на барьер от пола до потолка, стену воды, кишащей рыбой. Я прижался лицом к холодной невидимой стене. За ней были стаи рыб, рачки, моллюски, змеи, кораллы, покрывающие каждую поверхность и жрущие друг друга,

а с моей стороны — лишь пыль, осыпающаяся ржавчина да белый сухопутный крабик под ногами — тоже, очевидно, забрел с берега.

Из леса подул ветерок, листья старого дерева зашелестели. Лампочки закачались, их свет заплясал на мягких складках шелка и хлопка, на прическах, руках и лицах гостей. Все слушали как завороженные. Даже Даэмана захватила эта нелепая выдумка. Вдоль дороги трепетали и потрескивали на ветру факелы.

— А как насчет войниксов? — спросила соседка Лоэса. Даэман попытался вспомнить и ее имя. Эмма, что ли?.. — Там их больше, чем на суше? Или меньше? Подвижные или стражники?

— Войниксов там нет.

У гостей перехватило дыхание. Даэман ощутил то же потрясение, как когда Харман сказал, что ему девяносто девять. Голова закружилась. Должно быть, вино оказалось крепче, чем он думал.

— Никаких войниксов, — повторила Ада скорее задумчиво, чем изумленно. Затем подняла бокал и провозгласила: — Тост!

Сервиторы подлетели долить вина, все подняли бокалы. Даэман заморгал, прогоняя головокружение, и выдавил светскую улыбку.

Ада не произнесла тоста, однако все — Даэман

чуть позже остальных — выпили вслед за ней.

К концу ужина ветер разгулялся не на шутку, темные тучи скрыли полярное и экваториальное кольца, в воздухе запахло озоном. С черных холмов на западе надвигались завесы дождя, так что все ушли в дом. Гости отправились отдыхать или разбрелись в поисках развлечений. В южной оранжерее сервиторы играли камерную музыку, кого-то привлек остекленный бассейн за домом, на открытой веранде второго этажа стоял стол с закусками. Некоторые парочки уединились в своих комнатах и занялись любовью, другие отыскали тихий уголок и развернули туринские пелены, чтобы отправиться в Трою.

Ада повела Ханну и мужчину по имени Харман в домашнюю библиотеку на третий этаж. Даэман увязался за ними. Чтобы соблазнить Аду до конца уик-энда, надо было находиться с ней каждую минуту. Обольщение — это искусство и целая наука. Сплав умения, дисциплины, постоянной близости и удачи. Причем главное здесь — постоянная близость.

Идя или стоя рядом с Адой, Даэман чувствовал тепло ее кожи через желтоватый с черным шелк. Ее нижняя губа, как и десять лет назад, была умопомрачительно полной, алой, созданной

для укусов… Когда Ада подняла руку, показывая Ханне и Харману высоту книжных шкафов, Даэман наблюдал, как мягко, почти незаметно шевельнулась под шелком ее правая грудь.

Он и прежде бывал в библиотеках, но в такой большой — никогда. Она имела не меньше ста футов в длину и пятидесяти в высоту. По трем стенам тянулись антресоли, а сдвижные стремянки на обоих ярусах позволяли добраться до самых труднодоступных томов. Здесь были ниши, закутки, столы с раскрытыми на них фолиантами и даже книжные шкафы над большим эркером в дальней стене. Даэман знал, что собранные здесь материальные книги обработаны для сохранности специальными антиразлагающими нанохимикатами сотни, может быть, тысячу лет назад — как-никак эти бесполезные артефакты сделаны из кожи, чернил и бумаги, — однако обшитая панелями красного дерева библиотека с ее лужицами искусственного света, древней кожаной мебелью и мрачными книжными шкафами, на его чувствительный нюх, припахивала тлением и ветхостью. Даэман не понимал, чего ради Ада и ее родные сохраняют в Ардис-Холле этот мавзолей и зачем Ханне с Харманом захотелось сюда прийти.

Кудрявый мужчина, утверждавший, что живет последний год и ходил по Атлантической Бреши, замер в изумлении:

— Ада, это великолепно!

Он взобрался на стремянку, проехал на ней вдоль книжных шкафов и коснулся толстого кожаного переплета.

Даэман рассмеялся:

— Вы думаете, что людям вернулась функция чтения, Харман-ур?

Именинник тоже улыбнулся, но так уверенно, что секунду Даэман почти ждал: вот сейчас по его руке побежит поток золотых символов. Само собой, об утраченной функции Даэман знал только понаслышке — бабушка и другие старики рассказывали, как развлекались их прапрапрадеды.

Однако ничего не произошло. Харман убрал руку за спину.

— А ты, Даэман-ур, не хотел бы иметь функцию чтения?

Даэман вновь хохотнул. Ну и вечерок! Тут он поймал на себе насмешливые взгляды обеих девушек. Казалось, им немного за него стыдно.

— Нет, конечно, — выдавил он наконец. — Чего ради? Что это старье может рассказать о сегодняшней жизни?

Харман взобрался выше по лестнице.

— Тебе совсем не любопытно, куда исчезли постлюди и отчего их больше не встречают на Земле?

— Что здесь непонятного? Они ушли в свои небесные города на кольцах. Это каждому известно.

— А почему? — настаивал Харман. — Тысячи лет они присматривали за нами, направляли нашу жизнь и вдруг улетели?

— Ерунда! — ответил Даэман чуть резче, чем намеревался. — ПЛ по-прежнему наблюдают за нами. Сверху.

Харман кивнул с таким видом, словно ему только что открыли глаза, и проехал на стремянке еще несколько ярдов по латунному рельсу. Теперь его голова почти упиралась в антресоли.

— Ну а как насчет войниксов?

— А что с ними?

— Ты не задумывался, отчего они столько веков были недвижны, а сейчас так активны?

Даэман открыл рот, однако не сразу нашелся с ответом. Наконец он выговорил:

— Полная чепуха. Войниксы, спавшие до финального факса, — это миф. Сказки.

Ада шагнула к нему:

— Даэман, тебе никогда не хотелось узнать, откуда они взялись?

— Кто, милая?

— Войниксы.

Даэман расхохотался во все горло:

— Конечно нет, сударыня. Войниксы были всегда. Они вечны, постоянны, неизменны, хоть и перемещаются, на время пропадая из виду. Но не исчезают. Как солнце или звезды.

— Или кольца? — негромко прибавила Ханна.

— Точно, — обрадовался он.

Харман взял с полки тяжелую книгу:

— Даэман-ур, Ада упоминала, что ты выдающийся лепидоптерист.

— Пардон?

— Эксперт по бабочкам.

Даэман почувствовал, что краснеет. Приятно, когда тебя оценивают по заслугам. Даже чужаки. Даже полоумные.

— Не такой уж эксперт, Харман-ур. Просто коллекционер, набравшийся кое-каких знаний от своего дяди.

Харман спустился с лестницы и положил тяжелую книгу на стол:

— Тогда, я думаю, тебя заинтересует вот это.

Он принялся перелистывать желтые страни-

цы, на которых пестрели изображения бабочек. Даэман задохнулся. Десятка два названий он выучил со слов дяди, еще несколько разузнал от собратьев по увлечению. А тут… Он протянул руку и бережно тронул изображение западного светлого парусника.

— Западный светлый парусник, — сказал Харман и добавил: — *Pterourus rutulus*.

Даже не разобрав последних слов, Даэман восхищенно уставился на него:

— Ты тоже их коллекционируешь!..

— Ничего подобного. — Харман коснулся изображения знакомой черной с золотом бабочки. — Монарх.

— Да, — смущенно ответил Даэман.

— Красный адмирал, афродита фритиллария, фициод орсеис, голубянка икар, репейница, аполлон Феб, — говорил Харман, касаясь изображений.

Трех из названных бабочек Даэман знал.

— Вижу, ты настоящий специалист!

Харман мотнул головой:

— Я до сих пор даже не догадывался, что для бабочек разного вида есть отдельные названия.

Даэман уставился на его короткопалую руку:

— У тебя есть функция чтения.

Харман вновь покачал головой:

— Ни у кого ее больше нет. Как нет и других наладонных функций: навигации, доступа к данным и самофаксирования с узлов.

— Тогда… — начал Даэман и умолк в полной растерянности.

Они над ним издеваются? Он приехал на уик-энд с добрыми намерениями — ладно, с намерением соблазнить Аду, но по-доброму, — а тут такая… злая игра?

Словно почувствовав закипающий гнев гостя, Ада положила тонкие пальцы на его рукав.

— У Хармана нет функции чтения, Даэман-ур, — мягко сказала она. — Он недавно научился читать.

Даэман опешил. Эта был такой же нонсенс, как отмечать последний год или молоть чепуху об Атлантической Бреши.

— Чтение — всего лишь навык, — тихо сказал Харман. — Вроде того, как ты сумел запомнить названия бабочек или твои прославленные методы… дамского угодника.

Даэман заморгал. О другом моем хобби так хорошо знают?

Первой заговорила Ханна:

— Харман обещал научить нас своему трюку… с

книгами. Это может когда-нибудь пригодиться. Я вот хочу больше узнать о литье, пока не спалила себя заживо.

«Рытье? От слова рыть?» Даэман дружил с одним рыбаком, который умел нарыть червей, но от этого никто не сгорал заживо. И при чем тут чтение…

Он облизнул пересохшие губы:

— Не люблю я такие игры. Что вам вообще от меня нужно?

— Мы ищем космический корабль, — сказала Ада. — И у нас есть основания думать, что ты можешь нам помочь.

6. Олимп

Смена подходит к концу. Я квант-телепортируюсь обратно в комплекс схолии на Олимпе, записываю свои наблюдения и анализ происшедшего, загоняю мысли в запоминающий кристалл, который и отношу в маленький белый зал Музы, выходящий окнами на Кальдерное озеро. К моему удивлению, Муза на месте, беседует с моим коллегой.

Его зовут Найтенгельзер. Добродушный такой дядька, огромный, как медведь. Жил, преподавал и скончался на Среднем Западе Америки где-то в начале двадцатого столетия, как я узнал за те четыре года, что он здесь обитает. При моем появлении Муза обрывает разговор и отсылает Найтенгельзера прочь. Тот выходит через бронзовую дверь к эскалатору, который змеей вьется с Олимпа к нашим казармам и красному миру внизу.

Муза жестом подзывает меня. Ставлю кристалл на мраморный стол перед ней и отступаю, думая, что сейчас она, как обычно, молча меня отпустит. Однако Муза в моем присутствии берет

камень, сжимает в ладони и даже прикрывает веки, чтобы сосредоточиться. Я стою напротив и жду. Нервничаю, конечно. Сердце колотится, а руки, сомкнутые за спиной, — видели когда-нибудь профессора, который пытается изобразить солдата в позе «вольно»? — покрываются липким потом. Боги не умеют читать мысли — к такому заключению я пришел несколько лет назад. Их сверхъестественное понимание того, что творится в мозгу смертных, равно ученых и героев, основано скорее на отточенном умении подмечать игру лицевых мускулов, малейшие движения глаз и тому подобное. Но я могу ошибаться. Вдруг они все телепаты? Если так и если одному из олимпийцев взбрело на ум заглянуть в мой рассудок в миг озарения на берегу, сразу после бурной сцены между Ахиллесом и Агамемноном… Тогда я покойник. Опять.

Мне доводилось видеть схолиастов, не угодивших Музе, а уж тем более богам высокого ранга. На пятом году осады с нами работал один ученый из двадцать шестого века, круглолицый и дерзкий азиат с необычным именем Брастер Лин. И хотя он был самым толковым из нас, дерзость его сгубила. Буквально. Парис и Менелай затеяли поединок типа «победитель получает все». Исход

единоборства должен был решить судьбу Илиона. Под ободрительные возгласы двух армий на поле сошлись троянский любовник Елены и ее ахейский супруг. Парис был прекрасен в своих золотых доспехах, глаза Менелая горели жаждой боя, который так и не случился. Едва Афродита поняла, что сейчас ее обожаемого Париса изрубят на корм червям, она спикировала вниз и унесла его с поля сражения назад к Елене. Как все изнеженные либералы любых времен, он преуспел больше в постельных подвигах, чем в воинских. После очередной шуточки Брастера Лина при описании эпизода с Парисом и Менелаем Муза щелкнула пальцами, и миллиарды (или триллионы) послушных наноцитов в теле несчастного схолиаста рванули наружу, будто стая нанолеммингов-самоубийц. Все еще улыбающегося Брастера Лина разорвало на тысячу кровавых клочков, а его голова (по-прежнему с улыбкой на лице) покатилась к нашим ногам.

Это был серьезный урок, и мы его усвоили. Никаких комментариев от себя, никаких шуточек над играми богов. Плата за иронию — смерть.

Муза наконец открывает глаза и смотрит на меня.

— Хокенберри, — произносит она тоном сотруд-

ника отдела кадров из моей эпохи, намеревающегося уволить служащего средней руки, — как давно ты с нами?

Я понимаю, что вопрос риторический, но пообщайтесь с божеством, пусть даже такого мелкого пошиба, и вы начнете отвечать даже на риторические вопросы.

— Девять лет, два месяца и восемнадцать дней, богиня.

Она кивает. Я самый старый из выживших схолиастов. Продержался дольше всех. Музе это известно. Тогда к чему такое официальное признание моей долговечности? Может, это лирический пролог перед тем, как взбесятся наноциты?

Я всегда учил студентов, что муз, дочерей Мнемозины, было девять: Клио, Евтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания и Каллиопа. Каждая, по крайней мере согласно поздней греческой традиции, управляла каким-нибудь способом художественного выражения: игрой на флейте, к примеру, танцем, искусством рассказчика, героической декламацией… Однако за девять лет, два месяца и восемнадцать дней службы соглядатаем на Илионской равнине лично я видел только одну музу — высокую богиню,

которая сидит сейчас передо мной за мраморным столом. И тем не менее, несмотря на ее скрипучий голос, я про себя всегда называл ее Каллиопой, хотя это имя изначально означало «сладкоголосая». Не сказать, что голос у нее приятный; на мой слух, он больше напоминает клаксон, чем каллиопу как музыкальный инструмент, зато на подчиненных действует безотказно. Муза скажет: «лягушка» — и мы прыгаем.

— За мной, — говорит она, стремительно встает и выходит из беломраморной залы через особую боковую дверь.

Я подскакиваю от неожиданности и бегу следом.

Рост у Музы божественный, более семи футов, а формы по человеческим меркам совершенные (хоть и не такие роскошные, как у той же Афродиты). Напоминают фигуру женщины-легкоатлетки из двадцатого столетия. Даже при слабом тяготении Олимпа я с трудом поспеваю за ней, когда она шагает по коротко стриженным газонам между белоснежных строений.

Она останавливается у стоянки колесниц. Я говорю «колесница», и это действительно внешне напоминает колесницу. Низкое транспортное средство в форме подковы с нишей в боку, через

которую Муза заходит внутрь. Только у этой колесницы нет ни возничего, ни поводьев, ни коней. Муза берется за перила и зовет меня за собой.

Медленно, с бешено колотящимся сердцем я шагаю следом и тут же отодвигаюсь в сторону. Муза длинными пальцами касается золотого клина — это что-то вроде панели управления. Мигают огоньки. Раздается гудение, громкие щелчки, колесницу опоясывает силовая решетка, и мы, быстро вращаясь, поднимаемся над травой. Внезапно впереди появляется пара голографических «коней», которые галопом несут колесницу по небу. Я знаю, голографические кони нужны для успокоения греков и троянцев, но чувство, что это реальные лошади несут по небу реальную колесницу, очень сильно. Я вцепляюсь в металлические перила и собираюсь с духом, но ускорение не чувствуется, даже когда транспортный диск дергается, проносится в сотне футов над скромным храмом Музы и, набирая скорость, устремляется к глубокой впадине Кальдерного озера.

«Колесница богов!» — думаю я и тут же списываю эту недостойную мысль на утомление и прилив адреналина.

Разумеется, я тысячи раз видел пролетающие возле Олимпа или над Илионской равниной колесницы, в которых боги снуют по своим божественным делам, однако смотреть снизу — это совсем, совсем не то. С земли кони кажутся настоящими, а колесница — куда менее весомой, чем когда летишь в тысяче футов над вершиной горы — точнее, вулкана, который и сам вздымается над пустыней на восемьдесят пять тысяч футов…

По идее, макушка Олимпа должна находиться в безвоздушном пространстве и сиять вечными льдами. Но я спокойно дышу здесь, как и в казармах схолиастов семнадцатью милями ниже, у подножия вулканических скал, а вместо льда тут мягкая трава, деревья и громадные белые здания, рядом с которыми Акрополь показался бы сараюшкой.

Восьмерка озера имеет шестьдесят миль в поперечнике, и мы проносимся над ней на почти сверхзвуковой скорости. Силовое поле, а может, божественная магия заглушает вой ветра и не дает ему оторвать наши головы. По берегу кальдеры расположились сотни домов, окруженные акрами вылизанных лужаек и садов, жилища богов, надо полагать, а синие воды рассекают огромные самоходные триеры. Брастер Лин сказал как-то,

что, по его прикидкам, Олимп имеет размеры Аризоны, а площадь вершины приблизительно совпадает с общей поверхностью Род-Айленда. Странно слышать, как что-то сравнивают с явлениями из иного мира, иного времени, иной жизни.

Держась за перила обеими руками, я заглядываю за вершину, и у меня захватывает дух.

Мы так высоко, что я вижу изгиб горизонта. На северо-западе лежит синий океан, на северо-востоке — побережье, и я вроде бы различаю вдали колоссальные каменные головы, обозначающие границу моря и суши. К северу тянется серпом безымянный архипелаг, еле видимый с берега в нескольких милях от наших казарм, а дальше — сплошная лазурь до самого полюса. На юго-востоке вырисовываются еще три горы, явно пониже Олимпа, но без климатического контроля и оттого в шапках белого снега. Я предполагаю, что одна из них — Геликон и там обитает Муза со своими сестрами, если они у нее есть. К югу и юго-западу на сотни миль лежат возделанные поля, затем дикие леса, за ними красная пустыня, потом… наверное, снова лес, хоть я и не уверен: даль теряется в туманной дымке, сколько ни моргай и ни три глаза.

Колесница выписывает крутой вираж и снижается над западным берегом Кальдерного озера. Белые точки, которые я заметил с высоты, оказываются мраморными домами; их украшают парадные лестницы, грандиозные фронтоны, изваяния и колонны. Я уверен, что никто из схолиастов не бывал этой в части Олимпа… А если и бывал, то не дожил до того, чтобы поделиться впечатлениями.

Мы опускаемся у самого большого из огромных зданий, голографические лошади исчезают. На траве в беспорядке стоят сотни небесных колесниц.

Муза достает из складок одеяния нечто вроде медальона.

— Хокенберри, мне поручили доставить тебя туда, где ты находиться не можешь. Мне также велели вручить тебе два предмета, чтобы тебя не обнаружили и не прихлопнули, как муху. Надень.

Она протягивает мне какой-то капюшон из тисненой кожи и медальон на цепочке — маленький, но увесистый, точно из золота. Муза наклоняется и поворачивает часть диска против часовой стрелки.

— Это персональный квант-телепортатор, как

у богов, — негромко говорит она. — Он переносит в любое место, которое ты сможешь отчетливо представить. Этот квит-диск также позволяет двигаться по квантовому следу богов при их фазовом перемещении в пространстве Планка. Однако ни один бог или богиня, за исключением той, что дала мне этот медальон, не сможет отследить твою траекторию. Понятно?

— Да, — лепечу я в ответ.

Ну, все. Пришла моя погибель.

Следующий «дар» еще ужаснее.

— Это Шлем Смерти. — Муза через голову надевает мне узорчатый кожаный капюшон, но оставляет его собранный складками на шее. — Шлем Аида. Он изготовлен самим Аидом и единственный во вселенной скроет тебя от глаз богов.

Я оторопело моргаю. Из каких-то примечаний я смутно помню про «Шлем Смерти» и знаю, что «Аид» (*Аидес* по-гречески) предположительно означает «невидимый». Однако, если я не ошибаюсь, Аидов Шлем Смерти упомянут у Гомера лишь один раз — Афина надевает его, чтобы стать невидимой для бога войны Ареса. Чего ради кому-то из богинь давать его мне? Чего они от меня хотят? От одной этой мысли у меня подгибаются колени.

— Надень Шлем, — приказывает Муза.

Я неуклюже натягиваю на голову толстую дубленую кожу со вшитыми в нее цепочками микросхем и наноаппаратурой. В шлем встроены гибкие прозрачные окуляры и сетка на уровне рта. Воздух вокруг начинает странно колыхаться, но других изменений я не замечаю.

— Невероятно, — говорит Муза. И глядит сквозь меня.

Судя по всему, я осуществил мечту любого подростка — стал невидимкой. Хотя, как шлем скрывает все мое тело, я понятия не имею. Хочется рвануть отсюда и скрыться от Музы и всех прочих богов. Однако я подавляю этот порыв. Тут есть какой-то подвох. Ни бог, ни богиня, ни даже моя Муза не стали бы наделять простого схолиаста такой возможностью, не приняв определенных предосторожностей.

— Устройство защищает от любого взгляда, кроме взгляда той, что поручила мне дать тебе Шлем, — тихо говорит Муза, уставившись куда-то вправо от моей головы. — Однако эта богиня разыщет тебя где угодно, Хокенберри. И хотя медальон заглушает звуки, запахи и даже биение сердца, чувства богов превосходят твое понимание. В ближайшие минуты держись рядом со

мной. Ступай как можно легче, дыши как можно слабее и молчи. Если тебя обнаружат, ни я, ни твоя божественная покровительница не спасем тебя от ярости Зевса.

Как дышать неслышно, если ты напуган? Однако я киваю, забыв, что Муза меня не видит. Она ждет, как будто силясь различить меня своим божественным зрением.

— Да, богиня, — сипло отзываюсь я.

— Возьми меня за руку, — приказывает она. — Держись рядом и не отрывайся от меня. Ослушаешься — будешь уничтожен.

Я беру ее за локоть, словно робкая девушка на первом балу. Кожа у Музы холодная.

Однажды я посетил сборочный комплекс в космическом центре имени Джона Кеннеди на мысе Канаверал. Экскурсовод упомянул, что временами под крышей здания, в сотне футов над бетонным полом, собираются настоящие тучи. Возьмите этот комплекс, поставьте в углу помещения, где я очутился, — и он затеряется здесь, как брошенный детский кубик в соборе.

При слове «бог» вы представляете себе самых популярных — Зевса, Геру, Аполлона и парутройку других, но тут их сотни, а бóльшая часть помещения свободна. В милях над нами распро-

стерся золотой купол (греки не умели строить купола, так что это не похоже на консервативную архитектуру других великих зданий, которые я видел на Олимпе), и звуки разговора гулко разносятся в каждом уголке ошеломляющего пространства.

Полы, судя по виду, из кованого золота. Боги глядят вниз с округлых лож, опираясь на мраморные перила. Стены испещрены сотнями и сотнями сводчатых ниш, в каждой стоит беломраморное изваяние. Это статуи присутствующих богов.

То тут, то там мерцают голографические изображения ахейцев и троянцев — в основном полноцветные, трехмерные, в полный рост; люди спорят, едят, занимаются любовью или спят. Ближе к середине сияющий пол опускается и образует впадину, в которой уместились бы все олимпийские бассейны мира, вместе взятые. Здесь плавают, вспыхивая, другие картины Илиона в реальном времени: виды с высоты птичьего полета, крупные планы, панорамная съемка, полиэкран. Все диалоги слышны, будто греки и троянцы находятся в этом помещении. Вокруг видеопрудa восседают на каменных тронах, лежат на мягких ложах, стоят в своих мультяшных тогах боги. Важные боги. Главные, известные

каждому младшему школьнику.

Те, что попроще, сторонятся, пропуская Музу в центр, я почти бегу рядом, моя невидимая рука дрожит на ее локте; я стараюсь не шаркнуть сандалией, не споткнуться, не чихнуть, не дышать. Боги меня вроде не замечают. Есть подозрение, что, если меня заметят, я очень быстро об этом узнаю.

Муза останавливается в нескольких ярдах от Афины Паллады. Я чувствую себя трехлетним малышом, цепляющимся за мамину юбку.

Одна из младших богинь, Геба, снует в толпе, наполняя золотые кубки каким-то золотым нектаром; несмотря на это, боги ожесточенно спорят. С первого взгляда ясно, кто здесь владыка, кто гонит по небу черные тучи. Огромный, бородатый, умащенный благовониями Зевс, бог богов, восседающий на высоком троне. Зевс не мультяшный, а страшная реальность. Его властное присутствие настолько осязаемо, что кровь в моих жилах застывает сгустками холодной слизи.

— Как нам управлять ходом войны? — вопрошает Громовержец, а сам так и мечет негодующие взгляды в сторону своей супруги, Геры. — Или судьбой Елены? Если богини вроде Геры Аргивской или Афины, заступницы воинов, постоянно

вмешиваются — например, удерживают руку Ахиллеса от пролития крови Атрида?

Он устремляет грозовой взор на богиню, возлежащую на пурпурных подушках:

— Или ты, Афродита, с твоим вечным смехом, постоянно защищаешь этого красавчика Париса, отклоняешь от него метко брошенные копья и отгоняешь злых духов! Как явить волю богов и, что важнее, волю Зевса, если вы, богини, все время спасаете своих любимчиков вопреки Судьбе! Несмотря на твои махинации, Гера, Менелай еще, возможно, увезет Елену домой… Либо, кто знает, Илион еще победит. И не вам, горстке богинь, это решать.

Гера складывает руки на груди. В поэме ее столько раз величают «белорукой», что я почти поверил, будто они у нее самые белые на Олимпе, но хотя кожа у Геры и вправду почти молочная, она не светлее, чем у Афродиты, или дочери Зевса Гебы, или у любой богини из тех, кого я вижу с моего места рядом с видеопрудом… за исключением Афины, которая выглядит странно загорелой. Я знаю, что такие описания характерны для гомеровского типа эпической поэзии. Ахиллес, например, часто зовется «быстроногим», Аполлон — «дальноразящим», а имени Агамемнона

предшествуют определения «пространнодержавный» и «повелитель мужей»; ахейцы в «Илиаде» почти всегда «пышнопоножные», корабли у них «черные» или «быстролетные», и так далее.

Повторяемые эпитеты лучше простых описаний отвечали строгим требованиям дактилического гекзаметра и позволяли певцу укладывать предложения в стандартный ритм. Я всегда подозревал, что многие ритуальные обороты, такие как «встала из мрака с перстами пурпурными Эос», — это словесные затычки, позволявшие певцу выиграть несколько секунд, чтобы вспомнить — или сочинить — следующие строки действия.

И тем не менее, когда Гера начинает отвечать мужу, я смотрю на ее руки.

— О жестокосердый сын Крона! — говорит она, сложив белые руки. — Что ты такое говоришь? Как смеешь ты называть мои труды бесполезными? Я проливала пот, бессмертный пот, собирая ахейские воинства, задабривая мужское эго каждого из героев, чтобы они не перебили друг друга раньше, чем убьют троянцев… Это же сколько сил — моих сил, о Зевс! — потрачено, чтобы навлечь великие несчастья на царя Приама, на Приамовых сынов и на Приамов град!

Громовержец хмурит брови, чуть подается вперед со своего неудобного на вид трона, сжимает и разжимает огромные белые кулаки.

Гера в отчаянии всплескивает ладонями:

— Поступай как знаешь — ты всегда так делаешь, — только не жди от нас, бессмертных, похвалы.

Зевс встает. Если рост других богов — восемь или девять футов, то в Зевсе все двенадцать. Его лоб грозно нахмурен, а голос гремит раскатами грома (и это не поэтическая метафора):

— Гера, моя любимая Гера! Что сделали тебе Приам и его сыновья? Отчего ты так яростно стремишься уничтожить Приамов град Илион?

Гера стоит молча, опустив руки, чем лишь подхлестывает царственный гнев Зевса.

— Это даже не злость, богиня, это ненасытность! — рычит он. — Ты не успокоишься, пока не высадишь ворота Трои, не разрушишь ее стены и не сожрешь сырьем Приама и всех Приамидов!

Лицо Геры вполне подкрепляет это обвинение.

— Ну… ну… — гремит Зевс, почти захлебываясь, как многие мужья на протяжении тысячелетий. — Делай что хочешь. Но запомни, Гера, когда я захочу погубить город, который мил тебе не меньше, чем мне прекрасный Илион, даже и не

думай противиться моему гневу.

Богиня делает три стремительных шага вперед; в этот миг она похожа на атакующего хищника или на гроссмейстера, который увидел просчет в обороне противника.

— Да! В мире есть три города, которыми я дорожу: великий Аргос, Спарта, Микены, чьи улицы столь же широки и державны, как в твоей злополучной Трое. Можешь истреблять их в свое удовольствие, если того требует твоя страсть к разрушению. Я не скажу ни слова… Да и что толку? Сила на твоей стороне, господин мой. Однако не забывай, о Зевс: я тоже дочь Крона и потому заслуживаю твоего уважения!

— Я и не спорю, — бормочет Зевс, опускаясь на место.

— Так давай уступим друг другу, — отзывается Гера медоточивым голоском. — Я — тебе, а ты — мне. Прочие боги покорятся. Поспеши, муж мой! Ахиллес пока отказывается сражаться, а на поле брани затишье из-за глупого перемирия. Постарайся, чтобы троянцы первыми нарушили клятву и нанесли урон достославным ахейцам.

Зевс хмурится, ворчит, ерзает на троне, но приказывает чутко внимающей Афине:

— Спустись на затихшее поле брани между

Троей и лагерем ахейцев. Позаботься, чтобы троянцы первыми нарушили клятву и нанесли урон достославным ахейцам.

— И в пылу победы бросились на аргивян, — подсказывает Гера.

— И в пылу победы бросились на аргивян, — устало повторяет Зевс.

Афина исчезает в квантовой вспышке. Зевс с Герой уходят, другие боги тоже начинают расходиться, негромко переговариваясь между собой.

Муза еле заметным движением пальца манит меня за собой и уводит прочь.

— Хокенберри, — произносит богиня любви, возлежащая на устланном подушками ложе.

Гравитация, пусть и ослабленная, подчеркивает прелесть ее роскошного, молочного, шелковистого тела.

Муза привела меня в полутемный чертог, освещенный лишь догорающей жаровней и чем-то, подозрительно смахивающим на экран компьютера. Она шепнула мне снять Шлем Смерти, и я с облегчением стянул кожаный капюшон, как ни страшно было вновь сделаться видимым.

Тут вошла Афродита и возлегла на ложе.

— Ступай, Мелета, я тебя позову, — кивнула она, и Муза скрылась за потайной дверью.

Вот оно что! *Мелета*. Не одна из девяти, а одна из трех сестер, в которых верили прежде. Мелета отвечала за «упражнение», Мнема — за «запоминание», Аоиде же досталось…

— Я видела тебя в чертоге богов, Хокенберри. — Голос Афродиты мгновенно пробуждает меня от ученой задумчивости. — И если бы я указала на тебя владыке Зевсу, от тебя не осталось бы и горстки пепла. Даже квит-медальон не дал бы тебе скрыться, ибо я могу следовать по траектории твоих фазовых перемещений в пространстве-времени. Знаешь, почему ты здесь?

Моя покровительница — Афродита. Она велела Музе вручить мне эти устройства. Что я должен сделать? Преклонить колени? Пасть ниц? Как к ней обращаться? За девять лет, два месяца и восемнадцать дней ни одно божество, кроме Музы, не давало понять, что знает о моем существовании.

Я ограничиваюсь учтивым поклоном, стараясь не пялиться на ее красоту, на розовые соски, просвечивающие сквозь тонкий шелк, и мягкий изгиб живота, бросающий тень на темный треугольник ткани там, где сходятся бедра.

— Нет, богиня, — выдавливаю я в конце концов, хотя уже не помню, что она спросила.

— Известно ли тебе, зачем тебя выбрали схолиастом, Хокенберри? Почему твою ДНК исключили из разрушения наноцитами? Почему, еще до того, как тебя избрали для реинтеграции, твои тексты о войне заложили в симплекс?

— Нет, богиня.

Мою ДНК исключили из разрушения наноцитами?

— Ты знаешь, что такое симплекс, смертная тень?

«Вирус герпеса?» — думаю я.

— Нет, богиня.

— Симплекс есть простой геометрический математический объект, упражнение в логистике, треугольник или трапеция, загнутые внутрь себя, — говорит Афродита. — Лишь в сочетании с множественными измерениями и алгоритмами, определяющими новые умозрительные области, через создание и отбрасывание допустимых подмножеств n-пространства, плоскости исключения становятся неизбежными контурами. Теперь понимаешь, Хокенберри? Понимаешь, как это применимо к квантовому пространству, времени, к войне там, внизу, или к твоей собственной участи?

— Нет, богиня. — Мой голос дрожит, и я ничего

не могу с этим поделать.

Тихо шелестит ткань; я на миг поднимаю взгляд и замечаю изящное движение гладких бедер и нежных рук; самая обворожительная женщина в мире меняет позу, устраиваясь поудобнее.

— Не важно. Несколько тысяч лет назад ты, а вернее, твой смертный прототип написал книгу. Помнишь о чем?

— Нет, богиня.

— Повторишь еще раз, Хокенберри, и я разорву тебя от промежности до макушки и буквально пущу твои кишки себе на подвязки. Это тебе понятно?

Трудно говорить, когда во рту пересохло.

— Да, богиня, — выдавливаю я, слыша, как сипит мой голос.

— Твой труд занял девятьсот тридцать пять страниц, посвященных одному-единственному слову — *менин*. Сейчас-то вспомнил?

— Нет, бо… боюсь, что я все забыл, госпожа Афродита, но уверен, вы абсолютно правы.

Я снова украдкой гляжу на нее и успеваю заметить: богиня улыбается. Она подперла подбородок левой рукой, палец, прижатый к щеке, касается безупречно изогнутой темной брови. Какие у нее глаза! Цвета лучшего коньяка.

— Гнев, — тихо говорит она. — *Менин аэде теа…*[11] Ты знаешь, кто выиграет войну, Хокенберри?

Думать надо быстро. Я был бы плохим ученым, если бы не знал исхода поэмы. Хотя «Илиада» заканчивается погребением Ахиллесова друга Патрокла[12], а не падением Трои, а упоминание гигантского коня есть лишь в словах Одиссея, да и то в другой поэме… Но если я заявлю, будто знаю, чем кончится эта настоящая война, а из спора, который я только что подслушал, ясно, что запрет Зевса разглашать богам будущее, предсказанное в «Илиаде», по-прежнему в силе… то есть если сами боги не знают, что будет дальше, не поставлю ли я себя выше богов, в том числе Судьбы? Боги никогда не одобряли гордыню. И к тому же Зевс, который один знает всю «Илиаду», запретил другим богам задавать вопросы, а нам, схолиастам, говорить о любых событиях, кроме уже случившихся. Злить Зевса — определенно не лучший способ выжить на Олимпе. И все же меня

---

[11] Примечания: 11

Менин аэде теа. — Гнев воспой, богиня *(греч.)*.

[12] Примечания: 12

Хотя «Илиада» заканчивается погребением Ахиллесова друга Патрокла… — Трудно сказать, что это: авторская описка, проверка читательского внимания или отличие мира «Илиона» от нашего, в котором «Илиада» заканчивается погребением Гектора.

вроде бы исключили из разрушения наноцитами. С другой стороны, я целиком и полностью поверил богине любви, когда та сказала про подвязки из моих кишок.

— Что вы спросили, богиня? — только и могу выговорить я.

— Ты знаешь содержание «Илиады», однако я нарушу веление Зевса, если спрошу, что тут произойдет. — Афродита больше не улыбается, она даже слегка надувает губки. — Но я могу спросить, предсказывает ли поэма нашу реальность. По-твоему, схолиаст Хокенберри, кто правит миром — Зевс или Судьба?

Вот ведь черт! Как ни ответь, быть мне без кишок, а красавице-богине — в склизких подвязках. Я говорю:

— Насколько я понимаю, богиня, хотя вселенная послушна воле Зевса и должна подчиняться причудам божественной силы, которую именуют Судьбой, хаос тоже в какой-то мере влияет на жизнь людей и богов.

Афродита испускает тихий смешок. Она вся такая мягкая, чувственная, соблазнительная…

— Мы не будем ждать, когда хаос решит исход состязания, — произносит она уже без смеха. — Ты видел, как Ахиллес удалился нынче с общего

совета?

— Да, богиня.

— Тебе известно, что мужеубийца умолял Фетиду отомстить своим товарищам-ахейцам за обиду, нанесенную ему Агамемноном?

— Сам их разговора не видел, богиня, однако этот факт не противоречит… содержанию поэмы.

Кажется, выкрутился. Событие-то в прошлом. К тому же Фетида — мать Ахиллеса, и весь Олимп в курсе, что он попросил ее вмешаться.

— О да, — молвит Афродита, — эта коварная мерзавка с мокрыми грудями побывала здесь, обнимала колени Зевса, а наш бородатый хрыч только что вернулся с пирушки у эфиопов на водах Океана. Она умоляла его, ради Ахиллеса, даровать троянцам множество побед. Старый козел согласился, чем, само собой, разозлил Геру, верховную защитницу аргивян. Отсюда и сцена, которую ты видел.

Я стою перед ней, руки вытянуты по швам ладонями вперед, голова чуть склонена, и неотрывно слежу за богиней, точно за коброй, прекрасно зная, что если она решит меня атаковать, то атакует стремительней и смертоносней любой кобры.

— А знаешь, почему ты продержался дольше других схолиастов? — резко спрашивает Афродита.

Любое слово станет моим приговором. Молча, почти неприметно я мотаю головой.

— Ты жив, ибо я предвидела, что ты можешь сослужить мне службу.

Пот течет по лбу и щиплет глаза. Соленые ручьи бегут по щекам и шее. Девять лет, два месяца и восемнадцать дней моя обязанность заключалась в одном — наблюдать и не вмешиваться. Ни в коем случае. Никоим образом не влиять на поведение героев, а тем паче на ход войны.

— Слышал, что я сказала, Хокенберри?

— Да, богиня.

— Ты хочешь узнать, что это за служба, схолиаст?

— Да, богиня.

Афродита встает с ложа. Я склоняю голову, но все равно слышу тихий шелест шелкового одеяния, слышу даже, как ее белые гладкие бедра трутся друг о друга, когда она приближается ко мне. Чувствую аромат благовоний и запах чистого женского тела. На миг я забыл, насколько высока богиня, но вспоминаю об этом, когда она нависает надо мной. Ее груди в дюймах от моего

склоненного лба. Меня одолевает нестерпимое желание зарыться в благоуханную ложбину между этими грудями, и хотя я знаю, что карой будет немедленная смерть, в тот миг мне кажется, что оно бы того стоило…

Афродита кладет руку на мое напрягшееся плечо, гладит грубую тисненую кожу Аидова Шлема, проводит пальцами по моей щеке. Несмотря на ужас, я чувствую, как у меня встает.

Шепот богини щекочет ухо — ласковый, зазывный, чуть игривый. Она точно знает, что со мной, воспринимает это как должную дань. Она наклоняется совсем близко ко мне; я чувствую кожей тепло ее щеки, когда она шепчет мне два простых повеления.

— Отныне ты станешь следить для меня за другими богами, — спокойно произносит Афродита. И тихо, так тихо, что биение моего сердца почти заглушает ее слова, добавляет: — А когда придет время, ты убьешь Афину.

7. Централ Коннемарского хаоса

Пять моравеков с галилеевых спутников, включая Манмута, собрались в общем отсеке с искусственной атмосферой. Европеанина Астига/Че — первичного интегратора из кратера Пуйл — он немного знал, но трое других были для провинциала Манмута непривычнее кракенов. Ганимедский моравек был высок, изящен, как все ганимедяне, атавистично гуманоиден, одет в бакикарбон и смотрел мушиными глазами. Каллистянин был ближе к Манмуту размером и конструкцией — примерно метр в длину и весом всего килограммов тридцать-сорок, гуманоидный лишь в самых общих чертах; под его прозрачным полимидным покрытием виднелась синтетическая кожа и местами даже настоящая плоть. Конструкт с Ио был… внушительным. Тяжелый моравек древнего образца, созданный, чтобы выдерживать плазменный тор и серные гейзеры, имел не меньше трех метров в высоту и шести в длину, а формой походил на земного мечехвоста; его прочная броня топорщилась мириадами трансформируемых манипуляторов,

реактивных двигателей, объективов, жгутиков, гибких антенн, сенсоров широкого спектра и вспомогательных устройств. Он явно привык к существованию в вакууме; его панцирь, покрытый бесчисленными заполированными выбоинами, был рябой, как сама Ио. Здесь, в конференц-зале с накачанным воздухом, он пользовался мощными отталкивателями, чтобы не повредить пол. Манмут держался от него подальше, по другую сторону общей панели.

Никто не представился ни по инфракрасной связи, ни по фокусированному лучу, и Манмут решил поступить так же. Он молча подключился к питательным шлангам в своей нише, сделал пару глотков и стал ждать.

Как ни радовала его редкая возможность подышать, Манмута удивила плотность атмосферы — целых 700 миллибар, — особенно если учесть присутствие недышащих коллег с Ио и Ганимеда. Тут Астиг/Че начал коммуницировать с помощью микромодуляции воздушных волн — на английском языке Потерянной Эпохи, ни много ни мало, — и Манмут понял, что воздух здесь не для их удовольствия, а ради секретности. На галилеевых спутниках звуковая речь была самым защищенным каналом связи, и даже бро-

нированный работник с Ио, приспособленный к условиям вакуума, имел устройство для ее восприятия.

— Хочу поблагодарить вас, что прервали дела ради сегодняшней встречи, — начал первичный интегратор из Пуйла, — в особенности тех, кто проделал большой путь. Мое имя Астиг/Че. Добро пожаловать, Корос третий с Ганимеда, Ри По с Каллисто, Манмут из южной полярной разведки здесь, на Европе, а также Орфу с Ио.

Манмут изумленно развернулся и тотчас включил персональную связь по фокусированному лучу. *Орфу с Ио? Мой давний шекспировский собеседник, Орфу с Ио?*

Да, это я, Манмут. Очень рад встретиться лично, друг мой.

Удивительно! Какова вероятность встретиться таким образом, Орфу?

Удивляться нечему, Манмут. Узнав, что тебя позовут в эту самоубийственную экспедицию, я сам напросился на приглашение.

Самоубийственную экспедицию?

— ...после пятидесяти с лишним юпитерианских лет контакта с постлюдьми, примерно шести земных веков, — говорил Астиг/Че, — мы утратили связь с ПЛ и ничего не знаем об их

намерениях. Нас это беспокоит. Пора выслать экспедицию в лагерь и узнать, каков статус этих существ, и оценить, несут ли они прямую и непосредственную угрозу галилеевым спутникам. — Астиг/Че помолчал и добавил: — У нас есть основания подозревать, что это так.

До этого мгновения стена за спиной европеанского интегратора была прозрачной, за ней громадный Юпитер висел над залитыми звездным сиянием ледяными полями, теперь она затуманилась и явила взглядам величавый хоровод планет и спутников вокруг далекого Солнца. Картинка резко увеличилась, и всю стену заняла Земля с ее кольцами и Луной.

— Последние пятьсот земных лет наши приборы улавливали все меньше активности в модулированном радио-, нейтрино- и гравитонном диапазонах со стороны постчеловеческих полярного и экваториального жилых колец, — сказал Астиг/Че. — В прошлом веке она прекратилась полностью. На самой Земле регистрируются лишь остаточные следы — возможно, связанные с деятельностью роботов.

— А как насчет горстки изначальных людей? Существуют ли они до сих пор? — спросил маленький каллистянин Ри По.

— Этого мы не знаем. — Интегратор провел ладонью по панели, и все окно заполнило изображение Земли.

Манмут затаил дыхание. Две трети планеты заливал солнечный свет. Сквозь движущиеся массы белых облаков были видны синие моря и остатки бурых материков. Манмут никогда прежде не видел Землю, и насыщенность красок его ошеломила.

— Изображение в реальном времени? — спросил Корос III.

— Да. Консорциум Пяти Лун построил небольшой оптический телескоп сразу же за головной ударной волной юпитерианского магнитодиска. Ри По принимал участие в проекте.

— Извините за слабое разрешение, — сказал каллистянин. — Мы не прибегали к астрономии видимого света более юпитерианского века, а с этой работой пришлось поспешить.

— Есть следы изначальных? — спросил Орфу с Ио.

Потомков твоего Шекспира, сказал Орфу Манмуту по фокусированному лучу.

— Неизвестно, — ответил Астиг/Че. — Максимальное разрешение чуть больше двух километров, и мы не видели признаков жизни или

артефактов изначальных людей, помимо ранее закартированных развалин. Приборы улавливают слабую нейтринную активность факсов, однако она может быть остаточной или автоматической. По правде сказать, люди нас в данный момент не беспокоят. Нас беспокоят постлюди.

Моего Шекспира? Ты хотел сказать, нашего! передал Манмут огромному ионийцу.

Извини, Манмут. Как ни нравятся мне сонеты и даже пьесы твоего Барда, моя истинная страсть — Пруст.

Пруст! Этот эстет! Ты шутишь!

Ничуть. В инфразвуковом диапазоне фокусированного луча раздались грохочущие раскаты; Манмут догадался, что это смех Орфу.

Интегратор вывел на экран миллионы орбитальных поселений, вращающихся вокруг Земли. Одни были белые, другие серебристые, но даже здесь, в ярком солнечном свете, все выглядели необыкновенно холодными. И пустыми.

— Никаких челноков. Никаких признаков нейтринного факсирования между Землей и кольцами. А транспортный мост от колец до Марса, который мы наблюдали еще двадцать юпитерианских или примерно двести сорок земных лет назад, исчез.

— Полагаете, постлюди вымерли? — спросил Корос III. — Или мигрировали?

— Мы знаем, что произошли перемены в их использовании энергии — хронокластические, энергетические, квантовые и гравитационные, — сказал интегратор. Он был выше и чуть гуманоиднее Манмута, в ярко-желтых покровных материалах, и говорил мягким, спокойным, хорошо модулированным голосом. — Теперь нас интересует Марс.

На экране возникла четвертая планета.

Манмут никогда особо не интересовался Марсом. Он видел лишь изображения Потерянной Эпохи. Нынешняя планета ничуть не походила на фотографии и голограммы того времени.

Вместо ржаво-красной пустыни на новом изображении Марса было синее море, покрывающее почти все северное полушарие, а в долинах Маринера голубела лента шириной в несколько километров — река, впадающая в этот океан. Южное полушарие по большей части оставалось красновато-бурым, но здесь появились крупные зеленые пятна. Вулканы Фарсиды все так же тянулись темной цепью с юго-запада на северо-восток (один из них курился), однако гора Олимп высилась теперь километрах в двадцати от большого

залива северного океана. Белые облака клубились над солнечной половиной изображения, а за темным краем терминатора на равнине Эллады горели зеленые огоньки. К северу от побережья равнины Хриса Манмут различил несущиеся на север мощные завихрения циклона.

— Планету терраформировали, — сказал он вслух. — Постлюди терраформировали Марс.

— И как давно? — спросил Орфу с Ио.

Никто из обитателей галилеевых спутников не интересовался Марсом, да и вообще внутренними планетами (за исключением их литературы), так что это могло произойти в любое время за двадцать пять земных веков с разрыва между людьми и моравеками.

— За последние двести лет, — сказал Астиг/Че. — Возможно, за последние полтора века.

— Невозможно, — отрезал Корос III. — Марс нельзя было терраформировать в столь короткий срок.

— Да, невозможно, — согласился Астиг/Че. — Но это так.

— Выходит, постлюди переселились на Марс, — сказал Орфу с Ио.

— Мы так не думаем, — ответил маленький Ри По. — У наших марсианских изображений раз-

решение чуть лучше, чем у земных. Например, вдоль побережья…

В окне появился изогнутый полуостров, немного севернее того места, где реки долин Маринера (настолько широкие, что их можно было назвать длинными внутренними морями) впадали в залив и дальше несли свои воды в океан. Изображение увеличилось. Там, где суша — иногда это были безжизненные багровые холмы, иногда зеленые лесистые долины — подходила к морю, тянулся ряд темных пятнышек. Изображение увеличилось снова.

— Это что… скульптуры? — спросил Манмут.

— Мы думаем, каменные головы, — сказал Ри По.

Картинка немного сдвинулась, и в размытой тени Манмут вроде бы угадал высокий лоб, нос и выступающий подбородок.

— Какая-то нелепость, — сказал Корос III. — Чтобы опоясать весь океан, нужны миллионы голов с острова Пасхи…

— Мы насчитали четыре миллиона двести три тысячи пятьсот девять, — уточнил Астиг/Че. — Однако строительство не закончено. Обратите внимание на следующую фотографию, сделанную несколько месяцев назад, когда Марс

максимально приблизился к нашей планете.

Мириады расплывчатых миниатюрных существ тянули за собой нечто, напоминающее ту же каменную голову, только поставленную на катки. Лицо было развернуто в небо, впадины глаз смотрели в объектив телескопа. Крохотные фигурки были как будто привязаны к голове множеством канатов. Как египетские рабы, тянущие плиты для пирамид, подумал Манмут.

— Это люди или роботы? — спросил Орфу.

— Похоже, ни те ни другие, — сказал Ри По. — Размеры неподходящие. И обратите внимание на цвет фигур в анализаторе спектра.

— Зеленые? — спросил Манмут. Реальные, не книжные загадки выводили его из равновесия. — Зеленые роботы?

— Или неизвестная прежде раса мелких зеленых гуманоидов, — серьезно произнес Астиг/Че.

Орфу разразился инфразвуковым хохотом и сказал вслух:

— МЗЧ.

[?] передал Манмут.

Маленькие зеленые человечки, послал Орфу с Ио по общей связи и снова захохотал.

— Зачем нас вызывали? — спросил Манмут у Астига/Че. — Какое отношение имеет к нам тер-

раформирование?

Интегратор вернул окну первоначальную прозрачность. Полосы Юпитера и ледяные поля Европы казались блеклыми после ярких красок внутренних планет.

— Мы посылаем на Марс экспедицию, — сказал Астиг/Че. — Задача — исследовать планету и выслать подробный отчет. Для этой миссии избрали вас. Если не желаете в ней участвовать, то можете отказаться прямо сейчас.

Четверка затихла во всех диапазонах коммуникации.

— «Выслать отчет» не обязательно значит «вернуться самим», — продолжал первичный интегратор. — Хотя бы потому, что у нас нет надежного способа возвратить вас в систему Юпитера. Пожалуйста, дайте знать, если хотите, чтобы вас заменили кем-нибудь другим.

Все четверо хранили молчание.

— Хорошо, — сказал европеанский интегратор. — Подробности экспедиции вы загрузите через несколько минут, но сперва позвольте мне изложить главное. Для разведки на планете мы воспользуемся подлодкой Манмута. Орфу и Ри По будут картировать поверхность с орбиты, а Манмут и Корос третий спустятся. Нас особенно

интересует происходящее на Олимпе, самом большом вулкане, и вблизи него. Активность квантовых перемещений там велика и необъяснима. Манмут доставит Короса третьего к побережью, и наш ганимедский товарищ проведет разведку.

Из книг и записей Манмут знал, что люди Потерянной Эпохи, намереваясь прервать собеседника, вежливо покашливали. Он издал звук, как будто прочищает горло.

— Извините за тупость, но как мы доставим «Смуглую леди» — так зовут подлодку — на Марс?

— Вопрос вовсе не глупый, — сказал интегратор. — Орфу с Ио?

Огромный бронированный мечехвост развернулся так, чтобы его разнообразные черные объективы смотрели на Манмута.

— Уже столетия мы ничего не посылали на внутренние планеты. И традиционная доставка заняла бы половину юпитерианского года. Мы решили прибегнуть к ножницам.

Ри По задвигался в своей нише:

— Я думал, ножницы предполагалось использовать только для межзвездных исследований.

— Консорциум Пяти Лун счел, что это важ-

нее, — ответил Орфу с Ио.

— Полагаю, речь идет о каком-нибудь космическом корабле, — вмешался Корос III. — Или вы станете зашвыривать нас поодиночке, голышом, как цыплят из требуше?

Инфразвуковой хохот Орфу сотряс весь отсек; шутка явно пришлась ему по вкусу.

Манмут имел доступ к общей сети. Выяснилось, что требуше — человеческая осадная машина Потерянной Эпохи, допаровой цивилизации второго уровня, механическая, но более мощная, чем простая катапульта, способная бросать валуны больше чем на милю.

— Корабль есть, — сказал Астиг/Че. — Его конструкция позволяет достичь Марса за несколько дней. И у него есть модуль входа в атмосферу для подлодки Манмута… «Смуглой леди».

— За несколько дней, — повторил Ри По. — Каковы факторы характеристической скорости на выходе из потоковой трубы Ио?

— Чуть менее трех тысяч земных *g*, — сказал интегратор.

Манмут ни разу не испытывал силы тяжести более чем одна седьмая земной. Он попытался вообразить двадцать одну тысячу таких ускорений свободного падения. И не смог.

— При разгоне корабль, включая «Смуглую леди», будет наполнен гелем, — сказал Орфу с Ио. — Полетим, как интегральная схема в желатиновой форме.

Очевидно, Орфу участвовал в разработке космического корабля, а Ри По — в наблюдении за двумя планетами. Короса III наверняка предупредили, что он будет командиром. И лишь Манмута до сих пор держали в неведении. Наверное, потому, что его роль столь незначительна: вести «Смуглую леди» по марсианским морям. Может, и впрямь стоило отказаться от участия в экспедиции.

Пруст? — по фокусированному лучу спросил он огромного обитателя Ио.

Жаль, что мы не летим на Землю, дружище. Посетили бы Стратфорд-на-Эйвоне, купили бы по сувенирной кружечке…

Их старая шутка в новом контексте вновь стала смешной. Манмут по фокусированному лучу довольно прилично воспроизвел смех Орфу, и тот в ответ загромыхал так, что остальные услышали его в атмосфере конференц-зала.

Ри По не улыбался. Он подсчитывал.

— Ножницы дадут нам начальную скорость почти в две десятых скорости света, и даже после

резкого торможения магнитным уловителем при входе в систему у нас будет скорость в одну тысячную световой — более трехсот километров в секунду. До Марса мы долетим достаточно быстро, хоть он сейчас и по другую сторону от Солнца. Но кто-нибудь подумал, как нам тормозить, когда мы до него доберемся?

— Да, — ответил Орфу с Ио, оборвав смех. — Мы об этом подумали.

Даже после тридцати юпитерианских лет существования Манмуту оказалось не с кем прощаться на Европе. Уртцвайль, его прежний напарник по исследованиям, погиб в сомкнувшемся разводье у кратера Пуйл пятнадцать лет назад, и с тех пор Манмут не сблизился ни с одним мыслящим существом.

Через шестнадцать часов после конференции Централ Коннемарского хаоса поручил специальным орбитальным буксирам извлечь «Смуглую леди» из открытого разводья и запустить на орбиту, где вакуумные моравеки под руководством Орфу с Ио убрали подлодку в ожидающий марсолет, и древние межспутниковые индукционные двигатели потащили его на Ио. Участники полета обсудили, как его назвать, но ничего не придумали, первый порыв быстро остыл, и дальше он

именовался просто «кораблем».

Как почти все космические аппараты, построенные моравеками за тысячи лет с начала межпланетных перелетов, корабль не блистал изяществом, во всяком случае по классическим стандартам. Он имел сто пятьдесят метров в длину и состоял главным образом из бакикарбоновых ферм с жатой тканью радиационной защиты, обмотанной вокруг модульных ниш, полуавтономных зондов, десятков антенн, сенсоров и канатов. От аппаратов системы Юпитера его отличали блестящий сердечник магнитного диполя и щегольские выдвижные отражатели. В шишковатом носу размещались четыре термоядерных двигателя и пять рогов уловителя Метлоффа — Феннелли[13]. Десятиметровый прыщ на корме вмещал сложенный боровый парус. Уловитель и парус потребуются только на этапе торможения, да и термоядерные двигатели не имели ничего общего с разгоном.

Манмут остался в заполненной гелем «Смуглой леди», Корос III и Ри По находились в шестидесяти метрах от него, в головном модуле управления,

[13] Примечания: 13

…уловителя Метлоффа — Феннелли. — В 1974 г. физики Метлофф и Феннелли предложили использовать для межпланетных перелетов лист сверхпроводника, чтобы собирать космическую энергию.

который они прозвали «мостиком». Предполагалось, что Ри По на время их стремительного перелета возьмет на себя навигацию, а Корос III будет официальным командиром. По плану ганимедянин должен был переместиться в подлодку Манмута незадолго до того, как «Смуглую леди» (освобожденную от геля) сбросят в марсианскую атмосферу. Когда она достигнет марсианского океана, Манмуту предстояло исполнить роль таксиста и доставить Короса III к тому месту, которое ганимедянин выберет для наблюдения. Корос загрузил различные детали миссии, которые Манмута не касались.

Орфу с Ио устроился в своей люльке на внешнем корпусе корабля, за десятью торами соленоидов и перед креплениями парусных канатов. С мостиком и подлодкой его соединяли все возможные голосовые, коммуникационные и дата-каналы. Нетехнические разговоры он вел по большей части с Манмутом.

Меня по-прежнему интересует твоя теория о драматическом построении цикла сонетов, друг мой. Надеюсь, мы проживем столько, что ты успеешь продолжить свой разбор.

Но Пруст! отозвался Манмут. *Зачем Пруст, когда можно посвятить все свое существование*

творчеству Шекспира?

Пруст, возможно, лучший исследователь времени, памяти и восприятия, сказал Орфу.

Манмут ответил звуком статических помех.

Покрытый вмятинами житель Ио вновь разразился громыханием.

Надеюсь убедить тебя, друг мой Манмут, что у обоих можно найти прекрасное и поучительное.

По общей связи пришло сообщение Короса III: *Советую всем увеличить диапазон на визуальной линии. Мы приближаемся к плазменному тору Ио.*

Манмут открыл все визуальные каналы. Он предпочитал наблюдать за внешними событиями через объективы Орфу с Ио, однако сейчас носовые камеры корабля давали более интересную картину, и не обязательно в видимой части спектра.

Они неслись к испещренному желтыми и алыми пятнами лику Ио, приближаясь к планете ниже плоскости эклиптики и готовясь пройти над северным полюсом, прежде чем влететь в потоковую трубку Ио — Юпитер.

За время короткого перелета с Европы Орфу и Ри По загрузили полезную информацию об этой области юпитерианского космоса. Европеанец

Манмут привык в тамошнем черном океане следить в первую очередь за показаниями эхолота и визуальными данными в видимом диапазоне. Однако теперь он воспринимал магнитосферу планеты во всем ее многообразном грохоте. В декаметровом диапазоне радиоволн он видел впереди плазменный тор и под прямым углом к нему — потоковую трубку Ио, широкими рогами протянувшуюся к северному и южному полюсам Юпитера. Далеко за Юпитером и его лунами, за магнитопаузой, турбулентность головной ударной волны разбивалась, словно громадные белые валы о подводный риф, а в магнитной темноте за рифом пели свою вечную песню волны Ленгмюра. Пощелкивали ионно-звуковые волны, проделавшие долгий путь от Солнца, а само оно казалось отсюда не более чем очень яркой звездой.

Когда корабль пронесся над Ио и попал в потоковую трубку, Манмут слышал свистящий атмосферик и шипение, с которыми планетка пробивалась сквозь собственный плазменный тор, пожирая, так сказать, свой хвост. Он видел ленты экваториальной эмиссии и вынужден был приглушить декаметровый и километровый радиогрохот от самой потоковой трубки. Космос галилеевых спутников был пылающим горнилом

электромагнитной активности и жесткого излучения — все существование Манмута прошло под этот фоновый гул, — но сейчас, при переходе из тора в потоковую трубку так близко от Юпитера, мощные каскады истерзанных электронов визжали вокруг корабля, словно рвущиеся в дом банши. Манмут нашел новые ощущения не слишком приятными.

Они были в потоковой трубке, и Корос III крикнул: «Держись!» — прежде чем звуковые каналы заглушил грохочущий ураган.

Плазменный тор Ио — это колоссальный бублик ионизированных частиц в шлейфе из сернистого газа, сероводорода и других газов, которые свирепая родина Орфу оставляла позади, а затем подхватывала вновь. Совершая виток вокруг Юпитера за 1,77 земных суток, Ио рассекает магнитное поле газового гиганта и пробивает собственный плазменный тор, так что между ней и Юпитером создается сильнейший электрический ток, двурогий цилиндр невероятно сконцентрированных магнитных возмущений, называемый потоковой трубкой. Трубка соединяет магнитные полюса Юпитера и вызывает там фантастические полярные сияния, а по ее рогам постоянно течет ток примерно в пять мегаампер, производя более

двух триллионов ватт энергии.

Несколько десятков лет назад Консорциум Пяти Лун решил, что грех не воспользоваться двумя триллионами ватт.

Манмут проводил взглядом северный полюс Ио. Выбросы серных вулканов — особенно Прометея у экватора далеко на юге — вздымались над щербатой поверхностью на сто сорок километров и выше, как будто свирепый спутник палит по беглецам, пытается обратить их вспять, пока они не прошли точку невозврата.

Поздно. Они были уже в этой точке.

На общее видео с носовых камер Ри По наложил навигационные скобы, показывающие их вход в потоковую трубку и выравнивание по ножницам. Юпитер мчался к судну, заполняя поле зрения, точно испещренная полосами стена.

Физические лезвия «ножниц» — двулопастного вращающегося ускорителя магнитных волн, встроенного в естественный ускоритель частиц потоковой трубки Ио, — имели длину восемь тысяч километров, то есть занимали лишь небольшой отрезок миллионокилометровой дуги, соединяющей северный полюс Ио с северным полюсом Юпитера.

Однако ножницы могли двигаться. Как объ-

яснил Манмуту Орфу с Ио: «Момент вращения чудес таит немало[14], мой маленький друг».

Судно, укрывшее в своих недрах любимую подлодку Манмута, достигло Ио и потоковой трубки — даже после полного разгона ионными буксирами — на скорости всего двадцать четыре километра в секунду, менее восьмидесяти шести тысяч километров в час. На этой скорости им потребовалось бы четыре часа только на путь от северного полюса Ио до северного полюса Юпитера, 3-годы, чтобы добраться до Марса. Однако они не собирались плестись таким черепашьим шагом.

Корабль вошел в грохочущее, щелкающее, дрожащее поле потоковой трубки, выровнялся по верхнему лезвию ножниц и за счет ускоряющих свойств самой трубки пронес свой соленоид через пятикилометровые индукционные катушки сверхпроводящего дипольного ускорителя. Как только он вошел в первый шлюз — словно неуклюжий крокетный мячик, минующий первые воротца из тысячи, — лезвия ножниц-ускорителя

[14] Примечания: 14

Момент вращения чудес таит немало… — Строчка из стихотворения «Королевство божье» английского поэта Фрэнсиса Томпсона (1859–1907) «Любовь чудес таит немало», ставшая крылатой благодаря цитированию в песнях и кинофильмах.

начали раскрываться с угловой скоростью, которая приближалась к световой, а теоретически даже превышала ее. Секунду они неслись на кончике хлопающего бича, затем перепрыгнули с него на следующее лезвие, использовав столько энергии из двух триллионов ватт, сколько могли захватить ножницы-ускоритель.

Судно — и все, что в нем находилось, — перескочило с нулевой гравитации до почти трех тысяч *g* за две и шесть десятых секунды.

Юпитер в мгновение ока рванулся навстречу и ухнул вниз. Манмут замедлил все свои мониторы, дабы сполна насладиться этими секундами.

— Йуу-хууу! — проорал Орфу с внешнего корпуса.

Подлодка и корабль скрипели и стонали от перегрузки, но они были сделаны из прочных материалов — «Смуглую леди», например, строили с расчетом на давление в миллионы килограммов на квадратный сантиметр в глубоких морях Европы, — и моравеки тоже.

— Офигеть! — сказал Манмут, намереваясь отослать замечание только Орфу с Ио, однако нечаянно передал его всем трем коллегам.

— Это точно, — отозвался Ри По.

Бурлящие полярные огни Юпитера — осле-

пительный овал северного сияния на полюсе газового гиганта вместе с пылающим оттиском Ио там, где потоковая трубка сходилась с атмосферой, — в последний раз полыхнули внизу и пропали за кормой.

Ганимед, от которого секунды назад их отделял миллион километров, понесся на них, промелькнул и пропал из виду.

— Урук Сулкус[15], — произнес на общей линии Корос III.

Манмут в первый миг подумал, что моравек-командир поперхнулся или выругался, затем уловил чуть сентиментальную нотку в обычно бесстрастном голосе и понял: Корос имел в виду некую область на Ганимеде — проносящемся мимо полуразличимом, исцарапанном и грязном снежке, — бывшую его родиной.

Крохотный спутник по имени Гималия — никто из них там не бывал и вряд ли об этом жалел — просвистел мимо ошпаренным светлячком.

— Проходим фронт головной ударной волны, — с каллистянским акцентом сообщил Ри По. — Покидаем родное болотце, я так впервые.

Манмут посмотрел на свои экраны. Судя по тем

---

[15] Примечания: 15

Урук Сулкус — рытвины Урук, светлая вытянутая область на Ганимеде.

показателям, которые выводил Ри По, они были на расстоянии пятидесяти трех диаметров Юпитера от планеты и продолжали ускоряться. Чтобы осознать их скорость, Манмуту пришлось заглянуть в неиспользуемые разделы памяти и найти диаметр Юпитера: двести сорок тысяч километров. Корабль летел над плоскостью эклиптики, но Манмут смутно помнил, что притяжение Солнца должно утянуть их в сторону Марса, который сейчас был по дальнюю сторону светила. Впрочем, навигация — не его забота. Его обязанности начнутся, когда они спустятся в марсианский океан, и не обещают трудностей. Яркое солнце, теплый климат, малые глубины с небольшим давлением, ночью можно ориентироваться по звездам, днем — по навигационным спутникам, которые они запустят на орбиту, почти никакой радиации по сравнению с поверхностью Европы… Кракенов нет. Льда нет. Даже льда! Как-то слишком все просто.

Разумеется, если постлюди окажутся враждебными, есть шанс, что моравеки не переживут перелет к Марсу или вход в атмосферу, а если и переживут, то с большой вероятностью не смогут вернуться в юпитерианский космос. Однако на это Манмут никак повлиять не мог. Его мысли

начали возвращаться к сонету 127.

— У всех все в порядке? — спросил Корос III.

Остальные доложили, что у них все благополучно. Несколько тысяч *g* не могли сломить дух этой команды.

Ри По принялся сообщать другие космогационные факты, однако Манмут не особенно прислушивался. Он уже попал в мощное гравитационное поле сонета 127, первого из тех, что посвящены «смуглой леди».

8. Ардис-Холл

Даэман крепко спал и видел во сне женщин.

Он находил немного забавным, если не странным, что дамы снились ему, когда он спал один. Как будто ему требовалась теплая женская плоть каждую ночь и подсознание восполняло ее недостаток, если дневные усилия не приводили к желаемому результату. Сегодня, когда он проснулся, довольно поздно, в удобной комнате Ардис-Холла, сон рассыпался в клочки, однако их, вкупе с утренней эрекцией, хватило, чтобы вернуть смутное воспоминание об Аде или о ком-то очень на нее похожем: теплой белой коже, аромате духов, полных ягодицах, округлых грудях и крепких бедрах. Даэман с нетерпением ждал грядущей победы и этим чудесным утром почти не сомневался в успехе.

Приняв душ, побрившись и надев то, что считал нарядом в небрежном деревенском стиле: хлопковые брюки в бело-голубую полоску, саржевый жилет, пастельный пиджак, белую шелковую рубашку, галстук с рубиновой булавкой и черные кожаные ботинки (чуть попрочнее его обычных

парадных туфель), он взял любимую деревянную тросточку и отправился завтракать в залитую солнцем оранжерею, где, к своей радости, узнал, что Ханна вместе с этим несносным Харманом покинули особняк на рассвете. «Готовятся к вечерней плавке», — загадочно сообщила Ада, и Даэман не стал просить объяснений. Ему было вполне довольно, что Хармана в доме нет.

Ада больше не заводила нелепых разговоров о книгах или космических кораблях, зато провела с Даэманом целое утро, показывая ему Ардис-Холл — многочисленные флигели, коридоры, винные погреба, потайные ходы и старинные мансарды. Он помнил такую же экскурсию в прошлый приезд, когда наивная девчушка Ада вот так же водила его по особняку. На крыше располагалась платформа джинкеров, и, взбираясь туда по шаткой лестнице вслед за Адой, Даэман, всегда внимательно такое высматривавший, на долю мгновения почти увидел рай юнца[16] под ее юбкой. Он прекрасно помнил молочные бедра и темные пунктирные тени.

Сегодня они поднялись по той же лестнице на ту же платформу, однако на сей раз Ада жестом

---

[16] Примечания: 16

…рай юнца… — Из маски «Отмщенный Меркурий» (1615) Бена Джонсона.

указала Даэману лезть первым, лишь улыбнувшись на джентльменский лепет о том, что дам нужно пропускать вперед. Улыбка намекала, что тот давний случай не остался незамеченным, как полагал Даэман.

Ардис-Холл был высок, и джинкерная платформа с ее все еще не потускневшими досками красного дерева выдавалась между фронтонами в шестидесяти футах над гравийной дорожкой, вдоль которой ржавыми скарабеями застыли войниксы. Даэман держался подальше от неогороженного края, Ада же, напротив, остановилась прямо над пустотой, с тоской глядя на газон и далекую линию леса.

— Разве ты не отдал бы все на свете, чтобы заполучить работающий джинкер? — спросила она. — Хотя бы на несколько дней?

— Нет. А зачем?

Ада указала рукой с длинными пальцами:

— Даже в детском джинкере можно было бы пролететь над лесом и рекой, над холмами на западе… Мчаться и мчаться день за днем, прочь от всяких факс-узлов…

— Чего ради?

Ада мгновение смотрела на него.

— Тебе что, совсем не любопытно? Что там,

вдали?

Даэман обмахнул жилет, стряхивая несуществующие крошки.

— Не будь глупышкой, дорогая. Ничего интересного там нет. Сплошные дебри. Ни единой души. Все, кого я знаю, живут на расстоянии мили от факс-узла. К тому же здесь водятся тираннозавры.

— Тираннозавры? В нашем лесу? Чепуха. Мы их здесь отродясь не видели. Кто тебе такое наболтал, кузен?

— Ты, дорогая. В прошлый раз, когда я у вас гостил пол-Двадцатки тому назад.

Ада мотнула головой:

— Так я тебя, наверное, дразнила.

Даэман задумался, вспомнил, как боялся все эти годы вернуться в Ардис-Холл, скольких ночных кошмаров ему это стоило, и насупился.

Словно прочитав его мысли, Ада беспечно улыбнулась:

— Ты никогда не задумывался, кузен, отчего постлюди установили численность нашей расы ровно в миллион человек? Почему не миллион один? И не девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять? А?

Даэман заморгал. Он пытался связать ее мыс-

ли о детском джинкере из Потерянной Эпохи и динозаврах с населением Земли, которое было одинаковым… всегда. И ему не нравились назойливые напоминания, что они кузены, поскольку древние суеверия порой мешали сексуальным отношениям между родственниками.

— Я нахожу, что такие праздные раздумья ведут к несварению желудка, даже в столь чудесный день, дорогая. Не поговорить ли нам о чем-нибудь более приятном?

— Конечно. — Она одарила его самой любезной улыбкой. — Давай спустимся и разыщем других гостей перед ланчем и отъездом на литейную площадку.

На сей раз она первой ступила на лестницу.

Летучие сервиторы подали завтрак в северном внутреннем дворике. Даэман любезно поболтал с некоторыми молодыми гостями, — оказалось, несколько человек прибыли нарочно ради вечернего «литья», что бы это ни означало. После еды многие расположились на диванах в доме или в удобных шезлонгах в тени на лужайке и прилегли, накрыв глаза туринскими пеленами. Обычное время под туриной составляло час, и Даэман пошел к опушке, высматривая бабочек.

У подножия холма к нему присоединилась

Ада.

— Ты не смотришь турины, кузен Даэман?

— Не смотрю, — ответил он чуть более ханжески, чем намеревался. — За почти десять лет я к этому привык, но предпочитаю воздерживаться. И ты тоже, Ада, дорогая?

— Когда как, — ответила девушка. Она на ходу вертела персикового цвета зонтик от солнца, и мягкие отсветы придавали ее светлой коже восхитительный оттенок. — Время от времени слежу за событиями… Наверно, я просто слишком занята, оттого и не пристрастилась, как многие в наши дни.

— Турины стали всеобщим увлечением.

Ада остановилась в тени огромного раскидистого вяза, опустила и закрыла зонт.

— Но ты пробовал хоть раз?

— О да. В середине моей второй Двадцатки это было очень модно. Вот я и… хватил удовольствия через край. — Даэман не сумел скрыть отвращения в голосе. — С тех пор — никогда.

— Не переносишь жестоких сцен, кузен?

Даэман пожал плечами:

— Скорее, не люблю подменять настоящую жизнь вымыслом.

Ада тихонько рассмеялась:

— Ты говоришь совсем как Харман. У вас есть что-то общее.

Утверждение было настолько несуразным, что Даэман лишь поворошил тросточкой палую листву.

Ада взглянула на солнце, вместо того чтобы активировать функцию времени на ладони.

— Им уже пора подниматься. Один час под пеленой равен восьми часам страстных переживаний.

— Ах, — сказал Даэман, гадая, была ли в ее устах избитая фраза двусмысленным намеком.

Ее выражение, как всегда любезное, но чуточку озорное, не давало разгадки.

— Скажи, а это самое «литье», оно… надолго затянется?

— По плану — почти до утра.

Даэман изумленно заморгал.

— Мы же не собираемся разбивать лагерь на берегу реки или где там еще?

Интересно, возрастут ли его шансы провести ночь с Адой под покровом звездного неба и колец?

— Все будет подготовлено для удобства тех, кто захочет остаться на площадке до рассвета, — сказала Ада. — По словам Ханны, зрелище обещает

быть очень живописным. Но большинство из нас вернется в особняк вскоре после полуночи.

— А вина и другие напитки там будут подавать?

— Обязательно.

Теперь уже улыбнулся Даэман. Пусть остальные тешатся зрелищем, а он будет весь вечер подливать Аде вина, направлять «страстные» намеки в желаемое русло, затем проводит ее домой (если повезет и если он подсуетится, они поедут вдвоем в маленькой одноколке) и очарует своим вниманием. В общем, еще чуть-чуть удачи — и нынешней ночью ему не будут сниться женщины.

Ближе к вечеру сервиторы собрали два десятка гостей (многие увлеченно обсуждали сегодняшние туринские события и бесконечно повторяли, что Менелай получил отравленную стрелу в бок или что-то в таком роде), и кавалькада одноколок и дрожек потянулась к «литейной площадке». Одни войниксы тянули повозки, другие трусили рядом для охраны, хотя Даэман не понимал, зачем это нужно, если тираннозавров в лесу нет.

Не без помощи небольшой военной хитрости Даэман оказался в той же одноколке, что и хозяйка. Всю дорогу Ада показывала ему необычные

деревья, лощины и ручьи, пока повозка с мерным гудением и перестуком катилась мили две по грунтовой дороге к реке. Даэман занял на красной кожаной скамеечке немного больше места, чем требовала его приятная полнота, и в награду всю поездку чувствовал Адино бедро.

Они въехали на известняковый гребень над долиной, и Даэман увидел, что место назначения — не сама река, а ее приток, тихая заводь шириной в сотню ярдов, где вода намыла что-то вроде пляжа. Там высилось шаткое сооружение из бревен, веток, обыкновенных и винтовых лестниц, желобов и пандусов. На взгляд Даэмана, это походило на виселицу, хотя настоящих виселиц он, разумеется, никогда не видел. Из мелководного притока торчали факелы, а само сооружение стояло наполовину на песке, наполовину в воде. Ярдах в ста дальше заводь отделял от реки узкий островок, заросший папоротником и саговниками. Из зарослей с оглушительными криками и хлопаньем крыльев то и дело взмывали птицы и мелкие летающие рептилии. Даэман лениво гадал, водятся ли на острове бабочки.

На лужайке над пляжем стояли яркие шелковые палатки, шезлонги и длинные накрытые столы. Сервиторы летали туда-сюда, иногда зави-

сая над головами прибывших гостей.

Идя вместе с Адой от повозки, Даэман узнал некоторых работников, суетящихся на чудны́х подмостках: на верхней площадке Ханна в красной косынке связывала части конструкции. Сумасшедший Харман, без рубашки, потный и дочерна загорелый, поддерживал огонь в двадцати футах ниже Ханны. По лестницам и пандусам сновала молодежь, видимо друзья Ады и Ханны; они таскали песок, еще ветки для конструкции и круглые камни. В глинобитных внутренностях сооружения бушевало пламя, выбрасывая в вечереющее небо снопы ярких искр. Действия работников выглядели осмысленными, хотя Даэман решительно не понимал, зачем вообще нужна гора из палок, песка, огня и глины.

Подлетевший сервитор предложил ему выпивку. Даэман принял бокал и отправился искать свободный шезлонг в тени.

— Вот это — купол, — объясняла Ханна гостям чуть позже тем же вечером. — Мы трудились над ним целую неделю: сплавляли материалы по реке на каноэ, резали и гнули ветки.

Это происходило после вполне приличного обеда. Солнце еще освещало вершины холмов по ближнюю сторону реки, но долина уже погрузи-

лась в тень, и оба кольца ярко сияли в темнеющем небе. Искры плясали и улетали к кольцам. Звук кузнечных мехов и рев огня оглушали. Даэман взял еще напиток — восьмой или десятый за вечер — и предложил другой бокал Аде. Та лишь мотнула головой и вновь стала слушать подругу.

— Мы сплели что-то вроде корзины и покрыли середину печи огнеупорной глиной — мы сделали это лопатой, смешав сухой песок, мягкую глину и воду. Затем скатали из глиноподобной массы шары, завернули их в листья папоротника, чтобы не пересохли, и обложили ими печь. Вот почему деревянный купол не загорается.

Даэман не понимал, к чему это все. Зачем строить нелепую деревянную конструкцию и разводить внутри огонь, если не хочешь, чтобы она загорелась? Сумасшедший дом какой-то.

— Последние несколько дней, — продолжала Ханна, — мы по большей части поддерживали огонь и гасили купол там, где он загорался. Потому-то и строили возле реки.

— Потрясающе, — пробормотал Даэман и отправился за новым бокалом вина, пока Ханна и ее друзья — даже несносный Харман — продолжали бубнить, вворачивая бессмысленные словечки вроде «коксовая калоша», «воздушная коробка»,

«фурма» (Ханна объяснила, что это дырка в обмазанной глиной печи, рядом с которой девушка по имени Эмма качала мехи), «зона плавки», «формовочная смесь», «шлаковая летка». Это звучало варварски и, на слух Даэмана, не совсем прилично.

— А теперь пора посмотреть, работает ли, — объявила Ханна. В ее голосе чувствовались разом усталость и восторг.

Гостям велели отступить на песок. Даэман вернулся к столам, а все молодые люди — включая ненавистного Хармана — засуетились. Искры полетели выше. Ханна взбежала на верх так называемого купола, Харман заглянул в глиняную печь и что-то потребовал, Эмма качала мехи, пока не рухнула без сил и ее не сменил худой парень по имени Лоэс. Даэман вполуха слушал объяснения Ады, которая, задыхаясь от восторга, объясняла столпившимся друзьям какие-то подробности. Даэман уловил слова «сопло фурмы», «заслонка» и «охлажденный шлак» (хотя пламя ревело сильнее прежнего). Он отошел еще футов на пятнадцать-двадцать.

— Температура металла — две тысячи триста градусов! — крикнул Харман.

Ханна утерла со лба пот, что-то поправила на

верху купола и кивнула. Даэман размешал свой напиток, гадая, скоро ли ему удастся оказаться с Адой в одноколке.

Тут раздался шум. Даэман поднял глаза, ожидая увидеть, что несуразное сооружение вспыхнуло, а Ханна и Харман полыхают, будто соломенные куклы. Он немного ошибся. Правда, Ханна и впрямь сбивала одеялом язычки огня, охватившего лестницу; при этом она отмахивалась от помощников-сервиторов и даже от войникса, поспешившего защитить людей от опасности. Тем временем Харман и двое других перестали заглядывать в печь и только что открыли «летку», выпустив поток желтой лавы, которая по деревянным желобам потекла на пляж.

Некоторые гости бросились вперед, однако крики Ханны и жар расплавленного металла заставили их отступить.

Грубо сколоченные желоба задымились, но не вспыхнули. Ало-желтый металл медленно тек из сооружения, мимо лестниц, в крестообразную форму, выкопанную в песке.

Ханна сбежала по лестнице и помогла Харману закрыть «летку». Потом оба заглянули через дырочку в печь и сделали что-то (объясняла гостям Ада) со «шлаковой леткой» (Даэман смутно по-

нял, что она отличается от просто «летки»). Затем молодая женщина и старый мужчина — который скоро будет мертвым старым мужчиной, жестоко подумал Даэман, — спрыгнули на песок и побежали к форме.

За ними потянулись еще смельчаки. Даэман побрел следом, поставив бокал на поднос пролетающему сервитору.

У реки было довольно прохладно, и все же в лицо Даэману ударил жар от светящейся алым крестообразной формы.

— Что это? — громко спросил он. — Какой-то религиозный символ?

— Нет, — ответила Ханна, вытирая косынкой потное, измазанное сажей лицо и улыбаясь точно полоумная. — Это первая бронза, выплавленная за… сколько, Харман? За тысячу лет?

— Возможно, за три тысячи, — тихо ответил тот.

Гости зашушукались и зааплодировали.

Даэман рассмеялся.

— А какой в этом прок? — спросил он.

Потный, голый по пояс Харман поднял на него взгляд:

— Какой прок от новорожденного младенца?

— Вот и я говорю, — сказал Даэман. — Столько

же гама, проблем и вони… и никакого проку.

Остальные не обращали на него внимания. Ада обнимала Хармана, Ханну и других работников, как если бы они в самом деле сделали нечто стоящее. Харман и Ханна вновь залезли на купол, принялись заглядывать в отверстия и тыкать в печь металлическими прутьями, как будто собирались выпустить еще лаву. Очевидно, заключил Даэман, пиротехническое шоу было рассчитано на всю ночь.

Внезапно ему приспичило. Даэман обошел столы, глянул на туалетную палатку и решил — в духе всего этого варварского бреда — справить нужду на свежем воздухе. Он зашагал по траве к границе темного леса, следуя за пролетевшей мимо бабочкой-монархом. Монарх — не такая уж редкая бабочка, но странно было видеть его порхающим так поздно и в такое время года. Даэман прошел мимо последнего войникса и вступил под сень вязов и саговников.

Кто-то, возможно Ада, что-то крикнул с берега в сотне футов отсюда, однако Даэман уже расстегнул штаны и не хотел показаться невоспитанным. Вместо того чтобы обернуться и ответить, он прошел еще футов двадцать во мрак леса. Дело займет не больше минуты.

— А-а-а-ах, — выдохнул Даэман, глядя на оранжевую бабочку в десяти футах над собой, пока струя мочи била в темный древесный ствол.

Гигантский аллозавр, тридцать футов от носа до кончика хвоста, выбежал из чащи со скоростью тридцать миль в час, пригибаясь под ветками.

У Даэмана было время закричать, но он предпочел застегнуть брюки, вместо того чтобы развернуться и побежать в расстегнутых. При всем своем распутстве Даэман был человек стыдливый. Он поднял трость, готовясь дать динозавру отпор.

Аллозавр сожрал трость вместе с рукой, вырванной из плеча. Даэман снова закричал и крутанулся в фонтане собственной крови.

Аллозавр повалил его на землю, оторвал другую руку — подбросил ее в воздух и поймал пастью, точно лакомый кусочек. Затем огромной когтистой лапой прижал безрукий, но все еще дергающийся торс к земле, готовясь опустить ужасную морду. Небрежно, почти играючи, чудовище перекусило Даэмана пополам, заглотив голову и верхнюю часть туловища целиком. Ребра и хребет хрустнули и исчезли в его пасти. Затем аллозавр сожрал ноги и нижнюю часть туловища, раздирая мясо, как собака, когда ест

крысу.

Тут зазвенел факс, и в тот же миг два войникса подбежали и убили динозавра.

— Боже мой! — воскликнула Ада, останавливаясь на опушке леса и глядя, как войниксы завершают кровавую расправу.

— Как неприятно, — сказал Харман. Он замахал другим гостям, чтобы не приближались. — Ты не говорила ему оставаться внутри периметра, охраняемого войниксами? Не говорила о динозаврах?

— Он спросил про тираннозавров, — сказала Ада, по-прежнему прижимая руку ко рту. — Я ответила, что их поблизости нет.

— Что ж, в целом это правда, — заметил Харман.

Плавильня у них за спиной по-прежнему ревела и плевалась искрами в темнеющее небо.

9. Илион и Олимп

Афродита превратила меня в лазутчика. Известно, как поступаем со шпионами мы, люди. Я могу лишь воображать, что сделают со мной боги. Хотя нет, лучше не надо.

Наутро после того дня, когда я стал секретным агентом богини любви, Афина квант-телепортируется с Олимпа и принимает облик троянца, копейщика Лаодока. Исполняя веление Зевса — побудить троянцев к тому, чтобы те первыми нарушили перемирие, — она ищет лучника Пандара, Ликаонова сына.

С помощью даров Музы я квитируюсь следом, морфирую в троянца по имени Эхепол и следую за богиней.

Почему я выбрал Эхепола? Отчего имя этого мелкого военачальника мне знакомо? И тут я соображаю, что Эхеполу осталось жить всего несколько часов. Если Афина в образе Лаодока и впрямь положит конец перемирию, то этому троянцу, по крайней мере согласно Гомеру, первому пронзят голову пикой.

Что ж, к тому времени я с превеликим удо-

вольствием верну мистеру Эхеполу его тело и личность.

В «Илиаде» перемирие нарушили сразу после того, как Афродита унесла Париса, не дав им с Менелаем сразиться один на один, но в реальности этой Троянской войны неоконченная схватка между Менелаем и Парисом произошла годы назад. Нынешнее перемирие было куда прозаичнее: какой-то посол Приама встретился с ахейским вестником. Стороны выработали соглашение о прекращении боевых действий на время торжества, погребения или чего-нибудь в таком роде. У греков и троянцев религиозных праздников столько же, сколько у индусов двадцать первого века, а светских выходных не меньше, чем у американских почтовых служащих. Даже удивительно, как они находят время друг друга убивать между всеми этими пирами, жертвоприношениями богам и десятидневными тризнами.

С той поры, как я поклялся себе восстать против воли богов (и тут же оказался их пешкой в еще большей мере, чем раньше), меня занимает вопрос, насколько быстро и ощутимо реальный ход событий в этой войне может отклониться от гомеровского повествования. Прошлые расхождения — те, что связаны со смотром войск

или временем недопоединка между Менелаем и Парисом, — были невелики. Их легко объяснить тем, что Гомеру требовалось втиснуть некоторые эпизоды многолетней войны в короткий отрезок десятого года. Но что, если события и впрямь пойдут иначе? Что, если я сегодня утром подойду… скажем, к Агамемнону и проткну вот этим копьем (да, это копье бедного обреченного Эхепола, но ведь все равно копье) царское сердце? Боги могут многое, но они не способны возвращать к жизни умерших смертных. (Да и мертвых богов, хоть это и звучит как оксюморон.)

Кто ты, Хокенберри, чтобы перечить Судьбе и нарушать волю богов? спрашивает малодушный профессорский голосок, которого я слушался бóльшую часть своей настоящей жизни.

Я — это я, Томас Хокенберри, отвечает мое нынешнее «я» при всей своей фрагментированности, *и мне опротивели пустоголовые качки-кровопийцы, зовущие себя богами.*

Теперь я в роли скорее лазутчика, чем схолиаста, слушаю разговор между Афиной (в облике Лаодока) и этим болваном (хотя и отменным лучником) Пандаром. Обращаясь как один троянский воин к другому, Афина-Лаодок взывает к тщеславию придурка, уверяет, что царевич

Парис осыплет его бесценными дарами, если он убьет Менелая, и даже уподобляет Пандара первому из лучников Аполлону, если только он попадет в цель.

Пандар заглатывает наживку с крючком и грузилом. «Так говоря, безрассудного воспламенила», — описал этот миг один замечательный переводчик. Друзья закрывают Пандара щитами, а он натягивает лук и выбирает идеальную стрелу для убийства. Исследователи «Илиады» веками спорили, применялись ли в Троянской войне отравленные стрелы. Большинство, и я в том числе, утверждали, что нет: как же, благородные герои, кодекс чести… Мы ошибались. Греки и троянцы порой прибегали к яду. Смертельному и быстродействующему. Оттого-то многие описанные в «Илиаде» раны так скоро приводили к гибели.

Пандар спускает тетиву. Отличный выстрел. Провожаю стрелу взглядом: она описывает широкую дугу в сотни ярдов и летит точнехонько в рыжеволосого брата Агамемнона. Менелай стоит на самом виду, вместе со своими воинами наблюдая за переговорами вестников на ничейной полосе. Вот-вот острый наконечник вопьется в грудь… Если, конечно, какое-нибудь греколюби-

вое божество не вмешается.

Божество вмешивается.

Я своим измененным зрением наблюдаю, как Афина бросает тело Лаодока и квитируется к Менелаю. Богиня ведет двойную игру — она подбила троянцев нарушить перемирие и тут же устремилась на выручку своему любимцу Менелаю. Закутанная с ног до головы, не видимая никому, кроме меня, она отбивает стрелу, словно мать, отгоняющая муху от спящего сына. (Кажется, это сравнение я украл, но точно не знаю: я уже очень давно не читал «Илиаду» ни в оригинале, ни в переводе.)

И все же выстрел попадает в цель. Менелай кричит от боли и падает на землю. Стрела торчит у него из живота, чуть повыше паха. Неужели Афина оплошала?

Все в замешательстве. Послы Приама торопливо скрываются за спинами троянских лучников, ахейские переговорщики бросаются под защиту греческих щитов. Агамемнон, который воспользовался перемирием, чтобы дать смотр выстроенным войскам (возможно, цель инспекции — показать свою власть на утро после Ахиллесова мятежа), возвращается и видит, что его брат корчится на земле, а вокруг столпились

подчиненные и младшие военачальники.

Нацеливаю в их гущу короткий жезл. По виду это щегольской посох, какой мог бы принадлежать мелкому троянскому командиру, но это не собственность Эхепола, а обычное снаряжение схолиаста, тазер и остронаправленный микрофон. Он улавливает и усиливает звук на расстоянии до двух миль и передает его в наушники, которыми я всегда пользуюсь на Илионской равнине.

Агамемнон толкает чертовски трогательную прощальную речь. Обнимая плечи и голову Менелая, он расписывает, как жестоко отомстит троянцам за убийство благородного Менелая, и тут же начинает сокрушаться, что, несмотря на его, Агамемнона, кровавое возмездие, после смерти Менелая ахейцы падут духом, прекратят осаду и уплывут по домам на черных кораблях. И правда, зачем отвоевывать Елену, если ее мужрогоносец мертв? Обнимая стонущего брата, Агамемнон продолжает разыгрывать предсказателя: «Здесь, на Приамовых пашнях, твое тело станет добычей червей, и сгниют твои кости, о брат мой, у стен невзятого Илиона, и дело твое не свершится». Очень душеподъемно. Ровно то, что хочется услышать умирающему.

— Погоди-погоди! — мычит Менелай сквозь стиснутые зубы. — Не хорони меня раньше времени, старший брат. Рана не опасна, видишь? Стрела пробила мой бронзовый пояс и воткнулась в жировую складку, от которой я хотел избавиться, не в яйца и не в живот.

— А, да, — говорит Агамемнон хмуро и глядит на место, задетое стрелой. Он почти разочарован. Еще бы, такая речь коту под хвост, а он, похоже, готовил ее заранее.

— Но стрела отравлена, — хрипит Менелай, будто утешая брата.

Взмокшие, спутанные волосы раненого вываляны в траве, золотой шлем откатился при падении. Агамемнон вскакивает так быстро, что Менелай грохнулся бы о землю, не подхвати его соратники, зовет своего вестника Талфибия и велит ему разыскать Махаона, сына Асклепия. Это личный врач Агамемнона, причем отлично знающий свое дело; говорят, он перенял мастерство у дружественного кентавра Хирона.

Теперь место похоже на поле битвы любой эпохи. Раненый отошел от первого шока, он кричит, ругается и плачет от боли. Рядом стоят на коленях друзья, бесполезные, ничем не могущие помочь. Подбегает врач со своими подручными,

отдает указания, извлекает из рвущегося мяса зазубренный бронзовый наконечник, отсасывает яд, накладывает чистую повязку, и все это время Менелай визжит, как та самая резаная свинья.

Агамемнон оставляет брата с Махаоном и принимается воодушевлять войска, хотя злые, угрюмые, грозные ахейцы готовы ринуться в бой без всяких призывов. Даже отсутствие Ахиллеса не охладило их пыл.

Через двадцать минут после того, как Пандар выпустил свою злополучную стрелу, перемирие закончено, и греки атакуют троянские ряды на двухмильной полосе грязи и крови.

Мне пора вернуть Эхеполу его тело, пока бедолага не получил медной пикой в лоб.

Я очень смутно помню свою настоящую жизнь на Земле. Не знаю, была ли у меня жена, дети, где я жил… Так, всплывают в голове размытые картинки: заставленный книгами кабинет, где я читал и готовился к лекциям. От университета в Индиане, где я преподавал, в памяти остались кирпичные и каменные здания на холме, откуда открывался чудесный вид на восток. Удивительное дело: у нас, схолиастов, через месяцы и годы все же возвращаются обрывочные воспоминания, не связанные с Гомером. Возможно, потому

боги и не позволяют нам жить долго. Я — самое старое исключение.

Однако я помню аудитории, лица студентов, мои лекции, споры за овальным столом… Помню, как молоденькая студентка спросила: «А почему Троянская война тянулась так долго?» Еще помню, у меня был соблазн ответить, что она выросла в эпоху быстрого питания и быстрых войн — «Макдональдса» и Войны в Заливе, бургеров и войны с терроризмом, а в древние времена древние греки, как и их противники, не видели смысла спешить ни за хорошим обедом, ни на поле битвы.

Вместо того чтобы упрекать студентов за неумение ничем заниматься долго, я объясняю, что эти герои любили сражаться. Они называли битву словом *харме*, которое происходит от того же корня, что глагол *харо* — «радоваться». Я прочел им отрывок, в котором сошедшиеся в единоборстве противники описываются как *хармеи гефосунои*, «радующиеся сече». Объяснил греческую концепцию *аристейи* — поединка или сражения с небольшим числом воинов, в котором герой мог показать свою доблесть. Рассказал, как важно это было для древних — настолько, что большие битвы часто приостанавливали, чтобы воины с

обеих сторон могли увидеть *аристейю*.

— Вы, типа, хотите сказать, — выдавливает студентка; ее мозги буксуют, ее речь иллюстрирует ту неспособность говорить и мыслить, что, словно вирус, распространилась среди американской молодежи в конце двадцатого столетия, — что война, типа, была бы короче, если бы они, типа, не останавливались для этой аристи-как-ее-там?

— Именно так, — со вздохом ответил я, бросая взгляд на старые настенные часы в надежде на избавление.

Но теперь, после десяти лет созерцания *аристейи* въяве, я могу с полной уверенностью сказать: любовь троянцев и аргивян к единоборству — и впрямь одна из причин этой затяжной осады. И, как всякий американец в слишком долгой поездке по Франции, я мечтаю вернуться к фастфуду или, в данном случае, к быстрой войне. Парочка бомбовых ударов, воздушный налет, трам-пам, спасибо, мадам, домой к Пенелопе.

Но сегодня я думаю иначе.

Эхепол — первый троянец, павший в этом сражении.

Возможно, дело в том, что он только что получил обратно свое тело и оттого туго соображает, но когда его группу троянцев атакуют греки, кото-

рых ведет Антилох, сын Нестора и друг Ахиллеса, бедняга Эхепол слишком медленно поднимает копье, и Антилох бьет первым. Бронзовый наконечник пробивает косматый шлем Эхепола и входит в череп. Один глаз вываливается из глазницы, мозги вытекают сквозь зубы. Эхепол падает, будто рухнувшая башня, как любил говаривать Гомер.

Начинается действо, которое я видел множество раз, однако оно не перестает меня завораживать. Да, троянцы и греки дерутся в первую очередь ради славы, это верно, но военная добыча почти так же важна. Они — профессиональные воины, убийство — их работа, а награбленное — плата. Львиную долю чести и добычи в битве доставляют воину искусно сделанные, пышно украшенные щиты, пояса, поножи и нагрудные латы убитых врагов. Завладеть снаряжением противника для античного героя — примерно как для индейца сиу получить ку, только гораздо выгоднее. Латы военачальников как минимум изготовлены из драгоценной бронзы, а у тех, что повыше рангом, еще и украшены золотом и самоцветами.

Итак, закипает бой за латы убитого Эхепола.

Ахеец Элефенор, сын Халкодонта, пробивается

вперед, хватает Эхепола за ноги и тащит окровавленный труп сквозь мелькание копий, мечей и щитов. Я много раз видел Элефенора в ахейском лагере, наблюдал его в стычках и должен сказать, имя ему вполне подходит. Он огромный, с широченными плечами, могучими руками, сильными ногами; не самый умный в войске Агамемнона, но мощный и смелый вояка. Этот Элефенор, сын Халкодонта, которому в прошлом июне исполнилось тридцать восемь, вождь абантов и владыка Эвбеи, тащит труп Эхепола за наступающих ахейцев и принимается его раздевать.

Троянский герой Агенор, сын Антенора и отец Эхекла (и того и другого я видел на улицах Илиона), пробивается между сражающимися ахейцами и видит, что Элефенор, склонившись над Эхеполом, не закрыл бок щитом. Агенор бросается вперед и вгоняет копье в бок Элефенору, ломая ребра и превращая сердце в бесформенную массу. У Элефенора хлещет изо рта кровь, он падает. Подбежавшие троянцы оттесняют ахейцев. Агенор выдергивает из убитого копье и начинает срывать с Элефенора пояс, поножи и нагрудные латы. Его товарищи оттаскивают полуголый труп Эхепола за троянские ряды.

Вокруг убитых разгорается бой. Ахеец по имени

Аякс — Большой Аякс, или Аякс Теламонид, царь Саламина (не путать с Малым Аяксом, предводителем локров), прорубается вперед и, спрятав меч в ножны, пронзает пикой совсем юного троянца Симоисия, который выступил вперед, чтобы прикрыть отступление Агенора.

Всего неделю назад, в роще за надежной стеной Илиона, я в образе троянца Сфенела выпивал с Симоисием и травил непристойные байки. Шестнадцатилетний юноша, который не был женат и никогда не знал женщины, рассказал, что отец, Анфемион, назвал его по реке Симоис, бегущей рядом с их скромным домом в миле от городских стен. Симоисию не было и шести, когда на горизонте показались черные корабли ахейцев. Отец ни в какую не хотел пускать чувствительного мальчика на войну и лишь несколько недель назад уступил желанию сына. Юноша признался мне, что боится не самой смерти; его страшила мысль, что он умрет, так и не коснувшись женской груди, не изведав первой любви.

Большой Аякс издает воинственный крик и разит Симоисия — отбивает его щит и вгоняет копье с такой силой, что наконечник, вонзившись чуть выше правого соска, пробивает лопатку и на фут выходит из спины. Симоисий шатается, па-

дает на колени и смотрит в изумлении — сперва на Аякса, затем на древко в своей груди. Большой Аякс упирается обутой в сандалию ногой в лицо Симоисия и выдергивает копье; мальчик ничком падает в мокрую от крови пыль. Большой Аякс бьет себя в нагрудный доспех и ревом зовет своих воинов за собой.

Троянец Антиф с расстояния в двадцать пять футов бросает в Аякса пику, но промахивается и попадает в ахейца Левка, который помогает Одиссею тащить труп еще одного троянского военачальника. Копье вонзается Левку в пах и выходит через анальное отверстие, таща на конце завитки красно-серых кишок. Левк падает на мертвого троянца, но еще какое-то жуткое мгновение извивается, силясь вытащить копье, однако лишь вываливает себе на колени еще внутренности. Все это время Левк вопит и свободной рукой цепляется за окровавленную руку Одиссея.

Левк наконец умирает, его глаза стекленеют. Одна его рука по-прежнему сжимает копье Антифа, другая стискивает запястье Одиссея. Тот высвобождается из хватки мертвеца и оборачивается. Его темные глаза под краем бронзового шлема сверкают, высматривая цель. Какую угод-

но цель. Одиссей бросает пику и сам кидается следом. В троянских рядах возникает брешь, в которую устремляются ахейцы.

Первым под ударом Одиссея падает Демокоон, побочный сын илионского царя Приама. Девять лет назад я был в городе в то утро, когда Демокоон прибыл защищать Приамов Илион. Все знали, что царь нарочно поставил юношу главным над своими знаменитыми конюшнями в Абидосе, городе к северо-востоку от Трои на южном берегу Геллеспонта, чтобы держать его подальше от глаз ревнивой супруги и законных детей. Абидосские кони были лучшими и самыми быстрыми на свете, и говорили, что Демокоон считал честью стать конюшим в столь молодом возрасте. Сейчас он оборачивается на грозный клич Одиссея, и тут острая пика пробивает ему левый висок, проходит насквозь и пригвождает раздробленную голову к опрокинутой колеснице. Демокоон буквально не успел понять, что произошло.

Троянцы отступают по всей линии, отброшенные назад яростью Одиссея и Большого Аякса; если удается, тащат знатных убитых с собой, если нет — бросают.

Гектор, величайший герой Илиона и самый честный из людей, спрыгивает с колесницы,

врывается в ряды бегущих, пытается пустить в ход пику и меч, зовет троянцев не отступать, однако даже он вынужден податься назад под натиском ахейцев и лишь призывает товарищей к дисциплине. Троянцы рубятся мечами и мечут копья, но отходят.

Я в облике илионского копейщика отступаю быстрее других, не боясь прослыть трусом. Ранее я окутался невидимостью от смертных взоров и двинулся туда, где видел за ахейскими рядами Афину; вскоре к ней присоединилась Гера (обе богини были невидимы для людей). Однако бой вспыхнул так быстро и развивался так яростно, что я покинул первые ряды вскоре после гибели Эхепола, надеясь, что улучшенное зрение и остронаправленный микрофон помогут мне уследить за событиями.

Неожиданно воздух густеет, и все вокруг замирает. Кровь не течет, копья повисают в воздухе. Те, кто должен умереть в следующие секунды, получают отсрочку, о которой никогда не узнают. Все звуки стихают, всякое движение прекращается.

Боги вновь играют в игры со временем.

Первым прибывает Аполлон, его колесница квитируется недалеко от Гектора. Следом воз-

никает бог войны Арес; минуту он зло спорит с Афиной и Герой, затем на своей колеснице перелетает над рядами воинов и опускается возле Аполлона. К ним присоединяется Афродита, смотрит в мою сторону — туда, где я притворяюсь, будто застыл, как прочие смертные, — улыбается и заговаривает со своими троянолюбивыми союзниками, Аресом и Аполлоном. Я краешком глаза наблюдаю, как богиня любви указывает на поле сражения, словно грудастый Джордж Паттон[17].

Боги здесь, чтобы драться.

Аполлон взмахивает рукой, тишину разбивает грохот, время накатывает, словно цунами движения и пыли, бойня возобновляется с новой силой.

[17] Примечания: 17

…словно грудастый Джордж Паттон. — Джордж Смит Паттон-младший (1885–1945) — один из самых видных американских генералов во время Второй мировой войны, воевал в Северной Африке, во Франции и в Германии.

10. Парижский Кратер

Ада, Харман и Ханна выждали два дня (наименьший срок, который приличия требовали выдержать перед посещением человека, вернувшегося из лазарета) и факсировали в Парижский Кратер, чтобы навестить Даэмана. Там была ночь, темная и холодная, а к тому же, как они обнаружили, выйдя из-под крыши Гардельонского факс-узла[18], шел дождь. Харман отыскал крытое ландо, и войникс покатил их на северо-запад, мимо разрушенных домов, вдоль высохшего русла реки, усеянного белыми черепами.

— Я никогда не бывала в Парижском Кратере, — сказала Ханна. Девушка, которой оставалось два месяца до первой Двадцатки, не любила большие города, а ПК с его двадцатью пятью тысячами полупостоянных жителей был одним из самых населенных факс-узлов на Земле.

— Отчасти поэтому я выбрала Гардельонский узел, а не порт под названием «Инвалидный

---

[18] Примечания: 18

...выйдя из-под крыши Гардельонского факс-узла... — Названия в Парижском Кратере представляют собой искаженные современные названия: Гардельон — *Gare de Lyon* (Лионский вокзал), Инвалидный отель — *Hôtel des Invalides* (Дом инвалидов) и др.

отель», ближе к тому месту на краю кратера, где живет Даэман, — ответила Ада. — Все в этом городе древнее, и его стоит посмотреть.

Ханна с сомнением кивнула. Ряды строений из камня и стали, по большей части одетые теперь в сверкающий твердопласт, выглядели пустыми, темными и под дождем блестели дешевым глянцем. По темным улицам деловито летали сервиторы и светопузыри, по углам недвижно стояли безмолвные войниксы, и только люди почти не встречались. Хотя, конечно, как заметил Харман, было уже больше десяти вечера, а даже мегаполис вроде Парижского Кратера должен когда-то спать.

— А вот это уже занятно! — воскликнула Ханна, указывая на грандиозное сооружение, вздымающееся на тысячу футов над городом.

Харман кивнул:

— Начало Потерянной Эпохи. Некоторые говорят, что эта конструкция — ровесница Парижского Кратера, а может быть, и города, который был тут раньше. Символ города и народа, который ее воздвиг.

— Интересно, — повторила Ханна.

Тысячефутовая грубая статуя обнаженной женщины была по виду сделана из какого-то

прозрачного полимера. Голова то исчезала в низких облаках, то вновь мелькала в очередном просвете, и Ханна видела, что лицо лишено черт, только между алыми губами зияет оскал. От сферической головы кудрями отходили пятидесятифутовые пружины. Женщина стояла, расставив ноги, ступни терялись во мраке между домами, а внутри одной ляжки разместился бы весь Ардис-Холл. В исполинских карикатурных грудях бурлила багряная фотолюминесцентная жидкость, то сбегая водопадом к животу и ногам, то поднимаясь к воздетым рукам и ухмыляющемуся лицу. Свет от живота, грудей и огромных ягодиц заливал рубиновым сиянием верхушки построек вокруг кратера.

— Как ее называют? — спросила Ханна.

– *La putain enorme*[19], — ответила Ада.

— И что это значит?

— Никто не знает, — сказал Харман и велел войниксу повернуть налево, на шаткий мост.

Ландо въехало на то, что было островом, когда в реке сухих черепов текла вода. Некогда здесь стояло довольно большое здание, теперь, словно яйцо в гнезде рухнувших стен, светился багро-

---

[19] Примечания: 19
Исполинская блудница *(фр.)*.

вым низкий купол.

— Жди тут, — сказал Харман войниксу и повел девушек через заросшие развалины к прозрачному куполу.

Посреди помещения стояла четырехфутовая плита белого камня, пол у ее основания изрезали желоба и сточные канавки. За плитой высилось грубое изваяние голого мужчины, вырезанное из того же камня. Мужчина целился из лука.

— Мрамор, — определила Ханна, проведя рукой по гладкой поверхности. — А что это за место?

— Святилище Аполлона, — ответил Харман.

— Я слышала о новых храмах, — заметила Ада, — но никогда их прежде не видела. Я думала, это редкость — несколько алтарей в лесу, поставленные шутки ради.

— Их много и в Парижском Кратере, и в других крупных городах, — сказал Харман. — Храмы Афины, Зевса, Ареса — в общем, всех богов из туринской истории.

— А желоба и канавки… — начала Ханна.

— Это для стекающей крови жертвенных животных, — объяснил Харман. — По большей части овец и коров.

Ханна сделала шаг назад и сложила руки на груди.

— Люди же не станут… убивать животных?

— Не станут, — ответил Харман. — У них для этого есть войниксы. По крайней мере, пока.

Ада стояла у входа; ливень за ее спиной превратил дверной проем в мерцающий пурпуром водопад.

— А что здесь было прежде? В этих развалинах?

— Я почти уверен, что это храм Потерянной Эпохи, — сказал Харман.

— В честь Аполлона? — Ханна вся напряглась, прижав сложенные руки к телу.

— Вряд ли. Среди обломков попадаются куски статуй, однако это не боги, не люди, не войниксы и, думаю, даже не совсем… демоны. Для них есть старинное слово — «горгулья», но я не знаю, что оно означает.

— Давайте отсюда выбираться, — сказала Ада.

Они пересекли реку сухих черепов и вновь поехали на запад. Широкие бульвары закончились. Здесь здания Потерянной Эпохи были увенчаны новыми, более высокими постройками, в том числи очень новыми, вероятно, не старше тысячи лет, — черными кружевными конструкциями из бакикарбона и блестящего под дождем бамбука. Ханна вызвала функцию поиска, и светлый квад-

ратик над ее левой ладонью засветился сперва янтарным, затем красным и, наконец, зеленым по мере того, как они по винтовым лестницам и на лифтах поднимались от уровня улицы на уровень мезонинов, оттуда на висячую эспланаду в пятнадцати этажах над крышами старого города, а с эспланады к жилым отсекам. У перил эспланады Ханна остановилась глянуть вниз. Как всех, кто бывал здесь впервые, ее заворожил немигающий алый глаз посреди бездонного черного кратера; Аде пришлось взять подругу за локоть и вести к следующему лифту и лестнице.

Как ни странно, дверь в жилище Даэмана открыл не сервитор, а человек. Ада представила своих друзей, и женщина (на вид ей было чуть за сорок, как всем на четвертой-пятой Двадцатке) назвалась Мариной, матерью Даэмана. Она повела их по коридорам, покрашенным в теплых тонах, и по внутренней винтовой лестнице, через общие помещения к личным апартаментам на кратерной стороне жилой башни.

— Разумеется, сервитор доставил сообщение, что вы придете, — сказала Марина, останавливаясь перед красивой резной дверью красного дерева, — однако Даэмана я не предупредила. Он все еще… взволнован… после несчастного

случая.

— Однако самого происшествия не помнит? — спросил Харман.

— Не помнит, конечно, — ответила Марина. Ада начинала замечать в этой привлекательной, приятно полноватой рыжеволосой женщине некоторое сходство с Даэманом. — Хотя вы знаете, как говорят… клеточная память.

«Правда, клетки уже не те», — подумала Ада. И промолчала.

— Думаете, наш приход его расстроит? — спросила Ханна. Аде подумалось, что тон у нее скорее любопытный, чем озабоченный.

Марина изящно развела руками, словно говоря: «Посмотрим», затем постучала в дверь и, услышав приглушенный голос сына, отворила.

Комната была просторная, обитая яркими тканями; ее украшали легкие шелковые ковры и кружевные занавески вокруг спального уголка. Дальняя стена, целиком из стекла, открывалась на личный балкон. Лампы горели приглушенно, но сразу за балконом полыхали огни вечернего города, а в полумиле, за темным кратером, сияли созвездия фонарей, светопузырей и мягких электрических огней. Даэман сидел в кресле у окна, по которому бежали дождевые струи, и

смотрел на город, словно размышляя об огнях. При виде гостей он заморгал, но тут же указал им на расставленную по кругу мягкую мебель. Марина ушла, закрыв за собой дверь. Ада, Ханна и Харман сели. Сквозь приоткрытые стеклянные двери через экраны тянуло свежестью, дождем и влажным бамбуком.

— Мы решили тебя проведать, — сказала Ада. — И еще я должна попросить прощения за несчастный случай… за то, что не позаботилась о госте.

Даэман улыбнулся и пожал плечами, но руки у него немного дрожали. Он положил их на колени, прикрытые полами шелкового халата.

— Я мало что помню. Какой-то шум в чаще, запах падали, — да, это тоже, — и сразу же резервуар в лазарете. Сервиторы, конечно, рассказали, что произошло. Это было бы забавно, не будь сама мысль настолько… омерзительна.

Ада кивнула, подалась вперед и взяла его за руку:

— Прости меня, Даэман-ур. В последние десятилетия аллозавры в поместье почти не заходили, да и войниксы всегда нас защищают…

Даэман нахмурился, но руку у нее не отнял.

— Не очень-то они меня защитили.

— Да уж, странно. — Харман скрестил ноги и постучал пальцами по гофрокартоновому подлокотнику кресла. — Очень странно. Не припомню, когда последний раз войникс не защитил человека в такой ситуации.

Даэман поднял на него глаза:

— Вам привычны ситуации, когда рекомбинантные животные едят людей, Харман-ур?

— Нет, нисколько. Я имел в виду ситуации, когда люди в опасности.

— Еще раз прости, — сказала Ада. — Войниксы повели себя необъяснимо, однако моя беспечность неизвинительна. Я сожалею, что твоя поездка в Ардис-Холл оказалась испорчена и происшествие смутило твое чувство гармонии.

— Смутило, да… возможно, не совсем точное слово для описания того, что тебя сожрал шеститонный хищник, — сказал Даэман, однако чуть улыбнулся и кивнул, принимая извинения.

Харман сдвинулся на край кресла, сцепил руки и принялся покачивать ими, подчеркивая значимость своих слов.

— У нас остался неоконченный разговор, Даэман-ур…

— Про космический корабль? — Ирония в голосе Даэмана сменилась сарказмом.

Но Хармана оказалось трудно сбить с толку. Он продолжал покачивать сцепленными руками в такт своей речи.

— Да. Хотя не только… Это наша конечная цель, а для начала… Что угодно, лишь бы летало. Джинкер. Соньер. Ультралайт. Главное — перемещаться между факс-порталами.

Даэман под его напором подался назад и скрестил руки:

— Почему ты так настаиваешь? И чего вы ко мне-то пристали?

Ада коснулась его руки:

— Даэман, мы с Ханной слышали от разных людей, что на недавнем рауте в Уланбате — с месяц назад, если не ошибаюсь, — ты говорил знакомым, будто знаешь человека, который видел космический корабль… и упоминал перелеты между узлами…

Даэман сумел сделать разом непонимающий и раздраженный вид, но потом рассмеялся и тряхнул головой.

— Ведьма, — сказал он.

— Ведьма? — переспросил Харман.

Даэман развел руками, повторяя грациозный жест матери.

— Так мы ее называли. Забыл настоящее имя.

Сумасшедшая. Очевидно, на Последней Двадцатке. — Он быстро глянул на Хармана. — Под конец жизни люди теряют связь с реальностью.

Харман улыбнулся и пропустил намек мимо ушей.

— Так ты не помнишь, как ее звали?

Даэман повторил свой жест, уже досадливо.

— А где ты ее видел? — спросила Ада.

— На прошлом «Горящем человеке»[20]. Года полтора назад. Не помню где… в каких-то холодных краях. Мои друзья факсировали из Чома, и я просто к ним присоединился. Церемонии Потерянной Эпохи меня никогда особо не увлекали, но там собралось много красивых женщин.

— Я там была! — воскликнула Ханна, сверкая глазами. — Народу было очень много, тысяч десять.

Харман извлек из кармана многократно сложенный лист и принялся расправлять его на оттоманке между ними.

— А название узла помнишь?

Ханна помотала головой:

---

[20] Примечания: 20

На прошлом «Горящем человеке». — «Горящий человек» (Burning Man) — ежегодное событие, которое проводят в Америке с 1986 года и которое организаторы определяют как эксперимент по созданию сообщества радикального самовыражения. Кульминация события — сожжение огромной деревянной статуи человека.

— Это один из полузабытых, пустых. Организаторы разослали код узла за день до церемонии. Похоже, там никто не живет. Помню каменистую долину, а вокруг — снега. И еще все пять суток Горящего Человека светило солнце. Днем и ночью. И холод был жуткий. Сервиторам пришлось раскинуть над всей долиной поле Планка и расставить повсюду обогреватели, но за пределы долины никого не выпускали.

Харман посмотрел на свой мятый, выцветший лист микропергамента. Страницу покрывали кривые линии, точки и загадочные значки, как в книгах. Он ткнул пальцем в самый низ рисунка:

— Вот. То, что когда-то было Антарктикой. Узел называется «Сухая долина».

Даэман непонимающе захлопал ресницами.

— Это карта, над которой я работал пятьдесят лет, — сказал Харман. — Двухмерное изображение Земли. Здесь нанесены известные факс-узлы и записаны их коды. В Антарктике отмечены семь узлов, но лишь в одном из них — в этой сухой долине, про которую я слышал, хотя сам там не бывал, — нет снега и льда.

Даэман по-прежнему ничего не понимал. Даже Ада и Ханна выглядели озадаченными.

— Не важно, — сказал Харман. — Но если солн-

це светило день и ночь, то узел, вероятно, в этой сухой долине. Полярным летом оно в некоторые дни вообще не садится.

— Оно и в Чоме не садится, когда на улице июнь, — вставил Даэман, изнывая от скуки. — Это рядом с твоей сухой долиной?

— Нет. — Харман указал на верх карты. — Я почти уверен, что Чом расположен тут, на большом полуострове выше полярного круга. Северный, а не южный полюс.

— Северный полюс? — переспросила Ада.

Даэман глянул на девушек:

— А я еще думал, та ведьма на Горящем Человеке сумасшедшая.

— Ты помнишь, что еще говорила та женщина, ведьма? — спросил Харман. Он был так увлечен, что нисколько не обижался.

Даэман устало тряхнул головой:

— Так, болтовня. Мы все немного перебрали. Это была ночь Сожжения, и мы не спали несколько суток из-за того, что ночи светлые, так, задремывали на пару часиков в большой оранжевой палатке. Последний вечер всегда завершается оргией, и я подумал, что, возможно, она… впрочем, на мой вкус она была старовата.

— Но она говорила о космическом кораб-

ле? — Харман изо всех сил старался проявлять терпение.

Даэман снова развел руками:

— Кто-то… молодой человек, по виду ровесник Ханны… сетовал, что с финального факса у нас нет соньеров, чтобы на них летать. И эта… ведьма… она, вообще-то, сидела очень тихо, хотя, очевидно, тоже порядком наклюкалась… сказала, что на Земле есть и джинкеры, и соньеры, надо лишь места знать. Она сказала, что постоянно ими пользуется…

— Ну а корабль? — настаивал Харман.

— Она сказала, что видела его, вот и все. — Даэман поморщился и потер виски. — Около музея. Я еще поинтересовался, что такое музей, только она не ответила.

— Почему ее прозвали ведьмой? — спросила Ханна.

— Ну, это не я начал. Все так говорили, — ответил Даэман, как будто оправдываясь. — Думаю, это из-за ее слов, будто бы она не факсировала, а пришла пешком, хотя это совершенно невозможно… во всей долине нет больше ни одного узла, да и вообще ничего, а поле Планка не позволило бы туда проникнуть…

— Точно, — сказала Ханна. — Последний Го-

рящий Человек был в самом удаленном месте, куда мне случалось факсировать. Жаль, что я не поговорила с той женщиной.

— Я видел ее только в две ночи, первую и последнюю, — сказал Даэман. — Да и то она по большей части не раскрывала рта, если не считать того странного разговора.

— А как ты догадался, что она старая? — мягко спросила Ада.

— Ты имеешь в виду, не беря в расчет ее явного безумия?

— Да.

Даэман вздохнул:

— Она *выглядела* старой. Как если бы слишком часто наведывалась в лазарет. — Он нахмурился, припомнив, что сам только что побывал в лазарете. — Она выглядела старше всех, кого я знаю. Кажется, у нее даже были эти… борозды на лице.

— Морщины? — проговорила Ханна чуть ли не с завистью.

— Но имя ее ты не запомнил? — спросил Харман.

Даэман мотнул головой:

— Кто-то у костра обратился к ней в ту ночь по имени, но я не… Понимаете, я тоже много выпил и долго не спал…

Харман глянул на Аду, набрал в грудь воздуха и спросил:

— Случайно, не Сейви?

Даэман вскинул голову:

— Да. Думаю, да. Сейви… да, звучит похоже. Необычно.

Харман с Адой многозначительно переглянулись, и Даэман спросил:

— А что? Это важно? Вы ее знаете?

— Вечная Жидовка, — сказала Ада. — Ты слышал легенду?

Даэман устало улыбнулся:

— Про женщину, которая каким-то образом пропустила финальный факс тысячу четыреста лет назад и с тех пор обречена скитаться по Земле? Слышал, конечно. Но не знал, что у женщины из легенды было имя.

— Сейви, — сказал Харман. — Ее зовут Сейви.

Марина вошла в комнату вместе с двумя сервиторами, которые доставили кружки с подогретым приправленным вином и бутерброды с сыром на подносе. Неловкую тишину сменила обычная светская беседа за ужином.

— Факсируем сегодня ночью, — объявил Харман своим спутницам. — В сухую долину. Там мог остаться какой-нибудь след.

— И как мы его отыщем? — Ханна двумя руками держала горячую кружку. — Как сказал Даэман, Горящий Человек был полтора года назад.

— А когда следующий? — спросила Ада. Она никогда не бывала на церемониях эры Деменции.

Ответил Харман:

— Никто не знает. Кабала Горящего Человека назначает дату и уведомляет гостей лишь за несколько дней до начала. Иногда промежуток составляет два-три месяца, иногда десять лет. Тот, что в сухой долине, был последним. Если вы присутствовали хоть на одном из прошлых трех, вы получаете приглашение. Я на последний не попал, так как путешествовал в районе Трех Рук.

— Я хочу отправиться на поиски этой женщины вместе с вами, — сказал Даэман.

Остальные, включая мать, уставились на него с изумлением.

— Думаешь, тебе хватит сил? — спросила Ада.

Даэман оставил вопрос без внимания.

— Я вам нужен, чтобы опознать эту женщину… Сейви… если вы ее отыщете.

— Отлично, — решил Харман. — Мы ценим твою помощь.

— Но факсируем утром, — сказал Даэман. — Не ночью. Я устал.

— Конечно, — ответила Ада и повернулась к своим спутникам: — Факсируем обратно в Ардис-Холл?

— Чепуха, — сказала Марина. — Переночуете у нас. Наверху есть уютные гостевые помещения. — Она заметила, что Ада покосилась на Даэмана. — Мой сын очень утомлен после… происшествия. Он может спать десять часов и больше. Если вы останетесь у нас, то сможете отправиться вместе, когда он проснется. После завтрака.

— Конечно, — повторила Ада.

Разница во времени между Ардис-Холлом и Парижским Кратером составляла семь часов — в Ардис-Холле сейчас еще не сели бы ужинать, — но, как все факс-путешественники, они привыкли приноравливаться к местному расписанию.

— Мы проводим вас в спальни. — Марина пошла вперед, указывая путь, а два сервитора послушно поплыли рядом.

«Спальни» оказались отдельными апартаментами этажом выше тех, которые занимали Марина с Даэманом; туда вела широкая винтовая лестница. Ханна сказала, что ей тут нравится, но почти сразу ушла в одиночку осматривать Парижский Кратер. Харман пожелал всем спо-

койной ночи и ушел к себе. Ада заперла дверь, поразглядывала занятные ковры, полюбовалась с балкона на кратер — дождь как раз прекратился, и за рваными облаками сияли луна и кольца — и велела сервиторам подать легкий ужин. Потом она наполнила ванну и с час нежилась в горячей ароматизированной воде, чувствуя, как уходит из мускулов напряжение.

Она впервые увидела Хармана всего двенадцать дней назад, но ей казалось, что они знакомы давным-давно. Этот человек и его интересы зачаровали ее. Ада отправилась праздновать летнее солнцестояние в усадьбе друзей неподалеку от развалин Сингапура; не потому, что любила многолюдные праздники (она по возможности избегала и факсов, и светских приемов и бывала почти исключительно у старых друзей на скромных вечеринках в приятельском кругу), а потому, что ее младшая подруга Ханна собиралась туда и очень уговаривала составить компанию. Праздник солнцестояния был по-своему неплох, и гости собрались интересные, поскольку хозяйка недавно отметила четвертую Двадцатку — Ада всегда любила общество людей старше себя. И тут она увидела Хармана, когда тот рылся в усадебной библиотеке. Он держался очень тихо, даже

скрытно, но Ада сумела его разговорить, прибегнув к тем же уловкам, какими друзья втягивали в беседы ее саму.

Ада не знала, что думать об умении Хармана читать без помощи функции (он сознался в этой способности лишь на встрече у еще одних друзей, всего за шесть дней до приезда в Ардис-Холл), но чем больше Ада об этом думала, тем больше дивилась. Она всегда считала себя образованной: знала все народные песни и предания, заучила Одиннадцать семейств и всех их членов, помнила наизусть многие факс-узлы. Однако от широты Харманова кругозора и его пытливости у нее захватывало дух.

Даже Ханна, любопытная искательница приключений, не оценила по достоинству карту, которую Харман развернул перед Даэманом, однако Ада не переставала дивиться этому листку. Она даже не сталкивалась с самой идеей карты, пока Харман не показал ей свою. И еще он объяснил, что Земля имеет форму шара. Многие ли друзья Ады это знали? Многие ли вообще задумывались о форме своего мира? Мир — это твой дом и сеть факсов, с помощью которых ты навещаешь приятелей. Кто когда-нибудь задумывался о форме того, что под факс-сетью и вне ее? И зачем

бы они стали об этом думать?

С первой встречи Ада поняла, что интерес Хармана к постлюдям граничит с одержимостью. «Нет, — поправила она себя, бледными пальчиками подгоняя островки радужной пены от груди к шее, — это и впрямь одержимость. Он постоянно думает о постлюдях — где они и почему нас оставили. Чего ради?»

Ада, разумеется, не знала ответа, но она заразилась страстным любопытством Хармана, отнеслась к этому как к игре, как к приключению. А он продолжал задавать вопросы, над которыми другие ее друзья просто рассмеялись бы: «Почему нас, людей, ровно миллион? Почему постлюди выбрали это число? Почему не больше и не меньше? Почему каждому из нас отведено сто лет? Зачем они оберегают нас даже от нашего собственного безумия, чтобы мы прожили век?»

Вопросы были такие простые и такие глубокие, что даже смущали — как если бы взрослый спросил, отчего у нас есть пупок.

Однако Ада включилась в игру — искать летающую машину, возможно, космический корабль, чтобы добраться до колец и лично встретиться с постлюдьми. А теперь вот эта Вечная Жидовка из легенды эпохи финального факса. Каждый

прожитый день приносил новые волнующие события.

Вроде того, как Даэмана съел аллозавр.

Ада покраснела и увидела, как ее бледная кожа розовеет до самой линии воды и пены. Как неловко все получилось! Никто из гостей не помнил ничего хоть сколько-нибудь похожего. Почему войниксы его не уберегли?

«Кто такие войниксы? — спросил ее Харман двенадцать дней назад в жилом доме на дереве неподалеку от Сингапура. — Откуда они взялись? Создали их люди Потерянной Эпохи? Или постлюди? Или они продукт пострубиконовой деменции? Или они чужаки в нашем мире и времени, а сюда явились с какой-то собственной целью?»

Ада помнила свой неловкий смех в тот вечер, когда они сидели на увитой виноградом террасе, пили шампанское и Харман серьезным тоном задал свой нелепый вопрос. Однако она не сумела ему ответить, как не сумели ответить ее друзья в следующие дни, хотя они смеялись еще более нервно, чем она. И теперь Ада, всю жизнь видевшая войниксов каждый день, смотрела на них с любопытством, почти с опаской. И Ханна тоже.

«Кто ты?» — гадала Ада в тот вечер, когда они

вышли из ландо в Парижском Кратере, а войникс остался стоять — по виду безглазый, в ржавом панцире и мокром от дождя кожаном капюшоне; его смертоносные лезвия были втянуты, а выдвинутые манипуляторы по-прежнему держали дышла повозки.

Ада вылезла из ванны, вытерлась, накинула тонкий халат и приказала сервиторам исчезнуть. Они удалились через одну из осмотических стенных мембран. Ада вышла на балкон.

Балкон Хармана примыкал справа к ее балкону, однако их разделяла плотная ширма из бамбукового волокна, на три фута выдающаяся за перила. Ада подошла к перегородке, мгновение постояла у перил, глядя на красное око кратера внизу, подняла глаза к прояснившемуся звездному небу и кольцам, затем перебросила ногу через перила и почувствовала внутренней поверхностью бедра гладкий мокрый бамбук. В следующий миг она шагнула наружу, босиком нащупывая путь по тонкому нижнему краешку перегородки.

Секунду она держалась только пальцами на ногах и на руках, чувствуя, как сила тяготения тащит ее в пустоту. *Каково это — падать с такой высоты в бурлящую магму, знать, что я умру через несколько ужасных и абсолютно свободных*

минут падения? Ада знала, что никогда не получит ответа. Если ее пальцы соскользнут, она, очнувшись в лазарете, не вспомнит последних минут и секунд. Постлюди отказали человеку в воспоминании о смерти.

Ада прижалась грудями к краю перегородки, выровняла равновесие, перенесла левую ногу и нащупала узкий бамбуковый карниз по другую сторону перегородки. Она не решалась глянуть, на балконе Харман или за стеклянной дверью; все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы пальцы не соскользнули с мокрого бамбука.

Она добралась до балкона и замерла, вцепившись до дрожи в руках в перила. За всплеском адреналина пришла слабость. Ада торопливо перекинула левую ногу через перила; халат распахнулся, шов перил царапнул ей икру.

Харман сидел в шезлонге, скрестив ноги, и наблюдал за Адой. Его балкон освещала одинокая свеча в стеклянной колбе.

— Мог бы и помочь, — прошептала Ада, не зная, зачем это сказала и отчего шепчет. Теперь она видела, что на Хармане тоже лишь гостевой шелковой халат, неплотно завязанный поясом.

Харман улыбнулся и покачал головой:

— Ты отлично справлялась сама. Но почему

было просто не постучать в дверь?

Ада глубоко вдохнула и как бы в ответ распустила узел на поясе и распахнула халат. Воздух, идущий от кратера, был холодным, но с прохладными струями мешались теплые, и они ласкали низ ее живота.

Харман встал, подошел к Аде, посмотрел ей в глаза и запахнул ее халат, стараясь не касаться кожи.

— Это большая честь для меня, — сказал он, тоже шепотом. — Но не сейчас, Ада. Не сейчас.

Он взял ее за руку и повел к шезлонгу.

Когда они уже лежали на шезлонге бок о бок и Ада изумленно моргала и краснела от чего-то вроде стыда — то ли из-за полученного отказа, то ли из-за собственной дерзости, она точно не знала, — Харман вытащил из-за кресла две нежно-кремовые туринские пелены и сложил каждую так, чтобы вышитые микросхемы оказались в нужном положении.

— Я не… — начала Ада.

— Знаю. Только сегодня, один раз. Думаю, произойдет нечто важное. И я хочу разделить это с тобой.

Она откинулась на мягкую подушку и позволила Харману расправить туринскую пелену у нее

на глазах, затем почувствовала, как он лег рядом и положил свою правую руку на ее левую.

Изображения, звуки и ощущения хлынули мощным потоком.

11. Илионская равнина

Боги спустились с Олимпа поиграть. А точнее, они собрались заняться убийствами.

Битва в разгаре; Аполлон подстегивает троянцев, Афина пришпоривает аргивян, другие боги расположились в тени раскидистого дерева на ближайшем холме и время от времени смеются. Ирида и прочие слуги наливают им вино. Только что на моих глазах предводитель фракийцев Пирос, доблестный союзник троянцев, убил камнем сероглазого Диора, который командовал эпейским контингентом греческой армии. Брошенный Пиросом камень лишь сломал ему лодыжку, но почти все товарищи Диора обратились в бегство. Опьяненный битвой Пирос прорубился сквозь горстку тех, кто остался защищать своего предводителя. Несчастный Диор беспомощно лежал в пыли. Пирос вонзил длинную пику в живот эпейца, подцепил внутренности зазубренным наконечником да еще и провернул. Все это время Диор ужасно кричал.

То был самый яркий момент последнего получаса битвы, и я с облегчением вздохнул, когда

Афина Паллада, взглядом испросив разрешения других богов, подняла руку и остановила время.

Зрение, усиленное полученными от богов контактными линзами, позволяет мне сквозь лес ощетинившихся копий наблюдать, как Афина превращает Диомеда, сына Тидея, в машину убийства. Я говорю в буквальном смысле. Почти в буквальном. Подобно олимпийцам и мне, Диомед будет теперь отчасти машиной: его глаза, кожа и особенно кровь обретают новые свойства за счет нанотехнологии из какой-то эпохи после моей краткой жизни. В замороженном времени Афина надевает на глаза ахейца примерно такие же линзы, как у меня. Теперь он видит богов и каким-то образом может, сосредоточившись, немного замедлять время в гуще боя, то есть, на взгляд обычного наблюдателя, троекратно повышать скорость своей реакции. У Гомера сказано: «Пламень… зажгла вкруг главы и рамен Диомеда» — и теперь я понимаю метафору. С помощью нанотехнологических устройств в своей ладони и руке Афина обращает пренебрежимо малое электромагнитное излучение вокруг Диомедова тела в серьезное силовое поле. В инфракрасном свете торс, руки, щит и шлем Диомеда внезапно охватывает огонь, «блеском подобный звезде той

осенней, которая в небе всех светозарнее блещет». Сейчас, глядя, как сияет Диомед в янтаре остановленного богами времени, я понимаю, что Гомер имел в виду Сириус, Собачью звезду, самую яркую на греческом (и троянском) небе в конце лета. Сегодня ночью она горит на востоке.

Продолжаю внимательно следить. Афина впрыскивает в бедро Диомеда миллиарды молекулярных наномашинок. Как всегда при таком нановторжении, организм воспринимает его как инфекцию, и температура у Диомеда подскакивает как минимум на пять градусов. Я вижу, как армия наномашин движется вверх по его бедру к сердцу, из сердца в легкие, а оттуда снова к ногам и рукам. От жара тело ахейца светится в инфракрасном спектре еще сильнее.

Вокруг меня смерть на поле брани замерла на эти растянувшиеся минуты. В десяти ярдах колесница замерла в застывшем облаке пыли, человеческого пота и конской пены. Возничий — невозмутимый приземистый Фегес, сын троянского жреца и брат доблестного Идея (в чужом обличье я за последние годы много раз преломлял с Идеем хлеб и пил вино), перегнулся через край колесницы, сжимая длинную пику. Рядом Идей замахнулся бичом на коня, а другой

рукой сжимает окаменевшие вожжи. Братья мчались прямо на Диомеда в тот миг, когда Афина остановила время, чтобы поиграть в куклы со своим избранником. Она одевает Диомеда в силовые поля, линзы особого видения и прочие наноусиления, словно девчонка, наряжающая Барби. (Я помню девочку, играющую с Барби. Наверное, это сестра из моего детства. Я не думаю, что у меня была дочь. Точно я, разумеется, не уверен, поскольку воспоминания, вернувшиеся в прошлые месяцы, — как осколки стекла с затуманенными отражениями.)

Я так близко к колеснице, что вижу упоение битвы на загорелом лице Фегеса и ужас в его немигающих карих глазах. Если только Гомер не ошибся при описании битвы, Фегес погибнет меньше чем через минуту.

Все новые боги слетаются к месту сражения, словно стервятники на падаль. Бог войны Арес материализуется по мою сторону сражающихся, подходит к замороженной во времени колеснице с Идеем и его обреченным братом и раскрывает за ней собственное защитное поле.

Какое Аресу дело, что будет с этими двумя? Да, Арес не любит греков и убивает их сам или посредством своих орудий при любой возможно-

сти, но отчего такая забота о Фегесе и его брате Идее? Просто контрмера против стратегии Афины, которая добавляет сил Диомеду? Осточертела мне эта шахматная игра, в которой живые люди падают, кричат и умирают. Однако стратегия до сих пор меня интригует.

Тут я вспоминаю, что бог войны — единоутробный брат бога огня Гефеста, тоже рожденного Зевсовой женой Герой, а Дарес, отец Фегеса и Идея, долгие годы верно служит богу огня за крепкими стенами Трои.

Эта идиотская война еще сложнее и запутаннее Вьетнамской, которую я смутно помню из моей юности.

Тут Афродита, моя новая покровительница и начальница, квитируется в тридцати ярдах от меня. Она здесь тоже с целью помочь троянцам и насладиться бойней. Однако…

В последние замедленные секунды перед возобновлением реального времени я вспоминаю, что, если бой пойдет как в древней поэме, в следующий час саму Афродиту ранит Диомед. *Зачем она сунулась в стычку, зная, что смертный нанесет ей рану?*

Ответ известен, и в последние девять лет мне все о нем напоминало, но сейчас осознание по-

ражает меня с силой ядерного взрыва — *боги не знают будущего*! Никому, кроме Зевса, не позволено раньше времени заглянуть в чек-лист Судьбы.

Все мы, схолиасты, это знаем. Зевс запретил нам обсуждать с богами будущие события, а им не разрешается спрашивать у нас про следующие песни «Илиады». Наша задача — задним числом подтвердить, что Гомерова «Илиада» верно излагает события, которые мы видели и записали. Как часто мы с Найтенгельзером, наблюдая на закате, как маленькие зеленые человечки тащат к берегу исполинские каменные головы, обсуждали этот парадокс слепоты богов к грядущим событиям.

Я знаю, что Афродиту сегодня ранят, но самой богине это неведомо. Как мне воспользоваться этими сведениями? Если я предупрежу Афродиту, Зевс узнает — понятия не имею, каким образом, но точно узнает. Меня распылят на атомы, Афродиту тоже как-то накажут. *Как воспользоваться информацией о том, что Афродиту, вручившую мне шпионские дары, сегодня — возможно — ранит Диомед?*

Но размышлять некогда. Афина, закончив возиться с Диомедом, выпускает время на волю.

Возвращаются обычный свет, грохот, стреми-

тельное движение. Диомед делает шаг вперед, его лицо и щит полыхают; их сияние, насколько я понимаю, видно даже другим смертным, равно ахейцам и троянцам.

Идей опускает бич на конский круп; колесница с грохотом несется на греческие ряды, прямо на Диомеда.

Фегес бросает в него пику, она пролетает в дюйме над левым плечом Тидеева сына.

Диомед — его кожа полыхает жаром, на лбу блестит горячечный пот — бросает копье. Оно попадает Фегесу точно в грудь — «меж сосцов», вроде бы пел по-гречески Гомер. Фегес вылетает из колесницы спиной вперед, падает на землю и несколько раз переворачивается, копье ломается в щепки, катящееся тело останавливается в пыли от колесницы, в которой убитый мчался пять мгновений назад. На Илионской равнине смерть если приходит, то приходит быстро.

Идей на ходу спрыгивает с колесницы, перекатывается и вскакивает, готовый защищать труп брата с мечом в руках.

Диомед выхватывает другое копье и кидается вперед с намерением убить Идея, как только что убил его брата. Троянец обращается в бегство, оставив тело брата в пыли, но Диомед бросает

длинное копье ему в спину, между лопаток.

Арес, бог войны, летит вперед — буквально летит, применяя такую же левитационную сбрую, какую боги выдали мне, — и вновь приостанавливает время. Копье замирает менее чем в десяти футах от спины Идея. Арес окутывает Идея силовым полем и запускает время на столько, чтобы поле отклонило Диомедово копье. Затем он квант-телепортирует перепуганного юношу с арены сражения в какое-то безопасное место. Потрясенным и напуганным троянцам кажется, будто черная ночь молниеносно спустилась и унесла их товарища прочь.

Чтобы Аресов брат Гефест, бог огня, не лишился обоих будущих жрецов сразу, думаю я и тут же отскакиваю назад. Заметив во вражеских рядах брешь, пробитую Диомедом, греки кидаются вперед, жестокая сеча возобновляется с новой силой, и я вынужден ретироваться от греха подальше. Пустая колесница катится навстречу ахейцам, которые с радостью набрасываются на богатую добычу.

Арес вернулся. Полупроявившись в виде огромного божественного силуэта, он зычно призывает троянцев сплотить ряды и отразить натиск Диомеда. Однако троянцы раскололись — одни в

ужасе бегут от сияющего Диомеда, другие покоряются громовому голосу божества. Внезапно над головами сражающихся перелетает Афина, хватает разбушевавшегося Ареса за руку и что-то быстро шепчет ему на ухо.

Оба квитируются прочь.

Я вновь смотрю налево: скрытая от греков и троянцев, которые отчаянно бьются, вопят, ругаются и умирают вокруг нее, Афродита движением руки повелевает мне следовать за Афиной и Аресом.

Я надеваю Шлем Смерти и становлюсь невидимым для всех богов, кроме Афродиты. Активирую медальон и квитируюсь за Аресом с Афиной по их траектории в пространстве-времени так же легко, как по следам на мокром песке.

Легко быть богом. Если у тебя есть нужное снаряжение.

Они телепортировались недалеко, миль за десять от поля битвы, в тенистое местечко на берегу Скамандра (боги называют его Ксанфом), широкой реки, бегущей через Илионскую равнину. Когда я материализуюсь шагах в пятидесяти от них, Арес резко поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Мгновение я думаю, что Шлем Аида не сработал, они меня увидели и мне конец.

— Что такое? — спрашивает Афина.

— Я вроде бы… что-то почувствовал. Какое-то движение. Квантовую активность или…

Серые глаза Афины глядят прямо на меня.

— Там ничего нет. Я могу видеть во всех диапазонах фазовых перемещений.

— Я тоже, — рявкает бог войны и отворачивается.

Я судорожно перевожу дух, стараясь дышать как можно тише. Шлем Аида по-прежнему меня прячет. Арес принимается расхаживать по берегу взад-вперед.

— В последние дни мне кажется, что Зевс повсюду.

— Да, отец очень на нас зол, — говорит Афина, шагая рядом.

— Тогда зачем ты дразнишь его еще больше?

Богиня останавливается:

— Я? Дразню? Тем, что спасаю моих ахейцев от гибели?

— Тем, что подготовила Диомеда для резни, — говорит Арес. Я впервые замечаю, что кудрявые волосы у этого высокого, мускулистого, идеально сложенного бога отливают рыжиной. — Опасное дело ты затеяла, Афина Паллада.

Афина тихонько смеется:

— Девять лет мы вмешиваемся в эту войну. Бога ради, это же игра. Я знаю, что ты намерен сегодня вмешаться на стороне твоего любимого Илиона и перебить моих аргивян, словно овец! Разве это не опасно — активное участие бога войны?

— Не так опасно, как вооружить ту или другую сторону нанотехнологиями. Не так опасно, как снабдить их полем фазового перемещения. О чем ты думаешь, Афина? Ты пытаешься превратить этих смертных в нас. В богов.

Богиня снова смеется, но, увидев, что ее смех лишь больше злит Ареса, делает серьезную мину.

— Брат, ты же знаешь, что я добавила Диомеду сверхсилу на короткое время. Я хочу лишь, чтобы он пережил эту битву. Твоя дорогая сестрица Афродита уже подговорила троянского лучника Пандара ранить одного из моих любимцев, Менелая, а в это самое мгновение шепчет ему: «Убей Диомеда!»

Арес пожимает плечами. Афродита — его главная сообщница и подстрекательница. Словно обиженный мальчишка (восьмифутовый обиженный мальчишка, вокруг которого пульсирует мощное силовое поле), он берет с земли гладкий камешек и запускает по воде.

— Не все ли равно, умрет Диомед сегодня или через год? Он смертный. Он умрет.

Теперь Афина хохочет ему в лицо без всякого стеснения:

— Разумеется, братец, он умрет. И разумеется, жизнь одного смертного ничего для нас… для меня не меняет. Однако мы должны играть в Игру. Я не позволю этой сучке Афродите менять волю Судеб.

— Кто из нас знает волю Судеб? — сердито буркает Арес, скрестив руки на широкой груди.

— Отец знает.

— Зевс *говорит*, что знает, — с ухмылкой произносит Арес.

— Ты сомневаешься в словах нашего господина и повелителя? — Афина как будто слегка его поддразнивает.

Арес резко оборачивается, и на мгновение я пугаюсь, что выдал себя каким-то звуком. Я стою на плоском камне, чтобы не оставлять отпечатков ног на песке. Однако взгляд Ареса скользит дальше.

— Я не проявляю неуважение к нашему отцу, — изрекает наконец Арес тоном Ричарда Никсона в Овальном кабинете, говорящего в скрытый микрофон, о котором ему известно. — Вся моя

верность, и преданность, и любовь принадлежат Зевсу без остатка, Афина Паллада.

— Что отец наверняка ценит, — отзывается Афина, уже не скрывая ехидства.

Арес внезапно вскидывает голову.

— Проклятье! — кричит он. — Ты нарочно утащила меня с поля боя, чтобы твои ахейцы убили больше моих троянцев.

— Именно. — В устах Афины эти три слога звучат издевательски, и целую секунду я думаю, что сейчас увижу то, чего не видел все эти девять лет, — бой непосредственно между богами.

Однако Арес лишь с досадой пинает песок и квитируется обратно. Афина хохочет и, встав на колени у Скамандра, плещет себе холодной водой в лицо.

— Дурак, — шепчет она, вероятно имея в виду Ареса, но я отношу это к себе, укрытому лишь искажающим полем Аидова Шлема; слово «дурак» очень точно описывает мое безумие.

Афина квитируется обратно на поле боя. Я еще с минуту трепещу, думая о своей дурости, затем следую за ней.

Греки и троянцы по-прежнему убивают друг друга. Тоже мне новость.

Я направляюсь ко второму схолиасту на по-

ле боя (других не видно). Для невооруженного глаза Найтенгельзер — просто еще один грязный троянец, уклоняющийся от сечи, но я вижу зеленоватое свечение, которым боги отметили нас, схолиастов; оно различимо, даже когда мы в чужом обличье. Поэтому я снимаю Шлем Аида, морфирую в обличье Фалка (троянца, которого, кстати, скоро убьет Антилох) и подхожу к Найтенгельзеру, который наблюдает за бойней с невысокого холма.

— Доброе утро, схолиаст Хокенберри, — произносит он при моем приближении.

Мы говорим по-английски. Других троянцев поблизости нет, а дальше нас не расслышать за звоном бронзы и грохотом колесниц. К тому же в обеих разношерстных коалициях привыкли ко всевозможным племенным наречиям и диалектам.

— Доброе утро, схолиаст Найтенгельзер.

— Где ты пропадал последний час?

— Устроил передышку, — вру я.

Такое случается. Порой даже нас, схолиастов, так мутит от этой мясорубки, что мы квитируемся в Трою, чтобы провести часок-другой в тишине, а еще лучше — выпить большую глиняную бутыль вина.

— Я что-нибудь пропустил?

Найтенгельзер пожимает плечами:

— Минут двадцать назад Диомед ринулся в атаку и схлопотал стрелу. Точно по расписанию.

— От Пандара, — киваю я.

Пандар — тот самый лучник, что ранил Менелая.

— Я видел, как Афродита подбивала его выстрелить, — говорит Найтенгельзер, не вынимая рук из карманов плаща.

Разумеется, у троянских плащей карманов нет, так что Найтенгельзер сам их пришил.

А вот это и впрямь новость. Гомер не пел о том, что Афродита подбила Пандара выстрелить в Диомеда — только что Афина раньше убедила его ранить Менелая, дабы война продолжилась. Бедолага Пандар буквально дурак богов в этот — свой последний — день.

— Диомед ранен неглубоко? — спрашиваю я.

— В плечо. Сфенел оказался поблизости, вытащил стрелу. Видимо, она была неотравленная. Афина квитировалась на поле, отвела своего обожаемого Диомеда в сторонку и «…силу влила во члены героя, в ноги и руки».

Найтенгельзер цитирует какой-то незнакомый мне перевод.

— Опять нанотех, — говорю я. — Так Диомед уже нашел и убил лучника?

— Да, минут пять назад.

— Сказал Пандар свою бесконечную речь перед тем, как Диомед его убил? — спрашиваю я.

В моем любимом переводе Пандар оплакивает свою участь в сорока строках, долго говорит с троянским военачальником Энеем — да-да, тем самым! — и они вместе несутся к Диомеду в колеснице, швыряя в него копья.

— Нет, — говорил Найтенгельзер. — Пандар только ругнулся, когда стрела не попала в цель, потом запрыгнул на колесницу к Энею, метнул в Диомеда копье, которое пробило щит и доспех, но не задела мясо, и ругнулся второй раз, когда Диомедово копье угодило ему промеж глаз. Полагаю, очередной пример поэтической вольности Гомера в том, что касается монологов.

— А Эней?

Эта сцена чрезвычайно важна и для «Илиады», и для истории в целом. Я не могу поверить, что пропустил ее.

— Афродита его спасла, — подтверждает Найтенгельзер.

Эней — смертный сын богини, и она всячески его оберегает.

— Диомед громадным камнем раздробил Энею тазовую кость, как в поэме, однако Афродита закрыла раненого мощным полем и сейчас несет его с поля. Диомед чуть не лопнул от злости.

Я смотрю из-под руки:

— И где Диомед сейчас?

Впрочем, я и сам уже заметил греческого воина: он в сотне футов от нас, в самой гуще вражеского войска. В воздухе вокруг него висит кровавый туман, по обе стороны рубящего, колющего, режущего ахейца громоздятся трупы. Форсированный Диомед как будто прорубается сквозь накатывающие волны человеческой плоти, силясь догнать медленно отступающую Афродиту.

— О господи, — вырывается у меня.

— Да уж, — соглашается Найтенгельзер. — За несколько минут он убил Астиноя и Гипенора, Абаса и Поллида, Ксанфа и Фоона, Эхемона и Хромия…

— А чего парами-то? — говорю я, думая вслух.

Найтенгельзер смотрит на меня, будто на своего тупого студента-первокурсника.

— Хокенберри, они на колесницах. По двое. Диомед убивал их по мере того, как колесницы его атаковали.

— А, — пристыженно говорю я.

Я думаю не про убитых троянских военачальников; мое внимание приковано к Афродите. Богиня прекратила отступать и теперь с окровавленным Энеем на руках расхаживает по полю боя, явственно видимая троянцам, которые в страхе бегут от Диомеда. Она электрическими уколами и тычками сияющего излучения подталкивает их обратно в бой.

Диомед видит богиню и, озверев, прорубает последнюю линию троянской обороны. Он молча направляет длинное копье. Афродита небрежно прикрывается силовым полем: подумаешь, какой-то смертный.

Она забыла, что Диомед преображен Афиной.

Диомед кидается вперед. Защитное поле богини трещит и разрывается. Ахеец бьет копьем. Наконечник и древко рвут личное силовое поле Афродиты, шелковые одежды и тело. Острое как бритва жало рассекает запястье богини до красных мускулов и белой кости. Золотой ихор — не алая кровь — брызжет в воздух.

Мгновение богиня изумленно смотрит на рану, затем издает вопль — нечеловеческий, словно рев из блока мощнейших усилителей на женском рок-концерте в преисподней.

Не переставая вопить, она пошатывается и

роняет Энея.

Диомед, вместо того чтобы атаковать раненую Афродиту, вытаскивает меч и готовится обезглавить лежащего без сознания Энея.

Тут между взбешенным Диомедом и бесчувственным троянцем квитируется сребролукий Феб-Аполлон и удерживает ахейца пульсирующей полусферой плазменного силового поля. Ослепленный жаждой крови, Диомед рубит желтый оборонительный щит Аполлона, его собственное энергетическое поле пылает алым. Афродита уставилась на свою раненую руку; того и гляди грохнется в обморок и останется лежать беспомощной у ног Диомеда. От боли она, видимо, не может сосредоточиться для того, чтобы квитироваться отсюда.

Внезапно появляется ее брат Арес на пылающей колеснице. Он раскидывает в стороны равно троянцев и греков, расширяя плазменный след летательного аппарата, чтобы сесть рядом с сестрой. Афродита, причитая и плача от боли, пытается объяснить, что Диомед обезумел.

— Он бы и на Отца Зевса напал! — кричит богиня.

— Сможешь править колесницей? — спрашивает Арес.

— Нет!

Теперь Афродита действительно лишается чувств и падает на руки брата, по-прежнему придерживая раненую левую руку правой, испачканной в крови… вернее, в ихоре. Зрелище это странным образом смущает. Боги не истекают кровью — по крайней мере, за те девять лет, что я здесь, такого не случалось.

Ирида, личная вестница Зевса, возникает между колесницей и силовым полем Аполлона, которым тот по-прежнему защищает Энея. Троянцы отступают, выпучив глаза, Диомеда сдерживают перекрывающиеся энергетические поля. Ахеец излучает в инфракрасном диапазоне ярость и жар, так что кажется, будто он сделан из кипящей лавы.

— Отвези ее к матери, — велит Арес, укладывая бесчувственную сестру в колесницу.

Ирида поднимает энергетический аппарат в небо и пропадает из виду.

— Потрясающе, — говорит Найтенгельзер.

— Охренеть, — соглашаюсь я. Впервые за девять с лишним лет я видел, как грек или троянец успешно атаковал бессмертного. Я поворачиваюсь и вижу, что Найтенгельзер смотрит на меня шокированно. Порой я забываю, что он из более

раннего времени.

— Да, именно так, — говорю я с вызовом.

Мне хочется последовать за Афродитой на Олимп и увидеть, что произойдет между нею и Зевсом. Гомер, разумеется, это описал, но поэма уже во многом разошлась с реальностью, и события сегодняшнего дня разожгли мое любопытство.

Я начинаю бочком отступать от Найтенгельзера — он настолько захвачен происходящим, что не замечает моего ухода, — и уже готов надеть Шлем Аида и повернуть механизм личного квит-медальона. Однако тут на поле кое-что происходит.

Диомед испускает боевой клич — почти такой же громкий, как вопль Афродиты, эхо которого до сих пор звенит над равниной, — и вновь кидается на Аполлона и Энея. На сей раз наноусиленное тело и квантовофазовый меч Диомеда пробивают внешние слои защитного поля Аполлона.

Бог неподвижно смотрит, как Диомед клинком прорубает себе дорогу в мерцающем силовом поле, словно раскидывая лопатой невидимый снег.

И тут голос Аполлона гремит с таким усилением, что его слышно, наверное, мили на три:

— Опомнись, Диомед! Отступи! Довольно этого

безумия — тягаться с богами! Мы не одного рода, смертный. Никогда не были. И не будем.

Аполлон, и до того восьми футов ростом, вырастает в двадцатифутового великана.

Диомед пятится, хотя трудно сказать почему: то ли действительно испугался, то ли просто устал.

Аполлон наклоняется и затемняет силовое поле вокруг себя и лежащего Энея. Когда минутой позже черный туман исчезает, бога здесь уже нет, но Эней по-прежнему лежит на земле, раненый, истекающий кровью, с раздробленным бедром. Троянцы тут же сбегаются, чтобы окружить своего военачальника, пока Диомед его не убил.

Но это — не Эней. Я знаю, что Аполлон оставил на поле осязаемую голограмму, а настоящего раненого унес в илионскую цитадель Пергам, где богини Лето и Артемида при помощи божественной наномедицины за считаные минуты спасут Энею жизнь и залечат его раны.

Я готов перенестись на Олимп, но тут Аполлон квитируется обратно на поле, сокрытый от смертных взглядов. Арес, который по-прежнему собирает троянцев за своим оборонительным щитом, при появлении другого бога поднимает голову.

— Арес, губитель мужей, стен разрушитель! Ты

что же, и дальше позволишь дерьму собачьему себя оскорблять? — Невидимый ахейцам, Аполлон указывает на тяжело дышащего Диомеда.

— Оскорблять? Чем он меня оскорбил?

— Болван! — гремит Аполлон на ультразвуковых частотах, которые слышны лишь богам, схолиастам и троянским собакам, немедленно поднимающим жуткий ответный вой. — Этот… этот *смертный*… только что напал на богиню любви, твою сестру, и рассек сухожилие ее бессмертного запястья! Диомед атаковал даже меня, одного из самых могущественных богов! Афина превратила его в сверхчеловека, дабы выставить на посмешище кровожадного Ареса, бога войны!

Арес круто поворачивается к Диомеду, который не смотрит на бога с той минуты, как не сумел прорубить силовое поле.

— Он смеялся надо мной?! — кричит Арес так, что его слышно отсюда и до Олимпа; я давно заметил, что для бога Арес туповат, и сегодня мое наблюдение подтверждается. — Он смеет со мной шутить?!!!

— Убей его! — кричит Аполлон, по-прежнему в ультразвуковом диапазоне. — Вырежи и съешь его сердце!

И сребролукий бог квитируется прочь.

Арес звереет. Мне очень хочется посмотреть, как там Афродита, сильно ли ранена, но разве можно упустить такое зрелище? И я решаю остаться.

Для начала Арес превращается в быстроногого Акамаса, предводителя фракийцев, и бегает среди троянцев, призывая их отбросить греков, которые, последовав за Диомедом, сильно вклинились в троянское войско. Затем бог войны принимает облик ликийского предводителя Сарпедона и осыпает укорами Гектора — тот сегодня с необычной для себя сдержанностью не участвовал в сражении. Пристыженный упреками того, кого считает Сарпедоном, Гектор присоединяется к своим воинам. Видя, что Гектор ведет их в наступление, бог становится самим собой и возвращается к кольцу воинов, которые защищают от греков голограмму бесчувственного Энея.

Должен признаться, за все девять лет я не видел такой яростной сечи. Если Гомер чему нас и учит, так лишь одному: человек — хрупкий сосуд с кровью и кишками, которые, чуть что, могут вывалиться наружу.

И они и вываливаются.

Не дожидаясь, когда Арес обретет второе дыхание, ахейцы устремляются за Диомедом и

Одиссеем. Ржут кони, падают и трещат колесницы. Возничие бичами гонят коней на стену копий и блистающих щитов. Диомед зовет своих людей вперед, продолжая тем временем убивать каждого троянца, который попадается ему под руку.

В вихре пурпурного тумана на поле является Аполлон и выпускает в бой исцеленного Энея — на сей раз настоящего. Он не только исцелен, но и лучится светом, как Диомед, когда Афина закончила его модифицировать. Троянское войско во главе с Гектором при виде воскресшего Энея издает ликующий вопль и устремляется в контратаку.

Теперь Диомед и Эней возглавляют бой каждый со своей стороны и пачками валят вражеских предводителей. Тем временем Аполлон и Арес зовут в бой остальных троянцев. На моих глазах Эней убивает беспечных близнецов Орсилоха и Крефона.

Менелай, оправившись от собственной раны, пробивается мимо Одиссея к Энею. Я слышу, как хохочет бог войны. Арес будет счастлив, если брат Агамемнона, настоящий муж Елены, тот, из-за кого началась война, сложит сегодня голову. Эней и Менелай уже на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Закипает бой на копьях. Остальные

бойцы расступаются из уважения к *аристейе*.

Тут сын Нестора Антилох, добрый друг почти забытого всеми Ахиллеса, выскакивает вперед и встает плечом к плечу с Менелаем, испугавшись, вероятно, что дело греков умрет вместе с их предводителем.

Увидев перед собой сразу двоих легендарных убийц, Эней отступает.

Двумястами ярдами восточнее этой сцены Гектор врубается во вражеские ряды с такой свирепостью, что отбрасывает самого Диомеда. Божественные линзы позволяют Диомеду видеть неразличимого для прочих Ареса, который бьется бок о бок с Гектором.

Я все еще хочу навестить Афродиту, однако разве можно оторваться от такого зрелища? Найтенгельзер как сумасшедший строчит в своем записывающем ансибле. Мне смешно, потому что тысячи благородных аргивян и троянцев, которые сражаются вокруг, неграмотны, как двухлетние дети. Найди они заметки Найтенгельзера, даже на древнегреческом, никто бы ничего не понял.

Теперь в битву включились все боги.

Невдалеке от меня возникают Гера с Афиной. Супруга Зевса убеждает Афину вступить в бой. Та

вовсе не против. Геба, богиня юности и прислужница старших богов, слетает на поле в летучей колеснице и передает поводья Гере. Афина запрыгивает следом, сбрасывая хитон и застегивая нагрудную броню. Боевое одеяние Афины сияет. Она поднимает пульсирующий энергией желтоалый щит, от меча бьют в землю молнии.

— Смотри! — кричит Найтенгельзер, перекрывая шум битвы.

На севере блещет настоящая молния. Исполинская слоисто-кучевая туча на тысячи футов вздымается в жарком послеполуденном небе и постепенно принимает очертания Зевса.

— ЧТО Ж, ВПЕРЕД, ЖЕНА И ДОЧЬ! — грохочет небесный гром. — АФИНА, ПОВЕРГНИ БОГА ВОЙНЫ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ С НИМ ТЯГАТЬСЯ!

Черные тучи клубятся над полем брани, льет дождь, молнии бьют в троянцев и аргивян без разбора.

Гера проносится на колеснице над головами греков и опускается еще ниже, раскидывая троянцев, словно кегли из кожи и бронзы.

Афина спрыгивает в обычную колесницу к окровавленному, обессиленному Диомеду и его верному возничему Сфенелу.

– *Уже выдохся, смертный?* — кричит она на

Диомеда, вкладывая в последнее слово всю издевку, на какую только способна. — *Это ли сын великого воина Тидея? Неужели ты уступишь поле битвы противникам?*

Она указывает туда, где Гектор и Арес теснят греков.

— Богиня, — задыхается Диомед, — Гектора защищает бессмертный Арес и…

— А Я ТЕБЯ ЧТО, НЕ ЗАЩИЩАЮ?! — ревет пятнадцатифутовая Афина, вырастая на глазах героя, все еще испускающего бледное свечение.

— Да, богиня, но ведь…

– Диомед, радость моего сердца, убей этого троянца и бога, который его оберегает!

Диомед изумлен, даже напуган.

— Мы, смертные, не можем убивать богов…

– Где это написано? — грохочет Афина, после чего склоняется над воителем и впрыскивает ему под кожу что-то новенькое, передавая его полю энергию своего божественного. Затем отшвыривает бедолагу Сфенела футов на тридцать прочь и, завладев поводьями, хлещет коней, направляя колесницу навстречу Гектору, Аресу и всему троянскому воинству.

Диомед заносит копье — как будто и впрямь задумал убить Ареса.

А ведь Афродита хочет, чтобы я убил саму Афину. Мое сердце бешено колотится от ужаса и волнения. Здесь, на равнинах Трои, скоро все может пойти иначе, нежели предсказывал Гомер.

12. Над поясом астероидов

Почти сразу за юпитерианской магнитосферой корабль начал торможение, так что их полет по огромной дуге над плоскостью эклиптики до Марса по дальнюю сторону Солнца должен был теперь занять несколько стандартных дней, а не считаные часы. Манмута и Орфу с Ио это вполне устраивало: им было о чем побеседовать.

Вскоре после старта Ри По и Корос III объявили из рубки, что разворачивают боровый парус. Манмут через корабельные сенсоры наблюдал, как круглый парус растянулся на семь километров за ними на восьми баки-тросах, затем раскрылся на весь свой десятикилометровый диаметр. Для Манмута, подключившегося к объективам на корме, это выглядело черным кругом, аккуратно вырезанным посередь звездного неба.

Орфу с Ио выбрался из своей люльки на корпусе, проворно спустился по главному тросу вдоль соленоидного тора, затем, словно мечехвост-Квазимодо, проехал по опорному канату, все проверил, все подтянул, пробежал по реактивным двигателям над поверхностью паруса в

поисках трещин, разошедшихся швов или иных изъянов, ничего не обнаружил и вернулся на корабль с удивительной величавой грацией существа, привыкшего к невесомости.

Корос III приказал включить модифицированный магнитный уловитель Метлоффа — Феннелли, и Манмут ощутил изменение энергии корабля, когда устройство на корме сгенерировало улавливающее поле радиусом в тысячу четыреста километров, чтобы захватывать свободные ионы и собирать солнечный ветер.

За какое время мы затормозим настолько, чтобы у нас получилось остановиться у Марса? — спросил Манмут по общей линии, думая, что ответит Орфу.

Ответ пришел от властного Короса:

По мере того как скорость корабля будет уменьшаться, а эффективная площадь уловителя — расти при сохранении температуры паруса ниже точки плавления в две тысячи кельвинов, масса корабля будет равняться четыре на десять в шестой килограммов, а значит, для торможения с нынешней скорости ноль целых тысяча девятьсот девяносто две десятитысячных цэ до одной тысячной цэ — точка неупругого столкновения — потребуется двадцать три и

шесть десятых стандартного года.

Двадцать три и шесть десятых стандартного года! — воскликнул Манмут по общей линии. Он, конечно, мечтал о долгой дискуссии с приятелем. Но все хорошо в меру!

Это замедлит нас лишь до все равно значительной скорости — триста километров в секунду, продолжал Корос III. *На одну тысячную световой скорости при входе в систему начхать не получится.*

Сдается, нас ждет жесткая посадка на Марс, сказал Манмут.

Орфу с Ио издал по связи рокочущий звук, напоминающий чиханье.

В разговор включился каллистянин-навигатор:

Мы будем тормозить не только боровым парусом, Манмут. Реальное путешествие займет чуть меньше одиннадцати стандартных дней, а наша скорость при входе на орбиту Марса будет меньше шести километров в секунду.

Уже лучше, сказал Манмут. Он был в рубке «Смуглой леди», но все привычные датчики не горели. Странно было получать информацию не через собственную систему жизнеобеспечения, а с сенсоров космического корабля. *А почему?*

Солнечный ветер, пояснил Орфу через связь

корпусной люльки. *Здесь он имеет скорость около трехсот километров в секунду и ионную плотность десять в шестой протонов на кубический метр. При отправке на борту имелось полрезервуара юпитерианского водорода и четверть резервуара дейтерия; мы извлечем еще водород и дейтерий из солнечного ветра при помощи уловителя Метлоффа — Феннелли и включим четыре термоядерных двигателя на носу вскоре после того, как минуем Солнце. Тогда и начнется настоящее торможение.*

Жду с нетерпением, сказал Манмут.

Я тоже, ответил Орфу с Ио. Он снова издал рокочущий чихающий звук. Манмут подумал, что у огромного моравека либо вообще нет чувства иронии, либо оно уж очень злое.

Дорога над поясом астероидов составила сто сорок миллионов километров. Манмут в это время читал *«À la recherche du temps perdu»* — «В поисках утраченного времени» Пруста.

Вместе с романом Орфу загрузил в память приятеля биографию Пруста и французский язык во всей его классической сложности, однако в итоге Манмут прочел пять разных английских переводов книги. Проще оценить произведение на том языке, который изучал прошлые полтора земных

столетия, заявил он. Орфу хохотнул и напомнил Манмуту, что сравнивать Пруста с его любимым Шекспиром — ошибка, что они отличаются так же, как каменистая терраформированная планета, куда направлялся корабль, от их привычных юпитерианских спутников. Однако маленький моравек все равно читал Пруста по-английски.

Закончив (он понимал, что чтение было беглым, но уж очень хотелось начать разговор), Манмут связался с Орфу по фокусированному лучу, поскольку тот вновь покинул люльку и проверял тросы борового паруса, крепко пристегнутый страховочным концом из-за увеличивающегося торможения.

Не знаю, сказал Манмут. *Я ничего тут такого не вижу. На мой вкус, это просто затянутые раздумья эстета.*

Эстета? Орфу повернул один из коммуникационных стебельков, ловя фокусированный луч, в то время как его манипуляторы и жгутики занимались точечной сваркой кабельного разъема. Манмуту, смотревшему видео с камер на корме, белая сварочная дуга казалась яркой звездой на фоне черного паруса за громоздким панцирем Орфу. *Манмут, ты имеешь в виду самого автора или рассказчика Марселя?*

А что, есть разница? Уже отправив свой ехидный вопрос, Манмут понял, что ведет себя нечестно. За последние десять з-лет он послал Орфу сотни, если не тысячи мейлов, доказывая разницу между поэтом по имени Уилл в сонетах и реальным историческим стихотворцем Шекспиром. Он допускал, что Пруст, при всей своей тяжеловесности и неудобоваримости, может быть, так же сложен в том, что касается личности автора и персонажей.

Орфу с Ио оставил вопрос без внимания и послал по фокусированному лучу: *Признайся, ты ведь оценил его насмешливый взгляд на мир? Пруст прежде всего писатель комический.*

Это был насмешливый взгляд? Я не увидел в книге комического.

Этот вопрос Манмут задал вполне серьезно. Не то чтобы ему или моравекам вообще был чужд человеческий юмор; даже самые первые, саморазвивающиеся роботы, наделенные лишь смутным сознанием, созданные и отправленные людьми до пандемии рубикона, были запрограммированы понимать юмор. Без этого полноценное, двустороннее общение с людьми невозможно. Смех столь же неотделим от человеческого мышления, как гнев, логика, ревность

или гордость — элементы, которые Манмут отметил в бесконечном романе Пруста. Но Пруст и его протагонисты как комический писатель, комические персонажи? Ничего такого Манмут не увидел, и, если Орфу прав, это крупное упущение. Не он ли десятилетиями выискивал юмористическую игру слов, сатиру в шекспировских пьесах, вылавливал малейшую иронию в сонетах?

Послушай. Орфу перебежал по натянутому баки-тросу обратно к кораблю, пульсируя реактивными двигателями. *Перечитай этот отрывок из «Любви Свана». То место, где Сван, плененный ветреной Одеттой, пускает в ход все уловки эмоционального шантажиста, чтобы она не ушла в театр без него. Прислушайся к юмору, мой друг.*

Он загрузил текст.

> – Клянусь, – говорил он ей за несколько минут до ее отъезда в театр[21], – что всякий эгоист на моем месте был бы счастлив, если б ты отказалась исполнить его просьбу, – ведь у меня вечером масса дел. Я бы не знал, как мне быть, не

[21] Примечания: 21

— *Клянусь, — говорил он ей за несколько минут до ее отъезда в театр...* — Цитаты из Пруста, если не оговорено иное, приведены в переводе Н. Любимова.

знал, как мне выпутаться, если бы, паче чаяния, ты мне сказала, что не поедешь в театр. Но мои дела, мои развлечения – это не все, я должен подумать и о тебе. Если мы расстанемся с тобой навсегда, ты вправе будешь упрекнуть меня, что в решительную минуту, когда я чувствовал, что теряю уважение к тебе и скоро разлюблю, я тебя не предостерег. Видишь ли, не в «Ночи Клеопатры» (ну и название!) тут дело. Мне важно убедиться, что ты действительно стоишь на самой низкой ступени умственного развития, что в тебе нет ничего хорошего, что ты презренное существо, неспособное даже отказать себе в удовольствии. Если ты правда такая, то как же я могу тебя любить, раз ты не личность, не цельная натура, пусть несовершенная, но подающая надежды? Ты бесформенна, как вода, которая стекает с любого склона, ты – рыба, не обладающая ни памятью, ни способностью мыслить: рыба сто раз на дню бьется о стекло аквариума, которое она принимает за воду. Разумеется, твой ответ не сразу изгонит из моего сердца любовь, но неужели ты

не понимаешь, что ты станешь для меня менее привлекательна, как только я увижу, что ты – не личность, что я не знаю никого ниже тебя? Конечно, я предпочел бы обратиться к тебе с просьбой не ходить на «Одну ночь Клеопатры» (меня тошнит от одного названия) так, как будто это для меня несущественно, и притом в тайной надежде, что ты все-таки пойдешь в театр. Но именно потому, что я придаю твоему решению большое значение, раз твой ответ будет иметь важные последствия, я считаю необходимым честно тебя предупредить.

Одетта обнаруживала все признаки волнения и беспокойства. Смысл того, что говорил Сван, был ей недоступен, но она понимала, что это целая «громовая речь», что это настоящая сцена, что тут и мольбы и упреки, а так как Одетта хорошо изучила мужчин, то, не вдумываясь в отдельные слова, она соображала, что мужчина никогда бы их не произнес, если б не был влюблен, а раз он влюблен, значит подчиниться ему невыгодно, что от неповиновения его влюбленность только

усилится. Вот почему она выслушала бы Свана с полнейшим спокойствием, если б не видела, что время идет и что если Сван сию минуту не замолчит, то она (это было сказано ею с улыбкой, выражавшей нежность, смущение и упорство) «непременно опоздает на увертюру!».

В тесной рубке «Смуглой леди» Манмут рассмеялся. Он понял. Блистательный юмор! При первом чтении он сосредоточился на человеческих эмоциях — ревности и очевидном желании Свана управлять поведением женщины по имени Одетта. Теперь все стало… ясно.

Спасибо, сказал он Орфу, когда шестиметровый, похожий на мечехвоста моравек вновь устраивался в корпусной люльке. *Думаю, теперь я уловил скрытый юмор. И я ценю это. Вроде бы ничего общего с Шекспиром — отличаются язык, тон, построение. И все-таки нечто… совпадает.*

Быть одержимым загадкой, что значит быть человеком, предположил Орфу. *Твой Шекспир смотрит на грани человеческого через реакцию на события, находит сокровенные мысли персонажей, определяемые как действия. Герои Пруста, чтобы увидеть те же грани, погружаются в пу-*

чины памяти. Быть может, твой Бард похож на Короса Третьего, который ведет эту экспедицию. Мой любимый Пруст больше похож на тебя в коконе «Смуглой леди», когда ты ныряешь в глубину, чтобы изучить географию рифов, морское дно, других живых существ и всю планету при помощи эхолокации.

Манмут задумался на несколько долгих наносекунд.

Я не вижу, как твой Пруст разрешил эту загадку — вернее, как пытался *ее разрешить, кроме как через погружение в память.*

Не только в память, друг мой, но и во время.

У Манмута было такое чувство, будто Орфу — в десяти метрах отсюда, за почти непробиваемыми и почти непроницаемыми корпусами подлодки и корабля, — коснулся его как-то очень глубоко и лично.

Время существует отдельно от памяти, пробормотал Манмут по их личной линии, говоря скорее сам с собой. *Но может ли память существовать отдельно от времени?*

Именно! — загремел Орфу. *В точку! Главные герои Пруста — прежде всего «я» или рассказчик «Марсель», но и наш бедняга Сван — получили три попытки отыскать и сложить вместе части*

запутанной головоломки под названием «жизнь». Все три подхода заканчиваются неудачей, однако сама история побеждает, несмотря на поражения рассказчика и даже автора!

Манмут долго в молчании размышлял об услышанном. Он переключился с одной камеры внешнего наблюдения на другую, переведя взгляд от сложной конструкции корабля и его пугающего круглого паруса «вниз», на пояс астероидов. Увеличил изображение до предела и увидел в черноте космоса одинокий астероид. Столкновения можно было не опасаться. Мало того, что корабль мчался над плоскостью эклиптики на высоте ста пятидесяти миллионов километров и с огромной скоростью, но и астероид (Манмут обратился к астрогационному банку данных Ри По и узнал его название — Гаспра) удалялся от них. И все же это была солидная мини-планетка: наложенные на изображение данные сообщали, что размер Гаспры 20×16×11 километров, а увеличение, эквивалентное прохождению на расстоянии в 16 000 километров, позволяло разглядеть бесформенную картофелину, усеянную сложным узором кратеров. Что еще занятнее, там имелись явно искусственные элементы: прямые борозды на скалах, отблески в темных кратерах,

четкий рисунок источников света на сплющенном «носу» астероида.

Роквеки, тихо сказал Орфу. Он, очевидно, смотрел то же видео. *Их тут несколько миллиардов по всему поясу.*

Они и впрямь так враждебны, как все утверждают? Отправив запрос, Манмут испугался, что его сочтут паникером.

Не знаю. Думаю, что да. Роквеки предпочли эволюционировать в пользу более состязательной культуры, чем та, которую создали мы. Говорят, что они боятся и презирают постлюдей, а нас, моравеков, откровенно ненавидят. Корос Третий, возможно, знает, правдивы ли легенды об их жестокости.

Корос? Откуда ему знать?

Не многим моравекам это известно, но примерно шестьдесят земных лет назад он возглавлял экспедицию, отправленную в эти края Консорциумом Пяти Лун и Астигом/Че. С ним полетели десять моравеков. Вернулись только четверо.

Манмут задумался. Он пожалел, что мало знает про оружие. Есть ли у роквеков энергетические орудия или гиперкинетические снаряды, способные нагнать корабль? Вряд ли, учитывая их скорость в 0,193 световой.

Что это за три способа, которыми герои Пруста пытались разрешить загадку жизни — и потерпели поражение? спросил он товарища.

Большой космический моравек прочистил виртуальное горло.

Во-первых, нюх ведет их по ароматическому следу благородства, дворянства, титулов и земельной аристократии, сказал Орфу. *Рассказчик Марсель следует по этой дороге две тысячи с лишним страниц. Наконец он приходит к выводу, что важнее всего аристократия духа. Но и это заводит в тупик.*

Просто снобизм.

Не просто снобизм, друг мой, передал Орфу; его голос по их личной линии сделался более оживленным. *Пруст усматривал в снобизме силу, скрепляющую общество — любое общество, в любую эпоху. И в книге он изучает всевозможные уровни и проявления этого явления. Автор не устает открывать новые и новые лики снобизма…*

Зато я устал, сказал Манмут, надеясь, что его прямота не обидит товарища.

Рокочущий инфразвуковой хохот Орфу успокоил его.

Каков же второй путь он исследовал, чтобы

раскрыть загадку жизни? спросил Манмут.

Любовь, ответил Орфу.

Любовь? переспросил Манмут. На более чем трех тысячах страниц «В поисках утраченного времени» о ней говорилось много, но она всегда казалась такой… безнадежной.

Любовь, прогрохотал Орфу. *Сентиментальное чувство и телесное влечение.*

Ты имеешь в виду сентиментальное чувство Марселя — и, видимо, Свана — к семье, к бабушке Марселя?

Нет, Манмут. Сентиментальную тягу к знакомым вещам, к самой памяти и к людям, включенным в царство знакомого.

Манмут глянул на кувыркающийся в космосе астероид по имени Гаспра. Согласно данным Ри По, полный оборот Гаспры вокруг своей оси занимал семь стандартных часов. Интересно, могло бы подобное место сделаться для него, для любого разумного существа источником сентиментальной притягательности? *Что ж, темные моря Европы могут.*

Что-что?

Манмут ощутил, как сжались органические слои в его теле, когда он понял, что говорил вслух по приватной линии.

Ничего. Почему любовь не дает ответа на загадку жизни?

Потому что Пруст знал — а его герои убедились, — что ни любовь, ни ее более благородная кузина дружба не способны уцелеть под энтропийными лезвиями ревности, скуки, привычки, эгоизма, сказал Орфу, и Манмуту послышалась печаль в голосе большого моравека.

Никогда?

Никогда, с рокочущим вздохом ответил Орфу. *Помнишь последние строки «Любви Свана»? «Как же так: я убил несколько лет жизни, я хотел умереть только из-за того, что всей душой любил женщину, которая мне не нравилась, женщину не в моем вкусе!»*

Я заметил, сказал Манмут, *но не знал тогда, должно это быть ужасно смешно, или чудовищно горько, или невыразимо печально. Так что?*

Все вместе, друг мой, ответил Орфу с Ио. *Все вместе.*

Какая третья дорога героев Пруста к загадке жизни? — спросил Манмут. Он увеличил подачу кислорода в свою каюту, чтобы разогнать паутины грусти, грозившей опутать сердце.

Давай отложим это до следующего раза, сказал Орфу, возможно почувствовав настроение

товарища. *Корос-три собирается расширить радиус уловителя. Занятно будет посмотреть на фейерверки в рентгеновском диапазоне.*

Они прошли орбиту Марса и ничего не увидели, поскольку Марс находился по другую сторону Солнца. Днем позже пересекли орбиту Земли и ничего не увидели: Земля была дальше на витке своей орбиты в плоскости эклиптики далеко внизу. Только Меркурий ненадолго четко показался на мониторах, но вскоре экраны заполнили рев и пламя самого Солнца.

Когда они проходили перигелий всего в девяноста семи миллионах километров от Солнца — волокна теплоотвода излучали жар, — боровый парус сложили и втянули под купол на корме. Орфу помогал оборудованию дистанционного управления, и Манмут наблюдал на корабельных экранах, как его друг бегает туда-сюда. В свете Солнца были отчетливо видны вмятины и выбоины на корпусе большого моравека.

За два часа до запуска термоядерных двигателей Корос III, к удивлению Манмута, велел всем собраться в модуле управления возле рогов магнитного уловителя.

Внутренних коридоров на корабле не было. Предполагалось, что, когда они затормозят и до-

стигнут марсианской орбиты, Корос переберется в «Смуглую леди» по тросам и скобам. Манмут сомневался, надо ли сейчас проделывать этот путь по корпусу до рубки управления.

Зачем нам физически собираться для разговора? спросил он Орфу по их приватной линии. *Тем более ты все равно в модуле управления не поместишься.*

Я останусь снаружи. Буду видеть вас всех через иллюминатор, соединюсь с модулем через кабель для безопасной коммуникации.

Чем это лучше конференции по общей связи?

Не знаю, ответил Орфу, *но до запуска двигателей осталось сто четырнадцать минут, так почему бы мне не сбегать в трюм и не забрать тебя?*

Так и поступили. Манмут, разумеется, не боялся вакуума и жесткого излучения, но его пугала мысль, что он оторвется от корабля и каким-то образом останется позади. Они встретились у грузового отсека, и в слепящих лучах Солнца Манмуту предстало незабываемое зрелище «Смуглой леди», которая помещалась в трюме космолета, словно соляная акула в животе кракена.

Орфу манипуляторами усадил Манмута в укрытую нишу на своем панцире и, цепляясь

за направляющие канаты, на реактивной тяге двинулся по темному чреву корабля, между его изогнутых ребер, наружу и вперед по внешнему корпусу. Манмут глянул на сферические термоядерные двигатели, которые, если судить по их виду, прилепили к носу в последний момент, и проверил время. Час и четыре минуты до пуска.

Еще Манмут разглядывал ультрастелс-покрытие самого судна — черную пористую упаковку, благодаря которой корабль (за исключением термоядерных двигателей, борового паруса и прочего, от чего можно отказаться) был теоретически невидим для зрения, радара, гравитонного отражателя, а также инфракрасных, ультрафиолетовых и нейтринных зондов. *Но какой в этом толк, если мы два дня будем идти на четырех столбах термоядерного пламени?*

У рубки был воздушный шлюз. Манмут помог Орфу подключиться к защищенным кабельным соединениям, а сам прошел в шлюз и задышал воздухом по старинке.

— На корабле есть оружие, — без предисловий начал Корос III; он говорил словами через воздух. Его фасетчатые глаза и черный гуманоидный панцирь отражали алый свет галогеновых ламп.

Третий моравек в маленькой, заполненной

воздухом рубке — крошечный каллистянин Ри По — расположился в третьей вершине моравекского треугольника.

Ты слышал? по личной связи спросил Манмут у Орфу. Тот был виден снаружи за передними иллюминаторами.

О да.

— Почему ты говоришь об этом теперь? — спросил Манмут у Короса III.

— Я подумал, что вы с ионийцем имеете право знать. На карте ваше существование.

Манмут посмотрел в сторону навигатора:

— А ты знал про оружие?

— Я знал о встроенных орудиях корабля, — ответил Ри По. — До этого момента я не знал, что оружие будут спущено на поверхность Марса. Однако это логичное допущение.

— На поверхность Марса, — повторил Манмут. — Оружие в трюме «Смуглой леди». — Это был не совсем вопрос.

Корос III кивнул, древним гуманоидным способом подтверждая его догадку.

— И какого рода оружие? — спросил Манмут.

— Я не уполномочен отвечать, — сухо ответил ганимедянин.

— Тогда, возможно, я не уполномочен пере-

возить на моей подлодке оружие! — рявкнул Манмут.

— У тебя нет выбора, — скорее печально, чем властно, промолвил Корос.

Он прав, сказал Орфу, и Манмут понял, что иониец говорит по общей связи. *Ни у кого из нас выбора не осталось. Только вперед.*

— Тогда зачем вообще извещать нас? — сердито повторил Манмут.

Ответил Ри По:

— Мы мониторим Марс с тех пор, как прошли мимо Солнца. С этого расстояния наша аппаратура подтверждает квантовую активность, которую мы заметили из юпитерианского космоса. Однако она на несколько порядков превышает наши прежние оценки. Эта планета представляет прямую угрозу для всей Солнечной системы.

Почему? — спросил Орфу. *Постлюди веками экспериментировали с квантовой телепортацией в своих орбитальных городах вокруг Земли.*

Корос III покачал головой тем же чудны́м человекоподобным способом, хотя «чудной» — не то слово, которое приходило на ум Манмуту при взгляде на длинную иссиня-черную фигуру с блестящими мушиными глазами.

— Не до такой степени. Масштаб квантовых

фазовых перемещений, происходящих на Марсе в данную минуту, равнозначен дыре в ткани пространства-времени. Это нестабильно. Это не разумное применение квантовой технологии.

Это как-то связано с войниксами? — спросил Орфу.

Про войниксов большинство юпитерианских моравеков знали только, что Земля начала проявлять беспрецедентную активность квантовых фазовых перемещений тогда же, когда, более двух тысяч з-лет назад, в нейтринных коммуникациях постлюдей прозвучало первое упоминание этих существ.

Мы не знаем, участвуют ли в этом войниксы и даже по-прежнему ли они на Земле, ответил Корос III по общей связи. *Я повторяю, что счел этической необходимостью сообщить вам всем, что на борту этого корабля и на борту субмарины, на которой повезет меня Манмут, есть оружие. Когда и как его использовать, решать не вам. Когда я на корабле, эта ответственность целиком и полностью лежит на мне. После того как нас с Манмутом сбросят на Марс, за оборону корабля будет отвечать Ри По. Решение о применении летального оружия на Марсе буду принимать я.*

— Так орудия корабля чисто оборонительные? Из них нельзя поразить цели на Марсе? — спросил Манмут.

— Именно так, — ответил Ри По.

Но оружие на борту «Смуглой леди» включает средства массового поражения? — спросил Орфу с Ио.

Корос III помолчал, видимо взвешивая, с одной стороны, полученные приказы, с другой — право команды знать. Наконец он сказал:

— Да.

Манмут попытался угадать, что бы это могло быть. Атомные бомбы? Термоядерные бомбы? Нейтринные излучатели? Плазменная взрывчатка? Антиматерия? Уничтожители планет на основе черных дыр? За столетия своего существования он не имел дела с иным оружием, кроме сетей, острог и гальванизаторов для отпугивания кракенов и ловли европеанской морской фауны.

— Корос, — негромко проговорил он, — к роквекам ты тоже летал с оружием?

— Нет. Тогда в нем не было необходимости. Какими бы воинственными и свирепыми ни сделались астероидные моравеки в ходе своей эволюции, они не представляли угрозы для всех разумных существ в Солнечной системе. — Корос

III вывел на экран время: до включения термоядерных двигателей оставалась сорок одна минута. *Еще вопросы?*

Вопрос был у Орфу:

Зачем нам ультрастелс, если на подходе к Марсу перед нами будут четыре термоядерных следа, яркие, как сверхновая, видимые днем и ночью всякому на Марсе, у кого есть глаза? Постойте-ка… Вы пытаетесь получить ответ. Хотите, чтобы они атаковали нас первыми?

— Да, — сказал Корос III. — Это самый простой способ выяснить их намерения. Термоядерные двигатели перестанут работать в восемнадцати миллионах километров от Марса. Если к тому времени нас не попытаются перехватить, мы отделим двигатели, соленоиды и другие внешние устройства и войдем на орбиту полностью скрытыми от любого наблюдения. Сейчас мы не знаем, какая цивилизация у постлюдей — или кто там терраформировал Марс — технологическая или посттехнологическая.

Манмут задумался. Они отбросят все средства вернуться домой.

Я бы сказал, что колоссальная квантовая активность очень даже указывает на развитые технологии, сказал Орфу.

— Возможно, — ответил Ри По, — но во Вселенной есть гении-идиоты.

На этой загадочной фразе собрание закончилось. Из отсека управления откачали воздух, и Орфу доставил товарища обратно, на борт «Смуглой леди».

Термоядерные двигатели сработали точно в назначенное время. В следующие два дня Манмут был придавлен к амортизационному креслу торможением более четырехсот *g*. Трюм, где находилась «Смуглая леди», вновь заполнили амортизационным гелем, а жилую каюту — нет. Тяжесть и неподвижность начинали угнетать Манмута. Он не мог даже вообразить, каково Орфу в его люльке на внешнем корпусе. Марс и все другие изображения на носовых экранах затмило четырехсолнечное пламя двигателей, но Манмут коротал время, разглядывая по видео звезды за кормой, перечитывая отрывки из Пруста и находя сходство и различия между *«À la recherche du temps perdu»* и своими любимыми шекспировскими сонетами.

Любовь Манмута и Орфу к человеческим языкам и литературе давно ушедшей эпохи не была чем-то особенным. Более двух тысяч з-лет назад, отправляя первых моравеков в юпитерианский

космос для изучения спутников и контакта с разумными существами в атмосфере Юпитера, первые постлюди загрузили в них полносенсорные записи о человеческой истории и культуре. Это было после рубикона и Великого Исхода, однако еще оставалась надежда сохранить память о человеческом прошлом, даже если последние девять тысяч сто четырнадцать людей старого образца не удастся спасти финальным факсом. За столетия после утраты контакта с Землей человеческая литература и человеческое искусство стали хобби для тысяч моравеков, работающих как в жестком вакууме, так и на спутниках. Напарник Манмута Уртцвайль, погибший под ледовым обвалом в кратере европеанской макулы Тира восемнадцать юпитерианских лет назад, увлекался Библией короля Иакова. Экземпляр этой Библии по-прежнему лежал под рабочим столом Манмута рядом с упакованной в гель лава-лампой — подарком Уртцвайля.

Глядя в видеомонитор на приглушенное фильтрами пламя термоядерных двигателей, Манмут пытался связать свой образ исторического Пруста — человека, три последних года жизни прикованного к постели в комнате с пробковыми стенами, в окружении старых рукописей, скля-

нок с наркотическими препаратами и постоянно прибывающих гранок, не видящего иных гостей, кроме мужчин, промышляющих древнейшим ремеслом, и мастеров, установивших ему один из первых парижских телефонов для прослушивания оперы, — с рассказчиком Марселем, авторским «я» в исчерпывающем исследовании восприятия, названном «В поисках утраченного времени». Память Манмута хранила колоссальные объемы информации: при желании он мог бы вызвать подробные карты Парижа 1921 года, загрузить все фотографические, живописные и графические портреты Пруста, посмотреть на Вермеера, от которого герой Пруста упал в обморок, сверить каждого персонажа с каждым реальным знакомым Пруста. Однако это не помогло бы ему понять книгу. Манмут знал: человеческое искусство неизмеримо больше человеческих существ.

Четыре потайные тропки к разгадке жизни, сказал Орфу. Первая — одержимость знатностью, аристократией, высшими слоями общества — явно была тупиковой. Манмуту не требовалось, как протагонисту романа, одолевать все три тысячи страниц светских приемов, дабы это осознать.

Второй путь — поиски истины в любви — за-

вораживал Манмута. Разумеется, Пруст — как и Шекспир, только совершенно иначе — пытался изучить все грани человеческой любви: гетеросексуальной, гомосексуальной, бисексуальной, семейной, товарищеской, межличностной, а также к местам и вещам. И здесь Манмут вынужден был согласиться с Орфу, что Пруст отвергает любовь как истинный ключ к более глубокому пониманию.

Третьим путем для Марселя было искусство — искусство и музыка, — однако они вели к красоте, а не к истине.

Какова же четвертая тропа? И если она тоже привела героев Пруста к поражению, то каков же истинный путь между и за страницами, неведомый персонажам, но, возможно, прозреваемый автором?

Чтобы это выяснить, достаточно было выйти на связь с Орфу. Однако в последний день торможения друзья почти не общались — каждый погрузился в собственные думы. «Он расскажет мне после, — думал Манмут. — А возможно, к тому времени я пойму сам… и увижу связь с шекспировским анализом, что стоит за любовью». Безусловно, Бард к концу сонетов практически отвергает сентиментальную, романтическую и

телесную любовь.

Термоядерные двигатели отключились. Исчезновение перегрузки, а также передающихся через корпус грохота и вибрации почти пугало.

Тут же сферические топливные двигатели отделились, и маленькие ракеты увели их с траектории корабля.

Отделяем парус и соленоид, раздался по общей связи голос Орфу.

Манмут наблюдал по видео с различных камер на корпусе, как названные компоненты выбросили в космос.

Он вернулся к носовым камерам. Марс, до которого оставалось каких-то восемнадцать миллионов километров, был теперь отчетливо виден впереди и внизу. Ри По наложил на изображение планеты их траекторию. Спуск выглядел безукоризненным. Маленькие внутренние ионные двигатели продолжали замедлять полет и готовили судно к выходу на полярную орбиту.

За время снижения не зафиксировано радарного или другого сенсорного слежения, сообщил Корос III. *Никаких попыток перехвата.*

Манмуту подумалось, что ганимедянин держится с большим достоинством, но склонен сообщать очевидное.

Мы получаем данные с пассивных датчиков, сказал Ри По.

Манмут глянул на показания. Если бы корабль приближался, скажем, к Европе, на дисплеях были бы радио-, гравитонные, СВЧ и прочие технологические излучения от населенного моравеками спутника. Ничего такого Марс не испускал. И все же терраформированная планета безусловно была обитаемой. Телескоп на носу космического судна уже различал белые здания на вулкане Олимп, изогнутые и прямые линии дорог, каменные головы вдоль побережья северного моря и даже индивидуальные перемещения на поверхности, однако не было ни радио-, ни СВЧ-передач — никаких электромагнитных примет технологической цивилизации. Манмут вспомнил слова Ри По про гениев-идиотов.

Выход на марсианскую орбиту через шестнадцать часов, объявил Корос. *Следующие двадцать четыре часа будем наблюдать с орбиты. Манмут, подготовь свою подлодку к спуску через тридцать часов.*

Да, ответил Манмут по общей связи, переборов желание сказать: «Есть, сэр».

В те двадцать четыре часа, что они кружили по полярной орбите, Марс по большей части

был тих.

В кратере Стикни на Фобосе виднелись предметы искусственного происхождения: горнорудное оборудование, остатки магнитного ускорителя, роботы-вездеходы, расколотые жилые купола. Однако все это было остывшее, запыленное, побитое метеоритами и более чем трехтысячелетней давности. Кто бы ни терраформировал Марс за прошлое столетие, они не имели ничего общего с обветшалыми артефактами на внутреннем спутнике.

Манмут видел снимки Марса, когда тот еще был Красной планетой (хотя Манмуту он всегда казался скорее оранжевым, чем красным), но теперь это больше не был красно-оранжевый мир. При пролете над Северным полюсом телескоп позволял разглядеть объекты размером до метра. От полярной шапки льда остался лишь белый островок водяного льда посреди синего северного моря — весь углекислый газ испарился при терраформировании. Над океаном, занимавшим половину северного полушария, закручивались спирали облаков. Горы по-прежнему были оранжевыми, большая часть суши — бурой, но яркая зелень лесов и полей различалась даже невооруженным глазом.

Судно по-прежнему не засекало чужих радаров, ни радиовызовов, ни запросов по фокусированному лучу, лазеру или модулированной нейтринной связи. Напряженные минуты растянулись в долгие часы. Четыре моравека разглядывали поверхность и готовились к спуску «Смуглой леди».

Жизнь на Марсе очевидно была — человеческая или постчеловеческая, судя по виду, а кроме того, здесь обитал как минимум один неизвестный вид — малорослые зеленые работники, которые старательно устанавливали каменные головы. На просторах водных каньонов долин Маринера и вдоль северного побережья белели одинокие паруса; еще несколько корабликов можно было разлить в море, образовавшемся на месте впадины Эллада. На горе Олимп виднелись явные признаки жизни и по крайней мере один высокоскоростной эскалатор на склоне. Камеры сфотографировали с полдюжины летающих машин вокруг вершинной кальдеры Олимпа, а также несколько белых домов и террасированных садов на склонах вулканов Фарсиды — горы Арсии, горы Павлины и горы Аскрийской. Однако никаких других признаков развитой планетной цивилизации обнаружить не удалось. Корос III

объявил по общей связи, что, по его оценкам, на четырех вулканах живет не более трех тысяч бледных человекоподобных существ, а в палаточных городках у моря — примерно двадцать тысяч зеленых работников.

По большей части Марс был пуст. Терраформирован, но пуст.

Не очень-то похоже на опасность для всей разумной жизни в Солнечной системе? — спросил Орфу.

Ответил Ри По:

Посмотри на квантовое картирование.

— О боже, — выговорил Манмут в своей пустой воздушной люльке.

Марс ослеплял багровым сиянием активности квантовых сдвигов, линии потоков сходились к главному вулкану, горе Олимп.

Могут ли несколько летательных машин производить такой квантовый кавардак? — спросил Орфу. *Они не регистрируются в электромагнитном спектре и точно не имеют химических двигателей.*

Нет, ответил Корос. *Летательные машины ныряют в квантовый поток и обратно, но не они его порождают. Во всяком случае, они не первичный источник.*

Манмут еще минуту смотрел на причудливую квантовую карту, прежде чем решился задать вопрос, который мучил его несколько дней: *Стоит ли связаться с ними по радио или как-то еще? Или просто в открытую сесть на горе Олимп? Прийти как друзья, а не как шпионы?*

Мы обдумывали этот вариант, сказал Корос. *Однако местная квантовая активность так велика, что мы сочли целесообразным собрать больше информации, прежде чем себя обнаружить.*

Собрать информацию и доставить оружие массового поражения как можно ближе к вулкану, с горечью подумал Манмут. Он никогда не хотел быть солдатом. Моравеки не созданы для сражений, а мысль об убийстве разумных существ противоречит их программе, древней, как сам род.

Тем не менее Манмут подготовил «Смуглую леди» к спуску: перевел ее на автономные источники питания, отключил все линии жизнеобеспечения от корабля, оставив только коммуникационные кабели, которые предстояло отсечь, когда подлодку извлекут из трюма. Перед полетом подлодку заключили в ультрастелс, а на носу и корме установили двигатели, но при

спуске ими будет управлять Корос III, а затем он же откроет парашюты, которые замедлят падение. Только в море Манмут вновь поведет свою субмарину.

Готовлюсь перейти в подлодку, сказал Корос III из рубки.

Доступ на борт разрешен, ответил Манмут, хотя руководитель полета не спрашивал разрешения. Он не европеанин и не знает протокола.

Замигали предупредительные огоньки; двери отсека разъехались, открыв «Смуглую леди» космосу, чтобы Корос III мог пройти к ней по направляющему тросу.

Манмут переключился на видео с корпуса, где находился Орфу, и тот почувствовал внимание к своей особе. *До свиданья, друг мой,* сказал Орфу. *Мы еще увидимся.*

Надеюсь, ответил Манмут. Он открыл нижний шлюз и приготовился отсечь кабели коммуникации.

Погодите, сказал Ри По. *Приближается из-за лимба планеты.*

Камеры в рубке показывали, как Корос III захлопнул уже открытый шлюз и вернулся к панели управления. Манмут убрал палец с кнопки, включающей пиропатроны линий связи.

Из-за края планеты появилось нечто; пока это была лишь точка на экране радара. Носовой телескоп повернулся, нацеливаясь на объект.

Должно быть, это запустили с Олимпа, пока мы были вне линии зрения, предположил Орфу.

Отправляю запрос, сказал Ри По.

Манмут слушал частоты. Судно посылало запрос. Пятнышко на радаре не отзывалось.

Видите? — спросил Корос III.

Манмут видел. Объект был не длиннее двух метров — открытая колесница без коней, окруженная сияющим силовым полем. Внутри стояли двое гуманоидов, мужчина и женщина. Она правила, а он просто смотрел прямо вперед, как будто может за восемь тысяч километров различить космический корабль в стелс-оболочке. Женщина была высокая, царственная и белокурая, мужчина — еще выше ростом, с короткими седыми волосами и белой бородой.

Хохот Орфу раскатился по общей линии. *Похоже на изображение Бога*, сказал он. *Не знаю, кто его подружка.*

Будто услышав оскорбление, седобородый мужчина поднял руку.

Видео полыхнуло и отключилось, Манмута бросило на ремни амортизационного кресла.

Корабль дважды содрогнулся, затем начал бешено кувыркаться. Центробежная сила швырнула Манмута вправо, затем вверх, затем влево.

Все целы? — прокричал он по общей линии. *Вы меня слышите?*

Несколько мгновений ответом ему было молчание и шум помех, потом сквозь треск пробился спокойный голос Орфу: *Я тебя слышу, друг мой.*

Как ты? Как судно? Мы по ним стреляли?

Я поврежден и ослеплен, произнес Орфу в треске помех. *Но я видел, что было до того, как меня ослепила вспышка. Мы не стреляли. А корабль… наполовину уничтожен, Манмут.*

Наполовину уничтожен? — бессмысленно повторил Манмут. *А что…*

Какое-то энергетическое копье. Рубка — вместе с Коросом и Ри По — обратилась в пар. Носа не осталось. Верхний корпус оплавлен. Корабль кувыркается со скоростью примерно два оборота в секунду и начинает разваливаться. Мой панцирь проломлен, реактивные двигатели оторвало, манипуляторы почти целиком уничтожены. Я теряю энергию и целостность покрова. Выводи «Смуглую леди» из корабля. Скорей!

Я не знаю как! — крикнул Манмут. *Программный пакет был у Короса! Я не знаю…*

Внезапно корабль снова тряхнуло, коммуникационные и видеолинии полностью оборвались. Сквозь обшивку доносилось оглушительное шипение, и Манмут понял, что корабль кипит. Он переключился на камеры подлодки и увидел повсюду лишь свечение плазмы.

«Смуглая леди» завертелась и задрожала еще отчаяннее — то ли вместе с гибнущим кораблем, то ли сама по себе. Манмут активировал другие камеры, подводные двигатели и систему контроля повреждений. Половина приборов не работала или сильно подтормаживала.

Орфу?

Молчание.

Манмут включил общенаправленные мазеры, пытаясь восстановить связь по фокусированному лучу.

Орфу?

Молчание. Тряска усилилась. Трюм «Смуглой леди», куда в ожидании Короса III накачали воздух, неожиданно лишился атмосферы, и подлодка закрутилась еще быстрее.

Я иду к тебе, Орфу! — крикнул Манмут.

Он распахнул внутреннюю дверь шлюза и расстегнул страховочные ремни. Где-то позади, не то на корабле, распадавшемся на части, не то в

самой «Смуглой леди», прогремел взрыв. Мамута бросило на панель управления. Наступила кромешная тьма.

13. Сухая долина

Поутру, после сытного завтрака, приготовленного сервиторами Марины, Ада, Харман, Ханна и Даэман покинули Парижский Кратер и факсировали на площадку, где праздновался последний Горящий Человек.

Внутри факс-узла, как и положено, горел свет, но вокруг круглого павильона была непроглядная тьма, и завывания ветра доносились даже сквозь полупроницаемое силовое поле.

Харман посмотрел на Даэмана:

— У меня записан вот этот код: двадцать один восемьдесят шесть. Похоже на то место?

— Это павильон факс-узла! — простонал молодой человек. — Они все на одно лицо. Плюс снаружи темно и там никого нет. Как я могу сказать, то ли это место, которое я посетил полтора года назад, днем и с целой толпой народа?

— А мне кажется, код верный, — сказала Ханна. — Я последовала за другими, но помню, числа были крупные и номер незнакомый, раньше я по нему не факсировала.

— А сколько тебе тогда было? — ухмыльнулся

Даэман. — Семнадцать?

— Чуть больше, — холодно ответила Ханна.

Она была мускулистая и загорелая, Даэман — бледный и дряблый. Словно признавая ее преимущество — хотя никогда не слышал, чтобы люди дрались кроме как в туринской драме, — Даэман попятился.

Не обращая внимания на их перепалку, Ада шагнула к силовому полю и прижала к нему тонкие пальцы. Преграда подернулась рябью и чуть подалась, но не более того.

— Оно твердое, — сказала она. — Мы не выберемся.

— Чепуха, — произнес Харман.

Они вдвоем принялись толкать и тыкать барьер, наваливаться всем телом на эластичное, но не выпускающее поле. Оно оказалось вовсе не полупроницаемым — по крайней мере, для людей.

— Никогда о таком не слышала. — Ханна тоже попыталась толкнуть невидимый барьер плечом. — Какой смысл ставить силовое поле в павильоне факса?

— Мы в ловушке! — Даэман закатил глаза. — Как крысы.

— Придурок, — сказала Ханна; они сегодня явно не ладили. — Можешь факсовать обратно. Портал

прямо за твоей спиной, и он-то исправен.

Словно подтверждая ее слова, из мерцающего портала появились два сферических сервитора общего пользования и подлетели к людям.

— Поле нас не выпускает, — сказала им Ада.

— Знаем, Ада-ур, — ответила одна из машин. — Приносим извинения, что не сразу пришли на помощь. Здешний узел… редко используется.

— Ну и что? — спросил Харман, скрестив руки на груди и хмурясь на главного сервитора.

Другая сфера подлетела к шкафчику в белой колонне павильона.

— С каких пор вы запечатываете факс-узлы? — продолжал Харман.

— Еще раз просим прощения, Харман-ур, — откликнулся сервитор очень близким к мужскому голосом, обычным для машин общего назначения. — Климатические условия снаружи в это время года крайне негостеприимны. Если вы выйдете без термоскинов, ваши шансы на выживание будут низки.

Второй сервитор достал из шкафчика четыре термоскина и облетел людей, вручая каждому по очереди молекулярный костюм тоньше бумаги.

Даэман взял костюм двумя руками и глянул озадаченно.

— Это шутка?

— Нет, — ответил Харман. — Я уже носил такое.

— И я, — сказала Ханна.

Даэман развернул невесомый термоскин — все равно что держать в руках дым.

— На мою одежду это не налезет.

— И не должно, — сказал Харман. — Оно должно прилегать к коже. Есть еще капюшон, но сквозь него ты сможешь отлично видеть и слышать.

— А можно надеть сверху обычную одежду? — спросила Ада немного озабоченно. После бессмысленного эксгибиционизма прошлой ночью ее не тянуло на приключения, по крайней мере в том, что касается наготы.

Ответил первый сервитор:

— За исключением обуви, не рекомендуется надевать лишние слои, Ада-ур. Чтобы термоскин был эффективен, он должен быть полностью осмотичным. Другая одежда снижает его эффективность.

— Да ты шутишь, — возмутился Даэман.

— Мы всегда можем факсировать домой и надеть самую теплую одежду, — сказал Харман. — Хотя не уверен, что в здешних условиях ее хватит.

Он глянул на мерцающую стену силового поля, за которой по-прежнему громко и пугающе ревел ветер.

— Нет, — сказал второй сервитор. — Стандартные куртки, пальто и плащи не отвечают условиям Сухой долины. Однако, если желаете, мы можем изготовить более скромную одежду для экстремальных температур и доставить ее сюда в следующие тридцать минут.

— К черту, — сказала Ада. — Я хочу взглянуть, что там.

Она прошла на середину павильона, за факс-портал, и принялась раздеваться у всех на виду. Ханна сделала пять шагов к ней и тоже сняла блузку, затем шелковые шаровары.

Даэман мгновение таращился на них. Харман взял его за локоть, отвел на дальнюю сторону круга и тоже начал раздеваться. Даэман, избавляясь от одежды, несколько раз глянул через плечо на женщин. Галогеновые светильники заливали кожу Ады сочным сиянием, Ханна была стройная, сильная и загорелая. Натягивая термоскин на ноги, она глянула на Даэмана и нахмурилась. Тот поспешил отвернуться.

Когда все четверо собрались в центре павильона, одетые лишь в термоскины и ботинки либо

туфли, Ада рассмеялась:

— Эти вещи еще откровеннее, чем если б мы ходили голыми.

Даэман смущенно шаркнул ногой, но Харман лишь улыбнулся под маской.

— А почему мы все разных цветов? — спросил Даэман.

Ада была ярко-желтая, Ханна — оранжевая, Харман — ярко-синий, а Даэман — зеленый.

— Чтобы друг друга отличать, — ответил сервитор, как будто вопрос обращался к нему.

Ада вновь рассмеялась своим беспечным смехом, и оба мужчины глянули на нее.

— Извините, — сказала она. — Просто… довольно очевидно, кто из нас кто. Даже издали.

Харман подошел к силовому полю и приложил к нему синюю руку.

— Теперь мы можем выйти? — спросил он сервиторов.

Машины промолчали, зато барьер мягко заколыхался, пропуская ладонь, а после и его синее тело прошло наружу, точно сквозь серебристый водопад.

Сервиторы тронулись за четверкой путешественников навстречу мраку и ветру.

— Нам не нужно сопровождение, — сказал ма-

шинам Харман.

Даэман заметил, что ветер заглушает слова, и все же они отчетливо раздавались в капюшоне. Видимо, в молекулярных костюмах имелись аудиопередатчики и наушники.

— Извините, Харман-ур, но сопровождение вам нужно, — возразил первый сервитор. — Для освещения.

Оба сервитора озаряли каменистую землю множеством лучей из своих корпусов.

Харман мотнул головой:

— Я пользовался термоскином высоко в горах и далеко на севере. Линзы капюшона настраиваются на ночное ви́дение. Вот… — Он прикоснулся к виску и секунду что-то нащупывал. — Я прекрасно все вижу. Звезды очень яркие.

— Ух ты, — сказала Ада, последовав его примеру.

Теперь вместо жалких кругов света от фонариков сервитора перед ней была вся Сухая долина. Каждый камень ярко сиял. Она подняла глаза, и от яркости звезд у нее перехватило дыхание. Она повернула голову. Павильон полыхал, будто гигантская плавильная печь. Термоскины лучились каждый своим цветом.

— Это… потрясающе, — сказала Ханна.

Она отошла от группы на два десятка шагов, прыгая с одного валуна на другой. Путешественники стояли в самом низу широкой каменистой долины. По обе стороны тянулись крутые обрывы. Над ними блестели голубым снежные поля, но в самой долине снега почти не было. Облака плыли по звездам, словно стадо фосфоресцирующих овец. Ветер завывал в ушах, норовя сбить с ног.

— Я замерз, — пожаловался Даэман, переступая с ноги на ногу. На нем были только прогулочные туфли.

— Можете вернуться в павильон и оставить нас, — сказал Харман сервиторам.

— При всем уважении, Харман-ур, наша программа защиты не позволяет оставить вас одних в Сухой долине, где вы рискуете получить увечье или заблудиться, — сказал один из сервиторов. — Но, если вам угодно, мы можем отдалиться на сто ярдов.

— Угодно, — сказал Харман. — И потушите свои чертовы фонари! Для нашего ночного зрения они слишком яркие.

Машины послушно убрались назад к павильону. Ханна повела всех по долине. Здесь не было ни деревьев, ни травы, никаких признаков жизни, помимо четырех человек, сияющих яркими

цветами.

— Что мы ищем? — спросила Ханна, переступая через то, что летом могло быть ручьем — если, конечно, здесь бывает лето.

— Это то, где проходил Горящий Человек? — спросил Харман.

Даэман и Ханна огляделись.

Наконец Даэман сказал:

— Возможно. Но тут были… понимаете… палатки, павильоны, уборные, надувные купола, силовое поле над долиной, большие обогреватели, и Горящий Человек, и дневной свет… В общем, тогда было иначе. Не так холодно! — Он запрыгал с ноги на ногу.

— Ханна?

— Я тоже не уверена… Не знаю.

Ада взяла инициативу в свои руки:

— Давайте разойдемся и поищем какие-нибудь следы праздника. Кострища, каменные пирамиды, что-нибудь в таком роде. Правда, я не думаю, что мы отыщем твою Вечную Жидовку прямо сейчас, Харман.

— Тсс! — Харман через синее плечо покосился на сервиторов, потом сообразил, что разговоры так и так транслируются. — Ладно, — сказал он со вздохом. — Давайте разойдемся футов на двести

и поищем что-нибудь…

Он осекся. Со стороны каньона появилась знакомая, лишь смутно гуманоидная фигура и с привычной неуклюжей грацией зашагала по камням. Когда существо приблизилось на тридцать футов, Харман сказал:

— Уходи. Нам не нужен войникс.

Ответил один из сервиторов. Его голос был отчетливо слышен в ушах, хотя сама сфера парила далеко позади:

— Мы вынуждены настоять, леди и джентльмены. Это самый удаленный и опасный изо всех известных факс-узлов. Мы не можем допустить и малейшего риска, что вы пострадаете.

— Тут есть динозавры? — Голос Даэмана дрогнул.

Ада снова рассмеялась и раскинула руки навстречу холодной воющей тьме.

— Сомневаюсь, Даэман. Это была бы некая особо выносливая рекомбинантная морозоустойчивая порода, о которой я никогда не слышала.

— Почему же, все возможно. — Ханна указала на большой камень у входа в другой боковой каньон ярдах в пятидесяти справа от них. — Возможно, там аллозавр, облизываясь, поджидает нас.

Даэман шагнул в сторону и чуть не споткнулся о камень.

— Тут нет никаких динозавров, — вмешался Харман. — Думаю, тут вообще нет ничего живого. Слишком холодно. Не верите — снимите на секунду капюшоны.

Спутники послушались. Молекулярные наушники зазвенели от их возгласов.

— Держись подальше, — приказал Харман войниксу. — В случае чего мы тебя позовем.

Существо отступило на тридцать шагов.

Они двинулись по долине — на северо-запад, согласно наладонной функции ориентирования. Звезды содрогались под бешеным напором ветра, и всем четверым приходилось укрываться за каменными глыбами, чтобы их не сдуло. Когда ветер немного слабел, четверка осторожно двигалась дальше.

— Я что-то нашла, — раздался голос Ады.

Остальные поспешили к ярко-желтой фигуре в ста футах к югу от них. Ада смотрела на то, что издали казалось обычным камнем, однако вблизи Даэман разглядел щетинистую шерсть, диковинные конечности-ласты и черные дырочки глаз. Странное нечто казалось вырезанным из старого дерева.

— Тюлень, — сказал Харман.

— Что это? — спросила Ханна, вставая на колени, чтобы потрогать недвижное существо.

— Морское млекопитающее. Мне попадались такие на побережьях… далеко от факс-узлов. — Харман тоже встал на колени и коснулся мертвого животного. — Он высох… мумифицировался. Он мог пролежать здесь сотни, тысячи лет.

— Значит, мы на побережье, — сказала Ада.

— Не обязательно. — Харман поднялся и огляделся.

— Эй! — сказал Даэман. — Вон тот валун я помню. Под ним стоял пивной павильон.

Он медленно двинулся к большому валуну под обрывом.

— Ты уверен? — спросила Ада, когда они его нагнали.

Одинокая глыба вздымалась к ледяным мерцающим звездам и стремительно несущимся облакам. Все принялись искать следы палаток, костров и одноколок, однако ничего не нашли.

— Прошло полтора года, — сказал Харман. — Сервиторы, вероятно, тщательно все убрали…

— О господи! — перебила Ханна.

Все повернулись к ней. Девушка в оранжевом костюме смотрела вверх. Заметив игру кра-

сочных бликов на камнях и скалах, остальные последовали ее примеру.

Ночной небосклон ожил, превратился в занавес танцующего света — голубых, желтых и алых полос.

— Что это? — шепнула Ада.

— Не знаю. — Харман тоже понизил голос.

Свет по-прежнему трепетал в просвете между облаками. Харман откинул капюшон:

— Боже, без ночного видения оно горит так же ярко. Кажется, я видел нечто подобное несколько десятилетий назад, когда…

— Сервиторы! — перебил Даэман. — Что это за огни?

— Атмосферное явление, вызванное воздействием заряженных солнечных частиц на электромагнитное поле Земли, — донесся голос далекой машины. — У нас нет подробностей научного объяснения, но феномен известен под разными названиями, например…

— Ладно, — сказал Харман. — Хватит. Глядите-ка! — Он вновь натянул капюшон и теперь глядел на глыбу перед ними.

Камень покрывали какие-то сложные царапины, не такие, какие могли бы оставить ветер или другие природные явления.

— Что это? — спросила Ада. — На символы из книг не похоже.

— Да, — согласился Харман.

— Что-то от Горящего Человека? — предположила Ханна.

— Не помню царапин на камне возле пивной палатки, — сказал Даэман. — Но возможно, сервиторы поцарапали скалу, когда что-то двигали после праздника.

— Возможно, — согласился Харман.

— Продолжим искать рядом? — спросила Ада. — Попробуем найти какое-нибудь свидетельство, что женщина, которую ты ищешь, тут была? Или что Горящий Человек был здесь? Может быть, осталась зола.

— На таком ветру? — рассмеялся Даэман. — Через полтора года?

— Яма от костра, — сказала Ада. — Мы могли бы…

— Нет, — сказал Харман. — Ничего мы здесь не найдем. Давайте факсируем куда-нибудь, где потеплее, и поедим.

Ада повернула желтую голову и глянула на Хармана, но промолчала.

Два сервитора подплыли к ним, войникс маячил сразу за спиной.

— Мы уходим, — сказал Харман ближайшему сервитору. — Осветите нам дорогу к факс-павильону.

В Уланбате едва перевалило за полдень, и привычная сотня с лишним гостей, продолжавших отмечать Вторую Двадцатку Тоби, развлекалась на семьдесят девятом уровне «Кругов неба». Висячие сады шелестели и вздыхали на ветру, что налетал из красной пустыни. Даэмана приветствовало множество молодых людей и девушек, не заметивших его отсутствия в последние несколько дней, однако он пошел за Харманом, Ханной и Адой. Они нашли на длинном банкетном столе горячую еду, которую можно брать руками, сервитор налил им холодного вина. Харман увел их от шумной толпы к каменному столу у низкой стены на краю круга. Восемью сотнями футов ниже по шоссе Гоби шли караваны верблюдов, подгоняемые сервиторами и сопровождаемые войниксами.

— В чем дело? — спросила Ада, когда они сели в тени висячего сада и начали есть. — Я чувствую, что-то пошло не так.

Харман открыл было рот, но тут же умолк, дожидаясь, когда сервитор пролетит мимо.

— Вы никогда не задумывались, — спросил

он, — тот же это сервитор, которого вы только что видели в другом месте? С виду они все одинаковые.

— Нелепость, — ответил Даэман. Он откусил от куриной ножки, облизал пальцы и отпил охлажденного вина.

— Возможно, — сказал Харман.

— Что ты разглядел там, в темноте? — спросила Ханна. — В царапинах на камне?

— Это были цифры, — сказал Харман.

Даэман рассмеялся:

— Ну уж нет. Я знаю цифры. Все их знают. Это были не они.

— Это были цифры, написанные словами.

— Они не походили на значки в книгах, — сказала Ада. — Слова.

— Да, — ответил Харман. — Думаю, это то, как люди писали от руки. Символы были похожи на петельки и соединялись между собой. Местами ветер почти их стер. Подозреваю, их нацарапали во время Горящего Человека. Однако я сумел их прочесть.

— Слова! — рассмеялся Даэман. — Минуту назад ты говорил, что это были цифры.

— Что там было сказано? — спросила Ханна.

Харман огляделся.

— Восемь-восемь-четыре-девять, — тихо сказал он.

Ада покачала головой:

— Похоже на код факс-узла, но число слишком большое. Я никогда не слышала о коде, который начинался бы с двух восьмерок.

— Таких не бывает, — сказал Даэман.

Харман пожал плечами:

— Возможно, но, когда мы доедим, я собираюсь испробовать этот номер.

Ада посмотрела на далекий горизонт. Кольца пересекались в бледно-голубом небе узкими полосками молочного цвета.

— Вот почему ты не выбросил термоскины в урну, как велели нам сервиторы?

— Не знал, что ты заметила. — Харман ухмыльнулся и отхлебнул вина. — Я пытался сделать это незаметно. Видимо, я плохо умею таиться. По крайней мере, сервиторы к тому времени уже факсировали.

Тут, как по заказу, очередной сервитор подлетел наполнить их опустевшие бокалы. Сферическая машина висела по другую сторону стены — в восьмистах футах над красно-желтой пустыней, — пока ее изящные руки в белых перчатках наливали вино.

Если бы Харман не настоял, чтобы они еще до факса надели под одежду термоскины, все четверо могли бы проститься с жизнью.

— Господи! — воскликнул Даэман. — Где мы? Что происходит?

Никакого павильона здесь не было и в помине. Код 8849 выбросил их прямо во мрак и хаос. Ветер ревел. Ноги скользили по льду. На каждом шагу в завывающей тьме люди натыкались на что-нибудь острое.

— Ада! — крикнул Харман. — Свет!

Капюшоны давали ночное видение, но никто из них до сих пор капюшона не надел, да в этой кромешной тьме и не было света, который могли бы усилить линзы.

— Я пытаюсь его включить… Готово!

Фонарик, который она позаимствовала у Тоби, тонким лучом разрезал темноту и осветил заиндевелую открытую дверь, трехфутовые сосульки, волны застывшего льда на полу. Ада повела лучом, и три лица в термоскиновых масках обратились к ней. На них явственно читалось изумление.

— Здесь нет павильона, — сказал Харман.

— В каждом факс-узле есть павильон, — возразил Даэман. — Не может быть портала без

павильона. Верно?

— В старые дни были, — ответил Харман. — Тогда существовали тысячи частных узлов.

— О чем это он? — закричал Даэман. — Выбираться надо!

Ада повела лучом к тому месту, на которое они факсировали. Портала не было. Они стояли в комнате со шкафами, столами и стенами. Все покрывал лед. В отличие от факс-павильона, в центре комнаты не было пьедестала с кодовой пластиной. Это означало, что вернуться они не могут. В луче фонаря танцевал миллион ледяных искр. За стенами ревел ветер.

— Даэман, то, что ты сказал раньше, стало правдой, — произнес Харман.

— Что? Что я такого сказал?

— Что мы в ловушке. Как крысы.

Даэман заморгал, а луч переместился на обмерзшие стены. Ветер завыл еще громче.

— По звуку похоже на ветер в Сухой долине, — заметила Ханна. — Хотя никаких построек там не было. Или были?

— Навряд ли, — сказал Харман. — Однако я согласен, мы явно попали в Антарктику.

— Куда? — переспросил Даэман, стуча зубами. — Что за ант… антаттика?

— Холодное место, где мы побывали утром, — сказала Ада и шагнула в проем, на мгновение оставив их в темноте.

Они поспешили за Адой и сгрудились за ее спиной, как гусята.

— Тут коридор, — сказала Ада. — Шагайте осторожнее. На полу фут льда и снега.

Обледенелый коридор вел в обледенелую кухню, обледенелая кухня открывалась в обледенелую гостиную с занесенными снегом перевернутыми диванами. Ада провела лучом по окнам, покрытым тройной глазурью инея.

— Я, кажется, знаю, где мы, — прошептал Харман.

— Не важно, — сказала Ханна. — Главное, как отсюда выбраться?

— Погоди. — Ада направила фонарь на ледяной пол, и все лица озарил отраженный снизу свет. — Пусть скажет, мне интересно.

— По легенде, которую я слышал, у женщины, которую мы ищем, — Вечной Жидовки — был дом на горе Эребус, вулкане в Антарктиде.

— В Сухой долине? — Даэман поминутно оглядывался в темноту за спиной. — Господи, ну и мороз!

Ханна так резко рванула к нему по льду, что

Даэман отшатнулся и чуть не упал.

— Дурачок, капюшон надень, — сказала она. — Всем надо. Иначе мы обморозимся. К тому же через кожу головы мы теряем слишком много тепла.

Она вытащила зеленый капюшон из-за ворота Даэмановой рубашки и натянула ему на голову.

Остальные тоже надели капюшоны.

— Так-то лучше, — сказал Харман. — Теперь я вижу. И наушники заглушают рев ветра.

— Ты рассказывал, что у этой женщины было жилье… рядом с Сухой долиной? Мы сможем дойти пешком до тамошнего факс-павильона?

Харман беспомощно развел руками:

— Не знаю. Возможно, так она и попала на Горящего Человека — просто пришла пешком. Однако я не знаю географии. Может, дотуда миля, может — тысяча.

Даэман глянул на черные заиндевелые окна. Ветер гнул небьющиеся панели.

— Я отсюда не выйду, — отрезал он. — Ни за что.

— В кои-то веки я согласна с Даэманом, — сказала Ханна.

— Ничего не понимаю. — Ада свела брови. — Ты сказал, женщина жила здесь давным-давно…

жизни назад… многие столетия. Как она…

— Не знаю, — сказал Харман и, одолжив у Ады фонарик, пошел по следующему коридору.

Его остановило что-то, похожее на белые прутья. Пока остальные смотрели, Харман вернулся в занесенную снегом гостиную, взял самое тяжелое, что сумел отодрать ото льда, — это был стол, и Харман, отрывая его от пола, сломал ему ножки, — после чего вернулся в коридор и начал крушить сосульки, прокладывая себе путь.

— Куда ты? — крикнул Даэман. — Какой смысл туда идти? Тут миллион лет никого не было. Мы просто замерзнем насмерть, когда…

Харман ногой распахнул дверь в конце коридора. Хлынул свет. И тепло. Трое остальных бросились вперед так быстро, как только могли бежать по скользкому льду.

Как и комната, в которую они факсировали, это было помещение без окон, примерно двадцать на двадцать футов, но теплое, светлое, без снега и льда. И вдобавок его почти целиком заполняла овальная металлическая машина футов двенадцать в длину. Она беззвучно парила в трех футах над бетонным полом. Сверху стеклянным куполом поблескивало силовое поле. На поверхности имелось шесть углублений с мягкой черной обив-

кой; каждое было размером с человеческое тело, а там, где должны располагаться руки, торчали короткие рукояти.

— Похоже, кто-то ждал, что нас будет больше, — прошептала Ханна.

— Что это? — спросил Даэман.

— Думаю, это соньер… также называемый ПЛА, — тихо проговорил Харман.

— Что?! — спросил Даэман. — Что означают эти слова?

— Не знаю, — ответил Харман. — Но люди Потерянной Эпохи в таких летали.

Он тронул силовое поле; оно разошлось под пальцами, как ртуть, сомкнулось вокруг руки и поглотило запястье.

— Осторожнее! — крикнула Ада.

Однако Харман уже опустился сперва на колени, потом на живот и устроился в мягком черном углублении. Его голова и спина слегка возвышались над верхней поверхностью машины.

— Отлично, — сказал он. — Удобно. И тепло.

Остальных его слова успокоили. Ада первой заползла на аппарат, вытянулась и ухватила за рукояти:

— Они для управления, да?

— Понятия не имею, — ответил Харман.

Ханна и Даэман тоже вползли на машину и устроились во внешних углублениях; два центральных остались свободными.

— Ты знаешь, как ею управлять? — спросила Ада чуть более высоким, чем обычно, голосом. — Из книг? Из чтения?

Харман только мотнул головой.

— Тогда что мы здесь делаем? — спросила Ада.

— Экспериментируем.

Харман свинтил крышку с правой рукояти. Под ней обнаружилась единственная красная кнопка. Харман ее нажал.

Стена перед ними исчезла, словно ее сдуло в антарктическую ночь. Ледяной ветер со снегом закружил, слепя глаза, как будто из комнаты высосало весь воздух и на его место ворвался буран.

Харман открыл рот, собираясь крикнуть: «Держитесь крепче!», но не успел издать ни звука — соньер на немыслимой скорости вырвался из комнаты, прижимая их подошвы к металлу, и все отчаянно вцепились в рукояти.

Пузырь защитного поля над головами защищал их от ветра и смертельного холода, когда соньер, ПЛА, *эта штука* летела прочь от белого вулкана и обледенелых полуразрушенных строений на его обращенном к морю склоне. Линзы ночного

видения явили взорам мертвый, обледенелый ельник вдоль побережья, заметенные снегом остатки каких-то машин у залива, а затем белое замерзшее море.

Соньер выровнялся на высоте примерно тысячи футов над замерзшим морем и полетел прочь от земли.

Харман ненадолго выпустил одну рукоять и активировал на ладони функцию поиска направления.

— Северо-восток, — сообщил он по связи между костюмами.

Никто не ответил. Все пытались совладать с жестокой тряской, цепляясь за рукояти; им было не до того, каким курсом они летят к смерти.

Кое о чем Харман умолчал. Если древние карты, которые он штудировал, не врут, в этом направлении на тысячи миль ничего нет. Ничего.

Через десять минут соньер начал снижаться. Они вылетели за край сплошного льда, теперь внизу была черная вода, усеянная айсбергами.

— Что случилось? — спросила Ада, злясь на дрожь в своем голосе. — У машины кончается энергия… топливо… на чем там она работает?

— Не знаю, — ответил Харман.

Соньер летел теперь в какой-то сотне футов

над водой.

— Глядите! — Ханна отпустила рукоять и указала вперед.

Внезапно из холодного моря вынырнула сморщенная спина чего-то огромного, живого, заросшего от древности ракушками; в линзах ночного зрения было видно исходящее от него животное тепло, пульсирующее, словно кровь. Взметнулся фонтан воды, и Харман сквозь силовое поле почуял в свежем воздухе запах рыбы.

— Что?.. — начал Даэман.

— Полагаю, это называется… кит, — сказал Харман. — Но я думал, они вымерли тысячелетия назад.

— Может быть, постлюди их вернули? — предположила Ада.

— Может.

Они летели все дальше в море, на северо-восток, не меняя высоты, и пассажиры немного успокоились, привыкая к новым обстоятельствам, как свойственно человеку спокон веков. Харман перевернулся на спину и смотрел на яркие звезды, проступавшие средь рваных облаков. Из задумчивости его вывел возглас Ады:

— Там, впереди!

Над темным горизонтом показался гигантский

айсберг. Соньер мчался прямо на него. Машина уже пролетела над несколькими айсбергами или мимо них, но этот был несравнимо больше — он тянулся на многие мили, бело-голубой в линзах ночного зрения, — и значительно выше. Казалось, машина неизбежно врежется в эту ледяную стену.

— Мы можем что-нибудь сделать? — спросила Ада.

Харман мотнул головой. Он понятия не имел, с какой скоростью летит машина — самым быстрым транспортом в их жизни были запряженные войниксами дрожки, — но понимал, что столкновение их убьет.

— У тебя есть еще что-нибудь на рукоятках? — неожиданно спокойно спросила Ханна.

— Нет, — ответил Харман.

— Можно спрыгнуть, — сказал Даэман сзади и слева от Хармана.

Соньер слегка покачнулся: это Даэман встал на четвереньки, почти уперевшись головой в защитное поле.

— Нет, — сказал Харман приказным тоном. — В ледяной воде ты не протянешь и трех секунд — даже если переживешь падение. А ты его не переживешь. Ложись.

Даэман плюхнулся на живот.

Соньер не снижал скорости и не менял курс. Бело-голубая стена — Харман догадывался, что ширина айсберга по меньшей мере две мили, — неслась на них и росла. Харман предполагал, что айсберг торчит над водой по меньшей мере на триста футов. Они ударят в него на двух третях высоты.

— Мы ничего не можем сделать? — полуутвердительно проговорила Ада.

Харман снял капюшон и поглядел на нее. Под силовым пузырем было не так уж холодно.

— Кажется, нет. Прости.

Он правой рукой потянулся к ее левой. Ада сбросила капюшон, чтобы встретиться с ним глазами. На несколько мгновений их пальцы переплелись.

Когда до столкновения оставалось несколько сотен ярдов, соньер плавно сбросил скорость и начал набирать высоту. Он пронесся над вершиной айсберга с запасом футов десять, сделал вираж вправо, еще замедлился, завис ненадолго и опустился на поверхность. Снег шипел под его нагретым брюхом.

С минуту все четверо молча лежали на своих местах, не выпуская рукояток.

Внезапно силовое поле исчезло, и ледяной ветер обжег лицо Хармана. Он торопливо натянул капюшон, глянув на Аду, которая сделала то же самое.

— Надо выбираться, пока эта штука не унесла нас куда-нибудь еще, — тихо сказала Ханна по общей связи.

Они вылезли из машины. Ветер чуть не сбил их с ног, немного утих и снова ударил. Поземка трепала одежду и капюшоны.

— Что теперь? — прошептала Ада.

Словно в ответ на ее слова впереди замигали два ряда инфракрасных маяков, очертив тропу футов десять шириной и ярдов сто длиной, ведущую от соньера… в никуда.

Они пошли, держась друг за друга, чтобы не упасть. Если бы не маячки, ярко сияющие в линзах ночного видения, они бы повернулись спиной к ветру, мгновенно потеряли направление и очень скоро шагнули бы с края айсберга справа от них.

Дорожка привела к дыре в поверхности айсберга. Высеченные во льду ступеньки уходили вниз, к далекому красному сиянию.

— Рискнем? — сказала Ханна.

— А что нам остается? — спросил Даэман.

Городская обувь скользила на ледяных ступенях, но к правой стене был пришпилен металлическими крючьями какой-то трос, и все четверо спускались, держась за него. Харман насчитал сорок ступеней, прежде чем лестница уперлась в ледяную стену. Нет, лестница не кончилась, а повернула вправо — пятьдесят ступеней на сей раз, — затем влево — еще пятьдесят ступеней. И все это время спуск освещали вмонтированные в лед инфракрасные маячки.

Лестница окончилась коридором, ведущим вглубь айсберга. Теперь его освещали не только алые, но и зеленые и голубые огни. Иногда коридор раздваивался, но всякий раз освещен был лишь один путь. Раз им пришлось одолевать пологий подъем, затем — долгий спуск. В лабиринте поворотов и развилок все скоро утратили чувство направления.

— Кто-то нас ждет, — шепнула Ханна.

— Я на это рассчитываю, — ответила Ада.

Они вышли в просторный зал, футов шестьдесят в самом широком месте. Ледяной потолок нависал футах в тридцати над головой, стены были изрезаны множеством входов, которые соединялись ледяными лестницами, пол имел несколько уровней. Обогреватели на подстав-

ках горели оранжевым, из стен, потолка и пола торчали разнообразные источники света. На невысокой платформе лежали подушки из чего-то, похожего на мохнатые звериные шкуры, рядом стоял низкий стол, заставленный блюдами с едой, кувшинами и кубками.

— Все хорошо, — раздался у них за спиной женский голос. — Еда не отравлена.

Она вышла из высокого ледяного проема и теперь спускалась к ним по зигзагу лестницы. Харман успел заметить, что волосы у нее седые — почти неслыханный оттенок, который выбирали только отъявленные сумасброды, — а лицо морщинистое, как и говорил Даэман. Никто из них — за исключением Даэмана на прошлом Горящем Человеке — не видел настолько старого лица. Даже девяносто девятилетнему Харману сделалось не по себе.

И все же, несмотря на возраст, она была довольно привлекательна и двигалась твердой походкой. На ней был обычный синий жакет, вельветовые брюки и прочные ботинки; на эксцентричность намекал лишь алый шелковый плащ какого-то сложного покроя, нигде не свисавший простыми складками. Когда женщина вступила на платформу в нескольких футах от

них, Харман заметил у нее в руке темный металлический предмет.

Словно впервые заметив этот предмет, она направила его на гостей.

— Кто-нибудь знает, что это?

— Нет, — негромким хором откликнулись Даэман, Ада и Ханна.

— Да, — сказал Харман. — Это какое-то оружие Потерянной Эпохи.

Остальные трое глянули на него. Они видели оружие в туринских драмах, но мечи, копья, щиты и луки со стрелами не походили на эту черную машинообразную вещь.

— Верно, — сказала женщина. — Это называется пистолетом и имеет единственное назначение — убивать.

Даэман шагнул к старухе:

— Ты хочешь нас убить? Ты доставила нас сюда, чтобы убить?

Старуха улыбнулась и положила оружие на стол, подле чаши с апельсинами.

— Здравствуй, Даэман. Приятно снова увидеться, хотя не уверена, что ты помнишь меня с нашей прошлой встречи. Ты довольно сильно захмелел…

— Я помню тебя, Сейви, — холодно ответил

Даэман.

— И всем вам, — продолжала старуха, — Ада, Ханна, Харман… добро пожаловать. Ты очень упорно следовал подсказкам, Харман.

Она опустилась на шкуры и жестом пригласила гостей присоединиться. Один за другим они уселись вокруг низкого стола. Сейви взяла апельсин, предложила гостям и, когда те отказались, принялась чистить его длинным ногтем.

— Мы не встречались, — сказал Харман. — Откуда ты знаешь, как зовут меня… нас?

— Ты оставил заметный след… какое сейчас уважительное обращение?.. Харман-ур.

— След?

— Уходил от факс-узлов настолько, что войниксам приходилось следовать за тобой. Научился читать. Разыскал немногие уцелевшие библиотеки мира… в том числе и принадлежащую Аде-ур. — Сейви кивнула в сторону Ады, и та кивнула в ответ.

— Как ты узнала, что войниксы повсюду за мной следуют? — спросил Харман.

— Войниксы мониторят все необычное, — сказала Сейви.

Она разделила апельсин на дольки, положила по две на четыре льняные салфетки и раздала

гостям. На сей раз они приняли угощение.

— Я мониторю тебя, — закончила Сейви, глядя на Хармана.

— Зачем? — Харман посмотрел на дольки и опустил салфетку на стол. — Для чего за мной шпионить? И как?

— Два разных вопроса, мой юный друг.

Харман не мог сдержать улыбки. Его уже очень долго никто не называл юным.

— Тогда ответь на первый. Для чего?

Сейви расправилась со второй долькой и облизала пальцы. Харман заметил, как завороженно рассматривает Ада сморщенные пальцы и кожу в пигментных пятнах. Сейви если и заметила ее внимание, то не подала виду.

— Харман… можно без «ур»? — Хозяйка не стала ждать ответа. — Так вот, Харман, на сегодняшний день ты единственный человек на Земле из населения в триста с лишним тысяч… единственный, кроме меня… кто способен читать письменную речь. Или хотя бы пытается.

— Но… — начал Харман.

— Триста тысяч? — перебила Ханна. — Нас миллион. Нас всегда был миллион.

Сейви улыбнулась и покачала головой:

— Милая, кто тебе сказал, что сейчас на планете

живет миллион человек?

— Э… никто… В смысле, это все знают…

— Именно, — сказала Сейви. — Все знают. Но нет способа сосчитать население.

— Но если кто-нибудь восходит на кольца… — растерянно продолжала Ханна.

— …на Земле рождается новое дитя, — закончила Сейви. — Да. Я заметила за последнюю тысячу лет. Вот только вас не миллион. Гораздо меньше.

— Зачем посты стали бы нас обманывать? — спросил Даэман.

Сейви подняла бровь:

— Посты. Ах да… посты. Ты в последнее время разговаривал с постлюдьми, Даэман-ур?

Даэман счел вопрос риторическим и не ответил.

— Я разговаривала с постлюдьми, — тихо сказала Сейви.

От этих слов у всех — особенно у Хармана и Ады — перехватило дух. Они молча ждали.

— Только это было давно. — Сейви так понизила голос, что остальным пришлось податься вперед. — Очень, очень давно. Еще до финального факса.

Ее глаза, серо-голубые секунду назад, затуманились.

Харман тряхнул головой:

— Я слышал о тебе — Вечной Жидовке, последней из Потерянной Эпохи, — но не понимаю. Как ты сумела пережить Пятую Двадцатку?

Ада заморгала от такой грубости, но Сейви, видимо, не обиделась.

— Прежде всего, милые мои, столетний срок жизни — относительное новшество. Это придумали посты после финального факса. Уже после того, как они всё загубили — наше будущее, будущее Земли — этим ужасным финальным факсом. Лишь через века после того, как девять тысяч сто тринадцать моих пострубиконовских собратьев-людей факсировали в нейтринный поток — безвозвратно, *хотя постлюди обещали им возвращение*, — лишь после этого… геноцида… ваши драгоценные постлюди восстановили ядерную популяцию ваших предков, придумали столетний срок и теоретическую стадную популяцию в миллион человек…

Сейви, явно взволнованная, остановилась перевести дух. Она еще раз глубоко вздохнула и указала на кувшины:

— Если кто хочет, у меня есть чай. И очень крепкое вино. Я выпью вина.

И она чуть дрожащими руками налила себе и

указала другим на кубки. Даэман мотнул головой. Девушки выбрали чай. Харман взял кубок красного вина.

— Харман, — продолжила Сейви уже спокойнее, — до того, как я отклонилась от темы, ты задал два вопроса. Во-первых, отчего я тебя заметила. Во-вторых, как я прожила столько лет. Ответ на первый вопрос: мне интересно все, что занимает и тревожит войниксов. А их занимает и тревожит твое поведение в последние десятилетия…

— Но какое войниксам до меня дело… — начал Харман.

Сейви подняла палец:

— На второй вопрос могу ответить, что осталась жива в эти последние столетия, потому что много спала, а когда не спала, то пряталась. Перемещаюсь я либо на соньере — вы сегодня на таком прокатились, либо пешком между павильонами факс-узлов.

— Не понимаю, — сказала Ада. — Как можно ходить пешком между факс-узлами?

Сейви встала. Гости последовали ее примеру.

— Понимаю, что вы устали, мои юные друзья, но, если вы решите последовать за мной, вас ждет еще многое. Если нет, соньер вернет вас в

ближайший факс-павильон… в месте, которое прежде было Африкой. Выбирайте сами, — она бросила взгляд на Даэмана, — каждый за себя.

Ханна допила остатки чая и поставила кубок.

— А что ты нам покажешь, если мы отправимся за тобой, Сейви-ур?

— О, многое, дитя мое. Но в первую очередь я научу вас летать и посещать края, о которых вы не слыхали… Которые не могли даже вообразить.

Все четверо переглянулись. Харман с Адой обменялись кивками. Ханна сказала:

— Я с тобой.

Даэман мгновение как будто обдумывал свой выбор. Потом сказал:

— Я тоже. Но прежде хочу все-таки попробовать твое крепкое вино.

Сейви наполнила его кубок.

14. На низкой марсианской орбите

Манмут перезагрузил свои системы и наскоро оценил повреждения. Все его органические и кибернетические компоненты сохранили работоспособность. Взрыв был вызван резкой разгерметизацией трех носовых балластных резервуаров, но остальные двенадцать уцелели. Он сверился с внутренними часами и выяснил, что до перезагрузки пробыл без сознания менее тридцати секунд и по-прежнему виртуально подключен к своей подлодке на обычных частотах. От «Смуглой леди» поступали сообщения, что она стремительно кувыркается, в корпусе небольшая пробоина, система мониторинга перегружена, температура обшивки превышает точку кипения, и еще десятки жалоб, однако ничто не требовало его срочного внимания. Манмут перезагрузил видеосвязь, но увидел лишь раскаленные докрасна внутренности корабельного трюма, открытые грузовые двери и — за ним — вращающееся звездное небо.

Орфу?

Общая линия молчала. Фокусированный луч тоже. И мазерные каналы. Не слышалось даже помех.

Шлюз был по-прежнему открыт. Манмут подхватил реактивный ранец, моток нервущейся бечевки из микроволокна и пролез внутрь, хватаясь за знакомые зацепки, чтобы противостоять векторным силам кувыркания. В собственном трюме он убедился, что грузовые двери полностью открыты, прикинул, хватит ли места, затем наугад схватил что-то из аккуратно уложенного Коросом оборудования и выбросил из подлодки, из разваливающегося корабля, вслед за разлетающимися каплями расплавленного металла и полыханием плазмы. Возможно, то было оружие массового поражения, которое Корос собирался доставить на Марс («На моем корабле!» — с прежним возмущением подумал Манмут), а возможно, снаряжение, необходимое для выживания на планете. Сейчас это Манмута не занимало. Ему было нужно место.

Он привязал веревку к скобе на корпусе «Смуглой леди» и вылетел в космос, стараясь не столкнуться в разбитыми грузовыми дверями корабля.

Отлетев на безопасные сто метров от кувыр-

кающегося судна, он развернулся оглядеть повреждения.

Все оказалось еще хуже, чем он ожидал. Как и говорил Орфу, весь нос корабля исчез. Рубку и все на десять метров от нее в сторону кормы снесло начисто. Там, где были Корос III и Ри По, рассеивалось облако плазмы.

Остатки фюзеляжа потрескались и рассыпались. Не хотелось и гадать, что было бы, не сбрось они термоядерные двигатели, водородные резервуары, уловитель Метлоффа — Феннелли и прочее задолго до атаки. Вторичные взрывы распылили бы и его, и Орфу.

Орфу?

Манмут теперь спрашивал и по фокусированному лучу, и по радио, однако внешние отражательные антенны полностью сгорели. Ответа не было.

Уворачиваясь от летящих осколков, капель расплавленного металла и расползающегося облака плазмы и одновременно следя, чтобы трос не натянулся и его не бросило на гибнущее судно, Манмут включил реактивные двигатели и подлетел к корпусу. Вращение было таким стремительным — звезды, Марс, звезды, Марс, — что Манмуту пришлось закрыть глаза и двигаться

по радару.

Орфу по-прежнему лежал в свой люльке. На мгновение Манмут обрадовался — радар показывал, что его товарищ цел и на месте, — потом раскрыл глаза. И увидел.

Взрыв, уничтоживший нос корабля, оплавил и раздробил корабельный корпус до того места, где лежал Орфу. Тяжелый панцирь ионийца почернел и потрескался на треть длины. Передних манипуляторов не было. Передние коммуникационные антенны исчезли. Глаз не было. По последним трем метрам внешней оболочки тянулись трещины.

— Орфу! — позвал Манмут по фокусированному лучу.

Тишина.

Используя каждый мегабайт своих вычислительных способностей, Манмут оценил векторы и полетел к корпусу. Все десять сопел работали микроимпульсами, чтобы исправлять опасную траекторию, пока он не оказался в метре от поверхности. Здесь он вбил в обшивку шлямбур и набросил на него петлю, следя, чтобы трос не запутался — его нужно будет, когда настанет момент, сдернуть быстро.

Натянув трос и качнувшись, как маятник, Ман-

мут по дуге перелетел к люльке Орфу, хотя ее точнее было бы назвать оплавленной вмятиной.

Цепляясь за панцирь Орфу (короткие ноги при этом беспомощно болтались наверху), Манмут прилепил провод связи к телу товарища чуть дальше того места, где раньше были глаза.

— Орфу?

— Манмут? — Голос у Орфу был надтреснутый, но сильный. Главным образом в нем слышалось удивление. — Ты где? Почему я тебя слышу? Все мои коммуникаторы уничтожены.

Манмут ощутил радость, какую испытывали лишь немногие шекспировские герои.

— Мы в прямом контакте. Кабельная связь. И я тебя отсюда вытащу.

— Это идиотизм! — загремел Орфу. — Я бесполезен. Я не…

— Заткнись, — попросил Манмут. — У меня трос. Тебя надо привязать. Где…

— Метрах в двух позади узла датчиков есть скоба, — сказал Орфу.

— Ее нет. — Манмуту не хотелось вгонять шлямбур в панцирь товарища, но ничего другого не оставалось.

— Ну… — начал Орфу и замолчал на несколько жутких секунд, осознавая масштаб своих поло-

мок. — Тогда сзади. Дальше всего от вспышки. Сразу за кластером двигателей.

Манмут не сказал другу, что двигатели тоже уничтожены. Он перевернулся, нашел кольцо и закрепил микроволоконный трос неразвязываемым узлом. Если что и объединяло моравека Манмута с его давними предшественниками — земными мореплавателями, — так это умение вязать узлы.

— Держись, — сказал он по кабелю. — Начинаю тянуть. Потеряешь связь — не беспокойся. Тут очень много векторов сил…

— Это безумие! — захрипел Орфу по кабелю. — На «Смуглой леди» нет места, и, если ты меня к ней доставишь, от меня не будет никакой пользы. У меня не осталось чем держаться.

— Тихо, — спокойно ответил Манмут и добавил: — Друг мой.

Он включил все реактивные двигатели и сдернул веревку со шлямбура.

Вычисления характеристической скорости затуманили поле зрения, Марс и звезды, по-прежнему менявшиеся местами каждые две секунды. Манмут дал тросу натянуться, затем врубил двигатели — тратя энергию с пугающей быстротой, — чтобы выровнять свою скорость с

вращением корабля и по длинному тросу втянуть себя в «Смуглую леди».

Масса у Орфу была значительная, из-за вращения корабля подтягиваться было еще сложнее, но трос был сверхпрочным, а воля Манмута в эти мгновения — несломимой. Он подтянул их обоих ближе к открытому трюму подлодки.

Корабль начал рассыпаться под нагрузкой, куски кормы отвалились и пролетели мимо Манмута, вцепившегося в панцирь Орфу. Две тонны металла пронеслись в пяти метрах от головы маленького моравека. Манмут втащил Орфу внутрь.

Это было бесполезно. Корабль вокруг «Смуглой леди» разваливался, взрывы следовых реактивных газов и внутренних, заполненных воздухом отсеков разносили обшивку. Манмут видел, что не успеет добраться до подлодки.

— Отлично, — пробормотал он. — Придется горе идти к Магомету.

— Что? — воскликнул Орфу, на сей раз действительно встревоженным голосом.

Манмут и забыл, что кабельная связь по-прежнему работает.

— Ничего. Держись.

— Чем, друг мой? Я лишился и манипуляторов,

и рук. Придется тебе за меня держаться.

— Хорошо, — ответил Манмут и включил все свои двигатели, расходуя энергетический запас так быстро, что пришлось использовать аварийный резерв.

Это помогло. «Смуглая леди» показалась из темного корабельного трюма за мгновения до того, как тот начал распадаться на куски.

Манмут отлетел подальше, видя, как расплавленный металл брызжет на бедный побитый панцирь Орфу.

— Прошу прощения, — прошептал Манмут, на остатках топлива уводя кувыркающуюся подлодку дальше от гибнущего корабля.

— За что ты просишь прощения? — спросил Орфу.

— Да так, — выговорил Манмут. — После расскажу.

Он тянул, толкал и в конце концов втащил огромного ионийца в почти пустой грузовой отсек. В темноте было даже лучше — голова больше не кружилась от бешеного вращения звезды-планета-звезды-планета. Манмут устроил товарища в главной нише и активировал гибкие зажимы.

Теперь Орфу был надежно закреплен. Манмут допускал, что все трое — «Смуглая леди» и два

моравека — обречены, но по крайней мере они погибнут вместе. Манмут подсоединил коммуникации подлодки к кабельному входу.

— Ты в безопасности, — выговорил Манмут, задыхаясь и чувствуя, что его органические части почти на пределе. — Сейчас я отсоединю свой кабель.

Из последних сил он втащил себя по коридору, где был вакуум, в нишу, закрылся, но воздух закачивать не стал, а подключился к системе жизнеобеспечения. Кислород потек. В линии связи трещали помехи. Системы корабля сообщали об ощутимых, но не роковых повреждениях.

— Ты на месте? — спросил Манмут.

— Где ты?

— В моей рубке.

— Каково положение, Манмут?

— Корабль развалился от вращения. «Смуглая леди» более или менее цела, включая стелс-оболочку, носовые и кормовые двигатели, однако я понятия не имею, как ими управлять.

— Управлять? — Затем до Орфу дошло. — Ты по-прежнему намерен войти в атмосферу Марса?

— А что, у нас есть выбор?

Орфу думал целую секунду или две и наконец сказал:

— Согласен. Ты думаешь, что сможешь пилотировать ее в атмосфере?

— Дохлый номер, — ответил Манмут почти жизнерадостно. — Я загружу программное обеспечение, оставленное Коросом, и ты нас поведешь.

По кабелю донесся чихающий рокот, хотя Манмуту трудно было поверить, что его друг и впрямь смеется в такой момент.

— Ты, конечно, шутишь. Я слеп. Не только глаза и камеры утрачены, но и вся моя оптическая система сгорела. Я полная развалина. По сути, я мозг в разломанной корзине. Скажи, что ты шутишь.

Манмут загрузил из памяти субмарины программное обеспечение дополнительных двигателей, парашютов и прочего. Затем включил корпусные камеры и тут же отвернулся. Подлодка все так же кувыркалась, и голова от этого кружилась по-прежнему. Марс теперь целиком заполнил экраны. Полярная шапка, синее море, полярная шапка, синее море, кусок черного космоса, полярная шапка — Манмута мутило от этого мелькания.

— Вот, — сказал он, когда загрузка закончилась. — Я буду твоими глазами. Стану передавать любые данные по навигации, какие подлодка

сумеет извлечь из программы. Твое дело — стабилизировать нас и спустить на Марс.

На сей раз сомнений не было: ониец и впрямь расхохотался.

— Почему бы и нет, — сказал он. — Все равно расшибемся.

Двигатели «Смуглой леди» начали включаться по указанию Орфу.

15. Илионская равнина

Диомед, которого буквально несет в бой облаченная в доспех, сокрытая в облаке, управляющая конями Афина, мчится навстречу Аресу.

Я по-прежнему с трудом верю своим глазам. Сначала усиленный аргивянин, сын Тидея, ранил Афродиту. Теперь самому богу войны предстоит поединок с Диомедом. *Аристейя* с богом. Невероятно.

Арес в своей обычной манере еще сегодня утром обещал Афине и Зевсу помочь грекам, а теперь, подстрекаемый насмешками Аполлона и собственной вероломной натурой, беспощадно разит аргивян. Только что он убил Перифаса, сына Охезия, лучшего воина в этолийских частях греческой армии, и как раз срывает с того доспехи, когда внезапно поднимает глаза и видит несущуюся на него колесницу Афины. Сама богиня окутана маскировочным облаком тьмы. И хотя Арес должен понимать, что за туманом скрывается бессмертный, он не дает себе труда заглянуть за маскировку, так рвется убить Диомеда.

Арес бьет первым — бросает копье с меткостью,

на какую способен лишь бог. Копье летит над бортом колесницы, прямо в сердце Диомеда, но Афина, высунув из облака руку, отбрасывает древко в сторону. Мгновение Арес ошалело смотрит, как его божественное копье вонзается наконечником из вольфрамового сплава в каменистую землю.

Колесница несется мимо; наступает черед Диомеда. Он перегибается через край колесницы и бьет своим, энергетически усиленным бронзовым копьем. Благодаря оболочке из планковского поля, которой поделилась Афина Паллада, человеческое оружие пронзает сперва силовой щит бога войны, затем узорчатый пояс бога войны и, наконец, олимпийские внутренности бога войны.

Арес кричит от боли. Недавний вопль Афродиты, от которого содрогнулась планета, сейчас кажется шепотом. «Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву», — описал его крик Гомер. Оказывается, это было мягко сказано. Во второй раз за сегодняшний кровавый день обе армии прекращают бойню в смертном ужасе от божественного звука. Даже благородный Гектор, занятый благородным делом — прорубиться

сквозь аргивское мясо и убить отступающего Одиссея, — останавливает натиск и оборачивается туда, где ранили Ареса.

Диомед спрыгивает с колесницы, чтобы добить поверженного, однако Арес, корчась от божественной боли, начинает расти и преображаться, теряя человекоподобный вид. Воздух вокруг Диомеда, прочих греков и троянцев, сражавшихся за тело забытого теперь Перифаса, внезапно заполняется землей, обломками, обрывками ткани и кожи. Арес отбрасывает человеко-божественный облик и превращается в… нечто иное. Там, где он стоял минуту назад, взмывает вихрь черной плазменной энергии, его статическое электричество разряжается молниями в троянцев и аргивян без разбора.

Диомед отшатывается; ярость циклона на время приглушила его кровожадность.

Бог войны исчезает, квитируется на Олимп, придерживая кишки залитыми ихором руками. Поле брани замирает, почти как если бы боги вновь остановили время. Но нет: птицы по-прежнему летают, ветер по-прежнему дует, пыль по-прежнему оседает. Люди замерли от благоговейного ужаса.

— Ты хоть раз в жизни видел что-нибудь подоб-

ное, Хокенберри? — раздается над ухом.

Я вздрагиваю от неожиданности — совершенно забыл, что Найтенгельзер здесь.

— Нет, — отвечаю я.

С минуту мы молча смотрим, как смертный бой закипает вновь. Тут укутанная облаками Афина исчезает из несущейся колесницы Диомеда, и я отхожу от Найтенгельзера.

— Морфирую и гляну, как восприняла это царская семья на стенах Трои, — говорю я ему, прежде чем пропасть из вида.

Я действительно морфирую, но это лишь уловка, чтобы скрыть мое настоящее исчезновение. Скрытый клубами пыли и смятением в троянских рядах, я надеваю Шлем Аида, активирую медальон и квитируюсь за раненым Аресом по его квантовому следу через искаженное пространство к Олимпу.

Я выхожу из квантового перехода не на зеленые лужайки Олимпа и даже не в Чертог богов, а в просторное помещение, которое похоже скорее на пост управления медицинской клиники двадцатого столетия, чем на любое из зданий, виденных мною на Олимпе. В стерильной по виду обстановке стоят кучками боги и другие существа, и на полминуты после фазового пере-

мещения я задерживаю дыхание — опять! — и с колотящимся сердцем силюсь понять, различают ли меня божества и их подчиненные.

Очевидно, нет.

Арес сидит на столе типа операционного. Над ним нависают какие-то машины. Три гуманоидных, но не совсем человеческих сущности либо конструкта суетятся подле него. Возможно, это роботы, только куда более органические и *чужие* с виду, чем те роботы, которых воображали в мои дни. Один из них подсоединяет капельницу, другой водит ультрафиолетовым лучом по распоротому животу Ареса.

Бог войны по-прежнему держит внутренности обеими руками. Он страдает, он напуган и зол. В общем, вылитый человек.

Вдоль длинной белой стены стоят высокие (не меньше двадцати футов) стеклянные баки; в каждом бурлит лиловая жидкость, плавают толстые нити, шланги и… боги. Высокие, загорелые, безукоризненные человеческие тела в различной степени то ли разложения, то ли восстановления. Я вижу брюшные полости, белые кости, красное мясо, тошнотворный отблеск голого черепа. Богов трудно признать, но во втором с краю баке плавает голая Афродита. Тело почти идеально, только

идеальная кисть почти отсечена от идеальной руки. Вокруг разорванных связок, сухожилий и кости вьется клубок зеленых червей, не то пожирая их, не то сшивая. Может быть, то и другое разом. Я отвожу взгляд.

В помещение входит Зевс. Он стремительно шагает мимо медицинских мониторов без элементов управления, мимо роботов, одетых во что-то похожее на синтетическую плоть, мимо младших богов, которые склоняют голову и расступаются в страхе. На миг владыка богов поворачивается ко мне, пронзительные глаза под седыми бровями смотрят прямо на меня, и я понимаю, что обнаружен.

Я жду громового раската и молнии. Однако ничего не происходит. Зевс отводит взгляд — с улыбкой? — и останавливается перед Аресом, который по-прежнему сидит согнувшись на операционном столе между высокими машинами и медицинскими роботами.

Зевс встает перед раненым богом, скрестив руки на груди, тога ниспадает складками, голова опущена, седая борода тщательно расчесана, седые брови, наоборот, косматы и угрюмы, голая грудь излучает бронзовое сияние и силу, лицо сурово. Я бы сказал, что он больше похож на

сердитого директора школы, чем на встревоженного отца.

Арес заговаривает первым:

— Отец Зевс, не обидно ли тебе смотреть на такое человеческое бесчинство! Мы — вечные бессмертные боги, но, разрази меня гром, терпим оскорбления — из-за твоей божественной воли и противоречивых желаний, — как только проявляем доброту к этим смертными паршивцам. Мало нам сражаться с этими нанопсихованными сукиными детьми, владыка Зевс, нам приходится бороться и с тобой.

Арес переводит дыхание, кривится от боли и ждет. Зевс молчит, но по-прежнему хмурится, словно обдумывает услышанное.

— И Афина! — возмущается раненый. — Ты слишком многое позволяешь этой девчонке, о сын Крона. С тех пор как ты родил ее из своей головы — это дитя хаоса и разрушения, — ты позволяешь ей делать, что она пожелает, ни в чем не ограничивая ее волю. И теперь она превратила смертного Диомеда в оружие против нас, богов!

Распаленный собственной речью, Арес брызжет слюной. Мне по-прежнему видны голубовато-серые кольца кишок в чем-то, что кажется золотой кровью.

— Сперва она подбила этого… *смертного* покуситься на Афродиту, ранить ее в запястье, пролить божественную кровь. Помощники Целителя сказали мне, что она пробудет в чане целый день. Затем Афина велела Диомеду напасть на меня! На бога войны! И его наноулучшенное тело оказалось таким проворным, что, не будь я еще стремительнее, мне пришлось бы пробыть в баке несколько дней, а то и недель; возможно, меня бы даже пришлось воскрешать. Если бы он пронзил копьем мое сердце, я и сейчас бы корчился среди человеческих трупов, мучился бы еще ужаснее, чем теперь, силился бы подняться и падал вновь под ударами смертной бронзы, слабый, как какая-нибудь бездыханная тень из наших прежних земных дней, и…

— ДОВОЛЬНО! — ревет Зевс, и не только Арес умолкает, но и все боги и роботы замирают. — Хватит выть, ты, *лживая*, двуличная гнида! Ты смертным-то недостоин зваться, а уж тем более богом!

Арес моргает, открывает рот, однако (разумно, я полагаю) решает не перебивать Зевса.

— Послушать, как ты воешь от пустяковой царапины! — Зевс разводит мощные руки и выставляет исполинскую ладонь, как будто сейчас

по его велению бог войны исчезнет без следа. — Ты жалкий лицемер, самый гнусный из всех ничтожеств, избранных сделаться богами, когда пришло время вашей Перемены! Трусливый пес, которому по сердцу одна лишь черная гибель да кровавая мясорубка войны! Весь в мать, так же злопамятен и жесток, а я должен признать, мне порою трудно обуздывать Геру, особенно если кто-нибудь решает вмешаться в ее любимый проект, например перебить всех ахейцев до единого.

Арес сгибается пополам, как будто слова Зевса причиняют ему боль, но я думаю, дело в том, что шарообразный робот, зависнув в воздухе, штопает ему живот чем-то похожим на карманную швейную машинку промышленной мощности.

Не обращая внимания на врачей, Зевс начинает расхаживать взад-вперед. Он поворачивает в двух ярдах от меня и вновь останавливается перед Аресом.

— Надеюсь, ты так страдаешь из-за наущений Геры, *о бог войны*… — В голосе Зевса звучит божественный сарказм. — Я бы охотно дал тебе умереть…

Арес смотрит на него в полном ужасе.

— А ты как думал? — хохочет Зевс, глядя на его перепуганное лицо. — Не знаешь, что мы можем

умереть? Так, что не спасет ни целебный чан, ни реком-воскрешение? Можем, сын мой, можем.

Арес в смятении смотрит вниз. Машинка почти убрала божественные внутренности на место и теперь сострачивает последние мышцы.

— Целитель! — гремит Зевс.

Из-за булькающих баков появляется что-то высокое и не слишком человекоподобное. Оно больше похоже на сороконожку с множеством членистых лап, чем на механизм. Пятнадцатифутовое сегментированное тело увенчано красными мушиными глазами и затянуто ремнями, на которых болтаются всевозможные устройства и куски чего-то органического.

— Ты все равно мой сын, — уже мягче говорит Зевс, глядя на кривящегося от боли Ареса. — Ты мой сын, как я — сын Крона. От меня родила тебя твоя мать.

Арес тянется к отцу окровавленной рукой, но тот словно этого не замечает.

— Но знай, Арес. Родись ты от семени другого бога и вырасти в такую никчемную дрянь, я давно бы зашвырнул тебя в ту черную бездну, где ныне корчатся титаны.

Зевс жестом подзывает Целителя, поворачивается и выходит.

Я опасливо отступаю (младшие боги тоже), когда исполинский Целитель поднимает Ареса пятью руками, несет к свободному баку, подсоединяет к различным волокнам, щупальцам и трубкам, после чего бросает в булькающую лиловую жидкость. Погрузившись с головой, Арес закрывает глаза. Зеленые черви вылезают из отверстий в стекле и набрасываются на поврежденные божественные потроха.

Я решаю, что пора уходить.

Я постепенно осваиваю квантовую телепортацию с помощью медальона. Отчетливо представь место, куда хочешь попасть, и устройство квитирует тебя туда. Я со всей ясностью воображаю университетский городок в Индиане последних лет двадцатого века, и… ничего не происходит. Вздохнув, я мысленно рисую общежитие схолиастов у подножия Олимпа.

Медальон вмиг переносит меня туда. Я возникаю перед красными ступенями, ведущими к зеленой двери казармы из красного камня, попрежнему невидимый в Шлеме Аида.

Я смертельно устал и хочу одного: дойти до койки, скинуть снаряжение и заснуть. Пусть перед Музой отчитывается Найтенгельзер.

Словно прочитав мои мысли, Муза возникает в

двух ярдах от меня и поворачивается к двери. Это очень странно. Муза никогда прежде не посещала казарму, мы всегда ездили к ней на хрустальном эскалаторе. Таинственное изобретение Аида по-прежнему действует, так что я иду за ней в общее помещение.

— Хокенберри! — орет она зычным божественным голосом.

Из комнаты первого этажа появляется Бликс — молодой гомеровед из двадцать второго столетия, работающий в Илионе в ночную смену. Он ошалело трет заспанные глаза.

— Где Хокенберри? — вопрошает моя Муза.

Бликс лишь разевает рот и беспомощно трясет головой. Он вышел в чем спал — в семейных трусах и несвежей майке.

— Хокенберри! — нетерпеливо требует Муза. — Найтенгельзер сказал, он отправился в Илион, но там его нет. Ты видел здесь кого-нибудь из дневной смены?

— Нет, богиня. — Бедняга склоняет голову в попытке изобразить почтение.

— Иди спать, — презрительно бросает Муза.

Она быстрым шагом выходит наружу, смотрит на побережье, где сотни зеленых человечков тянут из карьера каменные головы, и квитиру-

ется прочь. Слышится тихий хлопок: это воздух устремился в пустоту.

Я мог бы отправиться по ее следу в фазовом пространстве, но… зачем? Муза, разумеется, хочет получить назад шлем и медальон. Покуда Афродита в чане, она не знает, где я и что делаю, и, готов поспорить, кроме Афродиты, одной лишь Музе известно, что я получил шпионское снаряжение.

И возможно, даже Муза не знает, какую роль назначила мне Афродита.

Следить за Афиной, а потом ее убить.

Зачем? Даже если Зевс не запугивал Ареса, а сказал правду и боги могут умереть по-настоящему, по силам ли простому смертному их прикончить? Сегодня Диомед пытался убить двух богов.

И сумел вывести их из строя, так что теперь они плавают в баках с зелеными червями.

Я качаю головой. Внезапно наваливается страшная усталость и растерянность. Противлению богам, в котором я поклялся себе сутки назад, фактически пришел конец. Завтра к этому времени Афродита меня уничтожит.

Куда бежать?

От богов надолго не спрячешься, а если Афродита заподозрит меня в таком намерении, она

сразу пустит мои кишки себе на подвязки. И как только богиня любви вернется завтра в строй, она меня разыщет.

Можно квитироваться на поле битвы и позволить Музе себя отыскать. Это лучший выход. Даже если она отберет снаряжение, Муза, вероятно, не станет меня убивать, пока Афродита не выйдет из бака.

Так что мне терять?

Один день. Афродита будет в баке один день, а больше никто из богов не сможет меня увидеть или отыскать, пока она не вернется. *Один день.*

По сути, мне остался один день жизни.

С этой мыслью я наконец решаю, куда отправлюсь.

16. Южное полярное море

Четверо путешественников все-таки решили поесть.

Сейви на несколько минут скрылась в одном из освещенных туннелей и вернулась с горячей едой: курицей, подогретым рисом, перцем, приправленным карри, и кусочками жаренной на гриле баранины. Они перекусили в Уланбате несколько часов назад, но сейчас с аппетитом накинулись на угощение.

— Если вы устали, можете поспать здесь, прежде чем мы тронемся, — сказала Сейви. — У меня найдутся удобные спальни.

Все сказали, что еще не хотят спать, — по времени Парижского Кратера была вторая половина дня. Даэман огляделся, дожевал кусочек баранины, проглотил и поинтересовался:

— Почему ты живешь в… Как ты это назвал, Харман?

— Айсберг, — ответил Харман.

Даэман кивнул, прожевал еще кусок и вновь повернулся к Сейви:

— Почему ты живешь в айсберге?

Она улыбнулась:

— Это мое конкретное жилище можно считать результатом… скажем так, старческой ностальгии. — Она поймала пристальный взгляд Хармана и добавила: — Когда четырнадцать отмеренных вам сроков жизни назад финальный факс произошел без меня, я была вроде как на каникулах в айсберге, очень похожем на этот.

— Я думала, при финальном факсе на хранение отправили всех. — Ада вытерла пальцы о красивую коричневую салфетку. — Все миллионы людей старого образца.

Сейви покачала головой:

— Не миллионы, милая. К тому времени, как посты осуществили свой финальный факс, нас оставалось чуть больше девяти тысяч. И, насколько мне известно, никого из этих людей — многие из них были моими друзьями — не восстановили после Пробела. Понимаете, все мы, пережившие пандемию, были евреями. У нас оказался иммунитет к вирусу рубикона.

— Кто такие евреи? — спросила Ханна. — Или кто они были?

— По большей части теоретический расовый конструкт. Полуобособленная генетическая группа, сформированная несколькими тысячами лет

культурной и религиозной изоляции.

Сейви умолкла и посмотрела на гостей. Судя по лицам, лишь Харман хотя бы смутно понимал, о чем она говорит.

— На самом деле это не важно, — тихо сказала Сейви. — Но из-за этого ты слышал обо мне как о Вечной Жидовке, Харман. Я стала мифом. Легендой. Слова пережили свой давно утраченный смысл.

Она невесело улыбнулась.

— Как ты пропустила финальный факс? — спросил Харман. — Почему постлюди оставили тебя на Земле?

— Не знаю. Я веками задаю себе этот вопрос. Возможно, чтобы я была… свидетельницей.

— Свидетельницей? — переспросила Ада. — Чего?

— За столетия до и после финального факса на земле и в небесах произошло много странных перемен, милая. Возможно, посты чувствовали, что кто-нибудь, пусть всего лишь человек старого образца, должен стать свидетелем этих перемен.

— Много перемен? — повторила Ханна. — Не понимаю.

— Тебе это трудно понять, милая. И ты, и твои родители, и родители родителей твоих родителей

всегда знали мир, в котором ничто вроде бы не меняется, кроме людей, и то с постоянной периодичностью сто лет на человека. Нет, перемены, о которых я говорю, не заметны. Однако Земля уже не та, какой ее знали изначальные люди старого образца и ранние посты.

— И в чем же разница? — спросил Даэман, не скрывая, как мало его интересует ответ.

Сейви обратила к нему ясные серо-голубые глаза:

— Например — мелочь, конечно, в сравнении с остальным, однако для меня очень важная, — других евреев на свете нет.

Она показала им, где находятся уборные, и посоветовала снять термоскины.

— Они нам не понадобятся? — спросил Даэман.

— До соньера придется идти по холоду, — сказала Сейви, — но мы выдержим. А дальше будет тепло.

Ада сняла термоскин, оделась, вернулась в главную комнату и села на диван. Она смотрела на ледяные стены и думала обо всем, что произошло, когда из другой боковой комнаты вышла Сейви. На ней были более плотные, чем прежде, штаны, более крепкие и высокие ботинки, плащ и низко надвинутая шапка. За спиной висел

тяжелый с виду линялый брезентовый рюкзак, а седые волосы старуха забрала в конский хвост. Ада никогда прежде не видела, чтобы женщины так одевались, и теперь смотрела завороженно. Она поняла, что все в Сейви ее завораживает.

На Хармана старуха тоже произвела большое впечатление, но его больше занимало странное оружие у нее на поясе.

— Ты по-прежнему думаешь застрелить кого-нибудь из нас? — спросил он.

— Нет, — ответила Сейви. — По крайней мере, сейчас не думаю. Однако время от времени попадается кое-что другое, от чего надо отстреливаться.

Они поднялись наружу, пошли к соньеру и действительно успели замерзнуть. Ветер по-прежнему ревел, снег по-прежнему бил в лицо. Зато в машине, под колпаком силового поля, было тепло. Сейви устроилась на переднем месте, которое вчера занимал Харман, Ада — рядом с ней и заметила, что, когда старуха провела рукой над черным колпаком под рукоятью, возникла голографическая панель управления.

— Откуда это взялось? — спросил Харман со своего места слева от старухи.

Одно место — между Даэманом и Ханной —

осталось свободным.

— Я нарочно скрыла ее, чтобы вы не пытались управлять аппаратом во время полета. Ни к чему хорошему это не привело бы, — сказала Сейви.

Она убедилась, что все легли и крепко держатся, затем повернула рукоять. Машина загудела, поднялась вертикально на семьсот-восемьсот футов надо льдом, сделала полную петлю (силовое поле удерживало пассажиров на местах, но чувство было такое, будто от смертельного падения к голубому льду и черной воде далеко внизу их отделяет лишь воздух), повернула влево и круто взмыла к звездам.

Позже, когда соньер летел на северо-запад с большой скоростью и на серьезной высоте, Харман спросил:

— Может он долететь туда?

Он указывал левой рукой, упираясь пальцами в эластичное силовое поле над собой.

— Куда? — рассеянно спросила Сейви, потом оторвалась от голографических экранов и подняла взгляд. — К п-кольцу?

Харман лежал почти на спине и смотрел на полярное кольцо, которое медленно двигалось с севера на юг — десятки тысяч отдельных компонентов на удивление ярко сияли в чистом

разреженном воздухе.

— Да, — сказал он.

Сейви мотнула головой:

— Это соньер, а не космический корабль. П-кольцо очень высоко. А что тебе там нужно?

Харман оставил ее вопрос без внимания.

— А ты знаешь, где найти космической корабль?

Старуха снова улыбнулась. Ада, внимательно за ней наблюдавшая, заметила, насколько разные у нее улыбки: душевные, невозмутимые и вот такие, как сейчас, холодные либо иронические.

— Возможно, — ответила Сейви тоном, запрещающим дальнейшие расспросы.

— А ты правда встречала постов? — спросила Ханна.

— Да. — Сейви заговорила громче, перекрикивая гудение машины. — Правда.

— Какие они были? — В голосе Ханны слышалась зависть.

— Во-первых, все они были женщинами.

Харман заморгал:

— Серьезно?

— Да. Многие из нас подозревали, что лишь немногие посты спускаются на Землю, но они принимают разные обличья. Всегда женские. Воз-

можно, постлюдей-мужчин и не было. Возможно, они не сохранили пол в ходе контролируемой эволюции. Кто знает?

— У них были имена? — спросил Даэман.

Сейви кивнула:

— Ту, которую я знала лучше всех… точнее, видела чаще других, звали Мойра.

— Какие они были? — снова спросила Ханна. — Как выглядели и вообще?

— Они предпочитали парить, а не ходить, — ответила Сейви. — Любили устраивать праздники для нас, людей старого образца. Говорили обычно дельфийскими загадками.

С минуту все молчали, лишь ветер выл вокруг поликарбоновой обшивки и защитного поля. Наконец Ада спросила:

— Часто они сходили на Землю с колец?

Сейви вновь мотнула головой:

— Не особо. В последние годы перед финальным факсом — очень редко. Но, по слухам, у них были какие-то сооружения в Средиземном бассейне.

— В Средиземном бассейне? — переспросил Харман.

Сейви подняла уголки губ, и Ада распознала одну из ее слегка ироничных улыбок.

— За тысячу лет до финального факса посты

осушили довольно крупное море на юге Европы — перегородили его между скалой под названием Гибралтар и краем Северной Африки, — а затем объявили территорию запретной для нас, людей старого образца. Бóльшая часть земель ушла под пахоту — так говорили нам посты, — но я успела заглянуть туда до того, как меня обнаружили и вышвырнули, и увидела… наверное, правильно будет сказать «города», если нечто твердотельное можно назвать городом.

— Твердотельное? — переспросила Ханна.

— Не важно, детка.

Харман приподнялся на локтях. Он покачал головой.

— Я никогда не слышал о Средиземном бассейне. Или о Гибралтаре. Или об этой, как ты сказала? Северной Африке.

— Знаю, что ты нашел несколько карт и некоторым образом научились их читать, — сказала Сейви. — Но то были плохие карты. И старые. Те немногие книги, которым постлюди позволили сохраниться до нынешней постписьменной эпохи… безобидны.

Харман опять нахмурился, и дальше они летели в молчании.

Соньер вынес их из полярной ночи в дневной

свет, прочь от черного океана. Теперь они летели над сушей на такой высоте, что не могли ничего разглядеть, и на такой скорости, которую раньше не могли бы вообразить. Небо стало голубым, п-кольцо начало таять, а на севере показалось э-кольцо.

Они пересекли местность, скрытую высокими белыми облаками, затем показались снежные пики и ледяные долины далеко внизу. Сейви опустила соньер ближе к земле, к востоку от пиков. Они неслись в нескольких тысячах футов над джунглями и зелеными саваннами, по-прежнему так быстро, что следующие пики возникли как точки на горизонте и за считаные минуты выросли в горы.

— Это Южная Америка? — спросил Харман.

— Была ею, — сказала Сейви.

— Что это значит?

— Это значит, что континенты порядком изменились с тех пор, когда были составлены твои карты, — сказала старуха. — И названия теперь тоже другие. Показывали ли твои карты, что эта земля соединяется с другой, под названием Северная Америка?

— Да.

— Уже нет.

Она коснулась голографических символов, повернула рукоять, и соньер полетел еще ниже. Ада приподнялась на локтях, касаясь волосами силового пузыря, и огляделась. Почти беззвучно, если не считать свиста ветра над защитным пузырем, соньер летел чуть выше древесных крон. Мелькали саговники, исполинские папоротники, древние безлиственные деревья. На западе начинались холмы, за ними вздымались горы. На востоке среди зеленой равнины одиноко росли такие же примитивные деревья. У рек и озер подвижными валунами бродили крупные животные. Травоядные с невообразимыми мордами были расчерчены белыми, бурыми и рыжими полосами. Ада ни одного из них не знала.

Внезапно стадо таких травоядных в панике пронеслось в ста футах под соньером. Их преследовали пять или шесть тварей, отдаленно напоминающие птиц. Они были массивные и высокие — на взгляд Ады, не меньше восьми футов, — с хохолками, идущими от громадных клювов, и чудовищно безобразные. Травоядные бежали очень быстро — тридцать-сорок миль в час, успела прикинуть Ада, до того как соньер унес их прочь, — однако птицы двигались еще стремительнее, возможно, со скоростью шесть-

десят миль в час — в четыре раза быстрее, чем любые дрожки или одноколка, в каких случалось ездить Аде и остальным троим.

— Кто… — начала Ханна.

— Ужасные птицы, — пояснила Сейви. — Фороракосы. После рубикона у эрэнкашников было несколько столетий на такие забавы. С одной стороны, тут есть своя логика, поскольку Ужасные птицы и впрямь бродили по этим холмам и равнинам пару миллионов лет назад, но такого рода рекомбинантная хрень — вроде ваших динозавров на севере — катастрофически нарушает экологию. Посты обещали ее убрать за время Пробела после финального факса, но не убрали.

— Кто такие эрэнкашники? — спросила Ада.

Животные — и красноклювые Ужасные птицы, и их жертвы — остались позади. Теперь на западе были видны стада более крупных животных, на которых охотились звери, похожие на тигров. Соньер поднялся выше и свернул к предгорьям.

Сейви устало вздохнула:

— Художники по РНК. Рекомбинантные фрилансеры. Бунтовщики и шутники-оригиналы с секвенаторами и подпольными восстановительными резервуарами. — Она глянула на Аду, на ее подругу, потом на мужчин. — Ладно, детки,

не важно.

Еще минут пятнадцать машина летела над влажными джунглями, затем свернула на запад, к горной гряде. Между пиками внизу проплывали облака, белая вьюга свистела вокруг соньера, однако защитный пузырь как-то сдерживал стихию.

Сейви дотронулась до мерцающей картинки; машина замедлила ход, повернула и устремилась на запад к опускающемуся солнцу. Они летели очень высоко.

— Ого! — вырвалось у Хармана.

Впереди два пика вставали по сторонам узкой седловины, где среди зеленых террас виднелись очень древние развалины — каменные стены без крыш. Между зубчатыми пиками над руинами был мост — тоже Потерянной Эпохи, но явно моложе руин. Опоры моста уходили глубоко в скальную породу, а оба конца не продолжались дорогами, а упирались в каменные стены.

Соньер принялся выписывать над ним круги.

— Подвесной мост, — шепнул Харман. — Я о таких читал.

Ада, которой неплохо удавалось определять размеры на глаз, прикинула, что главный пролет моста протянулся почти на милю, хотя дорожное

полотно местами обвалилось и ржавые прутья арматуры торчали в пустоту. Она догадывалась, что две башни имеют высоту футов семьсот — они были выше пиков по обе стороны моста. На обеих сохранились пятна древней оранжевой краски, но по большей части они были ржавые. Издали казалось, что башни и мост заросли плющом, но когда соньер закружил ближе, Ада увидела, что «растительность» искусственная: зеленые пузыри, лестницы и капли гибкого стеклоподобного материала обволакивали башни и мощные подвесные тросы, колыхались на ветру над пропастью там, где обрушилось полотно. Облака плыли с высоких пиков и мешались с туманом, встающим из глубоких каньонов под развалинами на холме, клубились у южной башни, затягивали пеленой дорожное полотно и тросы.

— Это место как-нибудь называется? — спросила Ада.

— Да. Золотые Ворота в Мачу-Пикчу, — ответила Сейви, подводя их ближе.

— И что это значит? — поинтересовался Даэман.

— Понятия не имею, — ответила Сейви.

Соньер обогнул северную башню — тускло-

оранжевую и шершаво-ржавую в ярком солнечном свете здесь, над облаками, — медленно, аккуратно подплыл к ее вершине и беззвучно приземлился.

Силовое поле исчезло. Сейви кивнула, и все выбрались наружу, потянулись и огляделись. Воздух был разреженный и холодный.

Даэман сразу же подошел к ржавому краю башни и перегнулся вниз. Он вырос над Парижским Кратером и высоты не боялся.

— Я бы на твоем месте не стала падать, — сказала Сейви. — Здесь лазаретное спасение не работает. Если умираешь вдали от факс-узла, то навсегда.

Даэман отскочил от края так стремительно, что чуть не упал.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказала. — Сейви закинула рюкзак на правое плечо. — Отсюда нельзя факсировать в лазарет. Постарайтесь оставаться живыми до возвращения.

Ада посмотрела вверх, туда, где сквозь разреженный воздух были видны оба кольца:

— Я думала, посты могут факсировать нас из любого места, если мы… попадем в беду.

— На кольца, — бесцветным голосом прого-

ворила Сейви. — Где лазарет вас вылечит. Туда, куда вы восходите после Пятой Двадцатки, чтобы присоединиться к постлюдям.

— Да, — тихо ответила Ада.

Сейви покачала головой:

— Не постлюди факсируют вас и восстанавливают, когда случается что-нибудь плохое. Это миф. Или попросту вранье.

Харман открыл было рот, однако Даэман его опередил.

— Я только что оттуда, — возмутился он. — Из лазарета. На кольцах.

— О да, из лазарета, — сказала Сейви. — Но лечили тебя не постлюди. Если они и там, им на тебя плевать. И я не думаю, что они там.

Они стояли на вершине проржавевшей башни, более чем в пятистах футах над разбитым полотном подвесного моста и почти в восьмистах — над зеленой седловиной и каменными развалинами. Ветер с высоких пиков бил в лицо и трепал волосы.

— Когда мы справляем Последнюю Двадцатку, то отправляемся к постлюдям… — слабым голосом проговорила Ханна.

Сейви засмеялась и повела их к неровному стеклянному шару на западной стороне башни.

Здесь были комнаты, и коридоры, и лестницы, и замершие эскалаторы, и маленькие помещения, примыкающие к большим. Ада удивлялась, почему небо, оранжевые башни, подвесные тросы, а также видимые кое-где джунгли и дорога внизу не окрашены зеленым — стекло каким-то образом правильно передавало цвета.

Сейви вела их вниз по спирали, от одного зеленого модуля в другой, из одной части раздвоенной башни в другую, по тонким трубам, которые должны были качаться от ветра, но не качались. Некоторые комнаты выдавались из башни футов на тридцать-сорок, и Ада не понимала, каким образом зеленые пузыри крепятся к бетону и стали.

Некоторые комнаты были пусты. В других попадались… артефакты. В одной силуэтами на фоне гор застыли звериные скелеты. В другой что-то похожее на модели машин стояло в витринах и висело на проволоке. В третьей в плексигласовых кубах помещались зародыши сотен разных существ: все они были не человеческие, но пугающе напоминали людей. Еще в одной комнате потускневшие голограммы звезд и колец двигались, проходя через тела смотрящих.

— Что это за место? — спросил Харман.

— Своего рода музей, — ответила Сейви. — Думаю, большей части важных экспонатов недостает.

— А кто его создал? — спросила Ханна.

Сейви пожала плечами:

— Думаю, не посты. Не знаю. Но я почти уверена, что этот мост — либо его оригинал, а это, вероятно, копия — стоял когда-то над водой возле города Потерянной Эпохи в месте, которое было тогда западным побережьем материка к северу отсюда. Ты слышал об этом, Харман?

— Нет.

— Возможно, мне приснилось. — Сейви горько хохотнула. — После стольких веков сна память порой шутит со мной шутки.

— Ты и раньше упоминала, что проспала много веков, — сказал Даэман, как показалось Аде, довольно грубо. — Как это понимать?

Сейви провела их по длинной винтовой лестнице в зеленой стеклянной трубе, натянутой между тросами моста, и теперь указала на что-то, напоминающее ряд хрустальных гробов.

— Форма криосна, — сказала она. — Только не в холоде, что глупо, поскольку «крио» изначально обозначало холод. Часть коконов до сих пор действует, до сих пор останавливает движение

молекул. Не за счет холода, а за счет какой-то микротехнологии, получающей энергию от моста.

— От моста? — удивилась Ада.

— Вся система — приемник солнечной энергии, — сказала Сейви. — По крайней мере, ее зеленая оболочка.

Ада посмотрела на пыльные хрустальные гробы и попыталась вообразить, что спит в таком, дожидаясь… чего? И сколько? Годы? Десятилетия? Века?.. Она поежилась.

Сейви смотрела на нее, и Ада покраснела. Однако Сейви улыбнулась. Искренней и веселой улыбкой, подумала Ада.

Они поднялись в зеленый стеклянный цилиндр, висящий на ржавом тросе толщиной больше чем в рост Хармана. Ада поймала себя на том, что пытается ступать легко, удерживать свой вес одной только силой воли из страха, что под их тяжестью цилиндр, трос, мост — все рухнет. И вновь она заметила, что Сейви на нее смотрит. На сей раз Ада не покраснела, а нахмурилась — ее утомило, что старуха за ней следит.

Тут все четверо замерли. Казалось, они вошли в зал, где полно народа. Люди стояли по стенам, мужчины и женщины в причудливой одежде сидели за столами, следили за контрольными па-

нелями. Никто из них не двигался и не посмотрел на вошедших.

Даэман подошел к ближайшему мужчине — в пыльном синем костюме с непонятным куском ткани на шее — и дотронулся до его лица.

— Они не настоящие.

Все начали переходить от фигуры к фигуре, глядя на мужчин и женщин в необычайной одежде, с диковинными прическами. У некоторых были странные украшения, татуировки, крашеные волосы и разрисованная кожа.

— Я читал, что когда-то сервиторы имели вид людей… — начал Харман.

— Это не роботы, — возразила Сейви. — Всего лишь манекены.

— Что? — не понял Даэман.

Сейви объяснила.

— Ты знаешь, кого они изображают? — спросил Харман. — И зачем собраны здесь?

— Нет, — ответила Сейви.

Покуда другие осматривали манекены, она отошла в сторонку.

В дальнем конце помещения, в стеклянной нише — как будто на почетном месте — сидел в резном деревянном, обитом кожей кресле мужчина намного ниже других манекенов в зале.

Его светло-бурое одеяние напоминало короткое, перехваченное поясом платье из грубого хлопка или шерсти, ноги были обуты в сандалии. Коротышка мог бы показаться смешным, однако все в нем — коротко остриженные седые кудри, ястребиный нос и свирепые серые глаза под тяжелыми бровями — внушали такое почтение, что Ада приблизилась к манекену с некоторой опаской. Мускулистые руки фигуры покрывало такое множество шрамов, короткие пальцы с такой властностью сжимали деревянные подлокотники, да и все изваяние производило впечатление такой скрытой мощи — не только телесной, но и душевной, — что Ада остановилась в шести футах от него. Мужчина выглядел старше, чем обычно выбирали люди в эту эпоху — между Второй Двадцаткой Хармана и возрастом Сейви. Над краем туники Ада видела седые волосы на широкой бронзовой груди.

Даэман вышел вперед.

— Я его знаю. — Он ткнул пальцем. — Видел раньше.

— В туринской драме, — подсказала Ханна.

— Точно, точно. — Даэман защелкал пальцами, напрягая память. — И звали его…

— Одиссей, — сказал мужчина в кресле. Он

встал и шагнул навстречу ошарашенному Даэману. — Одиссей, сын Лаэрта.

17. Марс

— Она стабилизируется, — сообщил по кабелю Манмут. — Скорость вращения снизилась до примерно одного оборота в шесть секунд. Тангаж и рысканье приближаются к нулю.

— Попробую уменьшить крен, — отозвался Орфу. — Скажи, когда полярная шапка будет в кресте нитей.

— Ага… Нет, он движется… Тьфу ты. Вообще ни к черту.

Он попытался сквозь вихрь кувыркающихся обломков и все еще светящейся плазмы совместить метку на видеоизображении с белым пятном марсианской полярной шапки.

— Да, — сказал Орфу. — Я вообще ни к черту.

— Я говорил не про тебя.

— Знаю. Зато я про себя. Я бы отдал половину моей библиотеки Пруста, чтобы вернуть хоть бы один глаз из шести.

— Мы подключим тебя к видео, — сказал Манмут. — Черт, опять потеряли устойчивость.

— Пусть так и остается, пока не войдем в атмосферу. Побережем горючее и энергию. И… нет,

насчет видео ничего не получится. После того как ты меня здесь подключил, я провел проверку. Не только глаза и камеры утрачены. Я смотрел прямо на вспышку, и она сожгла все каналы вплоть до органики. Мои оптические нервы обратились в пепел.

— Очень сочувствую, — сказал Манмут.

Его мутило, и не только из-за безумной тряски. Спустя минуту он заговорил снова:

— Вода, воздух и топливо на исходе. Ты уверен, что хочешь оставаться в облаке обломков?

— Это самое надежное, — отвечал Орфу. — На радаре мы будем еще одним фрагментом уничтоженного корабля.

— На радаре?! Да ты видел, кто нас атаковал? Колесница! Ты считаешь, на колесницах бывают радары?

Орфу зарокотал:

— А ты считаешь, что колесница может запустить энергетическое копье вроде того, что испарило треть корабля, включая Короса третьего и Ри По? И да, Манмут, я видел колесницу — это было последнее зрелище в моей жизни. Однако я и на секунду не поверил, что это и впрямь колесница с мужчиной и женщиной переростками разъезжает в вакууме. Уж слишком красиво.

Манмут не нашелся с ответом. Он жалел, что Орфу не выровнял крен, — к тому же подлодка снова рыскала. Однако все в облаке кувыркалось, значит им тоже имело смысл кувыркаться.

— Хочешь поговорить о шекспировских сонетах? — спросил Орфу с Ио.

— Поговниться решил?

Моравеки любили древние разговорные обороты из лексикона людей, чем скатологичнее, тем лучше.

— Да, — сказал Орфу. — Я, безусловно, решил поговниться, друг мой.

— Погоди минутку, погоди минутку. Мусор начинает светиться. Мы тоже. Ионизация нарастает.

Манмут порадовался, что голос его звучит спокойно. Впереди большие обломки раскалились докрасна, нос подлодки тоже начал светиться. Внешние датчики «Смуглой леди» сообщали о повышении температуры корпуса. Они входили в атмосферу Марса.

— Пора выравниваться, — сказал Орфу. Он получал транслируемые данные с корпуса подлодки и управлял ею, насколько позволяли загруженные фрагменты программы. Сейчас он включил добавленные подлодке двигатели и выровнял ее

гироскопы. — Крен исчез?

— Не совсем.

— Нельзя ждать. Я собираюсь развернуть эту жестянку, прежде чем мы сгорим.

— Эту жестянку зовут «Смуглая леди», и она еще может спасти нам жизнь, — холодно ответил Манмут.

— Ладно, ладно. Скажи мне, когда планетарный лимб над полюсом совпадет с меткой на кормовом мониторе. Тогда начну выравнивать полет. Боже, чего бы я только не отдал за глаз! Извини, в последний раз вырвалось.

Манмут смотрел на экраны. Облако осколков расширялось, и в последние полчаса ориентиром служила только поверхность Марса. Даже две маленькие луны были не видны. Сейчас двигатели глухо гудели, поврежденная подлодка медленно поворачивала, носовая камера больше не видела Марс и показывала светящуюся плазму, раскаленный докрасна металл и миллион сверкающих обломков, бывших некогда их кораблем и товарищами в путешествии.

Оранжево-красно-буро-зеленая громада Марса заполнила кормовой монитор, и метка, за которой Орфу велел следить, двигалась вверх. Она пересекла испещренное облаками побережье,

показалось синее море, затем белое пятно…

— Полярная шапка, — доложил Манмут. — Верхний лимб.

— Отлично, — сказал Орфу; все двигатели загудели. — Видишь сейчас полюс через кормовую камеру?

— Нет.

— А узнаваемые звезды?

— Нет. Только более сильную ионизацию корпуса.

— Ладно, не до жиру, — сказал иониец. — Теперь я буду тормозить кормовыми двигателями.

— Корос третий рассчитывал с помощью носовых двигателей затормозить перед входом в атмосферу, а потом отделить их, — сказал Манмут.

Корма теперь светилась более темным оттенком красного.

— Я пока приберегаю более мощные двигатели на потом.

— Зачем?

— Увидишь.

— А они не могут взорваться от перегрева?

— Могут, — хмыкнул Орфу.

— Мы довольно сильно потрепаны, — сказал Манмут. — Не может так случиться, что мы раз-

валимся, когда корпус обгорит?

— Да, может так случиться, — сказал Орфу и запустил двигатели на тяжелых ионах.

Перегрузка на тридцать секунд вдавила Манмута в амортизационное кресло, потом отпустила. Шум и вибрация прекратились. Система контроля ориентации с глухим стуком отделилась от «Смуглой леди».

Мимо носовой камеры пронесся огненный шар; впрочем, теперь она показывала задний вид, поскольку они вошли в атмосферу кормой вперед.

— Мы точно в атмосфере… — сказал Манмут, отметив, что его голос не так спокоен, как прежде. Он никогда не бывал в планетарной атмосфере, и при мысли о плотно упакованных молекулах его мутило еще сильнее. — Отделенные двигатели только что раскалились добела и вспыхнули. Я вижу, что наша корма тоже начинает раскаляться. И носовые двигатели тоже, но не так серьезно… Самый сильный жар и ударная волна вроде бы со стороны кормы. Ух ты. Мы падаем в облаке обломков, но они все сгорают перед нами. Мы как будто в центре мощного метеоритного ливня.

— Хорошо, — сказал Орфу. — Теперь держись.

То, что прежде было моравекским космиче-

ским кораблем, вошло в атмосферу примерно так, как сказал Манмут, — метеоритным ливнем, в котором самые крупные обломки имели массу в несколько тонн и размеры в десятки метров. Сотни огненных шаров проносились в голубом марсианском небе, тишину северного полушария нарушали мощные звуковые хлопки. Огненные шары стаей огненных птиц пронеслись над северной полярной шапкой и дальше на юг через море Тетис, оставляя за собой длинные хвосты распыленной плазмы. Это выглядело зловеще, будто обломки летят, а не падают.

Сотни миллионов лет атмосфера у Марса была самая жалкая: какие-то восемь миллибар, по большей части углекислый газ, в то время как на Земле давление на уровне моря — 1014 миллибар. Однако менее чем за столетие с помощью неведомого моравекам процесса планету терраформировали, и теперь у нее была пригодная для дыхания атмосфера с давлением 840 миллибар.

Огненные шары летели над северным полушарием неровным облаком, оставляя за собой шлейф звуковых хлопков. Некоторые осколки поменьше — достаточно крупные, чтобы не сгореть при входе в атмосферу, но отклонившиеся под действием плотного воздуха, — начали сы-

паться в океан в восьмистах километрах южнее полюса. Если бы в этот миг кто-нибудь смотрел из космоса, то решил бы, что невидимое божество расстреливает Марс пулеметной очередью трассирующих снарядов.

Одним из этих снарядов была «Смуглая леди». Стелс-покрытие на корме и двух третях корпуса сгорело и добавилось к плазменному хвосту. Внешние антенны и датчики тоже. Затем корпус начал чернеть и шелушиться.

— Э-э… — спросил Манмут из амортизационного кресла, — не пора ли нам подумать о парашютах?

Он знал, что Корос III планировал на высоте пятнадцати километров развернуть бакикарбоновые парашюты и мягко опуститься на поверхность моря. Последний взгляд на океан — до того как сгорели кормовые камеры — убеждал, что они на высоте меньше пятнадцати километров и падают очень быстро.

— Рано, — просипел Орфу. У ионийца в трюме не было амортизационного кресла, и, судя по голосу, перегрузка торможения на нем сказывалась. — Определи нашу высоту по радару.

— Радара больше нет, — ответил Манмут.

— А сонар?

— Попробую.

Удивительно, но сонар сработал. Он показывал отражение от твердой — на самой деле жидкой — воды на расстоянии 8200 метров… 8000 метров… 7800 метров. Манмут передал информацию Орфу и прибавил:

— Пора раскрыть парашюты?

— Другие обломки не раскрывают парашютов.

— И?..

— И ты правда хочешь, выйдя из облака, засветиться на их датчиках?

— Чьих датчиках? — буркнул Манмут, хотя понял, о чем говорит Орфу. И все же… — Пять тысяч метров, — сказал он. — Скорость — три тысячи двести километров в час. Мы правда хотим удариться о воду на такой скорости?

— Не хотим, — ответил Орфу. — Даже если мы переживем столкновение, то уйдем на сотни метров в ил… Ты вроде говорил, что глубина северного океана — первые сотни метров?

— Да.

— Сейчас я начну вращать судно, — сказал Орфу.

— Что-о?!

Тут Манмут услышал, что включилась часть реактивных двигателей и зажужжали — вернее,

заскрежетали — гироскопы.

«Смуглая леди» начала мучительно разворачиваться носом вперед. Трение и ветер трепали обшивку, срывая последние датчики в средней части корпуса. Десяток отсеков разгерметизировался. Манмут отключил надрывающиеся аварийные сигналы.

Теперь, когда они летели носом вперед, одна из работающих камер показывала всплески в океане (если можно назвать всплеском двухкилометровый ударный столб пара и плазмы). Манмут догадывался, что секунды через две придет их черед. Он рассказал Орфу про всплески и спросил:

— Парашюты? Пожалуйста?

— Нет, — отрезал Орфу и запустил главные двигатели — те, что должны были отделиться на орбите.

Перегрузка швырнула Манмута на ремни, и он пожалел, что подлодка не наполнена гелем, как во время броска из потоковой трубки Ио. Новые столбы пара коринфскими колоннами проносились мимо несущейся подлодки. Экраны заполнил океан. Двигатели ревели, замедляя скорость подлодки. Затем рев умолк, и Манмут увидел, как двигатели отделились. «Смуглая леди» была в тысяче метров над океаном, который

выглядел таким же твердым, как лед на Европе.

— Парашю… — Манмут уже умолял и не стыдился этого.

Вверху раскрылись два огромных купола. В глазах у Манмута покраснело, затем потемнело.

Судно ударилось о поверхность моря Тетис.

— Орфу? Орфу?

Вокруг было темно и тихо. Манмут пытался заново осмыслить каналы информации. Его ниша была исправна, кислород по-прежнему тек. Невероятно. Внутренние часы сообщили, что со времени столкновения прошло три минуты. Скорость корабля — ноль метров в час.

— Орфу?

— Аррггх! — донеслось по кабелю. — Что, уже и вздремнуть нельзя?

— Как ты?

— Спроси лучше, где я, — пророкотал Орфу. — Из ниши меня выбросило. Я не уверен, что по-прежнему в «Смуглой леди». Если да, то корпус пробит, потому что здесь вода. Соленая. Погоди-ка, может, я просто описался?

— Ты по-прежнему подключен к кабелю, — сказал Манмут, пропуская мимо ушей последнее замечание. — Вероятно, ты в трюме. Я получаю данные сонара. Мы в донном иле, но ушли в него

всего на несколько метров. До поверхности — метров восемьдесят.

— Интересно, на сколько кусков меня разломало? — задумчиво проговорил Орфу.

— Оставайся там, — велел Манмут. — Я сейчас отключусь от кабеля и спущусь за тобой. Не двигайся.

Орфу разразился рокочущим смехом:

— Как я могу двинуться, старина? Все мои манипуляторы и жгутики ушли на моравекские небеса… Я краб, потерявший клешни. И даже не уверен по поводу панциря. Манмут… Постой!

— Что?

Манмут расстегнул ремни и уже отсоединял шланги и кабели виртуального управления.

— Если… каким-то чудом… ты до меня доберешься, это при условии, что внутренний коридор не сплющило, двери трюма не спаяло намертво, не покорежило и не заклинило… что ты будешь со мной делать?

— Сперва посмотрю, как ты, — сказал Манмут, отделяя оптические провода. На мониторах все равно была тьма.

— Подумай, старина. Допустим, ты меня вытащил и я не распался у тебя на руках. А потом? В твои внутренние коридоры я не пройду. Даже ес-

ли ты проволочешь меня в обход, я не помещусь в твою нишу, и мне точно нечем цепляться за корпус. Ты пройдешь по океанскому дну тысячу километров, неся меня на себе?

Манмут замешкался с ответом.

— Я еще функционирую, — продолжал Орфу. — По крайней мере, общаюсь. Даже кислород по-прежнему течет по трубке, электроэнергия поступает. Вероятно, я в трюме, хоть он и затоплен. Почему бы не включить «Смуглую леди» и не отвезти нас в более удобное место для личной встречи?

Манмут переключился на внешний воздух и сделал несколько глубоких вздохов.

— Ты прав, — сказал он наконец. — Давай поглядим, что к чему.

«Смуглая леди» умирала.

Манмут работал в этой подлодке во всех ее итерациях сто с лишним земных лет и знал, насколько она прочная. При должной подготовке она выдерживала давление в тонны на квадратный сантиметр. Она пережила трехтысячекратную перегрузку при разгоне в потоковой трубе. Однако маленькая подлодка была не крепче самых слабых своих компонентов, и атака на марсианской орбите превысила их запас проч-

ности.

Корпус покрывали трещины и неремонтируемые ожоги. Сейчас подлодка сидела в трехметровом слое ила, над которым возвышались лишь три метра кормы. Корпус и каркас погнулись, грузовые двери заклинило, десять из восемнадцати резервуаров с балластом получили повреждения. Коридор между рубкой и грузовым отсеком частично смялся и был залит водой. Две трети стелс-оболочки обгорели, прихватив с собой все наружные датчики. Три сонара вышли из строя, а четвертый мог посылать сигнал только вперед. Из четырех маршевых двигателей в рабочем состоянии остался один, маневровые не функционировали.

Больше всего Манмута тревожили повреждения энергосистемы. Реактор давал лишь восемь процентов обычной мощности. Аккумуляторы перешли на резервную мощность. Этого хватало для минимального обеспечения, однако пищевой конвертер отказал, а пресной воды осталось дня на два.

И главное, отключился конвертер кислорода. Батареи не производили воздух. Задолго до того, как у Манмута и Орфу кончатся еда и вода, они останутся без кислорода. У Манмута были

внутренние запасы воздуха, но лишь на земной день-два. Он надеялся только, что раз уж Орфу месяцами трудился в космосе, то такая мелочь, как отсутствие кислорода, ему не повредит. Он решил, что спросит об этом позже.

Новые отчеты о повреждениях поступали от уцелевших систем искусственного интеллекта подлодки. Месяц в ледяных доках на Коннемарском хаосе и два десятка моравеков-ремонтников спасли бы «Смуглую леди». Без этого ее дни — все равно, марсианские солы, или земные сутки, или европеанские недели — были сочтены.

Поддерживая кабельный контакт с Орфу (тот по большей части молчал), боясь, что друг перестанет существовать без предупреждения, Манмут дал тому насколько возможно оптимистичный отчет и выпустил перископный буй. Буй отделялся от участка кормы, которая торчала над илом, и по-прежнему функционировал.

Сам поплавок был меньше Манмутовой ладони, но содержал множество видео- и дата-сенсоров. От него потекла информация.

— Хорошие новости, — сказал Манмут.

— Консорциум Пяти Лун выслал спасательную экспедицию, — пророкотал Орфу.

— Не настолько хорошие. — Манмут мог бы

просто загрузить все невизуальные данные, однако предпочел вкратце пересказать основное, чтобы друг слушал и отвечал. — Буй работает. Что еще лучше, навигационные и коммуникационные спутники, запущенные Коросом и Ри По, по-прежнему на орбите. Интересно, почему… лица, которые нас атаковали… не уничтожили их на месте.

— Нас атаковал ветхозаветный Бог и его подружка, — сказал Орфу. — Они могли счесть спутники недостойными своего внимания.

— На мой взгляд, они выглядели скорее греческими, чем ветхозаветными, — сказал Манмут. — Хочешь выслушать, какие данные я получаю?

— Конечно.

— По MPS мы в южной части равнины Хриса, это область в северном океане, примерно в трехстах сорока километрах от побережья земли Ксанфа. Нам повезло. Это часть Ацидалии, а море Хриса образует нечто вроде очень большого залива. Пройди наша траектория на несколько сотен километров западнее, мы врезались бы в холмы земли Темпе. На том же расстоянии восток — земля Аравия. Еще несколько секунд полета на юг над нагорьями земли Ксанфа…

— …и мы стали бы частицами в верхних слоях

атмосферы, — сказал Орфу.

— Да. Но если нам удастся поднять «Смуглую леди» из ила, мы сможем войти в дельту долин Маринера, если захотим.

— Вы с Коросом должны были высадиться в другом полушарии, — сказал Орфу. — К северу от горы Олимп. Вашей задачей было провести разведку и доставить устройство в трюме на Олимп. Не говори мне, что подлодка в состоянии обогнуть полуостров земли Темпе…

— Нет, — признал Манмут.

Честно говоря, он счел бы большой удачей, если «Смуглая леди» дотянет до ближайшего берега, но не собирался говорить об этом ионийцу.

— Еще хорошие новости есть? — спросил Орфу.

— Ну… на поверхности погожий день. В пределах видимости буя — только жидкая вода. Волны слабые, не выше метра. Голубое небо. Температура воздуха — за двадцать…

— Они нас ищут?

— Что-что? — спросил Манмут.

— Те, кто нас атаковал. Они нас ищут?

— Да. Пассивный радар показывает несколько этих летательных машин…

— Колесниц.

— …несколько летательных машин над морем,

над областью в тысячи квадратных километров в районе падения обломков.

— Ищут, — сказал Орфу.

— Нейтринный или радарный поиск не регистрируется, — сказал Манмут. — Вообще ничего в поисковых диапазонах…

— Могут они нас найти, Манмут? — ровным голосом спросил иониец.

Манмут медлил с ответом. Ему не хотелось обманывать друга.

— Возможно, — сказал он наконец. — Почти наверняка, если у них моравекские технологии, однако, похоже, это не так. Они просто… смотрят. Не исключено, что только глазами и магнитометрами.

— На орбите нас заметили легко. И навелись на нас.

— Да.

Не было сомнений, что у колесницы или ее пассажиров есть некая система наведения, работающая на расстоянии восемь тысяч километров.

— Ты втянул буй обратно?

— Да, — ответил Манмут.

Несколько секунд слышался лишь скрип поврежденного корпуса, шипение вентиляции да

глухой стук и гудение помп, которые тщетно пытались откачать воду из затопленных отсеков.

— У нас несколько преимуществ, — сказал наконец Манмут. — Во-первых, здесь тонны и тонны металлических обломков космического корабля, а область их падения велика. Во-вторых, мы зарылись носом в ил, а на выступающей из него части кормы сохранились лохмотья стелс-оболочки. В-третьих, расход энергии сейчас минимален, и наша энергетическая сигнатура ничтожна. В-четвертых…

— Да? — спросил Орфу.

Манмут думал об иссякающих запасах энергии, а заодно воды и воздуха, о сомнительной работоспособности двигателей.

— В-четвертых, они по-прежнему не знают, зачем мы здесь.

Орфу тихонько зарокотал:

— Нам бы самим это узнать, старина.

С минуту он молчал, потом сказал:

— Да, ты прав, дружище. Если нас не обнаружат в ближайшие часы, надежда есть. Или есть и плохие новости?

Манмут ответил не сразу.

— Тут… небольшая проблема с воздухом.

— Насколько серьезная проблема?

— Мы его больше не вырабатываем.

— Да, это серьезно, — сказал иониец. — Сколько в резерве?

— Около восьмидесяти часов. Я имею в виду, для обоих. В два с лишним раза больше, если брать в расчет только меня.

Орфу тихонько хохотнул:

— Ты собираешься пережать мой кислородный шланг, старина? Моим органическим частям, знаешь ли, тоже нужен воздух.

На мгновение Манмут лишился дара речи.

— Я думал… ты вакуумный моравек… В смысле…

— Да, ты думаешь, что я проводил долгие месяцы в космосе без дозаправки с ионийского тендера, — вздохнул Орфу. — Мои батареи производят кислород за счет фотоэлементов на корпусе.

Манмут почувствовал, что его участившийся пульс успокаивается. Если другу не нужен корабельный воздух, их шансы выжить увеличиваются вдвое.

— Но мои фотоэлементы сгорели начисто, — тихо сказал Орфу. — Мои батареи не производят кислорода со времени атаки. Я живу на ресурсах подлодки. Ты уж извини, Манмут.

— Послушай, — уверенно сказал Манмут. — Я в любом случае думал подавать воздух нам обоим. Это не проблема. Я подсчитал: при нынешнем темпе потребления у нас есть восемьдесят часов. И я могу его снизить. Вся моя рубка и ниша заполнены воздухом. Я откачаю его обратно в резерв. Восемьдесят часов мы продержимся, потом всплывем на поверхность. Наверняка нас к тому времени уже перестанут искать.

— Ты уверен, что сможешь поднять «Смуглую леди» из ила? — спросил Орфу.

— Абсолютно уверен, — недрогнувшим голосом соврал Манмут.

— Я голосую за то, чтобы оставаться на месте… скажем, трое марсианских суток, примерно семьдесят три часа. Затем проверить, отозвали ли они поисковые колесницы. Или двенадцать часов с их последнего появления на нашем радаре. Смотря что случится раньше. Хватит ли нам после этого времени, чтобы выбраться из ила и всплыть? А также энергии и кислорода.

Манмут посмотрел на виртуальную панель управления: половина индикаторов не горела, другая тревожно мигала красным.

— Семьдесят три часа оставят нам приличный запас, — сказал он. — Однако, если они уберутся

раньше, мы сразу всплываем и двинемся к берегу. При нынешней мощности реактора «Смуглая леди» может давать примерно двадцать узлов. При такой скорости нам потребуются дня полтора, чтобы добраться до суши, особенно если привередничать насчет места высадки.

— Значит, надо не привередничать, — сказал Орфу. — Итак, судя по всему, в ближайшие двое суток нам ничего не угрожает, кроме скуки. Сыграем в покер? Ты захватил виртуальную колоду?

— Да, — обрадовался Манмут.

— Ты же не обжулишь бедного слепого моравека? — спросил Орфу.

Манмут остановил загрузку ломберного стола.

— Я пошутил, — сказал Орфу. — Мои зрительные узлы сгорели, но у меня осталась память и часть мозга. Давай сыграем в шахматы.

Трое марсианских суток — это 73,8 часа, и Манмут не собирался оставаться на дне так долго. Реактор терял энергию быстрее, чем по предварительной оценке, — помпы забирали больше электричества, чем он рассчитывал, и системы жизнеобеспечения подлодки грозили отказать.

Во время их первого периода сна Манмут переключился на внутренний источник энергии, взял ломики и резаки и по узким коридорам двинулся

к трюму. Все было обесточено, затоплено и темно. Манмут активировал наплечные фонари и поплыл ниже. Вода здесь была гораздо теплее, чем на Европе. Бимсы и стрингеры помялись, перегородив последние десять метров перед входом. Манмут проложил себе путь с помощью резака. Ему надо было узнать, в каком состоянии Орфу.

За два метра до трюмного шлюза он замер. Переборки сдавило настолько, что и без того тесный коридор сжался до десяти сантиметров. Манмут видел люк — запертый и покореженный, — но добраться до него не мог. Пришлось бы резать мощные переборки, а затем и сам люк. На это потребовалось бы шесть-семь часов, а главная загвоздка состояла в том, что резаку требовался кислород, равно как ему и Орфу. То, что израсходует резак, будет взято из их запаса.

Несколько минут Манмут висел в темноте вниз головой, в лучах наплечных фонариков колыхалась донная муть. Надо было решать быстро. Как только Орфу проснется и поймет, что он задумал, иониец попытается отговорить его от этой затеи. Да и логика требовала сдаться. Даже если он преодолеет переборки за шесть или семь часов, Орфу сказал правду — Манмут не сможет переместить огромного моравека, пока они на дне.

Даже система неотложной помощи ограничена тем, что Манмут держал на борту для себя, — это оборудование может не подойти для вакуумного моравека. Если и правда удастся выбраться из ила и всплыть, тогда и надо будет пробиваться к Орфу, даже если придется резать грузовые двери или внешний корпус. По крайней мере, кислорода будет в избытке. И если потребуется, он сможет извлечь Орфу, а потом придумает, как принайтовить его к верхней обшивке, где воздух и солнечный свет.

Манмут развернулся, проплыл вверх по занесенным илом, покореженным коридорам и через шлюз вернулся в личное помещение. Режущий инструмент он убрал. До поры до времени.

Не успел он устроиться в амортизационном кресле, как по кабелю раздался голос Орфу:

— Проснулся?

— Да.

— Где ты?

— В рубке. Где же мне быть?

— Да, — ответил Орфу усталым голосом. — Но я спал. Потом вроде ощутил вибрацию… Мне подумалось, что ты… не знаю.

— Спи дальше, — сказал Манмут. Моравеки спят — хотя бы для того, чтобы видеть сны. — Ча-

са через два я тебя разбужу, когда буду запускать буй.

Манмут выпускал перископный буй на несколько секунд каждые двенадцать часов, быстренько изучал обстановку — небо и спокойное море — и втягивал прибор обратно. Летающие машины по-прежнему днем и ночью сновали в небе, но севернее, ближе к полюсу.

Ему самому грех было бы жаловаться на условия. Его рубка и ниша не пострадали, лишь немного накренились, и в них было тепло. Он мог двигаться, если захочет. Несколько других жилых отсеков затопило — в том числе научную лабораторию и бывший уголок Уртцвайля, — но хотя помпы довольно быстро откачали воду, Манмут не стал заполнять эти помещения воздухом. Собственно, после первого разговора с Орфу он сразу подключил свой дыхательный шланг и вытянул воздух из рубки и ниши. Манмут убеждал себя, что бережет кислород, но знал, что причина отчасти в другом: ему было стыдно в уютной рубке, когда Орфу страдает — во всяком случае, испытывает экзистенциальные муки — в темном затопленном трюме. Манмут ничего не мог с этим поделать, пока его лодка на три четверти погружена в донный ил, однако он наведался в

лишенную воздуха лабораторию и собрал коммуникационные установки и все прочее, что потребуется, если он освободит ионийца.

«И себя», — подумал Манмут, хотя разлука со «Смуглой леди» не представлялась ему освобождением. Все глубоководные европеанские криоботы изначально несли в себе семя агорафобии — боязни открытых пространств, и их эволюционные потомки-моравеки ее унаследовали.

На вторые сутки, после восьмой партии в шахматы, Орфу спросил:

— У «Смуглой леди» есть что-нибудь вроде спасательной шлюпки, верно?

Манмут надеялся, что Орфу этого не знает.

— Да, — сказал он.

— И что это?

— Маленький спасательный пузырь, — ответил Манмут, которому решительно не хотелось на эту тему говорить. — Размером чуть больше меня. Основные функции — выдерживать мощное давление и вынести меня на поверхность.

— Но там есть маяк, собственная система жизнеобеспечения, какие-то двигатели и навигационная система? Вода, пища?

— Да, — сказал Манмут. — И что с того?

Ты туда не влезешь, и я не смогу буксировать тебя за пузырем.

— Ничего, — ответил Орфу.

— Мне очень не хочется покидать «Смуглую леди», — искренне признался Манмут. — И мне не надо думать об этом сейчас. И в следующие дни.

— Хорошо, — сказал Орфу.

— Я серьезно.

— Хорошо, Манмут. Я просто полюбопытствовал.

Если бы Орфу сейчас зарокотал, Манмут вполне мог бы забраться в спасательный пузырь и отчалить — настолько взбесил его разговор.

— Еще партию? — спросил он.

— Покорно благодарю. Не в этой жизни.

Через шестьдесят один час после падения радар различил лишь одну колесницу — она кружила в десяти километрах от них на высоте восемь километров. Манмут как можно скорее втянул буй обратно.

Он слушал по интеркому музыку Брамса, Орфу в затопленном трюме — вроде бы тоже.

Внезапно иониец спросил:

— Ты когда-нибудь задумывался, отчего мы оба гуманитарии, Манмут?

— О чем ты?

— Почти все моравеки эволюционировали либо в гуманитариев вроде нас со странным интересом к древней человеческой расе, либо в более интерактивных персонажей вроде Короса третьего. Это они формируют моравекское общество, Консорциум Пяти Лун, политические партии… все такое.

— Не замечал, — сказал Манмут.

— Да брось ты.

Манмут молчал. До него начинало доходить, что за полтора века своего существования он ухитрился остаться в неведении почти обо всем важном. Маленький моравек знал только ледяные моря Европы — которые никогда больше не увидит — и свою подлодку — которой оставались часы или дни. И еще шекспировские сонеты и пьесы.

Он едва сдержался, чтобы не расхохотаться по кабельной связи. Что может быть бесполезнее?

Словно прочитав его мысли, Орфу спросил:

— Что сказал бы Бард о наших затруднениях?

Манмут сканировал данные о потреблении энергии и припасов. Нет, им не протянуть три марсианских дня. Часов через шесть, не позже, надо будет выбираться. А если они не смогут оторваться от дна, реактор может отключиться

совсем, и тогда…

— Манмут?

— А? Прости, задремал. Что там насчет Барда?

— Он вроде что-то писал о кораблекрушениях. Мне помнится, что у Шекспира их много…

— О да, — ответил Манмут. — Много. В «Двенадцатой ночи», в «Буре» — список можно продолжать долго. Но вряд ли что-нибудь в его пьесах поможет нам сейчас.

— Расскажи мне про какие-нибудь кораблекрушения.

Манмут покачал головой в безвоздушной пустоте каюты. Он понимал, что Орфу просто пытается отвлечь его от нынешних обстоятельств.

— Вспомни лучше своего любимого Пруста, — сказал он. — Рассказчик Марсель говорил что-нибудь о том, каково застрять на Марсе?

— Вообще-то, да, — отозвался собеседник с легким намеком на рокот.

— Ты шутишь.

— Я никогда не шучу по поводу *«À la recherche du temps perdu»*, — сказал Орфу тоном, который почти, но не совсем убедил Манмута в его серьезности.

— Ладно, так что Пруст говорит о выживании на Марсе? — спросил Манмут.

Через пять минут он собирался выпустить буй и поднять лодку на поверхность, даже если колесница висит в десяти метрах над ними.

— В третьем томе французского издания, пятом томе английского перевода, который я тебе загрузил, Марсель говорит: если бы мы внезапно оказались на Марсе и обзавелись крыльями и иначе устроенным механизмом дыхания, это не избавило бы нас от самих себя, — сказал Орфу. — Не избавило бы, пока мы сохраняем те же чувства, остаемся в рамках того же сознания.

— Ты шутишь, — сказал Манмут.

— Я никогда не шучу над восприятием персонажа Марселя в *«À la recherche du temps perdu»,* — сказал Орфу, и по его тону Манмут понял: да, ониец шутит, но не насчет упоминания Марса. — Ты разве не прочел книги, которые я загрузил тебе в начале полета?

— Прочел, — сказал Манмут. — Правда, последние тысячи две страниц — по диагонали.

— Что ж, это довольно частый случай, — сказал Орфу. — Послушай, вот отрывок, который идет сразу за словами о крыльях и новых легких на Марсе. Прочесть тебе по-английски или по-французски?

— По-английски, — торопливо ответил Ман-

мут. Не хватало еще перед смертью от удушья пережить пытку французской речью.

— «Единственное подлинное путешествие, единственный источник молодости[22], — процитировал Орфу, — это не путешествие к новым пейзажам, а обладание другими глазами, лицезрение вселенной глазами другого человека, сотен других людей, лицезрение сотен вселенных, которые каждый из них видит, которыми каждый из них является».

Слушая эти слова, Манмут на минуту забыл о предстоящем удушье.

— Так это четвертый и последний ответ Марселя на вопрос о тайне жизни, да, Орфу?

Иониец молчал.

— Я имею в виду, — продолжал Манмут, — ты сказал, что первые три подвели Марселя. Сначала он пытался верить в снобизм. Потом — в любовь и дружбу. Затем — в искусство. Ничто из этого не сработало. Значит, это четвертый путь. Это… — Он не смог подобрать слово или фразу.

— Сознание, вырвавшееся за границы сознания, — тихо сказал иониец. — Воображение, разрывающее путы воображения.

---

[22] Примечания: 22

«Единственное подлинное путешествие, единственный источник молодости…» — М. Пруст. Пленница. перев. А. Франковского.

— Да, — выдохнул Манмут. — Теперь я вижу.

— Ты и должен видеть, — сказал Орфу. — Теперь ты мои глаза. Мне нужно видеть вселенную твоими глазами.

Мгновение Манмут молчал под шипение кислорода в своем шланге, затем словно пробудился:

— Ладно, давай попробуем поднять «Смуглую леди».

— Перископный буй?

— Плевать, пусть даже они и смотрят. Лучше погибнуть, сражаясь, чем задохнуться здесь, в иле.

— Ладно, — ответил Орфу. — Ты сказал «попробуем»? У тебя есть сомнения, что ты сможешь вытащить нас из этой жижи?

— Я понятия не имею, сможем ли мы выбраться, — ответил Манмут, мысленно щелкая виртуальными рубильниками, включая реактор на полную, приводя в готовность двигатели и пироскопы. — Однако мы попытаемся через… восемнадцать секунд. Держись, друг мой.

— Поскольку я лишился манипуляторов, захватов и жгутиков, то полагаю, ты говоришь риторически.

— Зубами держись, — ответил Манмут. — Шесть секунд.

— Я моравек, — негодующе начал Орфу. — У

меня нет зубов. Что за…

Остальное заглушил рев двигателей, скрежет ломающихся переборок и протяжный стон, с которым «Смуглая леди» вырывалась из склизкой хватки Марса.

18. Илион

Этот город — Илион, Троя, Приамов град, Пергам — особенно красив ночью.

Стены, каждая в сто футов высотой, озарены факелами и подсвечены сотнями костров троянского лагеря на равнине. Троя — город высоких башен, и в этот поздний час почти все они освещены, окна теплятся, дворики сияют, на балконах и террасах горят свечи, жаровни и факелы. Улицы в Илионе широкие, вымощены с великим искусством (я как-то попытался воткнуть между камнями лезвие ножа и не смог) и залиты светом из открытых дверей, факелами в креплениях на стенах и бивачными кострами, на которых готовят себе еду тысячи и тысячи воинов — союзники Трои, живущие здесь со своими семьями.

Даже тени в Илионе живые. Молодые простолюдины и простолюдинки сношаются в темных проулках или на сумеречных террасах. Откормленные псы и мудрые кошки, перебегая из тени в тень, по дворикам и переулкам, шныряют по обочинам, где за целый день нападали с рыночных телег овощи, сладкие плоды, рыба и мясо, хва-

тают добычу и вновь растворяются в полумраке закоулков или под виадуками.

Жители Илиона не боятся смерти от голода или жажды. При первом известии о приближении ахейцев, за много недель до того, как девять лет назад на горизонте показались черные корабли, в город согнали сотни коров и тысячи овец, опустошив земли на четыреста квадратных миль вокруг. Скот и теперь пригоняют регулярно, и бóльшая часть говядины добирается до Трои, несмотря на вялые попытки греков этому помешать. Овощи и фрукты везут в город те же расчетливые купцы и земледельцы, что снабжают продовольствием греков.

Много столетий назад Трою выстроили на этом месте главным образом из-за лежащего под ней мощного водоносного слоя. В Илионе четыре глубоких колодца с чистой водой, но Приам для надежности велел развернуть и провести через город приток Симоиса к северу от Илиона, для чего проложили легко охраняемые каналы и подземные виадуки. Ахейцам труднее добывать пресную воду, чем формально осажденным троянцам.

Население Илиона (вероятно, самого большого города на тогдашней Земле) с начала войны вы-

росло почти вдвое. Сперва под защиту его стен собрались мирные земледельцы, козопасы, рыбаки и другие полукочевые обитатели Илионской равнины. За ними потянулись дружественные армии — не только воины, но часто жены, дети, старики, собаки и скот.

Союзников можно разделить на несколько групп. Прежде всего это «троянцы» не из самой Трои, то есть дарданы и жители других городков, достаточно удаленных от Илиона, в том числе с подножий Иды и с севера вплоть до Ликии. Еще здесь есть войска из Адрастеи и других мест на многие лиги к востоку от Трои, а также пеласги из Лариссы на юге.

Из Европы прибыли фракийцы, пеоны и киконы, с южных берегов Черного моря — гализоны, живущие на реке Галис и связанные родством с добывающими железо халибами из древней легенды. У костров можно слышать, как поют и ругаются пафлагонцы и енетои — уроженцы еще более северного Причерноморья, вероятные прапрапрародители будущих венецианцев. Из северо-центральной Малой Азии прибыли косматые мизы. Из них я общался с двумя — Энномом и Настесом. Если верить поэме, Ахиллес убьет обоих в предстоящей битве у реки — бойне на-

столько ужасной, что не только воды Скамандра побагровеют от крови на многие месяцы, но и саму реку запрудят тела тех, кого перебьет Ахиллес. В их числе будут брошенные без погребения Настес и Энном.

Здесь же можно видеть узнаваемых по густым шевелюрам, диковинному бронзовому оружию и, конечно, запаху фригийцев, меонов, каров и ликийцев.

Шумная жизнь кипит в Илионе по меньшей мере двадцать два часа в сутки. Это лучший, самый великий и прекрасный город мира — в эту эру, мою эру и любую эру человеческой истории.

Я думаю об этом, лежа рядом с Еленой Прекрасной на ее ложе, простыни пахнут сексом и нами, а прохладный ветерок колышет занавески. Вдалеке рокочет приближающаяся гроза. Елена ворочается во сне и шепчет мое имя: «Хок-энбеа-уиии…»

Я прибыл в город поздним вечером, после того как квитировался из лечебницы богов на Олимпе, зная, что Муза разыскивает меня, чтобы убить, и если ей это сегодня не удастся, то завтра меня убьет Афродита, когда выйдет из целебного бака.

Поначалу я намеревался смешаться с толпой воинов, наблюдающих со стены за окончанием

сегодняшнего долгого боя (где-то там, в клубах пыли под предзакатными лучами солнца Диомед по-прежнему истреблял троянцев), но заметил Гектора, который устало возвращался в Илион лишь с малой частью своей обычной свиты. Я морфировал в одного из тех, кого знал, — Долона, копейщика и доверенного разведчика, которого скоро убьют Одиссей и Диомед, — и двинулся за Гектором. Доблестный воин прошел через главные ворота Илиона, прозываемые Скейскими и выстроенные из дубовых брусьев высотой в десять мужчин ростом с Аякса, и его сразу же обступили жены и дочери Трои, наперебой спрашивая о мужьях, сыновьях, братьях и любовниках.

Я наблюдал, как высокий троянский гребень на шлеме Гектора движется через толпу женщин, его голова и плечи плывут через море умоляющих лиц. Наконец он остановился и заговорил. «Молитесь богам, женщины Трои», — вот и все, что сказал Гектор, прежде чем повернулся и зашагал к Приамову дворцу. Некоторые его воины скрестили длинные копья, сдерживая натиск вопящих троянских женщин. Я вместе с последними четырьмя его телохранителями молча проводил Гектора до Приамовых пышных

чертогов, как называл их Гомер, с портиками и колоннадами полированного мрамора.

Вечерние сумерки уже вползали во дворы и опочивальни дворца. Мы отступили к стене и ждали, покуда Гектор коротко говорил с матерью.

— Не нужно вина, матушка, — сказал он, отмахиваясь от чаши, которую приказала подать Гекуба. — Не сейчас. Я слишком устал. Вино отнимет у меня последние силы и доблесть, а мне сегодня еще убивать. К тому же я в крови и в пыли после боя; мне стыдно возливать Зевсу вино грязными руками.

— Сын мой, — сказала мать Гектора, женщина исключительной доброты и милосердия, — для чего ты покинул поле боя, если не для того, чтобы вознести молитвы богам?

— Молиться надо тебе, матушка, — ответил Гектор.

Он сидел на ложе, рядом лежал его шлем. Воин и впрямь был грязен — лицо покрывала рыжеватая смесь пота, пыли и крови — и сидел, как сидят очень усталые люди, упираясь руками в колени и опустив голову.

— Иди в храм Афины, — глухо проговорил он, — собери благороднейших женщин Илиона,

возьми самый большой, самый красивый покров, который найдешь в Приамовом доме. Расстели его на золотых коленях статуи Афины, обещай заколоть в ее честь дюжину годовалых телят, если она смилостивится над Троей. Проси суровую богиню пощадить наш город, наших жен и малых детей от ужасного Диомеда.

— Неужто до такого дошло? — прошептала Гекуба, беря окровавленные руки сына в свои. — Неужели правда до такого дошло?

— Да, — ответил Гектор, с трудом поднялся на ноги, взял шлем и вышел.

Вместе с тремя другими копейщиками я проводил изможденного Гектора через шесть городских кварталов к жилищу Париса и Елены — просторному комплексу с множеством террас, жилых башен и внутренних дворов.

Гектор прошел мимо стражи и слуг, поднялся по ступеням и распахнул дверь в личные покои брата. Я почти ожидал увидеть Париса с украденной женой (Гомер пел, что похотливая чета отправилась в постель несколько часов назад, когда Париса унесли с неоконченного поединка, не дав Менелаю его прикончить). Однако Парис сидел, перебирая блестящее оружие и доспехи, а Елена отдавала указания служанкам-выши-

вальщицам.

— Какого хрена ты тут делаешь? — рявкнул Гектор на более малорослого брата. — Расселся, как баба, как хнычущий младенец, играет со своим оружием, когда настоящие илионские мужи умирают сотнями, а враг подступает к цитадели, наполняя наш слух чужеземными боевыми кличами! Вставай, дезертир паршивый! Выходи, пока Троя не сгорела дотла под твоей трусливой задницей!

Вместо того чтобы вскочить в негодовании, царственный Парис только улыбнулся:

— Ах, Гектор, я заслужил твои упреки. Все твои слова справедливы!

— Тогда встань с задницы и надень доспехи, — бросил Гектор. Впрочем, ярость почти испарилась из его голоса, то ли от усталости, то ли оттого, что Парис не стал оправдываться.

— Я выйду на бой, — ответил он, — но прежде выслушай меня.

Гектор стоял молча, тяжело пошатываясь. Шлем он держал под мышкой левой руки, а правой сжимал копье, одолженное у моего товарища по отряду. Теперь он оперся на древко.

— Не от обиды я так долго оставался в этих покоях, — Парис указывал на Елену и ее служанок,

словно на мебель, — но от печали.

— От печали? — с презрением переспросил Гектор.

— Да, от печали, — повторил Парис. — Я печалился о моей сегодняшней трусости, пусть даже не по своей воле удалился из боя, а был унесен богами, и о судьбе нашего города.

— Судьба не выбита в камне! — сердито возразил Гектор. — Мы в силах остановить Диомеда и его опьяненных битвой друзей. Надень доспехи, иди за мной. До захода солнца еще час. В кровавых лучах заката мы убьем множество греков, а в прохладных сумерках и того больше.

Парис улыбнулся и встал:

— Ты прав. Теперь даже мне, величайшему любовнику, не величайшему воину, бой представляется наилучшим исходом. Победа и судьба переменчивы, они колеблются, словно безоружные мужи под градом вражеских стрел.

Гектор надел шлем и молча ждал, вероятно не поверив обещанию Париса вступить в бой.

— Иди, — сказал Парис. — Мне надо надеть доспехи. Иди вперед, я догоню.

Гектор по-прежнему молчал, не желая уходить без Париса, но Елена Прекрасная — а она и впрямь была прекрасна! — встала, прошла по

мраморному полу и коснулась окровавленной руки Гектора.

— Друг мой, — сказала она, и ее голос дрожал от избытка чувств, — любезный брат, милый моему сердцу, пусть я и бесстыжая, гнусная сука! Ах, если бы мать утопила меня в темном Ионийском море в день моего рождения и я не стала виновницей всех этих бед!

Она выпустила руку героя и заплакала.

Доблестный Гектор заморгал, поднял свободную руку, как будто хотел погладить Елену по голове, но тут же отдернул и смущенно кашлянул. Как многие герои, великий Гектор был неловок с женщинами, кроме собственной жены. Раньше, чем он успел ответить, Елена заговорила сама, захлебываясь слезами:

— О благородный Гектор, коли боги и впрямь судили, чтобы все эти годы из-за меня лилась кровь, лучше бы я была женой более достойного человека — воина, а не любовника, мужа, который мог бы свершить для родного города больше, чем затащить жену в постель в роковой для Илиона день.

Парис шагнул к ней с таким видом, словно собирался ударить, однако присутствие брата его удержало. Мы, четыре воина у стены, смотрели в

пустоту и притворялись глухими.

Елена глянула на Париса красными, полными слез глазами. Она говорила с Гектором, как будто Париса — ее похитителя и мнимого второго мужа — в комнате не было.

— Этот… человек… заслужил укоры достойных мужей! У него нет ни крепости духа, ни храбрости. И никогда не будет.

Парис заморгал и пошел алыми пятнами, словно получил пощечину.

— Однако он пожнет плоды своего малодушия, — продолжала Елена, буквально выплевывая слова, брызжа слюной на мраморный пол. — Клянусь тебе, что он пожнет плоды своего малодушия. Клянусь богами.

Парис стремительно вышел из комнаты.

Елена повернулась к покрытому грязью воину:

— Но ты присядь на ложе рядом со мной, милый брат. В этом сражении тебе досталось больше других, и все из-за меня, распутницы. — Она опустилась на мягкое ложе и похлопала по месту рядом с собой. — Судьба соединила нас с тобой, Гектор. Зевс посеял семя миллиона смертей и рока нашей эпохи в твою и мою грудь. Дражайший Гектор, мы смертны. Мы оба умрем. Но мы с тобой будем тысячелетиями жить в песнях…

Словно не желая услышать больше, Гектор повернулся и вышел, надевая шлем, сверкнувший в косых лучах закатного солнца.

Последний раз взглянув на Елену, которая сидела, склонив голову, на ее безупречные белые руки и грудь, видимую под тонким одеянием, я поднял копье — копье разведчика Долона — и пошел за Гектором и его тремя верными воинами.

Важно рассказывать это именно так. Елена ворочается, шепчет мое имя и засыпает снова. *Мое* имя. Она шепчет «Хок-эн-беа-уиии», — и у меня такое чувство, будто сердце мне пронзили копьем.

И теперь, лежа рядом с самой красивой женщиной Древнего мира, а возможно, всей истории, — во всяком случае, рядом с женщиной, во имя которой умерло наибольшее число мужчин, — я вспоминаю новые подробности моей жизни. Прежней жизни. *Настоящей*.

Я был женат. Мою жену звали Сьюзен. Мы познакомились на последнем курсе Бостонского колледжа и сыграли свадьбу вскоре после выпуска. Сьюзен была школьным психологом, но почти не работала с тех пор, как в семьдесят втором мы переехали в Индиану, где я пошел преподавать античную литературу в Индианском универси-

тете. Детей у нас не было, но не потому, что мы не хотели и не старались. Сьюзен была еще жива, когда я попал в больницу с раком печени.

Отчего я вдруг вспомнил это сейчас? *После девяти лет почти без воспоминаний, отчего вспомнил Сьюзен именно в эти минуты? Отчего именно сейчас меня мучают и ранят острые осколки моей прошлой жизни?*

Я не верю в Бога с большой буквы и, несмотря на их очевидную реальность, не верю в богов с маленькой. Не они правят миром. Однако я верю в богиню-стерву Иронию. Она постоянно вмешивается. Она правит равно людьми, богами и Богом.

И у нее извращенное чувство юмора.

Словно Ромео, лежащий рядом с Джульеттой, я слышу, как с юго-запада надвигается гроза, гром эхом прокатывает по двору, ветер колышет занавеси на террасах по обе стороны просторной спальни. Елена ворочается, но не просыпается. Пока еще не просыпается.

Я закрываю глаза и несколько минут притворяюсь спящим. Под веки будто бы песка насыпали. Не по возрасту мне бодрствовать целую ночь, в особенности после троекратных занятий любовью с самой прекрасной и чувственной

женщиной на свете.

От Париса и Елены мы двинулись за Гектором к нему домой. Герой, почти никогда не показавший врагам спину, сбежал от искусительницы — сбежал к своей жене Андромахе и годовалому сыну.

За девять лет наблюдений в Илионе я ни разу не разговаривал с женой Гектора, но знаю ее историю. Да и кто в Илионе не знает?

Андромаха красива — не как Елена или богини, но человечной красотой — и царственна. Она родом из троянской области Киликии, из Фив, и ее отца Этиона, тамошнего царя, многие любили и все уважали. Их дворец стоял на нижних склонах горы Плак, в лесу, прославленном своей древесиной. Великие Скейские врата Илиона слажены из киликийского дуба, и осадные машины греков, стоящие менее чем в двух милях отсюда, тоже.

Ахиллес убил ее отца Этиона в сражении, когда вскоре после высадки быстроногий ахейский мужеубийца повел своих воинов в набег на троянские города. У Андромахи было семеро братьев — все до одного не воины, а пастухи. Ахиллес убил их за день, разыскал по одному на пастбищах, затравил, словно диких зверей, на каменистых склонах. Очевидно, он решил не оставить в живых ни одного мужского отпрыска

царского киликийского дома. В ту ночь Ахиллес велел своим людям облачить тело Этиона в боевой доспех, сжег его с подобающими почестями и насыпал над царем высокий погребальный холм. Однако братья Андромахи остались лежать в лесах и полях, на корм волкам.

Взяв богатую добычу в дюжине захваченных городов, Ахиллес тем не менее потребовал за мать Андромахи воистину царский выкуп — и получил его. Илион был тогда богат и мог платить захватчикам.

Царица вернулась в опустевший киликийский дворец, где, как скорбно повторяла Андромаха, «градом серебряных стрел умертвила ее Артемида богиня».

Да, в некотором смысле.

Артемида, дочь Зевса и Лето, сестра Аполлона (я видел ее на Олимпе только вчера), — богиня охоты, но она же покровительствует родам. В каком-то месте «Илиады» разъяренный Аполлон закричал на сестру в присутствии их отца Зевса: «Он тебя сделал львицей для женщин и дал

убивать, какую захочешь»[23], имея в виду, что Артемида не только служит смертным женщинам божественной повитухой, но и приносит смерть в родах.

Мать Андромахи умерла через девять месяцев после того, как Ахиллес взял ее в плен в тот день, когда убил Этиона, отца Андромахи. Мать Андромахи умерла в родах, пытаясь произвести на свет сына того, кто убил ее мужа.

И не говорите мне, будто миром не правит стерва Ирония.

Андромахи и младенца дома не было. Гектор заметался из комнаты в комнату, мы, четверо копейщиков из свиты, сторожили вход, но не вмешивались. Герой был явно встревожен; на поле брани он ни разу не выказывал при мне такого беспокойства. Вернувшись к дверям, он остановил двух входящих прислужниц.

— Где Андромаха? Пошла в храм Афины с другими благородными женами? В дом моей сестры? К моим невесткам?

— Наша госпожа ушла на городскую стену, хо-

[23] Примечания: 23

…Аполлон закричал на сестру… *«Он тебя сделал львицей для женщин и дал убивать, какую захочешь»*… (перев. В. Вересаева). — в «Илиаде» эти слова произносит Гера — далеко не единственное расхождение между миром «Илиады» и миром «Илиона».

зяин, — отвечала старшая из прислужниц. — Все троянские женщины прослышали о сегодняшней ужасной битве, о гневе Диомеда и о том, что удача отвернулась от сынов Илиона. Твоя жена побежала к надвратной башне узнать, жив ли ее муж. Бросилась как сумасшедшая, а кормилица с твоим сыном помчалась следом.

Мы еле поспевали за Гектором, когда тот бежал к Скейским воротам. В квартале от стены я сообразил, что мне не следует с ним оставаться. Это событие — встреча Гектора и Андромахи на городских укреплениях — событие огромной важности. Множество богов будет его наблюдать. И возможно, Муза там и будет меня искать.

За сотню ярдов до ворот я незаметно отстал от своих товарищей и нырнул в толпу на боковой улочке. Вечерние тени сгущались, в воздухе разливалась прохлада, но безверхие башни Илиона еще алели в лучах заходящего солнца.

Выбрав одну из башен, я, по-прежнему в обличье копейщика Долона, поднялся по внутренней винтовой лестнице на самый верх.

Башня была выстроена наподобие минарета (хотя до возникновения ислама оставались тысячелетия). Я был один на узком закругленном балкончике. Солнце било в глаза, но я поляризо-

вал визуальные фильтры и настроил увеличение богоданных контактных линз, так что хорошо видел встречу на стене.

Андромаха подбежала к мужу и кинулась ему на шею, Гектор обнял ее, подняв в воздух. Его полированный шлем блеснул в закатных лучах. Другие воины и встревоженные женщины на стене расступились, давая вождю побыть вдвоем с женой. Одна кормилица с годовалым младенцем на руках осталась рядом.

Я мог бы подслушать разговор при помощи остронаправленного микрофона, но решил просто смотреть, как движутся их губы, и следить за выражением лиц. Как только схлынула первая радость оттого, что ее муж-воитель жив, Андромаха нахмурилась и быстро, настойчиво заговорила. Со слов Гомера я примерно помнил, о чем речь. Андромаха перечисляла свои горести, сетовала на одиночество, постигшее ее после гибели отца и братьев от рук Ахиллеса. Мне даже удавалось читать некоторые слова по ее губам:

— Ты теперь мне отец, Гектор, и матерь тоже. Ты теперь мой брат, любовь моя. И ты мой муж — молодой, горячий, доблестный, живой! Сжалься надо мной! Не оставляй меня. Не уходи на Илионскую равнину, где тебя убьют и будут таскать

твое тело за ахейской колесницей, пока мясо не сдерется с костей! Останься! Сражайся тут. Городу нужна твоя защита. Бейся на укреплениях!

— Не могу, — ответил Гектор и медленно покачал головой, блеснув шлемом.

— Можешь! — Лицо Андромахи исказилось от любви и страха. — Должен. Подтяни войско к смоковнице… видишь ее? Там легче всего пробиться в твой любимый Илион. Трижды аргивяне ударяли сюда в надежде захватить город, и трижды атаку возглавляли их лучшие бойцы — оба Аякса, большой и маленький, Идоменей и ужасный Диомед. Возможно, некий прорицатель открыл им нашу слабость. Защищай нас здесь, муж мой!

— Не могу.

— Можешь! — крикнула Андромаха, вырываясь из его объятий. — Но не станешь!

— Да, — сказал Гектор, — не стану.

— Знаешь ли ты, благородный Гектор, что будет со мной, когда ты примешь свою благородную смерть и сделаешься пищей ахейских псов?

Гектор поморщился, но промолчал.

— Меня угонят в плен наложницей какого-нибудь потного грека! — закричала Андромаха так громко, что я услышал ее за квартал. — Увезут в Аргос как добычу, как рабыню Большого Аякса,

или Малого Аякса, или ужасного Диомеда, или военачальника помельче, и будут сношать, когда пожелают!

— Да, — ответил Гектор с болью во взгляде, но твердо. — Но я буду мертв, и земля надо мной заглушит твои вопли.

— О да! — кричала Андромаха, плача и смеясь одновременно. — Благородный герой будет мертв! А его сын, которого жители Илиона зовут Астианактом — Владыкой города, — станет рабом у ахейских свиней, разлученный с матерью-рабыней. Таким будет твое благородное наследие, благородный Гектор!

Андромаха, подозвав кормилицу, схватила ребенка и выставила перед собой, словно щит между собой и Гектором.

Я видел страдание на лице героя, однако он протянул руки к младенцу.

— Иди ко мне, Скамандрий, — сказал Гектор, назвав сына именем, данным при рождении, а не прозвищем, которое придумали троянцы.

Мальчик отвернулся и заревел в голос. И хотя нас разделяло несколько крыш, я его слышал.

Виной тому был шлем. Шлем Гектора. Полированная бронза в потеках грязи и крови отражала заходящее солнце, искаженный парапет и самого

мальчика. Пламенеющий гребень из рыжего конского волоса грозно развевался на ветру, страшные блестящие дуги круглились над глазами Гектора, наносник выдавался вперед.

Мальчик, испугавшись отца, с криком прижался к материнской груди.

Можно было ожидать, что Гектор огорчится — как же так, не обнять сына на прощание? — но воин рассмеялся, запрокинув голову, надолго и от души. Через минуту Андромаха засмеялась вместе с ним.

Гектор сорвал с головы боевой шлем и положил на каменную стену, где тот по-прежнему полыхал в лучах закатного солнца. Затем Гектор схватил сына, обнял, принялся подбрасывать и ловить, пока тот не закричал, но уже от восторга, а не от страха. Держа сына правой рукой, Гектор левой привлек к себе Андромаху.

Все еще улыбаясь, он поднял лицо к небесам:

— Слушай меня, Зевс! И все вы, бессмертные!

Стражники и женщины на стене безмолвно застыли. Над улицами повисла неестественная тишина. Зычный голос Гектора доносился до меня через несколько кварталов.

— Пусть этот мальчик, мой сын, которого я люблю, станет таким же, как я! Первым среди

троянских мужей! Могучим и доблестным, как я, Гектор, его отец! И сотворите, о боги Олимпа, чтобы Скамандрий, сын Гектора, стал однажды царем Илиона, могучим и славным в крепости, чтобы все говорили: «Он превзошел своего отца!» Это моя молитва, о боги, и ничего другого я не прошу.

С этими словами Гектор вернул младенца Андромахе, поцеловал обоих и ушел со стены на поле брани.

Признаю, что в часы после прощания Гектора с женой я был подавлен. Ко всему прочему я знал, что на следующий год Андромаху и впрямь увезут из горящей Трои в края, где она станет дорогой рабыней других мужчин. Еще я знал, что ахеец, который ее пленит, — Пирр (от него произойдут цари эпириотского племени молоссов, а сам он сподобится геройской гробницы в Дельфах) вырвет Гекторова сына Скамандрия (прозванного Астианактом, Владыкой города) из рук кормилицы и сбросит с высокой стены на острые камни. Тот же Пирр убьет отца Париса и Гектора, царя Приама, в храме внутри его собственного дворца, у алтаря Зевса. За одну ночь Приамов род почти пресечется. Думать об этом было ужасно.

Нет, я не пытаюсь оправдать свой следующий

проступок, просто частично его объясняю.

Я бродил по улицам Илиона до наступления темноты и позже. Никогда за все эти девять лет я не чувствовал себя так тоскливо и одиноко. Я был уже не в обличье Долона, но по-прежнему одет как обычный воин. Шлем Аида и медальон были наготове, чтобы исчезнуть или квитироваться в любой миг. Довольно скоро я вновь очутился возле чертогов Елены. Признаюсь, в эти годы я часто сюда наведывался — улучив время между наблюдениями, я приходил в город и стоял на этом месте ради надежды случайно ее увидеть… увидеть Елену, самую красивую и желанную женщину в мире. Сколько раз я смотрел через улицу на этот многоэтажный дом, словно влюбленный мальчишка, и ждал, когда в окнах верхнего этажа и на террасах зажгут огни, безнадежно грезя о том, чтобы увидеть ее хоть мельком!

Из мечтательного забытья меня вывело более грозное зрелище — небесная колесница медленно катила над улицами и крышами, незримая для смертного взора, но различимая моим усовершенствованным зрением. В колеснице, перегнувшись через край и пристально оглядывая улицы, стояла Муза. Никогда на моей памяти она не летала так низко над Троей или над Или-

онской равниной. Я сразу понял, кого она ищет.

Я мгновенно натянул Шлем Смерти, спрятавшись — как я надеялся — от богов и людей. Должно быть, технология сработала. Колесница Музы проплыла менее чем в сотне футов над моей головой, однако не замедлила ход.

Дождавшись, когда богиня улетит и начнет выписывать круги над рыночной площадью дальше к востоку, я активировал бляхи на левитационной сбруе. Все схолиасты ее получают, но пользуемся мы ею лишь изредка. Порой, когда трудно было понять, что происходит на поле боя, я взмывал повыше, чтобы обозреть тактическую ситуацию, а потом летел в Трою — честно сказать, сюда, к дому Елены, — несколько мгновений с замирающим сердцем стоял под окнами, затем квитироваться на Олимп и в казарму.

В ту ночь у меня были иные планы. Я поднялся над улицей, пролетел невидимый над стражниками у главного входа в дом Париса и Елены и опустился на один из балконов внутреннего дворика перед их личными покоями. Сердце колотилось, кровь стучала в висках. Отодвинув колышущиеся занавеси, я прошел в открытую дверь. Сандалии почти бесшумно ступали по каменному полу. Псы бы меня учуяли — Шлем

не маскировал запахи, — но они все были во внешнем дворе, а не в покоях царственной четы.

Елена принимала ванну. Три босые прислужницы таскали теплую воду, оставляя мокрые следы на мраморных ступенях. Купальню окружали легкие завесы, но, поскольку внутри горели жаровни и лампы, прозрачная ткань не мешала смотреть. По-прежнему невидимый, я стоял за колышущейся тканью и смотрел на Елену.

«Вот этот бюст, что тысячи судов гнал в дальний путь!» — подумал я и тут же рассердился на себя за такую пошлость.

Живописать вам красоту Елены? Объяснить, почему жар ее красоты, ее нагой красоты волнует людей через три тысячи хладных лет?

Не буду. Не из стыдливости, просто описать Елену не в моих силах. Было ли что-то уникальное в полных, мягких грудях Елены, отличающее их от всех женских грудей? Или особое совершенство в треугольнике темных волос между ног? Что-то более волнующее в белых упругих бедрах? Что-то более изумительное в сильной спине, узких плечах и молочных ягодицах?

Разумеется. Однако я не сумею объяснить разницу. Я всего лишь средней руки ученый и — в фантазиях моей прошлой жизни, — возможно,

литератор. Чтобы воздать должное красоте Елены, потребовался бы поэт больше Гомера, больше Данте, больше Шекспира.

Шагнув из прогретой комнаты в прохладу пустой террасы, я коснулся браслета, позволяющего мне принимать чужой облик. Панель браслета светилась лишь по моему требованию, однако сообщалась с моим большим пальцем при помощи символов и картинок. За девять лет я записал в прибор данные о многих людях. Теоретически я мог бы превратиться в женщину, но у меня такого желания не возникало, тем более в эту ночь.

Попробую объяснить вам кое-что о морфировании. Это не перестройка молекул, стали, мяса и костей в другую форму. Я не имею ни малейшего представления, как оно работает, хотя один недолго продержавшийся схолиаст по имени Хаякава, из двадцать первого века, пять или шесть лет назад попытался изложить мне теорию. Он напирал на законы сохранения материи и энергии — что бы под этим ни подразумевалось, — однако я слушал его вполуха.

Очевидно, морфирование работает на квантовом уровне. Что у богов происходит иначе? Хаякава просил меня представить всех людей здесь, включая его и меня, как стоячие волны

вероятности. На квантовом уровне, сказал он, люди — и все остальное в материальной вселенной — существуют от одного мгновения до другого как своего рода схлопывающийся волновой фронт: молекулы, память, старые шрамы, чувства, бакенбарды, пивной запах изо рта, все. Браслеты, которыми снабдили нас боги, записывают вероятностные волны. Они позволяют нам сохранять оригиналы и на короткое время сливать вероятностные волны с сохраненными, переносить наш разум и воспоминания в новое тело. Хаякава уверял, что это не нарушает его драгоценные законы сохранения энергии и материи, но я так и не понял почему.

Из-за этой-то узурпации чужой формы и действий мы, схолиасты, почти всегда перевоплощаемся в малозначительных персонажей, вроде безымянного копейщика, чей облик я принял после Долона. Став, допустим Одиссеем, или Гектором, или Ахиллесом, или Агамемноном, мы получили бы роль, но поведение осталось бы нашим собственным — куда менее героическим, — и мы бы с каждой минутой все дальше отклоняли ход событий от этой реальности, так близкой к «Илиаде».

Понятия не имею, куда девается человек, когда

мы в него переселяемся. Возможно, его волна вероятности колышется на квантовом уровне, не схлопываясь в то, что мы называем реальностью, пока оболочка снова не освободится. А может, волна вероятности хранится в браслете, или в какой-то машине, или в микрочипе на горе Олимп. Не знаю и не особенно хочу знать. Однажды, незадолго до того, как Хаякава разозлил Музу и сгинул навеки, я спросил его, можно ли с помощью браслета превратиться в кого-нибудь из богов. Хакаява рассмеялся и сказал: «Боги защищают свои волны вероятности, Хокенберри. Я бы не стал с ними связываться».

Включив браслет, я быстро пролистал сотни личностей, которые записал в его память, пока не нашел нужную. *Парис*. Знай Муза, что я сканировал Париса для будущего морфирования, она, вероятно, меня бы уничтожила. Схолиасты не вмешиваются в события.

Где Парис в эту минуту? Держа большой палец над значком активации, я попытался вспомнить. События нынешнего вечера — разговор Гектора с Парисом и Еленой, его встреча с женой и сыном на городской стене — происходят в конце песни шестой, так?..

Думалось с трудом. Сердце разрывалось от

одиночества. В голове все плыло, словно я пил с обеда.

Да, это песнь шестая, самый конец. Гектор покидает Андромаху, и Парис нагоняет его на выходе из города. Как там в моем любимом переводе? «Не задержался Парис боговидный в высоких палатах». Новый муж Елены облачился в доспехи, как обещал, и они вместе вышли из Скейских ворот. Помню, я готовил для конференции доклад, где анализировал метафору Гомера, в которой Парис сравнивается с конем, порвавшим привязь, кудри струятся, как грива, душа рвется в бой, бла-бла-бла.

Где Парис сейчас? После захода? Что же я пропустил, пока разгуливал по улицам Илиона и пялился на Еленины окна и Еленины сиськи?

Это в песни седьмой, и я всегда считал, что она слеплена кое-как. Она завершает описание долгого дня, начатого в песни второй. Парис убивает ахейца по имени Менесфий, Гектор пронзает горло Эионея. Такое вот продолжение супружеских и отцовских объятий. Бой продолжается, Гектор сходится в единоборстве с Большим Аяксом и…

Что? Да ничего особенного. Аякс побеждал (он всегда сражался лучше), однако боги вновь заспорили об исходе битвы. Было много ругани со

стороны греков и троянцев, затем начались переговоры, Гектор с Аяксом обменялись оружием и разошлись по-дружески. Все заключили перемирие, чтобы сложить погребальные костры, и…

Где сегодня ночью Парис? Остался с Гектором, чтобы выступить на погребальных церемониях? Или, что больше в его характере, вернулся в спальню Елены?

— Плевать, — сказал я вслух, нажал значок активации на браслете и преобразился в Париса.

Я по-прежнему был невидим, облачен в Шлем Аида, левитационную сбрую и прочее.

Я снял шлем и все остальное, за исключением морфобраслета и маленького квит-медальона на шее, и спрятал за треножником на балконе. Теперь я стал Парисом в боевом облачении. Оружие и доспехи я оставил там же и был теперь Парисом в мягком на ощупь хитоне. Спустись сейчас ко мне Муза, я не мог бы защититься, только квитироваться прочь.

Я отодвинул балконную занавеску и прошел в комнату с купальней в полу. Елена изумленно подняла глаза:

— Мой господин?

Ее глаза блеснули вызовом, но она тут же потупилась, словно прося прощения за недавние

резкие слова.

— Оставьте нас! — бросила она рабыням, и те ушли, шлепая мокрыми босыми ступнями.

Елена Прекрасная медленно поднялась мне навстречу по ступеням купальни. Волосы у нее были сухие, не считая влажных прядей на лопатках и на груди.

— Что тебе от меня нужно, муж мой? — спросила она, по-прежнему не поднимая головы, однако теперь ее глаза смотрели на меня из-под ресниц.

Я кашлянул. И еще раз. Слова никак не срывались с губ.

— Идем в постель, — сказал я наконец голосом Париса.

19. Золотые Ворота в Мачу-Пикчу

Они прошли по зеленым шарам Золотых Ворот, по застывшим эскалаторам и по трубам зеленого стекла, соединяющим гигантские тросы, на которых держался мост далеко внизу. Одиссей шел вместе с ними.

— Ты правда Одиссей из туринской драмы? — спросила Ханна.

— Я не видел туринских драм, — ответил он.

Ада про себя отметила, что человек, назвавшийся Одиссеем, ничего не подтвердил и не опроверг, просто ушел от вопроса.

— Как ты сюда попал? — спросил Харман. — И *откуда*?

— Сложно ответить, — сказал Одиссей. — Я уже некоторое время странствовал, пытаясь вернуться домой. Здесь лишь остановка в пути, место отдыха, и через несколько недель я двинусь дальше. Если не возражаете, я бы предпочел поведать свою историю позже. Например, сегодня за ужином. Надеюсь, Сейви-ур поможет мне самому в этом разобраться.

Он говорил на общем английском как на нерод-

ном, и Аду это удивляло — она никогда прежде не слышала акцента. В ее мире, охваченном сетью факсов, не было даже региональных говоров. Все жили везде — и нигде.

Все шестеро вышли на вершину башни, куда Сейви прежде посадила соньер. Солнце как раз тронуло два острых пика, между которыми висел огромный мост. С запада дул сильный холодный ветер. Они встали у перил на краю платформы и глянули на покатую зеленую седловину с террасированными руинами восемью сотнями футов ниже.

— Прошлый раз, когда я была в Золотых Воротах, три недели назад, — начала Сейви, — Одиссей лежал в одном из криотемпоральных саркофагов, где я обычно сплю. Собственно, его появление — и то, что оно означает, — побудило меня связаться с вами. Потому я оставила знаки на скале в Сухой долине.

Ада, Харман, Ханна и Даэман уставилась на старуху, ожидая объяснений, но та не прибавила ни слова. Тогда все четверо повернулись к Одиссею.

— Что у нас на обед? — спросил тот.

— Все то же, — ответила Сейви.

Бородач покачал головой.

— Нет. — Он толстым коротким пальцем указал

сперва на Хармана, затем на Даэмана. — Вы двое. До заката еще час. Хорошее время для охоты. Идете со мной?

— Нет! — сказал Даэман.

— Да, — ответил Харман.

— Я тоже хочу, — вмешалась Ада, сама удивляясь настойчивости своего тона. — Пожалуйста.

Одиссей долгое мгновение смотрел на нее.

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Мне бы следовало отправиться с вами, — неуверенно проговорила Сейви.

— Я умею управлять твоей машиной. — Одиссей кивнул в сторону соньера.

— Знаю, но… — Сейви тронула черное оружие у себя на поясе.

— В этом нет нужды. Я ищу пропитания, а не войны. Войниксов внизу не будет.

Сейви все еще смотрела с сомнением.

Одиссей глянул на Аду и Хармана.

— Подождите здесь. Я только возьму щит и копье.

Харман рассмеялся, но тут же осекся, поняв, что это не шутка.

Одиссей и в самом деле умел управлять соньером. Они поднялись с вершины башни, сделали круг над высокой седловиной, где развалины в

лучах заходящего солнца отбрасывали причудливые тени, и резко устремились в долину.

— Я думал, ты собирался охотиться под мостом, — сказал Харман, перекрывая свист ветра.

Одиссей покачал головой. Ада подумала, что его седые волосы ниспадают на шею подобно кудрявой гриве.

— Там только ягуары, бурундуки и привидения, — сказал Одиссей. — Дичь на равнине. И я хочу добыть определенную дичь.

Они на высокой скорости вылетели из устья каньона и понеслись над равниной, испещренной редкими саговниками и древовидными папоротниками. Солнце еще не скрылось за горной грядой, и по долине пролегли длинные тени. Внизу появилось стадо — большие травоядные животные, которых Ада не сумела определить, с бурыми шкурами и белыми полосками на заду. Они напоминали антилоп, но были раза в три больше; их морды на длинных гибких шеях заканчивались как будто розовыми шлангами. Когда соньер беззвучно пронесся над стадом, ни одно из животных даже не подняло голову.

— Что это? — спросил Харман.

— Съедобные, — ответил Одиссей.

Он сделал вираж и приземлился за кусто-

видными папоротниками футах в тридцати с подветренной стороны от стада. Солнце клонилось к закату.

Кроме пары нелепо длинных копий (каждое было длиной почти с соньер, так что древки выдавались далеко за пузырь силового поля и корму машины), Одиссей захватил с собой круглый щит из хитро обработанной бронзы, в несколько слоев обтянутый бычьими шкурами. Еще у него был короткий меч в ножнах и нож за поясом. Аде, которая смотрела туринскую драму куда чаще, чем призналась Харману, было не по себе от столкновения человека из фантастической Трои с ее миром, пусть и диким здешним вариантом этого мира. Она вылезла из диска и двинулась было за мужчинами.

— Нет! — рявкнул Одиссей. — Ты останешься в машине.

— И не подумаю, — ответила Ада.

Одиссей вздохнул и зашептал:

— Ждите оба здесь, за кустами. Не шевелитесь. Если кто-нибудь приблизится, лезьте в машину и активируйте силовое поле.

— Я не умею, — прошептал Харман.

— Я оставил ИИ включенным, — ответил Одиссей. — Просто ложитесь и скажите: «Включить

силовое поле».

Он медленно и бесшумно двинулся к стаду, зажав в руках по копью. Ада слышала, как животные жуют и чавкают, как срывают зубами траву, ощущала их запах. Они не бросились бежать при появлении человека, а когда животные на краю стада наконец подняли голову, Одиссей был уже в сорока футах от них. Он остановился, положил на землю щит и одно копье.

Животные перестали жевать и чутко, но без опаски глядели на странное двуногое.

Могучее тело Одиссея спружинило, выгнулось и резко расправилось. Копье полетело ровно и прямо, ударив ближайшего зверя выше груди и почти насквозь пробив его длинную толстую шею. Животное завертелось, сдавленно захрипело и рухнуло.

Остальные травоядные всхрапнули, заблеяли и с топотом кинулись прочь. Ада никогда не видела, чтобы животные бежали вот так, зигзагами; ноги с необычными суставами позволяли им молниеносно менять направление. Очень быстро все стадо исчезло из пределов видимости.

Одиссей встал на одно колено перед мертвым животным и вытащил из-за пояса короткий кривой нож. Несколькими точными быстрыми

ударами он вскрыл брюшную полость, извлек внутренности, бросил на траву (кроме печени, которую положил на расстеленный рядом пластиковый пакет), затем надсек кожу на одном бедре, отрезал большой шмат красного мяса и тоже положил на пакет. После этого Одиссей перерезал мертвому животному горло, слил кровь на землю и аккуратно, чтобы не сломать, вытащил копье. Древко и бронзовый наконечник он тщательно вытер о траву.

Ада за кустами ощутила дурноту и решила сесть, чтобы не упасть в обморок. Она никогда не видела, чтобы человек убивал животное, а тем более потрошил и частично свежевал. Это было так ужасно… умело. Она стыдилась своей реакции, но не хотела потерять сознания, поэтому опустила голову между колен и стала ждать, когда исчезнут черные точки перед глазами.

Харман встревоженно тронул ее за плечо, но Ада отмахнулась, и он пошел к туше.

— Стой там, — крикнул Одиссей.

Харман растерянно остановился.

— Они убежали. Тебе разве не нужна помощь, чтобы нести…

Одиссей выставил ладонь, приказывая ему оставаться на месте.

— Это приманка. А вот… Не шевелись.

Ада и Харман посмотрели на запад. Два черно-бело-красных двуногих приближались на огромной скорости, быстрее даже, чем убегали травоядные. У Ады перехватило дыхание. Харман застыл.

Твари бежали к окровавленной туше и стоящему на коленях Одиссею со скоростью шестьдесят миль в час, потом внезапно затормозили, подняв облако пыли. Ада видела теперь, что это те птицы, которых они различили с борта соньера (Ужасные птицы, назвала их Сейви). Однако с высоты они выглядели комичными страусами, шагающими неловко, по-цыплячьи. Вблизи они были и впрямь ужасны.

Две Ужасные птицы остановились в пяти шагах от туши и смотрели теперь на Одиссея. Каждая была в девять футов высотой, мускулистые тела покрывали короткие белые перья, чернели только рудиментарные крылья и мощные ноги, каждая толщиной с Адин торс. Хищно загнутые клювы в три с лишним фута длиной были обведены красным, словно их окунули в кровь, и управлялись могучими мышцами, которые выпирали под полудюжиной длинных красных перьев на голове. Злобные желтые глаза сидели в

синих глазницах под ящеровидными надбровными дугами. Кроме клювов, у птиц были мощные когти — каждый длиной с человеческую руку до локтя — и еще более жуткие когти на сгибах зачаточных крыльев.

Ада сразу поняла: это не падальщики, а безжалостные хищники.

Одиссей встал, держа в обеих руках по копью. Ужасные птицы разом повернули голову и перемигнулись желтыми глазами; охотничья пара разделилась с хореографической точностью, готовясь атаковать Одиссея с двух сторон. На Аду повеяло смрадом. Она не сомневалась, что мощные бесперые ноги могут перенести Ужасных птиц весом по тонне каждая к их жертве — Одиссею — за один прыжок. Не менее очевидно было, что пара действует как идеальная команда убийц.

Одиссей не стал дожидаться атаки. Со смертоносной грацией он ровно, прямо и мощно метнул копье в мускулистую грудь левой Ужасной птицы и тут же развернулся ко второй. Первая птица издала пронзительный скрежещущий крик, от которого у Ады остановилось дыхание. Через секунду к нему присоединился рев Одиссея. Он прыгнул через тушу травоядного, перебросил

копье из левой руки в правую и направил бронзовый наконечник в глаз второй Ужасной птицы.

Первая птица качнулась назад, вцепилась когтями в копье, торчащее у нее из груди, и переломила толстое дубовое древко. Вторая увернулась от копья, взметнув голову, как кобра. Застигнутая врасплох атакой мелкого и бесперого двуногого, она сделала два прыжка назад — по пять футов каждый — и ударила по копью когтями.

Одиссею пришлось отдергивать тяжелое копье после каждого неудачного выпада, чтобы древко не вырвали у него из рук. По-прежнему вопя, он попятился и, вроде бы споткнувшись о тушу травоядного, перекатился на бок.

Незадетая птица решила этим воспользоваться, подпрыгнула на шесть футов и, выставив когти, рухнула на человека сверху.

Одиссей успел встать на одно колено и упереть древко в землю за миг до того, как Ужасная птица навалилась на копье, всей тяжестью вгоняя бронзовый наконечник через мускулистую грудь себе в сердце. Одиссею пришлось еще раз перекатиться, чтобы убитая тварь не придавила его в падении.

— Берегись! — крикнул Харман и побежал к месту схватки.

Первая Ужасная птица — кровь по-прежнему хлестала из ее раны, обломок копья по-прежнему торчал из груди — наскочила на Одиссея со спины. Птица выбросила вперед шестифутовую шею, похожую на оперенную змею, и громадный клюв щелкнул там, где была бы голова Одиссея, если бы тот попятился. Вместо этого воин метнулся не назад, а вперед и снова перекатился, но на сей раз с пустыми руками. Ужасная птица промчалась мимо него и сразу повернулась, почти так же невозможно быстро, как травоядные с их диковинными суставами.

— Эй! — крикнул Харман и швырнул в исполинскую птицу камнем.

Ужасная птица вскинула голову, желтые глаза моргнули от такой наглости, и огромный хищник устремился на Хармана. Тот затормозил в грязи, чертыхнулся высоким голосом и побежал к кустам. Внезапно Харман понял, что не убежит от чудища. Он повернулся, расставил ноги и поднял кулаки, готовясь защищаться от Ужасной птицы голыми руками.

Ада огляделась, ища камень, палку, любое оружие. Поблизости ничего не обнаружилось, и она встала.

Одиссей вскинул щит и, используя тушу траво-

ядного в качестве трамплина, вскочил Ужасной птице на спину, в прыжке вытаскивая из ножен короткий меч.

Птица по-прежнему бежала в сторону Хармана и Ады, только теперь ее шея вывернулась назад, а гигантский красный клюв долбил круглый щит Одиссея. При каждом ударе того отбрасывало назад, но он крепко сжимал ногами птичье тело в шести футах от земли и откидывался на спину, как трюкач-наездник в туринской драме. Тут Ужасная птица развернула голову, отыскала Хармана желтыми глазами, и Одиссей, метнувшись вперед, полоснул мечом по одетой белым опереним шее и разрезал яремную вену.

Он спрыгнул на ноги и подбежал к Харману. Ужасная птица рухнула и замерла в десяти шагах от людей. Кровь брызнула на пять футов вверх, затем алый фонтан уменьшился и затих: огромное сердце остановилось.

Запыхавшийся Одиссей, в крови травоядного и Ужасной птицы, в траве и грязи, по-прежнему с окровавленным мечом и щитом в руках, усмехнулся в бороду:

— Для ужина мне была нужна только одна, но мы приготовим вторую на потом.

Ада шагнула к Харману и тронула его за плечо.

Тот не обернулся. Взгляд у него остекленел.

Одиссей подошел к ближайшей птице, отсек ей голову, сделал надрез на груди и принялся отделять кожу и перья легко, как другой помогал бы кому-нибудь снять пальто.

— Мне понадобятся еще пакеты, — сказал он Харману и Аде. — Они лежат в багажнике на корме соньера. Просто скажите: «Открыть багажник», и он откроется. Только скорей.

Харман уже шел к соньеру, но при этих словах замер.

— Скорей? Почему?

Одиссей тыльной стороной ладони стер с бороды кровь и сверкнул зубами:

— Эти птицы чуют кровь за десять лиг, а здесь на равнине сотни охотничьих пар.

Харман повернулся и побежал к соньеру за пакетами.

Ада заметила, что Сейви с Даэманом накачались вином еще до обеда.

Есть сели в стеклянной комнате, закрепленной на стене самой высокой опоры южной башни. Сейви разогрела готовую еду в обычном микроволновом пузыре, однако Ада смотрела как зачарованная — она никогда прежде не видела, чтобы человек готовил без посторонней помощи.

Во время обеда отсутствие сервиторов в жилых помещениях Золотых Ворот было еще заметнее.

Снаружи, на широкой опорной стойке моста, Одиссей соорудил грубую конструкцию из камней и железа и жег в ней дрова, которые прихватил на равнине. Начался дождь, и Одиссей разжег пламя еще жарче, чтобы оно не погасло. Отблески плясали на ржавчине и облупившейся оранжевой краске башни.

Глядя сквозь прозрачную зеленую стену и прихлебывая джин, Харман спросил:

— Это какой-то алтарь его языческим богам?

— Нет, — ответила Сейви, — так он готовит еду.

Она поставила тарелки и миски на круглый стол, за которым ждали остальные.

— Позови его, будь любезен, — сказала она Харману. — Наша еда остынет, пока он жжет свою, а с гор надвигается гроза. Не стоит стоять в грозу на конструкции моста.

Наконец все сели, и Одиссей поставил деревянные тарелки с дымящимся мясом на отдельную стойку, чтобы остальным не пришлось смотреть на обугленные куски. Сейви пустила по кругу вино. Когда она наливала себе, Ада расслышала ее шепот: *«Барух ата адонай элохейну мелех хаолам*

боре при агафен»[24].

— Что это значит? — тихо спросила Ада.

Все остальные смеялись над каким-то замечанием Даэмана и не обратили внимания на старухино бормотание. До сих пор Ада слышала другие языки только в туринской драме. Воины там говорили тарабарщиной, однако турины переводили каждое слово, так что каждый под пеленой понимал смысл, не слушая слов.

Сейви покачала головой: то ли сама не знала, то ли не желала объяснять.

— Я прошлась по всем уровням нашего моста и пузырей возле него, — возбужденно говорила Ханна. — Металл самого моста старый и ржавый, но… потрясающий. И еще в нижних помещениях есть странные металлические фигуры. Они просто стоят сами по себе, не как часть конструкций. Некоторые имеют форму людей.

Сейви издала лающий смешок. Она уже налила себе второй бокал, на сей раз без странного бормотания.

— Это статуи, — сказал Одиссей. — Скульптуры. Вы что, никогда их не видели?

Ханна медленно помотала головой. Хотя она

---

[24] Примечания: 24

Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь Вселенной, сотворивший плод виноградной лозы *(др.-евр.)*.

потратила годы, чтобы научиться плавить и отливать металл, мысль делать что-то в форме людей или других существ ее ошеломила. Аде это тоже казалось очень странным.

— Они не знают искусства, — резко сказала Сейви Одиссею. — У них нет ни скульптуры, ни живописи, ни ремесел, ни фотографии, ни голографии, ни даже генетических манипуляций. Ни музыки, ни танца, ни балета, ни спорта, ни пения. Ни драмы, ни архитектуры, ни театра Кабуки, ни пьес Но, ничего. В них не больше позывов к творчеству, чем у… неоперившихся птенцов. Впрочем, беру свои слова назад. Даже птицы умеют петь и строить гнезда. Эти нынешние элои — безголосые кукушки, живущие в чужих домах и не платящие за кров даже песней. — Язык у старухи начинал заплетаться.

Одиссей смотрел на Ханну, Аду, Даэмана и Хармана, но нельзя было сказать, что выражает его взгляд. Все четверо тем временем таращились на Сейви, не понимая, что ее так рассердило.

— Но с другой стороны, — продолжала Сейви, глядя на Одиссея, — у них и литературы нет. И у вас тоже.

Одиссей улыбнулся старухе. Ада узнала эту улыбку — точно с такой же он вырезал кусок

мяса из бока травоядного. Перед едой Одиссей вымылся, даже его седые кудри были чистые и расчесанные, но Ада по-прежнему мысленно видела кровь на его руках и бороде. Дело было не ее, но она подумала, что напрасно Сейви его поддразнивает.

— Что ж, человек дописьменный, познакомься с постписьменными людьми. — Сейви сделала широкий жест, словно представляя их друг другу, и подняла палец. — О, я забыла нашего друга Харман! Он Бальзак и Шекспир нынешнего выводка людей старого образца. Он читает примерно на уровне шестилетнего ребенка Потерянной Эпохи. Не так ли, Харман-ур? Ты шевелишь губами, складывая буквы в слова?

— Да, — улыбнулся Харман. — Я шевелю губами, когда читаю. Я не знал, что есть другой способ. Мне потребовалось четыре с лишним Двадцатки, чтобы достичь этого уровня.

Как догадывалась Ада, ее девяностодевятилетний друг понял, что его оскорбили, но не обиделся — его интересовало лишь, что Сейви скажет дальше.

Ада прочистила горло.

— Как называлось то животное, которое ты… убил… сегодня? — весело и звонко спросила она

Одиссея. — То первое, перед Ужасными птицами?

— Я думаю о них просто как о травоядных носошлепах, — сказал Одиссей. — Хочешь попробовать?

Он потянулся к стойке, взял деревянную тарелку с обугленным мясом и протянул Аде.

Та из вежливости выбрала самый маленький кусочек и вилкой переложила себе на тарелку.

— Я тоже попробую, — сказал Харман, и деревянная тарелка пошла по кругу.

Даэман и Ханна мрачно посмотрели на мясо, понюхали его, вежливо улыбнулись, однако брать не стали. Когда тарелка дошла до Сейви, та молча передала ее Одиссею.

Ада жевала самый маленький ломтик, какой только сумела отрезать. Это было потрясающе вкусно — вроде стейка, только сочнее и насыщеннее. Дым от костра придал мясу аромат, какого не бывало у еды из микроволновки. Она отрезала кусок побольше.

Одиссей ел с короткого острого ножа, который принес с собой, — резал мясо на тонкие полоски и кусал их с острия. Ада старалась не смотреть.

— Макраухения, — сказала Сейви (она ела салат и рис из микроволновки).

Ада подняла голову, думая, что старуха опять произносит странные ритуальные слова.

— Прошу прощения? — произнес Даэман.

— Макраухения. Так называется животное, которое наш греческий друг убил, а два наших друга теперь едят, как будто нет второго блюда. Они жили на этих южноамериканских равнинах пару миллионов лет, но вымерли до того, как в Южной Америке появились люди. Их возродили эрэнкашники в безумные годы после рубикона, до того как постлюди наложили запрет на беспорядочную реинтродукцию исчезнувших видов. Вернув макраухений, некоторые эрэнкашники решили, что разумно будет возродить и фороракосов.

— Форо… кого? — спросил Даэман.

— Фороракосов. Ужасных птиц. Доморощенные гении забыли, что эти птицы были главными хищниками Южной Америки на протяжении миллионов лет. По крайней мере, до прихода смилодонов из Северной Америки, когда уровень моря понизился и между материками возник сухопутный мост. Вы знали, что Панамский перешеек снова ушел под воду? Что материки опять разделились? — Старуха обвела их злыми пьяными глазами в спокойной уверенности, что никто

из них понятия не имеет, о чем она говорит.

Харман отпил вина.

— Нужно ли нам знать, кто такие смилодоны?

Сейви пожала плечами:

— Просто охрененно большие кошки с охрененно большими саблезубыми зубами. Они бы ели Ужасных птиц на завтрак, а их когтями ковыряли в саблезубах. Придурки-эрэнкашники возродили саблезубых, но не здесь. В Индии. Кто-нибудь знает, где она находится… находилась? Должна была находиться? Постлюди оторвали бы ее нахрен от Азии и разбили на гребаный архипелаг, если бы Хан Хо Теп им не помешал.

Все смотрели на нее.

— Спасибо за напоминание, — сказал Одиссей со своим акцентом и подошел к стойке. — Следующее блюдо, Ужасная птица. — Он принес на стол большую деревянную тарелку. — Уже некоторое время хотел попробовать, но до сего дня не было времени на нее поохотиться. Кто еще хочет?

Все, кроме Даэмана и Сейви, вызвались попробовать. Разлили по бокалам еще один кувшин вина. Снаружи бушевала гроза, молнии сверкали, озаряя седловину и развалины далеко внизу, а также тучи и зубчатые пики по обе стороны.

Ада, Харман и Ханна съели по кусочку бледно-

го птичьего мяса и обильно запили его водой и вином. Одиссей ел с ножа ломоть за ломтем.

— Похоже на… курятину, — сказала наконец Ада.

— Да, — подхватила Ханна. — Точно, на курятину.

— Курятину с необычным, насыщенным и горьковатым вкусом, — сказал Харман.

— Коршун, — сказал Одиссей. — Мне это напоминает коршуна. — Он откусил еще, прожевал и широко улыбнулся. — Когда я следующий раз буду готовить Ужасную птицу, я добавлю много соуса.

Пятеро молча ели разогретый в микроволновке рис, покуда Одиссей добавлял себе новые порции Ужасной птицы и макраухении, запивая их большим глотками вина. Пауза в разговоре могла бы показаться неловкой, если бы не гроза. Налетел ветер, молнии сверкали почти беспрерывно, озаряя мягко освещенную столовую белыми сполохами. Зеленый пузырь как будто даже немного раскачивался на ревущем ветру, и четверо гостей переглядывались с почти нескрываемой тревогой.

— Все в порядке, — сказала Сейви без прежней злости и не таким пьяным голосом, как будто

выплеснула всю горечь в недавних резких словах. — Париглас не проводит электричество, мы надежно закреплены. Пока стоит мост, мы не упадем. Хотя… — она допила вино и невесело улыбнулась, — строили его в незапамятные времена, и я не могу ручаться, что он выстоит.

Когда гроза немного утихла, а Сейви подала кофе и чай, разогретые в странного вида стеклянных емкостях, Ханна сказала:

— Одиссей-ур, ты обещал рассказать, как сюда попал.

— Ты хочешь, чтобы я спел обо всех моих злоключениях с тех пор, как мы с товарищами разграбили священные высоты Пергама? — мягко спросил тот.

— Да, — ответила Ханна.

— Хорошо. Но прежде, полагаю, Сейви-ур должна обсудить с вами одно дело.

Они посмотрели на старуху.

— Мне нужна ваша помощь, — сказала Сейви. — Веками я старалась не показываться в вашем мире, войниксам и другим наблюдателям, желающим мне зла. Однако Одиссей здесь не без причины, и наши цели совпадают. Я спрашиваю, готовы ли вы взять его в какой-нибудь из ваших домов, чтобы он познакомился и побеседовал с

вашими друзьями?

Ада, Харман, Даэман и Ханна обменялись взглядами.

— А почему он просто не факсует, куда хочет? — спросил Даэман.

Сейви мотнула головой:

— Одиссей, как и я, не может пользоваться факсами.

— Ерунда, — сказал Даэман. — Любой может…

Сейви вздохнула и вылила себе в бокал последние остатки вина.

— Мальчик мой, знаешь ли ты, что такое факс?

Даэман расхохотался:

— Конечно! Это способ попасть оттуда, где ты сейчас, туда, где хочешь быть.

— Но как это *работает*? — спросила Сейви.

Даэман затряс головой от старухиной непонятливости.

— Что значит «как»? Просто работает. Как сервиторы или водопровод. Заходишь в один факс-портал, выходишь из другого.

Харман поднял руку:

— Я думаю, Сейви-ур спрашивает, как работает машина, которая позволяет нам факсировать.

— Я тоже иногда об этом задумывалась, — сказала Ханна. — Я понимаю, как построить печь,

способную расплавить металл. А вот как соорудить факс-портал, который пересылает человека из одного места в другое… напрямик?

Сейви рассмеялась:

— Этого и не происходит, милые дети. Ваши факс-порталы никуда вас не пересылают. Они вас уничтожают. Разрывают на атомы. И даже атомы они не пересылают, а хранят для следующего, кто факсирует в этот узел. Пользуясь факсами, вы не перемещаетесь. Вы умираете, и вас воссоздают в другом месте.

Одиссей пил вино и глядел на убывающую грозу. Объяснения Сейви явно его не заинтересовали. Все остальные смотрели на нее.

— Но… — начала Ада. — Это… Это…

— Безумие, — сказал Даэман.

Сейви улыбнулась:

— Да.

Харман прочистил горло и поставил на стол чашку с кофе.

— Если нас разрушают при каждом факсе, Сейви-ур, как получается, что мы всё помним, когда… прибываем… куда-то еще? — Он поднял правую руку. — Или вот этот маленький шрам. Я получил его семь лет назад, когда мне было девяносто два. Обычно такие мелочи убирают в лазарете, где мы

бываем каждую Двадцатку…

Он умолк, словно и сам догадался.

— Да, — сказала Сейви. — Машинный разум факс-порталов помнит ваши мелкие изъяны, в точности как ваши воспоминания и клеточную структуру. Эта информация — *информация*, а не вы — пересылается между факс-узлами. Каждые двадцать лет ваши стареющие клетки обновляются — вы называете это «посетить лазарет». Но почему, по-вашему, вы исчезаете в сотый день рождения, Харман-ур? Почему перестаете обновляться, достигнув ста лет? И куда ты отправишься на следующий день рождения?

Харман промолчал, но ответил Даэман:

— На кольца, глупая женщина. На Пятой Двадцатке все мы возносимся на кольца.

— Чтобы превратиться в постлюдей. — Сейви только что не фыркнула. — Взойти на небеса и сесть одесную… кого-то.

— Д-да, — сказала Ханна, но скорее вопросительно.

— Нет, — ответила Сейви. — Не знаю, что происходит с вашими профилями, которые хранятся в логосфере до вашего сотого дня рождения, но точно знаю, что на кольца эти данные не пересылают. Возможно, их архивируют, но я подозреваю,

что просто уничтожают.

Второй раз за день Ада была близка к обмороку. И все же она первая обрела дар речи:

— Почему вы с Одиссеем-ур не можете пользоваться факс-узлами, Сейви-ур? Или не хотите?

Не хотите, чтобы вас уничтожили, чтобы атомы вашего тела расчленили, как туши травоядного и Ужасной птицы, которых мы сегодня ели?

Она окунула пальцы в стакан с водой и смочила щеки.

— Одиссей не может факсировать, потому что в логосфере нет записи о нем, — тихо сказала Сейви. — Первая же его попытка станет последней.

— В логосфере? — переспросил Харман.

Сейви опять покачала головой:

— Это сложная тема. Чересчур сложная для старухи, перебравшей вина.

— Но ты объяснишь нам в скором времени? — настаивал Харман.

— Я *покажу* вам завтра, — ответила Сейви. — Прежде чем наши пути разойдутся.

Ада поймала взгляд Хармана; тот едва скрывал возбуждение.

— Но эта логосфера, чем бы она ни была, — спросила Ханна, — хранит твою запись? От

факс-узлов? То есть ты *могла бы* факсировать?

Сейви печально улыбнулась:

— О да. Она помнит меня на протяжении более чем тысячи четырехсот лет с тех пор, когда я факсировала ежедневно. Логосфера ждет меня, словно невидимая Ужасная птица… и узнает меня в то мгновение, как я попытаюсь воспользоваться любым из ваших факс-порталов. Но и для меня эта попытка станет последней.

— Не понимаю, — сказала Ханна.

— Давайте отложим технические подробности на потом, — сказала Сейви. — Просто примите как факт, что мы с Одиссеем не можем пользоваться вашими ненаглядными факсами. И если бы я посетила ваше замечательное общество, прилетев на соньере, мне бы это стоило жизни.

— Почему? — удивился Харман. — В нашем мире нет насилия. Кроме как в туринской драме. И никто из нас не верит в ее реальность.

Он многозначительно глянул на Одиссея, однако тот не ответил ни словом, ни выражением лица.

Сейви допила последние капли вина.

— Просто поверьте, когда я говорю, что явиться в открытую для меня смерть. А также поверьте, что Одиссею необходимо пообщаться с людьми и

что это очень важно. Если я отвезу вас назад на соньере, готов кто-нибудь из вас принять его у себя дома на несколько недель? На месяц?

— На три недели, — довольно грубо перебил ее Одиссей, как будто его разозлило, что о нем говорят в третьем лице. — И ни днем дольше.

— Хорошо, — сказала Сейви. — На три недели. Предложит ли кто-нибудь из вас гостеприимство чужому в чужом краю?

— Разве его не подстерегает та же опасность, что и тебя? — спросил Даэман.

— Одиссей-ур в силах о себе позаботиться, — ответила Сейви.

С минуту все четверо молчали, пытаясь осмыслить неожиданную просьбу и ее обстоятельства. Первым заговорил Харман:

— Я охотно принял бы Одиссея, но еще мне хотелось бы посетить место, где, по твоим словам, Сейви-ур, может находиться космический корабль. Моя цель — кольца. Как ты сама заметила, я приближаюсь к Последней Двадцатке, и времени у меня мало. Я бы лучше потратил это время на поиски осушенного моря, в котором, ты говорила, постлюди держали что-то, способное долететь до э- и п-кольца. Возможно, если бы ты показала, как управлять соньером…

Сейви потерла виски, словно у нее разболелась голова.

— Средиземный бассейн? Туда не долететь, Харман-ур.

— Это запрещено?

— Нет. Просто не долететь. И соньер, и прочие воздушные машины не работают над бассейном. — Сейви сделала паузу и оглядела сидящих. — Однако туда можно дойти или доехать. Столетиями я пыталась проникнуть в Средиземный бассейн, но безуспешно, однако дорогу показать сумею. *Если* кто-нибудь из вас согласится приютить Одиссея на три недели.

— Я хочу с вами, — решительно заявила Ада.

— И я, — сказал Даэман. — Хочу увидеть этот-как-его-бассейн.

Харман глянул на него с удивлением.

— К черту все, — сказал Даэман. — Я не трус. Готов поспорить, я здесь единственный, кого сожрал аллозавр.

— Пью за это, — изрек Одиссей и осушил бокал.

Сейви перевела взгляд на Ханну:

— Остаешься ты, милая.

— Я бы с радостью, — ответила девушка, — но я мало факсирую и редко бываю на приемах. Я

живу с матерью, и она тоже нечасто собирает гостей.

— Боюсь, так не пойдет, — сказала Сейви. — Три недели — короткий срок, и надо начать с места, которое многие знают и где многие могут оставаться на недели. Ардис-Холл был бы идеален. — Она посмотрела на Аду.

— Откуда ты знаешь про Ардис-Холл, Сейви-ур? — спросила та. — И про то, как Харман читает, и про все остальное, если не можешь бывать среди нас или пользоваться факс-узлами?

— Я наблюдаю. Наблюдаю, жду и порой летаю в места, где могу с вами общаться.

— Горящий Человек, — сказала Ханна.

— И не только. — Сейви обвела сидящих глазами. — У вас усталый вид. Давайте я покажу вам ваши комнаты и вы ляжете баиньки? Завтра договорим. Тарелки можете оставить, я вымою.

Тарелки? Вымыть? Никому из них и в голову не приходила такая мысль. Ада огляделась и заново ощутила отсутствие сервиторов и войниксов.

Она хотела возразить, что спать еще рано, да и Одиссей не поведал свою историю. Потом глянула на своих спутников: у Ханны от усталости ввалились глаза, Даэман был пьян и клевал носом, на лице Хармана читался его возраст. Тут она по-

няла, что и сама без сил. День выдался тяжелый. Пора спать.

Одиссей остался за столом, а Сейви повела остальных по коридорам, озаряемым лишь далекими вспышками молний, потом по застекленному эскалатору, обвивающему башню Золотых Ворот, и по еще одному длинному коридору к спальням-пузырям на самом верху северной башни. Они не крепились к башне, только к стальному туннелю (южной стеной ему служил мост), и сами комнаты виноградной гроздью выдавались наружу.

Сейви указала Ханне на первую дверь в коридоре. Девушка боязливо замерла на пороге — в комнатушке прозрачным был даже пол. Ханна сделала шаг вперед — и тут же отпрыгнула в относительно прочный, застеленный ковром коридор.

— Здесь совершенно безопасно, — сказала Сейви.

— Ладно, — ответила Ханна и снова шагнула через порог.

Кровать стояла у дальней стены, а унитаз и душ, примыкающие к стене коридора, защищала от взглядов из других спальных пузырей сплошная перегородка, однако в остальном круглящиеся

стены и пол были настолько прозрачны, что Ханна отчетливо видела озаряемые молниями руины в восьми сотнях футов под собой.

Ханна осторожно прошла по стеклу и с облегчением села на непрозрачную кровать. Остальные трое рассмеялись и зааплодировали.

— Если ночью я захочу в туалет, мне может не хватить духу снова пройти по полу, — сказала Ханна.

— Привыкнешь, Ханна-ур, — ответила Сейви. — Ты можешь открывать и закрывать дверь голосовыми командами, и она настроена только на твой голос.

— Дверь, закройся, — сказала Ханна.

Диафрагма двери закрылась.

Сейви отвела каждого к его комнатушке, сперва Даэмана (он, пошатываясь, добрел до кровати без всякого страха перед пустотой), затем Хармана, который, прежде чем закрыть дверь, пожелал ей и Аде спокойной ночи, и, наконец, Аду.

— Спи крепко, милая, — сказала Сейви. — Рассветы здесь очень красивые, и, надеюсь, тебе понравится утренний вид. Увидимся за завтраком.

На постели лежала шелковая ночная сорочка. Ада зашла за загородку, быстро приняла горячий

душ, высушила волосы, оставила одежду на тумбочке возле раковины, надела шелковую ночную сорочку, легла под одеяло и, повернувшись к прозрачной стене, стала смотреть на горные пики. Гроза ушла на восток, молнии подсвечивали тучи изнутри, а ближайшие вершины и седловину уже заливал лунный свет. Ада посмотрела на мост и развалины далеко внизу. Как там говорил Одиссей? Только ягуары, бурундуки и привидения? Глядя на древние серые камни в сиянии луны, Ада почти верила в призраков.

В дверь негромко постучали.

Ада на цыпочках прошла по холодному полу и приложила пальцы к металлической диафрагме.

— Кто там?

— Харман.

Сердце у Ады подпрыгнуло. В глубине души она надеялась, мечтала, что Харман придет к ней этой ночью.

— Дверь, откройся, — шепнула она и отступила назад, мельком глянув на свое отражение в стене и отметив, какими белые кажутся в лунном свете ее руки и тонкая сорочка.

Харман шагнул внутрь и подождал, когда Ада шепнет двери закрыться. На нем была синяя шелковая пижама. Ада думала, что сейчас он ее

обнимет, подхватит на руки, отнесет на мягкую постель у прозрачной круглящейся стены. Каково это — заниматься любовью, когда будто плывешь над облаками, над горными вершинами?

— Мне нужно с тобой поговорить, — тихо сказал Харман.

Ада кивнула.

— Думаю, важно, чтобы Одиссей провел следующие недели в правильном месте, — сказал он. — И я не считаю квартиру Ханниной матери таким местом.

Ада, чувствуя себя по-дурацки, скрестила руки на груди. Ей казалось, что она ощущает через стекло холодный ветер с горы.

— Ты не знаешь, что Одиссею нужно и для чего, — прошептала она.

— Да, но, если он и правда Одиссей, это может быть *очень* важно.

В груди у Ады закипела злоба. Кто он такой, чтобы ей приказывать?

— Если ты считаешь, что это так важно, отчего бы тебе не пригласить его к себе домой?

— У меня нет дома, — ответил Харман.

Ада заморгала, силясь понять. У всех есть дом.

— Я много лет провел в странствиях, — сказал Харман. — У меня есть только то, что я могу во-

зить с собой. За исключением книг, которые я собрал, они хранятся в пустой квартирке в Парижском Кратере.

Ада открыла было рот, но не придумала, что сказать. Харман подошел к ней так близко, что она чувствовала запах мыла и мужского тела. Он тоже принял душ, прежде чем прийти к ней. «Займемся мы любовью после этого разговора?» — подумала Ада. Ее гнев схлынул так же быстро, как накатил.

— Мне надо попасть в Средиземный бассейн вместе с Сейви, — сказал Харман. — Шестьдесят с лишним лет я ищу способ попасть на э- и п-кольцо, Ада. Быть так близко… я не могу отказаться.

Ада снова рассердилась:

— Но я хочу отправиться с тобой. Увидеть Бассейн… найти космический корабль, полететь на кольца. Потому и помогала тебе в последние несколько недель.

— Знаю. — Он коснулся ее плеча. — И мне бы тоже хотелось, чтобы мы отправились вместе. И все же дело с Одиссеем, быть может, важнее.

— Да, но…

— У Ханны мало знакомых. И ей негде принимать гостей.

— Да, но…

— А твой Ардис-Холл подошел бы идеально, — прошептал Харман.

Он убрал ладонь с ее плеча, но смотрел все так же настойчиво. За округлым прозрачным потолком горели звезды.

— Знаю. — Аде было горько; она разрывалась между своими желаниями. — Но мы даже не знаем, что этому Одиссею нужно… и кто он на самом деле.

— Да, — прошептал Харман. — Но лучший способ это узнать — поселить его у тебя на то время, когда я буду искать космический корабль в Средиземном бассейне. Обещаю тебе, что, если найду корабль, способный долететь до колец, я за тобой вернусь.

Ада медлила. У нее было чувство, что, если не говорить, Харман ее поцелует.

Внезапно полыхнула молния уходящей грозы, и прозрачно-зеленые стены содрогнулись от громового раската.

— Ладно, — прошептала Ада. — Я поселю Одиссея у себя на три недели и позову Ханну мне помогать. Но только если ты пообещаешь взять меня на кольца, если найдешь способ туда попасть.

— Обещаю, — сказал Харман.

И тут он действительно ее поцеловал, но всего лишь в щеку. По-отечески, подумала Ада, хоть и не знала своего отца.

Харман шагнул было к выходу, однако раньше, чем Ада приказала двери открыться, повернулся обратно.

— Что ты думаешь об Одиссее? — спросил он.

— В каком смысле? Думаю ли я, что он и вправду Одиссей?

— Нет, что ты о нем думаешь? Он тебе интересен?

— Его история, ты хочешь сказать? Мне любопытно, но я должна его послушать, прежде чем решу, верить ли ему или нет.

— Нет, я… — Харман запнулся и потер подбородок. — Интересен ли он тебе сам? Тебя к нему тянет?

Ада невольно рассмеялась. На востоке раскатился эхом далекий гром.

— Ты идиот! — сказала она наконец, затем сама подошла к Харману, обняла его и поцеловала в губы.

Несколько секунд Харман не отвечал на поцелуй, затем обнял ее и прижал к себе. Через разделявший их тонкий шелк Ада чувствовала его растущее возбуждение. Лунный свет теплым

молоком тек по их лицам и рукам. Внезапно сильный порыв ветра налетел на мост, и спальный пузырь закачался под ногами.

Харман поднял Аду на руки и понес на кровать.

20. Море Тетис на Марсе

— Думаю, именно из-за Фальстафа я разлюбил Барда.

— Что-что? — переспросил Манмут по кабелю.

Он был очень занят — вел умирающую лодку, дающую жалкие восемь узлов, ко все еще не видимому берегу, пытался удержать контроль за ее сохранившимися функциями, высматривал через перископный буй вражеские колесницы и мрачно думал, как маловероятно обоим моравекам уцелеть. Орфу молчал в темном затопленном трюме два с лишним часа. И теперь вот.

— Так что насчет Фальстафа? — спросил Манмут.

— Я просто сказал, что он заставил меня отвернуться от Шекспира и увлечься Прустом, — ответил Орфу.

— Мне казалось, что Фальстаф должен тебе нравиться, — сказал Манмут. — Он такой забавный.

— Я действительно любил Фальстафа, — сказал Орфу. — Даже воображал себя им. Хотел быть им. Какое-то время я думал, что похож на Фальстафа внешне!

Манмут попытался себе это представить и не смог. Он вернулся к функциям подлодки и перископу.

— И отчего твои взгляды изменились? — спросил он.

— Помнишь сцену в пьесе «Генрих Четвертый, часть первая», где Фальстаф находит на поле боя тело Генри Перси — Готспера?

— Да, — сказал Манмут.

Перископ и радар подтверждали: небо чисто от колесниц. Ночью Манмуту пришлось отключить неисправный реактор, в аккумуляторах осталось четыре процента заряда. Лодка шла теперь со скоростью шесть узлов, и мощность продолжала падать. Манмут понимал, что скоро должен будет вновь поднять «Смуглую леди» к поверхности. При каждом всплытии он заполнял свою нишу марсианским воздухом и дышал им до последнего, а весь корабельный кислород направлял Орфу. Не предполагалось, что лодка будет впускать внутрь европеанскую «атмосферу»; чтобы набрать марсианского воздуха, ему пришлось отключить десяток протоколов безопасности.

— Фальстаф пронзает Готсперу ногу, дабы убедиться, что тот мертв, — сказал Орфу, — а потом тащит убитого на спине, намереваясь приписать

победу себе.

— Ну да, — сказал Манмут.

По данным MPS, они были в тридцати километрах от берега, но в перископ его Манмут не видел, а направлять радар на сушу не хотел. Он собирался продуть балластные резервуары и снова всплыть, но был готов экстренно погрузиться, если что-нибудь появится на радаре.

— «Главное достоинство храбрости — благоразумие, и именно оно спасло мне жизнь»[25], — процитировал он. — Все шекспировские комментаторы, которых я читал: Блум, Годдард, Бредли, Морганн, Хэзлитт и даже Эмерсон, — говорят, что Фальстаф, возможно, величайший из созданных Шекспиром персонажей.

— Да. — Орфу замолчал, дожидаясь, когда закончится продувка балластных резервуаров и лодка перестанет грохотать и трястись. Когда наступила тишина, нарушаемая лишь плеском волн, он продолжил: — Но я нахожу его омерзительным.

— Омерзительным?

Лодка вырвалась на поверхность. Только-

---

[25] Примечания: 25

«Главное достоинство храбрости — благоразумие, и именно оно спасло мне жизнь»… — Здесь и далее цитаты из «Генриха IV» приведены в переводе Е. Бируковой.

только рассвело, и солнце — куда больше яркой звезды, под которой рос на Европе Манмут, — еще не до конца вышло из-за горизонта. Манмут открыл клапаны и вдохнул свежий соленый воздух.

— «Чем он проявил себя, кроме обмана и подлости? Какие у него достоинства? — Никаких. Какие недостатки? — Все решительно», — сказал Орфу.

— Но принц Хэл говорил это в шутку.

Манмут решился идти в надводном положении. Это было гораздо опаснее — пока они шли под водой, радар засекал летающую колесницу каждые час или два, — но на поверхности они могли делать восемь узлов и на дольше растянуть заряд аккумуляторов.

— Разве? — переспросил Орфу. — В пьесе «Генрих Четвертый, часть вторая» он отрекается от старого бахвала.

— И Фальстаф из-за этого умирает, — сказал Манмут, вдыхая чистый воздух и думая про Орфу в темном затопленном трюме, о том, что тот связан с жизнью лишь кислородным шлангом и кабелем связи. Уже первое всплытие показало, что ионийца не вытащить наружу, пока они не достигнут суши. — «Король разбил ему сердце», — сказал он, цитируя миссис Куикли.

— Я решил, что негодяй получил по заслугам, — возразил Орфу. — Когда его отправили за рекрутами для войны с Перси, он за взятки отпустил всех стоящих молодчиков и набрал один сброд. Тех, кого назвал «пушечным мясом».

«Смуглая леди», ускорив ход, рассекала невысокие волны. Манмут по-прежнему следил за радаром, сонаром и перископом.

— Все говорят, что Фальстаф как персонаж куда интереснее принца Хэла, — сказал он. — Смешной, реалистичный, антивоенный, остроумный. Хэзлитт писал, что «счастье свободы, обретенной в юморе, и есть сущность Фальстафа».

— Да, — сказал Орфу. — Однако что это за свобода? Высмеивать все и вся? Воровать и трусить?

— Сэр Джон был рыцарем, — сказал Манмут и внезапно задумался, что все это говорит Орфу — насмешливый комментатор причуд моравекского бытия. — Ты говоришь скорее как Корос Третий.

Орфу зарокотал:

— Мне никогда не стать воином.

— Был ли воином Корос? Думаешь ли ты, что он убивал моравеков в миссии к Поясу астероидов? — полюбопытствовал Манмут.

— Мы никогда не узнаем, что произошло в

Поясе астероидов, — ответил Орфу. — Вряд ли Корос стремился к убийству больше любого из нас, миролюбивых моравеков. Однако его учили лидерству и чувству долга — тому, что Фальстаф высмеивал даже в своем любимом принце Хэле.

— И ты считаешь, что нас сюда привел долг, — сказал Манмут.

На юге различалась дымка.

— Что-то в этом роде.

— И ты считаешь, что тебе потребуется быть больше Готспером, нежели Фальстафом?

Орфу с Ио снова зарокотал:

— Быть может, поздно об этом думать. Поздновато для таких мыслей. «Я долго время проводил без пользы, зато и время провело меня»[26].

— Это не Фальстаф.

— «Ричард Второй», — донесся голос из трюма.

— И ты считаешь себя слишком старым для того, что ждет впереди? — спросил Манмут, сам гадая, что ждет их впереди.

— Ну, я чувствую себя немного староватым, безглазым, безногим, безруким, беззубым и беспанцирным, — сказал иониец.

— Зубов у тебя отродясь не было, — ответил

---

[26] Примечания: 26

«Я долго время проводил без пользы, зато и время провело меня». — У. Шекспир. Ричард II. Акт V, сц. 5. Перев. М. Донского.

Манмут.

Миссия Короса заключалась в том, чтобы провести разведку в районе вулкана Олимп и доставить Устройство из трюма подлодки как можно ближе к вершине. Однако «Смуглая леди» при смерти, и Орфу, возможно, тоже умирает. Даже если они дотянут до берега и Орфу выживет, иониец не сможет ни видеть, ни передвигаться, ни позаботиться о себе. Как Манмуту доставить Устройство через три тысячи километров суши, да еще чтобы их с Орфу не обнаружили и не уничтожили люди на колесницах?

«Об этом будешь думать, когда доведешь „Леди“ до берега и вытащишь Орфу из трюма, — сказал он себе. — Незачем забегать вперед». В голубом небе не было ничего угрожающего, но Манмут чувствовал себя как на ладони. Орфу он сказал:

— Есть ли у твоего друга Пруста какой-нибудь совет?

Орфу с рокотом прочистил горло:

> *В старых годах*
>
> *Есть честь своя и свой достойный труд*[27].

---

[27] Примечания: 27

В старых годах / Есть честь своя и свой достойный труд. — А. Теннисон. Улисс. перев. К. Бальмонта.

Смерть замыкает все. Но благородным

Деянием себя отметить можно

Перед концом…

Плывем, друзья, пока не слишком поздно

Нам будет плыть, чтоб новый мир найти…

Многих нет,

Но многие доныне пребывают.

И нет в нас прежней силы давних дней,

Что колебала над землей и небо,

Но мы есть мы. Закал сердец бесстрашных,

Ослабленных и временем и роком,

Но сильных неослабленною волей

Искать, найти, дерзать, не уступать.

— Ты не убедишь меня, что это Пруст, — сказал Манмут.

Дымка на юге рассеивалась.

— Нет, — сказал Орфу. — Это «Улисс» Теннисона.

— Кто такой Улисс?

— Одиссей.

— Кто такой Одиссей?

Ответом ему было потрясенное молчание. Наконец Орфу сказал:

— Ах, мой друг, такой пробел в твоем превосходном образовании необходимо устранить. Нам лучше как можно больше знать о…

— Погоди-ка, — сказал Манмут. И через минуту повторил: — Погоди-ка.

— В чем дело?

— Земля. Я вижу землю.

— Что-нибудь еще? Какие-то подробности?

— Сейчас настрою увеличение.

Орфу ждал, потом не выдержал:

— Ну?

— Каменные лица, — сказал Манмут. — Я вижу каменные лица — в основном на вершине береговых обрывов. Тянутся на восток за горизонт.

— Только на восток? А на запад?

— Туда — нет. Головы кончаются как раз передо мной. И я вижу движение. Сотни людей — или кто они там — суетятся на береговых обрывах и внизу, на пляже.

— Нам лучше погрузиться, — сказал Орфу. — Дождемся темноты и тогда подойдем к берегу. Найдем океанскую пещеру, куда ты сможешь

провести «Леди» невидимо…

— Поздно. Жизнеобеспечение и двигатели не протянут больше сорока минут. К тому же эти существа перестали тащить каменные головы на запад и бегут к берегу. Сотнями. Нас заметили.

21. Илион

Я мог бы рассказать вам, что значит заниматься любовью с Еленой Прекрасной. Но не буду. И не только потому, что это не по-джентльменски. Просто такие подробности к делу не относятся. Скажу лишь: разыщи меня мстительная Муза или взбешенная Афродита в тот миг, когда мы после первого приступа страсти лежали на взмокших простынях, все еще тяжело дыша и чувствуя прохладный ветерок — предвестник грозы, так вот, если бы Муза или богиня ворвались в чертог и убили меня тогда — я мог бы сказать, что краткая вторая жизнь Томаса Хокенберри была счастливой. Во всяком случае, она закончилась бы на высокой ноте.

Через минуту этого совершенного счастья Елена приставила мне к животу кинжал.

— Кто ты такой? — требовательно спросила она.

— Я твой… — начал я и осекся. Что-то глазах Елены помешало мне соврать.

— Только скажи, что ты мой новый муж, и я воткну клинок в твои внутренности, — спокойно

проговорила она. — Если ты бог, тебе это не повредит. Но если нет…

— Нет, — выдавил я.

Под острием кинжала выступила капелька крови. *Откуда здесь кинжал? Лежал ли он под подушкой все время, пока мы предавались страсти?*

— Если ты не бог, то как принял облик Париса?

Я сообразил: передо мной Елена Прекрасная, смертная дочь Зевса. В ее мире боги и богини то и дело спят со смертными, оборотни, божественные и не только, разгуливают среди людей, а причинно-следственные связи не имеют ничего общего с привычными для нас понятиями.

— Боги дали мне способность мор… изменять облик.

— Кто ты? — спросила она. — Что ты такое?

В ее ровном голосе не слышалось ни злости, ни особого возмущения. Страх или ненависть не исказили ее идеальные черты. Однако острие по-прежнему впивалось в мой живот. Красавица ждала ответа.

— Меня зовут Томас Хокенберри. Я схолиаст.

Я знал, что она все равно ничего не поймет. Мне и самому мое имя казалось странным, слишком резким для напевной античной речи.

— Тоу-мас Хок-эн-беа-уиии, — повторила Елена. — Звучит по-персидски.

— Нет, — сказал я. — Вообще-то, у меня смешанное голландско-немецко-ирландское происхождение.

Елена нахмурилась, и я понял, что, на ее взгляд, не просто говорю бессмыслицу, а и смахиваю на сумасшедшего.

— Одевайся, — сказала она. — Потолкуем на террасе.

Просторная спальня Елены имела две террасы: одна выходила во дворик, другая наружу, на юго-восточную часть города. Моя левитационная сбруя и прочее снаряжение — за исключением квит-медальона и морфобраслета, которые оставались на мне, — лежали по другую сторону занавеси на выходящей во двор террасе. Елена повела меня на другую. Мы оба были в тонких одеяниях. Елена не выпускала из рук короткий, остро заточенный клинок. Мы стояли у перил в отраженном свете города и редких вспышках молний.

— Ты бог? — спросила Елена.

Я чуть было не ответил «да» — тогда она наверняка убрала бы нож от моего живота, — но меня внезапно, горячо и неудержимо потянуло для

разнообразия сказать правду.

— Нет, — сказал я, — не бог.

Она кивнула:

— Я знала, что ты не бог. Если бы ты сейчас соврал, я бы выпотрошила тебя, как рыбу. — Она мрачно усмехнулась. — Ты любишься не как бог.

М-да, подумал я, но ответить на это было нечего.

— Как ты смог принять облик Париса? — спросила Елена.

— Боги дали мне такую способность, — ответил я.

— Зачем?

Острие кинжала было в дюймах от моей груди, прикрытой одним лишь хитоном.

Я пожал плечами, потом сообразил, что этот жест еще не вошел в обиход, и сказал:

— Они дали мне эту способность ради своих целей. Я им служу. Наблюдаю за битвами и докладываю богам. Это проще делать в обличье… других людей.

Елену как будто вовсе не удивили мои слова.

— Где мой троянский любовник? Что ты сделал с настоящим Парисом?

— С ним все в порядке. Как только я покину его оболочку, он вернется к тому, чем занимался,

когда я морфировал… принял его облик.

— Где он будет? — спросила Елена.

Вопрос меня слегка удивил.

— Там, где был, когда я позаимствовал его оболочку, — ответил я. — Думаю, он как раз выходил из города, чтобы присоединиться к Гектору в завтрашней битве.

Вообще-то, когда я морфирую из облика Париса, Парис окажется ровно в том месте, где оказался бы, если бы я не позаимствовал его личность, — будет спать в палатке, или сражаться, или трахать рабыню в лагере Гектора. Но не объяснять же такое Елене! Вряд ли ее увлекла бы лекция о волновых функциях вероятности и квантово-темпоральном синхронизме. Я не сумел бы объяснить, почему ни Парис, ни окружающие, скорее всего, не заметят его отсутствия или как события могут все равно принять изложенный в «Илиаде» ход, как будто я не прервал коллапс вероятностных волн в этой темпоральной линии. Разрыв квантовой последовательности может сомкнуться, как только я выйду из чужой оболочки.

Черт, я и сам ничего этого не понимал.

— Покинь его тело, — приказала Елена. — Покажи, каков ты на самом деле.

— Госпожа, если… — запротестовал было я.

Она молниеносно взмахнула рукой, лезвие рассекло шелк и кожу, по животу у меня потекла теплая кровь.

Медленно, очень медленно я поднял правую руку, раскрыл меню функций и коснулся значка на морфобраслете.

И вновь стал Томасом Хокенберри: ниже ростом, худощавее, неповоротливей, со слегка близоруким взглядом и редеющей шевелюрой.

Елена сощурилась и стремительно — настолько стремительно, что я не поверил своим глазам, — двинула кинжалом вверх. Раздался треск разрезаемой… нет, к счастью, не плоти, а всего лишь пояса и шелкового хитона.

— Не двигайся, — прошептала Елена Прекрасная и свободной рукой сорвала одежду с моих плеч.

Я стоял голый и бледный перед этой величественной женщиной. Моя фотография в этот миг могла бы послужить идеальной словарной иллюстрацией слова «жалкий».

— Можешь одеваться, — сказала Елена Троянская через минуту.

Я натянул хитон обратно. Пояса больше не было, половинки одеяния пришлось держать

руками. Елена как будто задумалась. Несколько минут мы стояли на террасе молча. Даже в столь поздний час высокие башни Илиона озарялись факелами. На далеких укреплениях горели дозорные огни. Далее на юге, за Скейскими воротами, полыхали погребальные костры. На юго-западе в грозовых тучах вспыхивали молнии. Звезд не было, в воздухе пахло дождем, идущим со стороны Иды.

— Как ты узнала, что я не Парис? — спросил я наконец.

Елена вышла из задумчивости и чуть заметно улыбнулась.

— Женщина может забыть, какого цвета у ее любовника глаза, как он говорит или смеется, даже какая у него фигура, но она не может забыть, как он любится.

Теперь уже я удивленно заморгал, и не только из-за резкой прямоты ее слов. Гомер буквально воспевал царственную наружность Париса, сравнивал его с жеребцом, «раскормленным в стойле», когда царевич в эту самую ночь бежал присоединиться к Гектору в битве. «Гордый собой. Высоко голова. По плечам его грива играет… Полон сознаньем своей красоты он. Мчат его легкие ноги…» Парис был, выражаясь языком моей

прошлой жизни, «дико сексапильный чувак». И в постели с Еленой у меня были его струящиеся кудри, бронзовый торс, умащенные мускулы, накаченный живот и…

— У тебя пенис больше, — сказала Елена.

Я вновь сморгнул. На этот раз дважды. Правда, она употребила другое слово — не «пенис», ибо латынь еще не возникла как самостоятельный язык, а греческое жаргонное, ближе к нашему «хер». Но такого просто не могло быть. Когда мы занимались любовью, у меня был пенис Париса…

— Нет, я не поэтому отличила тебя от моего любовника, — сказала Елена, словно прочитав мои мысли. — Это просто наблюдение.

— Так как…

— Да, — сказала Елена, — я отличила тебе по тому, как ты меня любил, Хок-эн-беа-уиии.

Я не знал, что на это ответить. А если бы и знал, все равно не смог бы произнести ни звука.

Елена снова улыбнулась:

— В первый раз мы были с Парисом не в Спарте, где он меня соблазнил, и не в Илионе, куда потом отвез, а на островке Кранае по пути сюда.

Я не знал островка под названием Краная; в переводе с древнегреческого это значит просто

«скалистый». Я решил, что Парис в обратном плавании высадился на безыменном каменистом островке, чтобы переспать с Еленой не на глазах у гребцов. Из чего можно заключить, что Парис был… нетерпелив. «Как и ты сам, Хокенберри», — заметил внутренний голос, немного похожий на пробудившуюся совесть. Слишком поздно она пробудилась.

— С тех пор мы имели друг друга сотни раз, — тихо продолжала Елена. — Но так, как сегодня, не было никогда. Никогда.

Мамочки. Что это… похвала? Я так хорош или… Стоп! Ерунда. В поэме Гомер на каждом шагу превозносит богоподобный облик и чары Париса, великого любовника, перед которым не устоять ни смертной женщине, ни богине, а значит, Елена имела в виду…

— Ты, — прервала мои смущенные думы Елена, — ты… *старался*.

Старался. Я потуже запахнул хитон и, чтобы скрыть замешательство, стал смотреть на приближающуюся грозу. Старался!..

— Искренне, — продолжала она.

Я не мог больше слышать, как она подбирает синонимы к слову «жалкий». Наверное, если бы она не прекратила, я бы вырвал у нее кинжал и

перерезал себе глотку.

— Это боги отправили тебя ко мне? — спросила она.

Я опять задумался, не соврать ли. Наверняка даже эта волевая женщина не станет убивать посланца богов. И я снова выбрал правду. Елена Прекрасная почти телепатически читала мои мысли. И говорить для разнообразия правду было приятно…

— Нет, никто меня не отправлял.

— Ты пришел сюда ради того, чтобы мною овладеть?

Что ж, по крайней мере, сейчас она употребила менее грубое слово.

— Да, — сказал я. — То есть нет.

Она смотрела на меня. Где-то в городе громко захохотал мужчина, затем к нему присоединилась женщина. Илион никогда не спит.

— В смысле, мне было одиноко, — сказал я. — Меня забрали сюда на все время войны одного, мне не с кем было поговорить, не к кому прижаться.

— Ко мне ты очень даже прижимался, — перебила она, не то насмехаясь, не то обвиняя.

— Да, — ответил я.

— Ты женат, Хок-эн-беа-уиии?

— Да. Нет. — Я замотал головой, чувствуя себя последним идиотом. — Думаю, что когда-то я был женат, но если был, моя жена умерла.

– *Думаешь*, что был женат?

— Боги перенесли меня на Олимп через пространство и время, — сказал я, зная, что она не поймет, но мне было все равно. — *Думаю*, я умер в той жизни, а они каким-то образом меня воскресили. Однако мне не вернули всех воспоминаний. Образы из моей настоящей жизни, прошлой жизни, мелькают… как сны.

— Понимаю, — ответила Елена.

И по ее тону я почувствовал, что она каким-то удивительным образом и впрямь понимает.

— Какому именно богу или богине ты служишь, Хок-эн- беа-уиии?

— Я подчиняюсь одной из муз, однако только вчера узнал, что моей судьбой управляет Афродита.

Елена глянула на меня удивленно.

— Как и моей, — тихо сказала она. — Только вчера, спасши Париса из схватки с Менелаем и вернув его на наше ложе, Афродита велела мне идти к нему. Когда я отказалась, она пришла в ярость и угрожала навлечь на меня убийственную свирепость (это ее слова) и троянцев, и

ахейцев…

— Богиня любви… — негромко произнес я.

— Богиня похоти, — сказала Елена. — А я много знаю о похоти, Хок-эн-беа-уиии.

И снова я не нашел что ответить.

— Моей матерью была Леда, называемая дочерью Ночи, — будничным тоном сообщила Елена. — Зевс овладел ею в обличье лебедя — огромного похотливого лебедя. В нашем доме была фреска, изображающая моих старших братьев у алтаря Зевса. И меня — в виде яйца, из которого я вот-вот вылуплюсь.

Тут я не сдержался и громко прыснул. Живот непроизвольно сжался, ожидая удара холодной стали.

Елена широко улыбнулась.

— Да, — сказала она. — Я знаю про похищения и про то, каково быть пешкой богов, Хок-эн-беа-уиии.

— Ну да, — сказал я. — Когда Парис появился в Спарте…

— Нет, — перебила Елена. — Когда мне было одиннадцать, Хок-эн-беа-уиии, меня похитил из храма Артемиды Орфийской Тезей, афинский царь и объединитель аттических земель. Тезей меня обрюхатил. Я родила девочку, Ифигению,

к которой не чувствовала любви, поэтому отдала ее Клитемнестре, чтобы они с Агамемноном растили ее как свою. Братья избавили меня от ненавистного брака и привезли назад в Спарту. Тезей отправился с Гераклом в поход против амазонок, женился на одной из них, вторгся в Аид, а также исследовал лабиринт Минотавра на Крите.

У меня голова пошла кругом. У каждого грека, троянца или бога была история, которую они готовы рассказывать по поводу и без повода. При чем это здесь?..

— Я знаю о похоти, Хок-эн-беа-уиии, — продолжала Елена. — Великий Менелай взял меня в жены, хотя такие мужчины предпочитают девственниц, любят чистоту своей породы больше жизни. Взял, хотя в глазах света, любящего девственниц, я была порченой. А потом явился Парис, наученный Афродитой, и снова похитил меня, увез на черном корабле в Трою, точно… добычу.

Она умолкла и теперь как будто изучала меня. Что я мог ответить? За ее холодными ироничными словами открывалась черная бездна горечи. И даже не горечи, понял я, глядя в ее глаза, а тоски. И смертельной усталости.

— Хок-эн-беа-уиии, — продолжала Елена, — считаешь ли ты меня прекраснейшей женщиной в мире? Пришел ли ты меня похитить?

— Нет, я здесь не для того, чтобы тебя похитить. Мне некуда тебя увезти. Мои дни сочтены. Я обманул мою Музу и ее госпожу Афродиту. Когда Афродита исцелится от ран, которые нанес ей вчера Диомед, она сотрет меня с лица земли. И это так же точно, как то, что мы сейчас стоим на этой террасе.

— Правда? — спросила Елена.

— Да.

— Идем в постель… Хок-эн-беа-уиии.

Я просыпаюсь в серую предрассветную пору, всего через несколько часов после двух наших последних бурных соитий, однако чувствуя себя полностью отдохнувшим. Лежу спиной к Елене, но каким-то образом понимаю, что и она уже не спит на широком ложе с резными столбиками.

— Хок-эн-беа-уиии?

— Что?

— Как именно ты служишь Афродите и прочим богам?

С минуту я размышляю, затем перекатываюсь лицом к ней. Прекраснейшая женщина в мире лежит в тусклом свете, опершись на локоть, ее

длинные темные волосы, спутанные после ночи любви, струятся по обнаженному плечу и руке. Глаза с расширенными зрачками пристально смотрят на меня.

— О чем ты? — спрашиваю я, хотя и сам догадался.

— Зачем боги перенесли тебя через время и пространство, как ты сказал? Что ты знаешь такого, что им требуется?

Я на миг закрываю глаза. Что ответить? Сказать правду будет чистым безумием. Но, как я уже признавался, мне страшно надоело врать.

— Я знаю кое-что о войне, которая сейчас идет. Некоторые события, которые произойдут… могут произойти.

— Так ты оракул?

— Нет.

— Прорицатель? Жрец, которому кто-то из богов даровал способность видеть будущее?

— Тоже нет.

— Тогда не понимаю, — говорит Елена.

Я сажусь и придвигаю под спину подушки. Снаружи еще темно, но во дворе начинает щебетать птица.

— В моем мире, — шепчу я, — есть песня, поэма о нынешней войне. Она называется «Илиада».

До сих пор события настоящей войны довольно близки к тому, что описано в этой песне.

— Ты говоришь так, будто в твоих краях эта осада и война — давняя история, — говорит Елена. — Как будто там это уже произошло.

Не признавайся ей. Это будет безумием.

— Да, — говорю я. — Так и есть.

— Ты — одна из Судеб.

— Нет. Обычный человек. Мужчина…

Елена лукаво улыбается:

— Это я знаю, Хок-эн-беа-уиии. — Она касается ложбинки между грудей, на которых я лежал в изнеможении этой ночью.

Я краснею, провожу ладонью по лицу. Щетина уже колется. И не побреешься, в казармы теперь нельзя… *Какая разница? Тебе осталось жить несколько часов.*

— Если я спрошу о будущем, ты ответишь? — пугающе тихо спрашивает она.

Это было бы безумием.

— На самом деле я не знаю нашего будущего, — мямлю я. — Только подробности из песни, и между ней и настоящими событиями было много расхождений.

Елена кладет мне руку на грудь:

— Ты ответишь на мои вопросы о будущем?

— Да.

— Илион обречен? — Ее голос по-прежнему спокоен и тих.

— Да.

— Его возьмут силой или хитростью?

Бога ради, не говори ей, думаю я.

— Хитростью.

Теперь Елена и впрямь улыбается.

— Одиссей, — шепчет она.

Я молчу. Может, если не выдавать подробностей, мои откровения не слишком повлияют на ход событий?

— Погибнет ли Парис до падения Трои? — спрашивает она.

— Да.

— Кто его убьет? Ахиллес?

Никаких подробностей! — кричит совесть.

— Нет, — говорю я.

Пропади все пропадом.

— А благородный Гектор?

— Смерть, — отвечаю я, чувствуя себя безжалостным судьей-вешателем.

— От руки Ахиллеса?

— Да.

— А сам Ахиллес? Вернется ли он с войны живым?

— Нет.

Он будет обречен с той минуты, как убьет Гектора, и знает об этом давно… из пророчества, которое носит в себе, словно раковую опухоль. Долгая благополучная жизнь или слава? Гомер сообщает, что это было… будет решением, которое он должен принять. Однако, согласно пророчеству, если он выберет долгую жизнь, то останется в памяти людей обычным человеком, а не полубогом, каким сделается, если убьет Гектора в поединке. Но у него есть выбор. Судьба не предрешена!

— А царь Приам?

— Смерть, — хрипло шепчу я.

Его убьют в собственном дворце, у Зевсова алтаря; изрубят на куски, словно жертвенного тельца.

— А сын Гектора Скамандрий, прозванный в народе Астианактом?

— Смерть.

Я вижу, как Пирр бросает кричащего младенца с городской стены, и закрываю глаза.

— Что ждет Андромаху, жену Гектора? — шепчет Елена.

— Рабство.

Если она не прекратит допрос, я сойду с ума.

Не так уж страшно было наблюдать издали, с позиции равнодушного схолиаста, но сейчас речь о тех, кого я знаю, с кем встречался… спал… Удивительно, но Елена не спросила о себе. Может быть, и не спросит.

— А я погибну вместе с Илионом? — все так же спокойно произносит она.

Я набираю в грудь воздуха:

— Нет.

— Но Менелай меня разыщет?

— Да.

Зачем-то вспоминается «Безумная восьмерка» — черный шарик предсказаний, популярный в моем детстве. Почему я не ответил, как та игрушка? Это бы больше походило на Дельфийский оракул: «Будущее туманно». Или «Спроси попозже». Я что, выпендриваюсь перед этой женщиной?

Поздно раскаиваться.

— Менелай найдет меня, но не убьет? Я переживу его гнев?

— Да.

В «Одиссее» главный герой рассказывает, как Менелай нашел Елену в стенах царского дворца, в чертогах Деифоба неподалеку от храма палладия; как рогоносец бросился на нее с мечом,

намереваясь убить красавицу. Елена обнажит перед мужем грудь, словно приветствуя удар и желая смерти. Тогда Менелай выронит меч и поцелует ее. Неясно, убьет Менелай Деифоба, одного из Приамовых сыновей, до этого или после…

— Но он отвезет меня обратно в Спарту? — шепчет Елена. — Париса убьют, Гектора убьют, всех великих воинов Илиона убьют, всех великих троянок убьют или угонят в рабство, город сожгут, его высокие башни разрушат, землю засыплют солью, чтобы на ней ничего не выросло… А я останусь жить? Менелай увезет меня в Спарту?

— Примерно так, — говорю я, стыдясь убогости своих слов.

Елена встает и голая выходит на террасу. На мгновение я забываю свою роль Кассандры и благоговейно любуюсь темными волосами, рассыпанными по спине, безупречным задом, сильными ногами. Она стоит нагая у перил, не оборачиваясь ко мне, и говорит:

— Как насчет тебя, Хок-эн-беа-уиии? Судьбы раскрыли тебе твою участь в этой их песне?

— Нет, — признаюсь я. — Я не столь важная фигура, чтобы включать меня в поэму. И я почти уверен, что умру сегодня.

Она оборачивается. Я думал, что она плачет

после услышанного (если, конечно, поверила). Ничего подобного: на ее губах играет легкая улыбка.

— Всего лишь «почти уверен»?

— Да.

— Ты умрешь, потому что Афродита на тебя гневается?

— Да.

— Я знаю ее гнев, Хок-эн-беа-уиии. Если она решает кого-нибудь убить, то убивает.

Спасибо, обнадежила.

Мы умолкаем. Через распахнутые двери обращенной к городу террасы доносится гул.

— Что там? — спрашиваю я.

— Троянки по-прежнему молят Афину о пощаде и божественном заступничестве, поют и приносят жертвы в ее храме, как велел Гектор. — Елена вновь устремляет взгляд во дворик, словно пытается отыскать ту единственную поющую птицу.

Поздно молить Афину о милости, думаю я, и внезапно у меня вырывается:

— Афродита хочет, чтобы я убил Афину. Она дала мне Шлем Аида и другие орудия, дабы я это исполнил.

Елена стремительно оборачивается; даже в сумерках я вижу потрясение на ее лице. Как будто

она наконец осознала мои ужасные предсказания. Нагая, Елена возвращается и садится на край постели, где я лежу, опершись на локоть.

— Ты сказал, *убить* Афину? — шепчет она гораздо тише, чем раньше.

Я киваю.

— Значит, богов можно убить? — спрашивает Елена так тихо, что я за фут еле могу разобрать ее слова.

— Думаю, да. Только вчера я слышал, как Зевс сказал Аресу, что боги могут умереть.

И я рассказываю о раненых Афродите и Аресе и странной лечебнице. Объясняю, что Афродита выйдет из бака уже сегодня — а возможно, уже вышла, ибо на Олимпе день и ночь тогда же, когда в Илионе, и там тоже уже «завтра».

— Ты можешь попасть на Олимп? — шепчет она и глубоко задумывается. Потрясение мало-помалу сходит с ее лица, превращаясь в… во что? — Путешествовать между Илионом и Олимпом, когда тебе захочется?

Я молчу, понимая, что и так наговорил лишнего. *Вдруг это вовсе не Елена, а моя Муза в ее обличье?* Нет, я уверен, передо мной именно она. Не спрашивайте почему. А если даже я и не прав, плевать.

— Да. — Я тоже понижаю голос, хотя слуги в доме еще спят. — Я могу попасть на Олимп, когда захочу, и оставаться невидимым для богов.

Дворец и весь город потонули в какой-то жуткой, напряженной тишине, только поет одинокая птица, обманутая мнимым рассветом. У главного входа должна быть стража, однако я не слышу ни шороха сандалий, ни скрежета упираемых в камни копий. Вечно оживленные улицы Илиона замерли. Даже пение троянок в храме Афины смолкло.

— Дала ли тебе Афродита средство убить Афину? Какое-нибудь оружие богов?

— Нет.

Я не рассказываю ей про Шлем Аида, или квитмедальон, или мой тазерный жезл. Ничем из этого богиню не умертвишь.

И вдруг кинжал снова в ее руке, в дюймах от моей кожи. *Где она его прячет? Как извлекает настолько стремительно?* Похоже, у нас обоих есть свои маленькие тайны.

Кинжал придвигается ближе.

— Если я убью тебя сейчас, — шепчет Елена, — это изменит известную тебе песню об Илионе? Скажется на будущем… *этом* будущем?

Томми, мальчик, не время откровенничать,

предостерегает здравая часть моего рассудка. Но я все равно говорю правду.

— Не знаю. Я не вижу, как это может на что-нибудь повлиять. Если мне… суждено… умереть сегодня, то какая разница, от твоей руки или от Афродитиной? Я не действующее лицо этой драмы, а всего лишь наблюдатель.

Елена рассеянно кивает, словно вопрос о моей смерти — в любом случае дело второстепенное. Затем поднимает кинжал, так что острие почти упирается в белую шею у самого подбородка.

— Если я сейчас покончу с собой, это изменит песню?

— Я не представляю, как это поможет Илиону или повлияет на исход войны.

Тут я, конечно, покривил душой. Елена — центральный персонаж гомеровской поэмы. Кто знает, останутся ли греки под стенами города, если она себя убьет. За что им будет сражаться? *За честь, славу, добычу.* С другой стороны, Агамемнон и Менелай утратят главную награду, Ахиллес по-прежнему сидит обиженный в своем шатре… Станут ли десятки тысяч других ахейцев сражаться ради одной лишь добычи? После стольких лет грабежа на островах и в прибрежных троянских городах трофеев у них предостаточно. Возможно,

захватчики насытились и ждут только предлога вернуться домой. Именно поэтому Менелай согласился на поединок с Парисом, чтобы определить победителя, — поединок, из которого Афродита унесла Париса. *Унесла на это ложе, Парис с Еленой занимались сексом на этом ложе всего несколько часов назад.* Возможно, самоубийство Елены и впрямь положит конец войне.

Она опускает кинжал.

— Десять лет я думаю о том, чтобы убить себя, Хок-эн-беа-уиии. Но я слишком люблю жизнь и слишком ненавижу смерть, хотя и заслужила ее.

— Нет, не заслужила, — возражаю я.

Она улыбается:

— А Гектор заслужил? Или его сын? Или царственный Приам, бывший мне великодушнейшим из отцов? А все эти люди, которые сейчас пробуждаются? И даже воины — неужто Ахиллес и те, кто уже сошел в хладный Аид, заслуживают смерти из-за вероломной женщины, которая избрала похоть, тщеславие и похищение? А как насчет тысяч троянок, которые честно служат своим мужьям и богам, однако их оторвут от дома, от детей и продадут в рабство из-за меня? Достойны ли они такой участи только потому, что я предпочла жизнь?

— Ты не заслуживаешь смерти, — упрямо повторяю я.

Моя кожа, волосы и кончики пальцев по-прежнему сохраняют ее аромат.

— Хорошо, — говорит Елена и прячет кинжал под матрас. — Тогда ты поможешь мне остаться живой и свободной? Прекратишь эту войну? Или хотя бы изменишь ее исход?

— О чем ты?

Я будто бы очнулся ото сна. У меня нет намерения помогать троянцам в этой войне. И даже если бы я попытался, ничего не выйдет. Слишком много сил участвует в игре, не говоря уже о богах.

— Елена, я не шутил, говоря, что мое время на исходе. Сегодня Афродита выйдет из целебного чана, и, если от других богов я могу какое-то время прятаться, меня она разыщет, когда захочет. Даже если она не убьет меня за ослушание сразу же, я не буду волен действовать по-своему в то недолгое время, что мне осталось.

Елена сдергивает простыню с нижней половины моего тела. Уже светает, и я вижу Елену во всем ее великолепии — лучше, чем тогда, в купальне. Она садится на меня верхом, кладет одну теплую ладонь мне на грудь, а другую опускает все ниже, нащупывая, лаская, воодушевляя.

— Слушай меня, — говорит она, глядя из-за своих грудей, — если ты хочешь изменить наши судьбы, найди точку опоры.

Приняв эти слова за приглашение, я пытаюсь в нее войти.

— Нет, нет, еще не сейчас, — шепчет она. — Слушай меня, Хок-эн-беа-уиии. Если хочешь изменить наши судьбы, *найди точку опоры*. И я не о том, чем ты занимаешься сейчас.

Это трудно, но я останавливаюсь, чтобы дослушать.

Спустя полтора часа город пробуждается, и я брожу по его улицам в облике фракийского копьеносца и с обычным снаряжением схолиаста. Солнце взошло, город живет обычной жизнью, открываются рыночные лавки, кто-то гонит скотину на торг, дети носятся, воины подкрепляются перед новой резней.

Неподалеку от рыночной площади я встречаю Найтенгельзера. Он в облике дарданского стражника, но мои линзы позволяют определить товарища с первого взгляда. Он завтракает в нашей излюбленной уличной забегаловке. Найтенгельзер поднимает глаза и узнает меня.

Я не надеваю Шлем Аида, а присоединяюсь к коллеге в тени невысокого дерева, беру хлеб,

вяленую рыбу и плоды.

— Перед рассветом наша Муза искала тебя в казармах, — сообщает дородный Найтенгельзер. — А потом еще под стенами. Спрашивала о тебе очень настойчиво.

— Боишься, что нас заметят вместе? Хочешь, я отойду?

Найтенгельзер пожимает плечами:

— Какая разница? Все мы здесь временные гости. *Tempus edax rerum*.

Я столько лет думал на древнегреческом, что не сразу перевожу латинскую фразу. *Всепожирающее время*. Возможно, да, он прав, но я все равно хочу жить. Разламываю свежий горячий хлеб и ем, дивясь, какой он вкусный. Корочка нынче хрустит как-то по-особому, мир вокруг благоухает, звучит и смотрится иначе — новее, что ли, удивительнее. Может, из-за ночной грозы? А может, и не только…

— Ты сегодня как-то подозрительно надушен, — замечает Найтенгельзер.

В первый миг я краснею — неужели он различил запах моих ночных утех? — но тут же понимаю, о чем он говорит. Елена настояла, чтобы перед уходом мы вдвоем приняли ванну. Я узнал, что старшая из рабынь, носящих горячую

воду, — это Эфра, дочь Питфея, жена Эгея и мать прославленного Тезея, афинского правителя, который похитил Елену, когда ей было одиннадцать. Имя Эфры я помню с университета, хотя мой наставник, тонкий знаток «Илиады», доктор Фертиг утверждал, что оно выбрано случайно из общего эпического запаса. Гомеру или его поэтическому предшественнику нужно было имя для рабыни, а «Эфра, Питфеева дочь» звучало красиво. Доктор Фертиг считал, что благородная мать Тезея не могла быть служанкой Елены в Трое. Что ж, доктор Фертиг, вы ошибались. Полчаса назад, когда я лежал в теплой купальне рядом с голой Еленой, она упомянула, что старая рабыня и впрямь Эфра, матушка Тезея. Братья Елены — Кастор и Полидевк, спасая ее из плена, в отместку увезли и старуху, а позже Парис прихватил ее вместе с Еленой в Трою.

— О чем-то задумался, Хокенберри? — спрашивает Найтенгельзер, чем снова вгоняет меня в краску — я как раз думал про мягкие груди Елены над пеной в купальне.

Я съедаю кусок рыбы и говорю:

— Я тут ничего интересного не пропустил прошлым вечером?

— Вроде нет. Только великий поединок Гектора

с Аяксом. Только событие, которого мы ждали с того дня, когда ахейские корабли впервые коснулись носами здешнего берега. Только *всю* седьмую песнь.

— А, ясно.

В песни седьмой описано увлекательное единоборство между Гектором и великаном-ахейцем, однако ничего *не происходит*. Ни один из противников даже не получил увечья, и, хотя у Аякса был явный перевес, с наступлением темноты они заключили перемирие, обменявшись оружием и доспехами, и обе армии разошлись жечь своих мертвецов. Я не пропустил ничего серьезного; ничего, что стоило бы одного мгновения с Еленой.

— Да, вчера меня кое-что смутило, — начинает Найтенгельзер.

Я ем хлеб и жду продолжения.

— Ты знаешь, что Гектор должен был выйти из города вместе с братом Парисом и дальше они вместе повели бы троянцев в битву? Гомер говорит, что Парис убил Менесфия в начале сражения.

— Да?

— Затем советник Приама Антенор убеждает сограждан возвратить Елену и награбленные на Аргосе сокровища, чтобы ахейцы ушли с миром.

— Это после того, как Гектор и Аякс, не сумев друг друга убить, обменялись дарами на поле боя?

— Да.

— И что же?

Найтенгельзер опускает золотой кубок.

— Антенору должен был возразить Парис. У Гомера он уговаривает троянцев не отдавать Елену, но соглашается ради мира вернуть сокровища.

— И?.. — говорю я, уже понимая, к чему все идет. В животе резко холодеет.

— Это самое большое расхождение за все время, что мы здесь, ты так не находишь, Хокенберри?

Я притворно пожимаю плечами:

— Не знаю. В седьмой песни ахейцы возводят частокол и копают заградительные рвы вдоль побережья. Но мы-то знаем, что укрепления возникли в первые же месяцы осады. Гомер иногда смещает эпизоды во времени.

Найтенгельзер смотрит на меня:

— Возможно. И все-таки отсутствие Париса на собрании настораживает. В конце концов Приаму пришлось выступить от имени сына: тот, мол, ни за что не отдаст женщину, а вот сокровища, возможно, уступит. Однако, поскольку самого Париса не было, многие троянцы в толпе

поддержали Антенора. За то время, что я здесь, мы никогда не были так близки к заключению мира.

У меня по коже бегут мурашки. То, что я принял вчера облик Париса, дабы переспать с Еленой, уже изменило нечто важное. Знай Муза подробности «Илиады» (которые ей неизвестны), она бы сразу поняла, что я занял место Париса на ложе с Еленой.

— Ты уже доложил о расхождениях Музе? — тихо спрашиваю я.

Смена Найтенгельзера закончилась с наступлением темноты. В мое отсутствие он был вечером единственным дежурным схолиастом. Ему и следовало сообщить о замеченных странностях.

Найтенгельзер медленно дожевывает хлеб и наконец говорит:

— Нет. Я не надиктовал это на камень.

— Спасибо, — выдыхаю я.

— Идем отсюда, — говорит Найтенгельзер.

Троянцы с женами ждут очереди сесть. Я кидаю монетки на стол, и Найтенгельзер берет меня за локоть.

— Знаешь ли ты, что делаешь, Хокенберри?

Глядя ему в лицо, я отчеканиваю:

— Понятия не имею.

На улице мы расходимся в разные стороны. Я сворачиваю в пустой проулок, надеваю Шлем Аида и трогаю квит-медальон.

Вершину Олимпа с ее белыми домами и зелеными лужайками золотит рассвет, однако здесь он отчего-то бледнее, чем внизу. Меня всегда удивляло, что в окрестностях Олимпа солнце кажется меньше, чем в небе над Илионом.

Я вообразил колесницу, стоящую рядом с жилищем Музы, туда и перенес меня медальон. Я затаиваю дыхание: с утреннего неба спускается колесница и останавливается в двадцати футах от меня. Однако Аполлон выходит из нее и, не глядя в мою сторону, идет прочь. Шлем Аида по-прежнему действует.

Я забираюсь в колесницу и трогаю бронзовую пластину спереди. Третьего дня во время полета над кальдерой я внимательно наблюдал за Музой. В дюймах над бронзой загорается прозрачная клавиатура. Я нажимаю значки в том же порядке, что и Муза.

Колесница дергается, поднимается, снова дергается и выравнивается по мере того, как я двигаю виртуальный рычаг. Поворачиваю его влево, и колесница летит в пятидесяти футах над травой. Я трогаю стрелку «вперед», и колесница несется

на юг над лазурным озером. Бог, глядя на нее, решил бы, что она летит сама по себе. Однако богов поблизости не видно.

За озером я набираю высоту, высматривая нужное здание. А, вот оно — сразу за Великим чертогом собраний.

Какая-то богиня на ступенях дворца — я не успел разглядеть, кто именно, — поднимает крик и указывает на якобы пустую колесницу, но поздно: я уже высмотрел нужное здание — большое, белое, с открытой дверью.

Я уже освоился с управлением колесницей, так что теперь пикирую к земле и лечу к зданию. Мне приходится повернуть левый край колесницы почти перпендикулярно к земле, но я не падаю, в ней есть какая-то искусственная гравитация. На скорости сорок-пятьдесят миль в час я проношусь между исполинскими колоннами у входа.

Внутри все по-прежнему: в огромных емкостях булькает лиловая жидкость, зеленые черви вьются вокруг бесчувственных плавающих богов. Целитель — великанская многоножка с металлическими руками и красными глазами — стоит по дальнюю сторону бака с Афродитой, явно намереваясь извлечь ее наружу. Его красные глазки смотрят в моем направлении, на ворвавшуюся

в тихое помещение колесницу, металлические руки начинают дрожать, однако он не у меня на пути, и я увеличиваю скорость, пока он или кто-нибудь другой не успели мне помешать.

Лишь в последний миг я решаю спрыгнуть. Должно быть, это из-за ночи с Еленой, вернувшей мне радость жизни.

По-прежнему в Шлеме Аида, я спрыгиваю с несущейся колесницы, сильно ударяюсь плечом, качусь по полу и замираю. Колесница врезается в лечебный бак, круша пластик и сталь, фиолетовая жидкость взлетает стофутовым фонтаном. Что-то — не то обломок колесницы, не то осколок стекла — рассекает многоногого Целителя пополам.

Афродита вываливается на пол с волной фиолетовой жидкости и клубком извивающихся зеленых червей. Другие резервуары — в том числе тот, в котором плавает Арес, — сотрясаются от удара, но не раскалываются и не падают.

И тут же меня оглушают сирены, клаксоны и прочая сигнализация.

Пытаюсь встать, но голова, левая нога и правое плечо болят нестерпимо, так что я оседаю обратно на пол и отползаю к стене, старясь держаться подальше от фиолетовой слизи. Я боюсь не того,

что химикаты со мной сделают, а того, что в луже будет виден мой след. Перед глазами пляшут черные точки, и я понимаю, что сейчас отключусь. Лечебница наполняется богами и парящими роботами-машинами.

За миг до того, как потерять сознание, я вижу, как входит Зевс в развевающейся мантии; его брови грозно сведены.

То, что произойдет дальше, случится без меня. Я прижимаюсь лбом к холодному полу, закрываю глаза и проваливаюсь в темноту.

22. Берег равнины Хриса

— Я убил своего друга, Орфу с Ио, — сообщил Манмут Уильяму Шекспиру.

Они прогуливались по берегу Темзы. Манмут знал, что сейчас конец лета тысяча пятьсот девяносто второго года, хотя и не мог бы сказать, откуда ему это известно. По реке двигались лодки, баржи и суда с низенькими мачтами. За тюдоровскими строениями и лачугами на северном берегу вставали лондонские колокольни и несколько покосившихся башен. Над рекой и трущобами по обоим берегам дрожала дымка.

— Я должен был спасти Орфу, но не спас, — сказал Манмут, ускоряя шаг, дабы поспеть за драматургом.

Шекспир был коренастый и сероглазый, лет под тридцать, и говорил тихо. Одет он был куда солиднее, чем в представлениях Манмута должен одеваться актер и драматург. Заостренный овал лица окаймляли уже отступающая линия каштановых волос, бакенбарды и еле заметная бородка — как будто Шекспир подумывает отрастить настоящую бороду; над верхней губой

темнели жидкие усики. Из-под черного дублета был виден широкий воротник белой рубахи с болтающимися завязками. В левом ухе блестело маленькое золотое кольцо.

Манмуту хотелось задать Шекспиру тысячу вопросов: «Что вы сейчас пишете?», «Каково это — жить в городе, который вскоре охватит чума?» и «Существует ли тайная структура в цикле сонетов?» — но он мог говорить только про Орфу.

— Я пытался его спасти, — объяснял Манмут. — Реактор «Смуглой леди» заглох, потом аккумуляторы разрядились меньше чем в пяти километрах от берега. Я как раз искал вход в какую-нибудь из прибрежных пещер — место, где можно спрятать подлодку.

— «Смуглая леди»? — переспросил Шекспир. — Так зовется твое судно?

— Да.

— Умоляю, продолжай.

— Мы с Орфу говорили о каменных лицах. Была ночь, мы подходили к берегу под покровом темноты, но я воспользовался функцией ночного видения и все подробно рассказывал. Орфу был еще жив. Подлодка производила достаточно О-два…

— О-два?

— Воздуха. Так вот, я описывал ему огромные каменные головы…

— Огромные каменные головы? Статуи?

— Каменные монолиты метров двадцать высотой.

— Ты разглядел их лица? Они изображали кого-то тебе знакомого? А может, великого короля или завоевателя?

— На таком расстоянии я не мог различить черты, — сказал Манмут.

Они подошли к широкому многоарочному мосту, застроенному трехэтажными зданиями. Между ними, словно дорога в туннеле, шла улица метра четыре в ширину, и сейчас прохожие пытались разминуться со стадом овец, которое гнали в город с юга. И вдоль всего моста на кольях торчали человеческие головы — некоторые высохли и мумифицировались, от некоторых остались только черепа с редкими клочьями волос и гнилого мяса, а некоторые были настолько свежие, что их щеки еще хранили румянец.

— Что это? — спросил Манмут, чувствуя, как холодеют его органические части.

— Лондонский мост, — сказал Шекспир. — Так что случилось с твоим другом?

Манмуту надоело смотреть на драматурга снизу вверх, так что он взобрался на парапет. На востоке высилась грозная башня, и он предположил, что это Тауэр из «Ричарда III». Моравек понимал, что спит или умирает от недостатка воздуха, и не хотел, чтобы сон закончился раньше, чем он задаст один или два вопроса.

— Вы уже взялись за свои сонеты, мастер Шекспир?

Драматург с улыбкой глянул на зловонную Темзу, затем обратил взор к смердящему городу. Повсюду были нечистоты, внизу на речной глине валялись дохлые коровы и лошади, кровавые куриные перья плавали в сточных канавах и кружили на мелководье. Манмут отключил почти все обонятельные датчики. Он не понимал, как люди с постоянно работающим нюхом все это выдерживают.

— Откуда ты знаешь, что я пробую писать сонеты? — спросил Шекспир.

Манмут по-человечьи пожал плечами:

— Обычная догадка. Так вы их начали?

— Я подумывал развлечься с этой поэтической формой, — признал драматург.

— А кто юноша в сонетах? — спросил Манмут, еле дыша от восторга. Неужели он разгадает эту

древнюю тайну? — Генри Ризли, граф Саутгемптон?

Шекспир удивленно заморгал от изумления и настороженно глянул на моравека:

— Сдается, ты за мной пристально следил, крохотный Калибан.

Манмут кивнул:

— Так это он? Ризли?

— Его светлости в октябре исполнится девятнадцать, и, говорят, пушок над его губой уже превратился в щетину. Трудно назвать его юношей.

— Тогда Уильям Герберт, — предположил Манмут. — Ему только двенадцать, и третьим графом Пембруком он станет через девять лет.

— О, ты умеешь предвидеть будущие взлеты и падения? — с иронией заметил Шекспир. — Мастер Калибан бороздит Океан Времени, а не только марсианский океан, о котором говорил?

Манмут не ответил — так спешил разрешить загадку.

— Вы посвятите фолио тысяча шестьсот двадцать третьего года Уильяму Герберту и его брату, а когда сонеты напечатают, на титульном листе будет стоять «г-ну У. Г.».

Драматург уставился на моравека, словно на по-

рождение горячечного бреда. Манмуту хотелось сказать: «О нет, мастер Шекспир, это вы — бред умирающего мозга». Вслух он произнес:

— Мне просто кажется интересным, что вы любили юношу или мальчика.

К изумлению Манмута, Шекспир повернулся, вытащил из-за пояса кинжал и поднес к головному отделу моравека.

— Есть ли у тебя глаз, маленький Калибан, чтобы мне вонзить в него клинок?

Осторожно, чтобы не приблизить оболочку к острию, Манмут покачал головой:

— Приношу извинения. Я здесь чужой и не знаком с вашими обычаями.

— Видишь три ближайшие головы на кольях?

Манмут перевел взгляд, не поворачивая головы:

— Да…

— Еще неделю назад их обладатели тоже были не знакомы с нашими манерами, — прошипел поэт.

— Укол принят к сведению, сэр, — сказал Манмут. — Каламбур намеренный.

Шекспир спрятал кинжал в кожаные ножны. Манмут помнил, что его собеседник — актер и склонен к жестам и преувеличениям, хотя кин-

жал не был бутафорским. Впрочем, Шекспир и не опроверг его слов.

Оба посмотрели на Темзу. Чудовищно огромное рыжее солнце висело низко в закатной дымке. Шекспир заговорил, негромко и мягко:

— Если я напишу эти сонеты, Калибан, то для того, чтобы исследовать в них свои ошибки, слабости, сделки с совестью, тщеславие и мучительную двойственность, как мы щупаем языком кровавую дырку от зуба, выбитого в кабацкой драке. Как ты убил своего друга, Орфу с Ио?

Манмут не сразу понял вопрос.

— Я не смог завести «Смуглую леди» в прибрежный грот. Пытался, но не смог. Реактор отказал, и мы остались без тока. «Леди» села на мель на глубине меньше четырех саженей примерно в трех милях от берега. Я пытался продуть все балластные цистерны, чтобы положить ее на бок, открыть грузовые двери и добраться до друга, однако она засела намертво.

Он бросил взгляд на поэта. Шекспир вроде бы внимательно слушал. Дома на мосту за его спиной алели в закатном свете.

— Я выбрался наружу, переключился на внутренний О-два и нырял несколько часов кряду, — продолжал Манмут. — Я пытался пустить

в ход лом, остатки ацетилена и мои пальцы-манипуляторы, но не сумел ни вскрыть двери отсека, ни расчистить завалы в затопленном коридоре. Какое-то время Орфу поддерживал со мною связь — пока внутренние системы подлодки не отказали окончательно. В его голосе не слышалось ни беспокойства, ни страха, только усталость… страшная усталость. До последней секунды. Там, внизу, было очень темно. Видимо, я потерял сознание. Наверное, сейчас я лежу на дне марсианского океана, умерший вместе с Орфу, или умираю, и клетки органического мозга в предсмертном всплеске активности рождают видение о нашем разговоре.

— В твоей груди вместились все сердца, — монотонно проговорил Шекспир, — которых ты, лишась, считал тенями, и там царит вся нежность без конца, что схоронил ты с прежними друзьями[28].

Манмут пришел в сознание и понял, что лежит на берегу в утреннем марсианском свете и его окружают десятки маленьких зеленых человеч-

---

[28] Примечания: 28

В твоей груди вместились все сердца… которых ты, лишась, считал тенями, и там царит вся нежность без конца, что схоронил ты с прежними друзьями. — Сонет 31 (с изменениями). Перевод М. Чайковского (с изменениями).

ков. Они склонили над ним полупрозрачные зеленые лица и смотрели черными глазками. Когда он со слабым жужжанием сервоприводов приподнялся и сел, они попятились.

Существа были и впрямь маленькие. Манмут и сам имел рост чуть больше метра, а они были еще ниже. Облик их, более гуманоидный, чем у Манмута, тем не менее разительно отличался от человеческого. Они были двуногие прямоходящие, с руками, но без ушей, ртов и носов. Одежды существа не носили, а глядя на их трехпалые руки, Манмут вспомнил мультипликационных персонажей из медиаархивов Потерянной Эпохи. Еще он отметил, что они бесполы, а их плоть — если это плоть — прозрачна, как мягкий пластик. Внутри не было ни органов, ни кровеносных сосудов, только зеленые капли и комки, которые перетекали, как в любимой лава-лампе Манмута, которая осталась на затонувшей подлодке.

По тропинке, прорубленной в скале, спускались все новые и новые маленькие зеленые человечки. Манмут видел воздвигнутую каменную голову примерно в километре к востоку. Другая лежала на длинной, установленной на катки деревянной платформе у края обрыва, привязанная веревками. Лица было не различить.

К чертям головы. Манмут развернулся и оглядел море и берег. Теплые волны накатывали с регулярностью метронома. Где «Смуглая леди»?

Вот и она — в двухстах метрах от пляжа. Часть верхнего корпуса с надстройкой возвышалась над водой. Эхолот и сонар умерли еще раньше подлодки, и Манмут совершил самую, наверное, древнюю и досадную капитанскую оплошность — посадил свое судно на мель. Он помнил, что был на внутреннем кислороде и пытался открыть двери трюма. Видимо, он потерял сознание и за ночь волны выбросили его на берег.

Орфу! Сколько времени Манмут был без сознания и грезил о Шекспире? Внутренний хронометр сообщал, что прошло чуть меньше четырех часов.

Орфу еще может быть жив. Манмут пошел к воде, намереваясь идти по дну до застрявшей на мели подлодки.

Десяток маленьких зеленых человечков преградили ему путь. Затем их стало двадцать. Потом пятьдесят. Еще сотня окружала его на берегу.

Манмут никогда не поднимал руку или манипулятор в гневе, но сейчас готов был драться, бить, крушить, пробиваясь через толпу, если будет надо. Однако прежде он решил прибегнуть

к словам.

— Уйдите с дороги, — заговорил Манмут на полном усилении и сам поразился, как громко звучит его голос в атмосфере Марса. — Пожалуйста.

Черные глазки на зеленых лицах смотрели на него. Однако у созданий не было ни ушей, чтобы его услышать, ни ртов, чтобы ответить.

Манмут горько рассмеялся и начал протискиваться через толпу, зная, что, насколько бы он ни был сильнее, они просто возьмут числом — навалятся и порвут его в клочья. При мысли о такой жестокости, с их или с его стороны, органика Манмута сжалась от страха.

Одно из существ подняло руку, словно говоря: «Стоп». Манмут притормозил. Зеленые головы дружно повернулись направо и поглядели на берег. Толпа расступилась, подошел маленький зеленый человечек, по виду не отличимый от остальных, и выставил обе руки, словно держа невидимую чашу или молясь.

Манмут не понял, да и не хотел тратить время на переговоры на языке жестов, если бы даже мог. Орфу, возможно, еще жив.

Он попытался обойти человечка, однако дюжина других тут же сомкнула ряды позади посла, не пропуская Манмута. Он мог либо сражаться

прямо сейчас, либо уделить внимание жестикулирующей зеленой фигуре.

Манмут испустил вздох, очень похожий на стон, остановился и повторил жест зеленого человечка.

Посол мотнул головой, тронул Манмута за левую руку (сенсоры, и органические и моравекские, отметили, что зеленые пальцы холодные), затем отпустил ее, схватил правую и приложил к своей прохладной груди, прижав моравекские пальцы и ладонь к своей холодной прозрачной плоти.

Человечек надавил сильнее; моравекская ладонь вмялась в его плоскую грудь… и вошла внутрь.

Манмут в ужасе отдернул бы руку, но маленький зеленый человечек крепко ее держал. Теперь Манмут видел, как его темную ладонь обволакивает вязкая жидкость, как прозрачная плоть смыкается на его руке герметичным швом.

Все маленькие зеленые человечки подняли свои ладошки к груди.

Растопыренные пальцы моравека нащупали нечто твердое, почти сферическое. Он видел зеленый комок размером с человеческое сердце в груди существа, почти точно посередине, ощу-

щал ладонью его биение.

Маленький зеленый человечек надавил снова, и Манмут понял. Он сомкнул органические пальцы вокруг органа.

ЧТО
ТЕБЕ
НУЖНО?

Потрясенный, перепуганный Манмут едва не выдернул руку, однако пересилил себя. Он почувствовал вопрос у себя в мозге — как некие толчки, биения, вибрации. Не словами, и точно не на английском, французском, русском, китайском, первичном или каком-либо еще языке, каким Манмуту случалось пользоваться. Он не знал, как ответить таким же образом, поэтому просто сказал:

— Я должен спасти своего друга. Он заперт внутри подводной лодки вон там.

Сто пятьдесят зеленых голов разом повернулись к «Смуглой леди». Три сотни черных глаз несколько секунд смотрели на нее, затем вновь уставились на Манмута.

СКАЖИ
НАМ

МЫСЛЯМИ,
ГДЕ
ОН.

Манмут закрыл глаза и представил Орфу в трюме, грузовые двери и коридор. По руке пробежала вибрация-ответ:

ЖДИ.

Хватка ослабла, и Манмут со звонким хлюпаньем вырвал руку из груди маленького зеленого человечка. Тот повалился на песок, скорчился на боку и замер. Зеленые комочки в его теле не двигались, черные глаза подернулись белой пеленой и слепо уставились в никуда, пальцы один раз дернулись и больше не шевелились. Сто сорок с лишним созданий развернулись и отправились спасать Орфу.

Манмут рухнул на песок рядом с очевидно безжизненным телом. *Матерь Божия*, подумал моравек, *коммуникация их убивает.*

Новые зеленые человечки спускались по крутой тропе с берегового обрыва. Двести. Триста. Шестьсот. Манмут перестал считать и, вопреки просьбе умершего переговорщика, побрел, а за-

тем поплыл сквозь легкий прибой к сидящей на мели подлодке. Спустившись через шлюз с надстройки в сухую каюту, он проверил, не ожил ли хотя бы один аккумулятор. Чуда не произошло. Манмут пролез через внутренний шлюз и поплыл по затопленному коридору к грузовому отсеку. Нет, здесь к Орфу точно не пробиться, решил он, вернулся к себе и еще раз испробовал кабельную связь. Тишина. На столе в водонепроницаемой упаковке лежал томик шекспировских сонетов. Манмут убрал его в рюкзак вместе с устройством связи, которое соорудил на случай, если удастся вытащить Орфу, судовыми журналами на диске, распечатанными картами, ракетницей и аккумуляторами, после чего вновь выбрался на надстройку.

Маленькие зеленые человечки захватили с собой громадные бухты черного каната от каменной головы, которую тащили вдоль берегового обрыва. Еще они взяли десятки катков, на которых двигалась платформа. Работали они невероятно эффективно — одни подплыли к судну и закрепили канаты ниже и выше ватерлинии, другие вогнали металлические стержни от катков глубоко в песок, третьи забили их же в скалу, четвертые тянули от подлодки пропущен-

ные через блоки канаты.

«Смуглая леди» весила довольно много, тем более что реактор, отсеки и коридоры залило водой. Манмут не верил, что крохотные человечки сдвинут ее с места.

Но им это удалось.

Через двадцать минут от лодки к берегу тянулись сотни черных канатов, и на каждый налегало множество маленьких зеленых человечков. Они понимали, что выполняют спасательную операцию; первым делом они сильно дернули с берега — канаты натянулись, словно черная паутина, — и опрокинули подлодку на правый бок.

Манмут чуть не кинулся им помогать, однако вовремя осознал, что толку от него не будет. Поэтому он продолжал ждать, сидя на корпусе подводной лодки — двигаясь вместе с ней, а как только двери грузового отделения показались над илом, нырнул в мелкую воду с аккумуляторным ломом в руках и включил наплечные лампы на полную мощность.

Двери перекосило и частично расплавило при входе в атмосферу; Манмут сумел раздвинуть их всего на несколько сантиметров, после чего их окончательно заклинило. Едва не разрыдавшись от отчаяния, он в ярости замолотил по корпусу,

потом вспомнил, что не один, и развернулся во взбаламученной воде.

С полдюжины зеленых человечков стояли рядом на дне и глядели на него. Судя по всему, они не нуждались в кислороде для дыхания.

Не желая платить ужасную цену за «переговоры», Манмут указал на раздвинутую секцию дверей, затем на поверхность и пантомимой изобразил, будто закрепляет канаты вокруг покореженного фланца и тянет.

Все шестеро маленьких зеленых человечков кивнули, толкнулись и всплыли к поверхности в трех метрах над ними.

Через минуту вместо шести вернулись шестьдесят человечков, одни тащили канаты, у других были черные стержни, извлеченные из катков. Как и прежде, они работали на удивление слаженно — одни отогнули на несколько сантиметров край дверей на другом конце трюма, другие продели через него канат, словно нитку в иголку. Через несколько минут под заклиненными дверями проходили десятки канатов. Человечки снова всплыли, жестами пригласив Манмута за собой.

И вновь он стоял на корпусе «Смуглой леди», дыша воздухом, чувствуя солнце полимерной

кожей, а маленькие зеленые человечки тянули канаты через систему блоков. И тянули. И тянули.

Подлодка затрещала, трюм застонал, вокруг заклубился ил, «Смуглая леди» накренилась еще на десять градусов вправо и повернулась, так что брюхо ее оказалось на воздухе, а корма была теперь обращена к берегу. Двери грузового отсека погнулись, но не открылись.

Манмут вновь набросился на них с аккумуляторным ломом. Покореженный металл не поддавался. В ацетиленовой горелке кончились кислород и энергия.

Маленькие зеленые человечки мягко оттащили его от бесплодных трудов. Он вырвался и вновь побрел по скользкому корпусу к трюму, намереваясь работать ломом, пока не умрут его собственные энергетические элементы, но тут увидел, что МЗЧ еще не закончили работу.

Они связали и сплеснили канат, превратив пятьдесят кусков в один. Этот удлинившийся канат они пропустили вдоль обрыва, через множество огромных блоков дотянули до каменной головы и раз десять обернули вокруг ее шеи, прежде чем туго завязать.

Пять маленьких зеленых человечков стащили

Манмута в воду и потянули от подлодки.

Он смотрел — и не верил. Он полагал, что исполинские головы для МЗЧ священны, что возводить их требует религия или психология расы, что это единственный приоритет, ради которого человечки отдают всю свою энергию и время. Очевидно, он заблуждался.

Сотни зеленых фигурок стащили голову с платформы, встали позади нее, налегли — и столкнули ее с обрыва.

Огромная голова пролетела шестьдесят метров лицом к обрыву и, ударившись о камни, разлетелась на куски, однако канат бежал через блоки, и вот наконец двери трюма сорвало, подбросило на двадцать метров в воздух и вздернуло на обрыв, откуда они рухнули на пляж.

Сотни маленьких зеленых человечков поплыли к подлодке, однако Манмут их опередил и вновь включил фонари.

Он оставил в трюме три предмета, в том числе большое Устройство, которое экспедиция должна была доставить на Олимп. А в нише лежал помятый, искалеченный, безмолвный Орфу с Ио.

Остаток заряда в ломе Манмут израсходовал на то, чтобы вырвать крепления. Мощный корпус Орфу осел в соленую воду. Однако лодка теперь

лежала на спине, и у Манмута не было способов вытащить Орфу из полузатопленного, открытого небу грузового отсека.

С десяток маленьких зеленых человечков запрыгнули в отсек вслед за Манмутом. Они отыскали, за что уцепиться на помятом и потрескканном корпусе Орфу, просунули под громоздкого вакуумного моравека зеленые руки и ноги. Все разом они уперлись и подняли его. Молча, не оскальзываясь и не роняя ношу, они вытащили Орфу, заботливо обвязали тросами, спустили по корпусу «Смуглой леди», подвели под него плавучие катки, соединили их в плот и плавно доставили тело ионийца к берегу.

Маленькие зеленые человечки — их собралось на берегу уже не меньше тысячи — стояли чуть поодаль, давая Манмуту место, пока тот проверял, жив Орфу или мертв. Большой иониец недвижно лежал на красном песке подобно исполинскому, потрепанному штормами трилобиту, которого выбросило на берег в смутную доисторическую эпоху Земли.

Глянув в небо, нет ли летающих колесниц, Манмут вытащил из рюкзака и водонепроницаемых сумок захваченное с подлодки оборудование. Первым делом он выложил пять небольших,

однако увесистых аккумуляторных батарей. Последовательно соединил их и подсоединил кабель к одному из уцелевших входных разъемов Орфу. Большой ониец никак не отреагировал, хотя виртуальный датчик показывал, что энергия куда-то течет. Потом Манмут забрался на панцирь Орфу (где под ярким утренним солнцем впервые ясно увидел все внешние физические повреждения) и ввинтил радиоприемник в гнездо кабельной линии. Проверил соединение и, услышав гул несущей волны, включил собственный микрофон.

— Орфу?

Тишина.

— Орфу?

Никакого ответа. Маленькие зеленые человечки бесстрастно глядели на пришельцев.

— Орфу?

В следующие пять минут Манмут вызывал Орфу каждые двадцать секунд, используя все доступные частоты и перепроверяя соединение. Приемник получал его передачи, Орфу не отзывался.

— Орфу?

Не сказать, чтобы вокруг царила полная тишь. Через внешние датчики Манмут слышал больше

фоновых шумов, чем когда-либо прежде: плеск набегающих на песок волн, свист ветра в камнях, шорох, с которым время от времени переступали маленькие зеленые человечки, и тысячи оттенков вибраций в плотной планетарной атмосфере. Молчали только связь и Орфу.

— Орфу?

Манмут проверил хронометр. Прошло полчаса с лишним. Медлительно, с огромной неохотой, он соскользнул с помятого панциря, прошел по берегу пятьдесят шагов и сел там, где волны лизали песок. Маленькие зеленые человечки пропустили его, а затем вновь окружили на почтительном расстоянии. Манмут смотрел на них — на стену тщедушных зеленых тел, на лишенные выражения лица и немигающие черные глаза.

— У вас что, других дел нет? — спросил он. Собственный голос странно прозвучал в его сенсорах. Возможно, из-за акустики марсианской атмосферы.

МЗЧ не шелохнулись. Осколки каменной головы валялись у подножия скалы, однако маленькие зеленые человечки не обращали на них внимания. Десятка два канатов все еще уходили к подлодке, которая недвижно лежала в прибойной полосе.

Манмута захлестнула волна утраты и тоски по дому. За три юпитерианских десятилетия — более трех марсианских веков — у него были три привязанности. Первая, «Смуглая леди», была лишь полуразумной машиной, но именно для нее Манмута и создали, и они идеально дополняли друг друга. Теперь она умерла. Вторым был его напарник по исследованиям Уртцвайль, погибший восемнадцать юпитерианских лет — половину Манмутовой жизни — назад. И вот — Орфу.

Он был за сотни миллионов километров от родины, одинокий, неприспособленный, необученный и не подготовленный к миссии, в которую его отправили. Как ему преодолеть пять тысяч километров до Олимпа и установить Устройство? А если все и выйдет — что дальше? Корос III знал бы, что делать, но ничтожный Манмут, бывший капитан «Смуглой леди», не имел об этом ни малейшего понятия.

Хватит себя жалеть, идиот, подумал он и вновь посмотрел на МЗЧ. Ему почудилось, что они выглядят подавленными, даже печальными. Ерунда. Они не скорбели об умершем сородиче, как им грустить о смерти моравека, думающей машины, которую они раньше не могли даже вообразить?

Манмут понимал, что рано или поздно придется снова вступить с ними в контакт: просовывать руку, хватать чужое сердце… убить… Нет, с этим лучше подождать.

Он поднялся, вернулся к мертвому Орфу и принялся отсоединять батареи.

— Эй! — сказал Орфу по связи. — Я все еще питаюсь.

От неожиданности Манмут отпрыгнул.

— Господи! Ты живой.

— Насколько мы, моравеки, можем быть «живыми».

— Черти бы тебя драли! — Манмуту хотелось рыдать и смеяться, а более всего — ударить огромного изувеченного мечехвоста. — Почему ты не отвечал? Я зову, зову, зову…

— О чем ты? Я был в спячке. С тех самых пор, как на «Леди» кончились воздух и энергия. Как я могу с тобой болтать, когда я в спячке?

— Что еще за спячка? — сказал он, обходя Орфу. — Никогда не слышал, чтобы моравеки впадали в спячку.

— А у вас, европеанских моравеков, такой функции нет?

— Очевидно, нет.

— Ну что тебе сказать? Работая поодиночке в

радиационном торе Ио, да и вообще в юпитерианском космосе, мы, вакуумные моравеки, иногда попадаем в ситуации, когда надо просто отключить все до тех пор, когда кто-нибудь до нас доберется, чтобы отремонтировать и перезарядить. Так бывает. Нечасто, но бывает.

— И сколько ты можешь оставаться в спячке? — спросил Манмут. Его гнев уступал место какой-то странной, головокружительной легкости.

— Недолго, — сказал Орфу. — Примерно пятьсот часов.

Манмут выдвинул пальцы из подушечек манипуляторов, взял камень и бросил в панцирь Орфу. Раздался грохот.

— Ты что-нибудь слышал? — спросил иониец.

Манмут вздохнул, уселся возле того конца Орфу, где раньше были глаза, и начал описывать их нынешнюю ситуацию.

Орфу убедил Манмута, что тому надо вновь пообщаться с МЗЧ через переводчика. Ионийцу, точно так же как самому Манмуту, претила мысль о том, чтобы причинить смерть одному из маленьких зеленых человечков — тем более что МЗЧ спасли ему жизнь, — однако миссия напрямую зависела от того, как скоро они наладят общение. Манмут пробовал говорить вслух и на

языке жестов, чертил на песке, показывал на карте, где они и где вулкан Олимп, и даже прибег к самой идиотской версии общения с иностранцами — крику. МЗЧ спокойно смотрели на него и не отвечали. Наконец один из них сам вышел вперед, схватил моравека за руку и приложил ее к своей груди.

— Это обязательно? — спросил Манмут по связи.

— Да, — ответил Орфу.

Манмут поморщился, чувствуя, как ладонь входит в податливую плоть. Затем его пальцы нащупали пульсирующий шарик в теплой сиропообразной жидкости.

ЧЕМ
МЫ
МОЖЕМ
ТЕБЕ
ПОМОЧЬ?

Манмуту хотелось задать тысячу вопросов, но Орфу помог ему расставить приоритеты.

— Подлодка, — сказал Орфу. — Ее нужно спрятать, пока не пролетела колесница.

Перемежая слова и зрительные образы, Манмут передал основную идею — переместить судно

примерно на километр к западу и затащить в скальную пещеру на мысе.

ДА.

Десятки МЗЧ сразу принялись за работу. Они воткнули стержни в песок, протянули к «Смуглой леди» еще канаты и пропустили их через блоки. Переводчик спокойно ждал; Манмут по-прежнему держал в руке его сердце.

— Я хочу спросить его о каменных головах, — сказал Манмут по связи. — Кто они такие и зачем им эти статуи.

— Только после того, как мы узнаем, как попасть на Олимп, — твердо проговорил Орфу.

Манмут вздохнул и передал просьбу о том, чтобы добраться до вулкана. Он транслировал изображения Олимпа, каким видел его с орбиты, и спросил, помогут ли им маленькие зеленые человечки пройти либо сушей через плоскогорья земли Темпе, либо четыре тысячи километров на восток вдоль побережья Тетиса, а дальше на юг от патеры Альба до горы Олимп.

ЭТО
НЕВОЗМОЖНО.

— Что это значит? — спросил Орфу, когда Манмут передал ответ. — Невозможно одолеть маршрут или они не могут нам помочь?

После сообщения переводчика, что их миссия фактически отменяется, Манмут почувствовал что-то вроде облегчения. Теперь он передал просьбу Орфу о разъяснениях.

ВАМ
НЕВОЗМОЖНО
ИДТИ
НА
ВОСТОК
ТАЙНО,
ИБО
ЖИТЕЛИ
ОЛИМПА
ЗАМЕТЯТ
ВАС
И
УБЬЮТ.

— Спроси, есть ли другой путь? — сказал Орфу. — Может быть, мы можем пройти сушей через долину Касей.

НЕТ,

ВЫ
ПОЙДЕТЕ
К
ЛАБИРИНТУ
НОЧИ
НА
ФЕЛЮГЕ.

— Что такое фелюга? — спросил Орфу, когда Манмут передал ему ответ. — На слух похоже на итальянский десерт.

— Двухмачтовое судно с латинским парусным вооружением, — сказал Манмут. Для подготовки к работе в черных подледных морях Европы в него загрузили все доступные сведения о плаваньях в жидких морях Земли. — Бороздило Средиземное море тысячелетия назад.

— Спроси их, когда мы сможем отплыть, — переслал Орфу.

— Когда мы сможем отплыть? — спросил Манмут, ощущая свой вопрос как вибрацию в пальцах и покалывание в мозгу.

КАМЕННАЯ
БАРЖА
ПРИБЫВАЕТ
УТРОМ.

**ВМЕСТЕ
С
ФЕЛЮГОЙ.
МОЖЕТЕ
ПЛЫТЬ
НА
НЕЙ.**

— Нам потребуется забрать еще кое-что с лодки, — сказал Манмут. Он передал изображения Устройства и еще двух грузов в трюме, потом вообразил, как их доставляют на берег и прячут в пещере. Затем передал мысленную картинку, как МЗЧ на катках перевозят Орфу в ту же пещеру.

Словно в ответ, десятки маленьких зеленых человечков поплыли к «Смуглой леди». Другие подошли к Орфу и начали сооружать платформу на катках по его размеру.

— Не думаю, что смогу еще долго держать его сердце, — сказал Манмут по связи. — Все равно что ухватиться за оголенный электрический провод.

— Тогда отпускай.

— Но ведь…

— Отпускай.

Манмут поблагодарил переводчика — поблаго-

дарил их всех — и разжал хватку. Как и первый переводчик, этот маленький зеленый человечек упал на песок, задергался, зашипел, скукожился и умер.

— Господи, — прошептал Манмут и прислонился к панцирю Орфу.

Маленькие зеленые человечки уже поднимали ионийца и подсовывали под него катки.

— Что они делают?

Манмут описал тело мертвого переводчика и кипящую вокруг работу: подготовку к перевозке Орфу, Устройства и других предметов, уже доставленных на берег, то, что закрепили канаты на корпусе лодки и тащат ее к пещере, где «Смуглая леди» будет невидима с воздуха.

— Я пойду за тобой в пещеру, — сказал Манмут без всякого выражения.

Тело переводчика лежало на красном песке бурой оболочкой. Внутренние органы усохли и сжались, жидкость вытекла, отчего песок казался окровавленным. Маленькие зеленые человечки, не обращая внимания на мертвого переводчика, уже покатили Орфу на запад.

— Нет, — сказал он. — Ты знаешь, что надо делать.

— Я уже описал тебе каменные лица, когда

видел их с моря.

— То было ночью, и ты глядел через плавучий перископ, — ответил Орфу. — Нужно рассмотреть одну или две головы при свете дня.

— Та, что у основания обрыва, разбилась, — жалобно сказал Манмут. — Следующая в километре на восток. Наверху обрыва.

— Иди, — сказал Орфу. — Я буду оставаться на связи, пока меня везут в пещеру. Бóльшую часть пути ты будешь видеть сверху, как буксируют «Леди».

Манмут нехотя двинулся на восток, прочь от толпы МЗЧ, которые тянули его мертвую подлодку вдоль берега и катили Орфу к прохладной тени пещеры.

Упавшая голова разлетелась на столько кусков, что черт лица было не разобрать. Манмут вскарабкался по тропе, по которой МЗЧ недавно спустились с такой легкостью. Она была узкая, крутая, и Манмут боялся поскользнуться на мокром песчанике.

На вершине он помедлил, чтобы подзарядиться и оглядеть окрестности. Море Тетис тянулось к северу до самого горизонта. На юге красную каменистую пустыню сменяли алые холмы, а еще несколькими километрами южнее различалась

зелень кустов у подножия гор. На тропе, идущей над обрывом, кое-где попадалась трава.

Манмут остановился глянуть на углубление, приготовленное для головы, которой маленькие зеленые человечки пожертвовали, чтобы вырвать двери трюма. Там было отверстие для выступа в основании шеи, что позволяло надежно установить каменную голову. Маленькие зеленые человечки были искусными и опытными мастерами.

Манмут двинулся на восток, туда, где стояла следующая голова. Он не был создан для ходьбы — ему полагалось сидеть в исследовательской подлодке, иногда плавать. Устав от прямохождения, он перенастроил суставы и хребет и затрусил по-собачьи.

Наконец Манмут остановился у широкого основания головы и увидел, что она закреплена в камне чем-то вроде цемента. Он глянул на восток, на дорогу, которую катки и тысячи МЗЧ проложили над береговым обрывом, потом на запад, где зеленая толпа уже доставила подлодку и Орфу почти к пещере на мысу.

— Уже на месте? — раздался голос Орфу.

— Да. Подошел вплотную.

— Что насчет лица?

— Снизу ракурс неудачный, — ответил Манмут. — Главным образом видны подбородок, губы и ноздри.

— Спустись обратно на пляж. По какой-то причине лица рассчитаны на то, что на них будут смотреть с моря.

— Но… — начал Манмут, глядя на почти крутой стометровый обрыв. Как и там, где он поднялся, к пляжу вела еле заметная тропка. — Если при спуске я сломаю шею, виноват будешь ты.

— Понял, — сказал Орфу. — Я ощущаю вибрацию оттого, что меня тащат, но не знаю, сколько еще до пещеры. Тебе видно?

Манмут прибавил увеличение и глянул на запад.

— Еще метров двести, — сказал он. — Сейчас я начну спуск. Ты вправду хочешь, чтобы я проверил и следующую голову тоже? Это еще километр к востоку, и с орбиты они все выглядели одинаково.

— Думаю, лучше убедиться, — сказал Орфу.

— Сказал безногий, — проворчал Манмут, начиная долгий крутой спуск к пляжу.

Манмут пятился до тех пор, пока невысокие волны не принялись лизать ему ноги. Лицо было различимое, но не знакомое. Ничего не сказав,

погруженный в свои мысли, Манмут прошел по пляжу еще километр на восток. Следующая голова в точности повторяла предыдущую: гордая и властная, она свирепо глядела в сторону моря. Изваяние изображало старика с большой лысиной, но длинными волосами по обе стороны скуластого морщинистого лица; над маленькими глазками нависали насупленные брови, тонкие губы недовольно кривились, подбородок был маленький, но волевой.

— Это старик, — сказал Манмут по связи. — Определенно пожилое человеческое существо мужского пола, хотя в моих исторических банках данных я его не нашел.

Несколько секунд на линии потрескивали помехи.

— Поразительно, — сказал Орфу. — Чем земной старик заслужил, что тысячи таких голов поставили по всему марсианскому побережью?

— Понятия не имею, — сказал Манмут.

— Может, это местный колесничник? — спросил Орфу. — Похож он на бога?

— На греческого — нет. Больше всего похож на влиятельного старика, страдающего несварением желудка. Можно мне теперь вернуться? Пока седовласые старцы в тогах и на колесницах не

пролетели сверху и не увидели, как я стою тут и пялюсь, словно турист.

— Да, — сказал Орфу. — Полагаю, тебе пора возвращаться.

23. Техасский секвойевый лес

Утром за завтраком в зеленом пузыре на вершине Золотых Ворот в Мачу-Пикчу Одиссей не поведал им свою историю. Никто не вспомнил его попросить. Все были как будто погружены в себя, и Ада вскоре догадалась почему.

Ада была погружена в себя, потому что мало спала, зато провела лучшую ночь в своей жизни. Она «занималась сексом» и раньше — кто из женщин ее возраста не занимался? — однако лишь теперь поняла, что такое «искусство любви». Харман был бесконечно нежен и вместе с тем страстен и настойчив; чуткий и отзывчивый к ее желаниям, он тем не менее не позволял им собой управлять. Они мало спали, прижавшись друг к другу на узкой кровати у круглящей прозрачной стены, но часто просыпались, и тела возвращались к ласкам прежде, чем включался разум. Когда солнце встало над восточным пиком Мачу-Пикчу, Ада чувствовала себя другим человеком… вернее, нет, просто она словно выросла, раскрылась, наполнилась…

Ей подумалось, что Ханна тоже на себя не похо-

жа: возбужденная, ловит каждое слово того, кто назвал себя Одиссеем. Время от времени Ханна косилась на Аду и тут же отводила глаза, почти краснея. «Господи, — сообразила Ада, когда завтрак кончился и они собрались вместе лететь в Ардис-Холл, — Ханна переспала с Одиссеем!»

Первый миг Ада не могла в это поверить. За все годы их дружбы Ханна даже вскользь не упоминала об интимных отношениях с мужчинами. Тут она заметила, как Ханна смотрит на бородача, сидя напротив за столом, по-прежнему отзывается на каждое его движение, и поняла, что ночь на Мачу-Пикчу прошла бурно не только у нее.

Даэман и Сейви выделялись из общей картины. Молодой человек был в таком же дурном настроении, как накануне, и отрывисто расспрашивал о Средиземном бассейне — рвался отправиться в приключение, но заметно нервничал. Старуха была неразговорчива, даже угрюма и торопилась с отъездом.

Харман говорил мало и (думала Ада) по-прежнему был сосредоточен на ней, хотя и не показывал этого другим. Раз или два она ловила его улыбчивый взгляд, и в груди поднималась теплая волна нежности. В какой-то момент он под столом погладил ее колено.

— Так каков план? — спросил Даэман, когда они заканчивали завтракать горячими круассанами (чуть раньше Ада с изумлением смотрела, как Сейви их печет) с маслом, ягодами, свежевыжатым соком и крепким кофе.

— Отвезти Одиссея, Ханну и Аду в Ардис-Холл, а мы уже еле-еле успеваем попасть туда до темноты, — сказала Сейви. — Потом ты, я и Харман летим в Средиземный бассейн. Не передумал, Даэман-ур?

— Не передумал, — ответил Даэман. Ада не услышала в его голосе особого энтузиазма; он то ли устал, то ли мучился похмельем.

— Тогда ноги в руки и вперед, — сказала старуха.

Летели на том же соньере, что и сюда, хотя Ханна сказала Аде, что в одном из помещений южной башни стоят еще летающие машины. У маленького соньера обнаружилось сзади на удивление много отделений для рюкзака и прочего снаряжения Сейви. Впрочем, больше всего багажа оказалось у Одиссея: короткий меч в ножнах, щит, сменная одежда и два копья, с которыми он охотился на Ужасных птиц. Сейви легла в центральное углубление, у виртуальной панели управления, Ада слева от нее, Харман — справа.

Даэман, Одиссей и Ханна устроились в углублениях позади них, и Ада, оглянувшись во время полета, заметила, что ее подруга с нежностью глядит на бородача.

Сначала летели на восток над высокими горами, затем снизились и снова полетели на север, над густыми джунглями и широкой бурой рекой, которую Сейви назвала Амазонкой. Сплошной покров джунглей лишь изредка нарушали голубые стеклянные пирамиды высотой в тысячу футов; их вершины торчали над низкими дождевыми облаками. Сейви не стала объяснять, что это за пирамиды, а ее спутники не задавали вопросов.

Через полчаса после того, как последняя пирамида скрылась вдали, Сейви круто повернуло влево, и они полетели над горами на запад-северо-запад. Воздух здесь был такой разреженный, что даже при видимой высоте полета футов в пятьсот пузырь силового поля раздулся, и пришлось закачать в него дополнительный кислород.

— Мы, случаем, не отклонились? — нарушил молчание Харман.

Сейви кивнула:

— Я сделала большой крюк, чтобы обогнуть Зоринские Монолиты, идущие по шельфу Перу, Эквадора и Колумбии. Некоторые из них до сих

пор вооружены и автоматизированы.

— Что такое Зоринские Монолиты? — спросила Ханна.

— Это не то, чего нам сегодня надо опасаться, — ответила Сейви.

— Как быстро мы летим? — спросила Ада.

— Медленно. — Старуха глянула на виртуальную панель вокруг своих рук. — Сейчас примерно триста миль в час.

Ада попыталась это вообразить и не смогла. До первого полета на соньере самым быстрым транспортом в ее жизни были запряженные войниксами дрожки, и она не знала, какая у них скорость. Вероятно, не триста миль в час. Горные хребты внизу точно проносились стремительнее, чем знакомые места, когда дрожки или одноколка везли ее от Ардис-Холла к факс-узлу и обратно.

Прошел еще час.

В какой-то момент Ханна сказала:

— У меня шея затекла смотреть вниз через край, а пузырь такой низкий, что не сесть. Вот бы…

Тут она осеклась и завизжала. Даэман, Ада и Харман тоже закричали.

Сейви провела рукой по виртуальной панели, и соньер под ними просто исчез. В краткий миг

до того, как зажмуриться, Ада увидела, что шесть человек, их багаж и копья Одиссея как будто бы летят по воздуху без всякой опоры.

— Предупреждать надо, — дрожащим голосом проговорил Харман.

Старуха пробормотала что-то неразборчивое.

Ада целую минуту ощупывала холодный металл перед собой и мягкую кожу углубления под грудью, животом и ногами, прежде чем решилась приоткрыть глаза. *Я не падаю, не падаю, не падаю,* твердила она про себя. *Нет, падаешь*, убеждали зрение и внутреннее ухо. Она снова закрыла глаза и открыла их гораздо позже, когда соньер уже оставил горы позади и летел вдоль полуострова, тянущегося вдоль материка на северо-запад.

— Я подумала, тебе будет интересно это увидеть, — сказала Сейви Харману, как будто остальным все равно не понять их разговора.

Впереди море рассекало перешеек, образуя пролив шириной не меньше ста миль. Сейви набрала высоту и повернула на север над морем.

— А на моих картах перешеек между Южной и Северной Америкой был выше уровня моря на всем своем протяжении, — сказал Харман, изворачиваясь, чтобы посмотреть назад.

— Твои карты бесполезны, — ответила Сейви,

затем прибавила высоту и увеличила скорость.

Было уже за полдень, когда они вновь увидели побережье. Сейви опустила соньер пониже. Теперь они неслись над болотами, которые быстро сменились бескрайним лесом секвой и мамонтовых деревьев (как сказала Сейви). Самые высокие вздымались во влажный воздух на двести-триста футов.

— Кто-нибудь хочет размять ноги на твердой земле и перекусить? — спросила Сейви. — Или уединиться по нужде?

Четверо из пяти пассажиров дружно проголосовали за. Одиссей чуть заметно улыбнулся. Он дремал всю дорогу.

Они перекусили на поляне в окружении вековых исполинов. В островке синего неба над ними двигались бледные кольца.

— Тут есть динозавры? — спросил Даэман, вглядываясь в густые тени между деревьями.

— Нет, — ответила Сейви. — Они предпочитают север и середину материка.

Даэман успокоенно привалился к упавшему стволу и принялся за хлеб, нарезанную говядину и фрукты, но мигом выпрямился, когда Одиссей заметил:

— Возможно, Сейви-ур имеет в виду, что реком-

бинантных динозавров здесь нет, потому что их отпугивают более свирепые хищники.

Сейви нахмурилась и покачала головой, словно укоряя ребенка. Даэман снова посмотрел во влажный сумрак леса и передвинулся поближе к соньеру.

Ханна, до сих пор не сводившая глаз с Одиссея, вытащила из кармана туринскую пелену и положила на глаза. Несколько минут она полулежала, пока остальные молча ели в жаркой безветренной тени. Наконец Ханна выпрямилась, убрала расшитую микрочипами ткань и спросила:

— Одиссей, хочешь посмотреть, что происходит с тобой и твоими товарищами в войне за укрепленный город?

— Нет, — сказал грек.

Он белыми зубами оторвал кусок холодной Ужасной птицы, прожевал и запил вином из своего бурдюка.

— Зевс прогневался и склонил удачу на сторону троянцев, которыми командует Гектор, — продолжала Ханна как ни в чем не бывало. — Греки отброшены за укрепления — ров и частокол — и бьются у кораблей. Судя по всему, ваша сторона проиграет. Все великие цари, включая тебя, обратились в бегство. Только Нестор остался

сражаться.

Одиссей фыркнул:

— Болтливый старик. Он остался, потому что его коня подстрелили.

Ханна глянула на Аду и улыбнулась. Очевидно, ее целью было втянуть Одиссея в разговор, и теперь она считала себя победительницей. Ада по-прежнему не верила, что вот этот даже-чересчур-настоящий человек — загорелый, морщинистый, исполосованный шрамами, так не похожий на обновляемых в лазарете мужчин ее круга, — и есть Одиссей из туринской драмы. Как все самые умные ее знакомые, Ада считала, что туринские пелены показывают виртуальное развлечение, вероятно написанное и снятое в Потерянную Эпоху.

— Ты помнишь битву у черных кораблей? — продолжила наступление Ханна.

Одиссей опять фыркнул:

— Я помню пир накануне этого позорного дня. Тридцать кораблей доставили с Лемноса вино — тысячу мер, довольно, чтобы утопить все троянские рати, если бы мы не нашли ему лучшего применения. Эвней, сын Язона, прислал это вино в дар Атридам — Агамемнону и Менелаю. — Он сощурился на Ханну и остальных. — Вот

плавание Язона — это и впрямь история, которую стоит послушать.

Все, кроме Сейви, непонимающе смотрели на коренастого грека в подпоясанной тунике.

— Язон и его аргонавты. — Одиссей обвел взглядом лица спутников. — Про них-то вы слышали?

Неловкое молчание нарушила Сейви:

— Ничего они не слышали, сын Лаэрта. Наши так называемые люди старого образца лишены прошлого, мифов, каких бы то ни было историй — за исключением туринской драмы. Они такие же постписьменные, как ты и твои товарищи были дописьменными.

— Мы не нуждались для величия в царапинах на коре, пергаменте или глине, — прорычал Одиссей. — Письмена придумали за некоторое время до нас и отказались от них, потому что они никому не нужны.

— Ну да, — сухо заметила Сейви. — «Разве у неграмотного стоит хуже?[29]» По-моему, это из Горация.

Одиссей полыхнул очами.

---

[29] Примечания: 29

«Разве у неграмотного стоит хуже?» — Сейви цитирует один из английских переводов Горациевой строки *Illiterati num minus nervi rigent?* (Эподы 8, 17, в русском переводе Г. Севера — «не хуже неуч-член стоит неграмотный»).

— Расскажешь нам про Язона и его… как их там? — начала Ханна и покраснела так, что у Ады не осталось сомнений насчет прошлой ночи.

— Ар-го-нав-тов, — медленно произнес Одиссей, подчеркивая каждый слог, будто говорит с ребенком. — И нет, не расскажу.

Ада то и дело возвращалась взглядом к Харману, а ее мысли — к воспоминаниям о долгой ночи. Ей хотелось уединиться с Харманом, поговорить об их общей тайне или хотя бы закрыть глаза и задремать во влажной жаре среди танцующих солнечных бликов, — быть может, ей приснятся их ночные ласки. «Или еще лучше, — думала она, глядя на Хармана из-под ресниц, — ускользнуть вместе с ним в лесную тень и предаться любви, а не просто о ней грезить».

Однако Харман как будто не замечал ее взглядов и явно отключил телепатический приемник, настроенный на волну Ады. Казалось, ее возлюбленному куда интереснее то, что говорит Одиссей.

— Не расскажешь ли ты нам о твоей туринской войне? — спросил он у бородача.

— Она звалась Троянской войной, и в жопу ваши туринские подгузники, — сказал Одиссей. Однако он весь перекус прикладывался к бурдюку

и, похоже, смягчился. — Однако я могу поведать историю, которую ваши бесценные пеленки не знают.

— Да, пожалуйста, — сказала Ханна, придвигаясь ближе.

— Избави нас бог от рассказчиков, — пробормотала Сейви.

Она встала, убрала упаковки от ланча в багажник соньера и ушла в лес.

Даэман тревожно посмотрел ей вслед.

— Вы правда думаете, что здесь водятся хищники опаснее динозавров? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Сейви сумеет за себя постоять, — ответил Харман. — У нее есть пистолет.

— Но если ее съедят, — Даэман продолжал смотреть в лес, — кто поведет соньер?

— Тсс, — зашипела на него Ханна и тонкими загорелыми пальцами тронула Одиссея за руку. — Расскажи нам историю, которую не знает туринская пелена. Прошу тебя.

Одиссей нахмурился, но Ада и Харман согласно закивали, так что он смахнул крошки с бороды и начал:

— Этого не показывали и не покажут в вашем туринском тряпье. События, о которых я расска-

жу, произошли после смерти Гектора и Париса, но раньше деревянного коня.

— Парис умрет? — перебил Даэман.

— Гектор умрет? — спросила Ханна.

— Деревянного коня? — сказала Ада.

Одиссей закрыл глаза, провел рукой по седой бороде и поинтересовался:

— Можно не перебивать?

Все, кроме отсутствующей Сейви, кивнули.

— События, о которых я сейчас поведаю, произошли после смерти Гектора и Париса, но раньше деревянного коня. В те дни среди величайших сокровищ Илиона был некий божественный образ, упавший с небес, — вы бы назвали его метеоритом, — но каменный, созданный самим Зевсом за поколения до нашей войны в знак благосклонности отца богов к основанию города. Эту фигуру называли палладием, ибо она имела облик Паллады… Сразу оговорюсь, не Афины Паллады, как мы зовем нашу богиню, а Паллады, спутницы ее юности. Эта другая Паллада (само слово, в зависимости от ударения, может иметь в нашем языке либо женский, либо мужской род, но тут оно ближе всего к латинскому *virago*, что значит «могучая дева») погибла в дружеском поединке с Афиной. Ил, отец Лаомедонта, который, в свою

очередь, станет отцом Приама, Тифона, Лампа, Клития и Гикетаона, однажды утром обнаружил камень-звезду перед шатром и сразу угадал в ней знак свыше.

Этот древний палладий, долго служивший тайным источником богатства и мощи города, был трех локтей в высоту. В правой руке статуя держала копье, а в левой — веретено и прялку, поэтому многие связывали ее с богиней судьбы и смерти. Ил и прочие предки нынешних защитников Трои велели изготовить множество палладиев разной величины и оберегали эти поддельные статуи так же, как настоящую, ибо все знали, в чем секрет непобедимости Трои. Сами боги явили мне эту тайну во сне, в последние недели осады. Пробудившись, я изложил Диомеду мой план проникнуть в Трою и вычислить настоящий палладий, чтобы потом, вернувшись, выкрасть его и окончательно решить участь Трои.

Первым делом я облачился в рубище и приказал слуге обезобразить меня ударами бича. Илионцы были известны своей мягкотелостью к челяди, они чаще баловали рабов, чем наказывали, и ни одного троянского слугу из приличного дома не выпустили бы на улицу в рваной одежде и шрамах от битья. Поэтому я рассудил, что лох-

мотья, вонь, а главное — кровавые следы бича заставят горожан в смущении от меня отвернуться. Идеальная маскировка для лазутчика, вы не находите?

Я решил идти сам, потому что не было ахейца хитроумнее меня, и потом, я уже бывал в Трое раньше, десять с лишним лет назад. Меня отправили туда вести переговоры, чтобы нам вернули Елену, прежде чем к берегу подошли наши черные корабли и началась война. Переговоры закончились ничем, как мы все, истинные аргивяне, и надеялись — мы рвались сражаться и жаждали добычи. Однако я запомнил общий план города за стенами.

Боги — вероятнее всего, Афина, благоволившая к нам более прочих, — открыли мне в сновидении, что палладий и его бесчисленные копии упрятаны где-то во дворце Приама, однако не сообщили, где именно и как отличить настоящий от поддельных.

Я дождался самого темного часа, когда огни на крепостном валу почти догорели, а человеческие чувства притуплены, закинул веревку с крюком на высокую стену, взобрался на нее, убил дозорного, а тело зарыл в куче сена, приготовленного для фракийской конницы. Велик

был Илион — самый большой город в мире, — и я долго добирался по темным улицам и проулкам до Приамова дворца. Дважды меня окликали вооруженные стражники, но я сопел, хрюкал и махал иссеченными бичом руками, так что они сочли меня рабом-идиотом, которого справедливо выпороли за идиотизм, и пропустили.

Приамов дворец был велик — там насчитывалось пятьдесят опочивален для пятидесяти Приамовых сыновей. Двери и наружные окна нижнего этажа стерегли лучшие троянские воины, другие бодрствовали во дворах и на стенах. Никто из них не пропустил бы меня, сколько ни сопи и ни маши окровавленными руками. Поэтому я прошел на юг несколько кварталов до жилища Елены, которое тоже хорошо охранялось, но я это исправил, заколов второго за ту ночь троянца и спрятав его труп.

После того как Парис погиб в поединке лучников, Елену отдали в жены другому Приамову сыну, Деифобу, которого илионцы называли «истребитель врагов», а мы, ахейцы, промеж себя именовали «воловья задница», однако в ту ночь он отлучился и Елена спала одна. Я разбудил ее.

Вряд ли я убил бы Елену, если бы она позвала на помощь. Все-таки я давно ее знал, поскольку

не раз гостил у благородного Менелая, а еще до того был одним из первых женихов Елены, когда ей пришла пора выходить замуж, — впрочем, скорее из вежливости, ибо уже тогда был счастливо женат на Пенелопе. Именно я посоветовал Тиндарею взять со всех женихов клятву, что они примут свободный выбор Елены, и тем избежать мести неудачников. Думаю, Елена была благодарна мне за этот совет.

Она не стала поднимать шум, когда я пробудил ее от беспокойного сна в илионском доме. Напротив, она тут же узнала меня, обняла и стала расспрашивать о здоровье своего настоящего мужа и дочери, оставленной в далекой Спарте. Я ответил, что все хорошо, но умолчал, что за время войны Менелай был дважды ранен тяжело и раз пять легко, в том числе недавно стрелой в бедро, и что он в прескверном расположении духа. Вместо этого я рассказал, как сильно скучают по ней муж и дочь в Спарте, как они хотят, чтобы она вернулась к ним живой и здоровой.

Тут Елена рассмеялась. «Мой супруг и повелитель Менелай желает мне смерти, и тебе, Одиссей, это известно, — сказала она. — И я уверена, он сам меня убьет, как только падут крепкие стены Трои и Скейские врата, как предсказала Кассандра».

Я никогда прежде не слышал о такой пророчице и вообще верю лишь Дельфийскому оракулу и Афине Палладе, но спорить не мог. Я вполне допускал, что после стольких лет неверности в объятиях и постелях врагов Менелай и впрямь перережет ей горло. Однако этого я Елене не сказал, а заверил, что уговорю Менелая, сына Атрея, сохранить ей жизнь, если она не выдаст меня этой ночью, а покажет мне путь во дворец Приама и научит, как определить истинный палладий.

«Я и так не предала бы тебя, Одиссей, сын Лаэрта, мудрый и хитроумный советник», — отвечала Елена. И она рассказала, как обойти дворцовую охрану и как распознать истинный палладий, когда я увижу его среди подделок.

Однако уже почти рассвело, и я не мог в ту же ночь завершить свою миссию. Так что я прошел по улицам и перелез через стену в том месте, где раньше убил дозорного. В тот день я долго отсыпался, затем совершил омовение, выпил и поел, а затем искуснейший целитель нашего войска Махаон, сын Асклепия, перевязал мои раны от бича и наложил чудодейственную мазь.

На следующий вечер я, понимая, что сражаться и одновременно тащить на себе тяжелый палладий несподручно, посвятил в свой замысел

Диомеда. Вместе с Тидидом мы дождались самого темного ночного часа, меткой стрелой поразили дозорного и перелезли через стену. Затем мы быстро прошли по улицам Илиона, не разыгрывая из себя избитых рабов, а тихо и ловко убивая всякого, кто нас окликнет. Во дворец Приама мы проникли по сточной трубе, про которую рассказала мне Елена.

Диомед, гордец, как многие тупоголовые аргосские герои, не желал идти по сточной трубе даже ради падения Илиона. Он ругался, и злился, и стенал, и был вне себя к тому времени, когда нам в довершение всего пришлось вылезать через дыру нужника на десять человек в подвале, где среди военных казарм помещалась сокровищница Приама.

Мы шли очень тихо, но от нас воняло на много шагов вперед, так что по пути нам пришлось убить первых двадцать стражников в коридоре. Двадцать первый показал нам, как открыть заветные двери, избежав ловушек, после чего Диомед перерезал горло и ему.

В сокровищнице хранились тонны золота, груды самоцветов, бочки жемчугов, сундуки с алмазами, громадные тюки узорчатых тканей и прочие богатства сказочного Востока, а вдоба-

вок — примерно сорок палладиев в нишах. Они были одинаковы всем, кроме размера.

«Елена сказала взять самый маленький», — объяснил я Диомеду, потом завернул настоящий палладий в красный плащ последнего убитого стража. Рок Илиона был в наших руках, нам оставалось только исчезнуть.

И тут Диомед решил, что хочет разграбить Приамовы сокровища прямо сейчас. Алчность отбила ему остатки мозгов. Диомед готов был отдать десять лет нашей крови и пота за жалкие сотни фунтов золота.

Я… разубедил его. Поставил палладий на пол, вытащил меч, чтобы помешать сыну Тидея, царю Аргоса, из жадности погубить нашу миссию. Не стану описывать наш бой. Он был краткий, и я победил хитростью. Ладно, раз вы настаиваете, честным он тоже не был. Никакой благородной *аристейи*. Я предложил перед боем снять нашу вонючую одежду, и пока этот болван раздевался, я бросил ему в голову здоровенный золотой слиток.

В итоге мне пришлось выбираться из Приамова дворца, обнимая рукой тяжелый палладий и таща на плече еще более тяжелого голого Диомеда.

До стены бы я его так не дотащил, поэтому чуть

не бросил у ямы, куда сливалась сточная труба, у реки под стенами Илиона, но тут Диомед пришел в сознание и согласился покинуть город вместе со мной. Мы ушли тихо. Очень тихо. Диомед не разговаривал со мной ни в тот день, ни в следующую неделю, ни после падения и разграбления Илиона, ни во время нашей подготовки к отплытию.

Я тоже больше с Диомедом не разговаривал.

Надо добавить, что вскоре после того, как я принес палладий в аргивский стан, где мы хорошенько его спрятали, убежденные, что теперь дни Илиона сочтены, мы принялись строить исполинского деревянного коня. Конь был нужен для трех целей. Во-первых, в качестве военной хитрости, чтобы мне и моим отборным воинам попасть в город. Во-вторых, чтобы троянцы сами разобрали каменную перемычку над Скейскими воротами, под которыми наш дар не проходил. Пророчество гласило, что Илион падет не раньше, чем произойдут эти два события: город лишится палладия, а перемычка над Скейскими воротами будет разрушена. И в-третьих, мы изготовили этого коня в дар Афине, чтобы возместить ей утрату палладия, ибо она известна также как Гиппия, «конская богиня» — именно она взнуздала и укротила Пегаса для Беллерофонта и вообще

любила скакать на своих лошадях при любой возможности.

Итак, друзья мои, вот мой краткий рассказ о том, как был похищен палладий и пала священная Троя. Надеюсь, вам понравилось. Вопросы есть?

Ада глянула на Хармана. «И это *краткий* рассказ?» — подумала она и увидела, что возлюбленный поймал ее мысль, словно воздушный поцелуй.

— Да, у меня вопрос, — подал голос Даэман.

Одиссей кивнул.

— Почему ты называешь город то Троей, то Илионом? — спросил пухлый молодой человек.

Одиссей слегка покачал головой, встал, вытащил из соньера свой короткий меч и скрылся в чаще.

24. Илион. Индиана. Олимп

Зевс разгневан. Громовержец и раньше бывал не в духе, однако на сей раз он очень, очень, очень зол.

Когда отец богов врывается в разгромленную лечебницу на Олимпе, обозревает ущерб, смотрит на бледное тело дочери в клубке извивающихся зеленых червей на мокром полу, а затем поворачивается ко мне, я уверен, что Зевс меня *видит*, что он проницает взглядом всю маскировку, которую дает Аидов Шлем. Он несколько секунд смотрит на меня и моргает ледяными серыми глазами, словно принимая некое решение, потом отводит взгляд, и я, Томас Хокенберри, профессор Индианского университета в прошлой жизни и любовник Елены Прекрасной в нынешней, остаюсь в живых.

Правая рука и левая нога сильно ушиблены, но главное — кости целы. По-прежнему скрытый Шлемом Аида от многочисленных богов, вбегающих в лечебный покой, я выбираюсь из здания. Есть лишь одно место, не считая Елениной спальни, где я могу отдохнуть и прийти в

себя, — казарма схолиастов у подножия Олимпа. Туда я и квитируюсь.

По привычке я иду в свою комнату и, не снимая Шлем Аида, валюсь на голую койку. Боже, какой долгий день остался позади. Не говоря уже про ночь и утро. Человек-Невидимка забывается беспокойным сном.

Просыпаюсь я от воплей и раскатов грома этажом ниже. Выскакиваю в коридор. Схолиаст по имени Бликс бежит мимо, едва не сшибает меня (поскольку я для него невидим) и на бегу объясняет коллеге Кэмпбеллу:

— Муза здесь и всех убивает!

Так и есть. Я укрываюсь под лестницей, когда Муза — наша Муза, которую Афродита назвала Мелетой, — убивает нескольких бегущих схолиастов, уцелевших в пылающей казарме. Богиня мечет в них молнии чистой энергии, да, банальные, но оттого не менее губительные для человеческой плоти. Бликс обречен. Я не в силах помочь ни ему, ни остальным.

Найтенгельзер. Флегматичный схолиаст был в последние годы моим единственным другом. Задыхаясь, я бегу в его комнату. Мрамор исцарапан, дерево пылает, оконное стекло оплавлено, однако обгоревшего тела нигде нет, а те, что я видел

в коридорах, маловаты для дородного Найтенгельзера. С третьего этажа доносятся последние вскрики — и все смолкает, кроме бушующего пламени. Через окно мне видно, как голографические кони галопом уносят Музу прочь. В панике, кашляя от едкого дыма — будь Муза в казарме, она бы меня услышала, — я заставляю себя вообразить уличную забегаловку, где последний раз видел Найтенгельзера. Сжимаю квит-медальон, поворачиваю диск и переношусь в Илион.

В забегаловке Найтенгельзера нет. Я переношусь на поле боя, но его нет и на всегдашнем уступе над троянскими ратями. Я еле успеваю отметить, что Гектор и Парис во главе троянцев преследуют бегущих аргивян, и квитируюсь в тенистое местечко за греческим тылом, возле рва и частокола, где столкнулся с Найтенгельзером в прошлый раз.

Он в обличье Долопа, сына Клития, — через несколько дней, если верить Гомеру, тот погибнет от меча Гектора. Не тратя времени на то, чтобы морфировать из неуклюжего облика Хокенберри, я сдергиваю Аидов Шлем и бегу к товарищу.

— Хокенберри! Ты что…

Найтенгельзер потрясен моим непрофессиональным поведением и реакцией окружающих

ахейцев. Привлечь к себе внимание — последнее, чего может желать схолиаст. Если не считать перспективы, что тебя испепелит разъяренная Муза. Я не знаю, отчего наша Муза истребляет сегодня всех схолиастов, но догадываюсь, что это избиение младенцев случилось из-за меня.

— Уходим отсюда! — ору я сквозь лязг металла, ржание лошадей и грохот колесниц.

Вокруг клубится пыль, однако мы видим, как греческие ряды поддаются под вражеским напором.

— О чем ты? Сегодня важный день! Парис и Гектор…

— В жопу Гектора и Париса! — говорю я по-английски.

Над тем местом, откуда мы с Найтенгельзером часто наблюдали за перипетиями сражений, материализуется Муза. Она перегнулась через край колесницы, которой управляет другая муза, и усиленным зрением оглядывает войска. Морфирование не спасет сегодня нас, смертных схолиастов.

Словно в подтверждение этой мысли, муза по имени Мелета — «моя» Муза — поднимает ладони и выпускает когерентный луч энергии в троянского пешего воина Дия, который, согласно

Гомеру, должен дожить до песни двадцать четвертой и получить разнос от Приама. Однако он умирает сегодня — исчезает в жарком всполохе и вихре дыма. Троянцы в панике разбегаются, не понимая, отчего богиня обрушила на них свой гнев в день, предназначенный Зевсом для их победы. Гектор и Парис продолжают атаку в четверти мили юго-восточнее и даже не оборачиваются.

— Это был не Дий, — шепчет Найтенгельзер. — Это был Хьюстон.

— Знаю.

Я перестраиваю свое усиленное зрение на обычное увеличение. Хьюстон был самым молодым из схолиастов и в казарме оказался позже всех; мы почти не общались. Вероятно, в троянские ряды его сегодня отправили из-за моего отсутствия.

Колесница Музы закладывает крутой вираж и летит прямо на нас. Я не думаю, что она нас видит — мы в гуще людей и коней, — но через несколько секунд точно увидит.

Что делать? Я могу натянуть Шлем Аида и трусливо скрыться, бросив Найтенгельзера, как бросил Бликса и остальных. Один капюшон никак не спрячет нас обоих от божественного зрения Музы. *Либо мы можем бежать — к чер-*

ным ахейским кораблям. Мы не пробежим и двадцати ярдов.

Колесница снижается и окутывается маскирующим облаком, скрываясь от взглядов греков и троянцев. Мы с Найтенгельзером по-прежнему видим ее наноизмененным зрением.

— Что за черт? — кричит Найтенгельзер и чуть не роняет записывающий жезл, когда я обхватываю его обеими руками и ногой, словно тощий пехотинец, вздумавший изнасиловать этого здоровяка.

Крепко держа его за шею, я поворачиваю диск квант-телепортации.

Я понятия не имею, получится ли. По идее, не должно. Медальон явно рассчитан только на своего носителя. Однако, когда я квитируюсь, одежда квитируется со мной, и я не раз переносил что-нибудь из одного места в другое через пространство Планка, так что, возможно, предназначенное для телепортации квантовое поле включает то, чего касается мое тело и что я держу в руках.

А, плевать. Попытка не пытка.

Мы материализуемся, кубарем летим по склону и раскатываемся в разные стороны. Я оглядываюсь, пытаясь определить, куда мы попали. У меня даже не было времени как следует вообразить

пункт назначения — я просто пожелал оказаться где-нибудь еще и квант-телепортировал нас обоих… куда-то.

Куда?

В лунном свете я вижу, что Найтенгельзер опасливо смотрит на меня, словно ждет, что я снова на него напрыгну. Не обращая на это внимания, я смотрю в небо — звезды, месяц, Млечный Путь, затем на землю — высокие деревья, травянистый склон холма, невдалеке бежит речка.

Мы определенно на Земле — по крайней мере, на древней Земле Илиона, — однако это не похоже на Пелопоннес или Малую Азию.

— Где мы? — спрашивает Найтенгельзер, вставая и отряхиваясь. — Что происходит? Почему ночь?

На противоположной стороне античного мира, думаю я, а вслух говорю:

— Полагаю, это Индиана.

— Индиана?! — Найтенгельзер отступает от меня еще на шаг.

— Индиана тысяча двухсотого года до нашей эры, — говорю я. — Плюс-минус век.

Падая с холма, я снова ушиб руку и ногу.

— Как мы сюда попали? — Найтенгельзер не умел злиться, мог брюзжать, ворчать по-мед-

вежьи, но ни на что не злился. Сейчас, судя по голосу, он в бешенстве.

— Я нас квитировал.

— Что ты несешь, Хокенберри? Мы точно не у квит-портала.

Не обращая на него внимания, я сажусь на камень и потираю руку. В Индиане не так-то много гор, но есть лесистые холмы в окрестностях Блумингтона, где жили мы со Сьюзен. Видимо, в панике я визуализировал… *родные края*. Мне отчаянно хотелось, чтобы квит-медальон перенес нас не только в пространстве, но и во времени и выбросил в Индиану конца двадцатого века, однако девственная чернота ночного неба и свежесть воздуха заставляют меня отбросить напрасные мечты.

Кто жил тут в тысяча двухсотом году до нашей эры? Индейцы. Снова Ирония? Неужели квит-медальон вырвал нас из рук разъяренной Музы и перенес в Новый Свет, где нас оскальпируют индейцы? *Большая часть племен не снимала с убитых скальпы до появления белых,* бубнит внутри педант-ученый. *Хотя я вроде бы читал, что иногда они отрезали уши.*

Ну, это другое дело. Не могу передать, насколько я утешен. Как говорится, можете всегда поло-

житься на убийцу в отношении затейливости прозы[30], а на профессора — что тот придумает что-нибудь мрачное, когда и без того худо.

— Хокенберри? — спрашивает Найтенгельзер. Он сидит на камне размером с табурет (подальше от меня) и тоже трет ушибы.

— Я думаю, я думаю, — отвечаю я голосом Джека Бенни[31].

— Хорошо. Когда закончишь думать, возможно, ты объяснишь мне, за что Муза только что убила молодого Хьюстона?

Отрезвляющие слова, но я все равно не готов к ответу.

— Между богами что-то происходит, — говорю я наконец. — Козни. Интриги. Заговоры.

— Ты еще мне расскажи, — отвечает Найтенгельзер. Это отчасти ирония, отчасти и впрямь просьба рассказать.

Я поднимаю обе руки ладонями вверх:

— Афродита пыталась с моей помощью убить

---

[30] Примечания: 30

…можете всегда положиться на убийцу в отношении затейливости прозы… — В. Набоков. Лолита.

[31] Примечания: 31

— Я думаю, я думаю, — отвечаю я голосом Джека Бенни. — Комик Джек Бенни (1894–1974) прославился своей лаконичностью. Самая известная его реприза: преступник наставляет на Бенни пистолет и говорит: «Кошелек или жизнь!» Бенни, замявшись, отвечает: «Сейчас, дайте подумать».

Афину.

Найтенгельзер смотрит на меня в упор. Ему удается — хоть и с усилием — не уронить челюсть.

— Знаю, о чем ты думаешь, Найтенгельзер. Почему именно меня? Почему Хокенберри? Зачем давать ему возможность квитироваться самостоятельно и Шлем Аида для невидимости? И я согласен: никакого смысла тут нет.

— Этого я не думал, — говорит Найтенгельзер. В звездном небе над нами проносится метеорит. Где-то в лесу за холмом кричит сова. — Я просто гадал, как тебя зовут?

Теперь моя очередь захлопать глазами.

— А что?

— Боги заставляли нас обращаться друг к другу по фамилиям, а мы боялись знакомиться близко, потому что схолиасты все время… исчезали и боги заменяли их другими, — говорит здоровяк, в полутьме больше обычного похожий на медведя. — Так что я хочу узнать твое имя.

— Томас, — отвечаю я, помолчав. — А твое?

— Кит, — говорит человек, с которым мы знакомы четыре года. Он поднимается и смотрит на черный лес. — И что дальше, Том?

В чаще квакают лягушки, звенят насекомые, кричит какая-то ночная живность. Если только

это не подкрадывающиеся к нам индейцы.

— Умеешь ли ты… в смысле, ходил ли ты в походы… то есть.

— Ты хочешь знать, погибну ли я, если бросить меня здесь одного? — спрашивает Найтенгельзер… Кит.

— Да.

— Не знаю. Возможно. Но подозреваю, тут мои шансы выжить много больше, чем на Илионской равнине. Во всяком случае, покуда Муза на тропе войны…

Я догадываюсь, что Кит, в точности как я, думает об индейцах.

— Плюс у меня есть мои схолиастические гаджеты. Я могу развести огонь, летать с помощью левитационной сбруи, если понадобится, морфировать в индейца, если придется, даже применять тазер. Так что, думаю, тебе надо квитироваться назад и продолжить то, чем ты занимался, — говорит Найтенгельзер. — Подробности расскажешь позже… если настанет это «позже».

Я киваю и встаю. Неправильно, даже дико бросать товарища одного, но выбора у меня нет.

— Ты найдешь дорогу обратно? — спрашивает он. — В смысле, сюда? Чтобы меня забрать?

— Наверное.

— Наверное? *Наверное?* — Найтенгельзер проводит рукой по всклокоченным волосам. — Надеюсь, ты не был деканом своего факультета, Хокенберри.

Как я понимаю, эра обращения по именам закончена.

Менее всего мне хочется сейчас быть на Олимпе, и все же я квитируюсь именно туда. Обитатели горы собрались в Великом чертоге богов. Убедившись, что Аидов Шлем плотно натянут и за мной нет тени, я проскальзываю в исполинское парфенонoподобное здание.

За все девять с лишним лет я не видел столько богов сразу. По одну сторону длинного голографического пруда сидит на золотом троне Зевс — больше, чем когда-либо на моей памяти. Я уже упоминал, что боги обычно имеют рост восемь-девять футов, если только не принимают облик смертных, а Зевс, как правило, возвышается над ними фута на три-четыре — божественный взрослый среди своих космических детей. Однако сегодня в нем двадцать пять футов, если не больше, каждая его мускулистая рука длиной с мое туловище. Мимолетно задаюсь вопросом, что при этом происходит с сохранением материи и энергии, про которое другой схолиаст пытался

объяснить мне годы назад, но сейчас это не важно. Вжаться в стену подальше от толпы богов, не шевельнуться, не чихнуть, никак не выдать себя их обостренным супергеройским чувствам — вот что важно.

Раньше я думал, будто знаю по именам всех богов и богинь, но сейчас здесь десятки незнакомых мне лиц. Те, кого я знаю, — боги и богини, принимавшие деятельное участие в Троянской войне, — выделяются в толпе, словно кинозвезды на встрече мелких политиков. Однако даже самые незначительные божества сильнее, красивее и совершеннее любой кинознаменитости из моего прошлого. Ближе всего к Зевсу, напротив него по другую сторону голографического бассейна, который делит сейчас помещение, словно ров, расположились Афина Паллада, бог войны Арес (очевидно, он уже вышел из целительного чана, который я не зацепил, уничтожая резервуар Афродиты), младшие братья Зевса — Посейдон (владыка морей и редкий гость на Олимпе) и Аид, повелитель мертвых. Сын Зевса Гермес стоит подле пруда; проводник и убийца великанов так же красив и строен, как его статуи, которые мне доводилось видеть. Другой сын Зевса, Дионис, бог исступленного разгула, беседует с Герой; вопреки

принятым представлениям, у него в руках нет кубка с вином. Да и вообще для бога исступленного разгула он какой-то бледный, хиловатый и угрюмый — словно человек на третьей неделе программы «Двенадцать шагов». За его спиной хмурит седые косматые брови Нерей — ветхий, как само время, истинное морское божество, морской старец. Между пальцами на руках и ногах у него перепонки, а под мышками видны жабры.

Судьбы и фурии в изобилии снуют среди олимпийцев; в каком-то смысле они тоже относятся к богам, однако иногда получают власть над другими богами. Внешне они не так человекоподобны, как обычные боги и богини, и, признаюсь, я мало о них знаю, кроме того, что живут они не на Олимпе, а на одном из трех вулканов далеко на юго-востоке, рядом с обителью муз.

Моя Муза, Мелета, тоже здесь, стоит рядом с сестрами Мнемой и Аоидой. Более «современные» музы — настоящая Каллиопа, Полигимния, Урания, Эрато, Клио, Евтерпа, Мельпомена, Терпсихора и Талия — держатся подле них. Сразу за музами стоят богини высшего разряда. Афродиты среди них нет — это я отметил прежде всего. Будь она здесь, я был бы ей виден, как все эти божества мне. Однако ее мать Диона присутствует,

разговаривает с Герой и Гермесом, и вид у нее по-настоящему встревоженный. Рядом Деметра, богиня плодородия, и ее дочь Персефона, жена Аида. За ними я вижу Пасифею, одну из харит. Дальше всех, сообразно своему низкому положению, теснятся обнаженные по пояс нереиды, коварные и соблазнительные.

Метабогиня по имени Ночь стоит отдельно, сама по себе. Одежда и покрывала у нее настолько темно-фиолетовые, что кажутся черными, все прочие боги и богини обходят ее стороной. Я никогда не видел Ночь на Олимпе и ничего о ней не знаю, кроме того, что, по слухам, ее боится даже Зевс.

Я, чувствуя себя зевакой на оскаровской церемонии, пытаюсь отличить суперзвезд от богов помельче. Вот, например, Геба, стоит рядом с бессмертными мужского пола. Она — богиня юности, дочь Зевса и Геры, однако всего лишь прислуживает богам. Или вот огненно-рыжий Гефест, великий искусник, говорит со своей женой Харитой, одной из многих харит. Впрочем, я давно обнаружил, какое неблагодарное занятие — разбираться в иерархии Олимпа.

Неожиданно посланница Зевса Ирида вылетает — да, именно вылетает — на середину и

хлопает в ладоши.

— Отец будет говорить! — возвещает она чистым и звучным, как флейта, голосом.

Приглушенные разговоры мгновенно смолкают, и огромное гулкое помещение затихает.

Зевс встает. Золотой трон омывает его тело неземным сиянием.

— Слушайте, что я скажу, о боги и богини. — Голос Зевса спокоен и негромок, но от его мощи гудят мраморные стены. — Сегодня кто-то из вас пытался причинить вред Афродите, которая находится сейчас на исцелении в нашей лечебнице, и, хотя она жива, ей теперь потребуется для выздоровления еще много дней. *Некий бог или богиня пытался сегодня убить бессмертную — убить ту, кому судьбой не положено умереть.*

Все помещение заполняет гул восклицаний.

– **МОЛЧАТЬ!!!** — ревет Зевс.

На сей раз его голос так громок, что меня бросает на пол и несет, словно подхваченное смерчем перекати-поле. По счастью, я не задел никого из богов или богинь, а звук падения заглушили раскаты эха.

— Слушайте меня, о боги и богини, — продолжает Зевс, и его голос грохочет, как некая сверхсистема оповещения, — и пусть никто из

вас не помышляет нарушить мое повеление. Покоритесь моей воле. **СЕЙЧАС ЖЕ!**

В этот раз я был готов к ураганной силе его голоса и уцепился за колонну, чтобы не улететь.

— Слушайте меня, — говорит Зевс почти шепотом, и это еще страшнее, чем его рев. — Любой, кто вопреки моему запрету поможет ахейцам или троянцам, как я наблюдал в этом месяце, будь то бог или богиня, с позором вернется сюда, опаленный моими молниями и посеченный моими громами, и будет навеки изгнан с Олимпа. Дерзнете не повиноваться — и узнаете, каково быть ввергнутыми во тьму Тартара за половину вселенной отсюда в пространстве и во времени, в глубочайшую бездну, что зияет под нашими квантовыми личностями.

Пока он говорит, голографический бассейн начинает кипеть и пузыриться, становится смоляно-черным. Теперь это уже не голограмма, а что-то иное. Прямоугольная яма размером с десяток олимпийских бассейнов наполняется клокочущей нефтью, затем с ревом превращается в дыру, которая ведет во что-то темное, бурлящее и неимоверно глубокое. Из пропасти идет запах серы, и боги с богинями отступают подальше от края.

— Вот он, Тартар! — кричит Зевс. — Глубочайшая пропасть в Доме Аида, удаленная от преисподней настолько же, насколько сам Дом Аида лежит ниже земли! Помните ли вы, старшие боги и богини, как последовали за мной на десятилетнюю войну с титанами, правившими до нас? Помните, как я низверг Крона и Рею, породивших меня, за те железные врата и медный порог? Да и Япета со всей его божественной мощью?

В чертоге стоит полная тишина, нарушаемая лишь приглушенным воем и стенаниями из бездны Тартара. Я уверен, что это не голограмма, а настоящая дыра в преисподнюю открылась в тридцати футах от моего укрытия.

– **ЕСЛИ Я РОДИТЕЛЕЙ НИЗВЕРГ В ЭТУ БЕЗДНУ НАВЕКИ**, — ревет Зевс, — **СОМНЕВАЕТЕСЬ ЛИ ВЫ, ЧТО Я ЗА СЕКУНДУ СБРОШУ ТУДА ВАШИ ВОПЯЩИЕ ДУШОНКИ?**

Боги и богини не отвечают, только отступают еще на несколько шагов от ужасающей бездны.

Губы Зевса кривит опасная улыбка.

— Давайте, бессмертные, испытайте меня, авось хоть чему-нибудь научитесь!

Исполинский золотой канат падает с потолка над зловонной ямой. Боги и богини разбегают-

ся, уворачиваясь от увесистого конца, и канат с грохотом ударяется о мрамор. Он толще якорной цепи и как будто сплетен из тысяч золотых прядей в дюйм толщиной.

Зевс сходит по золотым ступеням трона и огромной рукой без усилий поднимает свой конец каната.

— Хватайтесь, — говорит он почти весело.

Боги и богини переглядываются; никто не двигается с места.

– ХВАТАЙТЕСЬ ЗА КОНЕЦ!

Сотни бессмертных и их бессмертных слуг бросаются выполнять приказ, словно дети, перетягивающие канат на пикнике. Через минуту по одну сторону Тартара стоит Зевс, легко держа веревку, а по другую несметная орава богов и богинь сжимает золото божественными руками.

— Стащите меня вниз, — говорит Зевс. — Стащите меня с небес на землю, в Аид, и даже глубже, в зловонный Тартар. Я сказал, тащите.

Ни единое божество не шевелит бронзовым мускулом.

— СТАЩИТЕ МЕНЯ ВНИЗ, Я ПОВЕЛЕВАЮ!

Зевс сжимает золотой канат и начинает тянуть. Сандалии олимпийцев с визгом скользят по мрамору. Цепочку богов и богинь влечет ближе

к пропасти; кто-то спотыкается, кто-то валится на колени.

– **ТАЩИТЕ, СУКИНЫ ДЕТИ!** — орет Зевс. — **ИЛИ САМИ БУДЕТЕ ВВЕРЖЕНЫ В СМРАДНЫЙ ТАРТАР ДО СКОНЧАНИЯ ДНЕЙ, ПОКУДА ВРЕМЯ НЕ СГНИЕТ НА КОСТЯХ ВСЕЛЕННОЙ!**

Зевс снова дергает, и двадцать ярдов золотого каната кольцами ложатся за его спиной. Верени-ца из богов, богинь, харит, фурий, нереид, нимф и кого там еще (не держится за веревку одна лишь иссиня-черная Ночь) скользит к бездне. Афина первая в этой цепочке, и, когда до края остается тридцать футов, она кричит:

— Тяните, боги! Стащим старого козла в яму!!!

Арес, и Аполлон, и Гермес с Посейдоном, и все остальные напрягают дюжие спины. Скольже-ние прекращается. Натянутый канат скрипит от напряжения. Богини вопят и тянут в унисон, причем Гера — жена Зевса — старается больше всех. Золотой канат стонет от натуги.

Зевс хохочет. До сих пор он держал канат одной рукой, теперь берется второй и дергает снова.

Олимпийцы визжат, точно дети на амери-канских горках. Афина и те, кто сразу за ней, съезжают по мрамору, как по гладкому льду, все ближе и ближе к бушующему Тартару. Десятки

бессмертных попроще не выдерживают и отпускают канат, но Афина и не думает разжимать хватку. Сероглазую богиню неумолимо тянет к дымящейся западне. Такое чувство, что вся цепочка упирающихся, потеющих, бранящихся богов полетит вниз.

Зевс смеется и бросает канат. Олимпийцы пачками отлетают назад и плюхаются на бессмертные зады.

— Вы, боги и богини, братья, сестры, сыновья, дочери, кузены и слуги, не можете стащить меня вниз, — говорит Зевс. Он возвращается к трону и садится. — Хоть руки себе выдерните из суставов, хоть надрывайтесь до скончания века, вам не сдвинуть меня, если сам того не пожелаю. Потому что я Зевс, высочайший и могущественнейший из царей.

Он поднимает огромный палец.

— Но… если бы я и впрямь захотел совлечь вас с Олимпа, я бы подвесил вас в черной пустоте над Тартаром, привязал к небу и земле, закрепил конец на холмике, что зовется Олимпом, и оставил вас болтаться во тьме, пока Солнце не остынет.

Еще полчаса назад я заподозрил бы, что старикан блефует, но теперь знаю, что это не так.

Афина встает на ноги в ярде от бурлящего Тар-

тара и говорит:

— Отец наш, сын Крона, сидящий на высшем троне вселенной, мы знаем твою силу, о владыка. Кто может тебе противостоять? Только не мы…

Все боги затаили дыхание. О норове Афины ходят легенды, и ей частенько не хватает дипломатичности. Если сейчас она скажет что-нибудь не то…

— И все равно, — продолжает сероглазая дочь Зевса, — нам жаль этих смертных, моих обреченных аргивских копейщиков, что играют свои маленькие роли на маленькой сцене, умирают своей страшной смертью, захлебываясь собственной кровью в конце своей маленькой жизни.

Она делает два шага вперед, так что ее сандалии нависают над черной бездной. В тысячах футов под ее ногами яростные молнии прорезают тьму и что-то огромное ревет от боли и страха.

— О да, Зевс, — продолжает Афина, — мы воздержимся от битв, как ты велишь. Но дозволь нам хотя бы давать нашим любимцам тактические советы, чтобы не все они пали под твоим сокрушительным гневом.

Зевс долго смотрит на богиню. Трудно понять, чем полны его глаза: злостью? насмешкой? нетерпением?

— Тритогенея, третьерожденная, любезная дочь, — говорит Зевс. — Твоя отвага — моя вечная головная боль. Что же, дерзай, ибо урок, преподанный мною сегодня, вызван вовсе не гневом. Он должен был лишь показать цену непокорности.

Окончив речь, Зевс сходит с трона, и между исполинскими колоннами в чертог влетает его личная колесница. Два его бронзововокопытых коня — я вижу, что они реальные кони, не голограмма, — опускаются подле трона, их золотые гривы струятся в воздухе. Зевс надевает золотые доспехи, забирается в боевую машину и щелкает бичом. Колесница катит по мрамору, взмывает в воздух и описывает круг в сотне футов над головами богов и богинь, прежде чем пролететь между теми же колоннами и эффектно исчезнуть в раскатах квантового грома.

Боги, богини и олимпийцы рангом пониже медленно выходят из чертога, ропща и сговариваясь. Я уверен, что никто из них не намерен повиноваться своему царю и владыке.

А я… Я еще какое-то время сижу на полу, радуясь своей невидимости. Челюсть у меня отвисла, я часто дышу, словно побитая собака в жаркий день, и, кажется, даже пускаю слюни.

Иногда здесь, на Олимпе, перестаешь верить в

науку, в причины и следствия.

25. Техасский секвойевый лес

Даэман остался один на поляне рядом с соньером, и ему было не по себе.

После ухода Сейви Одиссей затянул свою дурацкую нескончаемую историю, а потом тоже ушел в лес. Выждав ровно минуту, Ханна отправилась следом. (Даэман еще поутру догадался, что Ханна с бородачом провели ночь вместе: его секс-радар редко давал сбои.) Через несколько минут Ада и другой старик, Харман, сказали, что пойдут прогуляться, и ушли в противоположную сторону. (Даэман знал: эта пара тоже не скучала. Очевидно, только ему и старой карге Сейви ничего не обломилось.)

Так что Даэман остался один. Прислонившись к висящему над землей соньеру, он вслушивался в шуршание листвы и хруст ломающихся веток, и звуки эти ему не нравились. Если появится аллозавр, Даэман готов был запрыгнуть в соньер, но что дальше? Он не умеет даже вызвать голографический пульт, а уж тем более активировать защитный пузырь или улететь. Он станет закуской для динозавра. На блюдечке с голубой

каемочкой.

Даэман подумал было покричать Сейви и остальным, чтобы они возвращались, но тут же решил, что лучше не надо. Интересно, привлекает ли шум динозавров и других хищников? Он не собирался ставить эксперимент на собственной шкуре. Тем временем его мучила не только тревога, но и необходимость справить нужду. Все остальные разошлись по лесу с туалетной бумагой, которую выдала Сейви, но Даэман был человек цивилизованный. Он никогда не справлял большую нужду без унитаза и не собирался начинать теперь.

Разумеется, Даэман не знал даже примерно, сколько часов займет полет к Ардис-Холлу, а судя по некоторым фразам Сейви, она не собиралась там останавливаться, только высадить Ханну, Аду и жулика, называющего себя Одиссеем, после чего сразу лететь к Средиземному бассейну. Даэман знал, что столько терпеть не сможет.

Он понял, что ему не столько страшно, сколько тоскливо. Вчера все удивились, когда он вызвался отправиться с Харманом и старухой в их дурацкую экспедицию, однако никто не угадал его истинных мотивов. Во-первых, он боялся динозавров в окрестностях Ардис-Холла и не желал

туда возвращаться. Во-вторых, ему очень не понравились слова о том, что в факс-портале людей уничтожают и воссоздают заново. Да кому такое понравится, если ты лишь недавно очнулся в лазарете, зная, что твое настоящее тело погибло? Раньше Даэман факсировал почти ежедневно, но теперь его пугала самая мысль о том, чтобы войти в факс-портал, где его мышцы, кости, мозг, память уничтожат, а потом соберут копию в каком-то другом месте. Не то чтобы Даэман до конца поверил Сейви, однако…

Поэтому он и выбрал чуть более долгое путешествие на соньере, чтобы избежать и встречи с ардисовскими динозаврами, и факсового разложения на атомы, молекулы или на что там еще.

Теперь ему нужен был только унитаз, да еще сервитор или мать, чтобы приготовили ужин. Возможно, он попросит старуху после Ардиса высадить его в Парижском Кратере. Ведь это ж недалеко? Даэман заглянул в черкушки Хармана — его «карту», — но концепция географии оставалась для него чуждой. Любая точка была на том же расстоянии, что и другая, — в одном факс-шаге.

Старуха вышла на опушку, увидела одинокого Даэмана и спросила:

— Где все?

— Вот и я думаю где. Сперва ушел дикарь. Потом Ханна убежала за ним. Затем Ада с Харманом отправились… куда-то туда. — Он махнул рукой в сторону высоких деревьев на другой стороне поляны.

— Почему ты не пользуешься ладонью? — спросила Сейви и улыбнулась, как будто собственные слова ее позабавили.

— Я уже пробовал, — сказал Даэман. — И на твоей ледышке, и на мосту, и здесь. Не работает.

Он поднял левую ладонь, подумал о функции поиска и показал висящий в воздухе пустой белый прямоугольник.

— Это просто функция непосредственной локации, — сказала Сейви. — Стрелка-указатель, когда ты и без того почти вплотную, например, ищешь в библиотеке книгу, но она в другом шкафу. Воспользуйся дальней или ближней сетью.

Даэман уставился на нее. С первой встречи он подозревал, что она сумасшедшая.

— Ах да, — насмешливо протянула старуха. — Вы же забыли все функции. Поколение за поколением.

— Это ты о чем? — спросил Даэман. — Старые функции вроде чтения больше не работают. Они

пропали, когда постлюди нас покинули. — Он указал на кольца, рассекающие клочок голубого неба.

— Чушь, — сказала Сейви. Она подошла к соньеру, взяла Даэмана за левую руку и развернула ее ладонью к себе. — Вообрази три красных круга с синим квадратом посередине каждого.

— Чего-чего?

— Что слышал. — Она по-прежнему сжимала его запястье.

«Идиотизм», — подумал Даэман, но все же вообразил три красных круга с парящими в середине синими квадратиками.

Вместо пустого желтовато-белого прямоугольника, который генерировала поисковая функция, в шести дюймах над его ладонью повис большой овал голубого света.

Даэман вскрикнул, вырвал руку и отчаянно затряс ею, как будто на нее село большое насекомое. Голубой овал залетал вместе с ладонью.

— Успокойся, — сказала старуха. — Он пустой. Представь себе кого-нибудь.

— Кого? — Даэману определенно не нравилось это чувство: с какой стати его тело вытворяет новые, неизвестные ему фокусы?

— Кого угодно. Кого-нибудь близкого.

Даэман зажмурился и вообразил лицо матери. Затем приоткрыл глаза. Голубой овал заполнили схемы. Чертеж улиц, река, слова, которые он не мог прочесть, черный круг, который мог быть только центром Парижского Кратера. Картинка увеличилась и превратилась в схематическое изображение: пятый этаж, черные апартаменты — не его дом. Две человеческие фигурки — мультипликационные, но с настоящими человеческими лицами — двигались на кровати, мужчина снизу, женщина сверху…

Даэман сжал пальцы в кулак, отключив овал.

— Извини, — сказала Сейви. — Я забыла, что в ваши дни люди не пользуются блокираторами. Подружка?

— Мать, — сказал Даэман, чувствуя горечь во рту.

Он узнал квартиру, в которой часто играл ребенком, пока мама ублажала за стенкой высокого темнокожего соседа с голосом сладким, как вино. Она не говорила, что до сих пор встречается с этим мерзким Гоманом. Судя по тому, что Харман сказал раньше, в Парижском Кратере уже была ночь.

— Давай попробуем найди, где Ада, Ханна и остальные. — Сейви усмехнулась. — Хотя они,

возможно, тоже предпочли бы активировать блокиратор дальней сети.

Даэману не хотелось разжимать кулак.

— Убери ты ее, — сказала Сейви.

— Как?

— Как ты избавляешься от стрелки-искателя?

— Просто думаю «отменить», — сказал Даэман, мысленно добавив: «Дура».

— Вот и сделай так.

Даэман послушался, и голубой овал погас.

— Чтобы включить ближнюю сеть, вообрази один желтый круг с зеленым треугольником внутри, — сказала Сейви.

Она глянула на свою ладонь, над которой тут же появился ярко-желтый прямоугольник.

Даэман сделал то же самое.

— Думай о Ханне, — велела Сейви.

Даэман подумал. У обоих над ладонями появился материк — Северная Америка, хотя Даэман ее не узнал. Изображение увеличивалось, южная часть континента сменилась побережьем, замелькали непонятные слова, топографические карты, появились условные изображения деревьев и, наконец, условная женская фигурка с головой Ханны. Она шла одна… хотя нет, сообразил Даэман: рядом с ней двигался какой-то

символ.

Сейви опять усмехнулась:

— Вопросительный знак. Ближняя сеть не знает даже, как показать Одиссея.

— Я не вижу Одиссея, — сказал Даэман.

Сейви коснулась вопросительного знака в желтом голографическом кубе над Даэмановой ладонью, затем указала на две красные фигуры на краю облачка.

— Это мы, — сказала она. — Ада и Харман, должно быть, за рамкой севернее.

— Откуда мы знаем, что это Ханна? — спросил Даэман, хотя и видел ее макушку.

— Подумай: «Ближе», — ответила Сейви.

Она показала ему облачко над своей ладонью. Изображение приблизилось и повернулось. Теперь перед ними была условная Ханна с лицом реальной Ханны, идущая между условными деревьями вдоль условного ручья.

Даэман подумал: «Ближе» — и подивился четкости изображения. Теперь он видел тени от листьев на лице Ханны, которая оживленно беседовала с плывущим рядом символом — Сейви назвала его «вопросительным знаком». Даэман порадовался, что не застал Ханну во время полового акта.

Сейви, должно быть, визуализировала Аду и Хармана, потому что ее облачко сместилось и показало две фигуры, идущие по топографическим значкам севернее красных точек, которыми, по ее словам, были Даэман и она сама.

— Все живы, никого не съели динозавры, — сказала Сейви. — Но лучше бы они скорее вернулись, чтобы нам тронуться. В прежние времена я бы позвонила им на ладонь и велела пошевеливаться.

— Ты можешь связываться через это? — Даэман показал ладонь.

— Конечно.

— Почему мы этого не знаем? — спросил он почти сердито.

Старуха пожала плечами:

— Вы вообще мало что знаете, так называемые люди старого образца.

— Что значит «так называемые»? — Теперь Даэман по-настоящему сердился.

— Ты правда думаешь, будто люди Потерянной Эпохи носили в своих клетках и телах всю эту генетически модифицированную нанотехнику?

— Да, — ответил Даэман, хотя сообразил в это мгновение, что абсолютно ничего не знает о людях Потерянной Эпохи. Да и не хочет знать.

С минуту Сейви молчала. На взгляд Даэмана,

она казалась уставшей, но, может быть, все древние долазаретные люди выглядели так плохо.

— Надо за ними сходить, — сказала она наконец. — Я иду за Ханной и Одиссеем, а ты приведи Аду и Хармана. Установи ладонь на ближнюю сеть, активируй стрелку-искатель, как обычно, и найдешь их. Скажи им, автобус уезжает.

Даэман не знал, что такое «автобус», но это не имело значения.

— А есть другие функции? — спросил он, пока Сейви не ушла.

— Сотни.

— Покажи какую-нибудь.

Насчет сотен Даэман ей не поверил, но одной-двух вполне хватит, чтобы иметь успех на светских приемах и привлекать женский интерес.

Сейви вздохнула и прислонилась к соньеру. Налетел ветер и зашуршал ветками секвой высоко-высоко над ними.

— Я могу показать тебе функцию, которая в конце концов изгнала постлюдей с Земли, — тихо сказала она. — Всеобщую сеть.

Даэман вновь сжал пальцы в кулак и отдернул руку:

— Если это опасно…

— Нет. По крайней мере, для нас. Давай сперва я.

Она опустила его руку, разжала пальцы и тронула его ладонь так, что он ощутил почти что приятное волнение. Затем приложила свою ладонь к его.

— Вообрази четыре синих квадрата, под ними — три алых круга, а ниже — четыре зеленых треугольника.

Даэман нахмурился — задание было сложное, на пределе его возможностей, картинки ускользали и разбегались. Но наконец он закрыл глаза, и у него получилось.

— Открой глаза, — велела Сейви.

Даэман разлепил веки — и через секунду ухватился обеими руками за соньер, чтобы не упасть.

Наладонного облачка не было. Никаких непонятных карт или условных фигурок.

Зато преобразилось буквально все вокруг. Соседние деревья, на которые Даэман не обращал внимания, разве что прятался в их тени, превратились в огромные, сложнейшие структуры. Он видел прозрачные слои пульсирующей живой ткани, мертвую кору, везикулы, жилки, омертвелый внутренний материал со структурными векторами и кольцами бегущих данных, движе-

ние жизненных соков, иглы, ксилему, флоэму, воду, сахар, энергию, солнечный свет и знал, что если бы мог прочесть бегущие данные, то понял бы гидрологию того чуда, каким является дерево, узнал бы, какое давление требуется, чтобы осмотически поднять воду от корней, (Даэман глянул вниз и *увидел* эти корни под землей, увидел, как они вбирают воду из почвы, как она поднимается на сотни и сотни футов — вертикально вверх! Словно великан тянет через соломинку!) А дальше — боковое движение, молекулы воды в трубочках толщиной в одну-единственную молекулу, по ветвям в пятьдесят, шестьдесят и семьдесят футов, у́же и у́же к концу, в воде жизнь и питательные вещества, энергия от солнца…

Даэман посмотрел вверх и увидел солнечный свет как дискретный дождь энергии; вот его поглощают зеленые иглы, а вот он падает на перегной под ногами и согревает бактерий — при желании Даэман мог бы их сосчитать! Окружающий мир превратился в потоки информации, прилив данных, миллионы взаимодействующих микроэкологий и энергообменов. Даже смерть стала частью сложного танца воды, света, энергии, жизни, переработки, роста, голода и соитий, текущих вокруг него.

Даэман видел наполовину ушедшую в перегной дохлую мышь на другой стороне поляны. От нее остались лишь кожа да кости, но все равно ее тельце оставалось алым маячком энергии — в нем пировали бактерии, созревали мушиные личинки, прогретые послеполуденным светом, и сложные белковые молекулы медленно распадались, продолжая существование на молекулярном уровне, и…

Задыхаясь, Даэман круто повернулся, силясь прогнать видение, но повсюду была сложность: текла энергия, питательные вещества всасывались, клетки кормились, молекулы танцевали в прозрачных деревьях, земля жарко дышала, небо сияло дождем солнечного света и радиопосланий от далеких звезд.

Даэман закрыл лицо руками. Только слишком поздно: он успел глянуть на Сейви — старуху, но в то же время галактику жизни. Жизнь гнездилась во вспыхивающих нейронах мозга под ухмыляющимся черепом, молниями бежала по глазному нерву, копошилась в кишечнике миллиардами деловитых, занятых лишь собой форм. Пытаясь отвести взгляд, Даэман имел неосторожность посмотреть на себя, в себя, сквозь себя, увидел собственную связь с воздухом, землей и небом…

— Отменить! — сказала Сейви.

Разум Даэмана повторил команду.

Яркий полуденный свет, озаряющий деревья и усеянную иголками почву, вдруг показался Даэману полуночью. Ноги подкосились. Он сполз по краю соньера, рухнул на землю, перекатился на живот, раскинул руки и прижался лицом к иголкам.

Сейви села рядом на корточки и похлопала его по плечу.

— Я на минутку отойду, — мягко сказала она. — Ты отдохни пока. Я приведу остальных.

Когда Харман предложил прогуляться, Ада поначалу замялась — вдруг Сейви рассердится или встревожится, когда вернется и не застанет их на поляне? — но Ханна уже ушла искать Одиссея, а оставаться у соньера с Даэманом ей не хотелось. К тому же Ада не знала, удастся ли ей еще побеседовать с новым возлюбленным наедине до того, как она вернется в Ардис-Холл, а он улетит в Средиземный бассейн.

Они поднялись на холм, затем двинулись вдоль небольшого ручья на другой его стороне. Лес звенел от птичьего пения, однако животных крупнее белки они ни разу не видели. Харман шел молча, погруженный в собственные мысли,

и прикоснулся к Аде лишь раз, когда протянул ей руку, помогая перейти ручей над десятифутовым водопадом. Она уже гадала, не была ли их ночь ошибкой, просчетом с ее стороны, но, когда они остановились передохнуть у подножия водопада, она поймала на себе его взгляд, увидела в нем нежность и порадовалась, что они любовники.

— Ада, — заговорил Харман, — ты знаешь своего отца?

Она заморгала. Вопрос был не то чтобы неприличный — теоретически люди, конечно, знали своих отцов, — но задавать его было не принято.

— Ты имеешь в виду, известно ли мне, кто он был? — спросила она.

Харман мотнул головой:

— Нет, я имел в виду, знакома ли ты с ним?

— Нет. Мама когда-то назвала мне его имя, но вроде бы он… достиг Пятой Двадцатки сколько-то лет назад.

Ада чуть не сказала «вознесся на кольца» — обычный эвфемизм для перехода в постчеловеческий рай. Сердце у нее забилось сильнее, когда она задумалась, отчего Харман задал ей этот странный вопрос. Думает ли он, что может случайно оказаться ее отцом? Такое, разумеется, случалось. Молоденькие девушки занимались

любовью с мужчинами постарше, которые могли быть их анонимными сперм-отцами, — табу на инцест не существовало, поскольку ребенок от такого союза родиться не мог, а братьев и сестер не было, поскольку каждая женщина производила только одного ребенка. И все равно эта мысль странным образом смущала.

— Я не знал своего отца, — сказал Харман. — Сейви утверждает, что когда-то — даже после Потерянной Эпохи — отцы были для детей почти так же важны, как матери.

— Трудно вообразить, — ответила Ада, по-прежнему не понимая, к чему этот разговор. Что он пытается ей сказать? Что он слишком для нее стар? Это же глупости!

— Если я когда-нибудь стану отцом, мне хотелось бы, чтобы ребенок меня знал. Чтобы я был рядом, когда он или она будет расти.

Ада была так потрясена, что не смогла даже ответить.

Харман пошел дальше, и она вслед за ним вступила в лес. В тени было прохладнее, но воздух казался более плотным. Сзади журчал водопад. Внезапно Ада встревоженно огляделась.

— Услышала что-нибудь? — спросил Харман, подходя ближе.

— Нет. Просто… Как-то все неправильно.

— Здесь нет сервиторов. И войниксов тоже.

Вот оно что, догадалась Ада. Они остались одни. Совершенно одни. В последние два дня отсутствие вездесущих сервиторов и войниксов было как стихший фоновый шум, но сейчас, когда они остались вдвоем, оно ощущалось особенно сильно.

Без всякой причины она поежилась.

— Ты сумеешь отыскать дорогу к соньеру?

Харман кивнул:

— Я делал по дороге пометки и следил за солнцем. — Он указал палкой, которую использовал как прогулочную трость. — Наша поляна сразу за холмом.

Ада улыбнулась, хотя и не вполне поверила. Затем снова попробовала включить ладонную функцию поиска. Та не работала, как и все время с тех пор, как они покинули антарктическое жилище. Ада и прежде гуляла в лесах, обычно по своему ардисскому поместью, однако всегда рядом был сервитор, чтобы показать дорогу домой, и войникс для охраны. Но по-настоящему тревожило ее не это, а странный вопрос Хармана.

— Почему ты заговорил об отцах? — спросила она.

Они продолжали спускаться с холма, глубже в секвойевый лес. Здесь был почти полумрак, хотя там и сям сквозь кроны пробивались косые лучи света.

— Сейви кое-что сказала мне утром, — ответил он. — Насчет того, что я по возрасту гожусь тебе в деды. Что мои поиски лазарета и связь с тобой — это нежелание принять Пятую Двадцатку.

В первый миг Ада почувствовала злость, которая тут же сменилась уколом ревности. Злилась она на глупое замечание Сейви — какое той дело, с кем Ада спит и сколько ему лет. Ревность была вызвана тем, что Харман на рассвете ушел от нее, чтобы поговорить с Сейви. Ада просто поцеловала его на прощанье, когда он вылез из постели и оделся. Ей было обидно, что новый любовник не хочет провести с ней еще час до завтрака, однако она подумала, что он просто привык рано вставать.

Что же такого важного он рассчитывал услышать от Сейви? Разве нельзя наговориться по пути к Средиземному бассейну в идиотской экспедиции за космическим кораблем? И ведь Сейви заняла ее, Ады, место в этих поисках!

Она смотрела в лицо Хармана, столь моложавого в сравнении с морщинистым и седым

Одиссеем, и видела, что он не заметил ни ее злости, ни ревности. Харман был по-прежнему целиком захвачен своими мыслями. Неужели его чуткость к ней в последние дни, завершившаяся их волшебной ночью, была лишь прелюдией к сексу, не более? Она так не думала, но уверенности не было. Неужели их с Харманом душевная близость была лишь иллюзией, чем-то, в чем влюбленная Ада сама себя убедила?

— Ты знаешь, как беременеют? — спросил Харман, рассеянно постукивая по земле концом палки.

Ада застыла на месте.

Харман тоже остановился и глянул на нее так, будто не сказал ничего необычного.

— Я имею в виду, как это происходит? — продолжал он, по-прежнему не осознавая неприличность своего вопроса. Мужчины и женщины просто не говорят о таком.

— Если ты собрался просветить меня насчет пчелок и птичек, — сухо сказала Ада, — то немного запоздал.

Харман от души рассмеялся. В прошлые недели две этот смех очаровывал Аду, сейчас вывел из себя.

— Я не о сексе, дорогая, — сказал он.

Ада отметила, что он первый раз назвал ее так, но была не в настроении этому радоваться.

Харман продолжал:

— Я о том, как ты получаешь разрешение забеременеть, может быть через десятилетия, и выбираешь донора спермы.

Ада краснела и еще сильнее злилась на себя за то, что краснеет:

— Не понимаю, о чем ты.

Конечно же, она понимала. Это мужчинам не полагалось знать и обсуждать такие вопросы! Большинство женщин решало подать заявку на беременность ближе к Третьей Двадцатке. Разрешения — его постлюди передавали через сервиторов — обычно приходилось ждать год или два. Затем будущая мать прекращала половую жизнь, принимала антипротивозачаточные таблетки и решала, кто из ее бывших партнеров будет сперм-отцом ребенка. Беременность наступала в следующие несколько дней, а после начинался процесс, древний… как человечество.

— Я про механизм, который позволяет решить, чей сохраненный спермопакет будет выбран для твоего тела, — продолжал Харман. — У настоящих женщин старого образца такого выбора не было.

— Чепуха. Мы и есть люди старого образца. Так

было всегда.

Харман медленно, почти печально мотнул головой:

— Нет. Даже во времена Сейви, всего тысячу четыреста лет назад, беременность была более спонтанной. Сейви говорит, механизм хранения спермы и выбора отца встроили в нас… в наших женщин… постлюди, позаимствовав генетическую структуру у мотыльков.

— У мотыльков?! — взорвалась Ада. Теперь она была по-настоящему в ярости из-за этого оскорбительного бреда. — Что ты такое несешь, Харман-ур?

Он вскинул голову, как будто только сейчас заметил ее реакцию. Как будто то, что она вновь употребила формальное обращение, вернуло его к реальности, словно пощечина.

— Это правда. Прости, если я тебя расстроил, но Сейви говорит, что посты генетически сконструировали эту способность выбирать сперм-отца через годы после соития на основе мотыльков, которые называются…

— Хватит! — крикнула Ада, сжимая кулаки. Она в жизни никого не ударила, и у нее никогда не возникало такого желания, однако сейчас она близка к тому, чтобы наброситься на Хармана. —

Сейви сказала то, Сейви сказала се! Я не желаю больше слышать про эту старую стерву. Я даже не верю, что она и впрямь такая старая… и мудрая. Просто чокнутая. Все, я возвращаюсь к соньеру.

И она пошла прочь.

— Ада! — крикнул вдогонку Харман.

Она продолжала идти вверх по склону, оскальзываясь на хвое и влажном гумусе.

— Ада!

Она шагала дальше, готовая бросить его одного.

— Ада, ты идешь не в ту сторону.

Ханна нагнала Одиссея в нескольких сотнях ярдов от поляны. Услышав, как она с хрустом ломится через кусты, он развернулся и схватился за меч, но тут же успокоился, когда увидел, кто это.

— Что тебе нужно, детка?

— Я хочу посмотреть на твой меч, — сказала Ханна, отбрасывая с лица темные волосы.

Одиссей рассмеялся.

— Почему бы нет? — Он отцепил от пояса кожаные ножны и протянул ей. — Осторожнее с лезвием, детка. Я мог бы им бриться, если бы решил избавиться от бороды.

Ханна вытащила меч и на пробу им взмахнула.

— Сейви сказала мне, ты работаешь с металлом, — проговорил Одиссей. Он нагнулся к ручью, набрал в пригоршню воды, выпил. — Она говорит, ты, возможно, единственный человек в этом дивном новом мире, кто умеет выплавлять бронзу.

Ханна пожала плечами:

— Моя мать помнила старые рассказы о выплавке металла. Она в молодости играла с огнем и открытыми очагами. Я продолжаю эксперименты.

Она сделала рубящее движение мечом.

— Ты видела в вашей туринской пелене, как мы сражаемся, — заметил Одиссей.

Ханна кивнула:

— И что?

— Ты правильно держишь меч, детка. Рубишь, а не колешь. Это оружие для отрубания рук и вспарывания животов, не что-то тонкое.

Ханна скривилась и вернула ему оружие.

— Этим мечом ты сражался на Илионской равнине? — тихо спросила она. — И когда похищал палладий?

— Нет. — Он поднял клинок вертикально, так что на лезвии заиграл пробивающийся сквозь ветки свет. — Этот конкретный меч подарила

мне… особа женского пола… в моих странствиях.

Ханна подождала объяснений, но вместо того, чтобы рассказать еще историю, Одиссей спросил:

— Хочешь посмотреть, чем он отличается?

Ханна кивнула.

Одиссей дважды нажал большим пальцем на рукоять, и внезапно меч как будто слегка замерцал. Ханна нагнулась ближе. Да, от клинка шел тихий, но устойчивый гул. Она потянулась к металлу, но Одиссей мигом перехватил ее запястье.

— Если ты тронешь его сейчас, детка, то лишишься пальцев.

— Почему? — Она не вырвала руку, и Одиссей через несколько секунд отпустил ее запястье.

— Он вибрирует, — сказал Одиссей и поднял меч горизонтально чуть ниже уровня глаз.

Ханна вновь отметила, что она с ним одного роста. Вчера вечером она слушала его в зеленом пузыре на мосту, вышла с ним погулять, вернулась к нему, и они разговаривали еще много часов, а потом Ханна уснула на полу рядом с его кроватью. Ханна знала, что Ада считает их любовниками, и не видела причин разубеждать подругу.

— Как будто он поет, — сказала Ханна, вслуши-

ваясь в гул.

Одиссей рассмеялся, хоть она и не поняла отчего.

— Не тревожься, я получил его не от какой-нибудь Девы Озера, хотя это не так уж далеко от правды.

Он снова рассмеялся.

Ханна глядела на бородача и не понимала, о чем тот говорит.

— Почему меч вибрирует? — спросила она.

— Отойди чуть-чуть, — сказал он.

Секвойи вокруг были по большей части в шесть-десять футов толщиной, но чуть левее росло дерево потоньше — сосна либо дугласия, лет тридцати-сорока, футов в пятьдесят высотой и со стволом примерно восемнадцатидюймовой толщины.

Одиссей уперся ногами, сжал меч одной рукой и легким движением ударил по стволу.

Меч так плавно прошел по дуге, будто Одиссей промахнулся. Звука удара не было, но через несколько секунд высокое дерево задрожало, качнулось и с грохотом упало.

Одиссей вновь тронул пальцем рукоять, и вибрация прекратилась.

Ханна подошла ближе — рассмотреть срез.

Пень и дерево выглядели так, будто их разделили хирургически, не спилили. Она положила ладонь на пень. Там не было ни смолы, ни опилок, только совершенно гладкая поверхность, словно запечатанная в пластик. Ханна вновь повернулась к Одиссею.

— Должно быть, он очень помог тебе при осаде Трои, — сказала она.

— Ты не слушала меня, детка. — Одиссей убрал меч в ножны и повесил их на пояс. — Этот дар я получил через несколько лет после войны, в своих странствиях. Будь он у меня в Илионе… — Он ухмыльнулся. — Уж поверь мне, ни один троянец, бог или богиня не сносили бы головы.

Ханна невольно улыбнулась в ответ. Они не были любовниками — пока не были, — но Ханна намеревалась остаться с ним в Ардис-Холле, и кто знает, что может произойти?

— Вот вы где, — сказала Сейви, идя к ним со склона. Она сжала кулак, отключая что-то вроде стрелки-указателя на ладони.

— Пора идти? — Одиссей обращался к Сейви, но глядел на Ханну, будто они в сговоре.

— Пора идти, — подтвердила Сейви.

26. Между каньоном Эос и каньоном Копрат в восточно-центральной части долин Маринера

За три недели путешествия на запад по реке — точнее, по внутреннему морю долин Маринера — Манмут едва не лишился моравекского рассудка.

Их фелюга с командой в сорок маленьких зеленых человечков была далеко не единственным судном, идущим на восток или на запад по затопленной рифтовой долине или в направлении север-юг через эстуарий, открывающийся в море равнины Хриса северного океана Тетис. Помимо двух десятков фелюг с командой из МЗЧ, они миновали по меньшей мере три стометровые баржи, груженные неотесанными глыбами для голов. Их везли из каменоломен лабиринта Ночи в западной части долин Маринера, до которого фелюге оставалось еще две тысячи восемьсот километров.

Орфу с Ио закатили на борт и закрепили на палубе, спрятав от взглядов с воздуха брезентовым навесом. Там же разместили основной груз и другие предметы, извлеченные из трюма «Смуг-

лой леди». Одна мысль о подлодке, брошенной в мелководной пещере на побережье равнины Хриса, в полутора тысячах километров позади, вгоняла Манмута в депрессию.

До этого путешествия он и не знал, что может впасть в депрессию — чувствовать такую тоску и безнадежность, которые почти лишают его воли и уж тем более каких-либо стремлений. Однако вынужденное расставание с подлодкой показало, как сильно он может пасть духом. Орфу — слепой калека, которого втащили на борт как бесполезный балласт, — казался вполне жизнерадостным, хотя Манмут уже начинал понимать, насколько редко его друг выказывает истинные чувства.

Фелюга пришла, как и было обещано, на следующее марсианское утро после их прибытия на берег, и пока МЗЧ грузили на нее бедного Орфу, Манмут успел несколько раз наведаться на «Смуглую леди» и забрать все съемные аккумуляторы, солнечные батареи, диски бортжурналов и все коммуникационное и навигационное оборудование, какое был в силах поднять.

— Ты сплавал нагишом на потерпевший крушение корабль и набил карманы сухарями? — спросил Орфу после того, как Манмут рассказал ему об этой операции.

— Что? — Манмут подумал, уж не свихнулся ли покалеченный иониец.

— Маленькая неувязка в «Робинзоне Крузо» Дефо, — пророкотал Орфу. — Очень люблю авторские неувязки.

— Не читал, — ответил Манмут. Он был не в настроении болтать. От мысли о «Смуглой леди» у него разрывалось сердце.

Они обсуждали его состояние в первые три недели плаванья, поскольку других занятий у них на фелюге не было. Радиопередатчик ближнего действия, который Манмут подключил к коммуникационному разъему Орфу, работал исправно.

— У тебя в той же мере агорафобия, что и депрессия, — сказал Орфу.

— Почему это?

— Ты создан, запрограммирован и обучен быть частью подлодки, скрытой под европеанскими льдами, и тебе было уютно в твоей тесной каюте. Даже недолгие выходы на европеанский лед не подготовили тебя к таким просторам, далекому горизонту и голубому небу.

— Сейчас оно не голубое, — только и сказал Манмут.

Было раннее утро, и, как почти всегда в это вре-

мя, долины Маринера окутывали низкие облака и густой туман. МЗЧ убрали паруса и шли теперь только на веслах. Тридцать зеленых человечков, по пятнадцать с каждой стороны, принимались грести (по виду без устали) всякий раз, как ветер переставал гнать двухмачтовое суденышко под латинскими парусами. На носу, фок-мачте, обоих бортах и корме горели фонари, и фелюга двигалась очень медленно. Учитывая оживленное судоходство, такие предосторожности в тумане были вполне оправданны, даже притом что на этом отрезке ширина долин Маринера составляла более ста двадцати километров, а на следующем должна была увеличиться до двухсот, так что даже в ясную погоду прибрежные скалы по обе стороны были не видны.

Манмут понял, что Орфу прав: дело и впрямь отчасти в агорафобии, поскольку депрессия усиливалась именно в ясные дни, когда вокруг открывались бескрайние просторы. Впрочем, он знал, что дело не только в разлуке с привычной нишей и сенсорными разъемами «Смуглой леди». Манмут всегда был капитаном, а из заложенных в его программу исторических знаний и дальнейшего чтения он вынес, что для капитана нет горя больше, чем гибель корабля. Вдобавок на него

возложили ответственную миссию — доставить Короса III к подводному подножию Олимпа, — и он эту миссию провалил. Корос III мертв, как и Ри По — моравек, который должен был получить на орбите и переслать полученную от Короса информацию.

Кому? Как? Когда? У Манмута не было даже предположений.

Об этом они тоже говорили долгими тихими неделями путешествия. Ночью становилось еще тише, ибо с заходом солнца МЗЧ сразу впадали в спячку, предварительно спустив сложный плавучий якорь. (Манмут как-то проверил здешние глубины эхолотом и определил, что под килем более шести километров воды.) МЗЧ не шевелились, пока первые лучи солнца не касались их прозрачной зеленой кожи. Было ясно, что МЗЧ получают энергию исключительно из солнечного света, даже света, рассеянного в утреннем тумане. Манмут точно не видел, чтобы они ели или испражнялись. Он мог бы спросить их самих, но, хотя Орфу предположил, что отдельный МЗЧ не «умирает» на самом деле после коммуникации, что маленькие зеленые человечки скорее коллективное сознание, чем индивидуумы, Манмут не настолько поверил в эту гипотезу, чтобы

сунуть руку в грудь зеленого существа и сжать его сердце ради праздных вопросов.

Однако ничто не мешало ему расспрашивать Орфу.

— Зачем нас вообще послали на Марс? — спросил он на десятый день. — Мы не знаем миссии и не способны ее исполнить, даже если бы знали, что делать. Безумием было отправлять нас сюда, ничего нам не объяснив.

— Моравеки-управленцы склонны четко разделять обязанности между специалистами, — пояснил Орфу. — Ты был лучшим в их распоряжении подводником, чтобы доставить Короса Третьего к вулкану, я — лучшим моравеком для обслуживания космического корабля. Они не учитывали возможность, что нам с тобой придется действовать за четверых.

— Почему? Они же понимали опасность миссии.

Орфу тихонько зарокотал:

— Возможно, они полагали, что если мы погибнем, то все сразу.

— Мы чуть не погибли, — пробормотал Манмут. — И вероятно, погибнем.

— Опиши погоду, — сказал Орфу. — Туман уже рассеялся?

Дни, пейзажи и ночи были прекрасны. Все сведения Манмута о планетах с пригодной для дыхания атмосферой были почерпнуты из его банков данных с записями о Земле, и терраформированный Марс выглядел занятной вариацией.

Цвет неба менялся от голубого в полдень до розовато-красного на закате и порой приближался к золотому сиянию, пронизывающему все светом. Само солнце, конечно, выглядело значительно меньше земного на старинных видеозаписях, но было несравненно больше, ярче и теплее любого светила, какое моравеки галилеева космоса видели за последние две тысячи земных лет. Ласковый ветерок пах солью и время от времени — как ни странно — растительностью.

— Никогда не задумывался, для чего нам дали это чувство? — спросил Орфу, когда Манмут описывал ему растительный запах (фелюга как раз входила из Тетиса в широкий эстуарий долин Маринера).

— Какое?

— Нюх.

Европеанскому моравеку пришлось задуматься. Он всегда принимал свое обоняние как данность, хотя оно было бесполезно под водой и на поверхности Европы и почти бесполезно

в искусственной обстановке «Смуглой леди» — другими словами, везде, где он существовал.

— Я мог бы почуять ядовитые испарения внутри «Смуглой леди» или в помещениях Централа Коннемарского хаоса, — сказал он наконец, понимая, что это не ответ. Для таких случаев у моравеков имелись куда более надежные системы аварийного оповещения.

Орфу тихо зарокотал:

— Я мог бы унюхать серу на поверхности Ио, но зачем?

— У тебя есть нюх? — удивился Манмут. — Непонятно, зачем это вакуумному моравеку.

— Согласен, бессмыслица. Как и то, что я провожу… проводил… бóльшую часть времени, рассматривая мир в видимой человеческому глазу части спектра, однако я делал это при любой возможности.

Манмут задумался и об этом тоже. Да, он поступал точно так же, хотя легко мог видеть в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазоне. Зрение Орфу, как знал Манмут, включало визуализацию радиочастот и линий магнитного поля, которой люди старого образца тоже не обладали, — полезное свойство для моравека, работающего в условиях проникающего излуче-

ния галилеева космоса. Так почему ионие́ц чаще всего выбирал волны «видимой» длины?

— Думаю, это потому, что наши конструкторы и все последующие поколения моравеков втайне мечтали стать людьми, — без обычного иронического рокота ответил Орфу на невысказанный вопрос Манмута. — Эффект Пиноккио, так сказать.

Манмут не согласился, но он был слишком удручен, чтобы спорить.

— А теперь чем-нибудь пахнет? — спросил Орфу.

— Гниющей растительностью, — ответил Манмут, когда фелюга по южному протоку входила в широкий эстуарий. — Как шекспировская Темза в отлив.

В первую неделю плавания, дабы не спятить от безделья, Манмут разобрал и рассмотрел — насколько мог — остальные три предмета, захваченные со «Смуглой леди» (четвертым был Орфу).

Самый мелкий артефакт — гладкий яйцеобразный объект чуть крупнее Манмутова туловища — был Устройством, главным элементом миссии покойного Короса III. Манмут и Орфу знали об Устройстве одно: ганимедянин должен

был доставить его на Олимп и при неких условиях (о которых Манмуту и Орфу не сообщили) активировать.

Манмут прозондировал Устройство эхолотом и отколупнул крохотный кусочек отражающего транссплавного покрытия, однако не понял его назначения. Сам механизм, очевидно, был макромолекулярный — по сути, одна молекула наноразмера с центральным ядром, в котором немыслимая энергия удерживалась лишь внутренними полями макромолекулы. Из понятного Манмут нашел на корпусе лишь открывающий электрозапал. Тридцать два вольта, приложенные в нужном месте корпуса… что-то сделают… с макромолекулой внутри.

— Это может быть бомбой, — сказал Манмут, аккуратно возвращая на место сантиметровый кусочек металлической оболочки.

— Очень похоже, — пробормотал Орфу. — Если молекула, по сути, яичная скорлупа, то мы имеем дело с уничтожителем планет. Раз — и всмятку.

Притворяясь, будто не услышал последних слова, дабы сохранить дружбу и не выкинуть Орфу за борт, Манмут стал смотреть на стены каньона — в тот день они все еще шли примерно в трех километрах от южных обрывов, обрамляющих

широкое внутреннее море. Он вообразил, что все это красное слоистое великолепие исчезнет. Вспомнил мангровые заросли в болотистом эстуарии, причудливую форму кустарников на утесах и даже хрупкое голубое небо в ряби высоких перистых облаков — и попытался представить, как все это исчезает в квантовой вспышке, способной разорвать планету. Это казалось неправильным.

— Можешь придумать, чем это может быть, если не бомбой? — спросил он.

— Навскидку — не могу, — ответил иониец. — Однако нечто, содержащее столько сконцентрированной квантовой энергии, предполагает технологию, выходящую за рамки моего понимания. Я бы посоветовал обходиться с Устройством поласковей, подложить под него подушку или что-нибудь в таком роде, но, поскольку оно пережило атаку колесничников и вход в атмосферу, ослепившие меня и убившие твою подлодку, вряд ли оно очень хрупкое. Пни его в зад, и перейдем к следующему грузу.

Следующий груз был чуть больше Устройства, зато много понятнее.

— Это какой-то коммуникатор, — сказал Манмут. — Сейчас он компактно сложен, но я вижу, что при активации он развернет треножник,

направит большую тарелку в небо и выпустит серию импульсов… чего-то. Возможно, это будет шифрованная энергия по фокусированному лучу, или к-мазер, или даже модулированная гравитация.

— Зачем Коросу был нужен коммуникатор? — спросил Орфу. — Спутники до сих пор на орбите, а корабль переслал бы все по фокусированному лучу или по радио на галилеевы спутники. Даже твоя подлодка могла бы связаться с домом.

— Может быть, предполагалось послать сообщение не в юпитерианское пространство, — предположил Манмут.

— А куда?

Манмут не сумел ничего придумать.

— Как Корос собирался шифровать сообщение? — спросил Орфу.

Манмут изучил компактный механизм, заключенный в нанокарбоновое покрытие.

— Здесь есть виртуальные разъемы, — сказал он. — Мы можем загрузить все, что видели и узнали, зашифровать и активировать коммуникатор. Если только ему не нужен активационный код. Хочешь, я подключусь и проверю?

— Нет. Не сейчас.

— Тогда я его закрываю.

— За счет какой энергии он посылает сигнал? — спросил Орфу до того, как Манмут успел закрыть кожух.

Манмут не знал этой технологии, но описал магнитный контейнер и схему силового поля.

— О-го-го! — удивился иониец. — Это Чевковианская фельшенмасса. Искусственная антиматерия, какую Консорциум Пяти Лун использовал для первого межзвездного зонда. Этой энергии нам хватило бы на несколько земных столетий, будь у нас способ к ней подключиться.

Органическое сердце Манмута екнуло.

— Можно ли заменить этим термоядерный реактор «Леди»?

Орфу молчал несколько долгих секунд.

— Вряд ли, — сказал он наконец. — Слишком большую энергию, выбрасываемую за слишком короткое время, трудно приручить. Возможно, мы с тобой могли бы подключиться к его полю, но вряд ли сумеем зарядить «Смуглую леди», даже будь она исправна. А ты ведь сказал, что не можешь отремонтировать ее в одиночку?

— Для этого нужны ледяные доки Коннемарского хаоса, — сказал Манмут, чувствуя странную смесь сожаления и облегчения при известии, что бедной «Леди» это не поможет. Как ни скорбел

он о гибели своей лодки, мысль о том, чтобы повернуть и проделать две тысячи с лишним километров до нее, угнетала еще больше.

Последний груз был самый большой, тяжелый и самый для Манмута непостижимый: бамбуковый ящик полутораметровой высоты с основанием два на два метра, упакованный в прозрачный трансполимер. Внутри Манмут обнаружил сотни квадратных метров микротонкого полиэтиленового стелс-композита со вшитыми в него полосками высокопроизводительных солнечных батарей, двадцать четыре сочлененных титановых сегмента, четыре газовых баллона (его сенсоры определили гелий, азот-кислородную смесь и метанол), восемь атмосферных реактивных двигателей со встроенными контроллерами и, наконец, двенадцать аккуратно сложенных пятнадцатиметровых бакикарбоновых канатов, присоединенных к четырем сторонам бамбукового ящика, в который это было уложено.

Несколько минут Манмут оглядывал все и заново складывал, затем сказал:

— Сдаюсь. Что это за ерунда?

— Воздушный шар, — ответил Орфу.

Манмут недоуменно покачал моравекской головой. В атмосфере Юпитера обитали суще-

ства — воздушные шары, и живые, и моравекские, другие такого же рода плавали в густом сиропе Сатурна, но зачем Коросу III понадобился искусственный воздушный шар на Марсе?

Орфу транслировал ответ прежде, чем Манмут сформулировал его сам.

— Миссией Короса было добраться до вершины Олимпа, средоточия квантовых возмущений, и так бы он поднялся на вулкан. Каковы размеры этого… шара?

Манмут назвал размеры.

— Надутый гелием на уровне марсианского моря, он будет иметь диаметр чуть больше шестидесяти метров и высоту примерно тридцать пять, то есть легко поднимет гондолу, тебя, Устройство и коммуникатор на край космоса… или на вершину Олимпа, — сказал Орфу.

— Гондолу? — переспросил Манмут, все еще пытаясь осмыслить непривычную концепцию.

— Ящик, куда все упаковано. Очевидно, таким образом Корос Третий собирался подняться на Олимп. Есть ли у него трансполимерный чехол — герметичное укрытие?

— Да.

— Все сходится.

— Однако на южном склоне Олимпа есть эска-

латор… — брякнул, не подумав, Манмут.

— Корос и моравеки, планировавшие его миссию, этого не знали, — сказал Орфу.

Манмут в задумчивости отвел взгляд от воздушного шара. Южные обрывы долин Маринера превратились в тонкую красную линию на сине-зеленом горизонте; фелюга все дальше уходила от берега.

— Тебе в эту гондолу не влезть, — сказал Манмут.

— Естественно… — начал Орфу.

— Я построю гондолу побольше, — перебил Манмут.

— Ты правда веришь, что мы поднимемся на Олимп? — мягко произнес иониец.

— Не знаю. Но одно мне известно точно: когда… если… достигнем побережья, до вулкана останется две тысячи километров. Я понятия не имел, как мы одолеем лабиринты Ночи и плато Фарсида, но с этим… шаром… не исключено, что получится.

— Можно лететь хоть сейчас! — сказал Орфу — Будет куда быстрее, чем на этой… как она называется?

— Фелюга, — напомнил Манмут и глянул на такелаж и два острых паруса — четкие треугольники на фоне розовато-голубого неба. Несколько

маленьких зеленых человечков бесстрашно прыгали с троса на трос. — И нет, я не думаю, что надо лететь на шаре раньше времени. У него стелс-хамелеоновая ткань, и даже гондола ею обтянута, но, возможно, люди на летающих колесницах все равно его увидят. Мы надуем шар, когда доберемся до лабиринтов Ночи. Перелет предстоит долгий и трудный, поскольку между нами и Олимпом будут три высочайших вулкана на Марсе.

Орфу громыхнул почти на инфразвуке:

— «Вокруг света за восемьдесят дней», да?

— Не вокруг света, — ответил Манмут. — Вместе с этим плаванием мы обогнем только четверть Марса.

Чтобы скоротать время и прогнать тоску, Манмут читал сонеты в томике, спасенном со «Смуглой леди». Однако привычное снадобье не помогало. Если в прошлые годы он с головой уходил в анализ, выискивал скрытую структуру, связи между словами и драматическое содержание, то сейчас сонеты казались ему убогими. Убогими и довольно гадкими.

Моравеку Манмуту было абсолютно все равно, что «Уилл», «поэт» сонетов, делал с «юношей» или ожидал взамен, — Манмут не имел ни пениса, ни

анального отверстия и ничуть об этом не жалел. Однако грубая лесть вперемежку с клеймением глупого, но богатого «юноши» со стороны немолодого поэта отчего-то удручала Манмута. Он долистал до сонетов, посвященных «смуглой леди», но они оказались еще более извращенными и циничными. Манмут соглашался с критиками, что интерес поэта к этой женщине целиком сосредоточен на ее распутстве; что черноглазая, темноволосая женщина со смуглыми грудями и темными сосками не проститутка (если верить поэту), но определенно потаскушка.

Манмут давно скачал написанное в 1910-м эссе Фрейда «Об особом типе „выбора объекта“ у мужчин», в котором знахарь Потерянной Эпохи задокументировал истории мужчин, которых возбуждали только женщины, известные своим распутством. Шекспир без колебаний называл вагину «проезжим двором», «общинным выгоном», «заливом, переполненным судами» и едко каламбурил по поводу доступности смуглой леди. Манмут много лет упоенно разыскивал за этой вульгарностью более глубокие поэтические и драматические уровни, но сегодня, когда солнце уже садилось в огромное внутреннее море, а утесы на севере пламенели розово-алым, он

видел в сонетах лишь грязное белье и скабрезные откровения.

— Читаешь свои сонеты? — спросил Орфу.

Манмут захлопнул книгу.

— Как ты догадался? Уж не получил ли ты дар телепатии взамен утраченных глаз?

— Еще нет, — загрохотал иониец. Огромный панцирь Орфу был принайтовлен к палубе в десяти метрах от носа фелюги, где сидел Манмут. — Просто иногда ты молчишь литературнее обычного.

Манмут встал и повернулся к закату. Маленькие зеленые человечки сновали по вантам и суетились у каната плавучего якоря, готовя корабль к своему сну.

— Зачем в нас, моравеков, программно заложили предрасположенность к человеческим книгам? — спросил он. — Что проку от этого моравеку, если человеческий род, возможно, вымер?

— Я тоже об этом думал, — сказал иониец. — Короса Третьего и Ри По наша общая болезнь миновала, но ты, видимо, знал и других, одержимых человеческой литературой.

— Мой бывший напарник Уртцвайль читал и перечитывал Библию короля Иакова, — сказал Манмут. — Он изучал ее десятилетиями.

— Да, — сказал Орфу. — И я и мой Пруст. — Промычав несколько тактов из песни «Я и моя тень»[32], Орфу продолжал: — А знаешь, Манмут, чем похожи эти творения, к которым нас тянет?

Манмут мгновение обдумывал вопрос, потом сказал:

— Нет.

— Они неисчерпаемы, — сказал Орфу.

— Как это?

— Их невозможно постичь до конца. Будь мы людьми, эти пьесы, романы и стихи были бы для нас как дома, где вечно натыкаешься на новую дверь, не замеченную ранее мансарду, потайную лестницу или чердак… что-то в таком роде.

— Хм, — сказал Манмут, не соглашаясь с метафорой.

— Кажется, сегодня ты недоволен Бардом, — сказал Орфу.

— Кажется, его неисчерпаемость исчерпала мои силы, — признал Манмут.

— А что на палубе? Бурная деятельность?

Манмут отвернулся от заката. Три четверти

---

[32] Примечания: 32

Промычав несколько тактов из песни «Я и моя тень»… — «Я и моя тень» («Me and My Shadow», 1927) — популярная песня Эла Джолсона, Билли Роуза и Дейва Дрейера. Ее исполняли очень многие музыканты, в том числе Фрэнк Синатра.

корабельной команды МЗЧ безмолвно убирали паруса и спускали плавучий якорь. У них оставалось всего три или четыре минуты солнечного света до того, как они впадут в спячку — улягутся, свернутся калачиком и отключатся на ночь.

— Ты почувствовал вибрацию палубы? — спросил Манмут.

За исключением нюха, это было последнее оставшееся у Орфу чувство.

— Нет, просто знаю, в какое время суток это происходит, — сказал иониец. — Почему ты им не поможешь?

— Что-что?

— Помоги им, — повторил Орфу. — Ты моряк. Или, по крайней мере, отличаешь ванты от вантуза. Протяни им руку помощи… или хотя бы манипулятор.

— Я буду только путаться под ногами. — Манмут глянул на МЗЧ, работавших с идеальной сноровкой и слаженностью; они бегали по такелажу, словно обезьяны, которых он видел на старинных видеозаписях. — У нас телепатии нет, а у них, я уверен, есть. Моя помощь им явно не нужна.

— Чушь. Займись делом. А я буду читать о месье Сване и его ветреной подружке.

Манмут мгновение медлил, потом убрал бесценный томик сонетов обратно в рюкзак и вышел на палубу, где закрепляли свернутый латинский парус. В первый миг МЗЧ замерли и уставили на него черные пуговки глаз, затем посторонились, и Манмут, поглядывая на садящееся солнце и вдыхая чистый марсианский воздух, с удовольствием включился в работу.

В следующие недели настроение Манмута от уныния перешло к спокойному удовлетворению, а затем и некоему моравекскому аналогу радости. Он каждый день трудился вместе с МЗЧ, продолжая беседовать с Орфу, даже когда латал паруса, накладывал сплесни, драил палубу, выбирал якорь и стоял вахту у штурвала. Фелюга делала около сорока километров в день — на первый взгляд мало, если не учитывать, что они шли против течения, при капризных ветрах, почти все время на веслах и только при свете дня. Долины Маринера протянулись на четыре тысячи километров (почти как Соединенные Штаты — земная страна времен Потерянной Эпохи), и Манмут смирился с тем, что путешествие займет примерно сто марсианских дней. Он постоянно напоминал себе (а если забывал, то ему напоминал Орфу), что дальше им предстоит одолеть более тысячи

восемьсот километров через плато Фарсида.

Манмут не спешил. Парусное судно (Манмут не знал, есть ли у фелюги имя, и не собирался убивать маленького зеленого человечка, чтобы спросить) было простое и настоящее, пейзажи — ошеломляющие, днем приятно грело солнце, ночью наступала восхитительная прохлада, и за привычной чередой корабельных работ миссия уже не казалась такой спешной.

Под конец шестой недели Манмут работал на передней из двух мачт фелюги, когда прямо по курсу менее чем в километре от корабля появилась летающая колесница. Она летела низко — метрах в тридцати выше корабельных парусов. У Манмута не оставалось времени укрыться. Он был один на соединении двух сегментов мачты — паруса у фелюги были треугольные, мачты — сегментированные, и верхняя часть лихо отклонялась назад. Маленькие зеленые человечки занимались своими делами внизу; Манмут был полностью открыт взглядам сверху.

Колесница пронеслась над фелюгой со скоростью несколько сот километров в час и так низко, что Манмут успел разглядеть, что кони голографические. Виртуальные поводья держал идеально красивый мужчина в темной туни-

ке — он был в колеснице один. Кожа у него была золотистая, длинные белокурые волосы струились по ветру. Вниз он не глядел.

Манмут воспользовался случаем изучить колесницу и ездока через все возможные фильтры во всех доступных ему диапазонах. Данные он сразу передавал Орфу на случай, если бог в колеснице увидит его и испепелит манием руки. Лошади, поводья и колеса были голографические, а сама повозка — реальная, из титана и золота. Манмут не видел реактивного или ионного следа, однако колесница излучала энергию по всему электромагнитному спектру — настолько, что заглушила бы связь Манмута с Орфу, если бы они общались не по фокусированному лучу. И что еще более зловеще — за ней тянулся след четырехмерных квантовых потоков. Манмут отчетливо увидел в инфракрасных лучах мощный силовой щит, закрывающий колесницу от встречного ветра, и огромный защитный пузырь вокруг нее. Он порадовался, что не бросил в колесницу камень и не выстрелил в нее (в любом случае у него не было камня или энергетического оружия). По расчетам Орфу, силовое поле защитило бы ездока от чего угодно, кроме ядерного взрыва.

— За счет чего она летает? — спросил Орфу,

когда колесница растаяла на горизонте. — У Марса не такое магнитное поле, чтобы поднять электромагнитную машину.

— Думаю, это квантовый поток, — ответил Манмут с мачты.

День был ветреный, фелюга шла галсами, накреняясь то на один борт, то на другой, с юга набегали увенчанные барашками волны.

Иониец издал неприличный звук.

— Направленное квантовое возмущение может разорвать время и пространство, людей и планеты, но я не понимаю, как оно может нести колесницу.

Манмут пожал плечами, забыв, что укрытый под брезентом друг не способен его увидеть.

— У нее точно нет пропеллеров. Сейчас я загружу остальные данные, но впечатление такое, будто она скользит на гребне квантового возмущения.

— Странно, — сказал Орфу. — Но даже тысяча летающих машин не объясняет квантовых возмущений, которые Ри По зафиксировал на Олимпе.

— Да, — согласился Манмут. — Ладно, по крайней мере, этот… бог… нас не заметил.

Они помолчали. Нос фелюги с шумом рассекал волны, хлопали, наполняясь ветром, латинские

паруса, тихо гудели снасти. Манмут упивался этими звуками, и ему нравилось раскачиваться вместе с легким суденышком, держась одной рукой за мачту, другой — за натянутый канат. Они были уже далеко в затопленной рифтовой долине, на том ее отрезке, который называется «расщелина Мелас». На севере открывался вход в радиальную расщелину Кандор, дно было на глубине километров восемь, однако на юге виднелись береговые обрывы островов — иные из них имели длину в сотни километров и ширину километров тридцать-сорок.

— Возможно, он увидел тебя и по радио запросил подкрепление с Олимпа, — предположил Орфу.

Манмут ответил радиостатическим подобием тяжкого вздоха.

— Ты оптимист, как всегда.

— Реалист, — поправил Орфу, но тут же посерьезнел. — Знаешь, Манмут, скоро тебе опять придется говорить с маленькими зелеными человечками. У нас накопилось много вопросов.

— Знаю, — ответил Манмут. От этой мысли его замутило, как не мутило от качки.

— Возможно, нам стоит и шар запустить раньше, чем мы собирались, — сказал Орфу.

Перед этим Манмут потратил несколько дней на то, чтобы сколотить более просторную гондолу из бамбукового ящика и досок от не самой необходимой переборки. МЗЧ были вроде не против, что он отрывает доски.

— Думаю, лучше пока не спешить, — возразил Манмут. — Мы не знаем, какие преобладающие ветра в этом месяце, а реактивная тяга не очень-то поможет маневрировать в марсианском струйном потоке. Я бы предпочел взлететь как можно ближе к Олимпу.

— Согласен, — ответил Орфу после паузы. — Но поговорить с МЗЧ уже пора. У меня есть теория, что они пользуются не телепатией — и когда обмениваются информацией среди своих, и когда общаются с тобой.

Манмут глянул вниз, где десятки маленьких зеленых человечков встали из-за весел и слаженно взялись за снасти передней мачты.

— А чем еще? Ушей и ртов у них нет, а мои датчики не фиксируют никаких передач по радио, фокусированному лучу, мазеру или в световом диапазоне.

— Думаю, информация содержится в частичках внутри их тел, — сказал Орфу. — Нанопакеты закодированной информации. Поэтому они на-

стаивают, чтобы ты сжал некий орган — своего рода центральный телеграф, а рука у тебя, в отличие от, скажем, манипулятора, — органическая. Живые молекулярные машинки осмотически проникают в твою кровь и с нею в органический мозг, где такие же нанобайты помогают переводить.

— Тогда как они говорят между собой? — с сомнением спросил Манмут. Теория о чтении мыслей нравилась ему больше.

— Точно так же, — сказал Орфу. — Через прикосновения. Видимо, у них полупроницаемая кожа и обмен информацией происходит при каждом физическом контакте.

— Не знаю, — сказал Манмут. — Помнишь, когда фелюга подошла к берегу, ее команда уже о нас знала? У меня было чувство, что о нашем присутствии сообщили по всей телепатической сети маленьких зеленых человечков.

— Мне тоже так подумалось. Но помимо того, что ни человеческая, ни моравекская наука не нашла даже теоретических обоснований для телепатии, бритва Оккама требует признать, что команда фелюги узнала о нас через физический контакт с МЗЧ на месте высадки либо от других, кто там побывал.

— Значит, нанопакеты данных в кровотоке? — Манмут не потрудился скрыть от друга скептицизм. — Но все равно один из них умрет, если я стану задавать еще вопросы.

— Увы, — сказал иониец, не приводя своих прежних доводов, что отдельные МЗЧ — не более автономные личности, чем клетки человеческой кожи.

Несколько человечков взбирались сейчас на мачту, завязывали тросы и соскальзывали по латинскому парусу с ловкостью акробатов. Пробегая мимо Манмута, они дружелюбно кивали ему зелеными головками.

— Я думаю отложить разговор на потом, — сказал Манмут. — С юга идет красно-бурая туча. Они авралом готовят корабль к шторму, и каждая пара рук на счету.

27. Илионская равнина

Троянцы истребляют греков. Студенты из моей прошлой жизни назвали бы это «децимацией», пользуясь словцом для полного уничтожения, которое так любили ленивые журналисты и безграмотные телеведущие в конце двадцатого — начале двадцать первого века. Однако на самом деле «децимация» — точный термин: римляне убивали во взбунтовавшемся селенье каждого десятого, то есть жертвы составляли всего десять процентов, так что можно с полным правом сказать: здесь происходит много худшее, чем децимация.

Троянцы *истребляют* греков.

Объявив бессмертным ультиматум, Зевс на золотой колеснице квитируется с Олимпа на Иду — самую высокую гору, откуда божественному зрению открывается вид на Илион, — и, усевшись на свой исполинский трон, смотрит вниз, на крепкие стены города, на сотни ахейских кораблей, которые вытащены на берег или качаются на якоре. Прочие боги слишком запуганы, чтобы вмешиваться, и Громовержец в гордом

одиночестве держит золотые весы. На правой чаше гирька в форме троянского конника, на левой — фигурка аргивского копейщика в бронзовых латах.

Зевс поднимает священные весы, перехватив коромысло посередине. Участь ахейцев идет вниз, судьба Трои взмывает вверх. Зевс улыбается. Я достаточно близко и вижу, что старый козел придавил левую гирьку пальцем.

Троянцы вырываются из городских ворот, словно осы из растревоженного гнезда. Низкое серое небо клокочет темной энергией, Зевсовы молнии то и дело ударяют в поле сражения — всегда среди аргивян и длинноволосых ахейцев. Ясно видя знаки божественного неудовольствия, греки тем не менее устремляются в бой, — а что еще им остается? Над Илионской равниной раскатывается грохот сшибающихся щитов, скрежет пик, шум колесниц, конское ржание и предсмертные стоны.

Ахейцам не везет с самого начала. Молнии зажаривают их, будто кур на гриле. Гектор устремляется вперед как стихийная сила; где тот человек, которым я любовался в трогательной сцене прощания с женой и сыном? Его место занял окровавленный берсерк, который косит

людей, как траву, и зычным голосом зовет товарищей убивать. Вся троянская армия и ее союзники с дружным воплем устремляются вперед, накатывая на отступающих ахейцев, словно цунами из бронзы и кожи.

Парис, которого я в описании недавней сцены с Гектором изобразил изнеженным хлыщом и которому потом наставил рога, теперь подле брата и тоже напоминает одержимую демонами машину убийства. Его специальность — искусный лучник, и нынче ни одна из длинных стрел Париса не пролетает мимо цели. Ахейцы и аргивяне падают, пораженные его стрелами в глотки, сердца, глаза и гениталии.

Гектор уничтожает последние островки греческого сопротивления, перерубает шеи, точно стебли ромашек, и в ярости битвы не слышит мольбы о пощаде. Едва ахейцам удается где-то сплотить ряды, молния голубой энергии из клубящихся туч поражает их, словно космическая граната, и крики умирающих тонут в раскатах грома.

Идоменей и великий царь Агамемнон прорубают себе путь к отступлению. Оба Аякса, прошедшие тысячу сражений, малодушно бегут с поля битвы. Одиссей, «благородный страда-

лец», решает, что уже достаточно настрадался и бросается к своим кораблям — видимо, надеется обрести там былое мужество. Для человека с такими короткими ногами он бежит на удивление быстро. Не поворачивает обратно только старец Нестор, да и то потому лишь, что муж Елены стрелой ранил его коня в голову. Животное взвилось на дыбы, вгоняя в панику остальных. Нестор мечом обрубает постромки, явно намереваясь как можно скорее покинуть поле боя, однако на него мчит на колеснице Гектор, а те, кто был рядом с Нестором, лежат на земле, пронзенные стрелами Париса кто в грудь, кто в шею. Лошади Нестора бегут проворнее даже греческих героев, и старый Нестор остается в незапряженной колеснице. Гектор быстро приближается.

Когда мимо, даже не глянув на старого друга, проносится Одиссей, Нестор кричит: «Куда спешишь ты, о сын Лаэрта, разумный тактик?» — но его сарказм пропадает втуне: Одиссей скрывается в клубах пыли, даже не замедлив хода.

Диомед, который всегда сильнее боли и смерти боялся прослыть трусом, разворачивает свою колесницу обратно в гущу боя с намерением спасти Нестора и отразить натиск Гектора. Он подхватывает Нестора, словно мешок с одеждой для

стирки; старик двумя руками сжимает вожжи. Нестор направляет колесницу уже не прочь, а на атакующего Гектора. Диомед бросает тяжелое копье, но убивает не Гектора, а его возницу Эниопея, сына Фебея. В тот миг, когда мертвое тело отлетает назад, под ноги изумленным пешим троянцам, а кони Гектора взвиваются на дыбы, все меняется.

Я читал, что во многих битвах бывают такие мгновения, когда исход висит на волоске. Покуда Гектор пытается унять коней, а троянцы за ним замерли в растерянности, греки видят возможность повернуть ход битвы в свою пользу и кидаются вслед за старцем Нестором и Диомедом. И вот ахейцы уже с криками рубят передовых троянцев.

Тут вновь вмешивается Зевс. Раскатывается гром. Молния ударяет в землю, лошади исчезают во вспышке света, запахе серы и горящих копыт. Ахейские колесницы рядом с Диомедом и Нестором разлетаются клочьями человеческого и конского мяса. Бронза плавится, кожаные щиты занимаются огнем. Даже туповатому Диомеду ясно, что Зевс им сегодня недоволен.

Нестор пытается развернуть вздыбившихся коней, но те вполне реальными зубами закусывают

метафорические удила. Колесница — в полном одиночестве, так как остальные греки бежали, поджав хвост, — летит навстречу десяти тысячам разъяренных троянцев.

— Скорее, Диомед, хватай поводья и помоги мне развернуть скакунов! — кричит Нестор. — Сражаться дальше — верная смерть!

Диомед забирает у старика вожжи, но и не думает поворачивать.

— Если я поверну, Гектор будет бахвалиться перед своими: «Я обратил Диомеда вспять!»

Нестор хватает его за мускулистую шею:

— Тебе что, шесть лет? Разворачивай гребаную колесницу, придурок, или Гектор подпояшется нашими кишками еще до того, как в Трое сядут пить чай!

Ну или что-то в таком роде. Не могу ручаться за подлинность последних слов: мой остронаправленный микрофон, возможно, немного барахлит, а сам я в сотне ярдов от колесницы. Поскольку я морфировал в пешего воина, то бегу вместе со всеми, глядя через плечо, как стрелы Париса падают гибельным градом.

Диомед еще две-три секунды борется со своей дилеммой, потом все же разворачивает коней к берегу и мчит под защиту черных кораблей.

— Ха! — восклицает Гектор, перекрывая гул побоища.

У него новый возница — миловидный Архептолем, Ифитов сын. Гектор вновь преследует неприятеля с энергией человека, по-настоящему любящего свою работу.

— Ха! Диомед убежал! Трусишка! Слабак! Девчонка!

Диомед в ярости оборачивается назад, однако вожжи теперь держит Нестор, да и кони смекнули, где безопаснее. Колесница прыгает по камням, колдобинам и бегущим грекам. Теперь, чтобы сразиться с Гектором, Диомед должен спрыгнуть и биться против тысяч троянцев на своих двоих. Подумав, он отказывается от этой затеи.

«Хочешь изменить наши судьбы — найди точку опоры», — сказала мне Елена сегодня утром.

Она выпытывала у меня содержание «Илиады» (хотя считала это моим даром предвидения) и требовала, чтобы я нашел точку опоры, единственную в десятилетней войне, вокруг которой все вращается. Стержень судьбы, так сказать.

Я юлил и выкручивался, потом мы занялись любовью в третий раз, но все долгие безумные часы сегодняшнего дня ее вопрос не шел у меня из головы.

Хочешь изменить наши судьбы — найди точку опоры.

Готов поспорить на мою профессорскую должность, что поворотная точка этой конкретной трагической повести приближается. Посольство к Ахиллесу.

До сих пор события худо-бедно разворачивались согласно поэме, даже Афродиту с Аресом вовремя удалили на скамью запасных. Зевс объявил свою волю и вмешался на стороне троянцев. Я не собираюсь без надобности квитироваться на Олимп, но догадываюсь что и там разыгрывается гомеровский сценарий: царица Гера, переживая за своих побитых аргивян, умоляет Посейдона прийти им на выручку, однако «земли колебатель» приходит в ужас — он не намерен сражаться с Зевсом. Позже, когда греков разобьют в пух и прах, Афина разденется догола и облачится в лучшую броню (ладно, согласен, ради этого стоило бы квитироваться на Олимп), но ее остановит вестница Зевса Ирида. Послание Зевса будет лаконичным: «Если ты с Герой противостанешь мне с оружием, о сероглазая дочь, я переломаю ноги вашим коням, сокрушу вашу машину, а вас, богинь, так искалечу громами, что и за десять круговратных лет в целительных чанах зеленые

черви не заштопают ваших язв!»

Афина останется на Олимпе. Греки после нескольких часов успешной контратаки понесут еще более тяжелые потери и отступят за свои укрепления — выкопанный десять лет назад ров и частокол (все это по приказу Агамемнона недавно углубили и усилили), но даже там перепуганные ахейцы проголосуют за отплытие домой.

Чтобы подбодрить народ, Агамемнон устроит для вождей пир. (Как раз когда Гектор и тысячи его воинов будут готовиться к последней атаке, чтобы сжечь ахейские черные корабли и навсегда покончить с войной.) На этом пиру Нестор провозгласит, что у них есть одна надежда — Агамемнон должен помириться с Ахиллесом.

Агамемнон согласится выплатить Ахиллесу царский — даже более чем царский — выкуп: семь новых треножников, десять талантов золота, двадцать блестящих котлов, дюжину коней, «стяжавших награды на гонках», семь красавиц и не помню что еще, — может быть, куропатку на грушевом дереве[33]. Но главное, взятка будет

---

[33] Примечания: 33

…может быть, куропатку на грушевом дереве. — Из английской рождественской песни «Двенадцать дней Рождества»: «В первый день Рождества мне любовь поднесла…»

включать Брисеиду, из-за которой и разгорелся сыр-бор. Чтобы перевязать свой подарок розовой ленточкой, Агамемнон поклянется, что не спал с Брисеидой. Для большей убедительности он добавит семь греческих городов: Кардамилу, Энопу, Гиру, Анфею, Феру, Эпею и Педас. Разумеется, города эти Агамемнону не принадлежат, он дарит земли соседей, но, думаю, тут дорог не подарок, а любовь.

Единственное, чего Агамемнон не предлагает Ахиллесу, — это извинений. Гордый Атрид не желает ни перед кем кланяться.

— Пусть он предо мной склонится! — закричит Агамемнон Нестору, Одиссею, Диомеду и прочим героям через несколько часов. — Я старше его годами, выше как царь, и вообще я более велик!

Одиссей с товарищами решат, что, несмотря на спесь Агамемнона, это может сработать. Если доставить богатые дары и весть, что Атрид уступает Брисеиду, опустив слова про то, кто более велик, Ахиллес, возможно, выйдет на битву. По крайней мере, посольство обещает хоть лучик надежды.

Дальше начинается сложная часть — и тут может отыскаться точка опоры.

Как ученый, я нутром чую, что посольство к Ахиллесу — стержень «Илиады». Ответ Ахиллеса

определит все последующие события: смерть Гектора, гибель самого Ахиллеса и падение Трои.

Но здесь есть хитрый момент. Гомер очень тщательно выбирает слова, возможно тщательнее всех рассказчиков в человеческой истории. Он сообщает, что Нестор предложит отправить с посольством пятерых: Феникса, Большого Аякса, Одиссея, Одия и Эврибата. Последние двое просто вестники, для торжественности, и они не войдут в шатер Ахиллеса и не примут участия в разговоре.

Загвоздка в другом: при чем тут Феникс? Он не упоминался в поэме раньше, он скорее мирмидонский наставник и приближенный Ахиллеса, чем военачальник, и непонятно, почему его посылают убеждать хозяина. Мало того: когда послы идут «по брегу немолчношумящего моря» к шатру Ахиллеса, Гомер говорит о них в двойственном числе — употребляет форму глагола, которая существовала в греческом помимо множественного и единственного числа и применялась только для двух лиц или предметов. Гомер использует еще семь слов, которые в греческом его времени относились к *двум* людям, не к трем.

А где в это время Феникс? Уже в шатре Ахиллеса и ждет послов? Малоправдоподобно.

Многие ученые, в мое время и раньше, утверждали, что Феникса неуклюже вставили в поэму столетия спустя. Это объясняет двойственное число, но оставляет без внимания тот факт, что из трех послов Феникс приводит самый длинный и самый сложный довод. Речь его так затейлива и содержит столько восхитительных отступлений, что в ней безусловно угадывается Гомер.

Такое чувство, будто слепой певец и сам не знал, два или три посла ходили к Ахиллесу, и не догадывался, что именно слова Феникса определят судьбу участников.

У меня на раздумья всего несколько часов.

Хочешь изменить наши судьбы — найди точку опоры.

Но это еще впереди, а пока что солнце едва перевалило за полдень. Троянцы остановились с илионской стороны ахейского рва; греки суетятся за каменным валом и частоколом, как растревоженные муравьи. По-прежнему в облике потного ахейского копейщика я подбираюсь поближе к Агамемнону, когда тот сперва распекает своих воинов, а затем молит Зевса о помощи в самый черный час.

— Позор вам! — кричит сын Атрея.

Из толпы грязных, измученных воинов его

слышит от силы сотая часть: античная акустика оставляет желать лучшего, однако голос у Агамемнона зычный, и те, кто ближе к нему, передадут его слова остальным.

— Стыд и срам! Разоделись, как лучшие воины, а сами? Вы клялись сжечь Илион, объедались мясом волов — купленных за мой счет! — пили из кубков, доверху наполненных вином — купленным и доставленным за мой счет! — а теперь посмотрите на себя! Побитый сброд! Вы бахвалились, что каждый из вас устоит против сотни троянцев — против двух сотен! — а теперь не можете все вместе дать отпор одному-единственному смертному — Гектору. С минуту на минуту он будет здесь со своими ордами поджигать наши корабли, а хваленая армия *героев*, — Агамемнон только что не выплевывает последнее слово, — будет спасаться домой, к женам и детям… *за мой счет!*

Атрид отворачивается от войска и воздевает руки к южному небу, в направлении горы Иды, откуда во время побоища неслись тучи, громы и молнии:

— Владыка Зевс, как ты можешь вот так отбирать у меня славу? Чем я тебя прогневал? Ни разу — ни единого раза, клянусь! — не миновал

я твоего алтаря, даже в этом плавании, чтобы не остановиться и не сжечь телячий тук и бедра в *твою* честь. Наша молитва была проста: сровнять стены Илиона с землею, убить его героев, изнасиловать его женщин, поработить его народ. Разве мы много просили? Отец, исполни же теперь мою молитву, позволь моим людям уплыть живыми — хотя бы это. Не дай Гектору и его троянцам побить нас, будто взятых взаймы мулов!

М-да, сегодня Агамемнон не блещет красноречием. Я слышал у него речи и получше. Если честно, все его прошлые речи в сравнении с нынешней — шедевры ораторского искусства. Неудивительно, что Гомер счел нужным переписать ее по-своему. Но тут случается второе чудо. По крайней мере, ахейцы воспринимают это как чудо.

Невесть откуда появляется летящий с юга огромный орел и тащит в когтях олененка.

Греки, хлынувшие было к кораблям и замедлившиеся лишь для того, чтобы выслушать Агамемнона, теперь замирают и указывают на огромную птицу.

Орел взмывает выше, кружит, снижается — и с высоты в сто футов роняет еще бьющегося олененка на песчаный холмик прямо у основания

каменного алтаря, который ахейцы воздвигли Зевсу после высадки долгие годы назад.

Это срабатывает. Пятнадцать секунд греки ошарашенно молчат, затем разражаются ревом. Люди, десять минут назад перепуганные до смерти, вновь готовы сражаться, явный знак Зевсова прощения и благоволения вернул им мужество. Пятнадцать тысяч ахейцев и аргивян строятся в боевые порядки, коней опять впрягают в колесницы, колесницы выкатывают наружу по земляным перешейкам через оборонительные рвы, сражение возобновляется.

И наступает час лучника.

Хотя контратаку возглавляет отважный Диомед, за которым следуют Атриды, Агамемнон и Менелай, а также Большой и Малый Аяксы, и хотя каждый из этих героев убьет свою долю троянцев копьем или коротким мечом, основные события происходят теперь вокруг ахейца Тевкра.

Тевкр, побочный сын Теламона и единокровный брат Большого Аякса, всегда слыл искусным лучником. За эти годы я видел, как он уложил десятки троянцев, но сегодня его день на авансцене. Они с Аяксом входят в ритм: Тевкр укрывается за щитом брата — исполинским, прямоугольным (военные историки внушали нам, что ко времени

Троянской войны таких еще не было), и когда Аякс приподнимает щит, Тевкр пускает стрелу в троянские ряды в шестидесяти ярдах от него. В этот день он бьет без промаха.

Первым падает Орсилох, бронзовый наконечник вонзается ему в сердце. Затем Тевкр убивает Офелеста, всадив ему стрелу в правый глаз. Еще два метких молниеносных выстрела — и на землю валятся смертельно раненные Детор и Хромий. Всякий раз, когда Тевкр выглядывает из-за щита, троянцы пускают в него стрелы и копья, однако Большой Аякс успевает укрыть и себя, и брата.

Град копий и стрел затихает, Аякс поднимает щит. Тевкр пускает стрелу в Ликофонта, правителя далекого города, однако лишь ранит его. Соратники Ликофонта бросаются к предводителю, и тут Тевкр всаживает в него еще одну стрелу — прямо в печень.

Гамопаон, Полиемонов сын, становится следующей жертвой. Из горла у него хлещет пятифутовый фонтан крови. Могучий Гамопаон пытается встать — но стрела пригвоздила его к земле, и менее чем за минуту он истекает кровью, тело бьется в судорогах все слабее и слабее. Ахейцы ликуют. Я знаю… знал Гамопаона. Частенько

встречал его в нашей с Найтенгельзером излюбленной забегаловке, мы нередко болтали о том о сем. Как-то он рассказал, что его отец Полиемон в более дружественные времена был знаком с Одиссеем. Некогда он посетил Итаку и, пойдя вместе с дружественным греком на охоту, убил дикого кабана, который вспорол Одиссею ногу и убил бы его, если бы копье Полиемона не попало в цель. Гамопаон сказал мне, что шрам у Одиссея остался до сих пор.

Аякс приседает, закрывая себя и брата щитом, по которому, словно по крыше, барабанит ливень троянских стрел. Аякс выпрямляется, поднимает щит, Тевкр убивает Меланиппа — с расстояния восьмидесяти ярдов. Стрела вонзается троянцу в пах, а когда тот падает, наконечник выходит наружу через анус. Меланипп корчится на земле и умирает, его товарищи отступают на шаг и кривятся. Ахейцы победно кричат.

Агамемнон спрыгивает с колесницы и начинает подбадривать Тевкра, обещает, что тот сразу после него будет выбирать треножники и чистокровных коней — если Афина и Зевс даруют им разорить сокровищницу Трои, добавляет царь, — затем сулит Тевкру в наложницы самую красивую троянку, возможно жену Гектора Ан-

дромаху.

Тевкр возмущен:

— Сын Атрея, неужто ты думаешь, будто твои обещания трофеев заставят меня сражаться еще лучше? Я и так стреляю так быстро и метко, как могу. Восемь стрел — восемь трупов.

— Стреляй в Гектора! — кричит Агамемнон.

— Я и стрелял в Гектора, — орет Тевкр, багровея. — Целю в него с самого начала. Просто не могу попасть в сукина сына!

Агамемнон умолкает.

Будто в ответ на вызов, Гектор на колеснице выезжает вперед и пытается ободрить своих людей, напуганных лучником.

Теперь Аякс не утруждается поднять щит, потому что Тевкр выпрямляется в полный рост, тщательно прицеливается в Гектора и спускает тетиву.

Стрела пролетает в сантиметрах от головы Гектора и поражает Приамова сына Горгифиона, который оказался за колесницей брата. Тот удивленно смотрит на оперение, торчащее у него из груди, как будто заподозрил злую шутку товарищей. Затем его голова начинает клониться, словно под бременем вдруг потяжелевшего шлема, обессиленно валится на плечо, и Горгифион

падает мертвым на залитый кровью песок.

— А, чтоб тебе! — восклицает Тевкр и пускает новую стрелу. Гектор находится к нему ближе всех троянцев и развернут к Тевкру всем торсом.

На сей раз стрела вонзается в грудь Архептолему, вознице Гектора. Кровь гейзером хлещет на спины скакунов, и те — хоть и прекрасно обучены — взвиваются на дыбы и несут. Юноша опрокидывается назад и падает в прах.

— Кебрион! — ревет Гектор, перехватив поводья.

Кебрион, еще один побочный сын любвеобильного Приама, запрыгивает на колесницу в тот самый миг, как Гектор с нее соскакивает. Вне себя от ярости и скорби по верному Архептолему, Гектор выбегает в пространство между войсками — отличная мишень для Тевкра — и хватает самый острый, самый увесистый камень, какой помещается в его руке.

Гектор как будто позабыл все военные тонкости, за которые его восхваляли все эти годы, и вернулся к тактике пещерных людей. Он заводит левую руку далеко назад — и в этот миг он похож, хоть режьте, на Сэнди Коуфакса перед

подачей[34]. Я до сих пор не замечал, что Гектор одинаково свободно владеет обеими руками.

Тевкр вытаскивает из колчана новую стрелу и натягивает лук, целя Гектору в сердце, в твердой уверенности, что успеет сделать выстрел, если не два, прежде чем тот бросит камень.

Он ошибается. Гектор кидает мощно, быстро, ровно и без промаха.

Камень поражает Тевкра в ключицу за мгновение до того, как он спускает тетиву. Хрустит кость, рвутся жилы, рука Тевкра повисает, стрела вонзается в землю между сандалиями лучника.

Гектор устремляется вперед, раскидывая греков, как мякину. Троянские лучники выпускают стрелу за стрелой в упавшего Тевкра, но Большой Аякс закрывает брата стеной огромного щита, пока другие ахейцы отбивают натиск пеших троянских воинов. На крик — а точнее, рев — Аякса прибегают Мекистей и Аластор. Они уносят стонущего полубессознательного лучника по перемычке через ров в относительную безопасность под сенью черных кораблей.

Пятнадцать минут славы Тевкра закончи-

---

[34] Примечания: 34

...заводит левую руку назад... похож... на Сэнди Коуфакса перед подачей. — Сэнфорд Коуфакс (р. 1935) — прославленный американский бейсболист, левша; отбивал правой рукой, а бросал левой.

лись[35].

Положение ахейцев ухудшается на глазах. Гектор видит в своей неуязвимости очередной знак Зевсова благоволения и ведет своих людей в новые и новые атаки на удрученных, отступающих греков.

Агамемнон, Менелай и прочие военачальники, лишь несколько часов назад рвавшиеся в бой, похожи на побитых собак. Аргивяне поначалу даже не ставят людей к своим укреплениям. Тут бы и заполыхать черным судам, если бы солнце не село и не наступила тьма.

Растерянные ахейцы мечутся по берегу, кто-то уже готовит корабли к отплытию, кто-то сидит на песке, как контуженный, потерянно глядя перед собой. Гектор в лучших традициях «Генриха V» без устали обходит троянские ряды, убеждает воинов с рассветом убивать еще больше, посылает в город за волами для жертвоприношения и пира, за бочками сладкого вина и телегами свежевыпеченного хлеба (изголодавшиеся троянцы набрасываются на них, будто на самого Агамемнона), велит разложить сотни дозорных

---

[35] Примечания: 35

Пятнадцать минут славы Тевкра закончились. — Отсылка к высказыванию Энди Уорхола: «Каждый человек имеет право на пятнадцать минут славы».

костров сразу за ахейскими укреплениями, так что перепуганным грекам этой ночью не удастся сомкнуть глаз.

Я натягиваю Шлем Аида и невидимкой брожу среди троянцев.

— Завтра, — кричит Гектор под возгласы одобрения, — я выпотрошу Диомеда, как рыбу, перед лицом его воинов, если не сбежит за ночь! Я сломаю ему хребет наконечником моего копья, и мы прибьем голову этого бахвала над Скейскими воротами!

Троянцы вновь разражаются воинственными криками. Искры от костров летят к звездам. Скрытый от людей и богов, я прохожу по перемычке через ров, огибаю частокол и вновь иду среди упавших духом греков.

Для меня близится часть испытания. Агамемнон уже созвал военачальников на совет, и сейчас они решают, как быть: бежать или отправить посольство к Ахиллесу?

Отступать поздно. Я морфирую в Феникса, верного мирмидонского друга и наставника Ахиллеса, и бреду по остывающему песку на совет.

Хочешь изменить наши судьбы — найди точку опоры.

28. Средиземный бассейн

Сейви вела соньер вдоль Атлантической Бреши, иногда ниже поверхности моря, каждые несколько миль взлетая повыше, чтобы не врезаться в водопропуски, которые пересекали Брешь, словно полупрозрачные зеленые трубы в длинном зеленом коридоре.

Лежа по левую руку от Сейви, видя угрюмого Хармана справа от нее и пустые ниши за ними, Даэман обдумывал события последних двадцати четырех часов.

Ада, судя по всему, рассорилась с Харманом. Поначалу Даэмана это порадовало. Он не знал, что между ними произошло, но после возвращения с прогулки оба были сами не свои. Ада глядела холодно, однако внутри вся кипела, Харман был заметно смущен. Впрочем, после многочасового перелета в Ардис, тамошних событий — и решения Даэмана продолжать эту бредовую экспедицию — размолвка Хармана с Адой отошла для него на второй план.

В Ардис прилетели под вечер. С воздуха усадьба и прилегающие угодья выглядели непривычно,

по крайней мере для Даэмана, хотя расположение холмов, реки, леса и лугов осталось прежним. Всякий раз при мысли о пикнике у реки — во время Ханниного дурацкого «литья» — Даэман вспоминал динозавра, и у него перехватывало сердце.

— Если не ошибаюсь, под конец Потерянной Эпохи эта земля носила название Огайо, — заметила Сейви, выписывая маленький круг перед посадкой.

— А я думал, Северная Америка, — сказал Харман.

— И это тоже. Тогда каждое место имело множество имен.

Они приземлились в четверти мили от Ардис-Холла, на северном пастбище за рощей. Даэману по-прежнему было нужно в туалет, но он не собирался идти в усадьбу этой дорогой, если тут могут водиться динозавры.

— Не бойся, — грубовато бросила Ада, заметив, что он один по-прежнему лежит в соньере. — Войниксы охраняют участок в радиусе двух-трех миль от дома.

— Как далеко от дома был Ханнин пикник с горячим металлом? — спросил Даэман.

— В трех с половиной милях, — ответила Ханна.

Она стояла за соньером рядом с Одиссеем.

— Точно не пойдешь в дом? — обратилась Ада к Сейви.

— Не могу, — отвечала старуха. Она протянула Аде руку, которую та, помедлив секунду, пожала. Даэман никогда прежде не видел, чтобы женщины пожимали друг другу руки. — Я подожду Хармана с Даэманом здесь.

Ада глянула на Хармана:

— А ты зайдешь на минутку?

— Только попрощаться.

Они продолжали пристально смотреть друг на друга.

— Может, пойдем уже? — сказал Даэман, слыша визгливые нотки в собственном голосе, но ему было все равно, лишь бы скорее добраться до туалета.

Все, кроме Сейви, двинулись к далекому дому через высокую, по пояс, траву, мимо редких коров, которых Даэман обходил подальше — с некоторых пор он недолюбливал крупных животных. Внезапно из-за деревьев выступил одинокий войникс.

— Наконец-то, — сказал Даэман. — А то ходим пешком, словно какие-нибудь… — Он замахал созданию из железа и кожи. — Эй, ты! Возвращайся

в дом и пригони нам две широкие одноколки.

Невероятно, однако войникс, не обращая внимания на Даэмана, продолжал надвигаться на пятерых людей — а точнее, на Одиссея.

При виде безглазого войникса бородач оттолкнул Ханну в сторону.

— Очень странно, — проговорила Ада, впрочем без всякой убежденности. — Они еще ни разу…

Когда войникс был в пяти футах от Одиссея, грек выхватил из-за пояса меч, активировал большим пальцем гудящее лезвие и, подняв клинок двумя руками, рассек войниксу якобы непробиваемый панцирь и левую верхнюю конечность. Мгновение войникс стоял, очевидно потрясенный неслыханной выходкой Одиссея не меньше четверых людей, затем верхняя половина его туловища соскользнула, накренилась и рухнула на землю, дергая руками. Нижняя половина и ноги простояли еще несколько секунд, прежде чем грохнуться в траву.

С минуту царила полная тишина, только ветер свистел в высокой траве. Потом Харман заорал:

— Чего ради ты это сделал?

Все вокруг было залито густой, как кровь, голубой жидкостью.

Одиссей указал на правую руку войникса и,

вытирая меч о траву, ответил:

— Он выдвинул лезвия для убийства.

И вправду, собравшись вокруг затихшего войникса, все четверо увидели выдвинутые из манипуляторных подушечек клинки, служившие обычно для защиты людей от динозавров и других опасностей.

— Не понимаю, — сказала Ада.

— Он тебя не узнал. — Ханна отступила от бородача еще на шаг. — Может быть, подумал, что ты представляешь для нас угрозу.

— Нет, — ответил Одиссей, убирая короткий меч обратно в ножны.

Даэман в завороженном ужасе уставился на поперечный разрез войникса; он ожидал увидеть шестеренки и тому подобное, но там были мягкие белые органы, множество голубых трубочек, гроздья каких-то розовых виноградин. От этого зрелища его перегруженный кишечник чуть не опорожнился сам по себе.

— Идем же, — сказал Даэман и стремительно зашагал в сторону Ардис-Холла.

Остальные ошибочно приняли это за решительное хладнокровие и двинулись следом.

Уже после того, как Даэман побывал в уборной, принял душ, побрился, велел ближайшему Ади-

ному сервитору принести ему чистую одежду и отправился на кухню в поисках чего-нибудь съестного, он понял, каким безумием будет лететь дальше с Харманом и помешанной старухой. Чего ради?

Несмотря на отсутствие Ады — а может быть, именно благодаря ему, — Ардис-Холл был полон гостями. Сервиторы усердно потчевали их едой и вином — в общем, поддерживали праздничное настроение. Молодежь — включая нескольких красивых женщин, которых Даэман знал по другим приемам, другим местам, по прежней жизни до Хармана и всего этого бреда, — играла на лужайке в крокет. Вечер выдался чудесный, на траве лежали длинные тени, в воздухе звенел смех, под исполинским вязом сервиторы накрывали к ужину длинный стол.

Даэман понял, что может остаться здесь, поесть как следует, выспаться, а еще лучше — вызвать войникса, доехать в одноколке до факс-портала и лечь в собственную постель после приготовленного матерью ужина. Даэман скучал по матери — они не виделись уже целых два дня.

На подъездной дорожке недвижно стоял войникс. При взгляде на него у Даэмана кольнуло сердце. В том, что Одиссей уничтожил войникса,

было что-то безумное и недолжное. Зачем уничтожать войниксов? Все равно что спалить дрожжи или разгромить собственное жилище. Еще один повод поскорее расстаться с этой публикой.

Даэман вышел на дорогу и огляделся. Харман и Ада негромко, но возбужденно спорили в сторонке. На лужайке Ханна представляла Одиссея любопытным гостям. Войниксы явно избегали приближаться к бородачу. Намеренно или случайно? Общаются ли войниксы между собой? И если да, то как? Даэман никогда не слышал, чтобы они издавали хоть какие-нибудь звуки.

Он махнул войниксу, чтобы тот подогнал одноколку. Ада закончила препираться с Харманом и ушла в дом, Харман развернулся и направился к соньеру. Подойдя к Даэману, он глянул с таким мрачным видом, что тот попятился.

— Ты с нами?

— Я? Э-э-э… нет, — выдавил Даэман.

Подбежал войникс с одноколкой, обивка лоснилась в вечернем свете, гироскопы мерно гудели.

Харман развернулся и без единого слова зашагал через пастбище прочь от дома.

Даэман сел в повозку, скомандовал войниксу: «Факс-портал» и откинулся на сиденье. Одноколка покатила по дорожке, хрустя ракушками.

Девушка на лужайке — Оэллео, кажется, — прокричала что-то на прощание. Одноколка двинулась вниз по склону, безмолвный войникс трусил между ее оглоблями.

— Стоп! — сказал Даэман.

Войникс замер, придерживая оглобли. Внутренний гироскоп тихонько гудел.

Даэман обернулся, однако Харман уже пропал за деревьями. Непонятно почему, но Даэман пытался сообразить, где встречал Оэллео. На приеме в Беллинбаде позапрошлым летом? На Четвертой Двадцатке Верны в Чоме всего несколько месяцев назад? У себя дома в Парижском Кратере?

Он не мог сообразить. Спал ли он с Оэллео? Он помнил ее голой, но это могла быть вечеринка в бассейне или живые картины, которыми все увлекались прошлой зимой. Если они и спали, память этого не сохранила. Женщин было так много….

Даэман постарался вспомнить Вторую Двадцатку Тоби в Уланбате всего три дня назад. В уме возник расплывчатый образ — мешанина веселья, секса и выпивки сливалась со всеми другими вечеринками у всех других факс-узлов. Но когда он пробовал вспомнить Сухую долину в этой… как там ее?.. Антарктике?.. или айсберг, или

Золотые Ворота в Мачу-Пикчу, даже дурацкий секвойевый лес… все было отчетливое и ясное.

Даэман вылез из одноколки и зашагал к пастбищу. «Глупо, глупо, глупо!» — думал он. На полпути к линии деревьев он сорвался на неуклюжий бег.

Задыхаясь и обливаясь потом, Даэман выбежал на другую сторону пастбища. Соньера уже не было. У низенькой каменной ограды темнела примятая трава.

— Чтоб вам! — Даэман поднял глаза в вечернее небо, где медленно вращались кольца. — Провалились все пропадом.

Он тяжело опустился на заросшую мхом каменную ограду. Солнце садилось у него за спиной. Глаза отчего-то защипало.

Соньер вынырнул из-за деревьев на севере, спикировал и завис в десяти футах над землей.

— Я предполагала, что ты можешь передумать, — крикнула сверху Сейви. — Ну что, прокатимся?

Даэман встал.

Они летели на восток во мраке, так высоко, что звезды и орбитальные кольца озаряли верхушки облаков, содрогавшихся от молний, словно от живой перистальтики. На ночь остановились у

побережья, в чудно́м жилище на дереве. Жилище состояло из отдельных домиков, платформ и винтовых лестниц. Там имелись водопровод и канализация, но войниксов и сервиторов не было, поскольку люди здесь не жили.

— И много у тебя таких укромных местечек? — спросил Харман у Сейви.

— Да. На удалении от ваших трехсот факс-узлов Земля совершенно пуста. По крайней мере, безлюдна. У меня есть любимые уголки в разных краях.

Они сидели на своего рода платформе-столовой, примерно на половине высоты огромного дерева. Внизу лежало множество огромных и ржавых древних машин, по большей части ушедших в землю, заросших травой и папоротниками. Среди них загорались и гасли светляки. Свет колец пробивался сквозь листья, окрашивая траву в мягкий белесый свет. Гроза, над которой они летели, еще не добралась так далеко на восток, поэтому ночь стояла теплая и ясная. Здесь не было сервиторов, но были холодильники с продуктами. Под руководством Сейви путешественники приготовили макароны, говядину и рыбу; Даэман почти свыкся со странной мыслью самому готовить себе еду.

Неожиданно Харман спросил у Сейви:

— Знаешь ли ты, отчего постлюди покинули Землю и больше не возвращаются?

Даэман вспомнил кошмар, пережитый сегодня утром на поляне в секвойевом лесу. От одного воспоминания о картинках и потоках данных его замутило.

— Да, — ответила Сейви. — Думаю, что знаю.

— Поделишься с нами? — спросил Харман.

— Не сегодня.

Она встала и пошла по винтовой лестнице к освещенному домику в десяти метрах выше по стволу.

Харман и Даэман переглянулись, однако сказать им друг другу было нечего, так что они еще чуть-чуть посидели и тоже отправились спать.

Они на огромной скорости пролетели вдоль Бреши через Атлантический океан, перед самым побережьем круто повернули на юг и пронеслись над тем, что Сейви назвала Геркулесовыми Руками.

— Потрясающе! — Харман почти встал на колени, чтобы поглядеть влево.

Даэман вынужден был согласиться. Между огромной, отвесной с одной стороны скалой (Сейви назвала ее Гибралтаром) и более низкими горами милях в девяти южнее океан просто

останавливался, удерживаемый исполинскими золотыми ладонями, встающими из морского дна. Каждая имела пятьсот футов в высоту, и растопыренные пальцы отделяли стену Атлантики от сухого Средиземного бассейна — тянущейся на восток туманной долины.

— Почему руки? — поинтересовался Даэман, когда они достигли суши по другую сторону окутанного туманом Бассейна и вновь повернули на восток. — Отчего постлюди не установили силовое поле, как в Бреши?

Старуха покачала головой:

— Геркулесовы Руки существовали задолго до моего рождения, и постлюди никогда не объясняли почему. Я всегда подозревала, что это просто их каприз.

— Каприз… — повторил Харман. Судя по всему, мысль ему не понравилась.

— Ты уверена, что мы не можем пролететь прямо через Бассейн? — спросил Даэман.

— Уверена. Соньер камнем рухнет на землю.

Всю вторую половину дня они летели над болотами, озерами, лесами папоротников и полноводными реками в местности, которую Сейви назвала Северной Сахарой. Вскоре болота исчезли, земля стала более сухой и каменистой.

По травянистым низинам и скалистым возвышенностям бродили стада огромных полосатых животных — не динозавров, но размером с динозавров.

— Кто это? — спросил Даэман.

Сейви покачала головой:

— Понятия не имею.

— Будь здесь Одиссей, он, наверное, захотел бы убить такого на обед, — сказал Харман.

Сейви хмыкнула.

Был уже вечер, когда они снизились, сделали круг над странным, обнесенным стеною городом всего в двадцати милях от Средиземного бассейна и приземлились на каменистой равнине чуть западнее города.

— Что это за место? — спросил Даэман.

Он еще ни разу не видел таких древних строений, и даже издали это зрелище немного его пугало.

— Иерусалим, — ответила старуха.

— Я думал, мы отправимся в Средиземный бассейн искать корабль, — сказал Харман.

Сейви вылезла из соньера и потянулась. Выглядела она очень усталой; впрочем, сообразил Даэман, это не удивительно, она же вела соньер два дня кряду.

— Мы и отправимся, — сказала она. — Однако нам нужно на чем-то добираться, и мы найдем это здесь. И на закате я вам кое-что покажу.

Даэман насторожился, однако последовал за ней и Харманом по каменистой равнине, по обломкам того, что могло быть когда-то предместьем или более новой частью старого города за стеной, но теперь превратилось в плотно слежавшийся щебень. Старуха провела их через ворота в стене, продолжая отпускать по большей части невразумительные замечания. Воздух был сухой и холодный, закатное солнце озаряло древние здания.

— Яффские ворота, — сказала Сейви, как будто им это что-то говорит. — А это улица Давида, когда-то она отделяла христианский квартал от армянского.

Харман покосился на Даэмана. Даэман понял, что старик, так гордящийся своим бессмысленным умением читать, тоже никогда не слышал слов «христианский» и «армянский». Однако Сейви продолжала болтать, указывая на что-то под названием «храм Гроба Господня» среди развалин слева. Мужчины не перебивали ее вопросами, пока Даэман не спросил:

— Тут нет ни войниксов, ни сервиторов?

— Сейчас нет, — ответила Сейви. — Но когда мои друзья Пинхас и Петра были здесь за несколько минут до финального факса, тысячу четыреста лет назад, десятки тысяч войниксов внезапно активизировались у западной стены. — Она остановилась и поглядела на спутников. — Вы же знаете, что войниксы выпали из темпоралкластического облака за два века до финального факса, но тогда они были неподвижными — ржавыми железными статуями, а не теми послушными слугами, что сейчас? Это важно помнить.

— Хорошо, — ответил Харман, впрочем с некоторой ноткой покровительственности, поскольку старуха явно заговаривалась. — Однако ты сказала, что во время финального факса была внутри айсберга возле Антарктики. Откуда ты знаешь, где были твои друзья и что делали войниксы?

— Записи в дальней, ближней и всеобщей сети, — сказала старуха и повела их по улице дальше на восток.

Харман вновь покосился на Даэмана, словно хотел поделиться тревогой из-за бессмысленности ее слов, однако Даэман ощутил прилив чего-то — гордости? превосходства? — оттого что знает, о чем она говорит. Он глянул на свою ладонь и включил поисковую функцию, однако

окошко было пустым. Что будет, если вообразить четыре синих квадрата над тремя кругами и над четырьмя зелеными треугольниками и вызвать функцию данных, как Сейви научила его вчера на лесной поляне?

Она остановилась и заговорила так, будто прочла его мысли.

— Не советую активировать здесь функцию всеобщей сети, Даэман. Одно дело виртуально погрузиться в энерго-микроклиматические взаимодействия леса, но здесь, в Иерусалиме, ты столкнешься с пятью тысячелетиями боли, ужаса и озверелого антисемитизма.

— «Антисемитизма»? — переспросил Харман.

— Ненависти к евреям, — ответила Сейви.

Харман с Даэманом озадаченно переглянулись.

Даэман начал жалеть, что передумал и отправился с ними. Он был голоден. Солнце садилось. Он не знал, где будет сегодня спать, но подозревал, что в каком-нибудь неудобном месте.

— Идем, — сказала Сейви, провела их еще через квартал, в каменную арку, по узкому проулку к высокой глухой стене.

— Мы что, ради этого шли? — разочарованно спросил Даэман.

Это был тупик — двор, ограниченный стенами

пониже, каменными зданиями и одной высокой стеной, над которой виднелась какая-то круглая металлическая конструкция. Обойти стену было невозможно.

— Терпение. — Сейви прищурилась на закат. — Сегодня Тиша бе-ав, как и в день финального факса.

— Тиша бе-ав? — переспросил Харман. Судя по виду, он уже устал повторять бессмысленные слова.

— Девятое ава, — сказала Сейви. — День скорби. И Первый, и Второй храмы были разрушены в Тиша бе-ав. И, думаю, кощунственный Третий храм войниксы возвели девятого ава, в день финального факса.

Она указала на черный купол над стеной.

Внезапно по двору раскатился грохот — такой низкий, что у Даэмана заныли кости и зубы. И он, и Харман испуганно попятились. Запахло озоном, от статического электричества в воздухе волосы у Даэмана встали дыбом и заколыхались, как высокая трава под ветром. Стремительнее и мощнее, чем полыхнула бы молния, из металлического купола вырвался столб слепящего голубого света футов шестьдесят в поперечнике. Прямой как стрела, он пронзил вечернее небо и

ушел в черные глубины космоса, едва не задев экваториальное кольцо в его вечном вращении на восток.

29. Расщелина Кандор

Восемь марсианских дней и восемь марсианских ночей пыльная буря вздымала десятиметровые валы, выла в корабельной оснастке, гнала крохотную фелюгу и ее команду, включая двух моравеков, на север, к подветренному берегу — навстречу гибели.

Маленькие зеленые человечки были опытными моряками, но они прекращали функционировать ночью и были инертны бóльшую часть дня в то время, когда пыльные тучи затмевали солнце. Когда МЗЧ укладывались в темные ниши под палубой, чтобы не перекатываться от качки, Манмуту чудилось, будто он на корабле мертвецов, как в «Дракуле» Брема Стокера.

Паруса фелюги были сшиты из сверхпрочного невесомого полимера, но свирепые юго-восточные ветры, несущие песок с гравием, растерзали их в клочья. Оставаться на палубе стало опасно, и, улучив солнечную минуту, МЗЧ помогли Манмуту прорезать в ней отверстие и опустить Орфу палубой ниже, где Манмут соорудил ионийцу укрытие из досок и брезента, подальше

от шквального ветра. Самому Манмуту досаждали песчинки, которые забивались в его швы и механизмы, когда он слишком долго помогал МЗЧ наверху, поэтому теперь он при каждой возможности спускался к товарищу, а заодно проверял, хорошо ли тот привязан и привинчен. Фелюга кренилась на сорок градусов в обе стороны, и вода, окрашенная песком в цвет крови, заливалась в каждую щелочку. Десять из сорока МЗЧ работали на помпах все время, что были в сознании, откачивая воду из трюма и с нижних палуб. Нескончаемыми ночами Манмут трудился на помпе в одиночку.

До того как паруса, такелаж и плавучие якоря вышли из строя, МЗЧ успели, лавируя против ветра, пройти глубоко в центральное внутреннее море. Очевидно, они боялись километровых уступов на севере за кормой и за первые дни бури проделали сотни километров. Сейчас фелюга была где-то между каньоном Копрат и островами каньона Мелас. Огромный затопленный каньонный комплекс Кандор был где-то впереди по правому борту.

Шторм усиливался, небо потемнело, МЗЧ, отключившиеся во мраке песчаной бури, лежали привязанные в своих укрытиях под палубой, и

оба плавучих якоря, носовой и кормовой, — сложно изогнутые конструкции из полипарусины, тянущиеся на канате в сотнях метров под килем, — оторвались в один день. Из прежних наблюдений Манмут знал, что на севере высятся километровые утесы и — где-то — есть широкий вход в затопленные каньоны расщелины Кандор, но атмосферное электричество глушило его GPS-приемник, а солнце или нормальную звезду он не видел уже двое суток. Роковые скалы вполне могли быть в получасе от них.

— Есть ли вероятность, что мы утонем? — спросил Орфу вечером тяжелого дня.

— Шансы хорошие, — ответил Манмут. Он не хотел лгать другу, поэтому выразился как можно двусмысленнее.

— Ты можешь плыть в шторм? — спросил Орфу, угадав, что «хорошие» шансы означают плохие новости для них обоих.

— Вообще-то, нет. Но я могу плыть под волнами.

— Я пойду ко дну, что твой топор, — с тихим рокотом сказал Орфу. — Какая, ты говорил, глубина долин Маринера?

— Я не говорил.

— Ну так скажи.

Манмут проводил эхолокацию всего час назад.

— Километров семь.

— Раздавит ли тебя на такой глубине? — спросил Орфу.

— Нет. Я работал при куда более высоких давлениях. Я для этого сконструирован.

— А меня раздавит?

— Н-не знаю, — сказал Манмут.

Он и впрямь не знал, но ему было известно, что линия Орфу разработана для нулевого давления в космосе и редких заходов в верхние части атмосферы газового гиганта или серные ямы Ио — не для сокрушительного давления соленой воды на семикилометровой глубине. Скорее всего, друга сплющит до размера мятой консервной банки, если не разорвет задолго до глубины в три километра.

— Есть ли шанс сойти на берег? — спросил Орфу.

— Вряд ли. Скалы здесь, я видел, высокие и крутые, у подножия исполинские глыбы, а волны должны захлестывать метров на пятьдесят — сто.

— Впечатляющая картинка. Есть ли хоть какой-нибудь шанс, что МЗЧ приведут нас в безопасную гавань?

Манмут огляделся в полумраке нижней палубы. МЗЧ лежали принайтовленные, словно множество хлорофилловых кукол, зеленые ручки и ножки трепыхались от бешеной качки.

— Не знаю, — ответил Манмут, позволив своему тону выразить скептицизм.

— Значит, тебе просто придется нас вытащить, — сказал Орфу.

Манмут делал все, чтобы их спасти. На пятый день, когда небо застилала кровавая мгла, ветер ревел в изорванных парусах, МЗЧ лежали внизу как поленья, а штурвал на корме был закреплен, чтобы удерживать руль прямо, Манмут спустил остатки парусов и вытащил шпагат и большие иглы, которыми МЗЧ прежде на его глазах зашивали полипарусину. Только теперь он шил, когда фелюгу швыряло из стороны в сторону, пятнадцатиметровые волны набегали с борта и прокатывали по палубе.

Первым делом он изготовил маленький плавучий якорь и спустил его на носовом якорном канате, чтобы развернуть судно навстречу ветру. Манмут зашивал треугольный грот, когда лопнул рулевой привод. Суденышко содрогнулось, несколько раз черпнуло красную воду, а затем развернулось и вновь понеслось по ветру,

высокие волны накатывали сзади на палубу. Только самодельный плавучий якорь не дал фелюге перевернуться, когда сорвало руль. Манмут побежал на нос. Тут красные тучи на миг разошлись, и, когда фелюга взмыла на следующей волне, он увидел сквозь брызги и мглу высокие утесы северной стороны долин Маринера. Если не починить рулевой привод, и не починить его быстро, корабль выбросит на скалы меньше чем через час.

Манмут закрепил веревку и спустился с кормы — убедиться, что хотя бы физически руль держится. Его и вправду не оторвало, однако мотало туда-сюда на шарнире. Тогда Манмут взобрался по мокрой веревке под ударами волн, пробежал по палубе, скользнул по трапу на вторую палубу, нашел там центр аварийного управления рулем — просто платформу с блоками, где МЗЧ могли физически тянуть штуртросы, если привод наверху поврежден, — обнаружил, что два толстых каната провисли, спустился по другому трапу в темноту третьей палубы, включил нагрудные и наплечные лампы, сменил манипуляторы на режущие лезвия и стал пробиваться туда, где, как он полагал, произошел разрыв. Моравек не знал, как это было устроено

на древних земных фелюгах, но большой марсианской фелюгой правили с помощью штурвала на корме, который тянул два толстых пеньковых каната, идущие вдоль бортов корабля через систему блоков, а затем по длинной деревянной шахте к румпелю, поворачивающему руль. За недели путешествия Манмут успел изучить такелаж и различные системы тросов. Если один или оба штуртроса просто разорвались, он еще мог их сплеснить, но для этого надо было до них добраться. Если они лопнули ближе к румпелю, куда ему не залезть, то все на борту обречены. Спрыгнет ли он в последний миг, чтобы проплыть под грохочущими волнами мимо высоких скал в поисках безопасной бухты где-нибудь на тысячекилометровом побережье расщелины Кандор? Одно было ясно — Орфу с собой не возьмешь. Прорубившись наконец в шахту, Манмут включил лампы на полную мощность и огляделся. Канатов видно не было.

— Как там, все нормально? — спросил Орфу.

Манмут подпрыгнул от звука радиоголоса в ушах.

— Да, — сказал он. — Тут надо немного починить руль.

Вот они!

Порвались оба штуртроса. Кормовые сегменты были в шести метрах в узкой проводковой коробке, носовые едва виднелись в десяти метрах впереди. Манмут забегал между ними, ломая доски, часть за частью вытягивая канаты толщиной в бедро к центру и вкладывая в усилия каждый эрг своей энергии.

— Ты уверен, что все в порядке? — спросил Орфу.

Манмут втянул режущие лезвия, выпустил манипуляторы и переключился на сверхтонкую моторику. Он начал сращивать пеньковые пряди так быстро, что металлические пальцы в свете его галогеновых ламп слились в сплошное мелькание. Вода прокатывала через него. Фелюга взмывала на каждой волне и тут же ухала вниз. Тогда Манмут напрягался в ожидании следующей волны, которая ударит в корму с грохотом и силой пушечного выстрела. И каждая волна приближала суденышко к гибельным скалам.

— Все хорошо, — сказал Манмут, в то время как его пальцы танцевали, свивая пряди, а низковаттные лазеры на запястьях сваривали стальные волокна, вплетенные в пеньку. — Прости, я сейчас занят.

— Тогда я подключусь через несколько ми-

нут, — сказал Орфу.

— Да, — ответил Манмут, думая про себя: «Если я не восстановлю управление, мы налетим на скалы через полчаса. Скажу ему за пятнадцать минут». — Да, подключись через несколько минут.

Это была не «Смуглая леди», а безымянная фелюга, но она вновь стала мореходной. Манмут стоял на корме, широко расставив ноги. Впереди менее чем в километре четко вырисовывались высокие скалы. На обеих мачтах были подняты обрывки парусины, из которых он сшил какие-никакие паруса. Манмут взялся за штурвал. Штуртросы держали, руль отзывался. Он развернул суденышко круто к ветру, связался с Орфу и доложил обстановку. Манмут сказал ионийцу правду: возможно, через четверть часа их выбросит на скалы, но сейчас он ведет эту лохань насколько возможно.

— Спасибо за откровенность, — сказал Орфу. — Могу я чем-нибудь помочь?

Манмут, всем телом налегая на штурвал, развернул судно носом к набегающей волне, чтобы она их не опрокинула, и сказал:

— Буду благодарен за любые предложения.

Пыльные тучи не рассеивались, ветер не сти-

хал. Такелаж гудел, порванная полипарусина хлопала, нос фелюги исчез в стене белой пены, которая через мгновение накрыла Манмута.

Орфу сказал:

— Опять вы тут? Чего вам надо? Что же, бросить все из-за вас и идти на дно? Вам охота утонуть, что ли?[36]

Манмуту потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, откуда это. Скатываясь со следующей волны почти в полной невесомости, оглядываясь через плечо и видя, что тысячеметровые обрывы стали еще ближе, моравек вывел «Бурю» во вторичную память и воскликнул:

— Язва тебе в глотку, проклятый горлан! Нечестивый безжалостный пес — вот ты кто!

— Ах так? Ну и работайте тогда сами!

— Подлый трус! — проревел Манмут, перекрывая вой урагана и грохот волн, хотя для радиосвязи этого не требовалось. — Мы меньше боимся утонуть, чем ты, грязный ублюдок, наглая ты скотина!

— Он-то уж не потонет, — пророкотал Орфу. — Если б даже наш корабль был не прочнее

---

[36] Примечания: 36

Опять вы тут? Чего вам надо? Что же, бросить все из-за вас и идти на дно? Вам охота утонуть, что ли? — Здесь и далее цитаты из «Бури» приведены в переводе М. Донского.

ореховой скорлупы, а течь в нем было бы так же трудно заткнуть, как у созревшей девахи!.. Манмут, что значит «созревшая деваха»?

— Менструирующая женщина, — объяснил Манмут, налегая на штурвал, чтобы повернуть его влево. Тонны холодной воды окатили его с головы до ног. Из-за клубящейся алой мглы и высоких волн он уже не видел утесов, но чувствовал их близость.

— Ой, — сказал Орфу. — Как неприлично. На чем, бишь, я остановился?

— Держи круче к ветру, — подсказал Манмут.

— Держи круче к ветру! Круче! Ставь грот и фок! Держи в открытое море! Прочь от берега!

— Мы погибли! — подхватил Манмут. — Молитесь! Погибли!.. Погоди-ка!

— «Погоди-ка»? Я такого не помню.

— Да нет же, ты погоди-ка. Впереди между скал просвет.

— И туда можно заплыть?

— Если я прав и это расщелина Кандор, — сказал Манмут, — то за ней откроется водоем просторнее Коннемарского хаоса на Европе!

— Я не помню, какой ширины — Коннемарский хаос, — сознался иониец.

— Больше трех Великих озер Северной Амери-

ки и Гудзонова пролива, вместе взятых. По сути, расщелина Кандор — еще одно внутреннее море, открывающееся к северу… Тысячи квадратных километров для маневра. Никаких подветренных берегов!

— А это хорошо? — спросил Орфу, явно не желая расставаться с надеждой.

— Теперь мы можем и уцелеть, — сказал Манмут, подтягивая снасть, чтобы наполнить ветром остатки грота.

Он дождался, когда суденышко взлетит на следующую волну, и налег на штурвал, разворачивая фелюгу вправо, направляя ее нос в расширяющийся просвет береговых обрывов.

— Можем и уцелеть, — повторил он.

К полудню восьмого дня все закончилось. Только что пыльные тучи неслись над самой водой, а море расщелины Кандор испещряли белые гребни волн, затем хлынул последний кровавый ливень, и через час небо уже было ясным, море спокойным, а маленькие зеленые человечки заворочались в нишах и выбежали на палубу, словно хорошенько выспавшиеся дети.

Манмут чувствовал себя выжатым. Несмотря на подзарядку от портативных солнечных батарей, он был вымотан органически, ментально,

кибернетически и эмоционально.

МЗЧ с изумлением осматривали то, что осталось от парусов, сращенные штуртросы и другие починки, сделанные Манмутом за последние три дня. Затем они встали к помпам, принялись драить кроваво-красные палубы, сшивать еще паруса, конопатить корпус, чинить мачты и распутывать снасти. Под руководством Манмута МЗЧ подняли Орфу из отсыревшего укрытия. Манмут помог принайтовить друга на палубе и растянуть над ним брезентовый навес, потом отыскал теплое солнечное местечко, где никому не будет мешать, рядом с переборкой и за бухтой троса, чтобы смягчить агорафобию, и позволил себе провалиться в полуступор. Стоило закрыть глаза, он снова увидел набегающие валы, палуба заходила ходуном, завыл ветер, хотя море сейчас было спокойным. Он открыл глаза. Корабль шел на юг, лавируя против несильного юго-западного ветра, обратно к широкому проходу, соединяющему расщелину Кандор с долинами Маринера в месте, называемом каньоном Мелас. Манмут вновь отключил зрение и позволил себе задремать.

Что-то коснулось его плеча, и Манмут проснулся. Один за другим сорок МЗЧ прошли мимо него

вереницей, поочередно трогая его за плечо.

Манмут по беззвучному каналу сообщил об этом Орфу.

— Возможно, они выражают тебе благодарность за свое спасение, — сказал иониец. — Я бы точно выразил, будь у меня рука или нога, чтобы тебя похлопать.

Манмут промолчал, но в объяснение не поверил. МЗЧ никогда не выражали чувств, даже когда их переводчики скукоживались и умирали после общения с ним. И ему трудно было поверить, что они благодарны, хотя моряки МЗЧ были дельные и наверняка поняли, что без Манмута корабль бы утонул.

— А может быть, они считают тебя удачливым и трогают на счастье, — прибавил Орфу.

Прежде чем Манмут сумел выразить свое мнение об этой гипотезе, до него дошел последний МЗЧ в цепочке, но, вместо того чтобы похлопать моравека по углеволоконному плечу, встал на колени, взял правую руку Манмута и приложил к своей груди.

— О нет, — простонал Манмут, обращаясь к ионийцу. — Они снова надумали… общаться.

— Вот и отлично, — ответил Орфу. — У нас много вопросов.

— Ответы не стоят жизни еще одного маленького зеленого человечка, — возразил Манмут. Он пытался вырвать руку, а черноглазый МЗЧ с такой же силой тянул ее к своей зеленой груди.

— Возможно, стоят, — сказал Орфу. — Даже если с единицей МЗЧ и впрямь происходит нечто аналогичное нашим представлениям о смерти, в чем я сомневаюсь. К тому же инициатива исходит от него. Позволь ему осуществить контакт.

Манмут прекратил сопротивление и позволил МЗЧ притянуть его руку к своей груди — *втянуть* в свою грудь.

И снова он ощутил то же тошнотворное чувство, когда пальцы погружаются в тепловатый густой раствор, а рука смыкается на пульсирующем органе размером с человеческое сердце.

— Попробуй на этот раз держать не так крепко, — посоветовал Орфу. — Если коммуникация и впрямь происходит через молекулярные пакеты органических нанобайтов, при меньшей площади контакта громкость его мыслей будет ниже.

Манмут кивнул, вспомнил, что Орфу не видит его кивка, но тут же сосредоточился на вибрациях, которые побежали по руке к мозгу.

БЛАГОДАРИМ

ЗА СПАСЕНИЕ НАШЕГО СУДНА.

— На здоровье, — сказал Манмут вслух, чтобы при помощи языка собрать мысли, одновременно по фокусированному лучу передавая разговор Орфу. — Кто вы такие? Как себя называете?

ЗЕКИ.

Манмуту это слово ничего не сказало. Он чувствовал, как коммуникационный орган МЗЧ пульсирует в его ладони, и ощущал сильнейшее желание вырвать руку из груди обреченного существа, хотя теперь это никому бы не помогло. *Ты знаешь такое слово: «зеки»?* — спросил он Орфу.

Минуточку, передал Орфу. *Обращаюсь к памяти третьего уровня. Вот. «Один день Ивана Денисовича». Это тюремный сленг, связанный с русским словом «шарашка» — «особый научный или технический институт с персоналом из заключенных». Узников этих советских трудовых*

лагерей называли зеками[37].

Хм, передал Манмут. *Я не думаю, что хлорофилловые марсианские МЗЧ — узники недолговечного земного режима более чем двухтысячелетней давности.*

Их с Орфу обмен сообщениями занял меньше двух секунд. Маленькому зеленому человечку Манмут сказал:

— Откуда вы?

Ответ пришел в виде ярких картинок: зеленые поля, лазурное небо, солнце (куда больше, чем в марсианском небе), далекая горная цепь в дымке плотного воздуха.

— Земля? — потрясенно вымолвил Манмут.

НЕ ЗВЕЗДА
ЭТИХ
НОЧНЫХ
НЕБЕС,

был ответ МЗЧ.

---

[37] Примечания: 37

«Один день Ивана Денисовича». Это тюремный сленг, связанный с русским словом «шарашка» — «особый научный или технический институт с персоналом из заключенных. Узников этих советских трудовых лагерей называли зеками. — Данные на третьем уровне памяти Орфу неточны: о шарашке рассказывает не «Один день Ивана Денисовича», а другой роман Солженицына, «В круге первом», а зеками назывались заключенные вообще, не только в шарашке.

ИНАЯ
ЗЕМЛЯ.

Манмут задумался, но не сумел сформулировать уточняющий вопрос иначе чем:

— Какая Земля?

МЗЧ ответил лишь теми же изображениями зеленых полей, далеких гор, солнца, похожего на то, как его видно с Земли. Манмут чувствовал, что МЗЧ слабеет, сердцеподобный орган пульсировал менее энергично. «Я его убиваю», — в панике подумал он.

Спроси о головах, сказал Орфу по связи.

— Кто человек, которого изображают каменные головы? — послушно спросил Манмут.

ВОЛШЕБНИК.
КНИЖНИК.
ПОВЕЛИТЕЛЬ СЫНА СИКОРАКСЫ,
КОТОРЫЙ ПРИВЕЗ НАС В ЭТИ КРАЯ.
ВОЛШЕБНИК – ХОЗЯИН САМОГО СЕТЕБОСА,
БОГА МАТЕРИ НАШЕГО ГОСПОДИНА.

Волшебник! — передал Манмут Орфу.

Это значит «колдун, маг, чародей»…

К черту, яростно, зло передал Манмут — он

тратил время умирающего зеленого существа, орган-сердце бился все слабее с каждой секундой. *Я знаю, что значит «волшебник», только я не верю в магию, и ты тоже.*

Но МЗЧ, похоже, верят, ответил Орфу. *Спроси про обитателей Олимпа.*

— Кто люди в колесницах, живущие на Олимпе? — послушно спросил Манмут, чувствуя, что задает неправильный вопрос. Однако ничего лучше в голову не приходило.

ПРОСТО БОГИ,

ответил маленький зеленый человечек импульсами нанобайтов, превратившихся в слова.

ИХ ПОРАБОТИЛО И ДЕРЖИТ ЗДЕСЬ БОЛЬНОЕ СЕРДЦЕ, ЧТО ЖДЕТ, ЧТОБ УКУСИТЬ.

— Кто… — начал Манмут.

Маленький зеленый человечек внезапно качнулся назад. Рука моравека вместо пульсирующего сердца сжимала теперь сухую пленку. Как только тело МЗЧ коснулось палубы, оно стало съеживаться и усыхать. Прозрачные струйки побежали по доскам, антрацитовые глазки ввa-

лились, зеленое лицо побурело, сморщилось и утратило форму. Другие МЗЧ подошли и унесли пожухлую оболочку.

Манмута затрясло.

— Надо найти другого добровольца и закончить разговор, — сказал Орфу.

— Не сейчас, — выдавил Манмут между судорогами.

— «Больное сердце, ждет, чтоб укусить», — процитировал Орфу. — Ну это ты должен был признать.

Манмут мотнул головой, вспомнил про слепоту своего товарища и сказал:

— Нет.

— Но ты знаток Шекспира!

— Это не из Шекспира, — сказал Манмут.

— Да, — ответил Орфу. — Браунинг. «Калибан о Сетебосе».

— Никогда не слышал, — сказал Манмут.

Он кое-как встал и добрел до поручня. Вода за бортом фелюги была уже больше синяя, чем красная. Манмут знал, что, будь он человеком, его бы сейчас стошнило за борт.

— Калибан! — только что не заорал Орфу по фокусированному лучу. — «Больное сердце, ждет, чтоб укусить». Уродливое создание, полузверь,

получеловек. Его мать, ведьма по имени Сикоракса, поклонялась божеству Сетебосу.

Манмут помнил, что умирающий МЗЧ употребил эти слова, однако не мог сосредоточиться на их смысле. Весь разговор был как нанизывание окровавленных бусин на жилу из живой ткани.

— Могли МЗЧ подслушать, как мы с тобой читали «Бурю» три дня назад, когда ты снова смог управлять фелюгой? — спросил Орфу.

— Подслушать? — повторил Манмут. — У них же ушей нет.

— Тогда это мы, а не они, вторим этой странной новой реальности, — пророкотал иониец, однако его рокот звучал более зловеще, чем обычный смех.

— О чем ты? — спросил Манмут.

На западе показались багровые скалы. Они вздымались на семьсот-восемьсот метров над водами расширяющегося устья каньона Кандор.

— Мы как будто в безумном сне, — сказал Орфу. — Однако логика здесь последовательная… на свой безумный лад.

— О чем ты? — повторил Манмут, которому было не до словесных игр.

— Теперь мы знаем, чье лицо у каменных статуй, — сказал Орфу.

— Правда?

— Да. Это волшебник. Книжник. Повелитель сына Сикораксы.

Разум Манмута не мог соединить эти очевидные указания. Его систему до сих пор наполняли чужие нанобайты, спокойная, но умирающая ясность, доселе Манмуту неведомая, однако приятная… очень приятная.

— Кто? — спросил он, не заботясь, что друг сочтет его тупицей.

— Просперо, — сказал иониец.

30. Лагерь ахейцев. Берег Илиона

До сих пор события вечера шли в точности, как сказано у Гомера.

Троянцы разожгли сотни огней сразу за ахейским рвом — последней линией греческой обороны, — но сломленные поражением греки даже не развели себе костров для приготовления пищи. Я морфировал в старого Феникса и присоединился к совету в шатре Агамемнона, где рыдающий Атрид — рыдающий! повелитель греков рыдал! — уговаривал своих военачальников собрать людей и бежать.

Агамемнон и прежде использовал эту стратегию — притворялся, будто хочет уплыть, чтобы на самом деле сплотить своих людей для битвы, однако сейчас это очевидно искренне. Волосы у Агамемнона всклокочены, доспехи покрыты кровью, на грязных щеках дорожки от слез, и он вправду хочет, чтобы его люди бежали и спасли себе жизнь.

Диомед, только что не называя Агамемнона трусом, клянется, если остальные бегут, остаться вдвоем со Сфенелом и воевать, «доколе город

пред нами падет!»[38]. Ахейцы воинственными криками приветствуют его браваду.

Слово берет седовласый Нестор. По обыкновению упомянув свои лета (это визитная карточка всех его речей), он предлагает всем успокоиться, поесть, выставить дозорных, особенно вдоль вала, и тщательно все обсудить, прежде чем в панике ломануться к морю, к судам и домой.

На это, как и описано у Гомера, все соглашаются.

Семеро предводителей стражи во главе с пожилым Несторовым сыном Фразимедом уводят по сто бойцов на новые оборонительные позиции между рвом и стеной. Греки разводят костры, чтобы приготовить еду. Эти костры — в том числе тот, у которого скоро начнется пир Агамемнона, — выглядят жалко на фоне сотен троянских огней сразу за рвом, искры от которых снопами взметаются к низким грозовым тучам.

На пиру у Агамемнона, где собрались все ахейские владыки и военачальники, диалог продолжается точно, как описал Гомер. Нестор говорит первым, восхваляет отвагу и мудрость Агамемнона, но, по сути, напоминает, что он и

---

[38] Примечания: 38

…«доколе город пред нами падет!». — «Илиада», перев. В. Вересаева.

заварил всю эту кашу, отняв у Ахиллеса пленную Брисеиду.

— Здесь ты прав, почтенный старец, — честно отвечает Агамемнон. — Я был не в себе. Нужно не только лишиться рассудка, но и ослепнуть, чтобы так оскорбить Ахиллеса.

Он выдерживает паузу, но никто из военачальников, сидящих на корточках у огня, не встает ему возразить.

— Я был слеп и безумен, — продолжает Атрид. — Не стану отрицать. Зевс так любит этого юношу, что Ахиллес в одиночку стоит целого батальона… даже нет, целой армии!

И снова никто не спорит.

— И поскольку ярость ослепила меня и отняла разум, я и выправлю положение. Заплачу царский выкуп, чтобы вернуть ахейца в наши ряды.

Собравшиеся вожди, включая Одиссея, одобрительно мычат, жуя говядину и курятину.

— Здесь, перед вами, друзья, я перечислю великолепные дары, которым куплю благосклонность молодого Ахиллеса. — Царь возвышает голос. — Семь новых треножников, не бывших в огне, десять талантов золота, двадцать начищенных рабами котлов, двенадцать быстроногих коней, стяжавших награды на гонках…

И так далее, и так далее. Все как у Гомера. И как недавно предсказывал я сам. Также, как я предсказывал, Агамемнон клянется отдать не тронутую им Брисеиду и еще два десятка троянок — это, правда, после того, как рухнут высокие стены Илиона, — а потом, в качестве основного блюда, любую из своих дочерей — Хрисомефису, Лаодику или Ифианассу. Здесь я отмечаю неувязку с предыдущим и последующим повествованием, в особенности отсутствие в списке Электры и, возможно, переиначенное имя Ифигении, но сейчас это не важно. На сладкое оставлены семь густозаселенных городов.

И, как и у Гомера, Агамемнон предлагает эти дары вместо извинений.

— Все это я обещаю ему, если он позабудет вражду, — кричит сын Атрея своим военачальникам. Рокочет гром, вспыхивают молнии, как будто Зевс теряет терпение. — Но пусть Ахиллес подчинится моей власти! Один лишь Аид, бог смерти, столь же безжалостен и упрям, как этот выскочка! Пусть Ахиллес склонится передо мной! Я старше его годами, я более царственный царь и вообще более велик!

Такие вот извинения.

Начинается дождь. Ливень, пронизанный Зев-

совыми молниями и пьяными криками троянцев менее чем в ста ярдах от нас, налетает из-за рва и размокшего земляного вала. Скорее бы назначили посольство, чтобы мне пройти по берегу с Аяксом и Одиссеем и покончить с этим делом. Это самая важная ночь в моей жизни… по крайней мере, во второй моей жизни. Я мысленно репетирую то, что скажу Ахиллесу.

Хочешь изменить наши судьбы — найди точку опоры.

Я думаю, что нашел ее. Или хотя бы одну из них. Участь греков, и троянцев, и богов — да и моя — кардинально изменится, если этой ночью я выполню задуманное. Старый Феникс не только положит конец Ахиллесову гневу, но побудит его объединиться с Гектором — обратит и троянцев, и греков против самих богов.

— О сын Атрея! — неожиданно возглашает Нестор. — Щедрый полководец и вождь! Никто, даже великий Ахиллес, не отвергнет таких даров! Давайте же вышлем послов, избранных мужей, чтобы передать Ахиллесу твои обещанья нынче же ночью. Пусть все, кого я назову, без промедленья исполнят свой долг!

Я в старческом теле Феникса встаю поближе к Большому Аяксу, чтобы Нестор меня заметил.

— Прежде всего, — продолжает Нестор, — отправим Большого Аякса, а с ним — нашего многоумного, дипломатичнейшего царя Одиссея. Вестниками я выбираю Одия и Эврибата. Подайте воды на их руки! И сотворим по нашему обычаю благоговейное молчание, в сердцах умоляя великого Зевса о милости, и да склонится Ахиллес на наши уговоры!

Я стою в прострации, пока совершается обряд омовения и военачальники склоняют головы в безмолвной молитве.

Нестор обращается к четверке — а вовсе не к пятерке — послов:

— Усердствуйте! Смягчите его сердце, пусть неуязвимый, не знающий жалости Ахиллес нас пожалеет!

Двое мужей в сопровождении двух вестников покидают круг света от пиршественного костра и уходят по берегу.

Меня не избрали! Феникса не избрали! Даже не упомянули! Гомер ошибся! События в этом Илионе отошли от событий в «Илиаде», и теперь я так же слеп к будущему, как Елена и все остальные участники пьесы, как боги наверху, как сам Гомер, чтоб ему было пусто!

Ковыляя на тощих старческих ногах — на

тощих старческих ногах никому не нужного Феникса, — я выхожу из круга греческих командиров и бегу вдоль кромки грохочущего прибоя за Одиссеем и Аяксом.

Я настигаю их на полпути к ставке Ахиллеса. Аякс и Одиссей одни, переговариваются вполголоса, шагая по мокрому песку. Услышав мои шаги, они останавливаются.

— В чем дело, Феникс, почтенный сын Аминтора? — спрашивает Большой Аякс. — Ты немало удивил меня, явившись на совет; говорят, последние месяцы ты не отходил от мирмидонских целителей. Несешь ли ты нам последние напутствия Агамемнона?

Тяжело переводя дух, будто настоящий старый Феникс, я говорю:

— Приветствую вас, благородный Аякс и царственный Одиссей. Агамемнон велел мне присоединиться к посольству.

Аякс ошеломленно таращится на меня. Одиссей подозрительно щурится:

— Зачем Атриду отправлять с нами тебя, досточтимый старец? И как ты вообще оказался в лагере Агамемнона в этот поздний час, когда троянцы лают за рвом, словно голодные псы?

На второй вопрос мне решительно нечего отве-

тить, поэтому отбиваюсь от первого:

— Нестор подумал, что со мной вам будет легче склонить к себе слух Ахиллеса, и Агамемнон счел его слова мудрыми.

— Тогда идем, — говорит Большой Аякс. — Пошли, Феникс.

— Только не вздумай говорить, пока я не подам знака. — Одиссей продолжает коситься на меня, как на самозванца. (И он прав.) — У Нестора и Агамемнона были какие-то резоны отправить тебя к Ахиллесу, однако я не вижу резона, чтобы ты еще и говорил.

— Но… — начинаю я. У меня нет доводов. Если мне не позволят заговорить после Одиссея, но до Аякса, как у Гомера, я теряю рычаг, теряю точку опоры и события этой ночи отклонятся от изложенного в «Илиаде». Тут я понимаю, что они уже отклонились. Нестор должен был выбрать Феникса послом, Агамемнон — утвердить его кандидатуру. *Что здесь вообще творится?*

— Если ты пойдешь с нами в шатер Ахиллеса, старый Феникс, — предупреждает Одиссей, — то будешь ждать у входа с вестниками, Одием и Эврибатом. Входить или говорить — только по моему знаку. Вот мои условия.

— Но… — снова начинаю я и понимаю, что

спорить бесполезно. Если Одиссей отведет меня обратно к Агамемнону, моя хитрость вскроется, и тогда прощай мой план обратить людей против богов.

— Да, Одиссей, — говорю я и киваю, как старый наставник Феникс. — По твоему знаку.

Одиссей и Большой Аякс идут вдоль бурного моря, я — за ними.

Я говорил про шатер Ахиллеса, и вы, возможно, вообразили что-то вроде обычной туристической палатки, однако то, в чем живет сын Пелея, размерами больше напоминает цирк шапито, который припоминается мне из детства… *начинает припоминаться*. У Томаса Хокенберри была жизнь, и почти через десять лет здесь некоторые воспоминания просачиваются в мой мозг.

У сотни палаток и костров вокруг Ахиллесова шатра такая же сумятица, как и по всему ахейскому лагерю. Кое-кто из верных Ахиллесу мирмидонцев грузит черные корабли, готовясь к отплытию, другие укрепляют участок берега, который им предстоит оборонять, если враг нагрянет до рассвета, третьи просто собрались у огня, подобно военачальникам Агамемнона.

Одий и Эврибат объявили о нашем прибытии начальнику стражи, и личная охрана пропуска-

ет нас во внутренний лагерь. Мы поднимаемся по дюне к Ахиллесову шатру. Я иду за двумя ахейцами; Большой Аякс пригибается, входя во внутренние покои, Одиссей, почти на фут ниже товарища, не склоняет головы. Одиссей оборачивается и указывает мне место в прихожей. Я могу видеть и слышать все, что происходит в покоях, но не буду участвовать в разговоре.

Ахиллес, как и описано у Гомера, играет на лире и поет эпическую песнь о древних героях и событиях, довольно похожую на саму «Илиаду». Мне известно, что лира — военная добыча, взятая в Фивах, где Ахиллес убил Этиона, отца Андромахи. Жена Гектора росла под звуки именно этой серебряной лиры. Патрокл, лучший друг Ахиллеса, сидит напротив и ждет, когда тот закончит куплет, чтобы подхватить.

При виде гостей Ахиллес прекращает щипать струны и удивленно поднимается. Патрокл тоже встает.

— Добро пожаловать! — восклицает Ахиллес, затем обращается к Патроклу: — Смотри, пришли дорогие друзья. Должно быть, я очень нужен войску. Даже в гневе я признаю, что они мои лучше друзья в ахейском стане.

Он ведет послов к низким ложам и бросает

поверх подушек пурпурные ковры. Патроклу он говорит:

— Менетид, подай чашу побольше. Вот… поставь сюда… Мы смешаем вино покрепче. Кубок для каждого из моих благородных гостей, ибо сии, вступившие под мой кров, мне милее всех остальных.

Я наблюдаю, как разворачивается ритуал геройского гостеприимства. Патрокл ставит у огня колоду для рубки мяса, выкладывает на ней седло барашка и козы, а рядом блестящий жиром свиной филей. Автомедонт, общий друг и возница Ахиллеса и Патрокла, держит огромные ломти, покуда Ахиллес отрезает лучшие порции, посыпает солью и нанизывает на вертела. Патрокл раздувает пламя, затем разгребает угли и помещает мясо над самой жаркой частью очага, предварительно посолив каждый кусок еще раз.

Я вдруг понимаю, что голоден как волк. Если меня призовут говорить — а от этого зависит наша судьба, — я не смогу произнести и слова, потому что захлебываюсь слюной.

Словно услышав урчание моего желудка, Ахиллес заглядывает в прихожую и едва не застывает от изумления.

— Феникс! Любимый наставник, благородный

конник! Я думал, ты лежишь больной в шатре, как все последние недели. Входи, входи!

Молодой герой обнимает меня и сам заводит внутрь, на освещенную середину покоев, где пахнет жареной бараниной и свининой. Одиссей взглядом мечет в меня кинжалы, безмолвно предостерегая, чтобы я не смел встревать в разговор.

— Садись, милый Феникс, — говорит Ахиллес бывшему наставнику, однако усаживает меня на алые подушки, а не на пурпурные, и дальше от огня, чем сидят Одиссей с Аяксом. Ахиллес не забывает старых друзей, но протокол соблюдает строго.

Патрокл приносит корзины с горячим хлебом, тем временем Ахиллес снимает мясо с вертелов и раскладывает дымящиеся порции по деревянным тарелкам.

— Воздадим жертву богам, друзья. — Ахиллес кивает товарищу, и тот бросает кусочки еды в очаг. — А теперь начнем.

Не дожидаясь второго приглашения, мы накидываемся на хлеб, вино и мясо. Жуя, я напряженно думаю: как мне произнести речь, которая изменит судьбу всех здесь, включая богов? Час назад затея выглядела простой, но Одиссей не

купился на мою хитрость. В поэме Одиссей излагает Ахиллесу предложения Агамемнона, и Ахиллес произносит в ответ самую мощную и красивую речь во всей «Илиаде» (так, во всяком случае, я говорил моим студентам), затем следует трехчастный монолог Феникса: сперва описание собственной жизни, потом притча о молитвах и под конец аллегория нынешней ситуации Ахиллеса в мифе о Мелеагре — парадигме, в которой мифический герой слишком долго отказывается принимать дары и сражаться за товарищей. В целом эта речь самая интересная из трех, сказанных послами, и, согласно «Илиаде», именно доводы Феникса убедили Ахиллеса не отплывать сегодня же ночью. К тому времени, когда, после меня, заговорит Аякс, Ахиллес согласится подождать еще день, посмотреть, что сделают троянцы, и при необходимости защитить от врага собственные корабли.

Я намеревался по памяти повторить длинную речь Феникса, затем потихоньку отклониться от темы и вплести собственные мотивы. Однако Одиссей грозно хмурит брови, и я понимаю, что выступить мне не удастся.

А если бы и удалось? Я допускал, что боги будут мониторить нашу встречу. Как-никак она — один

из ключевых элементов «Илиады», хотя, вероятно, только Зевс знает это заранее. Впрочем, даже не ведая, к чему все приведет, некоторые боги могут наблюдать за разговором через видеопруд или свои таблички. Зевс приказал им сегодня не вмешиваться, и большинство подчинилось ультиматуму, но это должно еще больше разжечь их любопытство. Если Ахиллес, вняв убеждениям Одиссея, разрешит задобрить себя дарами, то наступление Гектора будет остановлено и воля Зевса не свершится. Ахиллес сам по себе — целая армия.

Так что, если я, как планировал, начну склонять его к ереси прямо сейчас, не вмешается ли Зевс в ту же секунду, не спалит ли шатер вместе с обитателями? И даже если Зевс сдержит свой гнев, легко вообразить, как Афина, Гера, Аполлон или кто-то еще из заинтересованных лиц прядает с небес, чтобы уничтожить этого… Феникса… за совет предпринять действия, так близко касающиеся их лично. Такие варианты я допускал, но надеялся на квит-медальон и Шлем Смерти.

Однако что будет, если я сбегу, а эти герои погибнут либо покорятся богам? Весь план обратится в ничто, а боги узнают обо мне. Шлем Аида и квит-медальон не помогут — меня разыщут

хоть на краю мира, хоть в доисторической Индиане — и все, гасите свет.

Коли так, возможно, Одиссей оказал мне услугу.

Тогда зачем я здесь?

Когда все наелись и отодвинули пустые тарелки, в корзинах остались лишь крошки от хлеба, а кубки наполнили в третий раз, Аякс чуть заметно кивает Одиссею.

Великий стратег ловит намек и поднимает кубок:

— Твое здоровье, Ахиллес!

Герой в знак признательности склоняет белокурую голову, и мы выпиваем.

— Я вижу, на этом пиру ни в чем нет недостатка, — тихо и спокойно начинает Одиссей. Из всех великих ахейских военачальников этот бородач — самый сладкоречивый и самый коварный. — И в лагере Агамемнона, как и здесь, в доме Пелеева сына, всего в изобилии. Однако в эту бурную грозовую ночь мы думаем не о пирах, а о ниспосланном богами бедствии. Его мы ждем и страшимся.

Одиссей продолжает говорить — неспешно, гладко, почти не прибегая к риторическими эффектам. Он описывает вечернее побоище,

торжество троянцев, панику в греческих рядах, всеобщее желание убраться домой и вероломство Зевса.

— Дерзкие сыны Приама с их хвастливыми союзниками разбили шатры на расстоянии полета камня от наших кораблей, — продолжает Одиссей, как будто Ахиллес не слышал этого всего от Патрокла, Автомедонта и других товарищей. Или даже не наблюдал с холма, на котором стоит его шатер. — Ничто их не остановит. Так они бахвалятся, и тысячи их костров подкрепляют сегодня эту угрозу кичливых гордецов. Они обещают с рассветом сжечь наши корабли и добить уцелевших. А Зевс, сын Крона, подбадривает их знамениями, поражает молниями наш левый фланг, и Гектор ярится, упиваясь своей мощью. Он никого не страшится, Ахиллес, — ни людей, ни богов! Сегодня он словно бешеный пес, и демоны каталепсиса держат его в своей хватке.

Одиссей умолкает. Ахиллес молчит, лицо его бесстрастно. Патрокл не отрываясь смотрит на Ахиллеса, но тот и глазом не ведет в сторону друга. Ахиллес был бы прекрасным игроком в покер.

— Гектор ждет не дождется зари, — еще мягче продолжает Одиссей, — ибо угрожает с первым

светом срубить гребни с кормы наших кораблей, сами корабли сжечь неистовым огнем и — когда все наши товарищи будут заперты в пылающих остовах — перебить нас, ахейцев, до единого. Я всем сердцем трепещу этого ужаса и боюсь, что боги дадут Гектору силу исполнить угрозы и все мы погибнем на Илионской равнине, вдали от зеленых холмов Аргоса.

Одиссей вновь делает паузу. Ахиллес молчит. Потрескивают догорающие угли. Из дальнего шатра доносятся звуки лиры и тихая погребальная песня. С другой стороны долетает хохот пьяного воина, который, очевидно, считает себя обреченным.

— Вставай же, Ахиллес! — Одиссей наконец возвышает голос. — Встань в этот последний час, если хочешь избавить жестоко теснимых ахейцев от ярости троянских воинств.

Далее он увещевает Ахиллеса позабыть гнев и расписывает дары Агамемнона, в точности повторяя царские слова о необожженных треножниках, дюжине коней и так далее и тому подобное; на мой взгляд, он чересчур подробно описывает прелести нетронутой Брисеиды, троянских дев и трех прекрасных дочерей Агамемнона, но в конце переходит к страстному

призыву вспомнить совет Пелея, завещавшего сыну ценить дружбу превыше разногласий.

— Если же Атрид так тебе ненавистен, что ты отвергнешь его дары, — заканчивает Одиссей, — сжалься хотя бы над нами, остальными ахейцами. Вступи в сражение, спаси нас, и мы будем чтить тебя, как бога! И еще помни: если ты не выйдешь на бой, если позволишь обиде увлечь себя за виноцветное море до окончания войны, ты никогда не узнаешь, сумел ли бы ты убить Гектора. Это твой шанс вступить с ним в *аристейю*, Ахиллес, ибо завтра свирепая ярость погонит Гектора в рукопашную, после того как он столько лет укрывался за стенами Илиона. Останься, благородный Ахиллес, и ты впервые сойдешься с Гектором в единоборстве.

Должен сказать, речь Одиссея впечатляет. Будь я молодым полубогом, возлежащим на подушках в шести футах от меня, я бы, возможно, поддался. Мы все молчим. Наконец Ахиллес ставит кубок и отвечает.

— О благородный сын Лаэрта, семя Зевса, находчивый тактик, дорогой Одиссей, — начинает он. — Я должен честно и откровенно сказать, что чувствую и чем это кончится, чтобы ко мне

не слали одно посольство за другим, улещивая и воркуя, словно голубки. Как ненавистны мне темные врата Аида, так ненавистен и тот, кто устами говорит одно, а на сердце прячет иное.

Я моргаю. Это сознательный выпад в сторону Одиссея, «находчивого тактика», известного среди ахейцев способностью искажать правду, когда ему выгодно? Впрочем, если и так, Одиссей хранит непроницаемое выражение, и я тоже стараюсь не выказывать чувств.

— Я скажу ясно, — продолжает Ахиллес. — Удастся ли Агамемнону купить меня этими… *дарами*? — Последнее слово он почти что выплевывает гостям в лицо. — Нет. Ни за что. Все ахейские воинства не убедят меня вернуться, ибо благодарность их слишком мала и запоздала… Где была благодарность ахейцев, когда я год за годом бился с их врагами, битва за битвой, в этой нескончаемой войне?

Двенадцать городов я взял со своих кораблей, пеший разорил еще одиннадцать, оросив плодородные земли Илиона кровью троянцев. В каждом награбил я груды сокровищ, бесценной добычи, из каждого привел толпы плачущих красавиц. И всякий раз безропотно отдавал ему, Атриду, лучшую долю, когда он отсиживался на

быстрых черных кораблях или далеко за спинами воинов! И он забирал все… все и больше…

О да… порой он швырял вам крохи с царского стола, но львиную долю оставлял себе. Вам всем, чья верность нужна ему для поддержания собственной власти, он что-то дает и лишь у меня отбирает — в том числе рабыню, которая стала бы моей невестой. Гори оно все синим пламенем, и он, и она, дорогие мои товарищи. Пусть спит с Брисеидой, пусть всаживает ей по самую рукоятку, если старику это еще по силам.

Растравив свои обиды, Ахиллес начинает вопрошать, зачем его мирмидонцы, а также ахейцы и аргивяне вообще приняли участие в войне.

— Ради пышнокудрой Елены? — презрительно спрашивает он и добавляет, что не только Менелай с Агамемноном скучают по женам, но и, к примеру, сам Одиссей, оставивший на далекой родине Пенелопу.

А я думаю о Елене, представляю, как она сидит на постели, как переливаются в сиянии звезд ее распущенные по плечам локоны и белеет во тьме нежная грудь.

Мне трудно следить за речью Ахиллеса, хотя она и впрямь так прекрасна и неожиданна, как в поэтическом пересказе Гомера. За несколько

минут Ахиллес подрывает тот самый геройский кодекс, который делает его богом в глазах воинов и военачальников.

Ахиллес говорит, что не хочет сражаться с прославленным Гектором — ни убить его, ни пасть от его руки.

Потом он обещает забрать своих людей и отплыть на рассвете, бросив данайцев на милость Гектора в тот миг, когда орды троянцев хлынут через укрепления.

Ахиллес называет Агамемнона псом, обрядившимся в бесстыдство, и говорит, что не женился бы ни на одной из его дочерей, будь она даже прекраснее Афродиты и искуснее Афины.

Дальше он сообщает нечто воистину поразительное — признается, что мать, богиня Фетида, возвестила ему двоякий жребий: либо он останется в Трое, убьет Гектора, но тогда сам погибнет через несколько дней. В таком случае, сказала мать, он навеки останется в памяти людей и бессмертных. Другая дорога — уплыть домой, отказаться от чести и славы, но прожить долгую счастливую жизнь. Выбор за ним, сказала ему мать годы назад.

И теперь Ахиллес говорит нам, что выбрал жизнь. Вот тебе и на! Этот… этот… этот герой,

гора мускулов и тестостерона, ходячая легенда, полубог отрекается от славы ради жизни! Одиссей недоверчиво щурится, Большой Аякс разевает рот.

— Итак, Одиссей, Аякс, братья мои, — говорит Ахиллес, — возвращайтесь к ахейским старейшинам и передайте мой ответ. Пусть *они* придумывают, как спасти крутобокие суда и людей, которых завтра к этому времени оттеснят к горящим кораблям. А что до нашего молчаливого Феникса…

Он поворачивается ко мне, и я подпрыгиваю на красных подушках словно ужаленный. Я так погрузился в подготовку своей речи и раздумья о моральных последствиях, что и забыл об идущем споре.

— Феникс, — снисходительно улыбается Ахиллес, — Одиссей с Аяксом должны явиться с отчетом к своему *господину*, но ты волен переночевать здесь со мной и Патроклом, а поутру отплыть с нами к дому. Но только если пожелаешь… Я никого не стану принуждать.

Это мой шанс заговорить. Не обращая внимания на взгляды Одиссея, я неуклюже поднимаюсь и прочищаю горло, чтобы начать длинную речь Феникса. Черт, как же она начинается? Столько

лет я изучал ее и рассказывал о ней студентам, вникал в тончайшие нюансы каждого греческого слова, а теперь в голове полная пустота.

Аякс встает:

— Пока этот дряхлый болван решает, бежать вместе с тобой или нет, скажу одно: ты, Ахиллес, такой же дурень, как старый Феникс!

Ахиллес, мужеубийца, не спускающий обид, герой, готовый предать на гибель всех ахейцев, лишь бы не простить Агамемнону унижение из-за рабыни, в ответ на прямое оскорбление Аякса лишь улыбается и приподнимает бровь.

— Отказаться от славы и двадцати красавиц из-за одной бабы! Идем, Одиссей. Наш золотой мальчик, видно, еще не припадал к сосцам дружбы. Оставим его упиваться своим гневом и передадим скорбное послание ждущим ахейцам. Рассвет уже близок, а мне нужно выспаться перед боем. Если я завтра погибну, то не хочу умирать сонным.

Одиссей кивает, встает, кивает еще раз, прощаясь с Ахиллесом, и вслед за Большим Аяксом выходит из шатра.

Я по-прежнему стою с открытым ртом, готовый произнести длинную трехчастную речь Феникса — такую умную речь! — с моими умными

добавлениями и тайными целями.

Патрокл и Ахиллес встают, потягиваются и переглядываются. Очевидно, они ждали посольства и оба заранее знали невероятный ответ Ахиллеса.

— Феникс, добрый отец, питомец богов, — с нежностью говорит Ахиллес, — не знаю, что на самом деле привело тебя к нам темной ночью в такую грозу. Но я помню, как после занятий ты брал меня, полусонного мальчишку, на руки и относил в постель. Останься, сын Аминтора. Патрокл с Автомедонтом постелют тебе мягкое ложе. На заре поднимем паруса, и ты можешь плыть с нами… Или не плыть.

Простившись, он удаляется в спальные покои на дальней половине шатра. Я стою на месте как дурак, ошеломленный этим диким отклонением от сюжета «Илиады».

Ахиллес должен был сказать, что останется, хоть не выйдет сражаться, чтобы дальше «Илиада» текла своим чередом: троянцы вновь торжествуют, греки отступают, все их великие военачальники — Одиссей, Агамемнон, Менелай, Диомед и прочие — ранены. Тогда, жалея друзей, но зная, что Ахиллес не вступит в бой, Патрокл надевает золотые доспехи Ахиллеса и отбрасывает

троянцев назад, пока не сходится в единоборстве с Гектором. Тот убивает Патрокла и попирает ногой его тело. Тогда-то Ахиллес, кипя гневом, выйдет из шатра и тем определит судьбу Гектора, Илиона, Андромахи, Елены и каждого из нас.

Правда ли он отплывет? Не могу поверить. Мало того, что я упустил точку опоры и не направил события в нужном направлении, так теперь еще вся «Илиада» слетела с рельсов. За девять с лишним лет, что я был схолиастом, наблюдал за событиями и сообщал о них Музе, я ни разу не видел такого глубокого расхождения между событиями войны и гомеровским рассказом. А теперь вот. Если Ахиллес уплывет, а он явно намерен сделать это на рассвете, ахейцы потерпят поражение, крутобокие корабли заполыхают, Троя выстоит, и великим героем поэмы станет не Ахиллес, а Гектор. «Одиссея», скорее всего, вообще не появится… или появится в сильно измененном виде. Все будет не так. *Только из-за того, что настоящего Феникса здесь не было и он не сказал свою речь? Или боги решили воздействовать на поворотную точку еще до того, как я до нее добрался?* Этого мне не узнать. Ясно одно: мой хитрый план переубедить Одиссея с Ахиллесом провалился.

— Пойдем, старый Феникс. — Патрокл берет меня за руку, будто ребенка, и отводит в боковые покои просторного шатра, туда, где лежат подушки и покрывала. — Пора спать. Утро вечера мудренее.

31. Иерусалим

— Что это? — спросил Харман.

Они с Даэманом стояли в тени западной стены в Иерусалиме, в нескольких шагах позади Сейви. Все трое смотрели на мощный голубой луч, вертикально уходящий в темное небо.

— Думаю, это мои друзья, — ответила старуха. — Все девять тысяч сто тринадцать моих друзей. Все люди старого образца, унесенные финальным факсом.

Даэман глянул на Хармана и понял, что тот тоже сомневается в рассудке Сейви.

— Твои друзья? — сказал Даэман. — Это просто свет.

Сейви оторвала взгляд от луча — в меркнущем свете дня он озарял крыши древних зданий и стены, заливая все вокруг голубоватым сиянием, — и скорбно улыбнулась:

— Да. Это луч голубого света. Мои друзья.

Она сделала им знак следовать за собой и повела спутников обратно, прочь от столба голубого света.

— Посты сказали нам, что финальный факс —

лучший способ сохранить человечество, пока они прибираются на планете, — продолжала Сейви; в узких проулках ее тихий голос звучал все равно гулко. — Они сказали, что свернут наши коды (даже тогда мы были для постлюдей всего лишь кодами, друзья мои) и заключат нас в непрерывную нейтринную петлю на десять тысяч лет, а сами тем временем наведут на Земле порядок.

— Что значит «наведут порядок»? — спросил Харман.

Они шли в длинной арке, и Даэман едва видел лицо Сейви, когда та улыбнулась.

— Под конец Потерянной Эпохи тут был бардак. После рубикона стало еще хуже. Потом настала эра деменции. Эрэнкашники, эти «вольные художники», вернули к жизни динозавров, Ужасных птиц, разные виды вымерших растений, разрушая экологию планеты в то самое время, когда биосфера и инфосфера начали сливаться в осознающую себя ноосферу — логосферу. К тому времени постлюди уже сбежали на кольца — разумная ноосфера Земли им больше не доверяла, и правильно: посты экспериментировали с квантовой телепортацией, открывали порталы в места, о которых ничего не знали, распахивали двери, которые не следовало открывать.

Они вышли на улицу пошире. Харман сказал:

— Ты не могла бы говорить яснее, Сейви? Мы не понимаем две трети твоих слов.

— Неудивительно, — сказала старуха, глядя на Хармана то ли с болью, то ли с крайним неудовольствием. — Как вам хоть что-нибудь понять? У вас нет ни истории, ни технологии, ни книг.

— Книги у нас есть, — возразил Харман.

Сейви хохотнула.

— Какое отношение динозавры и ноосфера имеют к голубому лучу? — спросил Даэман.

Сейви присела на каменную ограду. Поднявшийся ветер засвистел в разбитой черепице наверху. Холодало.

— Постлюдям надо было убрать нас на то время, пока они будут наводить порядок, — повторила она. — Нейтринный тор, сказали они. Без массы, без шума, без пыли. Десять тысяч лет, чтобы им вычистить планету. Меньше чем мгновение ока для нас, людей старого образца. Так они говорили.

— Но тебя оставили, — заметил Харман.

— Да.

— Случайно?

— Вряд ли. Посты очень мало что делали случайно. Возможно, у них была какая-то цель.

Возможно, меня наказали за то, что я копалась в прошлом, которое лучше похоронить. Я ведь была историком. Историком культуры.

Она вновь отчего-то рассмеялась.

— Так нейтрино голубые? — не сдавался Даэман. Он хотел получить прямой ответ.

Она снова рассмеялась.

— Вряд ли. Не думаю, что у нейтрино есть цвет… или очарование[39]. Но этот голубой луч появляется каждый *Тиша бе-ав*, каждое девятое ава, и что-то мне подсказывает, что все остальные люди старого образца — все мои друзья — сохранены и закодированы в этом луче. Я не думаю, что его генерирует машина. Я думаю, раз в год в этой точке орбиты планета пересекает нейтринный луч, а машина просто позволяет его увидеть.

— Но десять тысяч лет еще не прошло, — сказал Харман. — Всего тысяча четыреста лет с финального факса, по твоим словам.

Сейви устало кивнула:

— И на Земле с тех пор не стало чище, вы не находите, мои юные друзья?

Она встала, взяла рюкзак и двинулась дальше

---

[39] Примечания: 39

Не думаю, что у нейтрино есть цвет… или очарование. — Аллюзия на кварковую модель в физике элементарных частиц: среди квантовых чисел у кварков есть т. н. цвет и очарование.

по узкой улочке, но вдруг замерла.

— Войникс! — обрадовался Даэман. — Теперь не надо шагать к соньеру. Велим подогнать одноколку и…

Войникс — железно-кожаный силуэт в западной арке впереди — резко втянул манипуляторы, выдвинул лезвия и бросился на людей. Он бежал по стене здания на всех четырех, словно спятивший паук.

Сейви лихорадочно рылась в рюкзаке. Сейчас она вытащила черное пластиково-металлическое устройство — пистолет, как она это назвала, — и нацелила на несущегося войникса.

Даэман остолбенел от ужаса. Он был ближе к семенящему войниксу — тот по-прежнему бежал по стене на всех четырех, однако тварь, видимо, выбрала жертвой Сейви и промчалась мимо него. Внезапно вечернюю тишину разорвал звук — ЖЖЖЖИИИИИХХХ, — как будто по каменным плитам тащат деревянные весла, войникса отбросило назад на булыжную мостовую, а Сейви сделала шаг вперед, прицелилась из пистолета и выстрелила еще раз.

На панцире и металлическом капюшоне войникса появились десятки дырочек размером с ноготь; он вскинул руку, словно намереваясь что-

то бросить в людей, но тут новые стреловидные пули ударили в нее, она оторвалась и отлетела назад. Войникс кое-как поднялся на ноги; уцелевшее лезвие по-прежнему вращалось.

Сейви выстрелила снова, на сей раз почти перебив войникса пополам. Молочно-голубая внутренняя жидкость забрызгала стены и мостовую. Останки войникса упали, задергались и замерли.

Харман и Даэман опасливо подошли ближе, стараясь обходить блеклые синеватые лужицы. За два дня они второй раз видели уничтоженного войникса.

— Идем, — сказала Сейви, заменив обойму. — Если здесь есть еще войниксы, то дело плохо. Надо добираться до соньера. И поскорее.

Она провела их в узкую улочку, свернула в еще более узкий проулок и, наконец, в какую-то щель между домами, которую и проулком-то нельзя было назвать. Они вышли в просторный пыльный двор и откуда, через каменную арку, во дворик поменьше.

— Быстрее, — шепнула Сейви.

Она провела их по наружной лестнице дома на террасу, засыпанную дюнами пыли, и дальше по подгнившей деревянной лесенке мимо разбитых

окон на крышу.

— Что мы делаем? — прошептал Харман, когда все трое оказались в ночной прохладе на верху дома. — Разве нам не надо бежать к соньеру?

— Я вызову его сюда, — ответила Сейви.

Она встала на одно колено у парапета, активировала функцию ближней сети, закрывая мерцание свободной ладонью. Харман сел на корточки рядом с ней.

Даэман остался стоять. После жара мощеных улиц и узких проулков воздух здесь приятно освежал, к тому же сверху открывался занятный вид на гору. Справа взмывал в небо гигантский луч, заливая бледным сиянием улицы и крыши. Стемнело, над головой высыпали звезды. В городе не было фонарей, ни одно окно не горело, однако древние купола и арки сияли в голубом свете. По дороге Сейви сказала, что место, откуда бьет луч, называется Харам-эш-Шариф, или Храмовая гора, а две увенчанные куполами постройки у подножия машины — Купол Скалы и мечеть Аль-Акса.

Внезапно с улиц под ними донесся усиленный громкоговорителями крик:

– *Итбах аль-Ягуд!*

Крик повторился в лабиринте переулков на западе, которые отделяли путешественников от

соньера.

– *Итбах аль-Ягуд!*

Сейви подняла взгляд от ладонного экрана.

— Что это? — свистящим шепотом спросил Харман. — Войниксы не разговаривают!

— Да, — ответила Сейви. — Вы слышите старинный призыв к молитве. Здесь в каждой мечети установлены автоматические муэдзины.

– *Итбах аль-Ягуд!* — эхом отдавался по темному городу настойчивый голос. — *Аль-джихад! Итбах аль-Ягуд!*

— Черт! — сказала Сейви, глядя на ладонный экран. — Вот почему дистанционное управление не работает.

— Что?

Даэман и Харман подошли ближе и сели на корточки, чтобы увидеть прямоугольный экранчик в дюймах над ее ладонью. Он показывал вид вперед из соньера на том месте, где они его оставили. Каменистая долина и стена светились зеленым — камера переключилась на ночное видение. Ближе, в объективе, двигались десятки войниксов: они всем телом кидались на соньер, колотили по нему булыжниками, нагромождали сверху тяжелые камни.

— Они повредили защитное поле и что-то

сломали, — прошептала Сейви. — Соньер не прилетит за нами.

– *Аллах акбар!* — неслись усиленные громкоговорителями голоса со всех концов малоэтажного города. — *Итбах аль-Ягуд! Итбах аль-Ягуд!*

Все трое подошли к краю крыши. Даэману почудилось, будто улицы, дома и дворики содрогаются, дробятся, рушатся в отраженном голубом свете, потом он сообразил: нет, это что-то ползет по камням, крышам, стенам и куполам, словно полчища тараканов бегут на свет. Тут он прикинул расстояние и понял, что это не пауки и не тараканы сбегаются в их сторону, а войниксы.

– *Итбах аль-Ягуд!* — вопил металлический голос отовсюду. Звук эхом отражался от Храмовой горы, не теряя своей безмозглой призывности.

— Что это значит? — спросил Даэман.

Сейви смотрела, как озаренные голубым светом войниксы надвигаются по крышам и лабиринту кривых улочек. Волна насекомоподобных фигур была уже менее чем в двух кварталах, так что можно было различить скрежет лезвий о черепицу и топот манипуляторов. Старуха медленно повернулась к спутникам. Ее лицо в пульсирующем голубом свете было старым, как никогда.

– *Итбах аль-Ягуд*, — тихо повторила она. —

Смерть евреям.

32. Шатер Ахиллеса

Я должен убить Патрокла.

Осознание приходит, словно шепот в ночи, когда я лежу без сна в мирмидонском лагере, в шатре Ахиллеса, упакованный в дряхлую плоть Феникса.

Я должен убить Патрокла.

Я никогда прежде не убивал. Господи, я же студентом колледжа протестовал против Вьетнамской войны, даже нашу старую собаку усыплять отвозила жена. Почти всю свою прошлую жизнь я считал себя пацифистом. Да что там, я в жизни никого не *ударил*.

Я *должен* убить Патрокла.

Это единственный выход. Я думал, что поможет риторика, — что подправленная риторика старого Феникса убедит мужеубийцу Ахиллеса встретиться с Гектором и зарыть топор войны.

Да уж, скорее я получил бы этим топором в лоб.

Решение Ахиллеса отплыть — променять славу на долгую благополучную жизнь — поразительно для меня, как для любого исследователя

«Илиады», но оно логично. Для Ахиллеса честь по-прежнему дороже жизни, но после ссоры с Агамемноном он не видит чести в том, чтобы убить Гектора и погибнуть самому. Многоумный Одиссей, этот совершенный оратор, красноречиво расписывал, как нынешние ахейцы и бессчетные грядущие поколения будут чтить Ахиллеса, но тому нужно не их признание. Он должен быть героем в собственных глазах и не видит чести в том, чтобы убивать врагов Агамемнона и пасть за цели Агамемнона и Менелая. Поэтому он скорее отплывет к родным берегам и доживет свои годы заурядным смертным, утратив шанс стать членом горсточки счастливцев, братьев за двадцать веков до принца Хэла и Азенкура[40], чем поступится хотя бы крупинкой собственной чести на кровавой Илионской равнине.

Теперь-то я понял. Где были раньше мои глаза? Если уж Одиссей не убедил Ахиллеса сражаться — хитроумный среброязыкий Одиссей, — с чего я взял, будто это под силу мне? Вот ведь

---

[40] Примечания: 40

…стать членом горсточки счастливцев, братьев за двадцать веков до принца Хэла и Азенкура… — Из речи Генриха V перед Азенкуром, когда тот предлагает всем желающим вернуться домой накануне решающего сражения и обещает славу тем, кто с ним останется: «И Криспианов день забыт не будет / Отныне до скончания веков; / С ним сохранится память и о нас — / О нас, о горсточке счастливцев, братьев». (У. Шекспир. Генрих V. акт IV, сцена 3. перев. Е. Бируковой).

дурак. Ослепленный авторитетом Гомера, но все равно дурак.

Я должен убить Патрокла.

Вскоре после ухода Одиссея и Большого Аякса, когда погасили факелы и жаровни в главных покоях, я услышал, как Патроклу и Ахиллесу привели невольниц. Ни одной из них я раньше не видел, зато знал их имена: в «Илиаде» нет анонимных персонажей. Ахиллесову девку (я не мог бы употребить это слово на лекции в Индианском университете, иначе полиция политкорректности меня бы уволила, но, хоть режьте, не могу называть этих хихикающих секс-кукол «женщинами») звали Диомеда, дочь Форбаса с острова Лесбос — хотя лесбиянкой она не была. Подружка Патрокла носила имя Ифиса. Я чуть не рассмеялся вслух, когда увидел их сквозь щель между складками занавески. Рослый белокурый Ахиллес, с его фигурой, напоминающей статую, и мускулами легкоатлета, выбрал себе маленькую полногрудую брюнетку Диомеду, а темноволосый Патрокл, ростом гораздо ниже Ахиллеса, — Ифису, высокую стройную блондинку с маленьким бюстом. С полчаса до меня доносился женский смех и сальные мужские шутки, затем все четверо принялись стонать и кричать. Очевидно,

герой и его приятель не стеснялись заниматься сексом в одном помещении и даже обмениваться комментариями по ходу. У меня такое ассоциировалось скорее с отдыхающими риелторами в Блумингтоне, штат Индиана, чем с благородными воинами этой героической эпохи. *Варварство*.

Потом девицы ушли, все так же хихикая, и в шатре стало тихо, лишь переговаривались стражники у входа да потрескивали жаровни, у которых они грелись. И еще из Ахиллесовой опочивальни доносился жуткий храп. Я не слышал, чтобы Патрокл ушел, так что либо у него, либо у многосветлого Ахиллеса серьезные проблемы с носовой перегородкой.

Теперь я лежу в полумраке и обдумываю варианты. Нет, первым делом я морфирую из стариковского тела Феникса — плевать на последствия! — так что лежу здесь уже как Томас Хокенберри и обдумываю варианты.

В руке у меня квит-медальон. Я могу перенестись в опочивальню Елены — мне достоверно известно, что Парис сейчас за мили от городской стены, ждет вместе с Гектором рассветной резни и сожжения греческих кораблей. Елена, возможно, будет рада меня видеть. А может, она решит, что ее больше не забавляет ночной гость

по имени Хокенберри — как странно, что кто-то, кроме схолиастов, знает мое имя! — и вызовет стражу. Впрочем, не беда — я всегда могу квитироваться…

Куда?

Я могу забыть свою безумную затею изменить ход «Илиады», возникшую в ночь первой ссоры Ахиллеса и Агамемнона, план бросить вызов бессмертным богам. Квитироваться на Олимп, покаяться перед Музой и Афродитой (когда ее выудят из бака), попросить у Зевса личной аудиенции и молить о пощаде.

Хм. Так они тебя и простили, Хокенбуш. Ты похитил Шлем Аида, квит-медальон, все снаряжение схолиаста и применил в личных целях. Ты сбежал от Музы. А главное — ты угнал летучую колесницу и пытался убить Афродиту в ее целебном чане.

Лучшее, на что я могу надеяться после извинений, — что Зевс, Афродита или Муза убьют меня быстро, а не вывернут наизнанку или не зашвырнут в мрачную бездну Тартара, где меня заживо сожрут Крон и другие варварские титаны.

Нет уж, дорогой, что посеял, то и расхлебывай. Или как там правильно? Снявши голову, по волосам не плачут. Любишь славу — люби и

кишки выпускать. Семь раз отмерь — один раз отрежь. Пока я подыскиваю хоть какую-нибудь банальность, на меня снисходит озарение. Грубое, совсем не литературное, зато в точку.

Если я ничего не придумаю в ближайшее время, мне крышка.

Я могу поговорить с Одиссеем.

Одиссей — человек здравомыслящий, культурный и к тому же мудрый тактик. Возможно, это правильный вариант. Одиссей скорее, чем кто-либо еще, согласится покончить с войной и сообща выступить против излишне человекоподобных олимпийцев. Вообще-то, мне всегда больше нравилось рассказывать студентам про «Одиссею», чем про «Илиаду». Чувствительность Фицджеральда в переводе этой поэмы куда человечнее, чем грубая воинственность «Илиады» у Мандельбаума, Латтимора и даже Поупа. Я просто сглупил, когда думал найти точку опоры здесь, придя к Ахиллесу с посольством. Нет, обращаться надо не к Ахиллесу, а к Одиссею, сыну Лаэрта, который скорее оценит мои доводы и миротворческую логику.

Я встаю и трогаю квит-медальон, чтобы отыскать Одиссея, но меня удерживает одна мелочь. Если Гомер прав, я знаю, что сейчас происходит

в другом месте. Агамемнон и Менелай не могут уснуть из-за мрачных раздумий. Примерно в эти минуты, а может быть, часом раньше старший и более царственный из братьев пригласил к себе Нестора, посоветоваться, как отвратить неизбежную гибель воинства. Старец предложил устроить военный совет. В шатер тут же вызвали Диомеда, Одиссея, Малого Аякса и еще несколько предводителей. Как только все собрались, Нестор предложил отправить самых отважных на разведку, дабы разузнать намерения божественного Гектора. Вдруг тот уже насытился кровопролитием и на время вернется с войсками в город — пировать и праздновать?

Затея понравилась; соглядатаями выбрали Диомеда и Одиссея. Поскольку обоих подняли с постелей, так что они явились на совет без доспехов и оружия, им выдали снаряжение стражников: Диомеду шлем из воловьей кожи, а Одиссею знаменитый микенский шлем, усаженный клыками вепря. Диомед в накинутой на плечи львиной шкуре и Одиссей в черном шлеме, утыканном белыми клыками, должно быть, выглядят очень грозно.

Может быть, квитироваться на совет и посмотреть?

Незачем. Диомед и Одиссей могли уже уйти на вылазку. Либо Гомер наврал или ошибся, как с речью Феникса. К тому же сейчас мне это не поможет. Я больше не схолиаст, всего лишь пытаюсь уцелеть и покончить с войной — или по крайней мере обратить ее против богов.

Тут я вспоминаю еще одну подробность, и у меня холодеет кровь. Выйдя из стана, Одиссей и Диомед обнаружат Долона — того самого копейщика, чье тело я позаимствовал две ночи назад, когда сопровождал Гектора к дому Елены и Париса. Долон послан Гектором на разведку в ахейский стан. С кривым луком и в хоревом шлеме он в темноте пробрался по темному полю, усеянному свежими трупами, ища, где можно переправиться через ров и обойти греческих дозорных, однако зоркий Одиссей его заметил. Они с Диомедом прячутся среди мертвецов, застигают Долона врасплох и разоружают.

Троянец молит о пощаде. Одиссей ответит (если уже не ответил), что, дескать, «гибель от нашей руки — последнее, чего тебе стоит опасаться», а после аккуратно вытянет у молодого копейщика сведения о диспозиции Гекторовых троянцев и союзных войск.

Долон говорит, где стоят карианы, пеоны, леле-

ги и кавконы, где спят славные пеласги, а также верные ликийцы и кичливые мизы, где лагерь знаменитых фригийских конников и меонских колесничников, — рассказывает все и вновь молит о пощаде. Предлагает даже оставить его в заложниках, пока они не убедятся в правдивости его слов.

Одиссей улыбнется (или уже улыбнулся?) и похлопает по плечу бледного, трясущегося Долона — я помню мускулистое тело юноши с тех пор, как в него морфировал. Затем Лаэртид и Диомед отберут у юноши шапку, лук и волчью шкуру (Одиссей будет ласково объяснять перепуганному мальчишке, что они разоружают его, потому что отведут в лагерь пленником), и Диомед одним свирепым взмахом меча отсечет Долону голову. Отрубленная голова запрыгает по песку, продолжая молить о пощаде.

Тем временем Одиссей поднимет к беззвездным небесам его копье, лук, шапку и волчью шкуру и преподнесет их Афине Палладе с криком:

— Радуйся, богиня! Это твое! Теперь проводи же нас во фракийский лагерь! Помоги зарезать как можно больше мужей и увести их скакунов! Лучшая часть добычи — снова тебе, клянусь!

Варвары. Я окружен варварами. Даже боги у

них — варвары. Одно ясно — сегодня я с Одиссеем говорить не буду.

Но почему Патрокл должен умереть?

Потому что я был прав с самого начала: Ахиллес — это ключ. Точка опоры, с помощью которой я могу перевернуть судьбы людей и богов.

Не думаю, что Ахиллес и впрямь отплывет, едва встанет из мрака младая, с перстами пурпурными Эос. Нет, думаю, он, как и у Гомера, останется, чтобы полюбоваться новыми несчастьями греков. «Теперь-то ахейцы приползут к моим ногам», — скажет он в следующий сокрушительный день, когда все великие военачальники: Агамемнон, Менелай, Диомед и Одиссей — будут стенать от ран. И это уже после ночного посольства, когда Ахиллеса умоляли вернуться. Он будет злорадно упиваться бедствиями аргивян и ахейцев, и лишь гибель Патрокла, храпящего сейчас в соседнем помещении, вернет мужеубийцу на поле боя.

Так что Патрокл должен умереть сейчас, и тогда ход событий изменится.

Я проверяю, что у меня есть. Короткий меч, да, чтобы не выделяться из толпы, но я никогда им не пользовался и даже не знаю, заточен ли он. Муза дала его как реквизит, не как оружие. Для настоящей защиты в эти девять лет я получил

невесомые противоударные доспехи, способные остановить клинок, случайную пику или стрелу (по крайней мере, так нас уверяли, однако у меня не было случая проверить) и тазер мощностью пятьдесят тысяч вольт, вмонтированный в остронаправленный микрофон, который есть у нас всех. Он рассчитан на то, чтобы оглушить нападающего, пока ученый доберется до квит-портала. Прочее матобеспечение включает в себя линзы усиленного зрения, фильтры, обостряющие слух, краденый Шлем Аида в виде капюшона на плечах, квит-медальон на цепочке и морфобраслет на запястье.

И тут в моем усталом сознании рождается новый план.

Действовать надо сейчас же, пока я не растерял мужество. Натягиваю Шлем Смерти и пропадаю из вида равно смертных и богов. Чувствуя себя, как Фродо, Бильбо или Голум, надевший Кольцо Всевластия, я на цыпочках выхожу из покоев, где постелили Фениксу, в спальню Ахиллеса.

Наложницы давно удалились; Ахиллес и Патрокл спят вместе голые, Патрокл обнимает мужеубийцу за плечи.

Я застываю на месте. *Ахиллес — гей? Значит, безмозглый младший преподаватель, одержи-*

мый гей-лесбийской тематикой, был прав в своей идиотской статье и вся эта политкорректная чушь оказалась правдой.

Я прогоняю эту мысль. Я в трех тысячах лет от Индианы двадцать первого века и не знаю, что именно вижу. Они два часа трахались с невольницами и заснули, где лежали. И вообще, кому какое дело до тайной любовной жизни Ахиллеса?

Я включаю морфобраслет и вывожу скан, сделанный два дня назад в чертоге богов на Олимпе. Не знаю, получится ли, — другие схолиасты обычно смеялись над этой идеей.

Волны вероятности смещаются в недоступных моему восприятию квантовых слоях. Воздух вокруг дрожит, замирает и снова идет рябью. Я снимаю Шлем Аида и становлюсь видимым.

Видимым, как Афина Паллада, Тритогенея, третьерожденная из бессмертных, дочь Зевса, заступница ахеян. Гордо выпрямившись во все свои девять футов, излучая божественное сияние, я подхожу к ложу. Ахиллес и Патрокл вздрагивают и просыпаются.

Я чувствую неустойчивость каждого атома в теле. Морфобраслет не рассчитан на то, чтобы превращать нас в богов. И хотя весь мой облик гудит, словно туго натянутая арфа, я использую

то которое время, которое дает мне квантовая подмена. С трудом перебарываю непривычные ощущения от того, что у меня вагина и грудь (я никогда прежде не морфировал в женщин) и что я богиня.

Форма нестабильна. Я нутром чую, что не получил Афининых сил, только позаимствовал на секунды ее оболочку. Чувствуя, что, если не сбросить квантовую волноформу Афины как можно скорее, начнется какая-то ядерная реакция, полный морфораспад, я быстро говорю:

— Встать, Ахиллес! Подъем!

Быстроногий мужеубийца спрыгивает с подушек на пол.

— Богиня! Что привело тебя в глухую полночь сюда, о дочь Зевса?

Патрокл, потирая глаза, тоже встает. Оба голые, их тела рельефней и прекрасней любых будущих статуй, необрезанные пенисы висят меж мускулистых загорелых ног.

— МОЛЧАТЬ! — реву я.

Голос у Афины сверхмощный, сверхчеловеческий. Я понимаю, что разбудил всех в шатре, и стража, наверное, уже забила тревогу. У меня меньше минуты. Словно подтверждая эту мысль, золотая рука богини дрожит и сменяется бледной,

волосатой рукой профессора Томаса Хокенберри, затем морфирует обратно в Афинину. Ахиллес уставился в пол и ничего не заметил. Патрокл смотрит расширенными от изумления глазами.

— Богиня, если я чем-то тебя обидел… — Ахиллес поднимает взгляд, но не голову.

— ЗАТКНИСЬ!!! — ору я. — РАЗВЕ В СИЛАХ МУРАВЕЙ, КОПОШАЩИЙСЯ В ГРЯЗИ, ОБИДЕТЬ ЧЕЛОВЕКА? ИЛИ МЕРЗКАЯ, НИЧТОЖНАЯ КРЕВЕТКА НА ДНЕ МОРСКОМ ОСКОРБИТЬ РЫБАКА, МЫСЛИ КОТОРОГО ЗАНЯТЫ ДРУГИМ?

— Муравей? — переспрашивает Ахиллес, на его точеном лице проступает удивление ребенка, получившего нагоняй.

— ВСЕ ВЫ ДЛЯ БЕССМЕРТНЫХ МЕНЬШЕ МУРАВЬЕВ! — Я делаю шаг вперед, и сияние Афины озаряет их лица, словно радиоактивное излучение. — ВЫ ЗАБАВЛЯЕТЕ НАС ВАШИМИ СМЕРТЯМИ, О АХИЛЛЕС, СЫН ПЕЛЕЯ И БЕЗМОЗГЛОЕ ДИТЯ ФЕТИДЫ!

— Безмозглое дитя. — Щеки Ахиллеса заливает краска. — Богиня, чем я…

— МОЛЧАТЬ, МАЛОДУШНЫЙ! — Рев усиливается настолько, что оскорбление слышат в ставке Агамемнона, примерно за милю отсюда. — НАМ ПЛЕВАТЬ НА ВАС! НА ЛЮБОГО ИЗ ВАС! ВАШИ

СМЕРТИ НАС ЗАБАВЛЯЮТ… А ВАША ТРУСОСТЬ — НЕТ, *БЫСТРОНОГИЙ* АХИЛЛЕС!

Моя глумливая усмешка превращает поэтический эпитет в глумление.

Ахиллес сжимает кулаки и делает шаг вперед, словно наступая на врага.

— Богиня, Афина Паллада, заступница ахейцев. Я всегда возносил тебе лучшие жертвы…

— НАМ НА ОЛИМПЕ НЕ НУЖНЫ ПРИНОШЕНИЯ ТРУСА! — громыхаю я, ощущая, как вероятностная волна подлинной богини Афины приближается и критическому схлопыванию.

У меня остались считаные мгновения.

— ОТНЫНЕ МЫ САМИ БЕРЕМ ВСЕ, ЧТО ПОЖЕЛАЕМ! — говорю я и протягиваю руку поддельной Афины к Патроклу; тазер укрыт под рукой, палец на кнопке активации. — ЗАХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬ ОСТАНКИ ДРУЖКА, ПРОБЕЙСЯ В ЧЕРТОГИ ОЛИМПА И ВОЗЬМИ ИХ, ТРУСЛИВЫЙ АХИЛЛЕС!

Я стреляю из тазера в загорелую безволосую грудь Патрокла, почти невидимые электроды и невидимые провода всаживают в него пятьдесят тысяч вольт.

Патрокл, как громом пораженный, хватается за грудь, кричит, дергается, словно в эпилептиче-

ском припадке, и, обмочившись, падает ничком.

Голый Ахиллес стоит, сжав кулаки и выпучив глаза, не в силах сдвинуться с места. Не дожидаясь, когда он очнется, я в образе Афины делаю два шага вперед, хватаю бесчувственного Патрокла за волосы и грубо тащу по полу.

Ахиллес скалится и выхватывает клинок из лежащих рядом ножен.

Я по-прежнему волочу за волосы обмякшего Патрокла. Облик Афины теряет квантовую стабильность и дрожит, как телеизображение от помех. Я сжимаю медальон и квантово телепортирую себя и Патрокла из Ахиллесова шатра.

33. Иерусалим и Средиземный бассейн

Сейви провела Хармана и Даэмана с крыши по лестницам и ступеням и дальше в тесный проулок. Звезды и голубое сияние нейтринного луча на Храмовой горе еле освещали город; этого хватало, чтобы на бегу не врезаться в стену и не свалиться в колодец, но дверные проемы и пустые окна заполняла непроглядная тьма. Даэман быстро отстал и начал задыхаться. Он никогда не бегал, даже в детстве. С какой стати? Что за бессмысленное занятие?

Ближе, менее чем за квартал, в лабиринте улочек и домов с плоскими крышами раздавался скрежет сотен спешащих войниксов.

– *Итбах аль-Ягуд!* — хрипел голос из громкоговорителей, которые Сейви назвала муэдзинами.

Сейви провела их через мощеную улицу в другой узкий проулок, через открытый участок, усыпанный светящимися человеческими костями, и в совсем темный внутренний дворик. Топот и скрежет бегущих по стенам войниксов звучали все ближе.

– *Итбах аль-Ягуд!* — Крик из громкоговорителей звучал как будто настойчивее прежнего.

Еврейка здесь только Сейви, что бы это ни значило, думал Даэман. Его легкие разрывались. *Если мы с Харманом отпустим ее одну, войниксы нас не тронут, наверное, даже помогут нам вернуться домой. Нам незачем разделять ее судьбу.*

Харман бежал сразу за старухой. Она пересекла дворик и нырнула под низкую арку в разрушенное древнее здание. *Или я могу сам позаботиться о себе,* думал Даэман. *А Харман пусть остается с ней, если хочет.*

Он остановился посреди пыльной мостовой. Харман замер в черном проеме и махнул рукой: догоняй, мол. Даэман обернулся на звуки позади (словно когти или сухие кости дробно стучат по камням) и в свете голубого луча увидел первый десяток войниксов. Они бежали по улице, которую он только что пересек.

У Даэмана оборвалось сердце. Он не привык к страху, и мысль о том, чтобы делать что-либо в одиночку, пугала сейчас больше всего. Он вслед за старухой и Харманом вбежал в темным проем.

Сейви провела их по все более узким лестницам — чем дальше, тем более старыми и стертыми были ступени. Четырьмя пролетами

ниже, когда погас последний отраженный свет голубого сияния, она достала из рюкзака фонарик. Тонкий луч прорезал темноту, и сердце Даэмана снова ухнуло в пятки: тесный коридор упирался в глухую стену. Тут он увидел грязную дерюгу, закрывающую дыру, в которую ему точно не пролезть.

— Скорее! — прошептала Сейви.

Она отвела джутовую мешковину и скользнула в дыру. Оттуда доносилось эхо, как из колодца. Харман без раздумий нырнул следом.

Даэман слышал металлический скрежет в разрушенном доме, но, по крайней мере пока, не на лестнице.

Он втиснул узкие плечи в дыру и обнаружил, что висит над бездонной круглой дырой фута четыре в поперечнике. Руки отчаянно молотили по воздуху, пока не наткнулись на железные скобы в стене. Даэман крякнул, протиснул в отверстие туловище и бедра, царапая кожу о древнюю штукатурку; ноги заболтались в пустоте и наконец нашли опору. Даэман начал спускаться туда, где приглушенно раздавались голоса Хармана и Сейви.

На него дохнуло холодным ветром. Даэман спускался, пальцы и подошвы скользили по

холодному железу. Снизу по-прежнему доносился шепот. Тут скобы закончились, и Даэману пришлось спрыгнуть с высоты четыре или пять футов на кирпичный пол.

Харман подхватил его. Круг от фонарика Сейви освещал туннель из древнего камня и кирпича.

— Сюда, — шепнула она и побежала, пригибаясь под низким потолком.

Харман и Даэман побежали следом. Чтобы не налететь на выступающие кирпичи в полу, они смотрели не столько под ноги, сколько на круг от ее фонарика.

Впереди показалась развилка. Сейви сверилась с ладонной функцией и повернула налево.

— Я не слышу сзади войниксов, — сказал Харман. Он говорил тихо, но его голос все равно отдавался в сводчатом туннеле. Из-за высокого роста Харману приходилось наклоняться сильнее других.

— Они над нами, — ответила Сейви. — Преследуют нас по улицам.

— Они пользуются ближней сетью? — спросил Даэман.

— Да.

Она остановилась на следующей развилке и выбрала средний туннель; теперь пригнуться

низко пришлось всем троим.

Харман вновь глянул на Даэмана, очевидно желая спросить про ближнюю сеть, но сейчас вопросов задавать не стал.

— Вообще-то, войниксы бегут за вами, — сказала Сейви, останавливаясь и глядя сперва на Харман, потом на Даэмана. В резком свете фонарика ее лицо выглядело старее обычного и походило на череп.

— Не за тобой? — удивился Даэман.

Она мотнула головой:

— Я не зарегистрирована ни в одной сети. Войниксы даже не знают, что я здесь. Это вы появились где не положено, в их ближней и дальней сети. Ближайший факс-узел, если не ошибаюсь, в Мантуе. Они знают, что пешком вы бы столько не прошли.

— Куда теперь? — прошептал Харман. — К соньеру?

Сейви вновь мотнула головой. Ее седые, мокрые от пота волосы прилипли к голове.

— Туннели не идут дальше старого города. И войниксы уже вывели соньер из строя. Я веду вас к краулеру.

— Краулеру? — переспросил Даэман.

Однако Сейви уже повернулась и повела их

дальше.

Еще через сотню шагов сводчатый туннель превратился в кирпичный коридор, через следующие тридцать коридор сменился лестницей, а потом они уткнулись в стену.

Сердце Даэмана пыталось вырваться из грудной клетки.

— Что делать? — спросил он. — Что делать? Что делать?

Он отвернулся от света и стал вслушиваться в темноту — не приближаются ли войниксы.

— Лезь.

Даэман обернулся и увидел, что Сейви исчезает в другом вертикальным колодце — у́же того, по которому они спускались. Затем в туннеле стало темно — свет фонарика прыгал теперь где-то над ними.

Харман подпрыгнул, пытаясь ухватиться за нижнюю скобу, промахнулся, прыгнул снова, поймал ее и подтянулся. Даэман с трудом разглядел, что Харман сверху протягивает ему руку.

— Давай, Даэман! Быстрей! Войниксы наверняка уже там, ждут нас.

— А чего тогда лезть?

— Давай же! — Харман в темноте схватил его запястье и рывком втащил Даэмана за собой.

Войниксы проломили стену здания в тот миг, когда трое людей забирались в краулер.

Исполинская машина занимала почти всю центральную часть того, что, по словам Сейви, было когда-то большой церковью. Когда они поднялись по лестнице из подвала и Сейви повела лучом фонарика, Даэман замер, не понимая, на что смотрит. Краулер возвышался над людьми гигантским пауком: шесть колес — каждое высотой по меньшей мере двенадцать футов — соединялись шарнирными опорами, а сферическая пассажирская кабина млечно белела среди опор, словно яйцо в центре паутины.

В двери и стены церкви заколотили еще до того, как старуха залезла в машину по тонкой металлической лесенке.

— Быстрей! — сказала Сейви уже не шепотом.

Даэман (он снова был последним) подумал, что старуха — чемпионка по излишним напоминаниям. Заколоченное окно в шестидесяти футах над полом лопнуло, и пятеро войниксов пролезли в него, вбивая лезвия в камень, как альпенштоки. Безглазые ржавые купола на их панцирях тяжело повернулись вниз, к вездеходу и людям, которые пытались забраться в пассажирскую сферу. От дальней стены полетели камни, и еще шесть

войниксов вошли на двух ногах.

Сейви коснулась выцветшего красного круга на нижней стороне кабины, ввела цифры в появившемся желтом поле, и часть прозрачного шара со скрежетом отъехала в сторону. Сейви пролезла внутрь, Харман за ней. Даэман едва успел втянуть ноги, когда первый войникс ринулся к нему по пыльным камням.

Сфера сомкнулась. В середине было шесть потрескавшихся кожаных кресел. Даэман с Харманом упали на боковые, Сейви провела рукой над ровным металлическим выступом перед средним. В воздухе замерцала панель управления, гораздо более сложная, чем на соньере. Сейви тронула виртуальную красную шкалу, провела ярко-желтый кружок по зеленой линии, затем сунула руку в контроллер.

— А если он не заведется? — спросил Харман, которого Даэман тут же назначил чемпионом по несвоевременным риторическим вопросам.

Десятка два войниксов залезли на колеса и, словно кузнечики-великаны, прыгали на стеклянную сферу. Даэман сжался и пригнул голову.

— Тогда нам конец, — ответила Сейви и повела виртуальный контроллер вправо.

Мотор не взревел, гироскопы не загудели, по-

слышалось лишь тихое, почти инфразвуковое жужжание. Однако темноту впереди прорезал свет фар, и возле панели управления возникли несколько виртуальных дисплеев.

Полдюжины войниксов на пассажирской сфере молотили по стеклу и царапали его лезвиями, но внезапно их отбросило на двадцать футов назад. Они не были повреждены — каждый тут же вскочил и снова прыгнул на сферу, — но все они упали снова, не в силах удержаться на шаре, за который цеплялись всего минуту назад.

— Микронной толщины силовое поле, — пробормотала Сейви, глядя на виртуальную панель, где появлялись светящиеся значки и рисунки. — Не имеющее трения. Его разработали, чтобы наверху не скапливался снег или дождевая вода, но оно отлично помогает и против войниксов.

Даэман обернулся. Десятка два войниксов карабкались по огромным колесам, молотили по спицам, дергали опоры и стяжки.

— Надо ехать, — сказал он.

— Да. — Сейви двинула виртуальный контроллер вперед.

Краулер проломил древнюю церковную стену и упал на десяток футов, прежде чем сложные шарнирные колеса утвердились на земле и на

стенах. Проулок был у́же краулера, однако это ничуть не замедляло машину. Круша многотысячелетние стены, он выехал на улицу Давида, и Сейви развернула его налево, на запад, прочь от голубого луча, по-прежнему пронзающего небо.

Бесчисленные войниксы бежали следом, десятки бросались под колеса и прыгали на пассажирскую сферу. Краулер, по-прежнему ускоряясь, давил тех, кто не успел увернуться, и скоро оторвался от стаи. С полдюжины самых упорных войниксов по-прежнему цеплялись за опоры и чиркали лезвиями по металлу.

— Могут они повредить краулер? — спросил Харман.

— Не знаю, — ответила старуха. — Приближаемся к Шаар-Яфо, Яффским воротам. Давайте попробуем избавиться от этих тварей.

Она развернула краулер к стене слева, затем к правой стороне улицы Давида и, наконец, в чересчур низкую для него арку. Вибрация и град камней стряхнули цепляющихся войниксов, но Даэман, обернувшись, видел, что почти все они выскочили из-под обломков и присоединились к преследующей стае. Краулер миновал ворота и, набирая скорость, покатил вниз по усыпанному гравием склону, туда, где остался соньер. Об ис-

чезнувшей летающей машине напоминал только тридцатифутовый каменный курган, окруженный сорока или пятьюдесятью войниксами. Они тут же бросились наперерез краулеру. Сейви раздавила нескольких, от других увернулась и выехала на древнюю дорогу, ведущую на запад от города.

— Крепкая машина, — заметил Харман.

— В конце Потерянной Эпохи их делали на совесть, — сказала Сейви. — С нанообслуживанием они могут существовать почти вечно.

Она вытащила из рюкзака линзы ночного видения от термоскина и выключила фары. Теперь они неслись в темноте, и Даэману стало не по себе, когда под огромными колесами захрустели останки ржавых артефактов на дороге — вероятно, брошенного древнего транспорта. Тут он сообразил, что они проехали по мосту и покатили в ложбине между холмами. В темноте Даэман не видел преследующих войниксов, только удаляющийся голубой клинок света, устремленный вверх с темной иерусалимской горы, но знал, что войниксы наверняка по-прежнему за ними гонятся.

Сейви сказала, что до побережья бывшего Средиземного моря около тридцати миль. Они

преодолели это расстояние меньше чем за десять минут.

— Посмотрите, — сказала Сейви, замедляя ход. Она сняла очки ночного видения и включила передние фары, противотуманные фары и прожекторы.

Пять или шесть сотен войниксов выстроились клином у крутого спуска в сухой Средиземный бассейн.

— Поворачиваем? — спросил Харман.

Старуха мотнула головой и направила машину вперед. Позже Даэман подумал, что звук, с которым краулер на огромной скорости врезался в скопление войниксов, напоминал грохот града по металлической крыше в Уланбате, слышанный им много лет назад. Только здесь стучали очень крупные градины.

Краулер достиг бывшей береговой линии. «Держитесь!» — крикнула Сейви, и машина совершила десятисекундный прыжок с берега на бывшее дно. Когда шесть исполинских колес достигли земли, опоры смягчили удар, краулер выровнялся, и они поехали вниз, пронзая тьму белыми конусами прожекторов и фар.

Даэман оглянулся и увидел уцелевших войниксов силуэтами на фоне далекого голубого луча.

— Они не побегут за нами? — спросил он.

— В Бассейн? — хмыкнула Сейви. — Ни за что.

Она сбавила безумную скорость, нацепила ночные линзы и отключила фары. За миг до этого Даэман увидел, что они едут по ровной бурой дороге посреди зеленеющих полей. Над пшеницей, овсом, льном и подсолнухами торчали черные металлические кресты, на которых извивались странные подобия нагих человеческих тел.

34. Побережье Илиона. Индиана

Ахиллес рычал, ревел, разодрал ткань шатра с той стороны, где исчезла богиня Афина, волоча тело Патрокла. Тогда мужеубийца обезумел.

Стражники вбежали в шатер. Ахиллес, по-прежнему голый, поднял первого и швырнул его в голову второго. Третий услышал рев, а в следующий миг уже летел, разрывая полотно шатра. Четвертый уронил копье и побежал будить мирмидонцев, крича, что их господин и предводитель одержим демоном.

Ахиллес схватил набедренник, тунику, нагрудные латы, щит, полированные бронзовые поножи, сандалии, пику, завернул их в простыню и, схватив меч, прорубился через три полотняных стены шатра. Снаружи он опрокинул горящий посреди стана треножник и побежал мимо палаток — к темному морю и прочь от человеческого лагеря, к своей матери, богине Фетиде.

Волны бились о берег, и здесь, вдали от костров, глаз различал лишь их белые гребни. Ахиллес расхаживал взад-вперед по мокрому песку. Он был по-прежнему голый, латы и оружие валялись

на песке. Ахиллес громко стенал и рвал на себе волосы, в отчаянии выкликая имя матери.

И Фетида, дочь бога Нерея, Морского старца, ответила на зов Ахиллеса, явилась из зелено-соленых глубин, восстала из прибоя, как туман, но затем туман сгустился и принял очертания благородной богини. Ахиллес кинулся к ней, словно обиженное дитя, и пал на одно колено. Фетида прижала голову рыдающего воина к мокрой груди.

— Что ты льешь слезы, сын мой? Какая печаль посетила твое сердце?

Ахиллес застонал.

— Ты же знаешь, ты должна знать, мама! Не заставляй меня рассказывать!

— Я была с отцом в зелено-соленых глубинах, — прошептала Фетида, ласково гладя золотые кудри Ахиллеса. — Поскольку и смертные, и боги в столь поздний час предаются сну, я не знаю, что произошло. Поведай, дитя, не таись.

И Ахиллес, то рыдая от горя, то задыхаясь от гнева, рассказал о явлении Афины Паллады, ее оскорблениях и убийстве его друга Патрокла.

— Она забрала его тело, мама! — безутешно рыдал он. — Забрала тело, так что я даже не могу совершить достойное погребение!

Фетида похлопала Ахиллеса по плечу и сама разразилась слезами.

— Увы, сын мой, рожденный в горечи! Зачем я тебя растила, если Зевс тебя погубит?

Ахиллес поднял заплаканное лицо:

— Так это и вправду воля Зевса? Патрокла и впрямь убила Афина Паллада, а не какой-то лживый образ богини?

— То была воля Зевса, — прорыдала его мать. — Хоть я этого не видела, я уверена, что богиня Афина сама оскорбляла тебя и убила твоего друга. О, горе, что тебе суждена не только краткая жизнь, Ахиллес, но и наполненная такими скорбями!

Ахиллес вырвался из ее объятий и встал:

— За что бессмертные так оскорбляют меня? Почему Афина, которая всегда поддерживала аргивян, а меня особенно, вдруг на меня ополчилась?

— Боги непостоянны, — сказала Фетида; вода по-прежнему лилась с ее длинных волос на грудь. — Возможно, ты это замечал.

Ахиллес заходил взад-вперед, то сжимая кулаки, то рассекая воздух растопыренными пальцами.

— Не понимаю! Привести меня в такую даль…

даровать мне столько побед… и все для того, чтобы Афина и ее божественный отец так меня оскорбили.

— Они стыдятся тебя, Ахиллес.

Мужеубийца замер и обратил к ней побелевшее, застывшее лицо. У него был такой вид, будто он получил пощечину.

— Меня? Быстроногого Ахиллеса, сына Пелея и богини Фетиды? Стыдятся Эакова внука?

— Да. Зевс и другие боги, включая Афину, всегда презирали смертных, даже вас, героев. С вершины Олимпа люди кажутся мошками, ваш век короток и гадок, а ваше существование оправдано лишь тем, что вы забавляете их своей смертью. Так что, сидя в шатре, пока решался исход войны, ты прогневал третьерожденную дочь Зевса и самого владыку богов.

— Они убили Патрокла! — Ахиллес отступил от матери, оставляя на мокром песке отпечатки босых ног. Их смыло следующей волной.

— Они уверены, что тебе не хватит духа отмстить за его гибель, — ответила Фетида. — Твоего друга бросят на растерзание воронам и стервятникам на высотах Олимпа.

Ахиллес застонал и упал на колени. Он схватил пригоршню песка и стал втирать себе в голую

грудь.

— Мама, почему ты говоришь мне это сейчас? Если ты знала, что боги меня презирают, отчего ты не сказала раньше? Ты всегда учила меня чтить Зевса. Покоряться Афине.

— Я всегда уповала на милость других богов к нашим смертным детям. Однако холодное сердце Зевса и воинственность Тритогенеи взяли верх. Человечьи ристалища больше не тешат их. Вы не нужны им даже для забавы. Как и мы, немногие из богов, что заступались за вас.

Ахиллес встал и сделал три шага к матери:

— Ты бессмертна, мама. Зевс не может причинить тебе вред.

Фетида невесело рассмеялась:

— Отец может убить любого, кого пожелает, сынок. Даже бессмертного. Хуже того, он может бросить нас в бездны Тартара, как бросил собственного отца Крона и свою рыдающую мать Рею.

— Ты в опасности, — проговорил Ахиллес. Его шатало, как пьяного или матроса на палубе в шторм.

— Я обречена, — сказала Фетида. — Ты тоже, сын мой. Если только не решишься на то, чего не совершал еще ни один из смертных, даже

отважный Геракл.

— О чем ты, мама? — На озаренном звездами лице Ахиллеса отражалась буря чувств: отчаяние сменила ярость, а ее — нечто запредельное для самой ярости.

— Низвергни богов, — прошептала Фетида, и ревущий прибой почти заглушил звук ее голоса.

Ахиллес шагнул ближе и недоверчиво склонил голову.

— Низвергни богов, — повторила дочь Нерея. — Возьми Олимп силой. Убей Афину. Низложи Зевса.

Ахиллес отшатнулся:

— Возможно ли это?

— В одиночку — нет, — сказала Фетида; вокруг ее ног бурлила пена. — Но если ты поднимешь своих отважных аргивян и ахейцев…

— Ахейцами, и аргивянами, и всеми союзниками повелевают Агамемнон и его брат, — перебил Ахиллес. Он обернулся на костры, зажженные на берегу, затем на куда более многочисленные троянские дозорные огни сразу за оборонительным рвом. — И ахейцы и аргивяне обречены, мама. К рассвету черные корабли могут запылать.

– *Могут* запылать, — ответила Фетида. — Вчерашняя победа троянцев — лишь очередной

каприз Зевса. Однако ахейцы и аргивяне пойдут *за тобой* даже против богов, Ахиллес. Нынче ночью Агамемнон сказал Нестору, Одиссею и прочим в своей ставке, что он лучше — мудрее, сильнее и отважнее Ахиллеса. Покажи ему, что это не так, сын мой. Покажи им всем.

Ахиллес повернулся к богине спиной. Он смотрел на далекий Илион, где на высоких стенах ярко горели факелы.

— Я не могу сражаться с богами и троянцами разом.

Мать положила ему руку на плечо, заставив обернуться.

— Ты прав, мой быстроногий сын. Положи конец этой бессмысленной бойне, начатой из-за гулящей бабы. Кому какое дело, где спит смертная Елена и рогоносцы ли Атриды — Менелай и его высокомерный брат Агамемнон? Прекрати войну. Примирись с Гектором. У него свои причины ненавидеть богов этой ночью.

Ахиллес вскинул на нее изумленный взгляд, однако Фетида не стала ничего объяснять. Он вновь посмотрел на огни далекого города.

— Хотел бы я сегодня же попасть на Олимп, убить Афину, низложить Зевса и отвоевать тело Патрокла для погребения.

Он говорил тихо, но с ужасающей безумной решительностью.

— Я пришлю человека, который покажет тебе дорогу, — сказала Фетида.

Он вновь повернулся к ней:

— Когда?

— Завтра, после того, как ты поговоришь с Гектором, заключишь с троянцами союз и отберешь власть над аргивянами и ахейцами у спесивого Агамемнона.

Ахиллес заморгал от неслыханной дерзости ее замысла:

— Как мне отыскать Гектора? Мы же убьем друг друга…

— Для этого я тоже пошлю провожатого, — сказала Фетида и отступила назад.

Предрассветный прилив бурно плескал у ее ног.

— Постой, мама! Мне…

— Я иду в чертоги Зевса, где меня ждет моя участь. — Слабый шелест ее голоса утонул в зловещем шипении волн. — Я в последний раз заступлюсь за тебя, сын мой, но боюсь, что меня ждут неудача и вечное изгнание. Мужайся, Ахиллес! Будь отважен. Твой жребий еще не предрешен. Выбор за тобой: смерть и слава — или

долгая жизнь, но тоже со славой… и какой славой, Ахиллес! Ни один смертный о такой и не мечтал! Отмсти за Патрокла.

— Мама…

— Боги тоже смертны, дитя мое. Боги… тоже… смертны.

Очертания Фетиды задрожали, начали таять и улетучились легкой дымкой.

Ахиллес несколько долгих минут стоял и смотрел на море. Он стоял и смотрел, покуда холодная заря не осияла дальний край небес. Тогда он надел хитон, сандалии, доспехи, прикрепил узорные поножи, поднял щит, убрал клинок в длинные ножны на поясе, подобрал копье и зашагал к лагерю Агамемнона.

После этого спектакля я разваливаюсь на глазах. В течение всего разговора морфобраслет жужжал на ухо искусственным голосом: «Осталось десять минут до отключения… Осталось шесть минут…» и так далее.

Морфобраслет почти сел, и я понятия не имею, как его перезарядить. В запасе меньше трех минут, а мне нужно еще навестить семью Гектора.

Ты не сумеешь выкрасть младенца, шепчет то, что осталось от моей совести.

Что тут ответишь? *Должен.*

Поздно идти на попятный. Я все продумал. Патрокл был ключиком к сердцу Ахиллеса. Скамандрий и Андромаха откроют путь к душе Гектора. Только так.

Снявши голову, по волосам не плачут.

Раньше, квитировавшись с бесчувственным Патроклом на руках в предвечерние холмы того, что считаю Индианой, я не нашел и следа Найтенгельзера. Я быстренько бросил Патрокла на траву (не сочтите гомофобом, однако мне непривычно держать на руках голого мужчину) и покричал в сторону берега и леса. Кит Найтенгельзер не отозвался. Возможно, древние коренные американцы уже скальпировали его. Или приняли в племя. А может, он просто в лесу за рекой, собирает ягоды и орехи.

Патрокл застонал и пошевелился.

Нравственно ли бросать голого, ослабевшего человека в незнакомых краях? А если его задерет медведь? Хотя вряд ли. Скорее сам Патрокл найдет и убьет беднягу Найтенгельзера. Да-да, в подобной стычке я поставил бы на безоружного грека, а не на Кита с его противоударными доспехами, тазером и бутафорским мечом. Порядочно ли бросать обозленного Патрокла на том же акре, где собирает ягоды миролюбивый ученый?

Размышлять было некогда. Я проверил заряд морфобраслета — заметил, что он снизился, — и квитировался обратно на Илионский берег. Опыт перевоплощения в богиню у меня уже имелся, к тому же облик Фетиды требовал меньше энергии, и я надеялся, что, если повезет, заряда хватит на сцену с Ахиллесом и сколько-то останется для семьи Гектора.

Так и вышло. Я могу морфировать в последний раз.

Семья Гектора. Во что я превратился?

В какого-то беглого каторжника, думаю я, натягивая Шлем Аида. В человека, способного на все.

Что, если квит-медальон тоже выдохнется? Есть ли в тазере еще заряд, на случай если он понадобится мне в Илионе?

Скоро узнаем. Глупо будет, если я сумею привлечь на свою сторону и Ахиллеса, и Гектора, но не смогу квантово телепортироваться с ними на Олимп.

Я не стану тревожиться об этом сейчас. Подумаю об этом позже.

Сейчас, в четыре утра, у меня встреча с женой и сыном Гектора.

35. 12 000 метров над плато Фарсида

— Что пишет про воздушные шары Пруст?

— Не так уж много, — ответил Орфу с Ио. — Он вообще не слишком увлекался путешествиями. И что говорит о них Шекспир?

Манмут пропустил вопрос мимо ушей.

— Жаль, что ты этого не видишь.

— Мне тоже жаль, — сказал Орфу. — Опиши мне все.

Манмут поднял взгляд.

— Мы так высоко, что небо над головой почти черное, ниже переходит в синеву и голубеет у самого горизонта, который, безусловно, круглится. По обе стороны стелется полоса атмосферной дымки. Под нами по-прежнему облака, в раннем утреннем свете они как будто светятся золотым и розовым. Позади облачный покров разошелся, я вижу синюю воду и красные скалы долин Маринера, уходящих на восток до самого горизонта. На западе, там, куда мы летим, облака скрывают почти все плато Фарсида — они как будто обнимают возвышенность, но три ближайших вулкана

торчат над золотыми облаками. Дальше всего слева — гора Арсия, затем — Павлина, дальше, правее и севернее, — Аскрийский вулкан. Они белые, снег и лед блестят в утреннем свете.

— Олимп уже видишь?

— О да. Хотя он от нас дальше всех, но все равно самый высокий в пределах видимости, встает над западным горизонтом. Он между Павлиной и Аскрийским вулканом, но явно дальше. Он тоже белый от льда и снега, но на вершине снега нет, и она алеет в лучах рассвета.

— Видишь ли ты лабиринт Ночи, где мы оставили зеков?

Манмут перегнулся через край гондолы и посмотрел назад.

— Нет, его закрывают облака. Но когда мы поднимались к облачному слою, я успел рассмотреть и порт, и каменоломню, и путаницу кряжей, каньонов, горных обвалов — весь лабиринт, который тянется на сотни километров к западу и на десятки километров с севера на юг.

В последние дни плавания на фелюге лил дождь. Под дождем они высадились в переполненных доках у карьера. Ливень хлестал, когда Манмут окончательно собрал самодельную гондолу, надул из баллонов шар и поднял его в небо

над тем, что нельзя была назвать иначе, чем городом маленьких зеленых человечков. Один из МЗЧ — или зеков, как они себя называли, — явно предлагал свое сердце для общения, однако Манмут отрицательно помотал головой. Пусть Орфу прав и МЗЧ не умирают как отдельные личности, однако мысль *израсходовать* еще одного маленького зеленого человечка была Манмуту невыносима. Впрочем, собравшиеся зеки тут же сообразили, что он делает с гондолой, и захлопотали вокруг, помогая подсоединить канаты, осторожно развернуть ткань однокамерного шара, пока тот медленно наполнялся газом из баллонов, закрепить гондолу на земле, чтобы не улетела раньше времени. Манмут залюбовался их сплоченной работой — они действовали как отлично обученная команда.

— Как выглядит шар? — спросил Орфу.

Вакуумный моравек был закреплен в центре расширенной гондолы, привязанный к раме, которую сколотил Манмут, многими метрами троса. Рядом, тщательно упакованные и закрепленные, лежали передатчик и Устройство.

— Как будто огромная тыква у нас над головой, — ответил Манмут.

Орфу зарокотал по фокусированному лучу:

— Ты когда-нибудь видел тыкву в реальной жизни?

— Конечно нет, но мы оба видели изображения. Шар — оранжевый овоид диаметром примерно шестьдесят метров и высотой около пятидесяти. У него ребра, как у тыквы… и он оранжевый.

— Я думал, он замаскирован стелс-материалом, — удивился Орфу.

— Да. Оранжевый стелс-материал. Думаю, наши конструкторы-моравеки не предполагали, что у тех, от кого мы хотим спрятаться, кроме радаров, будут еще и глаза.

На сей раз рокот Орфу прозвучал как раскаты грома.

— Типично, — сказал иониец. — Типично.

— Бакикарбоновые канаты идут от основания гондолы, — продолжал Манмут. — Она висит в сорока метрах под шаром.

— Надежно, надеюсь, — сказал Орфу.

— Вообще-то, я старался. Разве что забыл завязать пару-тройку узлов.

Иониец опять зарокотал и умолк. Манмут некоторое время наблюдал за пейзажем.

Когда Орфу снова вышел на связь, была глубокая ночь. Звезды мерцали холодным светом, однако Манмут видел больше атмосферного

мерцания, чем когда-либо в своей жизни. Низко в небе мчался Фобос, а Деймос едва показался из-за горизонта. Облака и вулканы отражали свет звезд. На севере поблескивал океан.

— Уже прибыли? — поинтересовался Орфу.

— Нет. Еще день-полтора.

— Ветер по-прежнему дует куда нужно?

— Более или менее.

— Определи понятие «менее», дружище.

— Нас несет на северо-запад. Можем немного промахнуться мимо Олимпа.

— Это как надо постараться, — сказал иониец, — чтобы промахнуться мимо вулкана размером с Францию.

— Но мы ведь на шаре, — сказал Манмут. — Я уверен, что Корос Третий планировал запустить его у подножия вулкана, а не на расстоянии в тысячу двести километров.

— Погоди, — сказал Орфу. — Я вроде бы помню одну маленькую подробность: севернее Олимпа расположено море Тетис.

Манмут вздохнул:

— Вот почему я построил новую гондолу в форме открытой лодки.

— Ты мне не говорил.

— Тогда это не казалось мне важным.

Некоторое время они летели в молчании. Вулканы Фарсиды приближались; по расчетам Манмута, воздушный шар должен был миновать Аскрийский вулкан завтра к полудню. Если направление ветра так и будет понемногу смещаться, они пройдут в десяти-двадцати километрах севернее. Манмуту не пришлось даже переключаться на ночное зрение, чтобы восхититься сиянием лун на четырех заснеженных вулканах.

— Я тут размышлял по поводу Калибана и Просперо, — внезапно сказал Орфу.

Манмут подпрыгнул от неожиданности: его думы витали где-то далеко.

— И?..

— Полагаю, ты думаешь, как и я поначалу: изваяния Просперо и то, что МЗЧ знают «Бурю», — результат увлечения Шекспиром некоего диктатора, человека либо постчеловека.

— Мы даже не знаем наверняка, что каменные головы изображают Просперо, — сказал Манмут.

— Разумеется. Однако так сказали МЗЧ, и я не думаю, что зеки когда-нибудь нам лгали. Возможно, они вообще не способны лгать, поскольку коммуницируют за счет молекулярных нанопакетов данных.

Манмут промолчал, но у него тоже сложилось такое впечатление.

— Каким-то образом, — продолжал Орфу, — все эти тысячи каменных голов на побережье северного океана…

— И затопленного бассейна Эллады на юге, — добавил собеседник, вспомнив орбитальные снимки.

— Да. Каким-то образом все эти тысячи каменных голов связаны с шекспировскими персонажами.

Манмут кивнул, зная, что слепой Орфу воспримет его молчание как кивок.

— Что, если диктатор и есть Просперо? — сказал Орфу. — А вовсе не человек и не постчеловек?

— Не понимаю, — растерянно проговорил Манмут. Он проверил доступ кислорода из баллонов, лежащих рядом с Устройством. И сам он, и Орфу были надежно подключены, кислород тек исправно. — Ты хочешь сказать, некий постчеловек заигрался в старого волшебника и забыл, что это игра?

— Нет, я имею в виду, *что, если он и впрямь Просперо?*

Манмут встревожился. Бедняга Орфу столько перенес: покалечен, ослеп, получил большие

дозы ионизирующего излучения, пострадал при падении с орбиты в северное море. Возможно, его рассудок не выдержал.

— Я не сошел с ума, — с неудовольствием сказал иониец. — Выслушай меня.

— Просперо — литературный герой, — медленно проговорил Манмут. — Выдумка. Мы знаем о нем лишь благодаря древним архивам человечества, заложенным в программу первых моравеков два земных тысячелетия назад.

— Да, — сказал Орфу. — Просперо выдумка, а греческие боги — миф. А здесь они потому, что это ряженые люди или постлюди. *Но что, если это не так?* Что, если это реально Просперо… реально греческие боги?

Манмут забеспокоился по-настоящему. Он готов был продолжать миссию в одиночку, если Орфу умрет, но никогда не рассматривал еще более ужасный вариант — что его спутником на последнем этапе пути будет слепой, изувеченный, *безумный* Орфу с Ио. Хватит ли ему духа бросить товарища сразу после высадки?

— Как могут боги — или кто там эти люди в тогах, летающие на колесницах, — быть не мифом или не заигравшимися в ролевую игру постлюдьми? — спросил Манмут. — Ты предполагаешь,

что они… космические пришельцы? Древние марсиане, которых каким-то образом не заметили во время экспедиций Потерянной Эпохи?

— Я говорю, *что, если греческие боги — это греческие боги?* — тихо ответил Орфу. — Что, если Просперо — это Просперо? А Калибан — это Калибан? Если мы с ним встретимся, чего я предпочел бы избежать.

— Хм, — сказал Манмут. — Занятная теория.

— Давай без этого покровительственного тона! — взорвался Орфу. — Ты что-нибудь знаешь о квантовой телепортации?

— Только ее теорию, — ответил Манмут. — И еще тот факт, что здесь наблюдается повышенная квантовая активность.

— Норы, — сказал Орфу.

— Что?

— Они как кротовые норы. Когда события квантового переноса поддерживаются хотя бы несколько наносекунд, ты получаешь эффект сингулярности устойчивой кротовой норы. Ты ведь знаешь, что такое сингулярности?

— Да. — Теперь уже Манмута стал раздражать снисходительный тон товарища. — Я знаю определения кротовых нор, сингулярностей, черных дыр и квантовой телепортации, и мне известно,

что все эти условия, за исключением последнего, искривляют пространство-время. Однако каким боком это относится к богам в тогах и летающим колесницам? Это постлюди. Возможно, спятившие постлюди, самоэволюционировавшие в полное безумие, но все равно постлюди.

— Возможно, ты прав, — ответил Орфу. — Но давай рассмотрим иной вариант.

— Какой? Что выдуманные персонажи внезапно ожили?

— Знаешь ли ты, почему моравекские инженеры отказались от развития квант-телепортации как средства путешествия к звездам?

— Она нестабильна, — сказал Манмут. — Есть свидетельство некоего происшествия на Земле примерно полторы тысячи лет назад. Люди или постлюди баловались с квантовыми кротовыми норами, но эксперимент не удался и дал некий нежелательный результат.

— Многие моравеки считают, что он дал нежелательный результат именно потому, что удался, — сказал Орфу.

— Не понимаю.

— Квант-телепортация — древняя технология, — сказал иониец. — Люди старого образца экспериментировали с нею в двадцатом или

двадцать первом веке, еще до того, как постлюди самоэволюционировали и перестали быть частью человеческого рода. До того, как все на Земле пошло кувырком.

— И?..

— Суть квантовой телепортации в том, что ты не можешь пересылать большие объекты, ничего больше фотона, да и его на самом деле не можешь переслать. Только его полное *квантовое состояние*.

— В чем разница между полным квантовым состоянием чего-то либо кого-то и этим предметом либо лицом?

— Никакой, — ответил Орфу. — В том-то и прелесть. Квантово телепортируя фотон или першерона, ты получаешь на другом конце пути точный дубликат. Настолько точный, что по всем параметрам это тот же фотон.

— Или першерон, — сказал Манмут. Он очень любил разглядывать изображения лошадей. Насколько было известно моравекам, настоящие лошади вымерли тысячи лет назад.

— Но даже если ты телепортируешь фотон из одного места в другое, — продолжал Орфу, — по законам квантовой физики телепортированная частица не может нести в себе информацию. Да-

же память о собственном квантовом состоянии.

— Тогда и смысла никакого нет? — сказал Манмут.

Фобос, промчавшись по марсианскому ночному небу, ушел за далекий изгиб горизонта; Деймос двигался степеннее.

— Вот так и думали люди в двадцатом или двадцать первом веке, — сказал Орфу. — А потом постлюди начали играть с квантовой телепортацией. Сперва на Земле, затем в своих орбитальных городах, или как там называется то, что вращается сейчас на ближней земной орбите.

— И они добились бóльших успехов? — спросил Манмут. — Но примерно четырнадцать веков назад что-то пошло не так, примерно в то время, когда Земля проявляла квантовую активность.

— Что-то пошло не так, — согласился Орфу. — Но это не был неуспех квантовой телепортации. Постлюди — или их думающие машины — разработали квантовый перенос на основе запутанных частиц.

— Жуткое дальнодействие[41], — сказал Манмут.

Его никогда особо не интересовала квантовая физика, астрофизика, физика элементарных частиц — да и вообще любая физика, зато всегда восхищала убийственная эйнштейновская фраза о квантовой механике. Эйнштейн умел припечатать коллег или теорию, которые ему не угодили.

— Да, — повысил голос Орфу. Иониец, очевидно, не любил, когда его перебивают. — Да, жуткое дальнодействие работает на квантовом уровне, и постлюди начали пересылать через квантовые порталы все более и более крупные объекты.

— Першеронов? — спросил Манмут. Он не особенно любил, когда ему читают лекции.

— Никаких записей об этом не известно, но лошади с Земли куда-то девались, так что почему бы и нет? Слушай, Манмут, я говорю совершенно серьезно. Я размышлял над этим с тех самых пор, как мы покинули околоюпитерианское простран-

---

[41] Примечания: 41

Жуткое дальнодействие… — Эйнштейн назвал квантовую запутанность «жутким дальнодействием», поскольку изменение состояния одной частицы в запутанной паре мгновенно воздействует на ее пару — независимо от того, насколько она далека, что, как представлялось, нарушает постулат теории относительности о невозможности перемещения и передачи информации со скоростью больше световой.

ство. Можно закончить без твоих насмешек?

Манмут метафорически заморгал. Орфу говорил не как сумасшедший, а серьезно… и обиженно.

— Хорошо. Приношу извинения. Продолжай.

— Мы знаем, что постлюди начали активно развивать квантовые исследования — баловаться с ними, на самом деле, — примерно тогда же, когда мы, моравеки, от этих исследований отказались, — около четырнадцати веков назад. Они пробивали дыры в пространстве-времени направо и налево.

— Прости, пожалуйста, — как можно мягче перебил Манмут. — Я думал, на такое способны только черные дыры, кротовые норы или голые сингулярности.

— И квантовые туннели, оставленные активированными.

— Но я думал, квантовая телепортация мгновенна. — Манмут теперь изо всех сил пытался понять. — *Должна* быть мгновенной.

— Так и есть. В случае с запутанными парами, частицами или сложными структурами изменение квантового состояния одного квантового близнеца мгновенно меняет квантовое состояние второго.

— Тогда как туннели могут быть активированными… если перенос происходит моментально? — спросил Манмут.

— Поверь мне, — ответил Орфу. — При пересылке чего-нибудь — ломтика сыра, например, — один лишь объем передаваемых случайных квантовых данных покорежит пространство-время только так.

— И сколько исходной квантовой информации будет, скажем, в трехграммовом ломтике сыра?

— Десять в двадцать четвертой степени бит, — без заминки ответил Орфу.

— А в человеческом существе?

— Если не включать память, а только атомы тела — десять в двадцать восьмой степени килобайт.

— Всего на четыре нуля больше, чем в ломтике сыра, — сказал Манмут.

— Пресвятая Дева, — застонал Орфу. — Речь идет о *порядках*, не говоря о том, что ты путаешь биты, байты, килобайты и…

— Я знаю, что это значит, — сказал Манмут. — Сглупил, больше не буду. Продолжай.

— Итак, примерно тысячу четыреста лет назад постлюди — это должны были быть постлюди, поскольку, согласно данным наших тогдашних

зондов, на Земле осталось около тысячи людей старого образца и они были чем-то вроде близких к вымиранию животных, которых держат в зоопарках, — постлюди начали квантово телепортировать машины, людей и прочее.

— Куда? В смысле — их отсылали на Марс? В иные солнечные системы?

— Нет, для квантовой телепортации нужен не только передатчик, но и приемник, — сказал ониец. — Их просто пересылали из одного места на Земле в другое место на Земле — или в орбитальных городах. Но когда объекты материализовались, экспериментаторов ждал огромный сюрприз.

— Это как-то связано с мухой?[42] — спросил Манмут. Его тайным пороком были старые фильмы с двадцатого столетия до конца Потерянной Эпохи.

— С мухой? — удивился Орфу. — Нет. При чем здесь муха?

— Не обращай внимания. Так что же за сюрприз их ждал?

---

[42] Примечания: 42

Это как-то связано с мухой? — В научно-фантастическом фильме «Муха» (The Fly, 1958) режиссера Курта Нойманна по рассказу французского писателя Жоржа Ланжелана и его римейке 1986 г. и человек сливается на молекулярном уровне с мухой, случайно попавшей в камеру телепортации.

— Во-первых, квант-телепортация работала, — сказал Орфу. — Но еще важней другое: человек, животное или другой предмет переносил с собой информацию. Информацию о своем квантовом состоянии. Всю информацию, которую не должен был перенести. Включая память в случае человеческих существ.

— Ты вроде сказал, что законы квантовой механики это запрещают.

— Запрещают, — подтвердил иониец.

— Снова волшебство? — спросил Манмут; ему не нравилось, к чему клонит Орфу. — Просперо и греческие боги?

— Да, но погоди смеяться, — сказал Орфу с Ио. — Наши ученые тогда думали, что постлюди на самом деле обменивали запутанные пары с идентичным объектом… либо лицом… в другой вселенной.

— Другой вселенной, — тупо повторил Манмут. — Это как параллельные миры?

— Не совсем. Не как прежняя идея бесконечного или почти бесконечного числа параллельных вселенных. Просто небольшое — очень конечное — число квантовых фазо-смещенных вселенных, сосуществующих внутри нашей или рядом с ней.

Манмут ничего не понял, однако промолчал.

— Не просто сосуществующих квантовых вселенных, — продолжал космический моравек, — но *сотворенных* вселенных.

— Сотворенных? — повторил Манмут. — Как Божье творение?

— Нет, — сказал Орфу. — Как творение гения.

— Не понимаю.

Деймос закатился. Марсианские вулканы были видны сейчас в свете звезд, облака наползали на их склоны, будто светло-серые амебы. Манмут сверился с внутренним хронометром. До рассвета оставался час. Манмуту было холодно.

— Ты знаешь, что исследователи-люди обнаружили, когда тысячи лет назад изучали человеческий мозг? — сказал Орфу. — До появления постлюдей. Наш моравекский разум устроен так же, хотя мозговое вещество не только органическое, но и искусственное.

Манмут постарался вспомнить.

— Ученые-люди в двадцать первом веке использовали квантовые компьютеры, — сказал он. — Для анализа биохимических каскадов в человеческих синапсах. Они обнаружили, что человеческое сознание — *сознание*, а не мозг — вовсе не компьютер, не химическое запоминающее

устройство, и правильнее сравнивать его с…

— Волновым фронтом стоячей волны квантового состояния, — сказал Орфу. — Человеческое сознание, как все остальное во вселенной, существует в виде волны квантового состояния.

— И ты утверждаешь, что сознание само творит иные вселенные? — Манмут понимал логику, но выводы получались абсурдные.

— Не просто сознание, — сказал Орфу. — Исключительные типы сознания, которые подобны голым сингулярностям, то есть могут искривлять пространство-время, влиять на организацию пространства-времени и вызывать схлопывания вероятностных волн в дискретные альтернативы. Я говорю о Шекспире. Прусте. *Гомере*.

— Это же так… так… так… — Манмут запнулся.

— Солипсично?

— Глупо, — сказал Манмут.

Несколько минут полета прошли в молчании. Манмут догадывался, что ранил чувства друга, но сейчас это было не важно. Через некоторое время он сказал по фокусированному лучу:

— Так ты ожидаешь, что на Олимпе, когда мы туда доберемся, будут призраки реальных греческих богов?

— Не призраки, — ответил Орфу. — Но ты ви-

дел квантовые показания. Кто бы ни были эти существа на Олимпе, они понаделали квантовых нор, главным образом на Олимпе и вокруг него. Они *куда-то* уходят. Появляются *откуда-то еще*. Квантовая реальность в здешних краях нестабильна и может взорваться, прихватив с собой часть Солнечной системы.

— Думаешь, Устройство для того и создано? — спросил Манмут. — Чтобы уничтожить квантовые поля до того, как они достигнут критической массы?

— Не знаю, — сказал Орфу. — Возможно.

— И ты думаешь, именно это устроило бардак на Земле и вынудило постлюдей убраться в орбитальные города четырнадцать веков назад? Некая квантовая неудача?

— Нет. Я думаю, что неведомые события на Земле произошли вследствие *успеха* квантовой телепортации.

— О чем ты? — Долю секунды Манмут не знал, хочет ли услышать ответ.

— Я думаю, они пробили квантовые туннели в альтернативную вселенную, или даже не в одну, — сказал иониец. — И что-то оттуда впустили.

До самого рассвета они летели в молчании.

Сперва солнце коснулось макушки воздушного шара, так что оранжевая ткань заполыхала невообразимыми оттенками, а каждый бакиканат засиял. Потом засверкали льды на трех вулканах Фарсиды; рассветное золото сползало по восточным склонам, как медленно текущая лава. Затем солнце окрасило розовым золотом расступившиеся облака и озарило внутреннее море долины Маринера до самого восточного горизонта, словно лазурную трещину в планете. Минутой позже вспыхнул на солнце Олимп. Манмут наблюдал, как исполинская вершина встает над западным горизонтом, словно приближающийся галеон под красными и золотыми парусами.

Затем солнце блеснуло на чем-то ближе и выше.

— Орфу! — передал Манмут. — Мы здесь не одни.

— Колесница?

— Пока не рассмотреть. Я уже и зрение усилил, но против света не видно.

— Если это колесничники, мы можем что-нибудь сделать? Признайся, ты ведь нашел какое-нибудь оружие и забыл мне сказать?

— Нет, мы можем бросать в них лишь оскорбления, — ответил Манмут, вглядываясь в блестя-

щую точку. Она быстро приближалась. — Если ты не посоветуешь мне активировать Устройство.

— Думаю, пока рановато.

— Странно, что Корос Третий отправился в миссию без оружия.

— Мы не знаем, что он прихватил бы из командного отсека, — сказал Орфу. — Кстати, ты мне напомнил…

— О чем?

— Как-то мы с тобой обсуждали секретную экспедицию Короса к Поясу астероидов.

— Да?

Солнце по-прежнему било в глаза, и все же Манмут уже видел, что на них летит колесница. Голографические кони мчались галопом.

— Что, если это была не шпионская миссия? — сказал Орфу.

— О чем ты?

— У роквеков есть то, что мы, обитатели пяти лун, не удосужились выработать в ходе эволюции.

— Агрессивность? — предположил Манмут. — Воинственность?

— В точку. Что, если Корос Третий летал туда не как шпион, а как…

— Извини, пожалуйста, — перебил Манмут. —

Гость уже прибыл. Один большой гуманоид на колеснице.

Вокруг Манмута загрохотали сверхзвуковые хлопки, по ткани шара побежали волны. Колесница сбавляла скорость. Она облетела шар на расстоянии в сто метров.

— Наш старый знакомый с орбиты? — спросил Орфу. Его голос был совершенно спокоен.

Манмут глянул на привязанный к корзине беспомощный панцирь, который не мог даже видеть происходящего.

— Нет. У того греческого бога была седая борода. Этот моложе и чисто выбрит. Рост метра под три. — Манмут поднял правую ладонь вверх — древний жест приветствия, показывающий, что в руке нет оружия. — Вроде бы он…

Колесница подлетела ближе. Ездок поднял правую руку со сжатым кулаком и повел ею справа налево.

Воздушный шар взорвался. Оболочка вспыхнула, гелий вырвался наружу. Манмут едва ухватился за деревянный поручень гондолы, чтобы не вылететь прочь. Горящая ткань, бакикарбоновые канаты и гондола в форме лодки понеслись к плато Фарсида тридцатью километрами ниже. Маленький моравек падал вверх

ногами, по-прежнему вцепившись в поручень.

Колесница с призрачными конями пронеслась через горящую ткань. Человек — бог — поймал огромным кулаком черный бакиканат. Удивительно, невероятно, но его руку не вырвало из сустава, а многотонная гондола дернулась и замерла. Свободной рукой он хлестнул вожжами коней.

Таща накренившуюся гондолу со всем ее содержимым в сорока футах позади и ниже себя, колесница повернулась и полетела на запад, к горе Олимп.

36. Средиземный бассейн

Еще с час Сейви ехала по бурой глинистой дороге, направляя краулер глубже в поля и холмы Средиземного бассейна. Было темно, хлестал ливень; то и дело вспыхивали молнии, и стеклянную пассажирскую сферу сотрясал гром. Во время одной из вспышек Даэман указал пальцем на темные кресты с гуманоидными фигурами:

— Кто это? Люди?

— Нет, — ответила Сейви. — *Калибаны.*

Прежде чем она успела объяснить, Даэман сказал:

— Нам надо остановиться.

Сейви остановила краулер, включила фары и прожекторы и сняла очки ночного видения.

— Что случилось? — спросила она, глянув на искаженное мукой лицо Даэмана.

— Я умираю с голоду, — сказал он.

— У меня в рюкзаке есть два питательных батончика.

— Я умираю от жажды.

— У меня в рюкзаке есть бутылка с водой. К тому же мы можем открыть кабину и набрать

чистой дождевой воды.

— Мне надо в туалет, — признался Даэман. — Срочно.

— А, ясно. Краулер много чем оборудован, но туалета в нем нет. Возможно, нам всем не помешает выйти.

Она коснулась двух виртуальных кнопок. Силовое поле перестало отталкивать от стекла дождь, а часть пузыря сбоку сдвинулась, образовав щель. Пахнуло свежестью и травой.

— Выйти? — Даэман и не пытался скрыть ужас. — На открытое место?

— На поле, — сказала Сейви. — Чуть больше приватности.

Она достала из рюкзака рулон туалетной бумаги и оторвала Даэману кусок.

Тот ошалело уставился на бумагу.

— Мне тоже не помешает выйти, — сказал Харман, беря у старухи бумажку. — Идем, Даэман. Мальчики направо, девочки налево.

Он пролез в щель и спустился по лесенке. Даэман последовал за ним, по-прежнему сжимая бумажку, как талисман. Сейви выбралась следом, куда более ловко, чем он.

— Я тоже направо, — сказала Сейви. — В другой кукурузный ряд, но не далеко.

— Почему? — начал Даэман, потому увидел у нее в руке черное оружие.

Она сунула оружие за пояс, и все трое пошли с дороги, через неглубокую канаву, через глинистый участок поля в более высокую кукурузу. Ливень разошелся не на шутку.

— Мы вымокнем, — сказал Даэман. — Я не взял самовысушивающуюся одежду…

Сейви глянула в небо. Молния прыгала с облака на облако, грохотал гром.

— У меня в рюкзаке ваши термоскины. Вернемся в краулер — сможете сидеть в них, пока другая одежда не просохнет.

— Волшебный заплечный мешок, — сказал Харман. — Есть в нем еще что-нибудь этакое, о чем мы не знаем?

Сейви мотнула головой:

— Несколько питательных батончиков. Обоймы. Фонарик и карты, которые я сама составила. Наши термоскины. Бутылка с водой. Мой запасной свитер. Вроде бы все.

Как ни тянуло Даэмана поскорее остаться в одиночестве, он помедлил на краю поля и огляделся.

— Тут безопасно? — спросил он.

Сейви пожала плечами:

— Войниксов нет.

— А эти, как ты их назвала?

— Калибаны, — повторила Сейви. — Нынче ночью можешь их не опасаться.

Он кивнул и шагнул в первый ряд кукурузы. Стебли вздымались на два-три фута выше его головы, а по широким листьям барабанил дождь. Даэман шагнул обратно.

— Там по-настоящему темно.

Харман уже исчез в кукурузе, и Сейви шла в другую сторону, однако она вернулась и протянула Даэману фонарь.

— Мне и молний хватит.

Раздвигая плечом высокие стебли, Даэман отошел на восемь или десять рядов, стараясь, чтобы его нельзя было увидеть с края поля. Потом еще на восемь-девять — для верности. Отыскал чуть менее размокший участок земли, огляделся, прислонил фонарь к стеблю — устремленный в небеса свет напомнил ему голубой луч в Иерусалиме, — и наконец спустил штаны, сел на корточки и выкопал руками ямку.

Как там назвала это Сейви? Походные условия?

Несмотря на варварскую обстановку, облегчение было невероятным. Даэман подтерся размокшей от дождя туалетной бумагой, понял,

что ее недостаточно, бросил грязный комок в ямку и полез в карман. Оттуда он вытащил тридцать дюймов сложенной материи, которую всегда носил с собой, — свою туринскую пелену. В свете фонаря, отраженном от кукурузных стеблей, он изучил тонкую ткань и прекрасный узор микрочипов, передающих туринскую драму непосредственно в мозг. Даэман много лет изредка смотрел битву троянцев с ахейцами, но после знакомства с реальным Одиссеем (если бородач и впрямь был реальным Одиссеем, во что верилось с трудом) его интерес к туринской драме не вернулся. Одиссей не только спал с одной из девушек, которых Даэман наметил для себя, Ханной, но и отправился в Ардис-Холл с главной его целью, Адой. Тем не менее Даэман по-прежнему держал прекрасную ткань в руке, как будто взвешивал.

К черту! Даэман подтерся — испытав неожиданную радость оттого, что так обошелся с наглым Одиссеем, — бросил скомканную тряпку в яму, набросал сверху грязи, натянул брюки, кое-как обтер ладони о мокрые листья и, взяв фонарик, двинулся через кукурузные ряды.

Но поле не кончалось. Примерно через тридцать пять рядов Даэман понял, что идет не в ту сторону. Он развернулся — всего-то и требо-

валось, что пройти обратно по своим следам, однако, разворачиваясь, он окончательно потерял направление и уже не мог вспомнить, откуда пришел. Следов видно не было. Молнии сверкали все чаще, ливень еще усилился.

— Помогите! — крикнул Даэман. Он выждал секунду, не дождался ответа и крикнул снова: — Помогите! Я заблудился!

Гром заглушил оба его крика.

Даэман повернулся снова, затем еще раз, решил, что это должно быть нужное направление, и побежал через высокую кукурузу, раздвигая стебли фонариком. Ряды он считать забыл, но примерно через сорок-пятьдесят остановился.

— Я здесь! Помогите!

На сей раз гром не заглушил крика, но ответа все равно не было. Даэман слышал лишь стук дождя по стеблям да хлюпанье своих намокших городских туфель.

Он двинулся вдоль ряда, глядя по сторонам, не мелькнет ли движение и свет. Ему не приходило в голову, что, возможно, он уходит еще дальше от спутников. Через несколько минут ему пришлось остановиться и перевести дух.

— Помогите!

Молния ударила менее чем в миле от него; гром

прокатился по кукурузе, словно ударная волна. Даэман проморгался, чтобы избавиться от пятна на сетчатке, и заметил, что впереди и правее стебли вроде растут не так густо. Неужели край?

Он пробежал последние рядов пятнадцать и вырвался на вольное пространство.

Это был не тот край поля, где они вошли, а открытый участок футов двадцать на тридцать. Посередине, футов на шесть-восемь выше кукурузы, стоял большой металлический крест. Даэман провел лучом фонаря от подножия креста до вершины.

Фигура была не на кресте, а внутри полой конструкции. Голый торс был втиснут в центральную колонну, раскинутые руки — в перекладину.

Это был не человек, — во всяком случае, Даэман таких людей прежде не видел. Существо было голое и склизкое, чешуйчатое и зеленоватое — не как рыба, а того оттенка, какого, как предполагал Даэман, были трупы до того, как лазарет покончил с этой дикостью. Бесчисленные мелкие чешуйки поблескивали в свете фонарика. Тело было мускулистое, но мускулы выглядели *неправильно* — руки от плеча до локтя слишком длинные, от локтя до запястья слишком тощие, сами запястья слишком мощные, костяшки паль-

цев слишком большие, вместо ногтей — желтые когти, бедра чересчур накачанные, на ногах по три неестественно растопыренных пальца. Гениталии у него были мужские, пенис и мошонка неприлично розовели под плоским мускулистым животом, но и в них чудилось что-то *неправильное*, словно в почти человеческих половых органах у акулы или черепахи. Однако самыми нечеловеческими были могучий торс, змеевидная шея и безволосая голова. Дождь стекал по мускулам, чешуе и выступающим сухожилиям, бежал струйками по черной металлической конструкции.

Глубоко посаженные глаза напоминали одновременно рыбьи и обезьяньи. Лицо выдавалось вперед, образуя какое-то полурыло, нос казался подобием жабр. Нижняя челюсть отвисла, являя взгляду длинные желтые зубы — не звериные и не человеческие, а такие, какие были бы у рыб, будь рыбы чудовищами, — и непропорционально длинный синеватый язык, который вдруг зашевелился. Даэман поспешил перевести луч выше — и чуть не заорал.

Существо приоткрыло глаза — продолговатые, янтарные, с черными щелками, почти как у кошки, только еще холоднее. Существо… как там

назвала их Сейви? *Калибаны?* — завозилось в металлической нише, кулаки разжались, блеснули длинные когти, туловище и ноги зашевелились, как будто существо проснулось и потягивалось.

Его ничто не удерживало. Ничто не мешало ему прыгнуть на Даэмана.

Он попытался бежать, но понял, что не может повернуться спиной к твари. Та снова завороча-лась и высвободила из конструкции почти всю правую руку.

За спиной Даэмана слышались грохот и рев. Не сомневаясь, что это другие калибаны, уже освободившиеся из крестов, он обернулся на шум и поднял фонарик, как дубину.

То ли он поскользнулся, то ли ноги подкоси-лись, но Даэман рухнул на колени в грязь. Ему хотелось плакать, но, кажется, заплакал он лишь после того, как из кукурузы выехал краулер и чудовищным пауком навис над Даэманом, по-лем, крестом и неподвижной тварью. Вездеход включил все восемь фар, ослепив Даэмана. Он закрыл лицо руками — не столько защищаясь от слепящего света, сколько пряча слезы.

Мужчины в термоскинах сидели в креслах, обтянутых потрескавшейся кожей, а старуха лежала на нижнем изгибе стеклянной сферы.

Они ели питательные батончики, передавая по кругу бутылку с водой, и молча смотрели на грозу. Даэман попросил Сейви отъехать от поля, креста и существа, так что она проделала пару миль по глинистой дороге, прежде чем съехать на обочину и отключить все машинные системы, кроме защитного поля и бледно мерцающих виртуальных панелей.

— Что это было? — спросил наконец Даэман.

— Один из калибанов, — сказала Сейви. Она лежала на стекле, подложив под голову рюкзак, и, судя по виду, ей было вполне удобно.

— Я слышал, как ты их называла, — буркнул Даэман. — Но кто они?

Старуха вздохнула:

— Если я начну объяснять одно, то придется объяснять и остальное. Вы, элои, очень многого не знаете. Да почти ничего.

— Можешь для начала объяснить, отчего называешь нас элоями, — холодно произнес Харман.

— Думаю, поначалу это было оскорбительное прозвище, — сказала Сейви. Блеснула молния, озарив морщины на ее лице, однако гроза ушла уже довольно далеко, и гром докатился с большим опозданием. — Хотя, честно говоря, до вас я называла так мой собственный народ.

— Что значит это слово? — спросил Харман.

— Это термин из очень старой истории в очень старой книге. О человеке, который отправился в далекое будущее и обнаружил, что человечество эволюционировало в две расы: изнеженные, ленивые, живущие на солнце элои и уродливые трудолюбивые морлоки с развитой технологией, которые прячутся в темных подземных пещерах. В старой книге морлоки обеспечивали элоев одеждой, кровом и едой, пока те не нагуляют жирок, а затем морлоки их съедали.

Где-то за полем блеснула слабая молния.

— Так устроен наш мир? — спросил Даэман. — Мы элои, а войниксы и калибаны — морлоки? Они нас едят?

— Если бы все было так просто. — Сейви коротко, невесело хохотнула.

— Кто такие калибаны? — спросил Харман.

Вместо ответа старуха сказала:

— Даэман, покажи Харману фокус с ладонью.

— Э-э-э… Ближнюю или дальнюю сеть?

— Дорогуша, мы пока еще не заблудились, — ехидно ответила старуха. — Конечно дальнюю.

Даэман поморщился, однако исполнил просьбу. Он велел Харману думать о трех синих квадратах в центре трех красных кругов, и внезапно у каж-

дого над ладонью возник голубой овал.

— Подумай о ком-нибудь, — со странным чувством произнес Даэман. Он еще никого ничему не учил, если не считать сексуальных практик.

— О ком угодно, — добавил он. — Просто визуализируй его.

Харман глянул с сомнением, но все же сосредоточился. В его овале появился вид Ардиса сверху, затем схематический план Ардис-Холла. На переднем крыльце стояла условная женская фигурка в окружении условных мужчин и женщин.

— Ада, — сказал Даэман. — Ты думал о ней.

— Невероятно. — Харман мгновение смотрел на картинку. — Теперь я визуализирую Одиссея.

Изображение сдвинулось, отдалилось, снова сдвинулось, но никто так и не появился.

— По словам Сейви, Одиссея нет в дальней сети, — сказал Даэман. — Но вернись к Аде. Посмотри, где она.

Харман нахмурился, но сосредоточился. Стилизованная девушка была в поле ярдах в ста позади Ардис-Холла. Десятки фигурок сидели вокруг пустоты. Ада подошла к толпе.

Даэман наклонился ближе.

— Интересно, что там творится. Если пустое

место — Одиссей, то, судя по всему, старый варвар обращается к толпе.

— И Ада его слушает либо наблюдает его представление. — Харман поднял взгляд от овала. — Какое отношение это имеет к моему вопросу, Сейви? Кто такие калибаны? Почему войниксы хотели нас убить? Что происходит?

— За несколько веков до финального факса, — сказала она, складывая руки на груди, — постлюди стали чересчур умными. У них была впечатляющая наука. Они сбежали с Земли на кольца во время ужасающей эпидемии рубикона, но по-прежнему были хозяевами Земли. Они воображали себя хозяевами вселенной.

Посты оборудовали планету ограниченной формой энергоинформационной передачи и восстановления, которую вы называете факсом, и занялись экспериментами — точнее, играми — с путешествиями во времени, квантовой телепортацией и другими опасными вещами. Многое из их забав было предсказано древними учеными начиная с девятнадцатого века — физика черных дыр, теория кротовых нор, квантовая механика, — но главным образом они основывались на открытии двадцатого века, что, в сущности, все является информацией. Данные. Сознание.

Материя. Энергия. Все — информация.

— Не понимаю, — сказал Харман. Голос его прозвучал сердито.

— Даэман, ты показал Харману функцию дальней сети. Почему ты не показал ему всеобщую?

— Всеобщую? — обеспокоенно повторил Даэман.

— Ну да, четыре синих треугольника над тремя красными кругами над четырьмя зелеными треугольниками.

— Нет! — воскликнул Даэман. Он мысленно отменил свою ладонную функцию. Голубое сияние погасло.

Сейви посмотрела на Хармана:

— Если хочешь хотя бы отчасти понять, почему мы сегодня здесь, почему постлюди навсегда покинули Землю, почему вокруг калибаны и войниксы, вообрази четыре синих треугольника над тремя красными кругами над четырьмя зелеными треугольниками. С опытом это станет легче.

Харман нервно глянул на Даэмана, потом закрыл глаза и сосредоточился.

Даэман сосредоточился на том, чтобы *не* увидеть эти фигуры. Он заставлял себя вспомнить обнаженную Аду-подростка, вспомнить свою последнюю ночь с женщиной, вспомнить, как

мать его ругает…

— Боже мой! — воскликнул Харман.

Даэман глянул на него. Харман вскочил из кресла и поворачивался, изумленно открыв рот.

— Что ты видишь? — тихо спросила Сейви. — Что слышишь?

— Боже… Боже… — простонал Харман. — Я… Господи… Все… Все… Энергия. Звезды поют… Кукурузные стебли перешептываются между собой и с землей… Я вижу… краулер кишит маленькими микробами, они постоянно чинят его, охлаждают… Я вижу… Господи, моя рука! — Он с восхищенным ужасом разглядывал собственную руку.

— Хватит на первый раз, — вмешалась Сейви. — Подумай: «Отменить».

— Не… сейчас… — Харман доковылял до прозрачной стены и уперся в стекло руками, будто пытался выйти. — Как это… красиво. Я могу, я почти…

— Отменить! — рявкнула Сейви.

Харман заморгал, привалился к стеклу и повернул к ним бледное ошалелое лицо.

— Что это было? — проговорил он. — Я видел… все. Слышал… *все*.

— И ничего не понял, — отрезала Сейви. — Впро-

чем, я во всеобщей сети тоже мало что понимаю. Возможно, даже постлюди не понимали всего.

Харман доковылял до кресла и рухнул на сиденье.

— Откуда… как?

— Тысячи лет назад, — начала Сейви, — у настоящих людей старого образца была примитивная информационная экология, которую они называли «интернет». Со временем они решили приручить интернет и создали нечто, получившее имя Кислород, — не газ, а искусственный разум, который пребывал в интернете и над ним, направлял его, упорядочивал, снабжал метками, ориентировал людей в нем, когда они разыскивали других людей либо информацию.

— Ближняя сеть? — спросил Даэман. Руки у него дрожали, а ведь он даже не входил сегодня в дальнюю или всеобщую сети.

Сейви кивнула:

— Ее предшественник. Со временем Кислород развился в ноосферу, логосферу, планетарную инфосферу. Однако постлюдям этого было мало. Они соединили этот супер-интернет с биосферой, живыми компонентами Земли. С каждым растением, животным, каждым эргом энергии на планете. В сочетании с ноосферой это породило

всеобъемлющую информационную экологию, нечто вроде разумной омнисферы, которой не доставало лишь самосознания и личности. Постлюди по дурости наделили ее этим самосознанием — не просто создали главенствующий искусственный разум, но и позволили ему эволюционировать в личность. Сверхноосфера выбрала себе имя Просперо. Это что-нибудь вам говорит?

Даэман глянул на Хармана, но тот, хоть и умел читать книги, мотнул головой.

— Не важно, — сказала Сейви. — И вот у постлюдей появился… противник… с которым им было не справиться. И это еще не все. Постлюди пользовались и другими саморазвивающимися программами, разрешали своим квантовым компьютерам преследовать собственные цели. Как ни трудно поверить, они сумели получить стабильные кротовые норы и стали перебрасывать людей старого образца — как подопытных кроликов, ибо не желали рисковать своими бессмертными жизнями — через пространственно-временные ворота с помощью квантовой телепортации.

— Какое отношение это имеет к калибанам? — не сдавался Харман. Он, судя по виду, все еще пытался прогнать из головы видения всеобщей

сети.

Старуха улыбнулась:

— Просперо то ли начисто лишен чувства юмора, то ли у него чрезвычайно развитая ирония. Разумную биосферу он окрестил Ариэлем, как некоего духа Земли. Ариэль и Просперо вместе создали калибанов, вывели новую породу людей — не старообразных, не постов, не элоев, а это чудовище, которое вы вчера видели на кресте.

— Зачем? — с трудом выдавил Даэман.

Сейви пожала плечами:

— Солдаты, полицейские. Просперо — миролюбивая личность. По крайней мере, ему нравится так думать. А калибаны — чудовища. Убийцы.

— Зачем? — вырвалось на сей раз у Хармана.

— Чтобы остановить войниксов. Выгнать постлюдей с Земли, пока они не натворили еще бед. Осуществлять все, что две точки ноосферной троицы — Просперо и Ариэль — пожелают.

Даэман пытался это понять, но не смог и наконец спросил:

— Почему он висел на кресте?

— Не на кресте, а внутри, — ответила Сейви. — Это зарядное устройство.

Харман был так бледен, что Даэман подумал, уж не заболел ли он.

— Для чего постлюди создали войниксов? — спросил Харман.

— Они не создавали войниксов, — ответила Сейви. — Войниксы явились из какого-то другого места, служат кому-то еще, и цели у них свои.

— Я всегда считал их машинами, — сказал Даэман. — Вроде сервиторов.

— Ты заблуждался.

Харман глядел во тьму. Дождь перестал, гроза ушла за горизонт. Меж клочьями облаков зажигались первые звезды.

— Калибаны не пускают войниксов в Бассейн, — сказал он.

— Они в том числе, — согласилась Сейви тоном учительницы, обнаружившей, что один из ее учеников не полный дебил.

— Но почему калибаны нас не убили? — спросил Харман.

— Наша ДНК, — сказала Сейви.

— Наша что? — переспросил Даэман.

— Не важно, мои милые. Довольно сказать, что я отстригла у вас по клочку волос и это, вместе с моей прядкой, спасло нам жизнь. Видите ли, мы с Ариэлем заключили сделку. Он нас пропустит, а я взамен обещала спасти душу Земли.

— Ты встречалась с Ариэлем? — спросил Хар-

ман.

— Не то чтобы встречалась, — ответила Сейви, — но мы поболтали через ноосферно-биосферный интерфейс. И заключили сделку.

Даэман понял, что старуха точно безумна. Он глянул на Хармана и увидел в его глазах ту же убежденность.

— Не важно. — Старуха взбила рюкзак, как подушку, легла и закрыла глаза. — Поспите, ребятки. К утру вы должны быть как огурчики. Если повезет, завтра полетим вверх, вверх, вверх на орбитальный слой.

Она уснула и захрапела еще раньше, чем Харман с Даэманом очередной раз встревоженно переглянулись.

37. Илион и Олимп

И вдруг выясняется, что я не могу. Кишка тонка, бессердечия не хватает, а может быть — смелости. Я не могу похитить Гекторова сына, даже ради спасения Трои. Даже для спасения самого малыша. Даже для спасения своей жизни.

Я квитировался в большой дом Гектора еще до рассвета. Позапрошлым вечером, в обличье ныне обезглавленного копейщика Долона, я сопровождал Гектора, когда тот искал в доме жену и сына. Поскольку мне известно расположение комнат, я квитировался прямиком в детскую, которая примыкает к спальне Андромахи. Младенец, которому нет и года, лежит в резной колыбели, над ним натянута сетка от насекомых. Рядом спит на ложе нянька — та, что была с Гектором и Андромахой на укреплениях, когда мальчик так испугался отражения в отцовском шлеме. Она тоже крепко спит, ее тонкое, просвечивающее одеяние ниспадает сложными, как на рисунках Обри Бёрдслея, складками. Даже ночная одежда подпоясана на греческий и троянский манер под самой грудью, и видно, какой большой и белый у

нее бюст, озаренный светом от треножников на террасе, где стоят стражники. Я и раньше догадывался, что она — кормилица. Это существенно, поскольку замысел требует похитить ребенка *вместе* с кормилицей, оставив Андромаху в доме — после того, как ей явится «Афродита» и скажет, будто дитя украдено богами в отместку за неведомые грехи троянцев и если Гектор желает снова увидеть сына, пусть приходит за ним на Олимп, и все в таком роде.

Первым делом надо схватить ребенка, потом няньку. Подозреваю, что она гораздо сильнее меня и, без сомнения, лучше дерется, поэтому, если потребуется, я оглушу ее тазером, хотя мне этого не хочется. Затем я должен быстренько квитироваться с ними обоими на холм с быстро растущим населением в древней Индиане, отыскать Найтенгельзера (что делать с Патроклом, я еще не решил) и убедить схолиаста приглядеть за ребенком и нянькой до моего возвращения.

Сможет ли Найтенгельзер пасти троянскую няньку дни, недели, месяцы, пока все не закончится? В схватке мужчины-античника из двадцатого века и троянской кормилицы тысяча двухсотого года до нашей эры я бы поставил на кормилицу. Впрочем, это уже головная боль

Найтенгельзера. Мое дело — убедить Гектора, что тот *должен* сразиться с богами, и лучший довод посапывает передо мной в колыбельке.

Маленький Скамандрий, получивший от жителей Илиона ласковое прозвище Астианакт, Владыка города, начинает тихонько хныкать во сне и потирает кулачками раскрасневшиеся щечки. Даже под защитой Аидова Шлема я застываю и гляжу на кормилицу. Та по-прежнему спит, но первый же детский крик почти наверняка ее разбудит.

Сам не зная зачем, я снимаю Аидов Шлем и становлюсь видимым для себя. Больше меня увидеть некому, кроме двух жертв, а они через несколько секунд будут за десять тысяч миль отсюда и не смогут сообщить мои приметы троянской полиции.

Я подхожу на цыпочках и убираю сетку от насекомых. Налетевший с далекого моря бриз треплет занавески на террасах и колышет более легкую ткань над колыбелью. Малыш молча распахивает голубые глаза и смотрит прямо на меня. И улыбается мне, своему похитителю, хотя я думал, что младенцы боятся чужих, тем более чужих в своей спальне посреди ночи. Впрочем, что я вообще знаю о детях? У нас со Сьюзен их не

было, а студенты, которых я учил много лет, были частично или плохо оформившиеся взрослые — долговязые, нескладные, лохматые, неуклюжие в общении, придурковатые с виду. Я бы даже не мог уверенно сказать, что младенцы до года умеют улыбаться.

Однако Скамандрий улыбается мне. Еще миг — и он поднимет рев, мне придется схватить его, схватить кормилицу и квитироваться отсюда нафиг. Могу ли я квитировать с собой еще двоих? Ладно, скоро узнаю. Затем я должен вернуться и за три минуты оставшегося в браслете заряда похитить облик Афродиты и предъявить Андромахе ультиматум.

Что с ней будет? Закатит ли она истерику? Будет ли рыдать? Сомневаюсь. За недавние годы Ахиллес убил ее отца и семерых братьев, ее мать стала добычей Ахиллеса, а затем умерла, рожая ребенка своего насильника, враги разграбили и осквернили родной дом Андромахи. Она не просто выжила, но и дала жизнь здоровому ребенку. И теперь она каждый день провожает Гектора на битву, зная в душе, что рок его предрешен жестокой волей богов. О, это вовсе не слабая женщина. Даже в обличье Афродиты мне лучше приглядывать за рукавами Андромахи, нет ли

там кинжала, чтобы ответить богине на известие о похищении.

Я тянусь к младенцу. Пальцы с грязными ногтями уже в дюйме от розовой кожи — и тут я отдергиваю их прочь.

Не могу.

Ошарашенный собственным бессилием перед лицом рока — общего рока, ибо даже грекам их победа принесет одни лишь несчастья, — я выхожу из детской, не удосужившись даже натянуть Шлем Аида.

Я кладу руку на квит-медальон, но медлю. Куда теперь? Как бы ни повел себя Ахиллес, это уже не имеет значения. Он не сумеет захватить Олимп в одиночку и даже с помощью ахейцев, если троянцы по-прежнему будут с ними воевать. Так что вся пьеса, разыгранная перед мужеубийцей, была пустым и нелепым фарсом. Гектор и его орды могут разбить ахейцев сегодня же утром, покуда Ахиллес рвет на себе волосы и рыдает от горя по якобы убитому другу. Сейчас Ахиллесу не до троянцев. А когда таинственный незнакомец, которого Фетида обещала прислать, дабы отвести его к Гектору и показать дорогу на Олимп, не явится, он поймет, что его обманули. Потом настоящая Афина посетит Ахиллеса и заверит

быстроногого мужеубийцу в своей невиновности, и возможно — возможно, — «Илиада» еще вернется в свою колею.

Не важно.

С идиотским планом покончено. С Томасом Хокенберри, доктором филологии, — тоже. Пора говорить о нем в прошедшем времени.

Но что делать, пока разгневанная Муза или пробужденная Афродита меня не разыскали? Навестить Найтенгельзера и обозленного Патрокла? Проверить, как быстро боги отыщут мой квантовый след, как только поймут, что я натворил… пытался натворить?

Нет. Это значило бы погубить Найтенгельзера. Пусть останется в Индиане тысяча двухсотого года до нашей эры и заведет детишек с индейскими красавицами, возможно, откроет университет и будет преподавать древнюю литературу — хотя бóльшая часть событий, изображенных в древней литературе, еще не произошла. И удачи ему с Патроклом! У меня нет ни малейшего желания снова вырубать Менетида тазером и тащить в шатер к Ахиллесу. «С первым апреля! — сказал бы я в моем трехминутном образе Афины. — Вот твой друг, Ахиллес. Ты же не обиделся?»

Нет, пусть остаются в Индиане.

Куда отправиться? На Олимп? А что там? Муза уже доведена до белого каления… Зевс с его очами-радарами… И мокрая Афродита вылезает из бака… нет, точно не на Олимп.

Остается единственное место. Вообразив его, я быстро поворачиваю диск медальона. Пока не передумал.

Я так и не надел Шлем Аида. Елена сразу видит меня в мягком мерцании свечей. Она приподнимается на локте и спрашивает:

— Хок-эн-беа-уиии?

Я стою в ее спальне и молчу. Зачем я здесь? Не знаю. Если она вызовет стражу или даже подойдет ко мне с кинжалом, я не буду сопротивляться, не стану даже квитироваться отсюда — слишком устал. Мне не приходит в голову задуматься, отчего ее спальня озарена свечами в половине пятого утра.

Елена подходит ко мне, но без кинжала. Я и забыл, как прекрасна Елена Аргивская. По сравнению с ней грудастая кормилица Скамандрия — просто неуклюжая толстуха.

— Хок-эн-беа-уиии? — сладко тянет она мою труднопроизносимую для греческих губ фамилию. Я почти плачу от мысли, что она единственная на Земле — не считая Найтенгельзера,

который, возможно, уже умер, — кто может меня так назвать. — Ты ранен, Хок-эн-беа-уиии?

— Ранен? — выдавливаю я. — Нет, не ранен.

Елена ведет меня в купальню, примыкающую к спальному покою. Здесь я впервые ее увидел. Тут тоже горят свечи, ванна наполнена водой, и я вижу свое отражение. Колючие щеки, красные глаза, осунувшееся лицо. Сколько же я не спал? Теперь и не вспомнишь.

— Сядь, — говорит Елена, и я бессильно опускаюсь на мраморный край купальни. — Зачем ты пришел, Хок-эн-беа-уиии?

— Я пытался найти точку опоры, — с трудом произношу я и рассказываю все: бессмысленный спектакль с Ахиллесом, похищение Патрокла, мой план повести героев на битву с богами, чтобы спасти… всех и вся.

— Но ты не убил Патрокла? — спрашивает Елена, пристально глядя на меня черными глазами.

— Нет. Я просто унес его… в другое место.

— С помощью божественного способа перемещаться, — говорит Елена.

— Да.

— Но ты не похитил Астианакта, сына Гектора?

Я молча киваю.

Елена задумывается. Как может она поверить моим объяснениям? Кто я для нее вообще? Зачем она подружилась со мной тогда («подружилась» — эвфемизм для долгой ночи любви) и что сделает со мной сейчас?

Словно отвечая на последний вопрос, Елена с мрачным видом выходит из купальни. Я слышу, как она в коридоре выкликает имена. Сейчас сюда ворвутся стражники. Я тянусь к тяжелому квит-медальону.

Рука бессильно падает. Мне больше некуда идти.

В тазере еще остался заряд, однако я не берусь за оружие. Елена возвращается, с ней еще несколько человек. Не охранников — служанок. Рабынь.

Минутой позже они раздевают меня, складывают мои грязные вещи у стены, а другие девушки приносят высокие сосуды с горячей водой для ванны. Я позволяю снять с себя морфобраслет, однако крепко держу квит-медальон. Мочить его нельзя, но я хочу, чтобы он был под рукой.

— Омойся, Хок-эн-беа-уиии, — говорит Елена Прекрасная. В руках у нее короткий бритвенный клинок. — А потом я сама тебя побрею. Вот, выпей. Это поднимет твой дух и восстановит силы.

Она протягивает мне кубок с густым зельем.

— Что это?

— Любимый напиток Нестора, — смеется Елена. — Или был любимым, когда старый болван навещал моего супруга, Менелая. Помогает при упадке сил.

Я принюхиваюсь, чувствуя, что веду себя невежливо.

— Что тут намешано?

— Вино, тертый сыр и ячменная мука, — говорит Елена и, взяв мои руки в свои, поднимает кубок ближе к моим губам; на фоне моей грязной загорелой кожи ее пальцы кажутся очень белыми. — И еще я добавила меда. Для сладости.

— Как Цирцея, — глупо ухмыляюсь я.

— Кто, Хок-эн-беа-уиии?

Я трясу головой:

— Не важно. Это из «Одиссеи». Нешу… нешуще… несущественно.

Выпиваю залпом. Зелье ударяет по мозгам, словно копыто миссурийского мула. Я лениво размышляю о том, есть ли мулы в Миссури тысяча двухсотого года до нашей эры.

Молодые рабыни раздели меня донага, заставив подняться, чтобы снять хитон и нижнее белье. Даже смутиться сил нет. Я слишком устал, а от напитка в голове гудит.

— Искупайся, Хок-эн-беа-уиии, — говорит Елена и за руку сводит меня в глубокую дымящуюся ванну. — Я буду брить тебя в ванне.

Вода такая горячая, что я съеживаюсь, как ребенок, и опускаюсь медленно, боясь обжечь мошонку. Однако я слишком устал, чтобы противиться гравитации. Когда я наконец откидываюсь на наклонную мраморную спинку ванны, служанки намыливают мои щетинистые щеки. Мне даже не страшно, что Елена водит острым лезвием так близко к моей сонной артерии и глазам. Я ей доверяю.

Напиток старого Нестора дает о себе знать. Тело наполняется силой. Решив, что, если Елена предложит мне постель, я определенно попрошу ее разделить со мной оставшийся до рассвета час, я на мгновение закрываю глаза. Всего на несколько секунд.

Когда я пробуждаюсь, яркие лучи солнца пробиваются через узкие окошки под потолком. Я вымыт, выбрит и даже надушен. А еще я лежу на холодном каменном полу в пустой комнате, а не на кровати Елены. И я голый — совершенно голый, даже квит-медальона не видать. Осознание втекает в мой мозг медленно, точно ленивая струйка в дырявое ведро. Я замечаю, что привя-

зан множеством ремней к железным кольцам в стене и полу. Запястья связаны над головой, и от них кожаные путы тянутся к стене. Ноги раздвинуты, ремни от лодыжек закреплены на кольцах в полу.

Положение и ситуация могли бы смутить и встревожить, даже будь я один. Но я не один. На меня глядят сверху вниз пять женщин. Без улыбок. Я дергаю руками, машинально пытаясь прикрыть срам, но ремни короткие, и я не могу опустить руки даже до плеч. Ремни на лодыжках не дают свести ноги. Теперь я вижу, что у всех женщин в руках кинжалы. Некоторые настолько длинные, что их можно назвать мечами.

Женщины мне знакомы. Посредине, рядом с Еленой, стоит Гекуба — жена Приама, седая, но все еще привлекательная мать Гектора и Париса. Подле Гекубы — Лаодика, ее дочь и жена воина Геликаона. Слева от Елены Феано, дочь Киссея, жена троянского конника Антенора и, что, возможно, существеннее в моей ситуации, главная илионская жрица Афины. Вряд ли Феано рада будет услышать, что простой смертный присвоил себе наружность и голос богини, которой она служит всю жизнь. Я гляжу на мрачное лицо Феано и догадываюсь, что она уже в курсе.

Последняя из собравшихся — Андромаха, женщина, младенца которой я собирался выкрасть в Индиану. Лицо у нее еще суровей, чем у других, а пальцы нетерпеливо постукивают по лежащему на ладони бритвенно-острому кинжалу.

Елена садится подле меня на низкое ложе:

— Хок-эн-беа-уиии, ты должен рассказать им все, что рассказал мне. Кто ты такой. Почему следил за нами. Каковы боги и что ты сделал этой ночью.

— Ты развяжешь меня? — Язык ворочается с трудом. Она меня чем-то опоила.

— Нет. Говори сейчас. И только правду. Феано получила от Афины дар различать истину и ложь, даже когда слышит такой жуткий варварский акцент, как у тебя. Говори. Ничего не утаивай.

Я не тороплюсь исполнять приказание. Может быть, самое безопасное — держать рот на замке.

Феано встает на одно колено рядом со мной. У этой прелестной молодой женщины глаза такие же бледно-серые, как у ее богини. Кинжал у нее короткий, широкий, обоюдоострый и очень холодный. Про то, что он холодный, я знаю, потому что она только что подвела его под мои яички и приподняла их, как порцию мяса на серебряном столовом ноже. Острие прокалывает чувстви-

тельную промежность до крови. Я удерживаюсь от крика, однако тело напрягается, пытаясь отпрянуть.

— Начинай. И не вздумай врать, — шепчет верховная жрица Афины. — После первой лжи я скормлю тебе твое левое яйцо. После второй — правое. После третьей я скормлю моим псам, что останется.

Что ж, ладно, я рассказываю все. Кто я. Как боги оживили меня и сделали схолиастом. Мои впечатления от Олимпа. Мой мятеж против Музы, покушение на Афродиту и Ареса, мой план обратить Ахиллеса и Гектора против богов… всё. Клинок не шевелится. Острие не убирается. Металл все такой же холодный.

— Ты принял облик Афины? — шепчет Феано. — Разве это под силу смертному?

— Нет. Это под силу моему снаряжению. Было.

Я закрываю глаза и стискиваю зубы, ожидая, что сейчас… жих… чирк…

Елена говорит:

— Скажи Гекубе, Лаодике, Феано и Андромахе, как ты видишь наше близкое будущее. Наши судьбы.

— Он не провидец, — вмешивается Гекуба. — Боги не могли наградить такого особым даром.

Он дикарь. Послушайте, как он говорит. Вар-вар-вар-вар.

— Он сам признает, что прибыл издалека, — говорит Елена. — Если он и варвар, то не виноват в этом. Выслушай его, благородная дщерь Диманта. Говори, Хок-эн-беа-уиии.

Я облизываю губы. Взор у Феано прозрачно-серый, как воды Северного моря. Взгляд религиозного фанатика или эсэсовца. У Гекубы глаза темные и не такие умные, как у Елены. У Лаодики глаза затуманены, у Андромахи горят яростью и опасной силой.

— Что вы хотите услышать? — спрашиваю я.

Все, что я могу сказать, будет касаться их города, их мужей и детей. Их самих.

— Всю правду. Все, что ты знаешь.

На этот раз я медлю лишь мгновение, стараясь не думать о феминистском лезвии Феано, прижатом к моей мошонке.

— Это не видение будущего, — говорю я, — а скорее мое воспоминание о песне, составленной в вашем будущем, которое для меня прошлое.

Им ничего из этого не понять. Гадая, разбирают ли они мой варварский акцент — акцент? я всегда считал, что говорю на древнегреческом без акцента, — я рассказываю им про грядущие дни

и месяцы.

Я рисую перед ними картину падения Трои: улицы, залитые кровью, пылающие здания… Я говорю Гекубе, что ее мужа Приама убьют у ног статуи Зевса в домашнем храме. Рассказываю Андромахе, что Ахиллес убьет Гектора и никто из троянцев не осмелится выйти на помощь своему защитнику, что Ахиллес протащит тело ее мужа за колесницей вокруг городской стены, а потом в ахейский лагерь, где воины будут на него мочиться, а греческие псы — рвать его мясо. Затем я говорю, что всего через несколько недель ее сына Скамандрия сбросят с городской стены, так что детский мозг расплещется по острым камням. Я говорю Андромахе, что на этом ее страдания не кончатся, ибо ее горький удел — жить рабыней на греческих островах и до конца дней прислуживать тем, кто убил Гектора, спалил ее город и сгубил ее сына. Что она до конца дней будет слушать их шутки и молча сидеть в уголке, когда стареющие ахейские герои будут вспоминать славные дни насилия и грабежа.

Я описываю Лаодике и Феано, как обесчестят Кассандру и тысячи других троянских женщин и девушек. И как тысячи других предпочтут такому позору смерть от меча. Рассказываю Феано,

как Одиссей с Диомедом выкрадут священный палладий из тайного храма Афины, чтобы позже вернуться с мечом и осквернить и разрушить святилище. Говорю жрице, прижавшей нож к моим яичкам, что Афина ничего, ровным счетом ничего не сделает, дабы прекратить поругание и разбой.

Я повторяю для Елены подробности гибели Париса и ее последующего рабства в доме бывшего мужа Менелая.

И наконец, рассказав все, что знаю из «Илиады», я повторяю: мне неизвестно, исполнятся ли эти пророчества, но за девять лет моего пребывания здесь почти все шло так, как описано в поэме. Затем я умолкаю. Можно было бы поведать им о странствиях Одиссея, о гибели Агамемнона сразу по возвращении на родину или даже изложить содержание «Энеиды» Вергилия, где говорится об основании Рима как конечном триумфе Трои, но их это уже не заинтересует.

Ни одна из пяти женщин не плачет. Ни одна из пяти не изменилась в лице с тех пор, как я начал зловещие прорицания.

Выжатый как лимон, я закрываю глаза и жду своей участи.

Мне позволяют одеться: служанки Елены

приносят чистый хитон и свежее белье. Елена предъявляет мое снаряжение — квит-медальон, тазерный жезл, Шлем Аида и морфобраслет — и спрашивает, эти ли вещи дают «взятую у богов силу». Я думаю, не соврать ли (сильнее всего мне недостает сейчас Аидова Шлема), но в конце концов рассказываю о назначении каждого предмета.

— Сработают ли они для любой из нас? — спрашивает Елена.

Тут я задумываюсь, потому что и впрямь не знаю. Тазеры и морфобраслеты вполне могут быть настроены на отпечатки пальцев — для страховки на случай, если кто-нибудь из нас падет на поле боя и они попадут в руки греков или троянцев. Никто из нас, схолиастов, о таком не спрашивал. Шлем Аида почти наверняка будет работать для любого, поскольку он краденый. Елена возвращает мне лишь противоударные доспехи, вплетенные в плащ и кожаную нагрудную броню, остальные бесценные дары богов складывает в расшитую узорами сумку. Четыре женщины кивают, и мы уходим.

Мы — пять женщин и я — покидаем дом Елены и по утренним улицам идем в храм Афины.

— Что дальше? — спрашиваю я.

Мы торопливо шагаем по оживленным улицам и проулкам — пять угрюмых женщин в черных одеяниях, похожих на мусульманские бурнусы двадцатого века, и один испуганный мужчина. Я поглядываю на крыши домов, ожидая, что любую минуту над ними появится колесница Музы.

— Тсс! — шипит Елена. — Поговорим, когда Феано окутает нас тишиной, чтобы даже боги не услышали.

Перед входом в храм Феано достает черное одеяние и заставляет меня его надеть. Теперь мы почти не отличаемся: шесть жриц входят в заднюю дверь и шагают по пустым коридорам, только у одной из шести на ногах боевые сандалии.

В храме я впервые, и вид главного зала через открытые двери не разочаровывает. Это огромное помещение, в полутьме горят подвесные жаровни и вотивные свечи. Ощущение как в католической церкви — запах ладана и тишина, в которой угасает даже эхо. Только вместо католического алтаря и статуи Мадонны с Младенцем здесь высится исполинское изображение Афины. Футов тридцать ростом, не меньше. Богиня высечена из белого мрамора, но ярко раскрашена: алый рот, румяные щеки, розовая кожа. Серые

глаза, судя по виду, выложены перламутром. Пояс сияет лазуритом. Нагрудная броня сделана из бронзы с золотой насечкой, а вот замысловатый щит — целиком из золота. В руке у статуи сорокафутовое бронзовое копье. Я замираю у входа. Здесь, прямо у божественных сандалий Афины, Аякс настигнет и обесчестит Кассандру, дочь Приама.

Елена возвращается, хватает меня за руку и силой увлекает вперед. Возможно, я единственный мужчина, переступивший порог храма Афины в Илионе. Я вроде читал, что палладий и святилище охраняют одни лишь молодые девственницы. Или нет? Я смотрю на суровую Феано и прибавляю ход. Феано не девственница, она супруга воинственного Антенора, да и самой ей палец в рот не клади.

Я вслед за женщинами спускаюсь по сумрачной лестнице в широкий подвал, освещенный лишь несколькими свечами. Феано оглядывается, отодвигает завесу, достает из одежды причудливой формы ключ и вставляет его в ровную с виду стену. Каменная плита поворачивается. За нею крутая, освещенная факелами лестница. Мы идем по ступеням вслед за Феано.

Коридор под подвалом ведет в четыре комна-

ты. Меня загоняют в последнюю, маленькую по меркам храма, чуть больше, чем двадцать на двадцать футов. Здесь нет ничего, кроме четырех медных треножников, которые чуть теплятся по углам, деревянного стола в центре и маленькой (фута четыре в высоту), грубоватой статуи Афины.

— Это настоящий палладий, Хок-эн-беа-уиии, — шепчет Елена, указывая взглядом на главную святыню Илиона — упавшее с неба каменное изваяние, знак благоволения Афины. Согласно древней легенде, если палладий похитят, Троя падет.

Феано и Гекуба смотрят на Елену, и та умолкает. Моя бывшая любовница (ладно, моя бывшая подружка на одну ночь) выкладывает на стол содержимое вышитой сумки, и мы все садимся на деревянные табуреты. Перед нами Шлем Аида, морфобраслет, тазерный жезл и квит-медальон. Только медальон выглядит ценной вещицей. Мимо всего остального я бы на гаражной распродаже прошел, даже не глянув.

Гекуба обращается к Елене:

— Скажи этому… человеку… мы должны проверить его историю. Пусть докажет, что эти игрушки имеют подлинную силу.

Мать Париса и Гектора берет морфобраслет.

Я уверен, что она не сможет его активировать, и все же с языка срывается:

— Тут заряда на пару минут, не балуйтесь с ним, пожалуйста.

Старуха уничтожает меня едким взглядом. Лаодика берет со стола тазер и вертит его в бледных руках.

— Этим оружием ты оглушил Патрокла? — спрашивает она. До сих пор Лаодика молчала.

— Да.

— Как оно действует?

Показываю ей три точки, объясняю, где нажать и что повернуть, чтобы активировать жезл. Я уверен, что тазер рассчитан только на мои прикосновения. Разумеется, боги должны были предусмотреть, что жезл может попасть в чужие руки, хотя, конечно, включение двойным щелчком и поворотом тоже довольно надежная защита. Я начинаю объяснять Лаодике и другим, что оружие богов работает лишь в моих руках.

Лаодика направляет жезл мне в грудь и еще раз нажимает пальцем.

Раз, когда мы со Сьюзен гуляли по округу Браун в Индиане и шли по лугу, в десяти шагах от меня ударила молния. Я упал, ослеп и еще несколько

минут был в полубессознательном состоянии. Потом мы со Сьюзен над этим смеялись — какова вероятность такого случая, — но при одном воспоминании у меня пересыхало во рту.

Так вот, удар тазера гораздо хуже.

Чувство, будто меня ударили в грудь раскаленной кочергой. Я падаю с табурета на каменный пол, дергаюсь, как эпилептик, и теряю сознание.

Когда я прихожу в себя, все тело ноет, в ушах звенит, голова раскалывается. Четыре женщины, не обращая на меня внимания, пристально глядят в пустой угол.

Четыре женщины? Было вроде пять. Я сажусь и трясу головой. Зрение слегка проясняется. *Андромаха исчезла.* Может, побежала за целителем. Может, женщины решили, что я умер.

Внезапно Андромаха появляется из ничего там, куда смотрели остальные. Жена Гектора снимает капюшон и держит его в руках.

— Шлем Смерти работает, как и говорилось в преданиях, — сообщает Андромаха. — Почему боги доверили столь ценный дар вот такому?

Она кивает в мою сторону и кладет кожано-металлический капюшон на стол.

Феано держит квит-медальон.

— Мы не можем разобраться с этим. Покажи.

В голове такой кавардак, что до меня не сразу доходит, к кому она обращается.

— Почему? — Я встаю на ноги и опираюсь на стол. — Почему я должен вам помогать?

Елена обходит стол и накрывает своей ладонью мою. Я отдергиваю руку.

— Хок-эн-беа-уиии, — нежно воркует она. — Разве ты не знаешь, что боги послали тебя к нам?

— О чем ты? — Я обвожу взглядом комнату.

— Нет, боги нас здесь не услышат, — говорит Елена. — Стены комнаты выложены свинцом. Боги не видят и не слышат через свинец. Это известно уже много веков.

Я снова озираюсь. Что за черт. Хотя почему бы и нет? Рентгеновский взгляд Супермена тоже не проникал сквозь свинец. Но зачем создавать богонепроницаемый подвал под храмом Афины?

Андромаха подходит ближе ко мне.

— Друг Елены, Хок-эн-беа-уиии, мы — женщины Трои и Елена — много лет пытаемся прекратить эту войну. Однако мужчины — Ахиллес, аргивяне, наши троянские мужья и отцы — сильнее нас. Они признают лишь власть Олимпа. Теперь боги услышали наши тайные молитвы и прислали тебя в качестве орудия. С твоей помощью мы изменим ход событий, спасем не только себя и

своих детей, но и человеческий род — избавим его от ига жестоких и своенравных богов.

Я качаю головой и смеюсь:

— Мадам, ваша логика немного подкачала. С какой стати боги пришлют вам орудие, если ваша цель — свергнуть богов? Концы-то с концами не сходятся!

Пятеро троянских женщин смотрят на меня, а Елена говорит:

— Есть множество богов на этом свете, что и не снились вашим мудрецам.

Секунду я гляжу на нее, потом решаю, что это совпадение. Или мне послышалось. Все-таки голова еще гудит, грудь побаливает и мышцы ноют после вызванной тазером судороги.

— Отдайте орудия, — на пробу говорю я.

Женщины придвигают мне Шлем Аида, тазерный жезл, морфобраслет и квит-медальон. Я беру тазер и как бы невзначай направляю на них.

— Так что вы там задумали? — спрашиваю я.

— Мой муж не поверил бы мне, скажи я, что Афродита взяла Скамандрия и его няньку в заложники, — говорит Андромаха. — Гектор служил богам всю свою жизнь. Он не самовлюбленный мужеубийца Ахиллес. Гектор решил бы, что боги его испытывают. Если только Афродита или

кто-нибудь из богов не убили бы нашего сына на глазах у свидетелей, на глазах у самого Гектора. Вот тогда его гнев не знал бы границ. Почему ты не убил моего сына?

Я теряю дар речи, и Андромаха отвечает за меня:

— Ты сентиментальный идиот. Ты сказал, что Скамандрия сбросят на камни, если ты не изменишь планы богов.

— Да.

— И отказался убить ребенка, который уже обречен, хотя от этого зависел весь твой план покончить с войной и выиграть свою битву с богами. Ты слюнтяй, Хок-эн-беа-уиии.

— Да.

Гекуба жестом предлагает сесть, но я остаюсь на ногах, не выпуская тазера.

— Как вы хотите покончить с войной? — спрашиваю я, хотя мне почти страшно задавать этот вопрос.

Неужели Андромаха убьет собственного ребенка? Я смотрю ей в глаза, и мне становится еще страшнее.

— Мы тебе расскажем, — говорит престарелая царица Гекуба, — но прежде докажи, что две последние божественные игрушки тоже дей-

ствуют.

Она указывает на медальон и морфобраслет.

Опасливо косясь на женщин, я надеваю браслет. Индикатор предупреждает, что в запасе меньше трех минут. Я сканирую Гекубу, затем включаю функцию морфирования.

Настоящая Гекуба исчезает, а я захватываю ее волну вероятности.

— Теперь верите? — спрашиваю я голосом Гекубы. Поднимаю руку — руку Гекубы — и показываю морфобраслет. Потом извлекаю из складок ее одеяния тазер. Оставшиеся четыре женщины, включая Елену, ахают и отшатываются в таком ужасе, словно я зарубил почтенную старицу коротким мечом. Возможно, даже в большем ужасе — смерть от меча они все видели слишком часто.

Я принимаю прежний облик, и Гекуба возникает на своей стороне комнаты. Она моргает, хотя я знаю, что для нее эти секунды просто выпали. Пять женщин принимаются быстро и бессвязно лопотать. Я смотрю на виртуальный индикатор браслета. Еще две минуты и тридцать восемь секунд.

Я надеваю на шею квит-медальон. По крайней мере, у него вроде нет ограничения по времени.

— Хотите, чтобы я квитировался отсюда и вернулся, чтобы показать — это тоже работает?

— Нет, — говорит опомнившаяся Гекуба. — Все наши планы — наши и твои — зависят от того, можешь ли ты незаметно пробраться на Олимп. Можешь ли ты взять кого-нибудь из нас?

Я опять не спешу с ответом. Наконец решаюсь:

— Да, но Шлем Аида скрывает лишь одного человека. Второго все увидят.

— Тогда принеси доказательство, что ты был там, — говорит Гекуба.

Я поднимаю руки ладонями вверх:

— Какое? Ночной горшок Зевса?

Женщины снова шарахаются, словно услышали непристойность. Я вспоминаю, что — по вполне понятным причинам — кощунство не считается здесь за шутку, не то что в мое время, в конце двадцатого века. Их боги — настоящие и карают за оскорбления. Я гляжу на стены в надежде, что свинец и впрямь скрывает нас от олимпийцев. Не из-за шутки про ночной горшок, а потому, что мы замышляем богоубийство.

— Когда я была с Афродитой на суде богов, — тихо говорит Елена, — я видела, как богиня расчесывает свои пышные волосы чудесным серебряным гребнем тончайшей божественной

работы. Отправься в ее чертоги на Олимпе и принеси его.

Я начинаю напоминать о том, что уже говорил — что Афродита сейчас в целительном баке, — но понимаю, что это ничего не меняет. Гребень сейчас не с ней.

— Хорошо. — Я сжимаю медальон и натягиваю Шлем Аида. — Не уходите без меня.

Капюшон я надел раньше, чем включил медальон, так что мои последние слова донеслись до женщин из пустоты.

Я не знаю, где именно личные покои Афродиты, — возможно, ей принадлежит какой-нибудь из белых домов-храмов у кратерного озера. Однако в тот раз, когда она чуть меня не соблазнила, когда сказала, что я должен убить Афину, Муза доставила меня к Афродите в помещение рядом с Великим чертогом богов. Если там и не личные покои Афродиты, то по крайней мере ее холостяцкая квартирка.

Я квитируюсь в Великий чертог — и у меня захватывает дух.

Чертог почти пуст и темен, голографический пруд не показывает ничего, кроме трехмерных помех. Однако некоторые боги здесь. Как ни странно, Зевс тоже, хотя я думал, он на Иде,

наблюдает за резней на Илионской равнине. Царь богов восседает на золотом троне; рядом несколько богов-мужчин, в том числе Аполлон. Все они ростом по десять футов, если не больше. Я в сорока футах от них и под защитой Аидова Шлема, но все равно чуть не квитируюсь прочь из страха, что они услышат мое дыхание. Однако они заняты другим.

Перед троном, там, куда устремлены взгляды богов, на пересечении всеобщих пристальных взглядов, громоздится нечто, мягко выражаясь, несообразное со здешней обстановкой. Огромный, искореженный и покрытый выбоинами металлический панцирь величиной с корпус «форда-экспедишн», два футуристических устройства и маленький блестящий гуманоидный робот. Робот говорит — по-английски. Боги слушают, но вид у них не радостный.

38. Атлантида и орбита Земли

— Я не понимаю, отчего постлюди назвали место, куда мы едем, Атлантидой, — сказал Харман.

Сейви, управлявшая краулером, ответила:

— Я тоже не понимаю бóльшую часть их действий.

Даэман медленно дожевал свою треть последнего питательного батончика и спросил:

— А что странного в названии «Атлантида»?

— На картах Потерянной Эпохи Атлантический океан — это крупный водоем к западу отсюда, за Руками Геркулеса, — сказал Харман. — Мы в бассейне, который раньше был Средиземным морем. Это не Атлантика.

— Правда?

— Да.

— И что? — спросил Даэман.

Харман пожал плечами и умолк, однако заговорила Сейви:

— Возможно, это очередной каприз постов. Однако мне вроде бы помнится, что некий писатель, живший до Потерянной Эпохи, Платон, рассказывал о городе или королевстве Атлантида

в этих краях, когда тут еще была вода.

— Платон, — задумчиво повторил Харман. — Я встречал упоминания о нем в книгах. И еще там была картинка. Собака.

Сейви кивнула:

— Смысл иконографии Потерянной Эпохи по большей части безнадежно утрачен.

— Что такое собака? — спросил Даэман, прихлебывая воду из бутылки. Треть питательного батончика не утолила его голод, но другой еды в краулере не было.

— Мелкое млекопитающее, прежде широко распространенное. Их держали как домашних животных, — ответила Сейви. — Не знаю, почему посты позволили им вымереть. Возможно, вирус рубикон поражал и собак.

— Вроде лошадей? — спросил Даэман. До последнего времени он считал огромных страшных животных из туринской драмы чистой выдумкой.

— Поменьше и более мохнатые, чем лошади, — сказала Сейви. — Но тоже вымерли.

— Почему посты возродили динозавров, — Даэмана передернуло, — а не туринских лошадей и этих вот собак?

— Как я уже говорила, поведение постлюдей

часто необъяснимо.

Они проснулись вскоре после рассвета и весь день ехали на север-северо-запад по бурой глинистой дороге между полями, где росли все известные Даэману культурные растения и много неизвестных. Дважды путь преграждали мелкие реки и один раз — сухой пермобетоновый канал. Все их краулер легко преодолевал на исполинских колесах и шарнирных опорах.

В полях работали сервиторы, и это обыденное зрелище успокаивало Даэмана, пока он не сообразил, что многие сервиторы очень большие. Некоторые имели двенадцать-пятнадцать футов в высоту и футов шесть-восемь в ширину, много больше, чем привычные ему машины. И чем дальше краулер углублялся в Бассейн, тем менее знакомыми выглядели и поля, и сервиторы.

Краулер ехал между зелеными стенами того, что Сейви назвала сахарным тростником, с хрустом ломая поросль по обе стороны узкой дороги, когда Харман заметил в полях зеленовато-серых гуманоидов. Они скользили так ловко и быстро, что не задевали тесно растущий тростник и мелькали между стеблями, словно призраки.

— Калибаны, — сказала Сейви. — Не думаю, что они нападут.

— Вчера ты вроде говорила, что условилась насчет этого, — сказал Даэман. — Ну, дэнка-штучки из волос, которые ты отрезала у меня и Хармана.

Старуха улыбнулась:

— Заключая сделку с Ариэлем, ничего не знаешь наверняка. Однако я подозреваю, если бы калибаны собирались нас остановить, они бы сделали это прошлой ночью.

— А разве защитное поле вокруг кабины их бы не остановило? — спросил Даэман.

Старуха пожала плечами:

— Калибаны гораздо умнее войниксов. Они могли бы застать нас врасплох.

Даэман содрогнулся и стал смотреть в поля, где изредка мелькали бледные фигурки. Краулер, оставив позади сахарный тростник, взбирался на холм. Дорога шла через озимую пшеницу — невысокую, дюймов пятнадцать-шестнадцать. Под западным ветром все поле шло рябью. Калибаны, не меньше дюжины по обеим сторонам дороги, вышли из тростника позади краулера и помчались по пшенице, держась на расстоянии ярдов шестьдесят. На открытом месте они побежали на всех четырех.

— Не нравятся они мне, — сказал Даэман.

— Вероятно, Калибан понравился бы тебе еще

меньше, — сказала Сейви.

— Я думал, это и есть калибаны, — сказал Даэман. Старуха все время сбивалась на какой-то бред.

Сейви улыбнулась, провела краулер через пучок из шести труб, качающих что-то с востока на запад или с запада на восток.

— Говорят, все калибаны клонированы от одного Калибана. Третьего элемента троицы Гайи: Ариэль, Просперо, Калибан.

— «Говорят», — передразнил Даэман. — У тебя все сплошь сплетни. Ты хоть что-нибудь знаешь сама? Все эти старые истории — ерунда.

— Некоторые — да, — согласилась Сейви. — И хотя я прожила более полутора тысяч лет, это не значит, что я все это время была тут. Поэтому я вынуждена полагаться на книги и чужие слова.

— Что значит «не все время была тут»? — заинтересованно спросил Харман.

Сейви невесело рассмеялась:

— Я лучше вас, элои, нанооборудована для восстановления. Однако никто не живет вечно. Или даже тысячу четыреста лет. Бóльшую часть срока я, как Дракула, спала в криокамерах вроде тех, что вы видели на мосту Золотых Ворот. Время от времени я выглядывала, пыталась разузнать,

что к чему, искала способ вернуть друзей, заключенных в голубой луч. Затем возвращалась в холодильник.

Харман подался вперед:

— И сколько лет ты… бодрствовала?

— Менее трехсот, — ответила Сейви. — Этого вполне достаточно, чтобы утомить тело. И разум. И душу.

— Кто такой Дракула? — спросил Даэман.

Сейви, не отвечая, продолжала вести вездеход на север-северо-запад.

Старуха сказала им, что от места, где они въехали в Бассейн из земли, которую она назвала Израилем (Даэман никогда не слышал этого слова), до их цели примерно триста миль. Однако сочетание «триста миль» мало значило для Хармана и ничего не значило для Даэмана. Поездка на запряженной войниксом одноколке или в дрожках не бывала длиннее мили-двух. На большие расстояния Даэман факсировал. Как все нормальные люди.

И все равно они покрыли половину этого расстояния к полудню, но дальше бурая глинистая дорога кончилась, местность стала пересеченной, и краулер теперь двигался гораздо медленнее, иногда делая крюк в много миль, прежде чем

вернуться к прежнему курсу. Сейви держала этот курс при помощи маленького инструмента из рюкзака, часто сверяясь с помятой, нарисованной от руки картой.

— Почему ты не пользуешься ладонной функцией? — спросил Даэман.

— Дальняя и всеобщая сеть в Бассейне работают, а ближняя — нет, — пояснила старуха. — И места, куда мы едем, нет в сетевой базе данных. Я пользуюсь картой и древним устройством под названием «компас». Он работает.

— А как? — спросил Харман.

— Магия, — ответила Сейви.

Даэмана ответ вполне удовлетворил.

Они продолжали ехать вниз, Бассейн оставался позади и над ними. Ровные ряды посевов уступили место глыбовым полям и буеракам с редкими рощицами бамбука или высокого папоротника. Калибаны больше на глаза не показывались, но с началом пересеченной местности пошел дождь, так что они могли скрываться за стеной падающей воды.

На пути попадались странные артефакты — корпуса бесчисленных погибших кораблей из дерева и стали, лес покосившихся ионических колонн, древние пластмассовые предметы,

блестящие в серых наносах, кости морских обитателей и несколько громадных проржавевших емкостей, которые Сейви назвала субмаринами.

Чуть позже дождь перестал, и все трое увидели на северо-востоке столовую гору с плоской зеленой вершиной, обрамленную крутыми обрывами.

— Нам туда? — спросил Даэман.

— Нет, это Кипр, — сказала Сейви. — Во вторник исполнится тысяча четыреста восемьдесят два года с тех пор, как я утратила девственность на его пляже.

Даэман украдкой переглянулся с Харманом, однако оба благоразумно смолчали.

Ближе к вечеру местность стала более низинной, болотистой. По сторонам бурой глинистой дороги вновь потянулись возделанные поля. На них работали необычной формы сервиторы, но ни один не глянул на краулер, вперевалку колесящий мимо. У большинства сервиторов, похоже, не было глаз.

Однажды путь преградила река по меньшей мере в двести ярдов шириной. Сейви задвинула щель, перекрыв свежий воздух, которым они дышали до этого, убедилась, что силовое поле активировано, и направила вездеход вниз с бе-

рега. Река оказалась глубокой — футов сорок в фарватере, — и даже прожекторы краулера едва пронзали мутную воду. Течение было сильнее, чем Даэман мог вообразить у такой широкой и глубокой реки, и громадную машину сносило вбок, так что Сейви потратила немало усилий, прежде чем вывела ее на нужный курс. Даэман догадывался, что имей краулер колеса чуть поменьше, мотор послабее или не столь гибкие опоры, его бы увлекло на запад.

Когда они выбрались на северный берег, оставляя за собой тридцатифутовый хвост грязи и хлещущей с опор воды, Харман заметил:

— Не знал, что краулеры ездят под водой.

— Я тоже, — ответила Сейви, вновь беря курс на север-северо-запад.

Первым энергетическое устройство заметил Харман. Конструкт мерцал и колыхался в тридцати ярдах от глинистой дороги, на открытом месте за бамбуковой рощей. Сейви остановила машину, чтобы они могли подойти и посмотреть вблизи. Даэману не улыбалось вылезать из кабины, хотя они уже несколько часов не видели ни одного калибана, однако Харман выразил желание пойти, а Даэману не хотелось оставаться в сфере одному, так что он вслед за Харманом и Сейви спустился

по лесенке и побрел через поле к сияющему объекту. После стольких часов сидения идти было странно.

Первый энергетический конструкт был маленький (примерно двадцать футов в длину, восемь или десять в высоту), желтовато-оранжевый с подвижными зелеными прожилками. От этого сплюснутого шара сверху, снизу и по бокам отходили ложноножки, которые раздувались, обретали собственную форму и втягивались обратно. Все это парило в четырех футах над землей. Даэман наотрез отказался подходить ближе чем на двадцать шагов, даже когда Сейви и Харман уже стояли под конструктом.

— Что это? — спросил Харман. Его голова и плечи на целую минуту исчезли за медленно перетекающей формой.

— Мы в предместье Атлантиды, — сказала Сейви, — хотя дотуда около шестидесяти миль. Посты возводили свои наземные станции из этого материала.

— Что за материал? — Харман протянул руку к желтому овоиду. — Можно потрогать?

— Некоторые бьют током, хотя и не смертельно. Попробуй. Твоя рука не расплавится.

Харман коснулся светящейся поверхности, и

его ладонь исчезла внутри. Он проворно выдернул руку; желтые пузырьки закапали с пальцев и поплыли по воздуху обратно к большому шару.

— Холодно, — сказал Харман. — Очень холодно.

Он сжал пальцы и поморщился.

— В сущности, это одна большая молекула, — сказала Сейви. — Хоть я и не понимаю, как такое возможно.

— Что такое молекула? — крикнул Даэман.

Когда рука Хармана исчезла, он отступил на несколько шагов, так что теперь ему пришлось повысить голос. Еще он постоянно оборачивался. У Сейви был на поясе пистолет, но близость бамбуковой рощи внушала Даэману опасения. Уже немного стемнело.

— Молекулы — это маленькие элементы, из которых состоит все на свете, — сказала Сейви. — Их нельзя увидеть без специальных линз.

— Эту я прекрасно вижу, — сказал Даэман.

Ему подумалось, что порой говорить с Сейви — все равно что с маленьким ребенком. Впрочем, Даэман редко общался с маленькими детьми.

Они вернулись к краулеру. Алый закатный свет дробился на стекле кабины и вспыхивал на высоких шарнирных опорах. Далеко на востоке,

там, где высилась гора Кипр, зажглись золотом верхушки слоисто-кучевых облаков.

— Почти вся Атлантида состоит из макромолекулярной замороженной энергии, — говорила старуха. — Это часть той квантовой ерунды, которую обожали постлюди. Реальная материя смешана с чем-то, что ученые Потерянной Эпохи называли «экзотической материей», но я не знаю пропорции или как это работает. Знаю одно: это сделало их города — станции — чем-то вроде оборотней, фазирующих из квантовой реальности и обратно.

— Не понял, — сказал Харман, опередив Даэмана.

— Скоро сами увидите. Город откроется нам вон с того гребня на горизонте. К тому времени как раз стемнеет.

Они забрались в краулер и заняли свои места, однако, прежде чем Сейви стронула машину с места, Харман сказал:

— Ты бывала здесь раньше.

Это было утверждение, не вопрос.

— Да.

— Но ты говорила, что никогда не бывала на орбитальных кольцах. За этим ты и ездила сюда раньше?

— Да. Я до сих пор уверена, что ключ к освобождению моих друзей из нейтринного луча лежит там.

Сейви запрокинула голову к э- и п-кольцам, горящим в сумеречном небе.

— Но прежде у тебя ничего не получилось, — сказал Харман. — Почему?

Сейви повернулась в кресле и посмотрела на него:

— Я расскажу, почему у меня не получилось, если ты расскажешь, зачем хочешь туда попасть. Зачем ты потратил годы, ища способ добраться до колец.

Минуту они смотрели друг на друга, потом Харман отвел глаза.

— Мне любопытно, — сказал он.

— Нет, — отрезала Сейви. Она ждала.

Он снова поглядел на нее, и Даэман подумал, что ни разу не видел на его лице столько чувств.

— Ты права, — буркнул Харман. — Это не праздный интерес. Я хочу отыскать лазарет.

— Чтобы жить дольше, — тихо произнесла Сейви.

Харман сжал кулаки:

— Да. Чтобы жить дольше. Чтобы остаться в живых после сраной Последней Двадцатки. Пото-

му что я жаден до жизни. Потому что хочу, чтобы Ада родила мне ребенка, и хочу быть рядом, когда он растет, хотя отцы такого не делают. Потому что я жадная сволочь — жадная до жизни. Теперь довольна?

— Да. — Сейви глянула на Даэмана. — А ты зачем отправился в эту экспедицию, Даэман-ур?

Тот пожал плечами:

— Я бы свалил домой в ту же секунду, будь поблизости факс-портал.

— Здесь их нет. Извини.

Даэман пропустил насмешку мимо ушей.

— Зачем ты взяла нас собой, старуха? Дорогу ты знаешь, знала, где найти вездеход. Зачем тебе мы?

— Справедливый вопрос. Последний раз я добиралась до Атлантиды пешком. С севера. Полтора столетия назад. Я взяла с собой двух элоев — простите за обидное слово, — двух девушек. Вот их и впрямь вело любопытство.

— И что случилось потом? — спросил Харман.

— Они погибли.

— Отчего? — спросил Даэман. — Калибаны?

— Нет. Калибаны убили и съели моих предыдущих спутников, мужчину и женщину, примерно три века назад. Тогда я не знала, как связаться с

биосферой-Ариэлем, и не знала про ДНК.

— А почему всегда по трое? — спросил Харман.

Даэман счел вопрос странным. Он собирался разузнать подробности о погибших спутниках Сейви. Имеет ли она в виду, что они умерли *совсем*? Или только до лазарета?

Сейви рассмеялась:

— Ты задаешь хорошие вопросы, Харман-ур! Скоро увидишь. Увидишь, почему я приходила с двумя спутниками после первого одиночного визита в Атлантиду более тысячи лет назад. И не только в Атлантиду, но и на некоторые другие станции. В Гималаях. На острове Пасхи. Одна даже на южном полюсе. *Вот это* были походы так походы, поскольку ни к одной нельзя подлететь на соньере ближе чем на триста миль.

Даэман уже не слушал. Он хотел больше знать про убивание и съедание.

— Но ты не нашла никакого космического корабля, челнока, чтобы попасть наверх? — сказал Харман. — После всех попыток?

— Нет никаких космических кораблей, — ответила Сейви.

Она активировала виртуальную панель управления и поехала на север-северо-запад. Багровый закат разливался уже вполнеба.

Город постлюдей раскинулся на мили высохшего морского дна. Светящиеся энергетические башни взмывали и опускались на тысячи футов. Краулер катил мимо энергетических обелисков, парящих шаров, красных энергетических лестниц в никуда, голубых пандусов, которые то появлялись, то исчезали, синих пирамид, складывающихся внутрь себя, исполинских зеленых торов, которые двигались по пульсирующим желтым стержням, и бесчисленных цветных кубов и конусов.

Когда Сейви остановилась и открыла сдвижную дверцу, даже Харман не сразу решился выйти. Сейви велела им надеть термоскины, затем вытащила из ящика в краулере три осмотические маски.

Снаружи было почти темно; к вращающимся орбитальным кольцам на лилово-черном небосклоне уже присоединились звезды. Сияние энергетического города озаряло пересохшее дно и поля на пять миль вокруг. Сейви повела спутников к алой лестнице и дальше вверх. Макромолекулярные ступени удерживали их вес, хотя Даэману и казалось, будто он идет по исполинским губкам.

В ста футах над морским дном лестница за-

кончилась площадкой из темного металла, не отражающего свет. Посередине квадратной платформы стояло три древних по виду деревянных кресла с высокими спинками и мягкими красными сиденьями. Кресла стояли на расстоянии футов десять одно от другого вокруг черной дыры в черной платформе и были развернуты наружу.

— Садитесь, — велела Сейви.

— Это шутка? — сказал Даэман.

Сейви мотнула головой и села в кресло, обращенное к западу. Харман занял другое кресло. Даэман обошел платформу и вернулся к пустому сиденью.

— Что будет дальше? — спросил он. — Мы должны здесь чего-нибудь ждать?

Он глянул на высокую желтую башню, торчащую рядом на сотни футов вверх, — сейчас она перестраивалась в прямоугольное желтое облако.

— Сядь и узнаешь, — ответила Сейви.

Даэман с опаской подчинился. Спинка и подлокотники были украшены затейливой резьбой. На левом подлокотнике имелся белый кружок, на правом — красный. Даэман не тронул ни одного.

— Когда я досчитаю до трех, — сказала Сейви, — нажмите белую кнопку. Это слева, на случай если

у тебя цветовая слепота, Даэман.

— Нет у меня цветовой слепоты, черт возьми!

— Отлично, — сказала старуха. — Раз, два…

— Минутку, минутку! — воскликнул Даэман. — Что со мной будет, если я нажму белый кружок?

— Абсолютно ничего, — ответила Сейви. — Однако нажимать надо одновременно. Это я узнала, когда приходила сюда одна. Готовы? Раз, два, три!

Они все нажали на белые кружки.

Даэман выпрыгнул из кресла, добежал до края черной платформы и затем красной платформы в тридцати шагах дальше, прежде чем обернулся. Выброс энергии позади его кресла был оглушительным.

— Черт! — заорал он, однако двое в креслах его не слышали.

Он подумал, что это молния. Слепящая вспышка чистой энергии, примерно в ярд шириной, била из черной платформы в центре треугольника кресел и уходила в небеса. Выше… выше… пока не стала невозможной, раскаленной добела дугой, которая изгибалась к западу, так что конец пропадал из виду, но сама дуга была видима и тоже двигалась, как будто молния соединяется с…

Нет, она и впрямь соединялась. Даэману стало

так страшно, что он чуть не наложил в штаны. Соединялась с движущимся э-кольцом в милях наверху. С одной из звезд, одним из огоньков, движущихся в кольце с запада на восток.

— Вернись! — кричала Сейви сквозь треск и рев молнии.

У Даэмана ушло несколько минут, чтобы вернуться — дойти до пустого деревянного кресла, закрывая ладонью глаза. Его тень и тень кресла в дрожащем слепящем свете протянулись на пятьдесят футов по красной и черной крыше. Позже он не мог объяснить, даже себе, как и почему вернулся в кресло и отчего послушался Сейви в следующую минуту.

— На счет «три» жмем красную кнопку! — крикнула она. Ее седые волосы встали дыбом и шевелились, будто короткие змеи. — Раз, два…

Ни за что, твердил про себя Даэман. *Ни за что.*

— Три! — крикнула Сейви и нажала красный круг.

Харман нажал красный круг.

Нет, подумал Даэман, однако изо всех сил нажал на красный круг.

Три кресла взмыли в небо, вращаясь вокруг шипящей, живой нити-молнии, так быстро, что сверхзвуковой хлопок эхом прокатился по мор-

скому дну и краулер содрогнулся на подвеске. Через секунду, меньше чем через секунду, три кресла исчезли в небе, лишь нить чистой белой энергии извивалась и загибалась дугой, несясь к стремительным огонькам на экваториальном орбитальном кольце.

39. Олимп, Илион и снова Олимп

Блестящий робот завораживает меня. Искушение остаться и понять, что происходит, очень велико, однако я не осмелюсь подобраться ближе из страха, бессмертные услышат шаги под этими пустыми сводами. Говорящие — во всяком случае, Зевс и другие боги — переходят на древнегреческий, к которому я привык за девять с лишним лет. До слуха долетают только обрывки:

— …маленькие автоматоны… игрушки… из Великого внутреннего моря… подлежат уничтожению…

Я вспоминаю, зачем я здесь: ради гребня Афродиты. Троянки ждут. Участь сотен тысяч людей, возможно, зависит от меня, поэтому я на цыпочках пячусь от богов и диковинных машин и по длинному коридору добираюсь до анфилады, где несколько дней назад виделся с богиней любви. Неужели всего несколько дней назад? Уж слишком много всего с тех пор произошло.

Эхо божественных голосов по-прежнему рокочет под потолком. С колотящимся сердцем я проскальзываю в холостяцкую квартирку Афро-

диты. Здесь все, как в прошлый раз: помещение без окон, озаренное лишь несколькими треножниками, минимум мебели, ложе и мраморный стол, на котором мягко светится голубой экран. Еще в прошлый раз он напомнил мне монитор компьютера, и я подхожу ближе. Да, так и есть. Голубой четырехугольник парит в дюйме-двух над столешницей, и, хотя на нем нет меню *Microsoft Windows*, на поверхности плавает одинокий белый кружок, словно приглашая нажать его и активировать экран.

Я к нему не прикасаюсь.

Рядом с ложем стоит круглый столик для личных мелочей. Я запомнил его с прошлого раза и надеялся, что гребень будет здесь. Но увы. На столе лежит серебряная пряжка, несколько серебряных цилиндриков — олимпийская губная помада? — и невероятно искусной работы серебряное зеркало лицом вниз. Только гребня нет.

Черт. Я понятия не имею, какое из многочисленных строений на зеленой вершине Олимпа принадлежит Афродите, и точно не стану спрашивать дорогу у богов. Я не сумею выполнить задание Елены. Впрочем, главное — доказать, что я могу махнуть на Олимп и обратно. А время поджимает. Неизвестно, долго ли троянки будут

меня ждать.

Я не глядя хватаю зеркало, ясно представляю перед собой подвал илионского святилища Афины и квитируюсь обратно.

Прошло всего несколько минут, а женщин уже не пять, а семь. При моем появлении все пятятся к стене, а одна дико вскрикивает и закрывает руками лицо. Однако я успеваю увидеть ее лицо. Это Кассандра, самая красивая из Приамовых дочерей.

— Ты принес гребень, Хок-эн-беа-уиии, в доказательство, что можешь посещать Олимп, как боги? — спрашивает Гекуба.

— Мне некогда было его искать, поэтому я взял вот это.

Я протягиваю зеркало ближайшей из них, Лаодике, дочери Гекубы.

Елена говорит:

— Узор на ручке и тыльной стороне действительно похож на тот, что был на богинином гребне, но…

Елена осекается, потому что Лаодика ахает и чуть не роняет зеркало. Его берет жрица Феано, глядится, бледнеет и передает зеркало Андромахе. Жена Гектора смотрит — и заливается краской. Кассандра хватает зеркало, глядится в

него и снова вскрикивает.

Гекуба забирает зеркало и недовольно смотрит на Кассандру. Какая кошка между ними пробежала? Вспомнил: Кассандра, получившая от Аполлона пророческий дар, убеждала Приама убить сына Гекубы Париса сразу после рождения. С детства Кассандра предвидела похищение Елены и войну, которая из-за этого случится. Однако, по легенде, вместе с даром прорицания она получила от Аполлона проклятие: никто не будет ей верить.

Гекуба смотрит на свое отражение, открыв рот.

— В чем дело? — Я начинаю волноваться. Что-то не так с моим трофеем?

Елена берет зеркало у матери Гектора и протягивает мне:

— Видишь, Хок-эн-беа-уиии?

Заглядываю. Да, отражение какое-то… странное. Вроде бы я и в то же время нет. Нос меньше, чем на самом деле, взгляд смелее, зубы белее, подбородок более мужественный…

— Вы все видели то же самое? — спрашиваю я. — Идеализированное отражение себя?

— Да, — говорит Елена. — Зеркало Афродиты показывает только красоту. Мы увидели себя богинями.

Я не могу вообразить Елену прекраснее, чем она есть, однако киваю и трогаю зеркало. Это не стекло. Поверхность на ощупь мягкая, упругая, немного похожа на ЖК-экран ноутбука. Может, так оно и есть; может, в серебряной оправе спрятаны мощные микрочипы и автоматические видеоредакторы на основе алгоритмов симметрии, идеализированных пропорций и прочих элементов того, что воспринимается как человеческая красота.

— Позволь представить тебе, Хок-эн-беа-уи-ии, еще двоих. Мы позвали их, дабы испытать твои слова. Младшая — Кассандра, дочь Приама. Старшая — Герофила, «возлюбленная Герой», старейшая из сивилл и жрица Аполлона Сминфея. Это она много лет назад растолковала Гекубе ее сон.

— Какой сон? — спрашиваю я.

Нарочито не глядя на Кассандру и Герофилу, Гекуба говорит:

— Когда я носила во чреве второго сына, Париса, мне приснилось, что я родила горящий факел, от которого Илион вспыхнул и сгорел дотла. Дитя обернулось лютой эринией, дочерью Крона, как говорят одни, или Форкия, как утверждают другие, или Аида и Персефоны, как уверяют тре-

тьи, хотя, скорее всего, правы те, кто называет ее порождением гибельной Ночи. Эта огненная эриния не имела крыльев, но походила на гарпию. Ее дыхание пахло серой, из глаз струилась ядовитая слюна, а голос напоминал мычание перепуганных коров. На поясе у нее был многохвостый бич, усаженный медными бляшками, в одной руке она держала факел, в другой — змею. Эриния эта вышла из преисподней отомстить за любые проступки против матерей, и при ее появлении все илионские псы залаяли, будто бы от сильной боли.

— Ничего себе сон, — говорю я.

— Мне открылось, что эринией станет младенец, которого позже назовут Парисом, — произносит старая карга по имени Герофила. — Кассандра тоже это видела и посоветовала убить ребенка, как только он выйдет из материнского чрева. — Жрица бросает на Гекубу испепеляющий взгляд. — Нас не послушали.

Елена встает между женщинами.

— У каждой из нас, Хок-эн-беа-уиии, были видения о пожаре Трои. Однако мы не знаем, что из этого кошмары, порожденные нашим страхом за себя, детей и мужей, а что — дарованное богами прозрение. Так мы будем судить и твои речи.

Кассандра задаст тебе несколько вопросов.

Я поворачиваюсь и смотрю на младшую пророчицу. Это анорексичная блондинка, и при этом она ошеломляюще красива. Ногти у нее обкусаны до крови, пальцы все время дергаются и сплетаются, вокруг глаз — багровые круги. Она не может стоять неподвижно. Мне вспоминаются фотографии голливудских старлеток, проходящих лечение от кокаиновой зависимости.

— В моих видениях не было тебя, хилый мужчина, — говорит Кассандра.

Я пропускаю оскорбление мимо ушей.

— Но я спрошу тебя кое о чем, — продолжает она. — Однажды Агамемнон и Клитемнестра приснились мне в образе огромного царственного быка и коровы. Что говорит тебе этот сон, о пророк?

— Я не пророк. Ваше будущее — просто мое прошлое. Но ты видела Агамемнона в образе быка, потому что его зарежут, как быка, после возвращения в Микены.

— В его дворце?

— Нет, — говорю я, чувствуя себя на устном экзамене в Гамильтоновском колледже, моей альма-матер. — Агамемнон погибнет в доме Эгисфа.

— От чьей руки? По чьей воле?

— Клитемнестры.

— За что его убьют, о непророк?

— Жена не простит ему принесение в жертву их дочери, Ифигении.

Кассандра по-прежнему смотрит на меня в упор, но еле заметно кивает остальным.

— А что ждет меня, о всевидящий? — ехидно вопрошает она.

— Тебя зверски изнасилуют в этом самом храме, — говорю я.

Женщины как будто перестают дышать, и я гадаю, не зашел ли слишком далеко. Впрочем, эта ведьма хотела услышать истину и получила ее.

У Кассандры вид невозмутимый, даже довольный. Я понимаю, что она видела это изнасилование почти всю жизнь. Никто не слушал ее предостережений. Наверное, ей приятно, что кто-то подтвердил ее видение.

Однако, когда она заговаривает вновь, голос у нее отнюдь не радостный:

— Кто изнасилует меня в этом храме?

— Аякс.

— Большой или Малый? — Кассандра выглядит невротичкой, и все же она невероятно хороша в своей болезненной уязвимости.

— Малый. Аякс — предводитель локров.

— И что я буду делать в этом храме, маленький человек, когда Аякс, предводитель локров, меня настигнет?

— Ты будешь пытаться спасти или спрятать палладий. — Я киваю в сторону маленькой статуи всего в десяти футах от меня.

— Уйдет ли предводитель локров от расплаты, о человек?

— Он утонет по дороге домой, — говорю я. — Его корабль налетит на Гирейские скалы. Большинство ученых считают, что его настиг гнев Афины.

— Она погубит Аякса, предводителя локров, за надругательство надо мной или за осквернение храма? — спрашивает Кассандра.

— Не знаю. Скорее, последнее.

— Кто еще будет в храме, когда Аякс, предводитель локров, совершит надо мной насилие, о человек?

Мне приходится напрячь память.

— Одиссей, — говорю я. В моих словах проскальзывает вопросительная интонация студента, надеющегося, что ответ верный.

— Кто еще, помимо Одиссея, сына Лаэрта, будет видеть, как меня обесчестят в ту ночь?

— Неоптолем, — говорю я наконец.

— Сын Ахиллеса? — с усмешкой вмешивается Феано. — Ему девять лет, и он в Аргосе.

— Нет, — возражаю я. — Ему семнадцать, и он свирепый воин. Его вызовут с острова Скирос после гибели Ахиллеса, и Неоптолем будет вместе с Одиссеем в брюхе огромного деревянного коня.

— Деревянного коня? — переспрашивает Андромаха.

Однако по расширившимся зрачкам Елены, Герофилы и Кассандры мне ясно, что у них у всех были видения этого коня.

— Есть ли у Неоптолема другое имя? — спрашивает Кассандра тоном прокурора.

— Грядущие поколения будут знать его как Пирра. — Я пытаюсь вспомнить подробности из примечаний к Гомеру, киклических поэм, «Киприй» Прокла и, наконец, Пиндара. А я давненько не читал Пиндара. — После войны Неоптолем не вернется в дом Ахиллеса на Скиросе, а высадится в Молоссии, на западном побережье острова, где позже цари нарекут его Пирром и объявят своим предком.

— В ту ночь, когда падет Троя, совершит ли Неоптолем что-либо еще? — пытает Кассандра.

Я смотрю на присяжных: жену Приама, дочь

Приама, мать Скамандрия, жрицу Афины, сивиллу с ее паранормальными способностями. Затем на полуженщину-полуребенка, обреченную видеть грядущее, и на Елену, жену Париса и Менелая. В целом я предпочел бы присяжных О. Джей Симпсона[43].

— Пирр, известный сейчас как Неоптолем, зарежет царя Приама в храме Зевса, — говорю я. — Он сбросит Скамандрия с городской стены, разбив голову младенца о камни. Он же увезет Андромаху в рабство. Это я уже рассказывал другим.

— И скоро наступит эта ночь? — не отстает Кассандра.

— Да.

— Сколько осталось: годы, месяцы, недели? Дни?

— Недели. Или дни.

Я пытаюсь прикинуть, через сколько дней Ахиллес убьет Гектора и Троя падет, если график «Илиады» восстановится. Не так уж много.

— Скажи нам… скажи мне, о человек, какой

---

[43] Примечания: 43

В целом я предпочел бы присяжных О. Джей Симпсона. — Дело чернокожего американского футболиста О. Джей Симпсона было одним из самых затяжных в истории американского судопроизводства. Симпсона обвиняли в убийстве бывшей жены и ее любовника. Хотя против Симпсона было очень много улик, присяжные вынесли оправдательный вердикт из-за множества процессуальных нарушений и недоверия к ДНК-тестам.

будет моя участь после того, как надругаются над Кассандрой и Троей? — почти выкрикивает Кассандра.

Я не решаюсь ответить. Во рту у меня пересохло.

— Твоя участь? — с трудом выговариваю я.

— Моя участь, о человек из будущего, — шипит белокурая красавица. — Обесчещенную или нет, меня ведь не бросят здесь, когда Андромаху повлекут в рабство, а благородной Еленой опять завладеет разгневанный Менелай. Что станется с Кассандрой, о человек?

Я пытаюсь облизнуть губы.

Видит ли она собственную судьбу? Я не знаю, позволяет ли ей дар Аполлона заглянуть дальше падения Трои. Кто-то, кажется поэт-ученый Роберт Грейвс, переводил имя Кассандра как «та, что запутывает людей». Однако на нее же боги наложили проклятье: всегда говорить правду. Я решаю поступить так же.

— Агамемнон пленится твоей красотой. — Мой шепот еле слышен. — Он заберет тебя с собой как… наложницу.

— Родятся ли у меня от него дети до возвращения в Микены?

— Думаю, да.

Мне самому кажется, что я несу что-то несусветное. Гомер перемешался у меня голове с Вергилием, Вергилий с Эсхилом, и все они спутались с Еврипидом. Черт, даже и Шекспир приложил сюда руку.

— Близнецы, — говорю я после паузы. — Теледам и… э… Пелоп.

— А когда я окажусь в Микенах, в царском дворце? — не отстает она.

— Клитемнестра зарубит тебя тем же топором, каким обезглавит мужа. — Голос предательски срывается.

Губы Кассандры трогает улыбка. Недобрая улыбка.

— Кого она убьет сначала: меня или Агамемнона?

— Его.

К черту. Если она в силах это выдержать, то выдержу и я. Тем более что я, возможно, и так уже покойник. Но прежде чем эти дамочки меня прикончат, я уложу тазером столько из них, сколько успею.

— Клитемнестре придется за тобой побегать, и все же она тебя настигнет и обезглавит. И она убьет твоих детей.

Семь женщин долго безмолвно смотрят на ме-

ня. Их лица непроницаемы. Я мысленно говорю себе не играть в покер ни с одной из них. Затем Кассандра говорит:

— Да, этому человеку открыто грядущее. Не знаю, дар богов нам его прозрения и присутствие или уловка, чтобы разоблачить наши козни. Однако мы должны открыть ему нашу тайну. Ибо конец Илиона близок.

Елена кивает:

— Хок-эн-беа-уиии, крути свой медальон и отправляйся в ахейский лагерь. Доставь Ахиллеса к детской в доме Гектора к тому времени, когда сменится стража на городских стенах.

Мысленно прикидываю. Гонг, возвещающий о смене стражи, прозвучит в половине двенадцатого. Еще примерно час.

— А если Ахиллес не захочет со мной идти? — спрашиваю я.

Их взгляды окатывают меня презрением и жалостью в пропорции четыре к трем.

Я квитируюсь отсюда нафиг.

Это, конечно же, глупо и движет мною главным образом страх перед встречей с Ахиллесом, однако во время экзаменовки, которую устроила мне Кассандра, у меня из головы не шел маленький робот с Олимпа. Я и прежде видал там много чуд-

но́го, например огромного насекомообразного Целителя (и это не считая самих богов и богинь). Однако что-то в маленьком роботе меня изумило. Он как будто не принадлежал ни к одному из двух миров, между которыми я метался последние девять с лишним лет. Он был не из Илиона и не с Олимпа. Маленький робот был по виду из моего мира. Моего собственного. Настоящего. Не спрашивайте, с чего я это взял. Я никогда прежде не видел гуманоидных роботов, кроме как в фантастических фильмах.

К тому же, напоминаю я себе, у меня в запасе еще час. Я натягиваю Шлем Аида и квантово телепортируюсь в Великий чертог богов.

Маленький робот и другие устройства, включая огромный панцирь, исчезли, но Зевс еще здесь. И многие другие боги тоже. В том числе Арес, которого я последний раз видел в резервуаре рядом с Афродитой.

Матерь Божия, где сейчас Афродита? Она увидит меня даже в Шлеме-невидимке. Она велела Музе вручить мне Шлем лишь потому, что сама всегда могла меня найти. Вышла ли она тоже из чана? *О черт!*

Зевс восседает на троне, Арес надрывает глотку:

— Безумие царит внизу! Меня не было всего несколько дней, и что же? Вся война коту под хвост! Миром овладел Хаос! Ахиллес убил Агамемнона и принял командование ахейскими ратями. Гектор отступает, хотя по воле великого Зевса победить должны были троянцы!

Агамемнон убит? Ахиллес во главе войска? Оба-на! Мы больше не в «Илиаде», Тотошка[44].

— Владыка Зевс, а что с теми автоматами, которые я тебе принес? С этими… моравеками? — спрашивает Аполлон, и его голос эхом прокатывается в огромном помещении.

Балконы постепенно заполняются бессмертными. Видеопруд в полу показывает картины безумия и убийства в троянских рядах и в аргивском лагере. Однако мой взгляд прикован к огромному седобородому Зевсу на золотом троне. Его руки массивны, словно изваяны Роденом из каррарского мрамора. Я так близко, что вижу седые волосы на голой груди Зевса.

— Успокойся, Аполлон, благородный лучник, — грохочет бог богов. — Я приказал ликвидировать

---

[44] Примечания: 44

Мы больше не в «Илиаде», Тотошка. — Фраза Дороти из диснеевского фильма «Волшебник страны Оз» (1939) «У меня такое чувство, что мы больше не в Канзасе, Тотошка» употребляется в неожиданных и неприятных ситуациях.

моравекские автоматы. Гера их уже уничтожила.

О нет. Может ли быть хуже?

И тут входит Афродита в сопровождении матери Ахиллеса Фетиды и моей Музы.

40. Экваториальное Кольцо

Даэман вопил всю дорогу не переставая.

Сейви с Харманом, наверное, тоже — да наверняка вопили, — однако Даэман слышал только себя. Как только кресла взмыли вертикально вверх и накренились, вращаясь вокруг оси-молнии, так что Даэман оказался лицом вниз на высоте десяти тысяч футов над зеленым Срединземным бассейном, он ощутил две давящие силы: перегрузку и что-то еще, видимо, какое-то защитное поле. Оно не только вжимало его в красные подушки крутящегося кресла, но и стискивало лицо, грудь, рот и легкие.

И все равно Даэман орал.

Три кресла продолжали вращаться против часовой стрелки вокруг толстого столба белой энергии, и внезапно Даэман оказался лицом к звездам и кольцам. Он продолжал вопить, понимая, что кресло будет вращаться дальше и на следующем витке он выпадет, теперь уже с высоты на десять тысяч футов больше.

Он не выпал, но продолжал орать в сторону Земли по мере того, как они поднимались все

выше. Их траектория выпрямилась и шла почти параллельно земной поверхности далеко-далеко внизу. В Средней Азии была ночь, однако тянущиеся на сотни миль кучевые облака подсвечивались изнутри молниями, и на мгновения в просветах жемчужной пелены возникал красный пейзаж. Даэман не знал, что это Средняя Азия. Кресла снова вращались. Он видел звезды, кольца, тонкий слой атмосферы — внизу! — и солнце, которое как будто вставало на западе, зажигая атмосферный слой ярко-алыми и желтыми полосами.

Они оставили позади девяносто девять процентов атмосферы, но Даэман этого не знал. Защитное поле спасало его от перегрузки и сохраняло карман воздуха, что позволяло дышать и вопить. К тому времени, как Даэман понял, что они приближаются к э-кольцу, он вконец охрип.

Кольцо было не таким, каким Даэман его воображал, но он этого не заметил, поскольку был занят другим — стискивал подлокотники и вопил. Даэману думалось, что э- и п-кольца состоят из тысяч сияющих хрустальных дворцов и сквозь стены видно, как внутри постлюди веселятся и занимаются другими постчеловеческими делами. Но все оказалось совсем не так.

Бóльшую часть сияющих объектов, навстречу которым извивающаяся молния стремительно возносила Даэмана и его спутников, составляли конструкции из тросов, балок и длинных прозрачных трубок, похожие больше на антенны, чем на орбитальные дома. На концах некоторых конструкций горели энергетические шары, каждый с пульсирующей черной сферой посередине. На других конструкциях были закреплены колоссальные, в несколько квадратных миль, зеркала, отражавшие либо излучавшие в другие зеркала снопы золотого, лазурного и тускло-белого света. Мерцающие шары и обручи, по виду из той же энергетической и экзотической материи, что в Атлантиде, выстреливали лазерные лучи и пульсирующие импульсы, расходящиеся светящимися конусами частиц. Ни одна сфера либо конструкция не походила на возможное жилье постлюдей.

Земной горизонт изгибался все сильнее, словно медленно натягиваемый лук. Солнце вновь село на западе, и небо взорвалось звездами, которые лишь немного уступали в яркости светящимся конструкциям колец. Далеко внизу — по меньшей мере в сотне миль — Даэман видел озаренные светом колец и звезд снежные горные

цепи. Дальше на западе, у горизонта, блестел океан. Внезапно вращение кресел замедлилось; Даэман вывернул шею и глянул вверх.

Среди нелепых конструкций и зеркал плавала огромная скала, облепленная сияющим городом.

Кресло наклонилось дальше вперед, защитное поле еще сильнее вдавило Даэмана в обивку и прямую спинку сиденья, так что он на секунду перестал вопить и за эту секунду осознал, что змеящийся луч энергии заканчивается именно там — в городе на парящей скале.

Город был не из энергетического вещества, а как будто из стекла, и сотни тысяч стекол светились как будто изнутри. Даэману это напомнило огромный японский фонарь. Как раз когда до него дошло, что их крутящийся треугольник кресел врежется в одну из самых высоких цилиндрических башен на ближайшем краю орбитальной горы, кресло перевернулось и защитное поле вышибло из него дух. От торможения в глазах побагровело, затем потемнело, потом снова побагровело.

Они все равно недостаточно замедлились. Даэман выдавил из горла последний осипший вопль, и они врезались в здание высотой этажей сто.

Не было ни грохота битого стекла, ни роково-

го удара. Стена вогнулась, приняла их в себя и направила в длинную светящуюся воронку, как будто они упали на мягкую желтую резину, а затем воронка выплюнула их в комнату с шестью светящимися белыми стенами. Энергетический луч исчез, кресла разлетелись в разные стороны, защитное поле отключилось.

Даэман последний раз вскрикнул, проехался по жесткому полу, ударился о еще более жесткую стену, рикошетом отлетел к потолку и снова на пол. Дальше он видел только черноту.

Он падал.

Даэман резко очнулся; тело и мозг кричали ему, что он падает. С кресла? На Землю? Даэман открыл было рот, чтобы снова завопить, и тут же закрыл, поняв, что парит в воздухе, Сейви держит его за одну руку, а Харман — за другую.

Парит? Падает! Он заизвивался и задергался, но Сейви и Харман — они тоже парили в белой комнате — качнулись в воздухе вместе с ним, по-прежнему держа его за руки.

— Все в порядке, — сказала Сейви. — Мы в нулевой гравитации.

— В чем? — выдавил Даэман.

— В нулевой гравитации. В невесомости. Вот, надень.

Она протянула ему осмотическую маску, захваченную из кабины вездехода. Кто-то уже натянул ему на лицо термоскиновый капюшон, а умный костюм обволок ему руки перчатками. Руки у Даэмана не слушались, но старуха и старший мужчина помогли ему надеть маску на нос и рот.

— Маски создавались как аварийная регенерационная система на случай пожара и ядовитых газов, — сказала Сейви. — Однако они работают и в вакууме. Несколько часов.

— В вакууме? — переспросил Даэман.

— Города постов утратили тяжесть и бóльшую часть воздуха, — сказал Харман. — Мы уже проходили сквозь стену, пока ты был без сознания. Воздух очень разрежен: плыть можно, дышать нет.

Плыть по воздуху? Уже проходили сквозь стену? — думал Даэман, превозмогая головную боль. *Теперь они оба спятили.*

— Как можно *утратить* тяжесть? — спросил он вслух.

— Думаю, постлюди применяли некое силовое поле, чтобы создать гравитацию на астероиде, — ответила Сейви. — Свое притяжение у него невелико, а город, судя по тому, что я видела сна-

ружи, ориентирован с расчетом на силу тяжести.

Даэман не спросил, что такое астероид. Его это не заботило.

— Можем ли мы вернуться вниз? — спросил Даэман и торопливо прибавил: — В это кресло я больше не сяду.

Сейви улыбнулась под прозрачной маской. Чтобы термоскин (он у нее был персикового цвета) работал более эффективно, она сняла верхнюю одежду, и через костюм, не толще слоя краски, было видно, какое тощее и костлявое у старухи тело. Харман был тоже в одном лишь термоскине, синем. Даэман глянул вниз и понял, что обычную одежду с него сняли, так что через зеленый термоскин видно, какой он пухлый. В термоскине и осмотической маске Даэман слышал чужие голоса через наушники капюшона. И еще он слышал легкое эхо собственного голоса, хрипящего во встроенном микрофоне.

— Кресла в ближайшее время никуда не полетят. — Сейви кивнула на парящие в воздухе красные подушки и обломки дерева.

— Не могу поверить, что посты регулярно путешествовали на кольца таким способом, — сказал Харман.

По легкой дрожи в его голосе Даэман догадался,

что был не одинок в своих страданиях.

— Может, они были любителями американских горок, — сказала Сейви.

— Что… — начал Даэман.

— Не важно, — ответила старуха. Она взяла рюкзак, который весь полет держала на коленях, и сказала: — Ты готов пройти сквозь стену и встретиться с постами?

Пройти сквозь стену оказалось совсем не трудно. У Даэмана было ощущение, будто он протискивается сквозь податливую мембрану или плывет через теплый водопад.

Плывет. Через полчаса это перестало казаться Даэману странным. Сперва он беспорядочно дрыгал руками и ногами и почти не продвигался вперед, зато все время переворачивался через голову, но потом научился толкаться от одного твердого предмета к другому и пролетать футов сто и больше, гребя ногами и чуть-чуть корректируя направление согнутыми ладонями.

Все здания вроде бы соединялись между собой и выглядели освещенными изнутри, но это оказалось иллюзией. Теплый свет, как будто лившийся из окон, излучали сами стекла. Обширные помещения (первое, куда они заглянули, имело триста-четыреста футов в поперечнике и

не меньше тысячи в высоту, с открытыми террасами по трем сторонам) озарялись бледным рыжеватым свечением далеких окон, создавая обманчивое впечатление подводного мира. Это чувство еще усиливали брошенные растения, которые вытянулись футов на сорок-пятьдесят вверх и колыхались на ветерке, будто водоросли.

Даэман ощущал разреженность атмосферы, плывя в остатках воздуха. И хотя термоскин покрывал все тело и сберегал тепло, сквозь молекулярный слой чувствовался леденящий холод. Внутреннюю поверхность стекол покрывала изморозь, и ледяные кристаллики вспыхивали на свету, словно пыль в столбах света из окон готического собора.

Уже через пять минут плавающего блуждания по соединенным между собой зданиям они наткнулись на первые трупы.

Поверхность устилала трава, земные растения, деревья и цветы, каких Даэман на Земле не видел, но все они были мертвые, кроме колышущихся водорослей. Хотя внизу все имело вид парка, открытые балконы на металлических столбах и обеденные террасы, прилепленные к стенам и окнам, показывали, как мало было здешнее тяготение. Постлюди, видимо, могли толкнуть-

ся от «земли» и взмыть на сто футов и больше, до следующей воздушной опоры. На многих платформах сохранились заиндевелые столы, опрокинутые стулья, стоящие в пустоте шпалеры и мягкие ложа.

И трупы.

Сейви, толкнувшись, взлетела из террасу шириной почти сто футов. Когда-то отсюда можно было любоваться тонким водопадом, который сбегал по пермобетоновой стене с балкона четырьмя-пятью сотнями футов выше, но теперь водопад замерз в хрупкое ледяное кружево, а обеденное пространство занимали одни лишь трупы.

Женские. Почему-то только женские, хотя серые предметы больше напоминали мумии, чем кого-либо мужского или женского пола.

Тела почти не разложились, однако холод и разреженный воздух иссушили их за годы, десятилетия или века. Подплыв ближе к первой груде тел — все они парили в невесомости, запутанные в декоративной сетке, отделявшей когда-то обеденное пространство от водопада, — Даэман решил, что не десятилетия, а века прошли с тех пор, как эти женщины дышали, ходили, реяли в условиях тяготения, которое, по словам Сейви, составляло примерно одну десятую от земного, и

смеялись, и занимались… чем уж там занимались постлюди, до того как… до того как что? Глаза у женщин полностью сохранились, только замерзли и затуманились, и Даэман глядел в белесые глаза полудюжины трупов, словно в них можно найти ответ. Затем, прокашлявшись, он сказал в микрофон осмотической маски:

— Как по-вашему, что их убило?

— Я думал о том же, — отозвался Харман, плывя мимо отдельной группы тел. Синева его костюма казалась почти возмутительной в тусклом похоронном свете, на фоне серой кожи покойниц. — Разгерметизация?

— Нет, — ответила Сейви. Ее лицо было всего в дюймах от лица одной из мертвых женщин. — Ни кровоизлияний в глазах, ни следов удушья, барабанные перепонки не лопнули, как случилось бы при резком исчезновении атмосферы. И потом — видите?

Они подлетели ближе. Сейви вложила три обтянутых перчаткой пальца в рваную рану на сморщенной шее трупа. Они ушли до костяшек. Даэман с отвращением толкнулся прочь. На беду, он уже заметил такие же рваные раны на шее, бедрах и грудной клетке других трупов.

— Крысы? — спросил Харман.

— Нет, не думаю, — ответила Сейви, проплывая от трупа к трупу. — И не результат разложения. Вряд ли здесь было много бактерий даже до того, как воздух начал утекать и температура упала. Возможно, у постлюдей не было даже кишечной флоры.

— Тогда что же? — спросил Даэман.

Сейви только покачала головой. Она подплыла к двум телам, застрявшим в креслах на соседней платформе. У этих трупов были большие раны на животе. Клочья одежды колыхались в ледяном разреженном воздухе.

— Кто-то прогрыз им дыру в животе, — прошептала Сейви.

— Кто? — Даэман услышал в наушниках, как глухо прозвучал его голос.

— Думаю, все эти люди — постлюди — умерли от ран, — сказала Сейви. — Кто-то выгрыз им глотки, сердца и внутренности.

— Кто? — повторил Даэман.

Вместо ответа старуха вынула из рюкзака черный пистолет и пришлепнула его к липучей полоске на бедре термоскинового костюма. Она указала туда, где примерно в полумиле впереди изгибалась широкая улица.

— Там что-то движется.

Не оборачиваясь, чтобы проверить, следуют ли мужчины за ней, она толкнулась и поплыла в направлении улицы.

41. Гора Олимп

Когда белокурый бог в летающей колеснице уничтожил воздушный шар и поволок гондолу с путешественниками на Олимп, Манмут подумал, что надо активировать Устройство прямо сейчас.

Однако он не мог добраться до Устройства. Или до передатчика. Или до Орфу. Все его силы уходили на то, чтобы держаться за край гондолы, когда они на скорости почти в один Мах летели к марсианскому вулкану. Не будь Устройство, передатчик и Орфу с Ио привязаны к гондоле каждым метром веревки и проволоки, какой Манмуту удалось добыть, они упали бы с высоты двенадцать километров на плато между самым северным из вулканов Фарсиды — Аскрийским — и морем Тетис.

Бог в машине — который по-прежнему легко держал в руке связанные канаты с тоннами груза, — взмывая все выше и выше, развернулся над морем и теперь подлетал к Олимпу с северной стороны. Хотя короткие ноги Манмута по-прежнему болтались в воздухе, а манипуляторы намертво впились в край гондолы, он должен

был признать, что вид отсюда потрясающий.

Почти вся местность между вулканами Фарсиды и Олимпом была затянута плотными облаками, над которыми торчали лишь плотные массы гор. Маленькое, но яркое встающее солнце золотило облака и океан. Море Тетис так горело золотом, что Манмуту пришлось добавить поляризующие фильтры. Сам Олимп, встающий справа у края океана Тетис, поражал своей колоссальностью; бесконечный ледяной конус завершался невероятно зеленой вершиной с россыпью лазурных озер в кальдере.

Колесница резко пошла вниз. Манмут различил четырехкилометровые обрывы в основании северо-западного квадранта, и хотя обрывы эти были в тени, он видел ниточки дорог и крохотные постройки на полоске пляжа между золотым океаном и подножием горы. Она казалась тоненькой, хотя на самом деле имела ширину две-три мили. Севернее и дальше в море лежал превращенный терраформированием в остров Ликус-Сульци, похожий на обращенную к Олимпу голову ящерицы.

Манмут беззвучно описывал все это Орфу по фокусированному лучу. Иониец за все время отпустил лишь одно замечание:

— Звучит премило, но лучше бы мы совершили эту экскурсию самостоятельно.

Манмут вспомнил, что они здесь не ради красот, и тут богоподобный гуманоид направил колесницу к вершине исполинского вулкана. В трех тысячах километров над заснеженными склонами они прошли сквозь силовое поле — сенсоры Манмута зарегистрировали озоновый шок и разность потенциалов, — затем колесница взяла курс на зеленую вершину.

— Прости, что не заметил колесницу раньше и не совершил маневр уклонения, — сказал Манмут в последнюю минуту до того, как отключить связь перед посадкой.

— Это не твоя вина, — ответил Орфу. — *Deus ex machinas* всегда застают нас, любителей литературы, врасплох.

После посадки бог схватил Манмута за шею и бесцеремонно втащил в самое большое рукотворное помещение, которое маленький моравек видел на своем веку. Другие боги внесли следом Орфу, Устройство и передатчик. Еще боги входили в зал, покуда бог из колесницы описывал Зевсу захват воздушного шара. Манмут уже привык к мысли, что эти существа на колесницах считают себя античными богами, оттого-то и выбрали

Олимп. Голограммы десятков других богов и богинь в нишах подкрепляли его гипотезу. Затем убер-бог (Зевс, как предполагал Манмут) обратился к моравеку на непонятном языке. Манмут ответил по-английски. Седобородые боги и те, что помладше, непонимающе наморщились. Манмут обругал себя за то, что не загрузил в свои базы древний и современный греческий. Когда он впервые отправился на «Смуглой леди» исследовать подводные моря Европы, это как-то не казалось особо нужным.

Манмут перешел на французский. Потом на немецкий. Потом на русский. Потом на японский. Он перебирал свою скромную базу человеческих языков, формулируя одну и ту же фразу: «Я пришел с миром и не желал ничего дурного». Тут Зевс поднял гигантскую руку, приказывая ему замолчать. Боги переговаривались между собой с заметным неудовольствием.

Что происходит? — передал Орфу. Панцирь ионийца был в пяти метрах от Манмута, на полу вместе с двумя другими артефактами, захваченными на гондоле. Боги, по всей видимости, не заподозрили, что в помятом панцире заключено разумное существо, и обходились с Орфу как с предметом. Манмут это предвидел и потому упо-

треблял местоимение «я» вместо «мы». Что бы боги ни решили сделать с ним, Манмутом, остается шанс, что Орфу они не тронут, хотя непонятно, как бедному ионийцу спастись без глаз, ушей, ног и манипуляторов.

Боги говорят, передал Манмут. *Я их не понимаю.*

Повтори несколько их слов.

Манмут беззвучно повторил.

Это версия древнегреческого, сказал Орфу. *В моей базе данных она есть. Я их понимаю.*

Загрузи мне базу, попросил Манмут.

По лучу? Это займет час. У тебя есть час?

Манмут повернул голову. Красавцы-гуманоиды перебрасывались отрывистыми фразами и, казалось, близились к некоему общему решению.

Нет, сказал он.

Пересылай мне все, что слышишь, и будем действовать так: я перевожу, мы согласовываем ответ, и я присылаю тебе нужные фонемы, передал иониец.

В реальном времени?

А у нас есть выбор? — спросил Орфу.

Их пленитель говорил с бородатой фигурой на золотом троне. Манмут передал, что́ слышал, через долю секунды получил перевод, посове-

товался с Орфу и запомнил слоги для ответа на греческом. Метод не показался маленькому моравеку эффективным.

— …маленький автоматон и другие предметы — никчемная добыча, о владыка Зевс, — закончил двухсполовинойметровый белокурый бог.

— Сребролукий Аполлон, не спеши объявлять игрушки бесполезными, пока мы не узнаем, откуда они прибыли и зачем. Уничтоженный тобой воздушный шар не был игрушкой.

— Я тоже не игрушка, — сказал Манмут. — Я пришел с миром и не желаю ничего дурного.

Боги изумленно глянули на него и засовещались вполголоса.

Какого роста эти боги? — спросил Орфу.

Манмут быстро их описал.

Невозможно, ответил иониец. *При двухметровой высоте структура человеческого скелета становится неэффективной, а три метра — полная анатомическая нелепость. Кости голеней не выдержат нагрузки.*

Это марсианская сила тяжести, напомнил Манмут. *Худшая, какую мне доводилось испытывать, но всего лишь треть от земной.*

Так ты думаешь, это боги с Земли? Мне почему-то не верится, разве что…

Извини, передал Манмут. *Я тут слегка занят.*

Зевс хохотнул и чуть подался вперед:

— Значит, маленькая игрушка может говорить на человеческом языке.

— Могу, — ответил Манмут, получив это слово от Орфу. Они не знали, как правильно величать бога богов, царя богов и повелителя вселенной, поэтому решили обойтись без уважительного обращения.

— Целители тоже могут говорить! — буркнул Аполлон, по-прежнему обращаясь к Зевсу. — А думать не могут.

— Я могу говорить и думать, — ответил Манмут.

— Вот как? — сказал Зевс. — Есть ли у говорящего и думающего маленького существа имя?

— Моравек Манмут, — твердо произнес Манмут. — Мореплаватель ледяных морей Европы.

Зевс усмехнулся в бороду, однако от этого низкого звука поверхностные материалы Манмута завибрировали.

— Далековато заплыл! Кто твой отец, о моравек Манмут?

У Манмута и Орфу ушло целых две секунды, чтобы выбрать честный ответ.

— У меня нет отца, о Зевс.

— Значит, ты игрушка. — Зевс нахмурился, и его громадные белоснежные брови почти сошлись на переносице.

— Не игрушка, — возразил Манмут. — Просто личность в непривычном для вас обличье. Как и мой друг Орфу с Ио, космический моравек, работающий в торе Ио.

Он указал на панцирь, и взгляды богов устремились на Орфу. Иониец сам настоял, чтобы Манмут раскрыл его сущность. Он сказал, что хочет разделить судьбу товарища.

— Еще одна маленькая личность, но в облике раздавленного краба? — сказал Зевс уже без усмешки.

— Да, — ответил Манмут. — Могу я узнать имена тех, у кого мы в плену?

Зевс молчал. Аполлон возмутился, но царь богов наконец отвесил иронический поклон и стал указывать на одного бога за другим:

— Это, как тебе уже известно, Аполлон, мой сын. Тот, кто кричал громче всех, пока ты не присоединился к разговору, Арес. Темная фигура за спиной Ареса — мой брат Аид, еще одно дитя Крона и Реи. Справа от меня сын моей жены Гефест. Величественный старец подле твоего друга-краба — мой брат Посейдон, вызванный сюда

в честь вашего прибытия. Рядом с Посейдоном в золотом воротнике из водорослей — Нерей, тоже из пучины. За благородным Нереем стоит Гермес, убийца великанов и проводник. Еще множество богов… и богинь, как я вижу… вошли в Чертог за время нашей беседы, но судить вас будем я и эти семеро богов.

— Судить? — повторил Манмут. — Мой друг Орфу с Ио и я не совершили против вас никакого преступления.

— Напротив! — со смехом ответил Зевс и перешел на английский: — Вы прилетели из юпитерианского космоса, маленький моравек, маленький робот, скорее всего, с дурными намерениями. Я и моя дочь Афина сбили ваш корабль, и, признаюсь, я думал, что мы вас всех уничтожили. Вы прочная мелкая гнусность. Но сегодня вам придет конец.

— Ты говоришь на их языке? — вопросил Арес. — Тебе знакомо наречие этого варвара?

— Твой отец говорит на всех языках, о бог войны! — рявкнул Зевс. — Молчи.

Огромный зал и балконы быстро наполнялись богами и богинями.

— Поместите говорящую механическую собачку и безногого краба в запечатанную комнату, —

распорядился Зевс. — Я посовещаюсь с Герой и другими доверенными богами, и мы скоро решим, как с ними быть. Два других предмета отнесите в ближайшую сокровищницу. Мы со временем определим их ценность.

Боги по имени Аполлон и Нерей подошли к Манмуту. Тот подумал было пустить в ход оружие и бежать — у него был низковольтный ладонный лазер, так что он мог на секунду-другую остановить богов, рвануть на четвереньках из зала и нырнуть в кальдеру. Тут он глянул на Орфу. Четыре непредставленных бога уже легко оторвали его от пола. Манмут позволил взять себя и унести, словно большую металлическую куклу.

Согласно внутреннему хронометру Манмута, до появления палача они прождали в кладовой без окон тридцать шесть минут. Это было большое помещение с мраморными стенами шестифутовой толщины. Инструменты Манмута показали, что стены усилены защитными полями, которые выдержат небольшой ядерный взрыв.

Пора включить Устройство, передал Орфу. *Что бы оно ни делало, все лучше, чем позволить им уничтожить нас без борьбы.*

Я бы включил, ответил Манмут, *будь у него дистанционное управление. А мне некогда было*

его сделать, все время ушло на строительство гондолы.

Упущенные возможности, громыхнул Орфу. *Ну и хрен с ними. В конце концов, мы попытались.*

Я еще не сдался, сказал Манмут.

Он ощупал края металлической двери, через которую они вошли. Дверь тоже была запечатана силовым полем. Возможно, сохрани Орфу руки, он бы ее вырвал. Возможно.

Что говорит Шекспир о таком финале? — спросил Орфу. *Прощался ли «поэт Уилл» с юношей?*

Ну… Манмут принялся ощупывать стену органическими пальцами. *Они расстались, можно сказать, врагами. Их отношения испортились, когда они выяснили, что спят с одной и той же женщиной.*

Это был каламбур? — сурово спросил Орфу.

Манмут даже замер от неожиданности.

Что?

Не важно.

А что говорит об этом Пруст? — спросил Манмут.

Longtemps, je me suis couché de bonne heure, процитировал Орфу с Ио.

Манмут не любил французский — этот язык всегда ощущался как слишком густая смазка в

шарнирах, — однако в его базе данных французский был, и он смог перевести: «Давно уже я привык укладываться рано».

Через две минуты и двадцать девять секунд Манмут ответил по фокусированному лучу:

Дальнейшее — молчанье[45].

Дверь открылась. Вошла двухметровая богиня и закрыла за собой дверь. Богиня двумя руками держала серебряный овоид, его черные отверстия были направлены на чужаков. Манмут инстинктивно понял, что бросаться на нее бессмысленно. Тогда он просто попятился и положил руку на панцирь Орфу, прекрасно зная, что иониец не ощутит прикосновения.

Богиня сказала по-английски:

— Меня зовут Гера. И я пришла избавить вас, наиглупейших моравеков, от вашего жалкого существования. Всегда недолюбливала вашу расу.

В воздухе полыхнуло, стены содрогнулись, и наступила полная тьма.

---

[45] Примечания: 45

«Дальнейшее — молчанье». — У. Шекспир. Гамлет. акт V, сцена 2. Перев. Б. Пастернака.

42. Олимп и Илион

Первая моя мысль при появлении Фетиды, Афродиты и моей Музы — квитироваться с Олимпа, однако я помню, что Афродита может увидеть и отследить возмущение в квантовом континууме. Поспешное квантовое бегство привлечет ее внимание. А кроме того, у меня здесь кое-какие дела.

Бочком, так, чтобы между мной и вошедшими были боги и богини, я проскальзываю за широкую колонну и дальше из Чертога. Арес по-прежнему бушует, требуя отчета о том, что произошло на поле боя в его отсутствие, затем Афродита говорит:

— Отец и владыка Зевс! Еще не оправившись от жестоких ран, я по своей воле покинула целебный бак, ибо мне сообщили, что смертный украл квит-медальон и Шлем Смерти, изготовленный самим Аидом и дающий невидимость. Я боюсь, что этот смертный творит ужасное зло прямо сейчас.

Толпа олимпийцев разражается недоуменно-возмущенным гулом.

Если у меня и было преимущество, больше его

нет. По-прежнему скрываемый полем Шлема, я бегу по длинному коридору, сворачиваю влево, потом вправо. У меня нет четкого плана — просто надежда случайно наткнуться на Геру. На следующей развилке я торможу и слышу, как в Великом чертоге позади нарастает гул. Я закрываю глаза и молюсь — и не здешним свинским богам. Последний раз я молился, когда мне было девять и мама умирала от рака.

Я открываю глаза и вижу, что Гера пересекает левый коридор в сотне ярдов впереди от меня.

Мои сандалии шлепают, и звук эхом отдается в длинных мраморных переходах. Высокие золотые треножники озаряют пламенем стены и потолок. Я даже не пытаюсь двигаться бесшумно, главное — догнать Геру. Возбужденные голоса в Чертоге становятся все громче. Интересно, сумеет ли Афродита скрыть, что это она снарядила меня, с тем чтобы я шпионил для нее, а затем убил Афину. Тут я вспоминаю, что богиня любви — непревзойденная лгунья. Меня убьют раньше, чем я успею рассказать правду. Афродита станет героиней, предупредившей богов о моем предательстве.

Гера внезапно останавливается и смотрит через плечо. Я уже и так остановился, а теперь встаю

на цыпочки, стараясь не выдать свое положение. Жена Зевса хмурит брови, озирается по сторонам и проводит ладонью по металлической двери двадцать футов высотой. Железо гудит, щелкают внутренние замки, и створка поворачивается внутрь. Я еле успеваю проскочить до того, как Гера жестом велит двери закрыться. Шлепанье моих сандалий заглушает несущийся из Чертога рев. Гера достает из складок хитона гладкое серое оружие, что-то вроде раковины с черными отверстиями.

В комнате только маленький робот и крабовый панцирь. Робот пятится от Геры, очевидно понимая, что будет дальше, и кладет неожиданно человеческую руку на помятый корпус. Тут я впервые понимаю, что второй предмет, наверное, тоже робот. Откуда бы ни были эти машины, они точно не с Олимпа.

— Меня зовут Гера, — говорит богиня. — И я пришла избавить вас, наиглупейших моравеков, от вашего жалкого существования. Всегда недолюбливала вашу расу.

До того как она заговорила, я стоял в нерешительности. Все-таки это Гера, жена и родная сестра Зевса, царица богов, самая могущественная из богинь, не считая разве что Афины. Не

знаю, может, дело в ее словах о расе. Я родился в середине двадцатого века, жил до двадцать первого и слышал такое раньше. Слишком часто.

Так или иначе, я поднимаю тазер и стреляю в надменную стерву.

Я не был уверен, что пятьдесят тысяч вольт подействуют на богиню. Гера дергается, в падении активирует овоид и разносит силовым лучом светящуюся панель на потолке. Комната погружается в кромешную тьму.

Я втягиваю тазерные электроды и заново включаю кнопку. Черт, ни зги не видно. Я делаю шаг вперед и чуть не спотыкаюсь о Геру. Она вроде бы без сознания, однако по-прежнему дергается. Внезапно мрак прорезают два ярких луча. Я сдергиваю капюшон Аидова Шлема и вижу себя в двух конусах света.

— Не свети в глаза, — говорю я маленькому роботу.

Лучи перемещаются. Насколько я вижу, они бьют из его груди.

— Ты человек? — спрашивает робот.

До меня не сразу доходит, что он говорит по-английски.

— Да, — отвечаю я, удивляясь родной речи в собственных устах. — А ты кто?

— Мы оба — моравеки.

Маленькое существо подходит ближе и направляет лучи на Геру. Ее веки уже подрагивают. Я подбираю с пола серое оружие и кладу в карман.

— Я — Манмут, — говорит робот.

Его темная металлическая голова не достает мне даже до груди. На лице вместо глаз — темные полосы, однако у меня такое чувство, что робот внимательно на меня смотрит.

— Мой друг — Орфу с Ио, — прибавляет он. Голос у него тихий, смутно мужской и ничуть не металлический и не механический. Машина… существо… указывает на потресканный корпус, занимающий примерно пятнадцать футов пространства комнаты.

— А Орфу… он… живой?

— Да, но сейчас у него нет ни глаз, ни манипуляторов, — говорит маленький робот. — Однако я передаю Орфу все, что слышу, по радио, и сейчас он говорит, что рад знакомству. Он говорит, будь у него глаза, ты был бы первым человеком, которого он видит.

— Орфу с Ио, — повторяю я. — Ио — это вроде бы одна из лун Сатурна?

— Вообще-то, Юпитера, — говорит машина Манмут.

— Что ж, приятно познакомиться, но сперва надо отсюда выбраться, а говорить потом. Эта корова уже приходит в себя. Через минуту-две кто-нибудь придет ее искать. Боги сейчас довольно злы.

— Корова, — повторяет робот, глядя на Геру сверху вниз. — Смешно. — Он переводит лучи на дверь. — Вот только хлев заперт. Есть ли у тебя средство отпереть или сорвать дверь с петель?

— Нет. Но чтобы отсюда выбраться, нам не надо проходить в дверь. Давай руку… лапу… в общем, что там у тебя.

Робот медлит с ответом.

— Правильно ли я понял, что ты собираешься квант-телепортировать нас отсюда? — спрашивает он наконец.

— Ты знаешь про квант-телепортацию?

Маленькая фигурка направляет лучи света на неподвижный металлический корпус выше моей головы:

— Ты сумеешь забрать нас обоих?

Теперь моя очередь задуматься.

— Трудно сказать. Вряд ли. Такую большую массу…

Гера дергается и стонет у наших ног — точнее сказать, у моих ног и ногоподобных опор Ман-

мута.

— Давай руку, — повторяю я. — Сперва квитирую в безопасность тебя, потом вернусь за твоим другом.

Маленький робот отступает еще на шаг.

— До того как покинуть это место, я должен быть уверен, что Орфу можно спасти.

В коридоре грохочут голоса. Меня уже ищут? Очень возможно. Рассказала ли Афродита, что она может видеть сквозь технологию Аидова Шлема, ибо боги просто прочесывают все в поисках человека-невидимки? Гера стонет и поворачивается на бок. Веки у нее по-прежнему подрагивают, но она приходит в себя.

— Черт! — Я срываю капюшон и снимаю левитационную сбрую. — Посвети, пожалуйста.

Говорят ли роботу «пожалуйста»? Правда, Маммут назвал себя не роботом, а моравеком. Что бы это ни значило.

Пояс левитационной портупеи не смыкается на крабовом панцире, но я соединяю все три ремня, цепляя пряжки за трещины. Бедняга Орфу смахивает на мишень, по которой террористы, упражняясь в стрельбе, палили годами: на его металлическом с виду корпусе есть кратеры внутри кратеров.

— Ладно, давай проверим, работает ли, — говорю я и включаю сбрую.

Тонны железа трясутся, громыхают, затем все же отрываются от пола и зависают в нескольких дюймах от мрамора.

— Посмотрим, потянет ли медальон такой груз, — говорю я, не заботясь, поймет ли меня Манмут. Протягиваю ему тазер. — Если корова шевельнется или кто-нибудь сунется до моего возвращения, целься и жми вот здесь. Это остановит одного из них.

— Вообще-то, — говорит Манмут, — мне надо забрать два предмета, которые у нас украли, и мне больше помог бы твой прибор невидимости. Нельзя ли его одолжить?

— Черт, — говорю я.

Голоса рокочут прямо за дверью. Я ослабляю броню, снимаю кожаный капюшон и бросаю его роботу. Интересно, рассчитана эта штука на механизмы? Предупредить, что Афродита увидит его даже в Шлеме? А, некогда.

— Как я тебя отыщу, когда вернусь?

— Подойди к ближнему берегу Кальдерного озера в течение часа, — отвечает робот. — Я тебя найду.

Дверь открывается. Маленький робот исчезает.

В случае Найтенгельзера и Патрокла я просто хватал их, чтобы включить в квантово-телепортационное поле, хотя бесчувственного Патрокла я еще и обнимал рукой. Теперь я прислоняюсь к панцирю Орфу, забрасываю на него руку так далеко, как могу дотянуться, визуализирую место назначения и кручу диск.

Яркий солнечный свет и песок под ногами. Орфу телепортировался вместе со мной и теперь парит в десяти дюймах над пляжем, что хорошо, поскольку под ним камни. Не думаю, что можно квитироваться в твердый объект, но рад, что мы не провели этот эксперимент именно сегодня.

Мы в лагере Агамемнона, но в этот поздний утренний час здесь почти никого нет. Хотя в небе несутся грозовые облака, солнце, пробиваясь сквозь них, озаряет берег, яркие шатры, длинные черные корабли и ахейских стражей, которые в испуге отскакивают при нашем неожиданном появлении. В сотнях ярдов от лагеря слышен гул сражения, и я понимаю, что греки бьются с троянцами по другую сторону заградительных рвов. Возможно, Ахиллес ведет контратаку.

— Панцирь священен для богов! — кричу я стражникам, которые пригнулись и выставили вперед пики. — Всякий, кто его коснется, умрет

на месте. Где Ахиллес? Вы его видели?

— А кто спрашивает? — вопрошает самый высокий и волосатый из стражников, поднимая копье.

Я смутно его помню: это Гуней, предводитель эниенцев и перебов из Додоны. Почему он стоит на страже в лагере Агамемнона, я не знаю, и выяснять сейчас нет времени.

Я укладываю Гунея выстрелом из тазера и смотрю на кривоногого коротышку-сержанта:

— Ты отведешь меня к Ахиллесу?

Он упирает копье в песок, встает на одно колено и склоняет голову. Прочие хоть и не сразу, но следуют его примеру.

Я спрашиваю, где Ахиллес.

— Все утро боговидный Ахиллес расхаживал по берегу, будил спящих ахейцев и собирал вождей, — говорит сержант. — Потом он бросил вызов Атридам и победил обоих. Сейчас он с главными военачальниками обсуждает план войны. По слухам, войны с самим Олимпом.

— Веди меня к нему, — говорю я.

Идя вслед за провожатым, я оборачиваюсь на панцирь Орфу с Ио; он по-прежнему парит над песком, оставшиеся стражники держатся на почтительном расстоянии от него. Меня разбирает

смех.

Сержант смотрит на меня, но я ничего ему не объясняю. Просто впервые за девять лет я прошел по Илионской равнине в неизмененном облике, как Томас Хокенберри, и никто другой. И мне хорошо.

43. Экваториальное Кольцо

Перед тем как они нашли лазарет, Даэман жаловался, что умирает с голоду. Он и впрямь был страшно голоден. Никогда еще у него не случалось таких долгих перерывов между едой. Последний раз он съел кусочек сухого питательного батончика почти десять часов назад.

— В городе должно быть что-нибудь съестное, — говорил Даэман.

Они, отталкиваясь от случайных опор, плыли по безжизненному орбитальному городу. Стекла в окнах погасли, сделались просто прозрачными, и теперь они видели, как астероид и город медленно поворачиваются. Земля появлялась и двигалась через поле зрения над ними, ее мягкое сияние озаряло пустые пространства, мертвую траву, парящие трупы и водоросли.

— Здесь должно быть что-нибудь съестное, — повторил Даэман. — Консервы, замороженные продукты… что-нибудь.

— Если и так, еде не одна сотня лет, — ответила Сейви. — И она так же мумифицировалась, как постлюди.

— Если мы найдем сервиторов, они нас накормят, — сказал Даэман и тут же понял, что сморозил глупость.

Харман и старуха не потрудились ответить. Они выплыли на прогалину среди поля диких водорослей. Воздух здесь вроде был не такой разреженный, однако Даэман не стал снимать маску и капюшон, чтобы проверить, можно ли им дышать. Даже сквозь маску в холодном воздухе чувствовался нехороший запашок.

— Если мы найдем факс-портал, то сможем вернуться домой, — сказал Харман.

Его тело под синим термоскиновым костюмом было сильным и мускулистым, но сквозь прозрачную дыхательную маску Даэман видел намечающиеся морщины у глаз. Харман выглядел старше, чем всего день назад.

— Не знаю, есть ли здесь факс-порталы, — сказала Сейви. — И я бы по возможности не стала факсировать.

Харман глянул на нее. Земля снова показалась над головой, и мягкий земной свет лежал на их лицах.

— А какой у нас выбор? Ты сказала, что кресла были одноразовые.

Сейви устало улыбнулась:

— Моего кода больше нет в банках данных факсов. А если и есть, то лишь с целью меня уничтожить. И, боюсь, то же самое относится к вам после того, как войниксы обнаружили нас в Иерусалиме. Но даже если ваши коды действительны, и даже если мы найдем здесь факс-узел и сумеем с ним разобраться — а это не обычные факс-порталы, — и я останусь здесь, чтобы вас отправить, не думаю, что это сработает.

Харман вздохнул.

— Надо искать другой способ. — Он глянул на темный город, замерзшие тела и колышущиеся водоросли. — Я совсем иначе представлял себе кольца.

— Я тоже, — ответила Сейви. — Мы все представляли их иначе. Даже в мое время люди считали, что тысячи огоньков в ночном небе — это миллионы миллионов постлюдей в тысячах орбитальных городов.

— Сколько, по-твоему, у них было городов? — спросил Харман. — Помимо этого.

Сейви пожала плечами:

— Возможно, еще один на полярном кольце. А возможно, этот — единственный. Я предполагаю, когда постлюдей настиг холокост, их было всего несколько тысяч.

— Тогда что такое те машины и устройства, которые мы видели, когда летели сюда? — спросил Даэман. Не то чтобы он и впрямь хотел это знать, однако пытался отвлечься от мыслей о пустом желудке.

— Какие-то ускорители частиц, — ответила старуха. — Постлюди были одержимы путешествиями во времени. Тысячи больших ускорителей создают тысячи крохотных кротовых нор, из которых получаются более стабильные кротовые норы — те клубящиеся массы, которые вы видели на концах большей части ускорителей.

— А громадные зеркала? — спросил Харман.

— Эффект Казимира, — объяснила Сейви. — Отражение отрицательной энергии в кротовые норы, чтобы они не превратились в черные дыры. Если кротовые норы были стабильны, посты могли путешествовать по ним в любую точку пространства-времени, куда удавалось поместить другой конец кротовины.

— Иные солнечные системы? — спросил Харман.

— Сомневаюсь. Насколько мне известно, постлюди даже не посылали зонды за пределы Солнечной системы. Задолго до моего рождения они заселили внешние планеты разумными

самоэволюционирующими роботами, поскольку нуждались в астероидах в качестве строительного материала. Однако они не строили космических кораблей — ни пилотируемых, ни автоматических.

— И куда они путешествовали через кротовые норы? — спросил Харман.

Сейви снова пожала плечами:

— Думаю, именно из-за квантовой…

— К черту! — заорал Даэман. Он и так слишком долго слушал эту ахинею. — Я голоден! Я есть хочу!

— Погоди, — сказал Харман. — Я что-то вижу.

Он указал вперед и чуть выше.

— Лазарет, — сказала старуха.

Она оказалась права. Они проплыли еще утомительные полмили в подводном свете мертвого астероидного города, не обращая внимания на парящие мумии постлюдей, и теперь ясно видели прозрачный пластиковый прямоугольник на стене футах в трехстах от поверхности. Внутри на сотни ярдов тянулись ряды знакомых целительных резервуаров с голыми людьми старого образца: деловитые сервиторы (Даэман едва не заплакал от привычного зрелища) и другие формы сновали в ярком больничном свете.

— Дайте передохнуть, — взмолился он.

Они плыли в разреженном токсичном воздухе низко над поверхностью, отталкиваясь от мертвых деревьев, террас и других твердых предметов. Даэман совершенно выдохся. Ему в жизни не приходилось работать так тяжело.

И хотя Сейви явно не терпелось заглянуть в лазарет, она вернулась к задыхающемуся Даэману. Харман глядел на прозрачную стену с чем-то вроде алчности в глазах.

Сейви протянула Даэману бутылку, и тот допил остатки воды, не смущаясь и не спрашивая разрешения. Он был обезвожен и вымотан.

— Я обещал Аде взять ее с нами, — тихо сказал Харман.

Даэман и старая еврейка уставились на него.

— Я был уверен, что мы полетим на космическом корабле. — Он смущенно пожал плечами. — Обещал забрать ее в Ардис-Холле.

— Она все равно на тебя сердилась, — отдуваясь, заметил Даэман. Ему постоянно не хватало кислорода.

— Да, — сказал Харман.

Сейви оттолкнула изъеденную серую мумию, которая выплыла из водорослей; белые замерзшие глаза смотрели как будто с укоризной.

— Вряд ли Ада испытывала бы благодарность, будь она сейчас здесь. — Сейви указала на лазарет. — А вот ты, Харман, должен быть доволен. Ведь это же была твоя цель? Пробраться в лазарет и выторговать для себя еще сколько-то годков?

— Что-то вроде того, — ответил Харман.

Сейви кивнула на труп:

— Похоже, что постов, с которым ты мог бы договориться, больше нет.

— Думаешь, лазарет целиком автоматизирован? — спросил Харман. — Что одни лишь сервиторы все последние века поддерживают его работу, факсируют нас с Земли, чинят, чтобы нам прожить положенные Двадцатки, и факсируют нас обратно в нашу скучную маленькую жизнь?

— Почему бы нам не пойти и не проверить? — заметила старуха.

Они попали в сияющий стеклянный прямоугольник через белый квадрат полупроницаемой материи, такой же, как в шлюзе.

Это и впрямь был лазарет. Здесь имелись не только свет и атмосфера, но и гравитация — по меньшей мере одна десятая земной. Даэман, пройдя сквозь стену, упал на четвереньки. От внезапной перемены давления и вида привычных сервиторов, плюс от ужаса, что он снова в

лазарете так скоро после эпизода с аллозавром, колени у него подогнулись даже от слабого, как в бассейне, притяжения.

Сейви и Харман переходили от одного резервуара к другому. Сейви опустила маску и вдохнула воздух.

— Разреженный, но вонь ужасная, — проговорила Сейви непривычным, странно высоким голосом. — Видимо, воздух тут зачем-то нужен, но для дыхания он не годится. Не снимайте маски.

Даэмана не пришлось долго уговаривать; он и так не рвался снять маску.

Сервиторы, не обращая на них внимания, следили за различными виртуальными панелями управления. В прозрачных трубках, подходящих к десятифутовым бакам, текла алая и зеленая жидкость. Харман разглядывал каждый десятифутовый резервуар. Человеческие тела в них были по большей части почти идеальные, но какие-то недоделанные: склизкая кожа, полное отсутствие волос на голове и в паху, белые глаза. Лишь немногие плавающие тела близились к завершению, их глаза приобрели цветную радужку и смотрели полуосмысленно, хоть и в одну точку.

Даэман шел за Харманом и Сейви, держась

подальше от емкостей. Он смотрел на этих протолюдей и вспоминал смутные образы из своего недавнего пребывания в резервуаре. Он снова поежился, отступил подальше и налетел на стойку с приборами. Сервитор обогнул его и как ни в чем не бывало полетел дальше.

— Они, очевидно, не запрограммированы иметь дело с людьми вне резервуаров, — заметила Сейви. — Хотя, если ты будешь сильно мешать их работе, они, вероятно, постараются тебя убрать.

На баке, в котором лежало полностью восстановленное тело — молодая женщина с голубыми глазами и рыжими волосами на голове и на лобке, — зажглась зеленая лампочка, и жидкость в нем сильно забурлила. Через секунду тело исчезло. Еще через несколько секунд на его месте материализовалось новое — бледный мужчина с застывшим взором покойника и раной на лбу.

— У них факс-портал в каждом резервуаре! — воскликнул Даэман, потом сообразил, что так и должно быть. Именно таким способом их тела доставляют в лазарет каждую Двадцатку или после серьезного увечья. Или после *смерти*. — Мы можем ими воспользоваться, — добавил он.

— У вас, может, и получится, — сказала Сейви, почти прижимаясь лицом к стеклу резервуа-

ра. — Или не получится. Факс настроен на тело в резервуаре. Система факсирования может не узнать ваши коды и просто… пустить вас в расход.

В бак с новым телом хлынули разноцветные струи; из отверстия выползли клубки тонких синих червей, подплыли к мертвецу и впились в его разбитую голову и бледную распухшую плоть.

— Все еще хочешь полежать в резервуаре еще разок? — спросила Сейви у Хармана.

Тот лишь потер подбородок и сощурился на дальние ряды баков. «О боже!» — внезапно вырвалось у него.

Медленно, частично переступая ногами, частично плывя по воздуху, все трое двинулись туда, куда указал Харман. Даэман попросту не верил своим глазам.

Треть баков в этом конце лазарета была наполнена жидкостью, но тел в них не было. Однако тела — части тел — лежали повсюду: на полу, на столах, на панелях управления, на отключенных сервиторах. С первого взгляда Даэман подумал — успокоил себя мыслью, — что это мумифицированные останки постов, что, как ни ужасно все, это не более чем мумии. Но то были не мумии. И не останки постлюдей.

Лазарет был чьим-то шведским столом.

На столе лежали человеческие органы — белые, розоватые, алые, кровавые, влажные, свежие. Десяток мужских и женских тел, по виду еще не просохших после целебного резервуара, были выпотрошены, их ребра обглоданы. Под столом валялась человеческая голова; голубые глаза застыли, возможно, в тот миг, когда кто-то вонзил зубы в тело, которому она прежде принадлежала. Кучка окровавленных ладоней была сложена перед высокой спинкой крутящегося кресла, отвернутого от стола.

Прежде чем кто-либо из троих успел вымолвить хоть слово по внутренней связи, кресло развернулось. В первую секунду Даэман решил, что перед ним еще один труп, однако тело было зеленоватое, неповрежденное и дышало. Желтые глаза моргнули. Невообразимо длинные руки с когтистыми пальцами раскрылись. Из-за длинных зубов высунулся тонкий, словно у ящерицы, язык.

— Ты подумал, что я такой же, как ты[46], — проговорило существо, и Даэман понял, что это и есть Калибан. — Ты ошибся.

---

[46] Примечания: 46

Ты подумал, что я такой же, как ты. — Пс. 49: 21, эпиграф к поэме Р. Браунинга «Калибан о Сетебосе».

Харман и Сейви, подхватив Даэмана под руки, стремительно пересекли лазарет. Даэман вопил по связи, как всю дорогу в кресле. Они влетели в белую стену, прошли ее без задержки (в ледяном разреженном воздухе термокостюмы сразу плотнее прилипли к коже) и тут же, сильно толкнувшись от прозрачной стены, нырнули к поверхности в трехстах футах внизу.

В шестидесяти футах над землей Харман и Сейви ненадолго остановились на платформе и лишь тогда отпустили Даэмана. Он успел заметить вокруг парящие мумии; радиус укусов у них на горле и животе был такой же, как у людей в лазарете. Даэман понял, что сейчас его стошнит в маску, но тут Харман и Сейви толкнулись от чего-то и поплыли в темноту.

Даэман в отчаянии сорвал маску и сблевал в разреженный, холодный, вонючий воздух. Он почувствовал, что глаза у него лезут из орбит, а барабанные перепонки сейчас лопнут. Однако он натянул маску — пахнущую его рвотой и страхом — и толкнулся вслед за Сейви и Харманом. Ему не хотелось спасаться, а хотелось свернуться комочком и сблевать снова. Однако даже Даэман понимал, что выбора нет. Дико размахивая руками, оборачиваясь через плечо на светящийся

лазарет, он плыл и толкался изо всех сил.

Калибан настиг их в темном уголке города, где водоросли покачивались под влиянием Кориолисовой силы астероида. Все стеклянные стены в городе были прозрачные, за ними в течение нескольких минут проплывала испещренная белыми облаками Земля; в следующие несколько минут темноту рассеивали лишь холодные звезды. В темноте и появился Калибан.

Все трое сидели в темноте, прижавшись друг к дружке.

— Кто-нибудь видел, он вылетел за нами из лазарета? — прохрипела Сейви.

— Нет.

— Я ничего не видел с начала бегства, — признался Харман.

— Это был один из калибанов? — просипел Даэман; он понял, что плачет, но ему было все равно. В свой вопрос он вложил последние остатки надежды.

— Нет, — ответила старуха по связи, убивая тоном его надежду. — Это был сам Калибан.

— Тела… — начал Харман. — Пятые Двадцатки?

— Похоже, там были и молодые, — прошептала Сейви. Она держала в руке черный пистолет и

поворачивалась, вглядываясь в темноту между колышущимися водорослями.

— Может быть, поначалу он обходился столетними, — прошептал Харман по связи. — Потом стал смелее. Нетерпеливее. Голоднее.

— Господи Иисусе, Господи Иисусе, — твердил Даэман. Это было древнейшее человеческое заклинание, пусть люди уже и не помнили, что оно значит. Зубы у него стучали.

— Все еще хочешь есть? — спросила Сейви. Возможно, она пыталась успокоить Даэмана черным юмором. — Я — нет.

— А я хочу, — сказал Калибан на их радиочастоте.

Чудовище возникло из водорослей, накинуло на всех троих сеть, выбило из рук Сейви пистолет и потащило их, словно рыбу.

44. Гора Олимп

Манмуту было непривычно без связи с Орфу. Он надеялся, что товарищ в безопасности.

Боги ворвались в комнату через секунду после того, как человек, не назвавший своего имени, квант-телепортировался прочь. Манмут не верил в технологии невидимости, помимо хороших стелс-материалов, но он явно был невидим высоким богам и богиням, которые стояли на коленях вокруг Геры. Манмут проскользнул между белых тог и бронзовых голеней и двинулся по лабиринту коридоров. Он обнаружил, что очень трудно идти на двух ногах, когда ты невидим, — он постоянно проверял, где его ноги, и не обнаруживал их, — поэтому опустился на четвереньки и бесшумно побежал вдоль стены.

Поскольку боги, тащившие Орфу, двигались медленно, Манмут еще по пути в камеру заметил, куда спрятали Устройство и передатчик. Это помещение располагалось в боковом коридоре после трех поворотов направо от того места, куда заключили его и Орфу.

Нужный коридор был пуст, хотя соседними и

пересекающимися коридорами боги проходили часто. Манмут активировал низковаттный запястный лазер и направил на дверь. По ходу работы он сообразил, как странно бы это выглядело в глазах божества, свернувшего в коридор, — ни единого моравека в пределах видимости, но двадцатисантиметровый красный луч сам по себе медленно вырезает круг в огромной двери.

Лазер не разрезал бы всю дверь, но он вынул аккуратную пятисантиметровую нишу над замком — слух Манмута на инфразвуковых частотах различил, как переключился твердотельный механизм, — и дверь распахнулась внутрь. Войдя, Манмут закрыл ее за собой и почти сразу услышал в коридоре шаги. Они прошли мимо. Манмут стащил с головы Шлем, чтобы видеть руки и ноги.

То была не пустая камера. Помещение имело по меньшей мере двести метров в длину и сто в высоту, и его заполняли слитки золота, груды монет, сундуки с драгоценными камнями, кучки полированных бронзовых артефактов, мраморные статуи богов и людей, раковины, из которых на пол сыпался жемчуг, разобранные золотые колесницы, хрустальные колонны, наполненные лазуритом, и сотни других сокровищ. И все это

сверкало в отраженном пламени двух десятков золотых треножников.

Манмут, не обращая внимания на сокровища, бросился к тусклому металлическому передатчику и Устройству. Унести оба он не мог — что толку в невидимости, когда в коридоре будут видны два плывущих по воздуху предмета? И он знал, что в запасе у него всего лишь секунды, поэтому убрал Устройство с дороги, нашел нужный разъем на коммуникаторе и включил его стандартной низковольтной командой.

Примитивный искусственный интеллект передатчика принял команду и сбросил нанокарбоновую оболочку, обнажив сложенный механизм. Манмут попятился, когда коммуникатор перекатился с легкостью человеческого акробата, выпустил три ножки и стрелы Чевковианской фельшенмассы, после чего развернул восьмиметровую тарелку. Манмут порадовался, что не сделал этого в помещении поменьше.

Однако он находился в комнате без окон, и небось под тоннами мрамора, гранита и марсианского камня, которые передатчик, возможно, не сумеет пробить. И здесь точно не было звезд, по которым сориентировалась бы тарелка. Когда она загудела и начала поворачиваться, наводясь

на далекую цель, Манмут ощутил нарастающий страх, и не только потому, что крики за стеной усиливались. Именно сюда боги придут — или квантово телепортируются, — как только убедятся, что Гера жива. Если передатчик не наведется, миссия Манмута и Орфу, скорее всего, будет провалена. Все зависело от конструкции передатчика.

Тарелка качнулась, пожужжала, чуть-чуть повернулась в последний раз и навелась на что-то в направлении примерно двадцать градусов от вертикали. Рядом с физическими входами появилась виртуальная панель управления и зажглись зеленые огоньки.

Манмут подключился и загрузил все, что было в его банках памяти о путешествии, — каждый разговор с Орфу, каждый диалог с Коросом III, Ри По и богами, каждую картинку, увиденную и записанную с тех пор, как они покинули юпитерианский космос. При пропускной способности входа это заняло менее пятнадцати секунд.

Сенсоры Манмута чувствовали энергетическое поле Чевковианской антиматерии, и он гадал, чувствуют ли его боги. Впрочем, моравек знал, что они так и так будут тут через минуты, если не раньше. И выбраться из помещения и здания

с Устройством в руках способов не было. Манмут мог включить его сейчас или позже. В любом случае он будет в центре того, что произойдет.

На панели передатчика зажглись мириады зеленых индикаторов, показывая, что источник энергии заряжен на максимум, полученные данные закодированы и цель (Юпитер? Европа?) определена. По крайней мере, Манмуту хотелось в это верить.

В дверь забарабанили.

Почему они не квант-телепортируются сюда? — подумал Манмут. Однако гадать было некогда. Заменив руки металлическими контактами, он отыскал порт заключительной активации и послал заряд в тридцать два модулированных вольта.

Тарелка выбросила вверх ярко-желтый луч восьми метров в поперечнике. Столп чистой Чевковианской энергии прожег дыру в потолке, пробил три следующих этажа и устремился к звездам. Затем передатчик отключился и бесшумно самоуничтожился в большую каплю расплава.

Аварийные поляризующие фильтры Манмута сработали в наносекунды, и все равно он на несколько мгновений ослеп. Когда зрение вернулось и он сквозь череду косых курящихся

отверстий увидел голубые небо, Манмут впервые позволил себе ощутить надежду.

Боги взорвали дверь, и сокровищница наполнилась дымом и паром.

Манмут воспользовался дымовой завесой, чтобы схватить Устройство (на Земле оно бы весило всего килограммов десять, а здесь — так и вообще три), нагнулся, по максимуму сжал пружины и приводы в задних ногах, не обращая внимания на обычные требования безопасности, прыгнул в дымящиеся дыры и пролетел через пятнадцать метров расколотого гранита и мрамора.

Свобода! Крыша в этой части Великого чертога была плоская, и Манмут бросился вперед так быстро, как мог бежать на двух ногах, сжимая под мышкой Устройство.

В голубом небе над вершиной Олимпа десятками кружили колесницы с богами и богинями. Одна из них резко пошла вниз и понеслась в десяти метрах над крышей с очевидным намерением раздавить беглеца колесами. Манмут запоздало сообразил, что не натянул Шлем Аида, болтающийся за плечами. Он был виден всем богам наверху.

Используя весь оставшийся запас энергии, Манмут снова напружинился и прыгнул, про-

летел сквозь голографических лошадей и пнул изумленную богиню в грудь. Она выпала из колесницы спиной, плеща белыми руками, и жестко приземлилась на крышу Великого чертога богов.

За три десятых доли секунды Манмут изучил виртуальный голографический дисплей в передней части колесницы, запустил манипуляторы в матрицу и круто повернул машину вправо. Другие боги на колесницах закладывали виражи и пикировали, пытаясь зайти ему наперерез. Из воздушного пространства Олимпа он бы не скрылся, но у Манмута был другой план.

Пять огромных колесниц надвигались, воздух наполнили титановые стрелы — стрелы! — когда внизу блеснуло Кальдерное озеро; Манмут схватил Устройство и прыгнул в тот самый миг, когда первая Аполлонова стрела вонзилась в колесницу. Машина взорвалась в метрах над Манмутом; теперь он падал вместе с расплавленным золотом и пылающими энергетическими кубами. Дождь из микросхем настиг Манмута за секунды до того, как тот вошел в воду. Его глубоководный сонар показывал более чем двухкилометровое расстояние до дна.

Отлично, подумал маленький моравек. Он активировал плавники и, крепко сжимая одной

рукой Устройство, ушел в пучину.

45. Илионская равнина. Илион

Мне стыдно, что я не могу вернуться за роботом прямо сейчас, но тут просто дым коромыслом.

Стражники проводят меня к Ахиллесу. Тот снаряжается на бой в окружении унаследованных от Агамемнона военачальников. Одиссей, Диомед, старый Нестор, Большой и Малый Аяксы — всегдашняя команда, не хватает лишь Атридов, Агамемнона и Менелая. Неужто и впрямь, как кричал Арес на Олимпе, Ахиллес убил царя Агамемнона, отняв у его жены Клитемнестры возможность жестоко отомстить, а у сотен будущих драматургов — сюжет? Неужто судьба Кассандры в одночасье переменилась?

— Кто ты такой, клянусь Аидом? — рявкает мужеубийца, быстроногий Ахиллес, когда меня вводят во внутреннюю часть лагеря.

И снова я вспоминаю, что они смотрят на Томаса Хокенберри — сутулого, грязного, заросшего щетиной, без плаща, меча и левитационной сбруи — жалкого пешего воина в тусклом бронзовом доспехе.

— Я тот, кого твоя мать, богиня Фетида, обеща-

ла прислать, чтобы проводить тебя к Гектору, а затем на битву с богами, убившими Патрокла.

Различные герои и военачальниками при моих словах пятятся на шаг. Судя по всему, Ахиллес поведал им только о смерти друга, но не предупредил о своих планах объявить войну Олимпу.

Ахиллес поспешно отводит меня в сторонку, подальше от усталых бойцов.

— Как мне узнать, что ты и впрямь тот, о ком говорила моя мать, богиня Фетида? — вопрошает юный полубог. Сегодня Ахиллес выглядит старше, чем вчера, как будто за одну ночь на его идеальном лице пролегли резкие морщины.

— Я докажу это тем, что доставлю тебя туда, куда нам надо попасть.

— На Олимп? — Взгляд его отчасти безумен.

— Со временем, — мягко говорю я. — Однако, как сказала твоя мать, прежде тебе нужно заключить мир с Гектором.

Ахиллес кривится и сплевывает на песок:

— Нынче мир не для меня. Я желаю войны. Войны и крови богов.

— Чтобы сразиться с богами, — говорю я, — тебе надо прекратить бессмысленную войну с героями Трои.

Ахиллес поворачивается и указывает на даль-

нюю сторону рва. Там, где вчера стояли троянцы, сегодня движутся ахейские войска.

— Да мы их побеждаем! — кричит Ахиллес. — Зачем мне мириться с Гектором, если я могу через час выпустить ему кишки моим копьем?

Я пожимаю плечами:

— Поступай как знаешь, сын Пелея. Меня прислали, чтобы помочь тебе отомстить за Патрокла и забрать его тело для погребения. Коли ты этого не желаешь, я ухожу.

Я поворачиваюсь к нему спиной и иду прочь.

Ахиллес мигом настигает меня, валит на песок и выхватывает кинжал так быстро, что я не успел бы выстрелить из тазера, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Возможно, и впрямь зависела, поскольку острое точно бритва лезвие касается моей шеи.

— Ты смеешь оскорблять *меня*?

Я отвечаю как можно осторожнее, чтобы лезвие не порезало мне горло:

— Я никого не оскорбляю, Ахиллес. Я пришел, чтобы помочь тебе отомстить за Патрокла. Хочешь похоронить его с честью — делай, что я скажу.

Ахиллес мгновение смотрит на меня, затем встает, убирает кинжал в ножны и помогает мне

подняться. Одиссей и прочие молча наблюдают за нами с расстояния тридцать футов, явно сгорая от любопытства.

— Как тебя зовут? — вопрошает Ахиллес.

— Хокенберри.

Я отряхиваю зад и потираю шею, где ее касался клинок. Затем, спохватившись, прибавляю:

— Сын Дуэйна.

— Чудное имя, — бормочет мужеубийца. — Хотя какое время — такие имена. Добро пожаловать, Хокенберри, сын Дуэйна.

Он протягивает руку и стискивает мне запястье так, что пережимает кровообращение. Я пытаюсь ответить таким же крепким пожатием. Ахиллес поворачивается к соратникам.

— Я снаряжаюсь на бой, сын Дуэйна. Когда я закончу, то буду готов последовать за тобой даже в Аид.

— Начнем с Илиона, — говорю я.

— Идем, я представлю тебя моим товарищам и военачальникам, ибо Агамемнон побежден.

Он ведет меня к Одиссею и другим.

Я не могу удержаться и не спросить:

— Агамемнон убит? И Менелай?

Ахиллес мрачно качает головой:

— Нет. Я не убил Атридов, хотя одолел обоих в

поединке, одного за другим. Оба сильно помяты и окровавлены, но ранены не так уж тяжело. Сейчас с ними целитель Асклепий, и хотя оба поклялись мне в верности в обмен на свою жизнь, я никогда не стану им доверять.

Ахиллес представляет меня Одиссею и другим героям, за которыми я наблюдал больше девяти лет. Каждый приветственно сжимает мне запястье, и к концу знакомства с одними только вождями пальцы у меня немеют.

— Богоравный Ахиллес, — говорит Одиссей, — нынче утром ты стал нашим царем. Мы поклялись тебе в верности и пообещали идти за тобой хоть на сам Олимп, дабы забрать тело нашего товарища Патрокла после вероломного деяния Афины, как ни малоправдоподобно звучит эта история. Однако я должен сказать, что твои воины и вожди голодны. Ахейцам нужно есть. Они все утро сражались с троянцами после почти бессонной ночи и отогнали неприятеля от наших черных кораблей, от нашего вала и наших рвов. Теперь они устали и голодны. Вели Талфибию зажарить вепря для предводителей, а ты и твои люди тем временем успеете поесть и…

Ахиллес круто поворачивается к сыну Лаэрта:

— Поесть?! В своем ли ты уме, Одиссей? Все,

чего я алчу, — это сеча, кровь, стоны умирающих людей и убиваемых богов!

Одиссей чуть склоняет голову:

— О Ахиллес, сын Пелея, величайший среди ахейцев! Ты и сильнее меня, и много лучше разишь копьем, однако я, родившийся раньше и больше изведавший, возможно, превосхожу тебя мудростью. Так внемли моим словам, о новый царь и владыка. Не отправляй своих верных ахейцев, аргивян и данайцев на голодное брюхо воевать от рассвета до заката, а особенно против Олимпа.

Ахиллес медлит с ответом. Одиссей, пользуясь его молчанием, приводит следующий довод:

— Ахиллес, хочешь ли ты, чтобы твои герои, готовые все до единого сложить голову, дабы отомстить за Патрокла, умерли не в бою с бессмертными богами, а *от голода*?

Ахиллес кладет сильную руку на плечо Одиссея, и я не впервые отмечаю, насколько мужеубийца выше малорослого тактика.

— Одиссей, мудрый советник, — говорит Ахиллес. — Пусть вестник Агамемнона Талфибий зарежет самого большого вепря и насадит его на вертел, а вы тем временем разложите самый жаркий костер. Режьте волов и ешьте до отвала.

Я прикажу моим верным мирмидонцам позаботиться о достойном пире. Однако не совершайте сегодня приношений богам! Не бросайте в огонь жертвенные куски. Сегодня боги отведают наших мечей и копий!

Он оглядывает предводителей и возвышает голос, чтобы слышали все:

— Насыщайтесь, друзья мои. Почтенный Нестор! Пусть твои сыновья Антилох и Фразимед, а также сын Филея Мегес, Мерион, Фоас, сын Крейона Ликомед и еще Меланипп донесут весть о пире на передний край битвы, дабы никто из ахейцев не ушел сражаться, не подкрепив силы пищей и вином! Я же облачусь для брани и отправлюсь с Хокенберри, сыном Дуэйна, дабы подготовиться к войне с богами.

Ахиллес поворачивается и уходит в шатер, сделав мне знак следовать за собой.

Смотреть, как Ахиллес облачается для боя, — все равно что наблюдать, как моя жена Сьюзен наряжается на вечеринку, на которую мы опаздываем. Ускорить процесс невозможно, остается лишь смириться и ждать.

Однако я то и дело гляжу на хронометр и думаю о маленьком роботе — Манмуте — убили его боги или нет? Впрочем, он велел встретиться с ним

у озера через час, и у меня в запасе еще минут тридцать.

Но как мне вернуться на Олимп без Аидова Шлема? Я отдал капюшон под влиянием порыва и могу поплатиться за это в любой момент, если боги заметят меня здесь. Однако я напоминаю себе, что Афродита увидит меня в любом случае, как только я появлюсь на Олимпе, в Шлеме или без Шлема, а значит, мне нужно быстро квитироваться туда, забрать Манмута и квитироваться обратно. Сейчас гораздо важнее то, что происходит здесь и в Илионе.

Здесь происходит вот что: Ахиллес одевается.

Я замечаю, что Ахиллес скрежещет зубами, одеваясь для битвы, — вернее, в то время, как рабы, слуги и помощники помогают ему одеться для битвы. Ни один средневековый рыцарь не обходился со своими доспехами и оружием так церемонно, как Ахиллес, сын Пелея, в этот день.

Первым делом Ахиллес надевает искусно изогнутые поножи — наголенники, которые напоминают мне дни, когда я был кетчером в Малой лиге. Только эти поножи не пластмассовые, а бронзовые с серебряными застежками.

Затем Ахиллес пристегивает к могучей груди броню и вешает на плечо длинный меч. Меч тоже

бронзовый, отполирован до зеркального блеска и наточен, как бритва, а рукоять усажена серебряными гвоздями. Я мог бы поднять этот меч, если бы сел на корточки и взялся двумя руками. Хотя не уверен…

Затем он берет свой огромный круглый щит, составленный из двух слоев бронзы и слоя олова (редкий металл в эти дни), разделенных золотой прокладкой. Гомер отвел этому щиту целую песнь «Илиады». Кроме того, ему посвящено множество отдельных стихотворений, в том числе мое любимое, то, что написано Робертом Грейвсом. И, удивительное дело, в реальности он ничуть не разочаровывает. Достаточно сказать, что его узор включает концентрические круги, в которых воплотились античные представления о мире. По внешнему краю изображена река Океан, далее следуют поразительные сцены из жизни мирного града и града, охваченного войной, а в середине помещены Земля, море, солнце, луна и звезды. Даже в полумраке шатра щит сияет, словно зеркало гелиографа.

Наконец Ахиллес водружает на голову тяжелый шлем, надвинув его на брови. По легенде, сам бог огня Гефест изукрасил золотой гребень конской гривой (на этой войне шлемы с высокими гребня-

ми носят не только троянцы, но и Ахиллес), и это правда, что высокий золотой плюмаж как будто пылает огнем.

Теперь остается взять копье. Ахиллес проверяет, прочно ли подлажена броня, словно защитник НФЛ, пробующий, хорошо ли пристегнуты подплечники. Мужеубийца крутится на пятках, убеждаясь, что поножи и кираса прилегают плотно, но не так плотно, чтобы он не мог уворачиваться и наносить удары. Затем пробегает несколько шагов, дабы удостовериться, что все, начиная с высоко зашнурованных сандалий и заканчивая шлемом, крепко сидит на местах. И наконец, Ахиллес одним движением поднимает щит и выхватывает меч так ловко, будто проделывал такое с рождения.

Он убирает меч в ножны и говорит:

— Я готов, Хокенберри.

Ахейские военачальники сопровождают нас с Ахиллесом на берег, где я оставил Орфу. Стражи не смеют приблизиться к крабовому панцирю, который по-прежнему парит в моей левитационной сбруе. Это зрелище собрало довольно заметную толпу воинов. Я решаю, что сейчас самое время устроить небольшое цирковое представление для Одиссея, Диомеда и прочих

аргивских вождей и тем завоевать их уважение. К тому же я понимаю, что они не ослеплены яростью, как Ахиллес, и вряд ли рвутся идти на битву с бессмертными богами, которым служат и поклоняются сколько себя помнят. Теоретически все, что укрепит власть Ахиллеса над войском, будет на пользу нам обоим.

— Возьми меня за локоть, — шепчу я.

Ахиллес повинуется, я свободной рукой поворачиваю медальон, и мы исчезаем.

Елена назначила нам встречу рядом с детской в доме Гектора. Я там уже бывал, так что мне не сложно визуализировать нужное место. Мы квитируемся в пустую комнату. До времени, когда сменится стража на стенах Илиона, еще минут пять. В комнате есть окно, и мы оба видим, что находимся в центре Илиона. С улицы доносится шум — громыхают запряженные волами повозки, цокают конские копыта, щелкают бичи, рыночные торговцы зазывают покупателей и сотни пеших ног шаркают по булыжной мостовой.

Ахиллес ничуть не удивлен квантовой телепортацией. Я вспоминаю, что его жизнь была полна божественной магии. Как-никак его воспитывал кентавр. Сейчас, сознавая, что он в самом сердце вражеского города, герой лишь кладет ладонь на

рукоять меча и смотрит на меня, словно спрашивая: «Что дальше?»

Ответ на его вопрос: душераздирающий мужской крик из детской. Я узнаю голос Гектора, хотя никогда не слышал, чтобы он так стенал. Женщины тоже плачут и причитают. Гектор кричит снова, словно от нестерпимой боли.

Мне совсем не хочется входить в детскую, но Ахиллес сам устремляется вперед, крепко сжимая рукоять полуобнаженного клинка. Я иду следом.

Все мои троянки здесь — Елена, Гекуба, Лаодика, Феано и Андромаха, но они даже не поворачивают голову, когда входим мы с Ахиллесом. Гектор тоже здесь, в запыленном и окровавленном боевом облачении, но он и не смотрит на своего главного врага, когда Ахиллес останавливается и глядит туда, куда направлены исполненные ужаса взгляды.

Резная колыбель опрокинута и забрызгана кровью. Кровь на полу и на сетке от мошкары. Маленький Скамандрий, ласково прозванный Астианактом, лежит на полу — изрубленный на куски. Головы нет. Ручки и ножки отрезаны. Одна пухлая ладошка на месте, другая отсечена от кисти. Царские пеленки с искусно вышитым фамильным гербом Гектора пропитались кровью.

Рядом лежит тело кормилицы, которую я видел на укреплениях, а потом мирно спящей всего ночь назад. Такое ощущение, будто ее изодрала исполинская рысь. Ее мертвые руки протянуты к опрокинутой колыбели, словно она пыталась защитить младенца.

Служанки вопят и рыдают в дальнем углу, но Андромаха говорит. Голос у нее потрясенный, но почти пугающе спокойный.

— Мой муж и повелитель, это совершили боги-ни Афродита и Афина.

Лицо Гектора под шлемом — жуткая маска ужаса и горя. Рот открыт, с отвисшей губы капает слюна.

— Афина? Афродита? Как такое возможно?

— Примерно час назад я подошла к дверям и услыхала их разговор с кормилицей, — говорит Андромаха. — Афина Паллада сама сказала мне, что Зевс повелел принести в жертву нашего любезного Скамандрия. «Годовалый телец для жертвенного приношения» — были слова боги-ни. Я пыталась возражать, плакала, молила, но богиня Афродита велела мне молчать, сказав, что воля Зевса должна быть исполнена. Афро-дита сказала: боги недовольны тем, как идет война, и тем, что ты не сжег прошлой ночью

черные корабли. И что они заберут эту жертву как предостережение. — Андромаха указывает на изрубленного ребенка. — Я послала самых быстроногих слуг за тобою на поле боя и собрала этих женщин, чтобы они были со мной, о муж, до твоего возвращения. Пока ты не пришел, мы больше не входили в эти двери.

Гектор обращает к нам безумное лицо, но смотрит как будто сквозь безгласного Ахиллеса. Думаю, сейчас он не заметил бы и кобру у своих ног. Он ослеп от горя. Он видит только тело Скамандрия — обезглавленное, окровавленное, со сжатым кулачком.

— Андромаха, жена, любимая, — сдавленно произносит Гектор, — почему ты не лежишь на полу рядом с нянькой, почему не погибла, как она, пытаясь защитить наше дитя от гнева бессмертных?

Андромаха опускает лицо и беззвучно рыдает:

— Афина удержала меня на пороге незримой стеной, в то время как ее божественная сила совершила это.

Слезы капают на ее платье. Теперь я вижу, что ее одежда окровавлена, как если бы она стояла на коленях, прижимая к себе останки зарубленного младенца. И хотя это совершенно другая история,

я вспоминаю, как смотрел телевизор и видел Джекки Кеннеди далеким ноябрьским днем, когда был еще подростком.

Гектор не обнимает жену. Служанки воют еще громче, но Гектор мгновение молчит, затем поднимает мускулистую, покрытую шрамами руку, сжимает кулак и кричит, обращаясь к потолку:

— Я бросаю вам вызов, боги! Афина, Афродита, Зевс и каждый, кого я почитал больше жизни, отныне вы мои враги! — Он потрясает кулаком.

— Гектор, — говорит Ахиллес.

Все поворачиваются к нам. Служанки вопят от ужаса. Елена зажимает рот ладонью, превосходно изображая испуг. Гекуба вскрикивает.

Гектор обнажает клинок и скалится с яростью, похожей на облегчение. *Наконец-то есть на кого излить свой гнев. Есть кого убить.*

Ахиллес вскидывает пустые ладони:

— Гектор, мой собрат по боли. Я пришел разделить твою скорбь и готов сражаться рядом с тобой.

Так и не успев кинуться на врага, троянский герой застывает. Его лицо превращается в маску недоумения.

— Прошлой ночью, — говорит Ахиллес, не опуская мозолистых ладоней, — Афина Паллада

пришла в мой шатер посреди мирмидонского лагеря и убила моего любимейшего друга. Патрокл пал от ее руки, а его тело брошено на Олимпе на растерзание хищникам.

— Ты сам это видел? — спрашивает Гектор, все еще сжимая меч.

— Я говорил с ней и видел все своими глазами, — отвечает Ахиллес. — Это была богиня. Она убила Патрокла, как и твоего сына, и по той же причине. Она сама мне это сказала.

Гектор переводит взгляд на меч в своей руке, будто и оружие, и рука его предали.

Ахиллес делает шаг вперед. Женщины расступаются перед ним. Ахейский мужеубийца протягивает правую руку, почти касаясь острия Гекторова меча.

— Благородный Гектор, враг, кровный брат, — тихо говорит Ахиллес, — пойдешь ли ты со мною на эту новую битву, дабы отмстить за наши утраты?

Гектор роняет меч, так что бронза звенит о мраморный пол, а рукоять оказывается в луже младенческой крови. Говорить троянец не может. Он делает шаг вперед, как если бы шел в атаку, стискивает запястье Ахиллеса (будь это моя рука, он бы ее оторвал, так сильна его хватка) и не

выпускает, словно боится упасть.

Все это время, признаюсь, я тайком косился на Андромаху. Она по-прежнему тихо плачет, хотя лица других женщин намного сильнее выражают горе и потрясение.

Ты это сделала? — думаю я. *Ты поступила так с собственным ребенком, лишь бы повернуть войну по-своему?*

Думая это и с отвращением пятясь от Андромахи, я тем не менее понимаю, что другого выхода не было. Не было. Затем я вновь вижу растерзанные останки Астианакта, Владыки города, и я отступаю еще на шаг. Никогда, ни за тысячу, ни за десять тысяч лет, мне не понять этих людей.

И тут на пустую половину комнаты квитируется настоящая богиня Афина в сопровождении моей Музы и Аполлона.

— Что здесь происходит? — вопрошает Афина Паллада, гордо выпрямившись во все свои восемь футов и презрительно глядя на смертных.

— Вот он! — кричит Муза и тычет в меня пальцем.

Аполлон натягивает серебряный лук.

46. Экваториальное Кольцо

В логове Калибана было темно, тепло и сыро. Грот укрывался глубоко в астероиде, в заброшенной канализации, и гнилостные процессы разогрели его до состояния тропиков. На склизких камнях среди влаголюбивых растений сновали тритоноподобные твари. Калибан пробил корку льда, проплыл по подземной трубе, вынырнул в длинной тесной пещере, повесил сетку с пленниками на крюк, затем разодрал ее когтями и рассадил оглушенных, беспомощных людей на трех десятифутовых глыбах над булькающим прудом, а сам улегся на заросшей папоротниками замшелой трубе. Существо опустило обе ноги в грязную жижу и, положив подбородок на сцепленные пальцы, уставилось на Сейви, Хармана и Даэмана.

Когда чудовище их схватило, Даэман обмочился. Термоскин впитал жидкость и почти мгновенно самопросушился, не оставив следов, и все равно, несмотря на страх, Даэман краснел всякий раз, как об этом вспоминал.

В логове имелась атмосфера, и притяжение

тут было сильнее, чем в самом городе. Калибан сорвал с людей осмотические маски — выбросил длинную руку с когтистыми пальцами так быстро, что никто из троих не успел увернуться. Глыбы возвышались над черным прудом, будто склизкие колонны. В густом воздухе висело зловоние. Калибан втягивал ноздрями эту вонь, словно амброзию, и время от времени ухмылялся, скаля желтые зубы, как будто издевался над пленниками. Рыбный запах в пещере частично шел от самого Калибана.

Калибаны в Средиземном бассейне когда-то напугали Даэмана, теперь он понимал, что они — лишь жалкие тени настоящего, исходного Калибана. Существо было не больше земных калибанов, но бесконечно гнуснее их в своей телесности. На первый взгляд оно казалось неуклюжим и неповоротливым, однако легко проплыло в разреженном холодном воздухе мертвого города, умело гребя перепончатыми руками и ногами. Сетку, в которой бились Сейви, Харман и Даэман, оно держало огромным ртом, крепко зажав в острых зубах.

— Что тебе от нас нужно? — спросила Сейви.

Они сидели на камнях над подземным озером, а Калибан их разглядывал. Даэман видел, что

старуха вновь завладела пистолетом, упавшим в сетку вместе с ними. Она держала оружие в руке, но не целилась в чудовище. *Стреляй!* — мысленно внушал он. *Убей эту тварь!*

Калибан лежал близко над ними, так что их обдавало его смрадное дыхание. Он прошипел:

— Склонившись, бороду и волосы погладят; иль упадет к нему бутон, а в нем пчела, иль плод — хватай, бери и хрупай[47].

— Он помешан, — шепнул Харман по радиолинии.

Калибан улыбнулся:

— И говорит он о себе и о Другом, о том, кого маманя называла Богом, и, говоря о нем, он сердится — ха-ха, узнал бы Тот!

— Кто «Он»? — спросила Сейви. Голос ее был неожиданно спокойным для пленницы чудовища в зловонном гроте. — Ты говоришь о себе в третьем лице, Калибан?

— Он есть Он, — прошептало чудище, лежащее на замшелой трубе. — Если только Он не Сетебос!

---

[47] Примечания: 47

Склонившись, бороду и волосы погладят; иль упадет к нему бутон, а в нем пчела, иль плод — хватай, бери и хрупай. — Р. Браунинг. «Калибан о Сетебосе». Здесь и далее цитаты из поэмы, из которых речь Калибана состоит почти целиком, приведены в переводе Э. Ермакова с небольшими изменениями.

При упоминании этого имени Калибан распластался ниже, растопырил ноги и прикрыл голову руками, словно ожидая удара сверху. Что-то мелкое и чешуйчатое пробежало по камням и с плеском упало в мутную жижу. Вокруг поднимался желтый пар.

— Кто такой Сетебос? — спросил Харман, пытаясь говорить так же спокойно, как Сейви. — Это твой господин? Отведешь нас к нему, чтобы он мог нас отпустить? Мы с ним поговорим.

Калибан поднял голову, принялся царапать когтями трубу и прокричал куда-то под своды грота:

— Все Сетебос, да Сетебос, все лишь о нем! Так думат — спит он в холоде Луны.

— Луны? — повторила Сейви. — Твой Сетебос живет на Луне?

— Так думат — сделал Он ее на пару с Солнцем, — проговорило чудовище. — А звезды — нет; у звезд иной исток. Он тучи, метеоры, ветры сделал, все такое, и этот остров, всяку на нем живность, море гадкое, что сушу обложило.

— О чем он говорит? — зашептал по связи Даэман, обращаясь к Сейви. — Он сумасшедший? Такое впечатление, что он говорит о каком-то боге.

— Думаю, он говорит о своем боге, — ответила

Сейви. — Или о ком-то реальном, кого считает Богом.

— Кто создал такое чудовище? Уж не Бог точно, — прошептал Даэман.

При этих словах уродливые прозрачные уши чудовища заворочались и встали торчком.

— Так думат, Сикораксой урожден я, смертный червь. Так думат, что Просперо, слуга безмолвный Тихого, соделал Его слугой слуги. Так думат, Сетебос, что многорук, как каракатица, Он, в страх придя от собственных деяний, вверх взглянет — и поймет, что не достичь Того, владеющего счастьем и покоем; поэтому глядит Он вниз и из презренья игрушку-мир творит, реальности в насмешку; равнять их — что терновник с виноградом.

— Игрушку-мир, — повторила Сейви. — Ты об астероидном городе здесь, на э-кольце, Калибан?

Вместо ответа Калибан пополз вперед, словно готовая прыгнуть чешуйчатая кошка. Его желтые глаза были в каком-то ярде от их голов.

— Так думат, может, им знаком Просперо?

— Я знаю Ариэля, воплощение биосферы, — ответила Сейви. — Ариэль разрешил нам пройти через Атлантиду, чтобы попасть сюда. Нам можно здесь находиться. Спроси Ариэля.

Калибан захохотал и перекатился на спину; лишь когти да перепончатые ноги помешали ему свалиться с трубы в зловонную жижу.

— Так думат, сам Он, как Просперо, поймал для Ариэля — журавля с огромным клювом, велел ходить за рыбой, в клюве приносить; еще поймал он неуклюжего морского зверя, хромого, ослепил его, ему разрезал на пальцах перепонки, обратил в раба, в пещере поселил, назвавши Калибаном.

— Что он несет? — спросил Даэман по коммуникационной линии. — Эта тварь ненормальная. Застрели ее, Сейви. Умоляю.

— Кажется, я… возможно… понимаю, — зашептал Харман. — Он — Калибан. И он действительно говорит о себе в третьем лице, Сейви. Твой Просперо каким-то образом поработил его с помощью биосферной личности Ариэля.

— И Калибан поймал какое-то морское животное, возможно ящерку вроде тех, что здесь в пруду, и назвал ее Калибаном, — сказала Сейви. Голос ее звучал отстраненно, почти беззаботно, словно желтоглазая тварь ее загипнотизировала. — А он играет в своего господина, Просперо.

Калибан рассмеялся и почесал бок. Даэман видел над его ребрами, почти под мышками, жабры, которые открывались и закрывались, словно

гнусные серые рты.

— Взглянул недавно Он, над книгами увидел небрежного и гордого Просперо, острова владыку, — прошипел Калибан. — Сшил книгу из широких листьев, формой как стрела, ошкурил палку и назвал волшебной; для мантии волшебника взял оцелота шкуру.

— Оцелота? — повторил Харман.

— Стреляй, Сейви, — шептал Даэман. — Стреляй, пока он нас не убил!

— Скажи, Калибан, — успокаивающим тоном начала Сейви, — что случилось со здешними постлюдьми?

Калибан захныкал, из носа у него полились сопли.

— Сетебос, — прошептал он, снова глядя вверх, как будто его могли подслушать. — Сетебос велел мне замест одной ноги дать сразу три им, а то вторую оторвать и гладким как яйцо их сделать. И что за удовольствие, учтите, постлюдишек по одному выслеживать и жрать, их мясо жижей запивать, и оживает мозг и с глиной в брак вступает. Так Он. *Так Он!*

— О Господи, — выдохнула Сейви. Она откинулась назад, как будто собралась прыгнуть в мерзкую жижу.

— Что? — прошептал Даэман по связи. — В чем дело?

— Калибан действительно убил постлюдей, — прошептала старуха. Здесь, в канализационном свете, она выглядела старее обычного. — По приказу Сетебоса. Или Просперо. Кажется, Калибан почитает обоих как богов. Возможно, нет никакого Сетебоса, только его почитание Просперо.

Калибан перестал хлюпать носом и просветлел, его огромный рот растянулся в ухмылке.

— Так думат: ни добра, ни зла не видно в Нем, не добр и не жесток: он просто Сила, Вождь.

— Кто? — спросила Сейви. — Сетебос или Просперо? Кому ты служишь, Калибан?

— Скажи, что Он ужасен, — прорычал Калибан, вскакивая на задние ноги. — Зри примеры гнева! Надежды полугода ураган один разрушит. Меня Он презирает, это чую точно.

— Кто тебя презирает? — спросил Харман.

Даэман думал, что безумие — разговаривать с этой безумной тварью.

— Давай же, — заклинал он Сейви. — Убей его!

Сейви приподняла пистолет, но по-прежнему не целилась.

— Так думат, постлюдишки червоточин наделали, а Сетебос червей развел, — изрек Ка-

либан. — Просперо превратил червей в богов, а Сетебос из камня высек лик Просперо, его же прочно воздвигают зеки. Мамаша говорила так: один лишь Тихий творит, а Сетебос способен только переделать. Кто слабых сделал, тот Ему дал право слабых мучить; захотел бы он иного, да разве не сумел бы сделать глаз из рога, чтоб не царапали шипы, иль череп прочный им сделать, иль суставы укрепить, как гоблина доспехи? Тяжелы его забавы! Теперь Он — лишь один, он и решает всё.

— Кто этот один? — спросила Сейви.

Калибан сморщился, как будто сейчас снова расплачется.

— Слепая тварь Того, кто рыбу принесет под нос, возлюбит. А также любит Сетебос трудиться, напрячь ладони, показать свое уменье.

— Калибан, — проговорила Сейви раздельно и мягко, словно обращаясь к ребенку. — Мы устали и хотим домой. Ты можешь нам помочь?

Взгляд Калибана как будто сосредоточился на чем-то, кроме ненависти к другим и к себе.

— Да, леди, Калибану путь известен, и вам добра желает Он. Однако и Ему и вам Его обычай ведом, и Его не обхитрить, уж это точно.

— Скажи, как… — начала Сейви.

— Сам Он так и поступает! — сказал Калибан, все более возбуждаясь, затем сел на корточки, свесил длинные руки и принялся шипастыми костяшками пальцев сдирать с трубы мох. — Забаву эку вымыслил — придумай иль умри! Его развлечь, остаться здесь? Что делает Просперо? Эх, если б Он сказал, что делать! Не захочет!

— Калибан, если бы ты помог нам вернуться, мы бы… — Старуха еще немного приподняла пистолет.

— Все умереть должны! — заорал Калибан, напружинивая ноги и почесывая костяшки пальцев. — Так думат, Одиссея-хитреца Просперо вызвал, только Сетебос услал героя в дальний путь. Просперо, что ни ночь, к Юпитеру взывает, на Марс отправил полых человечков, но Сетебос с богами ложными в союзе. Забаву эку вымыслил — придумай иль умри!

Калибан прыгнул на конец трубы, обхватил ее ногами, кувыркнулся вниз головой и выловил из жижи ящерицу-альбиноса с выколотыми глазами.

— Сейви, — глухо произнес Харман.

— Никто не должен помереть, — кричал Калибан, плача и скрежеща зубами. — Здесь всяка тварь или летает, иль ныряет, по деревьям лазит;

Он их щадит — за что? Он больше всего рад, когда… когда… ага, они не повторяют трюка!

— Стреляй, Сейви, — сказал Даэман вслух, не по связи, а четко и громко, и его слова эхом отдались в пещере.

Старуха прикусила губу, однако подняла оружие.

— И се! — крикнул Калибан. — Лежит он, славит Сетебоса! Губу зубами закусил!

Он отпустил слепую ящерку. Она упала в пруд, но в падении ударилась о камень, на котором сидела Сейви.

— Зри примеры гнева! — взревел Калибан и прыгнул.

Сейви выстрелила, и несколько сотен зазубренных флешетт ударили Калибана в грудь, разрывая плоть, как бумагу. Калибан снова взвыл, приземлился на камень Сейви, ухватил старуху невозможно длинными руками и движением могучих челюстей почти прокусил ей шею. Сейви умерла, не успев даже вскрикнуть, ее тело в лапах чудовища обмякло, пистолет выпал из безжизненных пальцев в темную болотную жижу.

Сам истекая кровью, Калибан поднял окровавленную морду к стене грота и снова завыл. Затем,

унося под мышкой мертвую Сейви, он нырнул в булькающую воду и пропал.

47. Ардис-Холл

Утром Первой Двадцатки Ханны, доехав с подругой до факс-узла и проследив, как та в сопровождении войникса и двух сервиторов вошла в павильон, Ада начала тревожиться по-настоящему.

Беспокоиться о Хармане она начала на второй день после того, как он улетел с Даэманом и Сейви. Ада не ждала, что он спустится с небес и заберет ее на космический корабль — в эту детскую фантазию наверняка не верил и сам Харман, — однако она рассчитывала, что все трое вернутся на соньере дня через два-три. На четвертый день беспокойство сменилось гневом. Через неделю гнев остыл, а беспокойство вернулось. Ада и не знала раньше, что способна испытывать такое гнетущее чувство. У нее появились проблемы со сном. Через две недели Ада уже не знала, что и думать.

На четырнадцатое утро по-прежнему не было никаких вестей; хотя гости прибывали сотнями, никто из них ничего не слышал о Хармане или Даэмане. Ада велела войниксу отвезти ее в одно-

колке до факс-портала и, лишь минуту помедлив у павильона (а собственно, чего бояться-то?), перенеслась в Парижский Кратер.

Мать Даэмана от беспокойства не находила себе места. Сыну случалось задерживаться в гостях на недели, а за год до Первой Двадцатки он загулял аж на целый месяц, увлекшись охотой на бабочек, но он всегда сообщал, где находится и когда вернется домой. А тут две недели — и ни слуху ни духу.

— Не стоит волноваться, — утешала Ада, похлопывая старшую женщину по руке. — Наш друг Харман присмотрит за Даэманом, а женщина, с которой мы познакомились, — Сейви — присмотрит за ними обоими.

Мать Даэмана это успокоило, а вот самой Аде сделалось только хуже.

Теперь, через две недели после визита в Парижский Кратер, скучая по Харману, но зная, что Ханна в лазарете и у нее все хорошо, Ада ехала в одноколке домой, и ее одолевали разные мысли.

За последний месяц Ардис-Холл наводнили толпы людей. Две недели назад Ада вернулась из Парижского Кратера ночью, так что сейчас впервые увидела перемены с ведущей к поместью дороги, и зрелище это заставило ее ахнуть.

Старую белую усадьбу на холме окружали десятки цветных палаток. Поначалу слушать Одиссея на лугу за домом собирались десять-двадцать человек, по большей части мужчин, однако постепенно десятки превратились в сотни, а затем и в тысячи прибывающих факсом. В Ардис-Холле имелась всего дюжина повозок, и все они работали на износ — как и странно измотанные войниксы, — днем и ночью перевозя гостей от факс-узла до дома. Теперь волонтеры из числа учеников Одиссея по очереди дежурили у факс-портала, убеждая новых гостей пройти пешком немыслимо долгий путь — милю с четвертью. Гости соглашались. А потом шли пешком обратно, чтобы через несколько дней или даже часов вернуться с новыми посетителями — опять-таки по большей части мужчинами.

Сейчас, когда одноколка остановилась на подъездной дороге перед Ардис-Холлом, Ада поняла, что ее уединенная усадьба превратилась в часть растущего города. Десятки палаток воздвигли, разумеется, войниксы, но теперь ими занимались люди. Здесь были палатки-кухни, палатки-столовые, палатки-туалеты (Одиссей показал, как выкопать нужник в стороне от лагеря) и спальные палатки. За время этого сумасшествия мать

Ады один раз заглянула в гости, увидела, что десятки людей ходят по Ардис-Холлу, как по общественному рынку, тут же факсировала к себе в Уланбат и с тех пор не показывалась.

Ада приняла стакан холодного лимонада у одного из постоянных добровольцев — Ремана, молодого человека, который, как многие здешние ученики, начал отпускать бороду, — и пошла на луг, где Одиссей четыре-пять раз в день говорил и отвечал на вопросы перед все возрастающей толпой. У Ады было сильное желание прервать бессмысленную лекцию нахального варвара и у всех на глазах спросить его, почему он, Одиссей, не удосужился проститься с девушкой, которая его боготворит.

Вчера вечером, когда праздновали Первую Двадцатку Ханны (событие всегда отмечали накануне самого дня рождения, за день до того, как виновник торжества факсировал в лазарет), Одиссей едва заглянул на торжественный ужин. Ада видела, что подруга обижена. Девушка по-прежнему считала, что влюблена в Одиссея, хотя тот словно не замечал ее чувств. После возвращения из поездки Ханна ходила за Одиссеем как тень, а он ее как будто не видел. Когда Одиссей пренебрег Адиным гостеприимством и разбил

лагерь в лесу, Ханна пыталась поселиться рядом, но Одиссей прогнал ее ночевать в дом. Каждый день, когда Одиссей бегал, упражнялся, а позже боролся с учениками-мужчинами, Ханна была рядом — бегала, преодолевала полосу веревочных препятствий и даже вызывалась бороться. Одиссей ни разу не согласился вступить в борьбу с красивой девушкой.

На праздновании каждый из десятка с лишним гостей за столом под большим дубом произнес традиционную речь — поздравил Ханну с первым посещением лазарета, пожелал ей здоровья и счастья. Однако Одиссей, когда пришла его очередь, сказал только: «Не отправляйся туда». Потом Ханна рыдала у Ады в спальне и даже думала отказаться от визита в лазарет, спрятаться как-нибудь от сервиторов, которые в это самое время вышивали ей церемониальный наряд. Однако, разумеется, она должна была отправиться в лазарет. Все через это проходили. Ада один раз, Харман — четыре. Даже отсутствующий Даэман бывал в лазарете дважды — на Первую Двадцатку, а затем после несчастного случая с аллозавром.

Когда настало утро и Ханна спустилась из спальни в одном лишь церемониальном хлопко-

вом халатике, украшенном скромным вышитым изображением кадуцея — синих змей-целительниц, обвивающих жезл, — Одиссей так и не зашел проститься с молодой приятельницей.

Всю дорогу в одноколке Ада кипела от злости. Ханна всплакнула, отвернувшись, чтобы Ада не видела ее слез. Из подруг Ады Ханна была самой крепкой. Сегодня эта бесстрашная художница, спортсменка и скульптор казалась потерянным ребенком.

— Может быть, он обратит на меня внимание, когда я вернусь из лазарета, — говорила Ханна. — Может быть, я стану взрослее, женственнее…

— Может быть, — ответила Ада, а про себя подумала, что все мужчины — самовлюбленные, бесчувственные свиньи, только и ждущие случая поступить еще более по-свински.

Ханна выглядела такой хрупкой и беззащитной, когда два сервитора выплыли из факс-павильона и за руки повели ее к факс-порталу. Погода стояла ясная — чистое голубое небо, легкий западный ветерок, — и только в сердце Ады сгущались грозовые тучи. Она не понимала, откуда у нее это чувство какого-то рокового события. Она провожала в лазарет десятки друзей, сама побывала там и лишь смутно помнила, как плавала в

теплой жидкости. Однако Ада заплакала, когда Ханна помахала за секунду до того, как исчезнуть. Обратная дорога до Ардис-Холла только усилила злость Ады на Одиссея, Хармана и мужчин в целом.

Таким образом, поднимаясь по холму за Ардис-Холлом, чтобы послушать лекцию Одиссея верным и любопытным, Ада вовсе не чувствовала себя его восторженной ученицей.

Коренастый бородач, одетый в тунику и сандалии, с мечом на поясе, устроился на поваленном сухом дереве, которое сам для себя срубил, а на склоне сидели и стояли сотни мужчин и женщин. Несколько мужчин были в таких же туниках, как у Одиссея, и подпоясаны такими же широкими кожаными ремнями. Большинство отпускало бороды. Такой моды не было, сколько Ада себя помнила.

Сейчас Одиссей отвечал на вопросы. Ада знала, что обычно он говорит примерно полтора часа после рассвета, затем проводит несколько часов в одиночестве, час отвечает на вопросы перед ланчем, снова говорит во второй половине дня и в долгих послезакатных сумерках еще раз отвечает на вопросы. Сейчас было собрание перед ланчем.

Молодой человек из новеньких поднял руку:

— Учитель, зачем нам нужно выяснять имена своих отцов? Прежде это было не важно.

За последний месяц Ада заметила, что Одиссей, говоря, обычно выставляет руки перед собой и тычет короткими сильными пальцами в воздух, подчеркивая главные мысли. Руки и ноги у него были мощные и загорелые. Сегодня Ада впервые обратила внимание, что бородатые люди в толпе тоже стали загорелыми и мускулистыми. Одиссей устроил на холме полосу препятствий — веревки, бревна, рвы с грязью — и требовал, чтобы каждый, кто слушал его более двух раз, занимался там не меньше часа в день. Многие мужчины — и некоторые женщины — поначалу смеялись, но теперь упражнялись на полосе или бегали часами каждый день. Аду это удивляло.

— Если не знаешь, кто твой отец, — спокойно и громко отчеканил воин, так что голос его разнесся далеко по лужайке, — как ты познаешь самого себя? Я Одиссей, сын Лаэрта. Отец мой — царь, но и землепашец. В последний раз я видел его на коленях, сажающим новое деревце взамен исполина, который погубила молния и отец сам его срубил. Если бы я не знал отца и деда, не знал, ради чего они жили и готовы были умереть, как бы я узнал себя?

— Расскажи нам еще раз про *арете*, — раздался голос из задних рядов.

Ада узнала говорящего. Петир появился в те дни, когда гостей можно было пересчитать по пальцам, и не покидал Ардис-Холла с тех пор, как на второй или третий день впервые услышал Одиссея. Петир был не мальчик (Ада предполагала, что он на Четвертой Двадцатке), но успел за месяц обзавестись почти такой же густой бородой, как у Одиссея.

– *Арете* — это просто совершенство и стремление к совершенству во всем, — сказал Одиссей. — *Арете* требует совершать любое деяние как своего рода служение совершенству, посвятить себя стремлению к совершенству, узнавать его, когда видишь, и достичь совершенства в собственной жизни.

Грузный новичок в десятом ряду, чем-то напомнивший Аде Даэмана, рассмеялся:

— Как можно достичь совершенства во всем, Учитель? И зачем? Это так утомительно! — Он огляделся по сторонам, ожидая поддержки.

Никто не смеялся. Ученики лишь молча глянули на него и вновь повернулись к Одиссею.

Грек улыбнулся, сверкнув крепкими белыми зубами над короткой седой бородой.

— Невозможно достичь совершенства во всем, друг мой, однако нужно к этому стремиться. Да и как можно этого не хотеть?

— Однако занятий так много, — упорствовал грузный мужчина. — Нельзя же упражняться во всех сразу. Надо уметь выбирать главное, разве не так? — Он ущипнул свою молодую соседку, видимо приятельницу, и она хихикнула, однако никто больше не смеялся.

— Да, — сказал Одиссей. — Однако ты оскорбляешь любое занятие, которым не чтишь *арете*. Ешь ли ты? Ешь так, будто последний раз в жизни. Готовь так, будто нет на свете другой еды! Приносишь жертву богам? Жертвуй так, словно жизнь твоих близких зависит от твоей искренности и благоговения. Любишь? Да, люби, словно это самое главное в мире, но пусть любовь будет звездой в созвездии совершенства, которое есть *арете*.

— Я не понимаю *агон*, Одиссей, — сказала молоденькая женщина в третьем ряду, Пеаэн. Она была умная, скептичная, но Одиссея слушала уже четвертый день.

– *Агон* — это просто сравнение вещей между собой, — негромко, но внятно ответил Одиссей. — Равноценны ли они, или одна больше другой. Все

во вселенной участвует в динамике *агона*.

Одиссей указал на мертвое дерево, на котором сидел.

— Это дерево более великое, чем… то? Или менее? Или они одинаковы?

Он указал на высокое дерево у края леса. Под сенью ветвей стоял войникс. Войниксы к Одиссею не приближались.

— То дерево живое, — крикнул грузный мужчина, говоривший раньше. — Оно превосходит мертвое.

— Разве все живое превосходит мертвое? — спросил Одиссей. — Многие из вас видели битву в туринских пеленах. Разве живущий ныне продавец навоза лучше Ахиллеса, пусть даже Ахиллес теперь мертв?

— Это сравнение несравнимого! — крикнула какая-то женщина.

— Нет, — сказал Одиссей. — Оба мужчины. Оба люди. Оба родились. Оба умрут. И не важно, что один до сих пор дышит, а другой переселился в царство теней. Нужно иметь возможность сравнивать мужчин — и женщин, — и для этого надо знать своего отца. Свою мать. Нашу историю. Истории каждого из нас.

— И все же, Учитель, дерево, на которым ты си-

дишь, по-прежнему мертвое, — вмешался Петир.

На сей раз люди на склоне рассмеялись.

Одиссей рассмеялся вместе со всеми и указал на воробья, севшего на несрубленную ветку:

— Оно не только *по-прежнему* мертвое, но и *недавно* мертвое, однако в терминах *агона* оно уже сейчас полезнее живого на холме. Для этой птицы. Для насекомых, которые прямо сейчас вгрызаются в кору мертвого великана. Для мышей и созданий побольше, что скоро поселятся внутри ствола.

— Так кто же главный судья *агона*? — спросил серьезный пожилой мужчина в пятом ряду. — Птицы, жуки или человек?

— Все, — ответил Одиссей. — Каждый по очереди. Однако значение имеет лишь ваш собственный суд.

— А это не наглость? — спросила женщина, в которой Ада узнала подругу своей матери. — Кто избрал нас судьями? Кто дал нам право сравнивать?

— Вселенная выбрала вас за пятнадцать миллиардов лет эволюции, — отвечал Одиссей. — Она дала вам глаза, чтобы смотреть. Руки, чтобы держать и взвешивать. Сердце, чтобы чувствовать. Разум для познания законов. И воображение,

чтобы учитывать суждение птиц, жуков и даже деревьев. И вы в своих суждениях должны руководствоваться *арете*, — поверьте, птицы, жуки и деревья так и поступают. Им не нужна посредственность. Им не важно, наглость ли судить, что бы они ни выбирали — пару, врага или… дом.

Одиссей указал на воробья, который допрыгал до дупла и скрылся внутри дерева.

— Учитель, — спросил молодой человек из последних рядов, — почему ты требуешь, чтобы мы, мужчины, боролись каждый день?

Ада решила, что с нее довольно, и, допив остатки лимонада, пошла обратно к дому. На крыльце она остановилась и глянула на длинный зеленый двор, где прогуливались, разговаривая, еще десятки гостей — учеников Одиссея. Сервиторы сновали от одного к другому, но мало кто принимал у них угощение или напиток. Одиссей попросил, чтобы всякий, кто слушает его больше одного раза, не пользовался услугами сервиторов и войниксов. Поначалу это многих отпугнуло, и все же толпа последователей росла с каждым днем.

Ада посмотрела на голубое небо, увидела бледные орбитальные кольца и подумала о Хармане. Она так злилась, когда он заговорил о том, что

женщины выбирают сперму через месяцы, года или десятилетия после соития. Это вообще не обсуждалось, кроме как между матерью и дочерью, и то лишь один раз. Да еще эта чушь про гены мотыльков, как будто женщины не выбирали отцов для разрешенного им ребенка с незапамятных времен. Этот разговор был таким… неприличным.

Однако по-настоящему Аду взбесили слова любовника, что он хочет быть отцом ее ребенка… и не просто чтобы его семя выбрали когда-нибудь в будущем, но быть рядом, называться отцом ребенка… Потому-то Ада отпустила его в безобидное путешествие с Даэманом и Сейви без единого доброго слова. И даже с враждебными словами и взглядами.

Ада прикоснулась к низу живота. Лазарет пока не известил ее через сервиторов, что пришло время забеременеть; впрочем, она и не просила внести ее в список. Она радовалась, что выбирать между… как их там назвал Харман? — спермопакетами? — придется еще не скоро. Однако она подумала о Хармане, о его умных любящих глазах, о нежных, но сильных прикосновениях, о старом, но страстном теле — и снова потрогала живот.

— Аман, — шепнула она, — сын Хармана и

Ады.

И покачала головой. Даже для нее разглагольствования Одиссея не прошли даром. Вчера после заката, когда десятки учеников шли к факс-павильону или к палаткам (куда больше к палаткам, чем к факс-павильону), Ада не выдержала и напрямик спросила у Одиссея, долго ли тот намерен оставаться в Ардис-Холле.

Старый воин улыбнулся почти печально:

— Не слишком долго, моя дорогая.

— Неделю? — не сдавалась Ада. — Месяц? Год?

— Не так долго, — сказал Одиссей. — Лишь до тех пор, когда небеса упадут, Ада, и новые миры возникнут в твоем дворе.

В гневе на такую наглость, чувствуя сильнейшее желание сказать сервиторам, чтобы те выставили волосатого варвара, Ада ушла в спальню — последний уединенный уголок среди внезапно ставшего общественным Ардис-Холла, — и долго лежала без сна, сердясь на Хармана, тоскуя по Харману, тревожась о Хармане, вместо того чтобы отдать сервиторам какое-нибудь распоряжение насчет Одиссея.

Сейчас она повернулась, чтобы зайти в дом, когда вдруг уловила краем глаза какое-то движение, заставившее ее оглянуться. Сперва Ада подумала,

что это просто кольца вращаются, как всегда, затем пригляделась. Чистую синеву неба прочертила тонкая линия, словно алмазом чиркнули по стеклу. Затем еще одна — ярче, шире. И снова. На этот раз Ада увидела хвост алого пламени. Тремя секундами позже над лужайкой прокатились три глухих раската. Гуляющие ученики остановились и задрали голову. Даже сервиторы и войниксы замерли, оставив свои дела.

С холма за домом неслись крики и визг. Люди на лугу указывали вверх.

Теперь десятки линий расчерчивали лазурь — пылающие линии пересекались, падая с запада на восток. За некоторыми тянулись цветные косматые полосы, другие раскатисто громыхали.

Небеса падали.

48. Илион и Олимп

Война всех войн начинается здесь, в спальне убитого младенца.

Боги, наверное, тысячи раз квантово телепортировались к смертным: Афина, гордая своей божественностью, Аполлон, уверенный в своей силе, и моя Муза, которую, вероятно, взяли с собой, чтобы опознать беглого схолиаста Хокенберри. Однако сегодня их встречает не благоговейный страх и не готовность глупых смертных истреблять друг друга любым предложенным способом. Богов атакуют в миг появления.

Аполлон направляет в мою сторону лук, Муза указывает на меня и кричит: «Вот он!», но бог не успевает приладить на тетиву серебряную стрелу. Гектор совершает стремительный прыжок, разрубает лук, делает еще шаг и всаживает меч в живот Аполлону.

— Остановись! — кричит Афина, запоздало прикрываясь силовым полем.

Однако быстроногий Ахиллес уже шагнул в кольцо ее защиты. Одним ударом меча он рассекает богиню от плеча до бедра.

Вой богини можно сравнить разве что с ревом реактивного самолета. Почти все смертные в комнате (включая меня) падают на одно колено и зажимают уши. Но не Гектор. И не Ахиллес. Эти двое глухи ко всему, кроме собственного бурлящего гнева.

Аполлон выкрикивает некую громовую угрозу и поднимает руку — хочет то ли остановить Гектора, то ли выпустить испепеляющую молнию. Гектору некогда разгадывать божественные намерения: он двумя руками отводит меч и наносит мощный удар слева (ну вылитый Андре Агасси в лучшие дни). Гектор отсекает Аполлону правую руку, брызжет золотой ихор.

Второй раз в жизни я наблюдаю, как бог корчится от боли и меняет облик — теряет богоподобный человеческий образ и превращается в водоворот черноты. Из этой черноты несется вой, от которого служанки выбегают из комнаты, а я падаю на оба колена. Пять троянских женщин — Андромаха, Лаодика, Феано, Гекуба и Елена — выхватывают из одежды кинжалы и бросаются на Музу.

Афина, тоже подрагивающая и нестабильная, смотрит на свою рассеченную грудь и кровоточащий живот, затем выпускает луч когерентной энергии, который превратил бы голову Ахиллеса

в плазму, однако ахеец уворачивается со сверхчеловеческой скоростью — боги сами накачали его ДНК своим нанотехом — и рубит Афину по ногам в тот самый миг, когда стена за его спиной исчезает в пламени. Афина левитирует — отрывается от пола и зависает, однако меч Ахиллеса успевает рассечь божественные мышцы и кость, так что левая нога богини повисает двумя кусками.

На сей раз вопль такой громкий, что я на минуту теряю сознание, однако перед этим успеваю увидеть, как Муза — кошмар моих дней — в панике забывает свою способность телепортироваться и просто выбегает из комнаты, а пять троянок гонятся за ней с кинжалами в руках.

Я прихожу в себя через несколько секунд. Ахиллес трясет меня.

— Они сбежали! — рычит он. — Эти трусливые говноеды сбежали на Олимп! Веди нас туда, Хокенберри.

Одной рукой он отрывает меня от пола, ухватив за ремень нагрудного доспеха, трясет на вытянутой руке и приставляет мне к горлу острие залитого божественным ихором меча.

— Веди! — кричит он.

Сопротивляться — верная смерть. Глаза у Ахиллеса безумные, зрачки сжались до размера

булавочных уколов, но тут Гектор хватает Ахиллеса за руку и заставляет поставить меня на пол. Ахиллес отпускает меня и разворачивается к кратковременному троянскому союзнику, так что мгновение я почти уверен: Судьба все же возьмет свое и быстроногий Ахиллес убьет Гектора здесь и сейчас.

— Товарищ! — говорит Гектор, выставляя пустую ладонь. — Соратник по борьбе с жестокими богами!

Ахиллес останавливается.

— Послушай! — грохочет Гектор голосом прирожденного фельдмаршала. — Мы оба хотим последовать за ранеными богами на Олимп и умереть там в доблестной попытке низвергнуть самого Зевса.

Лицо у Ахиллеса все такое же безумное, глаза почти закатились, остались одни белки. И все же он прислушивается. Вполуха.

— Однако наша славная смерть повлечет за собой истребление наших народов, — продолжает Гектор. — Чтобы достойно отомстить за себя, мы должны собрать наши армии, взять Олимп в осаду и низвергнуть *всех* богов. Ступай к своим людям, Ахиллес.

Ахиллес моргает и поворачивается ко мне.

— Ты! — рявкает он. — Можешь своей магией перенести меня в ахейский лагерь?

— Да, — слабым голосом отвечаю я.

Елена и другие женщины возвращаются в осиротевшую детскую; кинжалы у них не запятнаны, — стало быть, Муза ускользнула.

Ахиллес поворачивается к Гектору:

— Поговори со своими людьми. Убей всех военачальников, кто станет тебе противиться. Я так же поступлю с моими аргивянами и буду ждать тебя через три часа на высоком кургане перед Илионом, ты знаешь, о чем речь. Вы, местные, зовете его Ватией, Лесным холмом, а мы и боги — могилою быстрой амазонки Мирины.

— Я знаю его, — отвечает Гектор. — Возьми с собой на совет двенадцать твоих любимых военачальников, но войско оставь в полулиге от того места, пока мы не обсудим стратегию.

Ахиллес обнажает белые зубы — это может быть улыбка или оскал:

— Ты не доверяешь мне, сын Приама?

— Наши сердца соединили узы безмерного гнева и безутешной скорби, — отвечает Гектор. — Ты оплакиваешь Патрокла, я — моего сына. Сейчас мы братья по боли, но за три часа пламень общего дела может остыть. И с тобой лучший тактик ми-

ра, Одиссей, чьего хитроумия страшатся троянцы. Если сын Лаэрта посоветует тебе вероломно на нас напасть, как я об этом узнаю?

Ахиллес нетерпеливо трясет головой:

— Хорошо, тогда через два часа. Я отберу самых надежных моих военачальников. Все, кто не пойдет со мной сегодня против богов, еще до заката вступит под сень Аида.

Он отворачивается от Гектора и сжимает мой локоть с такой силой, что я чуть не вскрикиваю.

— Перенеси меня в лагерь, Хокенберри.

Я лихорадочно нащупываю квит-медальон.

Ветер отнес левитирующего Орфу на четверть мили вниз по пляжу, и теперь он парит над прибоем между двумя черными ахейскими кораблями, а я вынужден оставить Ахиллеса с его вождями, чтобы забрать робота. Благодаря левитационной сбруе трения нет, так что я беру у собравшихся греков веревку, цепляю ее за один из левитационных ремней и вытягиваю побитый панцирь из моря на глазах у изумленных героев «Илиады».

Очевидно, в ахейском лагере разгорелись жаркие споры. Диомед сообщает Ахиллесу, что половина людей готовит корабли к отплытию, а другая половина прощается с жизнью. Мысль о том, чтобы ослушаться богов — а тем более

пойти на них войной, — не только безумна, но и кощунственна для тех, кто видел олимпийцев в действии. Диомед и сам близок к тому, чтобы перечить Ахиллесу.

Со всегдашним красноречием Ахиллес напоминает о своем единоборстве с Агамемноном и Менелаем и о том, что теперь он законный предводитель войска. Затем напоминает об убийстве Патрокла. Превозносит мужество и преданность ахейского воинства. Говорит, что все богатства Илиона — ничто в сравнении с добычей, которая ждет их на Олимпе. Напоминает, что может убить и убьет всех, если они не подчинятся. В целом речь убедительная, хотя слушатели ей и не рады.

Все идет наперекосяк. Я рассчитывал, что герои бросят вызов богам и покончат с войной, чтобы греки отплыли на родину, а троянцы вернулись к обычной жизни и вновь распахнули Скейские ворота для путешественников и купцов. Мне виделся мирный град, как он изображен ближе к центру Ахиллесова щита. И я думал — надеялся, — что Ахиллес и Гектор смиренно пожертвуют собой для общего блага, а не втянут в битву десятки и сотни тысяч соратников.

И даже мой план повести Гектора и Ахиллеса на Олимп для роковой *аристейи* обречен. Я соби-

рался квитировать двух воинов по одному, чтобы на ничего не подозревающих богов обрушилась троянско-греческая гроза. Однако нападение на Аполлона и Афину в комнате Скамандрия лишило нас всякого преимущества внезапности.

И что теперь?

Я смотрю на часы. Я обещал забрать маленького робота. Однако Великий чертог богов, да и весь Олимп, наверняка гудит, как разворошенное осиное гнездо. Мои шансы квитироваться туда и остаться незамеченным близки к нулю. *Как поступят Гектор и Ахиллес, если я не вернусь?*

Это их проблема. Я поднимаю руки, чтобы натянуть на голову Шлем Аида, вспоминаю, что одолжил его Манмуту, со вздохом визуализирую координаты западного берега Кальдерного озера на вершине Олимпа и квитируюсь туда.

Тут и впрямь разворошенное осиное гнездо. В небе над озером носятся колесницы. Десятки богов столпились на берегу, одни указывают пальцем, другие мечут в воду копья чистой энергии. Озеро кипит. Другие боги усиленными голосами кричат, что Зевс повелел всем собраться в Великом чертоге. В суматохе на меня не обращают внимания. Однако это вопрос нескольких мгновений: кто-нибудь да разглядит не-бога, про-

бравшегося на территорию их элитного клуба.

Внезапно в ярдах от меня кипящие волны взрываются фонтаном брызг, и выныривает призрачная фигура, видимая лишь за счет воды, стекающей по незримой поверхности. Затем маленький темный робот снимает Шлем Аида и вручает мне.

— Лучше убраться отсюда поскорее, — говорит Манмут по-английски.

Я ошарашенно забираю кожаный Шлем. Манмут стоит с протянутой рукой, чтобы я взял ее и включил его в свое квит-поле. Я хватаю его за локоть и тут же с криком отпускаю. Металл, или пластик, или чем там уж он покрыт, раскален докрасна. Кожа у меня на ладони багровеет и вздувается пузырями.

Две колесницы летят на нас. Полыхают молнии. Отчетливо пахнет озоном.

Я хватаю робота за плечо и поворачиваю медальон, зная, что ни один из нас не выйдет из этой передряги живым. Зато я вернулся за маленьким механизмом, как обещал. Хотя бы это я сделал.

49. Экваториальное Кольцо

Первые две недели они питались только ящерками из грязного пруда. Оба так похудели, что их термоскины ужались на два размера, дабы не терять контакта с кожей.

Гибель Сейви настолько потрясла Хармана и Даэмана, что целую минуту после того, как Калибан исчез с телом их спутницы, они просто сидели на камнях в десяти футах над грязной водой. В голове Даэмана крутилась одна мысль: *Калибан вернется за нами. Калибан вернется за нами.* Затем Харман рассеял оцепенение: прыгнул солдатиком в смрадную воду и тоже исчез.

Будь у Даэмана силы, он бы взвыл от страха, а так он мог лишь смотреть на колышущуюся пену, в которой Харман пропал, бросив его одного. Через несколько долгих минут Харман вынырнул, шумно дыша и отплевываясь. В руках он держал три предмета: две их осмотические маски и пистолет Сейви. Он забрался на невысокий плоский камень, и Даэман — выйдя наконец из паралича — спустился к нему.

— Тут глубина футов десять, — выговорил Хар-

ман. — Иначе я бы их не нашел.

Он протянул Даэману его осмотическую маску и надел свою поверх термоскинового капюшона, но на лицо натягивать не стал. Затем взвесил в руке пистолет.

— Работает? — дрожащим голосом спросил Даэман.

Ему было страшно сидеть так близко к воде. Он ждал, что в любую секунду оттуда высунется длинная рука Калибана и утащит его вниз. В ушах до сих пор звучал тошнотворный хруст, с которым чудовище перекусило шейные позвонки Сейви.

— Есть лишь один способ проверить, — прошептал Харман.

Голос у него тоже дрожал, но от страха или от холодной воды, Даэман не знал.

Харман нацелил пистолет, как это делала Сейви, просунул палец под спусковую скобу и нажал. От сотен флешетт круг воды у дальней стены взорвался трехфутовым фонтаном.

— Да! — заорал Даэман, и его крик эхом раскатился по гроту. *Так тебе, Калибан!*

— Где рюкзак Сейви? — спросил Харман.

Даэман молча ткнул пальцем: рюкзак завалился за камень, на котором сидела Сейви, и лежал

теперь у его основания. Они с Харманом добрались до рюкзака и перебрали его содержимое. Фонарик по-прежнему работал. Остались три обоймы флешетт, каждая с семью пластиковыми пакетиками дротиков. Харман сумел отсоединить обойму, вставленную сейчас в пистолет, и пересчитал оставшиеся заряды. Их было два.

— Как ты думаешь, оно… он… умер? — прошептал Даэман, оглядываясь через плечо на два черных отверстия, через которые в грот втекал подводный ручей. Грот озаряло только слабое свечение грибов. — Сейви выстрелила ему прямо в грудь с расстояния всего несколько футов. Может, он умер?

— Нет, — ответил Харман. — Калибан жив. Надевай свою маску. Надо искать, как отсюда выбраться.

Подземный поток бежал из грота в грот и дальше в каверну, каждая следующая пещера была больше предыдущей. Верхние слои астероида под хрустальным городом были источены трубами и катакомбами. Выплыв во втором гроте, Даэман и Харман увидели на камнях кровь.

— Сейви или Калибана? — прошептал Даэман.

Харман пожал плечами:

— Возможно, обоих.

Он повел лучом фонарика по плоскому камню, уходящему во тьму на десять ярдов по обе стороны зловонного потока. В темноте блеснули ребра, тазобедренные и берцовые кости, череп.

— Боже, Сейви! — ахнул Даэман, торопливо опустил маску и приготовился прыгнуть обратно в воду.

Харман крепко взял его за плечо:

— Вряд ли это она.

Он подошел ближе к костям и поводил вокруг лучом фонаря. На каменных карнизах по обоим берегам лежали еще кости.

— Они все старые, — сказал Харман. — Им месяцы или годы, возможно, десятилетия.

Он поднял два ребра и посветил на них. На фоне синей термоскиновой перчатки они казались белоснежными. Даэман видел на них следы зубов.

Его снова затрясло.

— Извини, — прошептал он.

Харман покачал головой:

— Мы оба пережили потрясение и умираем с голоду. Мы ничего не ели почти два дня.

Он лег на живот у края воды.

— Может быть, в городе найдется еда… — начал Даэман.

Харман молниеносным движением опустил

руку в воду, и что-то громко заплескало. Даэман отпрыгнул, уверенный, что вернулся Калибан, затем оглянулся и увидел, что Харман двумя руками держит ящерицу-альбиноса. Она была не слепая, а с розовыми глазами-бусинами.

— Ты шутишь, — сказал Даэман.

— Нет.

— Не стоит тратить флешетты, чтобы убить эту… — начал Даэман.

Харман крепко перехватил ящерицу за задние лапы и размозжил ей голову о камень.

Даэман торопливо сдернул маску, уверенный, что его снова вырвет. Желудок ворчал и сжимался.

— Жаль, Сейви не носила в рюкзаке ножа, — пробормотал Харман. — Помнишь отличный нож у Одиссея? Нам бы такой пригодился.

Он отыскал булыжник размером с кулак и начал точить о камень. Когда получилось грубое лезвие, он отрезал амфибии голову и начал сдирать бледную кожу.

— Я этого есть не буду, — выговорил Даэман.

— Ты сам сказал, в городе еды нет, — ответил Харман.

Свежевать ящерицу оказалось относительно бескровной работой.

— Как мы ее приготовим?

— Думаю, никак. Сейви не захватила спичек, тут нечего жечь, а в городе наверху нет воздуха.

Харман оторвал от бедра ящерицы кусочек мяса, повертел его при свете фонаря и закинул в рот. Потом зачерпнул бутылью Сейви мутной воды и запил.

— И как? — спросил Даэман, хотя сам видел ответ по лицу Хармана.

Тот оторвал еще кусок мяса и протянул Даэману. Минуты две тот боролся с собой, прежде чем положить мясо в рот и прожевать. Его не стошнило. Вкус был как у соленой рыбьей слизи. Желудок сжимался, требуя добавки.

Харман протянул ему фонарик:

— Положи у края воды. Свет привлекает ящериц.

И Калибана? — подумал Даэман, но лег у края воды и стал, держа фонарик в левой руке, светить в темную воду, готовясь правой схватить белых извивающихся ящериц, когда те подплывут ближе.

— Мы сами превратимся в Калибана, — пробормотал Даэман.

В озаренной грибами темноте за его спиной Харман отрывал куски мяса и жевал.

— Нет, — ответил Харман с набитым ртом. — Не превратимся.

Из катакомб они вышли двумя неделями позже — двое бледных, бородатых, исхудавших мужчин проплыли через трубу, проломили корку льда и воспарили в относительную яркость хрустального города.

Как ни странно, именно Даэман настоял на том, чтобы выбраться наружу.

— Под землей удобнее защищаться от Калибана, — возражал Харман.

Из части рюкзака Сейви он соорудил что-то вроде кобуры, в которой носил пистолет. Они спали по очереди: один лежал у стены в той или иной пещере, другой сторожил с фонариком и пистолетом.

— Не важно, — сказал Даэман. — Надо убираться с этого астероида.

— Возможно, Калибан умирает от ран, — сказал Харман.

— А возможно, поправляется, — ответил Даэман.

Теперь они стали похожи друг на друга. Даэман похудел, и оба отрастили бороды. У Даэмана она была чуть темнее и гуще, чем у Хармана.

— Неважно, — повторил Даэман. — Мы должны

найти способ, как вернуться домой.

— Я не смогу войти в лазарет, — сказал Харман.

— Наверное, придется. Возможно, других факс-порталов на кольце нет.

— Мне все равно, — сказал Харман. — Я просто не смогу больше войти в эту живодерню. И порталы рассчитаны на прибывающие-отбывающие тела. Наверняка они закодированы на этих людей.

— Мы поменяем код, если потребуется.

— Как?

— Не знаю. Посмотрим, как сервиторы факсируют людей вниз, и сделаем так же.

— Сейви говорила, что наши коды вряд ли действительны.

— Домыслы. Она не факсировала тысячу лет с гаком. И надо, по крайней мере, исследовать остальную часть постчеловеческого города.

— Зачем? — спросил Харман; в последнее время из-за бессонницы он совершенно пал духом.

— Возможно, где-нибудь здесь есть космический корабль.

Харман засмеялся, сперва тихо, потом так неудержимо, что по щекам потекли слезы. Даэману пришлось ущипнуть его за руку.

— Идем, — сказал Даэман. — Мы знаем трубу, которая выводит наверх. Давай за мной. Если понадобится, я пробью лед выстрелом.

Оставшуюся часть города они исследовали две недели. Ночевали в пустых жилищах поменьше размером: один спал, другой дежурил. Даэману всякий раз снилось, что он падает, молотя в невесомости руками и ногами. Очевидно, Харману снилось то же самое; он ненадолго задремывал и тут же дергался и просыпался.

Хрустальный город был одинаково мертв, хотя здания по другую сторону астероида были причудливее, с большим количеством террас и внутренних двориков. Повсюду плавали наполовину изглоданные мумифицированные тела постчеловеческих женщин. Двое мужчин постоянно были голодны, и хотя они набили рюкзак Сейви разделанными тушками водяных ящериц, при виде высохших останков у Даэмана иногда начинал урчать живот. Каждый третий день им приходилось возвращаться к замерзшим прудам за водой.

Они ожидали встретить Калибана за каждым поворотом, но пока им попадались лишь плавающие капли крови — возможно, его. На третий день после выхода из катакомб, когда их глаза

только-только привыкли к яркому свету Земли, они увидели ладонь, плывущую, словно паук, в водорослевых зарослях, и подумали, что это, возможно, останки Сейви. В ту ночь («ночью» они называли короткие двадцатипятиминутные интервалы, когда Земля не светила сквозь хрустальные панели наверху) со стороны лазарета донесся леденящий душу вой. Казалось, звук передается скорее через почву астероида и экзотическую материю зданий, чем через разреженный воздух.

За месяц в орбитальном аду они исследовали весь город, кроме двух участков — дальнего конца лазарета за тем местом, где встретили Калибана, и длинного темного коридора, начинавшегося от той точки, где город круто заворачивал вокруг северного полюса астероида. Узкий, не шире двадцати метров, туннель был лишен окон и заполнен качающимися водорослями — идеальное логово для оправляющегося от ран Калибана. Когда Даэман и Харман обходили планетоид первый раз, они единогласно решили осмотреть прежде остальной город. Теперь весь город был осмотрен. Они не нашли ни космического корабля, ни других шлюзов, ни центров управления, ни других лазаретов, ни складов еды, ни новых

источников воды. Теперь перед ними стоял выбор: либо возвращаться в пещеры и пополнить запасы провизии (на дне рюкзака разлагалась последняя тушка ящерки), либо идти в лазарет и проверить местные факс-узлы, либо исследовать темный, заросший водорослями коридор.

— Темное место, — предложил Харман.

Даэман устало кивнул.

Держась за руки, чтобы не потеряться, они поплыли через водоросли. Сегодня пистолет был у Даэмана, и тот поводил им из стороны в сторону при любом подозрительном движении в зарослях. Поскольку окон не было, а свечение города сюда не проникало, дорогу освещал лишь фонарик Сейви. Оба гадали, насколько хватит заряда, но вслух об этом не говорили. Даэман успокаивал себя мыслью, что во многих (не во всех) пещерах растут светящиеся грибы и, чтобы ловить ящериц, этого хватит. Однако на самом деле ему совсем не хотелось возвращаться в охотничьи угодья. Всего две ночи назад он спросил Хармана:

— Как ты думаешь, что будет, если я сниму осмотическую маску?

— Ты умрешь, — ответил Харман без всякого выражения.

Он был болен — что с людьми случалось крайне редко, поскольку таким занимался лазарет, — и трясся в ознобе, несмотря на термоскин.

— Ты умрешь, — повторил он.

— Быстро?

— Думаю, медленно, — ответил Харман. Его синий термоскин был выпачкан грязью из прудов и кровью ящериц. — Ты задохнешься. Но здесь не чистый вакуум, так что ты еще некоторое время помучаешься.

Даэман кивнул:

— А если маску оставить, но снять термоскин?

Харман задумался:

— Это, вероятно, ускорит дело. Ты замерзнешь до смерти за минуту или меньше.

Даэман ничего не ответил и думал, что Харман снова задремал, когда тот вдруг зашептал в микрофон:

— Только не делай этого, не предупредив меня прежде, ладно, Даэман?

— Хорошо, — сказал Даэман.

Коридор так густо зарос водорослями, что они чуть было не повернули назад, но потом кое-как наловчились: один отводил стебли в сторону, другой пробивался дальше. Так они проделали ярдов двести по темному туннелю. В конце ока-

залась стена. Этого они оба и ждали, но Даэман продолжал водить фонариком, и внезапно они различили едва заметный белый квадрат в темной стене экзотического материала. Пистолет был у Даэмана, так что он первым пролез сквозь полупроницаемую мембрану.

— Что ты видишь? — спросил по связи Харман, не входя следом. — Видно что-нибудь?

— Да, — ответил микрофон Даэмана чужим голосом. — Он видит удивительные вещи.

50. Илион

— Расскажи еще раз, что ты видишь, — попросил Орфу.

Он говорил не по фокусированному лучу, а по кабелю. Манмут сидел на панцире ионийца, словно жокей на парящем слоне. Кабельная связь позволила Орфу за несколько минут перекачать Манмуту все базы греческого языка, а также «Илиаду».

— Троянские и ахейские вожди ведут переговоры на холме, — ответил Манмут. — Мы с тобой сразу за греческим контингентом. Перед нами Ахиллес, Хокенберри, Одиссей, Диомед, Большой и Малый Аяксы, Нестор, Идоменей, Фоас, Тлеполем, Нирей, Махаон, Полипет, Мерион и еще полдюжины воинов, чьи имена я не расслышал, когда Хокенберри их представлял.

— Но Агамемнона нет? И Менелая?

— Нет, они по-прежнему в лагере Агамемнона, оправляются после единоборства с Ахиллесом. Хокенберри сказал мне, что о них заботится Асклепий, целитель. У братьев сломаны ребра, на теле порезы и синяки, у Менелая контузия после

того, как Ахиллес огрел его щитом по голове, однако ничего опасного для жизни. Схолиаст утверждает, что через день-два Асклепий поставит обоих на ноги.

— Интересно, может ли Асклепий вернуть мне глаза и руки, — пророкотал Орфу.

Манмуту нечего было на это ответить.

— А что насчет троянцев? — с жаром спросил Орфу. Именно так — весело и увлеченно — должен был, в представлении Манмута, звучать голос земного ребенка. — Кто у нас от Илиона?

Манмут встал на панцире, чтобы посмотреть поверх косматых аргивских гребней.

— Главный у них, разумеется, Гектор. Трудно не заметить его блестящий шлем с красным гребнем из конской гривы. И плащ на нем алый. Он словно вызывает богов на битву.

Манмут уже передал Орфу рассказ Хокенберри о том, что произошло раньше. Гектор и его жена Андромаха прошли среди тысяч илионских воинов, неся изуродованное тело своего мертвого сына Скамандрия, по-прежнему завернутое в окровавленные царские пеленки. Его показывали всем троянцам. Если тысячи ахейцев еще подумывали отплыть на черных кораблях, то жители Трои вместе с их союзниками после мрач-

ной процессии были готовы сражаться с богами хоть врукопашную.

— Кто от Илиона, помимо Гектора? — спросил Орфу.

— Рядом с ним Парис. Потом старый советник Антенор и сам царь Приам. Старики держатся в сторонке и не вмешиваются.

— Оба Антеноровы сына, Акамас и Архелох, уже убиты, если не ошибаюсь, — сказал Орфу. — Обоих сразил Теламонид — Большой Аякс.

— Думаю, да, — сказал Манмут. — Наверное, трудно им после такого было пожимать друг другу запястья в знак мира. Я вижу, что Большой Аякс говорит с Антенором как ни в чем не бывало.

— Профессиональные воины, — сказал Орфу. — Они растят сыновей для сражений и возможной гибели. Кого еще ты видишь подле Гектора?

— Энея, — ответил Манмут.

— А, «Энеида», — вздохнул Орфу. — Эней должен… должен был… остаться единственным из царской династии — бежать из горящего города с сыном Асканием и кучкой троянцев, чтобы со временем основать город, который станет Римом. Согласно Вергилию…

— Давай не будем забегать вперед, — перебил Манмут. — Как говорит Хокенберри, карты сме-

шались. Не помню, чтобы в «Илиаде», которую ты мне закачал, греки с троянцами объединились для обреченного крестового похода на Олимп.

— Да, — согласился Орфу. — Кто еще стоит с Гектором, кроме Энея, Париса, Антенора и старого Приама?

— Еще Офрионей, жених Кассандры.

— Боже, — сказал Орфу. — Офрионей должен был погибнуть сегодня вечером или завтра в битве за греческие корабли.

— Карты смешались, — повторил Манмут. — Судя по всему, сегодня битвы за корабли не будет.

— Кто еще?

— Деифоб, еще один сын Приама. Доспехи начищены так, что без поляризующих фильтров и не взглянешь. Рядом с Деифобом этот… как его… из Педаоса, зять Приама. Имбрий.

— Ой-ой, — сказал Орфу. — Имбрию было суждено пасть от руки Тевкра всего через несколько часов…

— Прекрати! Кто-нибудь услышит.

— Услышит меня по фокусированному лучу или кабельной связи? — пророкотал Орфу. — Вряд ли, друг мой. Если ты не утаил от меня чего-нибудь об уровне греческих и троянских технологий.

— Это сбивает с толку, — сказал маленький

моравек. — Каждый второй на Лесном холме обречен пасть в течение дня-двух согласно твоей дурацкой «Илиаде».

— Это не моя дурацкая «Илиада», — пророкотал Орфу. — И потом…

— …карты смешались, — закончил Манмут. — Ой!

— Что?

— Переговоры завершились. Ахиллес и Гектор выступают вперед и пожимают друг другу запястья… господи!

— Что такое?

— Разве не слышишь?

— Нет, — ответил Орфу.

— Прости, прости, — сказал Манмут. — Извини. Я не имел в виду буквально. Я имел в виду… имел в виду…

— Говори уже! — рявкнул ониец. — Чего я не слышал?

— Обе армии — греческая и троянская — разразились криками. Господи, ну и звук. Сотни тысяч троянцев и ахеян кричат, размахивают знаменами, потрясают мечами и копьями… толпа движется к стенам Илиона. Люди на городской стене — я вижу Андромаху, Елену и других женщин, которых показывал мне Хокенберри, —

тоже кричат. Остальные ахейцы — те, что были в сомнениях и ждали у кораблей, — теперь вышли за рвы и присоединились к общим крикам. Ну и шум!

— Ну, тебе-то кричать незачем, — сухо заметил Орфу. — Кабельная связь пока еще исправна. Что там происходит?

— Э-э-э… Немного. Военачальники на холме и рядом пожимают друг другу руки. В городе бьют в колокола и гонги. Армии смешались, обычные воины с обеих сторон хлопают друг друга по плечам, братаются, меняются именами или что-то в таком роде. Все готовы сражаться, но…

— Но сражаться не с кем, — сказал Орфу.

— Именно.

— Может быть, боги и не придут на битву, — предположил ониец.

— Сомневаюсь.

— Или Устройство разнесет Олимп на миллиард кусков.

От этой мысли Манмут замолчал. Он видел на Олимпе богов и богинь, тысячи разумных существ, и не хотел быть массовым убийцей.

— Сколько еще времени до того, как твой самодельный таймер активирует Устройство? — спросил Орфу, хотя наверняка знал и сам.

Манмут сверился с внутренним хронометром:

— Пятьдесят четыре минуты.

И тут над головой заклубились черные тучи. Боги все-таки надумали спуститься.

Когда Манмут нырнул в Кальдерное озеро на вершине Олимпа, он почти не надеялся на спасение. Ему требовалась минута-другая, чтобы подготовить Устройство к включению — к детонации? — и он рассчитывал, что глубина и давление позволят ему выиграть необходимое время.

Так и вышло. Манмут нырнул на восемьсот метров, ощущая приятно знакомое чувство давления на каждый квадратный сантиметр своего корпуса. На западной стене кальдеры обнаружился выступ, на котором Манмут смог передохнуть, закрепить Устройство и подготовить его к действию. Боги не преследовали его в воде. Либо они не любили плавать, либо наивно полагали, что лазерная и микроволновая пальба заставят его всплыть. Манмут не знал и не хотел знать.

Он не сделал механизм дистанционного включения до того, как они с Орфу отправились в свое недолгое путешествие на воздушном шаре, поэтому занялся этим сейчас, на глубине восемьсот метров, направив нагрудные лампы на овоидное

макромолекулярное Устройство. Сняв трансплавный кожух, Манмут пожертвовал деталями себя: одним из четырех своих аккумуляторов, чтобы обеспечить 32-вольтный включающий сигнал, и одним из трех запасных приемников радиоволн и фокусированного луча, который с помощью ладонного лазера приварил к пластине включения. Таймер он сделал из внешнего хронометра и, наконец, закрепил изготовленный из собственных транспондеров датчик прикосновения, чтобы Устройство автоматически сработало на этой глубине, если кто-нибудь его коснется.

Если эрзац-боги спустятся сейчас за мной, я запущу эту штуку вручную, думал он, сидя на каменном уступе в восьмистах метрах под поверхностью озера. Однако он не хотел уничтожать себя (если Устройство и впрямь создано для уничтожения) и не хотел прятаться под водой весь день. Впрочем, человек обещал квитироваться за ним, поэтому Манмут ждал. Ему хотелось снова увидеть Орфу. К тому же их миссией — миссией покойных Короса III и Ри По, вообще-то, — было доставить Устройство на Олимп и сообщить об этом с помощью коммуникатора. Обе цели исполнены. В этом смысле Орфу и Манмут свою миссию выполнили.

В таком случае зачем я прячусь на глубине восемьсот метров под поверхностью этого невозможного Кальдерного озера? Он думал о том, что вода над ним кипит, поскольку боги по-прежнему изливают в озеро свой гнев и тепловые лучи, и невольно посмеивался по-моравекски. Эта вода так и так должна была бы кипеть, поскольку на вершине Олимпа следует быть почти вакууму.

Тут пришло время, когда неназвавшийся человек обещал вернуться. И, как ни странно, он сдержал слово.

— Опиши Землю, — сказал иониец, паря над Лесным холмом.

Манмут спрыгнул с панциря и теперь тянул друга за веревку, привязанную к левитационной сбруе.

— И ты уверен, что мы на Земле? — добавил Орфу.

— Практически уверен, — сказал Манмут. — Размеры Солнца, притяжение, атмосфера — все совпадает. Растительная жизнь соответствует изображениям в банках данных. И человеческие существа тоже — хотя такое впечатление, что все эти мужчины и женщины состоят в лучшем спортивно-оздоровительном клубе здоровья Солнечной системы.

— Так хорошо выглядят? — спросил Орфу.

— Для людей — да, насколько я понял, — ответил Манмут. — Но поскольку это первые хомо сапиенсы, которых я вижу лично, кто знает? Один лишь Хокенберри похож на фотографии, видео и голограммы в наших банках данных.

— А что ты думаешь… — начал Орфу.

Тсс! — сказал Манмут по фокусированному лучу. Он вытащил кабель, чтобы не ехать больше на Орфу верхом. Над полем битвы по-прежнему клубились тучи. *Ахиллес обращается к войскам — троянским и ахейским.*

Ты его понимаешь?

Конечно. Загруженные файлы отличные, хотя некоторые просторечные и бранные слова приходится угадывать по контексту.

Слышат ли его другие люди без усилителя?

У него луженая глотка и стальные легкие, ответил Манмут. *Метафорически выражаясь. Его голос разносится до моря в одну сторону и до стен Трои в другую.*

Что он говорит? — спросил Орфу.

Бросаю вам вызов, боги… бла-бла-бла… «Пощады нет!» Спускайте псов войны…[48] *бла-бла-бла…*

---

[48] Примечания: 48

«Пощады нет!» Спускайте псов войны. — Немного измененная фраза из «Юлия Цезаря» (акт III, сцена 1, перев. М. Зенкевича).

Погоди, сказал Орфу. *Он правда употребил шекспировскую фразу?*

Нет, это вольный перевод.

Фух, сказал ониец по фокусированному лучу. *Я думал, тут у нас изумительный случай плагиата. Сколько еще до активации Устройства?*

Сорок одна минута. У тебя что-нибудь не так с…

Манмут осекся.

Что? — спросил Орфу.

В середине Ахиллесовой пламенной речи против богов появился царь Олимпа. Ахиллес умолк. Двести тысяч людей и один робот разом подняли взгляд к небу над Илионской равниной.

Зевс спустился из клубящихся туч в золотой колеснице, запряженной четырьмя голографическими красавцами-конями.

Искусный ахейский лучник Тевкр, стоявший подле Ахиллеса и Одиссея, прицелился и пустил ввысь пернатую стрелу, но колесница летела высоко и (Манмут не сомневался) была окружена защитным полем. Стрела описала дугу и зарылась в кусты ежевики у подножия холма.

– **ВЫ ОСМЕЛИЛИСЬ БРОСИТЬ МНЕ ВЫЗОВ?** — прогремел голос Зевса над полями, берегом и городом, где собрались армии. — **ПОЖНИТЕ ЖЕ**

ПЛОДЫ СВОЕЙ ДЕРЗОСТИ!

Колесница взмыла еще выше и понеслась к югу, в направлении Иды, едва различимой на южном горизонте. Наверное, лишь Манмут с его телескопическим зрением разглядел маленький серебряный шар, сброшенный Зевсом с колесницы примерно в пятнадцати километрах южнее холма.

— Ложись!!! — заорал Манмут на полную громкость, переключившись на греческий. — На землю, кому дорога жизнь! Не смотрите на юг!

Послушались очень немногие.

Манмут ухватил поводок Орфу и побежал к валуну на холме тридцатью метрами дальше: хоть какое-то укрытие.

Вспышка ослепила тысячи. Поляризующие фильтры Манмута автоматически переключились с шестого уровня на трехсотый. Он не замедлил бега, таща Орфу за собой, словно огромную игрушку.

Ударная волна накатила через несколько секунд после вспышки: пыльная, идущая с юга стена, от которой по атмосфере разбегались отраженные волны. Менее чем за секунду ветер сменился с западного на южный, а скорость его выросла от пяти до ста километров в час. Сотни

палаток сорвало с кольев и унесло в небо. Лошади ржали и разбегались. По морю неслись от берега белые барашки.

Грохот и ударная волна бросили на землю всех, кроме Ахиллеса и Гектора. Человеческие кости и твердотельные внутренности Манмута вибрировали от звука и сокрушительного давления, а его органические части затрепетали. Казалось, сама Земля ревет и воет от ярости. Сотни ахейских и троянских воинов в двух километрах к югу от холма полыхнули огнем; их подняло в воздух, и пепел посыпался на тысячи бегущих людей севернее.

Часть южной стены Илиона рухнула, увлекая за собой десятки мужчин и женщин. Несколько деревянных башен в городе охватило пламя, а еще одна — та, с которой Хокенберри всего несколько дней назад наблюдал за прощанием Гектора и Андромахи, — с грохотом упала на городские улицы.

Ахиллес и Гектор руками закрыли глаза от вспышки; черные стометровые тени протянулись за ними по Лесному холму. Позади них валуны, прочно стоявшие на кургане быстрой амазонки Мирины, задрожали и покатились, давя равно ахейцев и троянцев. Блестящий шлем

Гектора остался у него на голове, но гордый алый гребень из конской гривы смело ветром, который пронесся за первой ударной волной.

Что-то произошло? — спросил Орфу по фокусированному лучу.

Да, прошептал Манмут.

Я ощутил через панцирь некую вибрацию и давление.

Да, снова шепнул Манмут.

Ионийца не унесло ветром и взрывной волной лишь потому, что Манмут обвязал веревку вокруг самого большого камня, какой отыскал с подветренной стороны укрывшего их валуна.

Что… начал Орфу.

Минутку, шепнул Манмут.

Грибовидное облако выросло уже на десять тысяч метров, дым и тонны радиоактивного мусора поднимались в стратосферу. От афтершоков земля содрогалась так, что даже Гектор и Ахиллес вынуждены были встать на одно колено, чтобы не упасть, как десятки тысяч их воинов.

В атомном грибе проступило лицо.

– **ВОЙНЫ ЗАХОТЕЛИ, СМЕРТНЫЕ?** — проревел бородатый лик Зевса, медленно поднимающийся ввысь вместе с клубящимся облаком. — **ВЕЧНЫЕ БОГИ ПОКАЖУТ ВАМ ВОЙНУ!**

51. Экваториальное Кольцо

Просперо был одет в царственную голубую мантию, расшитую яркими звездами, солнцами, кометами и галактиками. В правой руке, испещренной старческими пигментными пятнами, он держал резной посох, а левая его ладонь покоилась на книге толщиной в фут. Резное кресло с широкими подлокотниками если не было совсем троном, то достаточно его напоминало, чтобы создать ощущение величия, которое еще подчеркивалось холодным взглядом волшебника. Остатки седых кудрей по краю лысины ниспадали на голубое одеяние. Некогда величавая голова сидела на дряблой старческой шее, однако лицо являло железную волю: маленькие, холодные (но не сказать, что прямо жестокие) глаза, ястребиный нос, выступающий подбородок, не испорченный ни складками, ни бородавками, и тонкие губы, кривящиеся во всегдашней иронической усмешке. Разумеется, это была голограмма.

Харман пробился через полупроницаемую мембрану и, в точности как перед ним Даэман,

упал на пол из-за неожиданно усилившейся гравитации. Затем, увидев, что товарищ сидит без осмотической маски, Харман сорвал свою, глубоко вдохнул свежий воздух и рухнул в свободное кресло.

— Гравитация тут слабая, одна треть земной, — заметил Просперо. — Но после месяца в невесомости, вы, должно быть, чувствуете себя как на Юпитере.

Гости промолчали.

Комната была круглая, метров пятнадцать в поперечнике, и, по сути, представляла собой начинающийся от пола стеклянный купол. Даэман не видел ее, когда они приближались к хрустальному городу в креслах, поскольку она располагалась на северном полюсе, а они подлетели с южного. Однако он предполагал, что вся конструкция похожа на тонкую металлическую ножку, увенчанную светящимся грибом. Комнату освещала круглая виртуальная панель управления посередине, за спиной Просперо, а также сияние Земли и Луны за стеклом. В этом свете Даэман видел сложную вышивку на одеянии волшебника и затейливую резьбу отполированного ладонью посоха.

— Ты Просперо, — сказал Харман. Его грудь

под синим термоскином часто вздымалась и опускалась.

Легкие Даэмана заново привыкали к свежему воздуху; это было все равно что вдыхать густое вино.

Просперо кивнул.

— Но ты не настоящий, — продолжал Харман.

Волшебник выглядел вполне реальным. В гравитации, составляющей одну треть земной, его одеяние ниспадало красивыми, но динамическими складками.

Просперо пожал плечами:

— Верно. Я всего лишь запись эха от тени призрака. Но я вижу вас, слышу, говорю с вами и сочувствую вашим злоключениям. Иные реальные существа на это не способны.

Даэман оглянулся. Черный пистолет лежал у него на коленях.

— Калибан? Он может прийти сюда?

— Нет, — ответил Просперо. — Мой бывший слуга боится меня. Боится даже моей говорящей памяти. Будь на острове синеглазая карга, породившая эту тварь, треклятая квантовая ведьма Сикоракса, она бы явилась сюда через минуту, но Калибан меня боится.

— Просперо, — начал Даэман, — нам нужно

отсюда выбраться. Вернуться на Землю. Живыми. Ты можешь нам помочь?

Старик прислонил посох к креслу и поднял обе руки:

— Возможно.

— И все? — спросил Даэман.

Просперо кивнул:

— Как эхо записанной тени, я не могу сделать ничего. Но я могу дать вам информацию. Использовать ее или нет — воля ваша. А уж воли-то вам не занимать. Среди нынешних людей это большая редкость.

— Как нам отсюда выбраться? — спросил Харман.

Просперо провел ладонью над книгой, и над круглой консолью за его спиной возникла голограмма: вид астероида и хрустального города с расстояния в несколько миль. Астероид медленно вращался вокруг своей оси, высокие здания поворачивались. Даэман глянул на показавшуюся за окном сине-белую Землю и сообразил, что изображение показывает астероид в реальном времени из какой-то точки в космосе.

— Вон там! — воскликнул Харман, указывая пальцем. Он попытался вскочить с кресла, но из-за гравитации зашатался и вынужден был

ухватиться за подлокотники. — Там.

Теперь и Даэман увидел. На внешней террасе башни, через которую они попали в город, в пяти или шести сотнях футов над поверхностью, блестел в свете земли соньер.

— Мы обыскали весь город, — произнес Даэман. — Нам и в голову не пришло, что машина может стоять снаружи.

Харман подался вперед, чтобы лучше видеть голографическое изображение:

— Очень похож на соньер, на котором мы прилетели в Иерусалим.

— Это он и есть, — сказал Просперо и снова провел ладонью. Изображение исчезло.

— Нет, — сказал Даэман. — Сейви говорила, что соньеры не могут летать к орбитальным кольцам.

— Она просто этого не знала, — ответил старый волшебник. — Ариэль убрала камни, наваленные войниксами, и запрограммировала машину на перелет сюда.

— Ариэль? — тупо переспросил Даэман. Он был очень, очень голоден и очень устал. Он порылся в памяти. — Ариэль? Аватара земной биосферы?

— Что-то вроде того, — с улыбкой ответил Просперо. — Сейви ни разу не видела Ариэль. Они

общались только через всеобщую сеть. Старуха отчего-то считала, что у Ариэль личность мужского пола, хотя обычно духи выбирают женскую аватару.

«Да кому какая разница?» — подумал Даэман, а вслух спросил:

— Мы можем улететь на соньере обратно на Землю?

— Полагаю, да, — сказал Просперо. — Думаю, Ариэль отправила его запрограммированным на то, чтобы вернуть вас троих в Ардис-Холл. Тоже своего рода *deus ex machina*. Мне не нравится присутствие соньера на этом каменном острове.

— Почему? — спросил Харман, но тут же кивнул. — Калибан.

— Да, — сказал Просперо. — Даже моего бывшего гоблина замучили бы корчи и судорогой мышцы бы свелись, попытайся он лететь через вакуум без термоскина[49]. Однако он забыл об этом и прокусил термоскин Сейви.

— За последний месяц он мог получить еще

---

[49] Примечания: 49

Даже моего бывшего гоблина замучили бы корчи и судорогой мышцы бы свелись, попытайся он лететь через вакуум без термоскина. — Неточная цитата из повеления Просперо Ариэлю: «Лети и духам прикажи лесным, / Чтоб корчами замучили злодеев (в оригинале — гоблинов), / Чтоб судорогой мышцы им свели» (У. Шекспир. Буря. акт IV, сцена 1. перев. М. Донского).

два костюма, — проговорил Даэман так тихо, что шелест вентиляции почти заглушил его голос. На астероиде наступила короткая «ночь». Над головой Просперо вставал месяц.

— Он бы и получил, но Калибан не бог, — сказал волшебник. — Сейви не убила его залпом флешетт в грудь, но серьезно ранила. Он истекал кровью и не раз забивался в самый глубокий грот, где залеплял раны илом и для восстановления сил пил кровь ящериц.

— Мы и сами питались тем же, — сказал Даэман.

Просперо улыбнулся, обнажив пожелтелые зубы:

— Да, но вам не *нравилось*.

— Можем ли мы добраться до соньера? — спросил Харман. — И есть ли у вас здесь еда?

— Нет, на твой второй вопрос, — ответил Просперо. — Никто, кроме Калибана, не ел на этом каменном острове последние пятьсот лет. Но да, на твой первый вопрос. Выше в башне есть мембрана, через которую вы попадете на пусковую террасу. Ваши термокостюмы… возможно… защитят вас на то время, которое потребуется, чтобы зарядить соньер и активировать программу взлета. Вы помните, как им управлять?

— Наверное… Я наблюдал за Сейви… В смысле… — промямлил Харман, затем вскинул голову, словно встряхивая паутину. Судя по виду, он был таким же усталым, каким чувствовал себя Даэман. — Мы справимся.

— Чтобы попасть в дальнюю башню, вам придется пройти через лазарет мимо Калибана, — сказал Просперо, переводя оценивающий взгляд с Хармана на Даэмана. — У вас остались здесь дела до отлета?

— Нет, — ответил Харман.

— Да, — сказал Даэман.

Он с усилием встал и добрел до изогнутой стены-окна. Его отражение в стекле было тощим, долговязым, бородатым, однако в глазах появилось что-то новое.

— Мы должны уничтожить лазарет, — сказал он. — Уничтожить все это треклятое место.

52. Илион и Олимп

Почему-то я бегу вместе с троянцами от Лесного холма к городу и дальше через дверцу сбоку от Скейских ворот. Ветер по-прежнему ревет, и мы практически оглохли от атомного взрыва на юге. Перед тем как с толпой троянских воинов вбежать в город, я последний раз оборачиваюсь к грибовидному облаку. Столб дыма уже клонится по ветру на юго-восток. В клубящейся туче наверху еще угадывается лицо Зевса, но и оно постепенно расплывается.

Люди сшибаются и давятся в дверце, поэтому Гектор приказывает страже распахнуть Скейские ворота, чего не делали уже целых девять лет. Тысячи устремляются внутрь.

Аргивяне бегут к кораблям. Как Гектор пытается успокоить свои перепуганные войска здесь, так и Ахиллес, насколько я успеваю разглядеть, силится остановить бегство. В «Илиаде» есть место, где Ахиллес, свирепствуя после гибели Патрокла, вступает в противоборство с разлившейся рекой — и побеждает, запрудив ее телами убитых троянцев. Однако сейчас Ахиллес не мо-

жет остановить цунами бегущих ахеян, не убив сотни, а на это он не пойдет.

Людской поток вносит меня в город. Я почти жалею, что побежал со всеми. Надо было пробиваться сквозь толпу туда, где я последний раз видел маленького робота, Манмута, укрывшегося за валуном на кургане амазонки Мирины. Знает ли робот — как он себя назвал? моравеком? — знает ли моравек, что оружие Зевса было атомное, возможно, даже термоядерное? Внезапно, как уже не раз за прошлые недели, в голове всплывает воспоминание из прошлой жизни: Сьюзен пытается затащить меня на лекцию по кибернетике во время междисциплинарной недели в университете. Ученый по фамилии Моравек излагал свою теорию автономного искусственного интеллекта. Фриц, Ганс?[50] Я, разумеется, не пошел: зачем античнику какие-то кибернетические теории?

Что ж, теперь это не важно.

Словно в подтверждение последней мысли, с севера появляются пять колесниц — я знаю квантово-телепортационную точку, через которую

[50] Примечания: 50

Ученый по фамилии Моравек излагал свою теорию автономного искусственного интеллекта. Фриц, Ганс? — Ханс Моравек (р. 1948) — робототехник, автор работ в области искусственного интеллекта и футуролог.

они сюда попали, — и начинают кружить над городом на высоте три-четыре тысячи футов. Даже мое оптически усиленное зрение не в силах различить крохотные фигурки в сверкающих машинах, но, судя по всему, там и боги, и богини.

И тут начинается бомбардировка.

Стрелы со свистом летят на город, словно тонкие баллистические ракеты, и там, куда они попадают, гремит взрыв, взметаются пыль и дым, раздаются крики. Илион по античным меркам большой город, но серебристые стрелы летят быстро — из Аполлонова лука, думаю я, хотя, когда колесница снижается, чтобы оценить ущерб, я вроде бы различаю стреляющего Ареса. Вскоре взрывы и крики звучат уже в каждом квартале.

Я не только утратил контроль над событиями, но и потерял из виду тех, кому нужны мои слова, поддержка, совет. Ахиллес, вероятно, уже в трех милях от холма, со своими людьми, пытается остановить паническое отплытие. Судя по взрывам — обычным, не ядерным, — которые доносятся со стороны ахейского лагеря, вряд ли ему это удастся. Гектор тоже неизвестно где. Скейские ворота закрываются — как будто это остановит богов. Несчастный Манмут и его безмолвный товарищ, Орфу, наверняка уже уничтожены. Ничто

не может пережить такую бомбардировку.

Новые взрывы на главной рыночной площади. Троянские воины с алыми гребнями на шлемах бегут усилить оборону городской стены, однако опасность идет не оттуда. Золотая колесница вновь проносится над нами, недосягаемая для стрел, пять серебряных стрел падают подобно ракетам «Скад» и взрываются у южной стены, у центрального колодца и, кажется, прямо во дворце Приама. Это напоминает мне репортажи Си-эн-эн о второй Иракской войне незадолго до того, как я заболел раком.

Гектор. Вероятно, он пытается собрать своих людей. Впрочем, это бессмысленно, так что, возможно, Гектор пошел домой к Андромахе. Я думаю о пустой, залитой кровью детской и даже в дыму и грохоте бомбардировки невольно ежусь. Царственная чета еще не успела похоронить своего младенца.

Господи, это все натворил я?

Летающая колесница снижается. Взрыв пробивает дыру в укреплениях и бросает в воздух десяток фигурок в красных плащах. Части человеческих тел сыплются на улицу и мясным градом барабанят по крышам. Внезапно возвращается еще одно воспоминание, похожий кошмар три

тысячи двести лет спустя, через две тысячи один кровавый год после рождения Христа. Мысленно я вижу падающие на улицу тела, и стену пыли, преследующую бегущих людей. Все точно как сейчас на главной улице Илиона. Только здания и одежда другие.

Мы ничему не учимся. Ничто не меняется.

Я бегу к дому Гектора. Новые снаряды падают на город, взрывая площадь сразу за воротами, в которые я только что прошел. Ребенок лет двух выбирается на улицу из развалин того, что только что было двухэтажным домом. Я не знаю, мальчик это или девочка, но детское лицо окровавлено, на кудрявых волосах пыль от штукатурки. Я прекращаю бег, встаю на одно колено и беру ребенка на руки — куда его деть? В Илионе нет больниц! Женщина в красном платке подбегает и хватает малыша. Я вытираю с глаз струи пота и бреду к дому Гектора.

Его нет. На месте дворца — груды обломков и череда дыр в земле. Мне приходится все время вытирать с глаз пот, чтобы хоть что-нибудь видеть, и даже когда я вижу, то не верю своим глазам. Весь квартал уничтожен. Троянские воины разгребают обломки копьями или импровизированными лопатами, гордые красные гребни стали сизыми

от пыли. Люди выстроились в цепочку и передают тела и куски тел собравшейся толпе.

— Хок-эн-беа-уиии, — произносит кто-то.

Я понимаю, что кто-то повторяет мое имя снова и снова. Теперь меня дергают за рукав.

— Хок-эн-беа-уиии!

Я бездумно поворачиваюсь, смаргиваю пот и вижу перед собой Елену. Она грязная, платье в крови, волосы спутаны. Я в жизни не видел никого прекраснее. Она прижимается ко мне, и я обнимаю ее двумя руками.

Елена отстраняется:

— Ты сильно ранен, Хок-эн-беа-уиии?

— Что?

— Порезы глубокие?

— Я не пострадал.

Она проводит рукой по моему лицу и показывает окровавленную ладонь. Я осторожно касаюсь виска и края волос: так и есть, глубокие раны. Смотрю на свои руки — они в крови. Оказывается, я утирал не пот, а кровь.

— Все в порядке, — говорю я и указываю на дымящиеся руины. — Гектор? Андромаха?

— Их не было здесь, Хок-эн-беа-уиии, — кричит Елена сквозь гул и вопли. — Гектор отправил свою семью в подземелье храма Афины. Там

безопасно.

Я смотрю сквозь дым. Высокое святилище по-прежнему стоит. *Конечно. Боги не станут бомбить собственные храмы. Для этого они слишком себялюбивы.*

— Феано погибла, — говорит Елена. — И Гекуба. И Лаодика.

Я тупо повторяю имена. Жрица Афины — та, что прижимала холодное лезвие к моим яичкам считаные часы тому назад. Жена и дочь Приама. Три из моих троянских женщин уже мертвы. А бомбардировка только началась…

Внезапно я в панике поворачиваюсь. Что-то не так. Взрывы умолкли.

Все кричат и указывают на небо. Четыре из пяти колесниц куда-то делись, пятая — думаю, Аресова — летит на север и пропадает, надо полагать, квитируется обратно на Олимп. Я смотрю на разрушенные дома, дымящиеся воронки, окровавленные трупы. И все это совершил один бог с одним луком и несколькими Аполлоновыми стрелами. Что дальше? Биологическая атака? Сияющий лучник (который, наверное, плавает сейчас в целебном баке) славится умением насылать мор.

Я хватаю медальон на шее и спрашиваю Еле-

ну:

— Где Гектор? Мне нужно его найти.

— Он вышел из города через Скейские ворота месте с Парисом, Энеем и своим братом Деифобом, — отвечает Елена. — Сказал, что должен отыскать Ахиллеса, пока воины не пали духом окончательно.

— Мне нужно его найти, — повторяю я и поворачиваюсь к главным воротам, но Елена тянет меня обратно.

— Хок-эн-беа-уиии, — говорит она, притягивает меня к себе и целует посреди криков и толчеи. Когда она отрывает свои губы от моих, я только ошалело моргаю, по-прежнему склоненный к ней.

— Хок-эн-беа-уиии, — повторяет она. — Если тебе придется умереть, умри достойно.

И уходит по улице, не оборачиваясь.

53. Экваториальное Кольцо

Даэмана почти не удивило, что голограмма Просперо может стоять и ходить. Волшебник взял посох и медленно подошел к прозрачной стене купола. Когда он поднял глаза к звездам, бледное сияние снаружи подчеркнуло каждую морщину на его шее и щеках. Даэмана коробили эти внешние проявления возраста, а особенно — в свете теперешнего разговора. Он пытался вообразить мир, в котором его друзья и он… его мама!.. состарятся, как Сейви, как эта морщинистая голограмма. Его передернуло.

Потом он вспомнил резервуары, синих червей и обеденный стол Калибана.

Не проще ли убить чудовище? А лазарет не трогать?

Нет, осознал Даэман, несмотря на голод и усталость. Как ни крути, место это гнусное. Вся вера в Пять Двадцаток строилась на том, что в сто лет человек отправляется на кольца, чтобы жить там с постлюдьми в счастливом бессмертии. Даэман вспомнил серые полусъеденные тела в затхлом разреженном воздухе и невольно хмыкнул.

— Что такое? — полуобернулся к нему Просперо.

— Ничего, — ответил Даэман; ему хотелось то ли заплакать, то ли разбить что-нибудь, причем второе было предпочтительно.

— Как мы можем уничтожить лазарет? — спросил Харман. Его бил озноб, лицо было еще бледнее, чем у Даэмана, и блестело от пота.

— И правда, как? — Просперо оперся на посох и глянул на них. — Привезли ли вы с собой взрывчатку, оружие, кроме нелепого пистолетика Сейви, либо инструменты?

— Нет, — ответил Харман.

— Здесь этого тоже нет, — сказал Просперо. — Постлюди в своей эволюции ушли далеко от войн и конфликтов. И от орудий труда: всю работу выполняли сервиторы.

— Они до сих пор работают, — заметил Даэман.

— Только в лазарете, — сказал волшебник и медленно вернулся к центральной консоли. — Подумали ли вы о сотнях людей, которые сейчас беспомощно плавают в резервуарах лазарета?

— Боже, — прошептал Харман.

Даэман провел ладонью по колючей щеке; в новом ощущении было что-то неожиданно приятное.

— Мы не можем вернуться на Землю через порталы в баках, — сказал он, — но, возможно, людей из резервуаров можно факсировать обратно в их порталы.

— Да, — согласился Просперо. — Надо лишь убедить сервиторов. Или перехватить управление факсами. Но с этим есть одно затруднение.

— Какое? — спросил Даэман и, еще не договорив, уже угадал ответ.

Просперо мрачно улыбнулся и кивнул:

— Факсом могут вернуться те, кто только что прибыл, или те, для кого лечение синими червями закончено. А сотни других, кто еще в процессе… — Он выразительно умолк.

— Что же делать? — спросил Харман. — Пока поправятся одни, резервуары заполнятся другими.

— Если Просперо прав и мы сумеем перехватить управление, — сказал Даэман, — то сможем отключить входы. Пусть порталы работают лишь на выход, пока все резервуары не освободятся. Мы оба через это прошли. Сколько обычно длится исцеление в Двадцатку — сутки? Двое суток для серьезно пострадавших, — например, если человека съел аллозавр?

— От этого тебя не «лечили», — сказал Просперо. — Тебя воссоздали с нуля, используя

обновленную кодированную память из базы факс-сети, сохраненную ДНК и органические запчасти. Однако ты прав, даже самое медленное лечение не требует больше сорока восьми часов.

Даэман раскрыл ладони и глянул на Хармана:

— Двое суток с того момента, как мы захватим лазарет.

– *Если* мы захватим лазарет и сможем контролировать факс-процесс, — с сомнением проговорил Харман.

Волшебник оперся на спинку кресла:

– *Сделать* я ничего не могу, но я могу дать вам информацию. Могу объяснить, как управлять факсами.

— А себя мы факсировать не сможем? — вновь спросил Харман. Очевидно, перспектива лететь на соньере его пугала.

— Не сможете, — ответил Просперо.

— Можно ли перепрограммировать сервиторов, чтобы они отправили нас по факсу? — спросил Даэман.

— Нет, — ответил волшебник. — Вам придется уничтожить их либо вывести из строя. К счастью, машины не рассчитаны на столкновение с врагами.

— Мы тоже, — рассмеялся Харман.

Просперо обошел кресло.

— О нет, — прошептал он. — Вы-то как раз рассчитаны. Будь человек хоть трижды цивилизован, достаточно лишь разбудить старую программу.

Даэман и Харман переглянулись. Харман дрожал под синим термоскиновым костюмом.

— Ваши гены помнят, как убивать, — сказал Просперо. — Идемте, я покажу вам орудие разрушения.

Голографический Просперо не мог сам управлять центральной консолью, но показал Даэману и Харману, как двигать виртуальные рычажки, стрелки, переключатели и манипуляторы.

Над консолью сгустилось изображение, затем повернулось в трех направлениях для лучшего обзора.

— Мы видели такие в э-кольце по пути сюда, — сказал Даэман.

— Линейный ускоритель с коллекторным кольцом кротовины, — объяснил Просперо. — Постлюди очень ими гордились. Как вы видели, они наделали тысячи таких.

— И?.. Вы хотите сказать, что они управляют системой земных факсов? — спросил Харман.

Просперо помотал головой:

— Ваша факсовая система — земная. Она не перемещает тела через пространство и время, только информацию. Коллекторы кротовых нор — это пауки в центре созданной постлюдьми квантово-телепортационной паутины.

— И?.. — снова спросил Харман. — Нам просто нужно попасть на Землю.

— Возьмись за этот зеленый контроллер и дважды нажми на красный кружок, — сказал Просперо.

Даэман сделал, как он сказал. На голографическом изображении орбитального линейного ускорителя дважды мигнула четверка двигателей, выбросив в космос кристаллический конус реактивного следа. Сложная система ферм, емкостей, колонн и колец начала медленно вращаться. Контрдвигатели дали такой же короткий импульс, и длинный ускоритель стабилизировался. Пятидесятиметровой ширины мерцающая кротовина в центре огромного светящегося коллекторного кольца не повернулась вместе с ускорителем. Даэман наклонился поближе к голографическому изображению и увидел, что коллекторное кольцо установлено на подвесе. Он потрогал пальцами разные элементы изображения — при касании они превращались в

схемы с подписями: «обратный трубопровод», «инжектор», «двигатели». Даэман убрал руку, и голограмма вновь стала изображением в реальном времени. Буквы, разумеется, ничего ему не говорили.

— Управление ориентацией, двигатели перехода на другую орбиту, — сказал Просперо. — Сам астероид находится на стабильной орбите — если бы он упал на Землю, могло бы случиться массовое вымирание, — однако положение зеркал Казимира и ускорителей с коллекторами кротовин постоянно меняли.

— Отсюда, — предположил Даэман.

Просперо кивнул:

— И из других астероидных городов.

Харман и Даэман снова переглянулись.

— Есть другие постчеловеческие города? — спросил Харман.

— Всего их четыре, — ответил волшебник. — Есть еще один здесь, на экваториальном кольце, и два — на полярном.

— Там есть живые постлюди? — спросил Даэман. Он внезапно увидел альтернативу разрушению и концу системы Пяти Двадцаток.

— Нет. — Просперо опустился в кресло с высокой спинкой. — И других лазаретов тоже

нет. Прочим городам не было дела до вас, модифицированных людей старого образца, там, внизу. — Он махнул рукой в ту сторон, где вставала Земля. Комнату вновь залил земной свет.

— Все посты умерли, — повторил Даэман.

— Не умерли, — сказал Просперо. — Ушли в другое место.

Даэман глянул на край восходящей Земли, на черноту космоса вокруг мерцающего изгиба атмосферы.

— Куда ушли?

— Для начала на Марс. — Просперо глянул на их озадаченные лица и хохотнул. — Кто-нибудь из вас, современных людей, знает, где Марс? Что такое Марс?

— Нет, — без тени смущения ответил Даэман. — Вернутся ли постлюди оттуда?

— Думаю, нет, — по-прежнему улыбаясь, сказал Просперо.

— Это ведь не важно, да? — ответил Харман. — Просперо, ты предлагаешь нам использовать этот… ускоритель чего-то там кротовин… как оружие?

— Как абсолютное оружие против этого города, — сказал Просперо. — Обычное оружие или взрывчатка не повредят хрустальному городу и

астероиду. Башни строились с расчетом на удар метеорита. Однако более чем трехкилометровая гравитационная масса экзотической материи с кротовой норой на носу в движении произведет заметное действие, особенно если направить ее прямо на лазарет.

— Калибан выживет? — спросил Даэман.

Просперо пожал плечами:

— Прежде туннели и гроты его спасали. Впрочем, возможно, такое столкновение приведет здесь к вымиранию калибанов.

— Может ли он сбежать до столкновения? — спросил Харман.

— Только если узнает про соньер и завладеет одним из ваших термокостюмов, — сказал Просперо, затем невесело улыбнулся, как будто не вполне исключает такую возможность.

— Сколько времени ускоритель будет лететь сюда? — спросил Даэман. — До удара.

— Вы можете запрограммировать любое время полета по своему усмотрению, — сказал волшебник, вставая и вступая прямо в центральную консоль, так что нижняя часть его тела ушла в металл и виртуальные панели. Он поднял руку и указал костлявым пальцем на конец ускорителя, противоположный тому, где располагалось устье

кротовины.

— Здесь, — сказал Просперо, — находятся двигатели поворота плоскости орбиты, самые мощные. Я покажу вам, как их активировать и нацелить оружие.

По его указаниям они повернули ускоритель и запрограммировали то, что Просперо назвал параметрами траектории и характеристической скоростью. Палец Даэмана завис над кнопкой «включить».

— Ты не сказал, через какое время будет столкновение.

Голограмма сложила пальцы домиком.

— Думаю, пятьдесят часов — разумное время. Час вам на то, чтобы попасть в лазарет и перехватить управление. Сорок восемь — чтобы все новоприбывшие исцелились и благополучно факсировали обратно. Потом час, чтобы добраться до соньера и улететь прежде, чем этому маленькому миру придет конец.

— А на сон? — спросил Харман.

— Спать я бы не советовал, — ответил Просперо. — Калибан, вероятно, будет пытаться вас убить каждую минуту этого времени.

Харман с Даэманом переглянулись.

— Мы можем по очереди отдыхать, есть и дежу-

рить у панели управления, — сказал Даэман. Он поднял пистолет и убрал его в рюкзак Сейви. — Калибана мы не подпустим.

Харман неуверенно кивнул. Вид у него был очень, очень усталый.

Даэман глянул на изображение линейного ускорителя в реальном времени и вновь подвел палец к кнопке «включить».

— Просперо, ты уверен, что это не уничтожит всю жизнь на Земле или что-нибудь в таком роде?

Волшебник хохотнул:

— Ту жизнь, которая вам известна, да, уничтожит. Однако падения огненного астероида с массовым вымиранием не будет. По крайней мере, я этого не жду. Увидим.

Даэман глянул на Хармана. Его руки были по запястье в панели управления.

— Давай, — произнес тот.

Даэман нажал кнопку. На дисплее голографического проектора восемь огромных двигателей на конце линейного ускорителя зажглись непрерывными импульсами ионной тяги. Длинная конструкция вздрогнула и начала медленно двигаться в сторону Хармана и Даэмана.

— Прощай, Просперо. — Даэман закинул на

спину рюкзак Сейви и направился к полупроницаемой мембране.

— Нет, нет, — сказал Просперо. — Если вы доберетесь до лазарета, я буду там. Ближайшие пятьдесят часов я не пропущу ни за что на свете.

54. Илионская равнина и Олимп

Я ухожу из горящего города на поиски Ахиллеса и вижу хаос до самого моря. От Скейских ворот до кромки прибоя троянцы вместе с ахейцами вытаскивают трупы из дымящихся воронок. Повсюду растерянные люди несут раненых товарищей в Илион или за оборонительные рвы в греческий лагерь. Как и в мое время, психологический эффект бомбардировки страшнее, чем ее результаты. Убитых, полагаю, несколько сотен — считая ахейских и троянских воинов плюс мирных жителей Илиона, — но большинство уцелело, в особенности здесь, вдали от рушащихся зданий.

Я взбираюсь на нижний уступ Лесного холма. Маленький робот идет мне навстречу и тащит за собой крабовидного друга, словно ребенок — особенную крупную детскую тележку «Радио Флайер». Почему-то я так рад видеть обоих живыми — или правильнее сказать «функционирующими»? — что готов разреветься.

— Хокенберри, ты ранен, — произносит робот Манмут. — Это опасно?

Я трогаю лоб и голову. Кровь уже почти не течет.

— Пустяки.

— Хокенберри, ты знаешь, что это было? Первый большой взрыв?

— Атомная бомба. Может быть, термоядерная, но, скорее, все-таки просто атомная. Чуть помощнее, чем в Хиросиме, наверное. Я не очень-то разбираюсь в бомбах.

Манмут склоняет голову набок:

— Откуда ты, Хокенберри?

— Индиана, — выпаливаю я, не подумав.

Манмут ждет.

— Я специалист по античной литературе, — говорю я, зная, что он передает каждое слово своему безмолвному другу по радиосвязи, которую прежде назвал «фокусированным лучом». — Боги возродили меня из старых костей, ДНК и кое-каких воспоминаний, извлеченных из останков на Земле.

— Память из ДНК? — повторяет Манмут. — Не верится.

Я нетерпеливо отмахиваюсь:

— Это не важно. Я ходячий мертвец. Я жил во второй половине двадцатого столетия, умер, вероятно, в начале двадцать первого. Даты помню

смутно. Все остальное тоже, и лишь в последние недели воспоминания начали возвращаться. Я ходячий мертвец.

Манмут по-прежнему смотрит на меня темной металлической полоской, которая у него вместо глаз. Потом рассудительно кивает и довольно больно бьет меня ногой в левую лодыжку.

— Черт! — ору я, прыгая на другой ноге. — Зачем ты так?

— Мне ты кажешься живым, — отвечает маленький робот. — Как ты попал сюда из двадцатого — двадцать первого веков Потерянной Эпохи, Хокенберри? Большинство наших моравекских ученых полагают, что путешествия во времени невозможны, если не разогнаться почти до скорости света или не подплыть слишком близко к черной дыре. Делал ли ты что-нибудь из этого?

— Не знаю. Да это и не важно. Посмотри, что там творится!

Я указываю на дымящий город и хаос на Илионской равнине. Некоторые греческие корабли уже спущены на воду.

Манмут кивает; для машины у него странно человеческий язык тела.

— Орфу интересуется, почему боги прекратили атаку.

Я смотрю на большой побитый корпус рядом с ним. Порой я забываю, что, если верить роботу, там заключен разум.

— Передай Орфу, что я не знаю. Возможно, просто хотят налюбоваться на ужас и разрушения, прежде чем нанести *coup de grâce*…[51] э-э-э… В переводе с французского…

— К несчастью, я знаю французский, — перебивает Манмут. — Как раз во время бомбежки Орфу цитировал мне по-французски не относящегося к делу Пруста. Что ты будешь делать дальше, Хокенберри?

Я смотрю на ахейский лагерь. Шатры пылают, раненые лошади в панике мечутся по стану, люди суетятся, суда спускают на воду, другие, подняв паруса, уже отходят от берега.

— Я собирался найти Ахиллеса и Гектора, но в такой неразберихе на это могут уйти часы.

— Через восемнадцать минут и тридцать пять секунд, — говорит робот, — произойдет нечто, и, возможно, все изменится.

Я молча жду.

— Я установил… Устройство в Кальдерном озере, — говорит маленький робот. — Мы с Орфу

---

[51] Примечания: 51
Удар милосердия *(фр.)*.

доставили его от Юпитера. Вообще-то, установить его было главной целью нашей миссии, но не мы должны были этим заниматься… ладно, это другая история. Так или иначе, через семнадцать минут пятьдесят две секунды Устройство сработает.

— Бомба? — хрипло спрашиваю я. Во рту пересохло так, что я не сплюнул бы даже под угрозой смерти.

Манмут пожимает плечами — опять-таки почеловечьи:

— Мы не знаем.

— Не знаете?! — кричу я. — Не знаете??? Как ты мог поставить какое-то… Устройство на Олимп и запустить таймер, если не знаешь, что оно делает? Бред!

— Возможно, — отвечает робот. — Но для этого нас и послали сюда… вернее, туда… разработавшие всю миссию моравеки.

— Сколько времени осталось, говоришь? — Я судорожно хватаюсь за браслет — по виду кожаный, — который служит мне личным потайным хронометром. В браслете есть микросхемы и миниатюрный голографический проектор.

— Семнадцать минут восемнадцать секунд, — отвечает маленький робот.

Я включаю на хронометре таймер и оставляю маленький дисплей видимым.

— Гадство!

— Да, — соглашается Манмут. — Ты собираешься квитировать на Олимп, Хокенберри?

Я действительно положил руку на медальон, но лишь потому, что собрался сэкономить пару минут и телепортироваться в ахейский лагерь. Однако вопрос робота заставляет меня задуматься.

— Может быть, стоило бы, — говорю я. — Кто-то должен выяснить, что замышляют боги. Попробую сыграть в лазутчика последний раз.

— А что потом? — спрашивает робот.

Теперь моя очередь пожать плечами.

— Потом я вернусь за Ахиллесом и Гектором. Затем, возможно, за Одиссеем и Парисом. За Энеем и Диомедом. Перенесу войну на территорию богов, доставляя героев пара за парой, как зверей в Ноев ковчег.

— С точки зрения логистики военной операции звучит не очень эффективно.

— А ты разбираешься в военной стратегии, маленький робот?

— Нет. Вообще-то, разбираюсь в подводной лодке, затонувшей на Марсе, и шекспировских

сонетах… — Помолчав, Манмут добавляет: — Орфу сейчас сказал мне, что сонеты не следовало включать в резюме.

— На Марсе? — повторяю я.

Блестящая металлическая голова поворачивается в мою сторону.

— Ты не знал, что Олимп на самом деле — вулкан Олимп на Марсе? Ты ведь прожил тут девять земных лет — и не понял?

На меня накатывает головокружение. Ноги подкашиваются. Мне приходится сесть на ближайший валун, чтобы не очнуться на земле.

— Марс… — повторяю я. *Две луны. Громадный вулкан. Красный песок. Ослабленная гравитация, которая так радовала меня после долгого дня на Илионской равнине. Охренеть.* — Марс.

Манмут молчит — видимо, сообразил, что для одного дня достаточно меня ошарашил.

— Погоди, — говорю я. — На Марсе нет голубого неба, океанов, деревьев, пригодного для дыхания воздуха. В семьдесят шестом я видел по телевизору первую посадку «Викинга». А десятки лет спустя я видел по телевизору, как «Соджорнер» застрял в камнях. Там не было океанов. И деревьев. И воздуха.

— Его терраформировали, — говорит Ман-

мут. — Причем относительно недавно.

— Кто терраформировал? — отвечаю я, чувствуя злость в собственном голосе.

— Боги, — говорит робот, но в ровном механическом тоне слышится вопросительный оттенок.

Я смотрю на часы. Пятнадцать минут тридцать восемь секунд. Подношу виртуальный дисплей к камерам, глазам или что там у маленького робота за темной полоской.

— Что произойдет через пятнадцать минут? Не говори, что вы с Орфу не знаете.

— Не знаем.

Я зажимаю в кулаке медальон.

— Я отправлюсь туда и посмотрю, что происходит.

— Возьми меня с собой, — просит Манмут. — Я установил таймер. Мне надо быть на месте, когда Устройство сработает.

— Ты собираешься его отключить?

— Нет. В этом состояла моя миссия — доставить и активировать Устройство. Однако если таймер не сработает, мне надо быть там, чтобы включить его вручную.

— Речь идет… пусть с малой вероятностью… о конце света?

Манмут медлит с ответом. Этого я и боялся.

— Тебе правильнее будет остаться с Орфу на… э… еще четырнадцать минут тридцать девять секунд, — говорю я. — В его состоянии он не узнает о конце света, если ты ему не скажешь.

— Орфу говорит, для ученого ты довольно остроумен, Хокенберри, — произносит Манмут. — И все же я думаю, что нам лучше отправиться вместе.

— Во-первых, ты тратишь время на разговоры. Во-вторых, только у меня есть Шлем Аида, а я не хочу попасться из-за того, что рядом со мной невидимым идет робот. В-третьих… прощай.

Я натягиваю на голову Шлем Аида и поворачиваю медальон.

Я квитируюсь прямиком в Великий чертог богов.

Такое впечатление, что здесь собрались все, кроме Афины и Аполлона, которые, вероятно, плавают сейчас в баках с зелеными червями в глазах и под мышками. За первые мгновения я успеваю рассмотреть, что боги облачены в доспехи и вооружены для боя. Повсюду сверкают золотые нагрудные доспехи, копья, высокие шлемы с плюмажами и божественных габаритов щиты. Зевс стоит рядом со своей пылающей колесницей. Я вижу Посейдона в темных латах,

Гермеса и Гефеста, вооруженных до зубов. Ареса с Аполлоновым луком. Геру в блистающей бронзе и золоте. И Афродиту, которая указывает в мою сторону…

Черт!

– **СХОЛИАСТ ХОКЕНБЕРРИ!** — ревет Зевс, глядя на меня через весь заполненный богами чертог. — **ЗАМРИ!**

И это не просто совет. Каждый мой мускул, каждая связка и сухожилие, каждая клеточка в моем теле замирает. Сердце сковывает холод. Броуновское движение во мне прекращается. Рука цепенеет, не сдвинувшись к медальону и на дюйм. Я превращаюсь в статую.

— Заберите у него Аидов Шлем, квит-устройство и все прочее, — приказывает Зевс.

Гефест с Аресом кидаются вперед и раздевают меня перед толпой богов и богинь. Капюшон перебрасывают хмурому Аиду — в черных хитиновых доспехах необычного вида он похож на рассерженного жука. Зевс выступает вперед, подбирает с пола мой квит-медальон и смотрит на него так, будто желает раздавить в кулаке. Два бога срывают с меня все, не оставив мне ни наручного хронометра, ни трусов.

— Отомри, — говорит Зевс.

Я хватаюсь за грудь и падаю на мраморный пол. Сердце снова бьется, и это так больно, что я думаю, у меня инфаркт. Все, на что я способен, — не обмочиться у всех на глазах.

— Увести его, — приказывает Зевс, поворачиваясь ко мне спиной.

Восьмифутовый Арес, бог войны, хватает меня за волосы и тащит прочь.

55. Экваториальное Кольцо

— Так думат, — зашептал голос Калибана из темноты лазарета. — Увидят, умники, что значит «должен»! Творит, что хочет, разве не Господь? Вот так.

— Откуда идет голос? — рявкнул Харман.

В лазарете было по большей части темно, свет шел лишь из резервуаров, пустевших один за другим. Даэман прошел от полупроницаемой стены до людоедского стола, пытаясь найти источник шепота.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Из вентиляции. Из какого-нибудь выхода, который мы не заметили. Но если он выйдет на свет, я его убью.

— Ты можешь в него выстрелить, — ответил голографический Просперо, стоя у панели управления баками, — но не факт, что ты его убьешь. Он прирожденный дьявол, и напрасны мои труды и мягкость обращенья. Напрасно все![52]

Два дня и две ночи, сорок семь с половиной часов, сто сорок четыре полных оборота астеро-

---

[52] Примечания: 52

Он прирожденный дьявол, и напрасны мои труды и мягкость обращенья. Напрасно все! — У. Шекспир. Буря. акт IV, сцена 1. перев. М. Донского.

ида от земного света до звездного, двое мужчин следили за отправкой людей из целебных резервуаров. Сейчас в лазарете оставалось меньше сорока тел. Харман и Даэман уже научились вызывать голограмму линейного ускорителя, который очень даже линейно летел прямо на них. Теперь они видели его через прозрачные потолочные панели — он летел кротовой норой вперед, оставляя позади синее ионное пламя. Просперо и виртуальные датчики заверяли, что до столкновения еще девяносто минут, однако инстинкт и собственные глаза убеждали в другом, так что мужчины в конце перестали поднимать голову.

Калибан был где-то близко. Даэман не снимал термоскинового капюшона, чтобы смотреть через линзы ночного видения, но сейчас он включил фонарик Сейви и посветил под людоедский стол, где на полу белели обглоданные кости.

Сперва им казалось, что хуже обратного путешествия из центра управления ничего быть не может: они долго плыли в полумраке сквозь плотные заросли водорослей, каждую секунду ожидая, что откуда-нибудь выскочит Калибан, но хотя дважды они замечали серо-зеленую тень и дважды Даэман стрелял, первая тень исчезла, а

вторая выплыла навстречу, мертвая, поблескивая флешеттами, — это оказалась постчеловеческая мумия. Однако теперь, через сорок семь с половиной часов без сна, почти без еды, если не считать протухшей ящерки, они знали, что то было не худшее: худшее — это последний час. По крайней мере, на пути сюда они остановились у входа в грот, проломили ледяную корку ботинками и рукоятью пистолета и наполнили свою единственную бутылку шаровидными каплями грязной, мерзкой и такой вожделенной влаги. Однако теперь вода кончилась, и ни один из них не мог покинуть свой пост, чтобы вернуться к гроту и набрать еще. К тому же они перекрыли полупроницаемую мембрану пластиковыми крышками с пустых резервуаров, чтобы услышать, если Калибан будет пробираться этим путем. От жажды, переутомления, плохого воздуха и непрестанного страха у обоих раскалывалась голова.

Они без труда разобрались с десятком лазаретных сервиторов. Нескольких оставили факсировать людей на Землю, других, тех, что мешали, вывели из строя. В первого Даэман выстрелил, однако тут же понял свою ошибку. Флешетты поцарапали краску и металл, оторвали левый манипулятор и выбили глаз, однако не уничтожили

сервитора. Выход из положения нашел Харман: открутил от ненужного бака кусок трубы (в и без того холодный воздух хлынул жидкий кислород) и пристукнул сервитора. Других отправили на покой тем же способом.

Просперо появился, как только они включили голографическую сферу на контрольной панели. Волшебник проследил, чтобы Харман с Даэманом правильно перенастроили систему лазарета. Сначала они отключили принимающие факс-узлы и тут же отослали назад всех только что прибывших на той или иной Двадцатке. Просперо сказал, что ускорить работу синих червей и оранжевой жидкости невозможно, так что резервуары, в которых восстановление уже началось, они не трогали. Тех плавающих в жидкости голых людей, чье лечение было практически закончено, отправили на Землю чуть раньше времени. Всего в лазарете стояло шестьсот шестьдесят девять баков, и теперь заполненными оставались только тридцать восемь: в тридцати шести шло интенсивное восстановление, в двух были люди на очередной Двадцатке, прибывшие перед тем, как Харман с Даэманом сумели отключить факсы.

— А также любит Сетебос трудиться, — прошипел невидимый Калибан.

— Заткнись! — крикнул Даэман.

Он шел между светящимися резервуарами, пытаясь не парить в здешней слабой, но все же ощутимой гравитации. Повсюду плясали смутные тени, однако выстрела ни одна из них не заслуживала.

— Не в состояньи дела завершить, тут делает Он что-нибудь: холмы насыпет, обтесывает белый камень тут и там, — шептал из темноты Калибан, — и рыбьим зубом знак луны на них скоблит, верхушками втыкает в землю несколько дерев, а сверху Он на все ленивца череп надевает. (Тот умер сам в лесу — кто б мог его убить?) Занятие найти — иной нет в деле пользы. Однажды вмиг развалит всё: таков уж Он.

Харман рассмеялся.

— Что? — Даэман полупрошагал, полупроплыл к панели управления, где голосфера позволяла Просперо стоять. Под ногами валялись обломки и детали сервиторов, создавая некое подобие людоедского стола дальше в темноте.

— Скоро надо будет отсюда выбираться. — Харман потер покрасневшие глаза. — Я начинаю понимать, о чем бормочет эта тварь.

— Просперо, — сказал Даэман, напряженно вглядываясь в тени между тускло светящимися

баками, — кто или что этот Сетебос, о котором твердит Калибан?

— Божество, которому поклоняется мать Калибана, — ответил волшебник.

— И ты говорил, что мать Калибана тоже где-то есть. — В одной руке у Даэмана был пистолет, другой он тоже потер глаза. Взгляд поминутно заволакивала пелена, и не только из-за пара от вылившегося жидкого кислорода.

— Да, Сикоракса жива, но не здесь, — ответил Просперо. — Не на этом острове. Больше не на этом острове.

— А Сетебос? — настаивал Даэман.

— Враг Тихого, — сказал Просперо. — Как все его почитатели, числом два, больное сердце, ждет, чтоб укусить.

Над контрольной панелью запищали датчики. Харман активировал виртуальные элементы управления. Еще трое долеченных (или почти долеченных) отправились на Землю. Осталось тридцать пять.

— Откуда взялся этот Сетебос? — спросил Харман.

— Его занесло из мрака вместе с войниксами и прочими, — сказал Просперо. — Небольшая ошибка в расчетах.

— Одиссей, случаем, не из числа прочих, занесенных из мрака? — спросил Даэман.

Просперо рассмеялся:

— О нет. Этого бедолагу забросило сюда проклятие. С перекрестков, куда бежало большинство постлюдей. Одиссей заблудился во времени по вине одной очень вредной особы, которая известна мне как Церера и которую Одиссей знал — а равно познал — под именем Цирцеи.

— Не понимаю, — сказал Харман. — Сейви говорила, что нашла Одиссея совсем недавно, в криосне.

— Это тоже правда, — ответил Просперо, — но все же ложь. Сейви знала о странствиях Одиссея и куда он направлялся. Она использовала его, а он — ее.

— Но он действительно ахеец из туринской драмы? — не отставал Даэман.

— Да и нет, — ответил волшебник в своей невыносимой манере. — Драма показывает расходящуюся историю и время. Этот Одиссей из одной ветви, да. И нет, он не Одиссей из того же повествования.

— Ты так и не сказал нам, кто такой Сетебос, — сказал Харман. Его терпение было на исходе.

Еще шестеро долечившихся факсировали из

резервуаров. Остались двадцать девять. Через двадцать минут Харману и Даэману предстояло бежать к соньеру. Линейный ускоритель с кротовиной — шаром мерцающего света и тьмы — был четко виден без всякой оптики.

— Сетебос — бог произвола и деспотической власти, — сказал Просперо. — Убивает без разбора. Милует по прихоти. Уничтожает массово, но без плана или системы. Это бог Одиннадцатого сентября. Бог Освенцима.

— Чего? — переспросил Даэман.

— Не важно, — ответил волшебник.

— Скажешь, — зашипел Калибан из темноты за людоедским столом, — ценит то, что выгодно Ему. Подумай: почему благое любишь? Оттого, что не владеешь ты иным.

— К черту! — заорал Даэман. — Я найду этого гада.

Он сжал пистолет и прыгнул в темноту. Еще пять человеческих тел факсировали с астероида; их баки со свистом спускали оранжевую жидкость.

Осталось двадцать четыре.

Тела лежали на полу, на столе, в кресле валялись куски тел. Даэман держал фонарик Сейви в левой руке, пистолет в правой. На нем был ка-

пюшон с линзами ночного видения, но все равно тьма отбрасывала тени. Он ждал, высматривая любое движение.

— Даэман! — позвал Харман.

— Погоди! — крикнул Даэман.

Он ждал. Пусть Калибан бросится на него, как на приманку. Он хотел, чтобы Калибан прыгнул. Сейчас в пистолете было пять обойм с флешеттами, и Даэман по опыту знал, что, если удерживать спусковой крючок, выстрелы идут один за другим. Он всадит в поганое чудовище пять тысяч хрустальных дротиков, если только…

— Даэман!

Он обернулся на крик Хармана.

— Калибана видишь?

— Нет, — ответил Харман. — Кое-что похуже.

И тут Даэман услышал рев клапанов и аварийные сигналы. С резервуарами творилось что-то неладное.

Харман растерянно указал на красные виртуальные датчики:

— Емкости спускают жидкость до того, как люди исцелились.

— Калибан каким-то образом перекрыл питательную жидкость, — сказал Просперо. — Эти двадцать четыре человека обречены.

— Черт! — выкрикнул Харман и заколотил кулаком в стену.

Даэман двинулся к пустеющим резервуарам, светя на них фонариком Сейви.

— Уровень жидкости быстро падает, — сообщил он.

— Мы все равно их факсируем.

— Мы факсируем домой мертвецов с синими червями в кишках, — сказал Даэман. — Надо отсюда выбираться.

— Этого Калибан и хочет! — крикнул Харман.

Даэман уже не видел контрольную панель. Он был в дальнем ряду резервуаров, в темной части помещения, куда раньше боялся заглянуть. Пистолет оттягивал руку. Даэман по-прежнему светил на резервуары фонариком.

Просперо бубнил старческим голосом:

> *Мой милый сын, ты выглядишь смущенным*[53]
>
> *И опечаленным. Развеселись!*
>
> *Окончен праздник. В этом представленье*
>
> *Актерами, сказал я, были духи.*

---

[53] Примечания: 53

Мой милый сын, ты выглядишь смущенным… — У. Шекспир. Буря. акт IV, сцена 1. перев. М. Донского.

И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли они.
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают словно дым
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь – о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь…

— Да заткнись ты! — взорвался Даэман. — Харман, слышишь меня?

— Да, — ответил тот, бессильно привалившись к панели управления. — Даэман, надо уходить. Этим двадцати четырем мы не поможем.

— Харман, слушай меня! — Даэман стоял в дальнем ряду резервуаров, луч фонарика не двигался. — Тут в баке…

— Уходим, Даэман! Напряжение падает. Калибан обесточивает лазарет.

Словно в подтверждение его слов, голосфера

погасла и Просперо исчез. Свет в резервуарах выключился. Мерцание виртуальной панели начало затухать.

— Харман! — закричал Даэман из темноты. — Здесь, в этом баке, Ханна.

56. Илионская равнина

— Мне надо отыскать Ахиллеса и Гектора, — сказал Манмут. — Придется оставить тебя здесь, на Лесном холме.

— Конечно. Почему бы нет? Может, боги примут меня за камень и не догадаются сбросить бомбу. Но сделаешь мне одолжение? Даже два?

— Разумеется.

— Во-первых, оставайся на связи по фокусированному лучу. Немного одиноко тут в темноте, когда не знаешь, что происходит. Особенно за несколько минут до того, как сработает Устройство.

— Хорошо.

— А во-вторых, привяжи меня, пожалуйста. Мне нравится левитационная сбруя — хотя будь я проклят, если понимаю, как она работает, — но не хотелось бы, чтобы ветер снова унес меня в море.

— Уже сделано, — сказал Манмут. — Я привязал тебя к самому большому камню на погребальном кургане быстрой амазонки Мирины.

— Прекрасно, — сказал Орфу. — Кстати, знаешь

ли ты, кто эта быстрая амазонка Мирина и отчего она похоронена прямо под стенами Илиона?

— Понятия не имею, — ответил Манмут.

Он оставил друга на холме и на четвереньках побежал по Илионской равнине к ахейскому лагерю. Некоторые греки с изумлением оборачивались на странное создание.

Ему не пришлось долго рыскать по берегу в поисках Ахиллеса и Гектора — те как раз прошли по мосту через оборонительный ров, ведя за собой на старое поле брани уцелевших военачальников и две-три тысячи бойцов. Манмут решил соблюдать приличия и для приветствия встал на задние ноги.

— Маленькая машинка, — сказал Ахиллес. — Где твой господин, сын Дуэйна?

Манмут секунду переваривал услышанное.

— Хокенберри? — сказал он наконец. — Во-первых, он мне не хозяин. Никто мне не хозяин, и сам я никто, в смысле, не человек. Во-вторых, он отправился на Олимп посмотреть, что делают боги. Обещал скоро вернуться.

Ахиллес обнажил белые зубы в ухмылке:

— Отлично. Сведения о противнике нам не помешают.

Одиссей, стоявший между Гектором и Ахилле-

сом, заметил:

— Для Долона это ничем хорошим не кончилось.

Диомед за спинами предводителей расхохотался. Гектор нахмурился.

Долон был лазутчиком Гектора прошлой ночью, когда казалось, что дела у греков плохи, переслал Орфу.

Хотя Манмут благодаря загруженным словарям и понимал теперь греческий, он все равно беззвучно пересказывал Орфу все диалоги.

Орфу еще не договорил: *Диомед с Одиссеем, выйдя на ночную вылазку, поймали Долона и, посулив троянцу жизнь и безопасность, вытянули из него все нужные сведения, а затем Диомед отрубил ему голову. Полагаю, Одиссей напомнил об этой истории, поскольку не до конца доверяет Гектору, и к тому же…*

— Давай отложим. — Манмут нечаянно произнес это вслух и тут же переключился на беззвучный режим: *Мне тут надо сосредоточиться.*

— Что ты сказал? — резко спросил Гектор.

Троянский герой был угрюм. Манмут вспомнил, что мать и сестра Гектора погибли при бомбежке, хотя неизвестно, знает ли об этом герой. Возможно, Гектор просто не в духе.

— Всего лишь вознес краткую молитву моим богам, — ответил Манмут.

Одиссей опустился на одно колено и сейчас ощупывал тело, руки, торс, голову и защитный корпус Манмута.

— Изобретательно, — сказал сын Лаэрта. — Какой бы бог тебя ни сделал, работа отличная.

— Спасибо, — ответил Манмут.

По-моему, ты попал в пьесу Самюэля Беккета[54], переслал Орфу.

— Заткнись! — сказал Манмут и отправил по-английски: *Черт, все время забываю переключить луч на беззвучный режим.*

— По-прежнему молится, — заметил Одиссей, поднимаясь на ноги. — Но мне понравилось, как он сказал, что его имя Никто. Я это запомню.

— О, быстроногий Ахиллес, — произнес Манмут на правильном греческом. — Дозволено ли мне спросить о твоих намерениях?

— Мы бросим богам вызов, — сказал Ахиллес. — Единоборство или рать на рать, как пожелают.

Манмут глянул на несколько тысяч греков, вышедших за Ахиллесом из лагеря; многие из них

---

[54] Примечания: 54

По-моему, ты попал в пьесу Самюэля Беккета. — Самюэль Беккет (1906–1989) — франко-ирландский драматург, один из основоположников театра абсурда.

были в крови. Затем обернулся и увидел тысячу или меньше троянцев, идущих присоединиться к Гектору.

— Это ваша рать? — спросил Манмут.

— Остальные присоединятся позже, — ответил Ахиллес. — Маленькая машинка, если встретишь Хокенберри Дуэйнида, передай, чтобы искал меня в середине поля сражения.

Ахиллес, Гектор и ахейские вожди двинулись дальше. Моравеку пришлось отскочить в сторону, чтобы его не затоптали идущие за вождями воины.

– **СТОЙТЕ!** — заорал Манмут, прибавив больше громкости, чем собирался.

Ахиллес, Гектор, Одиссей, Диомед, Нестор и другие обернулись. Простые воины между Манмутом и героями расступились.

— Через тридцать секунд, — сказал моравек, — кое-что произойдет.

— Что? — спросил Гектор.

Не знаю, подумал Манмут. *Я не знаю даже, ощутим ли мы здесь какие-то последствия. Черт, я даже не знаю, сработает ли мой часовой механизм на такой глубине.*

Ты говоришь беззвучно, сообщил Орфу.

Извини, ответил Манмут, а вслух по-гречески

сказал:

— Подождите и увидите. Осталось восемнадцать секунд.

Греки, разумеется, не измеряли время минутами и секундами, но Манмут надеялся, что дал правильный перевод.

Даже если Устройство разнесет Марс на куски, сказал Орфу, *я не думаю, что эта Земля находится в той же вселенной и времени. С другой стороны, так называемые местные боги связали это место с Олимпом тысячью квантовых туннелей.*

— Девять секунд, — сказал Манмут.

Как будет выглядеть взрыв Марса при дневном свете из этой точки Малой Азии? — передал Орфу. *Я могу быстренько смоделировать.*

— Четыре секунды, — сказал Манмут.

Впрочем, я могу просто подождать и посмотреть. Конечно, тебе придется смотреть за меня.

— Одна секунда, — сказал Манмут.

57. Олимп

Я не помню, чтобы Арес или Гефест квитировались, когда волокли меня из Великого чертога, но, очевидно, так оно и было. Боги бросили меня в комнату на верхнем этаже невообразимо высокого здания с восточной стороны Олимпа. Окон как таковых здесь нет. Дверь они за собой заперли, другая дверь ведет на балкон, под которым сотни футов отвесной скалы. На севере океан, бронзовый в предзакатном свете, а далеко-далеко на востоке вырисовываются три вулкана — марсианских, как я теперь понимаю.

Марс. Боже милостивый. Девять долгих лет… Марс.

В холодном воздухе меня трясет озноб. Руки и ноги в мурашках, зад, надо думать, тоже. Босые ступни заледенели на мраморном полу. Кожа на голове болит после того, как меня тащили за волосы, однако удар по самолюбию куда болезненнее.

Кем я себя возомнил? Насмотрелся на богов и супергероев и забыл, что в реальной-то жизни не представлял собой ничего особенного, а сейчас

и подавно.

Думаю, мне вскружили голову игрушки: левитационная сбруя, непробиваемые доспехи, морфобраслет, квит-медальон и остронаправленный микрофон, усиливающие линзы, тазер и Шлем Аида. Эффектные гаджеты, позволившие мне несколько дней изображать супергероя.

Теперь папочка отобрал мои игрушки. И папочка сердится.

Я вспоминаю про Манмутову бомбу и по привычке поднимаю руку, чтобы глянуть на часы. *Черт*. У меня даже часов нет. Но в любом случае осталось всего несколько минут до того, как Устройство маленького робота должно сдетонировать. Я перегибаюсь через парапет балкона, однако он выходит на другую сторону, не на кальдеру, так что вспышки я, скорее всего, не увижу. Интересно, ударная волна снесет это здание с вершины Олимпа или просто-напросто подожжет? Всплывает новое воспоминание: телевизионные кадры, на которых обреченные люди выпрыгивают из горящих небоскребов в Нью-Йорке. Я зажмуриваюсь и сжимаю руками виски, силясь прогнать непрошеное видение, но оно становится только ярче.

Черт. Если бы мне дали еще две-три недели —

если бы я сам не урезал свой срок, вмешиваясь со своими игрушками в судьбу стольких людей, — я, возможно, вспомнил бы всю мою прошлую жизнь. И даже, возможно, смерть.

Дверь у меня за спиной с грохотом распахивается, и входит Зевс. Я поворачиваюсь к нему и возвращаюсь в пустую комнату.

Хотите рецепт, как потерять остатки самоуважения? Попробуйте голым и босым оказаться перед богом богов в высокой обуви, золотых поножах и полном боевом доспехе. Прибавьте сюда явное отличие в размерах. Мой рост — пять футов и девять дюймов, то есть не «низенький» (как я не уставал напоминать окружающим, особенно Сьюзен), а, скажем так, «средний». А в Зевсе сегодня футов пятнадцать. Дверной проем рассчитан на баскетболиста, сидящего на плечах другого баскетболиста, тем не менее Зевсу пришлось наклониться, чтобы войти. Он хлопает за собой дверью. В руке у него мой квит-медальон.

— Схолиаст Хокенберри, — говорит Зевс по-английски, — ты понимаешь, сколько хлопот доставил?

Я пытаюсь смотреть с вызовом. Не получается, и я решаю, что хотя бы не позволю голым ногам дрожать. От холода и страха пенис и мошонка

сжались до размеров мини-морковки и земляного ореха.

Словно заметив это, Зевс оглядывает меня с ног до головы.

— Боже мой, — густо рокочет он. — Какими же вы были уродами, людишки старого образца. Как такое может быть, что ребра торчат, а брюхо все равно выпирает?

Сьюзен шутила, что у меня зад — подержаться не за что, но она говорила это любя.

— Откуда вы знаете английский? — дрогнувшим голосом спрашиваю я.

– **МОЛЧАТЬ!** — ревет отец богов.

Зевс жестом приказывает мне выйти на балкон и шагает следом. Он так огромен, что я еле помещаюсь рядом с ним. Я отступаю в угол, стараясь не смотреть вниз. Разъяренному богу богов надо только поднять меня одной рукой и швырнуть через перила — я буду кувыркаться и вопить целых пять минут, прежде чем долечу до скал.

— Ты причинил вред моей дочери, — рычит Зевс.

Которой? — отчаянно соображаю я. Я участвовал в попытках убить Афродиту и Афину, но подозреваю, что речь об Афине. Она всегда была его любимицей. Впрочем, какая теперь разница.

Попытка причинить вред любому богу — а уж тем более свергнуть их всех — преступление, караемое здесь смертной казнью. Я снова гляжу через парапет. Хрустальный эскалатор змеится вниз, в туманную дымку прямо подо мной, однако моя бывшая казарма, сожженная дотла, так далеко, что обычным зрением ее не рассмотреть. Господи, сколько же отсюда падать.

— Знаешь ли ты, что сегодня произойдет, Хокенберри? — спрашивает Зевс, хотя вопрос, как я понимаю, риторический. Он опирается на каменные перила; каждый из его пальцев толще моей руки.

— Нет, — говорю я.

Он поворачивается и смотрит на меня:

— Это, должно быть, неприятно после стольких лет ученого всеведения. Ты всегда знал, что произойдет дальше, даже если боги этого не ведали. Наверняка ты чувствовал себя самой Судьбой.

— Я чувствовал себя мудаком, — говорю я.

Зевс кивает. Затем указывает на колесницы, которые взмывают над Олимпом одна за другой. Их сотни.

— Сегодня мы истребим человеческий род. Не только это дурачье в Трое, но и вообще всех людей. Повсюду.

Что тут ответишь?

— Мне кажется, это немного слишком, — выдавливаю я наконец. Я бы даже гордился своей бравадой, только голос у меня дрожит, как у запуганного мальчика.

Зевс по-прежнему смотрит на взлетающие колесницы и множество облаченных в золотые доспехи богов и богинь, ждущих очереди забраться в свои машины.

— Посейдон, Арес и другие веками уговаривали меня избавиться от человечества, как от вируса, ибо вы и есть вирус, — рокочет бессмертный, обращаясь скорее к самому себе. — Мы, конечно, обеспокоены. Такая эпоха человеческого героизма, какую ты видишь в Илионе, обеспокоила бы любую расу богов, уж слишком много скрещивания между их расой и нашей — ты наверняка знаешь, сколько наноулучшенной ДНК мы передали выродкам вроде Геракла или Ахиллеса, трахаясь со смертными. В буквальном смысле.

— Зачем вы мне это говорите? — спрашиваю я.

Зевс смотрит на меня сверху вниз. Затем пожимает плечами — огромными, в восьми футах над моей головой.

— Поскольку через несколько секунд ты умрешь, я могу говорить откровенно. На Олимпе,

схолиаст Хокенберри, нет постоянной дружбы, надежных союзников или верных товарищей… Неизменны лишь интересы. Мой интерес — сохранить положение Владыки богов и Правителя Вселенной.

— Утомительная, должно быть, работа, — саркастически замечаю я.

— Да, — говорит Зевс. — Это точно. Не веришь мне — спроси Сетебоса, или Просперо, или Тихого. А теперь, есть ли у тебя последний вопрос перед смертью, Хокенберри?

— Вообще-то, да, — на удивление спокойно говорю я; даже колени больше не трясутся. — Я хочу знать, кто вы, боги, на самом деле. Откуда вы? Я знаю, вы не настоящие боги Древней Греции.

— Разве? — произносит Зевс. Улыбка у него совсем не отеческая.

— Кто вы? — повторяю я.

Зевс вздыхает:

— Боюсь, у нас не осталось времени на рассказы. Прощай, схолиаст Хокенберри.

Он отрывает ладони от перил и поворачивается ко мне.

И ведь он совершенно прав: времени не осталось. Ни на рассказы, ни на что другое. Внезапно высокое здание содрогается, трещит, стонет.

Самый воздух над вершиной Олимпа как будто сгустился и пошел волнами. Золотые колесницы спотыкаются на лету, снизу слышны крики богов и богинь.

Зевс, выронив мой медальон, хватается огромной рукой за стену, чтобы не упасть. Высоченная башня дрожит, раскачиваясь и выписывая верхушкой десятиградусную дугу.

Зевс поднимает взгляд.

Внезапно небо заполняют черточки-вспышки. Слышатся акустические удары; марсианский небосвод разрезают полосы огня. Прямо над нами посреди лазури раскрываются вращающиеся шары цвета черного космоса и красной лавы. Они словно огромные дыры, пробитые в голубой тверди, и к тому же опускаются.

Ниже — гораздо ниже, у подножия Олимпа — раскручиваются такие же зазубренные круги радиусом не меньше футбольного поля каждый. Другие возникают над океаном на севере, а некоторые вгрызаются в само море.

Из наземных кругов выбегают тысячи муравьев, и тут я понимаю, что эти муравьи — люди. Человеческие люди?

Небо теперь заполнено не только золотыми колесницами, но темными остроконечными

машинами. Некоторые крупнее колесниц, другие меньше, и у каждой — смертоносный, не по-земному военный вид. Новые огненные линии прочерчивают верхние слои атмосферы и несутся к Олимпу, словно межконтинентальные баллистические ракеты.

Зевс вздымает кулаки к небу.

– **ПОДНЯТЬ ЭГИДУ!** — ревет он, обращаясь к малюсеньким богам далеко внизу. — **АКТИВИРОВАТЬ ЭГИДУ!**

Хотелось бы, конечно, остаться и посмотреть, что будет дальше, однако у меня другие приоритеты. Я головой вперед бросаюсь между исполинскими ножищами Зевса, проезжаю на животе по содрогающемуся мраморному полу, одной рукой хватаю квит-медальон, а другой поворачиваю диск.

58. Экваториальное Кольцо

Поначалу у них никак не получалось извлечь Ханну из бака. Тяжелый кусок трубы не оставлял на пластикоподобном стекле даже вмятин. Даэман израсходовал три обоймы из пистолета Сейви, но флешетты, царапнув бак, отлетали рикошетом, круша хрупкие предметы, вонзаясь в уже обездвиженных сервиторов и чудом не задевая самих мужчин. Наконец Харман сумел взобраться на резервуар, и они, используя трубу как рычаг, сперва приподняли, а затем и оторвали сложно устроенную крышку. Затем Харман натянул капюшон с линзами ночного зрения и спрыгнул в утекающую оранжевую жидкость, чтобы вытащить Ханну. Лазарет был обесточен, резервуары гасли, так что работать приходилось в луче фонарика.

Голая, мокрая, безволосая, с обновленной кожей, Ханна лежала на полу лазарета беззащитная, как неоперившийся птенец. Добрая новость заключалась в том, что она дышала — неглубоко, прерывисто, пугающе часто, но все-таки дышала сама. Однако была и дурная новость — им не

удавалось привести ее в чувство.

— Она выживет? — спросил Даэман.

Остальные двадцать три человека в баках либо умерли, либо умирали; их уже было не спасти.

— Откуда я знаю? — прохрипел Харман.

Даэман огляделся:

— Без электричества тут быстро холодает. Скоро будет ниже нуля, как в остальном городе. Надо найти, чем ее прикрыть.

По-прежнему сжимая оружие, но уже не высматривая врага во всех углах, Даэман пробежал через темнеющий лазарет. Трубки, пробирки, человеческие кости, бездвижные сервиторы, разлагающиеся останки… Ничего похожего на одеяло. Даэман отломал кусок пластика от крышки, которой они запечатали полунепроницаемую мембрану, и вернулся.

Ханна лежала без сознания, но тряслась всем телом. Харман обхватил ее руками и пытался растирать, но это не помогало. Даэман укрыл ее куском пластика, но надежды, что пластик удержит тепло, у него не было.

— Если мы что-нибудь не придумаем, ей конец, — прошептал он.

Из тьмы между погасшими резервуарами донесся скрежет. Даэман не стал даже поднимать

пистолет. Лазарет заполнялся дымкой от жидкого кислорода и пролитой оранжевой жидкости.

— Мы все так или иначе скоро умрем, — сказал Харман, указывая вверх, на прозрачный потолок.

Даэман поднял голову. Белая звезда — двухмильный линейный ускоритель — была куда ближе.

— Сколько еще? — спросил он.

Харман покачал головой:

— Хронометры исчезли вместе с током и Просперо.

— Когда начались проблемы, у нас оставалось около двадцати минут.

— Да, — сказал Харман, — только когда это было? Десять минут назад? Пятнадцать? Девятнадцать?

Даэман снова поглядел вверх. Земля зашла, и за стеклянными панелями холодно горели звезды, включая несущийся на них ускоритель.

— Когда началась эта фигня, Земля еще светила, — сказал он. — Значит, прошло немногим больше двадцати минут. Когда она снова появится…

Бело-голубой краешек планеты показался в нижних панелях.

— Пора уходить, — сказал Даэман.

Стук и скрежет позади усилились. Даэман развернулся с пистолетом в руке, однако Калибан не появился. Гравитация в лазарете тоже слабела. Пролитая жидкость собиралась в амебовидные капли, силящиеся стать шарами. Луч фонаря повсюду натыкался на их блестящие поверхности.

— Как уходить? — спросил Харман. — Бросить ее?

Веки у Ханны были чуть приоткрыты, но за ними виднелись только белки глаз. Дрожала она уже не так сильно, однако Даэман подозревал, что это плохой знак.

Даэман оттянул наверх осмотическую маску — дышать в лазарете было можно, хотя пахло, как в обесточенной холодильной камере для мяса, — и почесал щетинистый подбородок.

— С двумя термоскинами нам ее до соньера не донести. Она умрет от холода.

— У соньера есть силовое поле и обогреватель, — прошептал Харман. — Сейви их включала, когда мы летели на высоте. — Он тоже поднял маску, и теперь его дыхание вырывалось клубами пара. Бороду и усы покрывали сосульки, а в глазах застыла такая усталость, что больно было смотреть.

Даэман покачал головой:

— Сейви говорила мне, как холодно и жарко в космосе, и про то, что делает с телом вакуум. Ханна умрет раньше, чем мы включим защитное поле.

— Ты помнишь, как его включить? — спросил Харман. — Как управлять этой штукой?

— Н-не знаю, — ответил Даэман. — Я видел, как Сейви его ведет, но не думал, что когда-нибудь придется самому. А ты не помнишь?

— Я так… устал, — сказал Харман, потирая виски.

Ханна уже не дрожала и выглядела мертвой. Даэман сорвал с руки термоскиновую перчатку и приложил ладонь к ее груди. Секунду он был уверен, что она умерла, потом ощутил слабое, быстрое, как у птички, биение сердца.

— Харман, — решительно приказал он, — снимай термоскин.

Тот поднял голову и сморгнул.

— Да, ты прав, — тупо произнес он. — Я прожил мои Пять Двадцаток. Она заслуживает…

— Нет же, идиот!

Даэман помог ему стянуть термоскин. Лицо и руки у Даэмана уже заледенели, он не мог вообразить, каково быть на таком морозе голым. Воздух

становился все более разреженным, голоса звучали тоньше и тише.

— Будешь меняться с ней. Досчитаешь до пятисот — одевайся сам. И так все время, если только она не умрет.

— А где будешь ты? — прохрипел Харман.

Он пытался натянуть свой термоскин на бесчувственную девушку, но руки у него так тряслись от холода, что Даэману пришлось ему помогать. Термоскин мгновенно сжался до размеров Ханны, и она снова задрожала, хотя костюм практически не пропускал наружу тепла. Харман натянул на лицо осмотическую маску.

— Я пойду к соньеру, — ответил Даэман. Он протянул Харману пистолет, но вынужден был поднять маску, иначе Харман без наушников в костюме его бы не услышал. — Вот, на случай если Калибан явится за вами.

Даэман поднял четырехфутовый кусок трубы, служивший им ломом.

— Не явится, — выговорил Харман, судорожно хватая воздух. — Он нападет на тебя. Тогда и мы станем легкой добычей.

— Подавится, — процедил Даэман, снова натянул осмотическую маску и, толкнувшись, полупобежал-полупоплыл к мембране.

Только вырезав острым концом трубы дыру в мембране и выплыв наружу, в еще более низкую гравитацию и еще более морозный разреженный воздух, Даэман сообразил, что не сказал Харману главного: он собирается вернуться за ними на соньере. Каким-то образом пробить стену и забрать их. *Что ж, возвращаться, чтобы это сказать, уже поздно.*

Месяц — целую вечность — назад, когда они впервые оказались в хрустальном городе, Даэман едва поспевал за Харманом и Сейви. Теперь он плыл в разреженном воздухе, словно некое низкогравитационное морское существо, выдра хрустального города, всякий раз находил идеальное место, чтобы толкнуться, подгребал ногами и свободной рукой, кувыркался и выписывал пируэты, безошибочно достигая бруса, стола или даже постчеловеческого трупа для следующего толчка.

И все же он двигался недостаточно быстро. Глядя вверх на панели хрустального города — свет за ними гас, и внизу среди водорослей и на усеянных трупами террасах становилось все темнее, — Даэман чувствовал, что время выигрывает гонку, хоть здесь и не было прозрачных панелей, чтобы увидеть сквозь них несущийся

линейный ускоритель. *Услышу ли я, когда он пробьет стеклянную кровлю, или воздух слишком разреженный, чтобы передавать звуки?*

Он выбросил глупый вопрос из головы. Когда это случится, он узнает.

Даэман едва не пролетел мимо хрустальной башни, однако вовремя поднял взгляд и увидел над собой сотни и сотни уходящих во тьму этажей.

Он опустился на поверхность астероида, обеими руками сжал трубу и развернулся, глядя сквозь линзы ночного зрения. В воздухе парили гуманоидные тени, некоторые довольно близко, однако, судя по тому, как бесцельно и неловко они двигались, это, вероятно, были посттела, не Калибан. *Вероятно*.

Даэман сунул трубу под мышку, пригнулся, вспомнил позу Калибана — ноги согнуты, руки опущены до земли, — и, скопировав ее, изо всех сил толкнулся руками и ногами. Он поплыл вверх, но медленно, слишком медленно. К тому времени, как он достиг первой террасы на высоте семидесяти-восьмидесяти футов, ему казалось, что он почти не движется, а толкнувшись от нее вверх, он почувствовал, что силы на исходе.

Тени были повсюду. Калибан мог прыгнуть с

любой из террас, однако поделать ничего было нельзя: приходилось держаться ближе к стене, чтобы отталкиваться и плыть вверх — сперва быстро, затем все медленнее, до следующего прыжка. Даэман чувствовал себя лягушкой, скачущей с камня на камень, с одного металлического листа кувшинки на другой.

Внезапно он расхохотался. Его термокостюм под слоем грязи, ила и крови был зеленым! Он и впрямь походил на неуклюжую тощую лягушку, приседавшую для прыжка на перилах примерно каждой десятой террасы. Смех глухим эхом прокатился в наушниках, отрезвив Даэмана. Он перестал смеяться и теперь слышал лишь собственное натужное дыхание.

Даэман похолодел от страха и кувыркнулся на лету. *Не пропустил ли я уровень, на котором стоит соньер?* Тьма под ногами казалась бездонной — тысяча футов пустого воздуха, а соньер был всего лишь… *на каком этаже?* Даэман попытался вспомнить голограмму в центре управления у Просперо. Футов пятьсот? Семьсот?

В холодной испарине Даэман отплыл подальше от стены и оглядел хрустальные панели. Они по большей части горели затухающим рыжим светом, однако верхние, прозрачные, уже посе-

ребрило сияние Земли. Ни в одной не было белого квадрата полунепроницаемой мембраны первого шлюза и обещанной Просперо двери. *Видел ли я этот квадрат на голограмме или просто предположил, что такой же должен быть и изнутри?*

Вися почти неподвижно, Даэман сорвал осмотическую массу. Он чувствовал, что сейчас его стошнит.

У тебя нет на это времени, идиот. Он попытался дышать, но воздух был слишком холодный, слишком разреженный. Даэман полубессознательно натянул маску обратно. *Почему я не взял фонарь? Думал, Харману он понадобится, чтобы помогать Ханне или выстрелить в Калибана, а теперь не могу без него найти треклятое окно.*

Даэман заставил себя замедлить дыхание и успокоиться. Пока гравитация не потянула его вниз, к темной поверхности в сотнях футов внизу, он, гребя одной рукой и ногами, отплыл еще дальше от стены и перевернулся на спину, словно пловец, глядящий на звезды.

Вот он. Еще пятьюдесятью футами выше по этой стене. Белый квадрат на матовой панели.

Даэман сделал пируэт, зажал трубу между подбородком и грудью и принялся сильно грести обеими руками. Если не добраться до ближайшей

террасы, он потеряет футов двести высоты, а сил, чтобы проделать этот путь заново, не оставалось.

Он доплыл до террасы, перехватил трубу левой рукой и толкнулся вверх. Расчет был настолько точен, что замедлился он ровно у панели с белым квадратом. Задыхаясь, почти ничего не видя из-за стекавшего на глаза пота, Даэман протянул правую руку — она вошла в мембрану, словно в чуть липкую марлю.

— Слава тебе, Боже, — выдохнул Даэман.

Калибан прыгнул на него из темной ниши под следующей террасой сверху, раскинув длинные конечности. Зубы блестели в свете Земли.

— Нет! — прохрипел Даэман.

Калибан обвил его руками и ногами, стиснул длинными пальцами, зубы тянулись к яремной вене Даэмана. Тот сумел высвободить правую руку и заслонить горло — зубы Калибана прокусили мясо и сомкнулись на кости. Брызжа кровью в низкой гравитации, сплетенные противники рухнули через разреженный воздух на следующую террасу и закувыркались в темноте, налетая на стекло, дерево, пластик и замерзшие постчеловеческие трупы.

59. Илионская равнина

Манмут первым заметил то, что происходит в небе, в море и на суше вокруг Илиона, но лишь потому, что он этого ждал. Он не знал, чего именно ждет… но явно не того, что видел сейчас.

Что ты видишь? — спросил Орфу по фокусированному лучу.

Ах… задохнулся Манмут.

В нескольких тысячах футов над Илионом возник вращающийся шар диаметром в сотни метров. Затем другой такой же появился прямо над полем боя — его центр был между городской стеной и Лесным холмом. Манмут быстро повернулся: третий шар вынырнул из ниоткуда над ахейским лагерем. Четвертый материализовался в нескольких милях от берега перед отплывающими ахейскими кораблями, пятый — севернее города. Шестой — южнее.

Что ты видишь? — повторил Орфу.

Ух… выдохнул Манмут.

Все шары переливались яркими цветами радуги, затем внезапно покрылись фрактальными узорами, и, наконец, на них проступили мно-

жественные изображения Олимпа с разного расстояния и под разными углами. Теперь все они показывали марсианский вулкан под голубым марсианским небом. Один шар опустился на Илионскую равнину впереди, так что марсианская почва в стометровом кругу плавно переходила в троянскую почву. Шар на западе сплющился в круг и опустился, так что волны марсианского океана оказались вровень с волнами Средиземного моря. Вода переливалась туда и сюда между двумя планетами. Ахейцы на кораблях пытались убрать паруса и бросили грести, однако не успели остановить остроносые корабли и те через круг бурлящей турбулентности вплыли в северный марсианский океан, за которым белели ледяные склоны Олимпа. Куда бы Манмут ни посмотрел, он видел марсианский вулкан, хотя шары теперь превратились в круглые порталы высоко в небе над Илионом.

Что происходит?! — заорал Орфу по фокусированному лучу.

Ах, повторил Манмут.

Десятки черных летающих объектов вырвались из порталов в небе, из круга, разрезавшего море позади Манмута, даже из портала на уровне земли — скорее арки, чем круга, ибо его основание

находилось под троянской землей, — открывшегося меньше чем в ста метрах от Ахиллеса и Гектора с его людьми. Летающие объекты неслись с небес, словно гигантские шершни, черные, шипастые, немногим больше Орфу, приводимые в движение импульсными двигателями по бокам, на брюхе и на корме. Каждая машина имела выпуклую кабину из черного стекла и щетинилась коммуникационными антеннами и чем-то похожим на оружие — ракетами, пушками, бомбами, излучателями. Если это колесницы следующего поколения, значит божественные технологии развиваются чересчур быстро.

Манмут! — взревел Орфу.

Извини, ответил маленький моравек. Почти запинаясь, он торопливо описал хаос в небе, на море и на поле вокруг. Ему никак не удавалось поспевать за событиями в реальном времени.

Что делают Гектор, Ахиллес и прочие греки и троянцы? — спросил Орфу. *Бегут?*

Некоторые — да, ответил Манмут. *Но большинство ахейцев и троянцев рядом с нашим холмом бегут в ближайший портал.*

В портал?! — повторил Орфу с Ио.

Манмут никогда не слышал, чтобы его большой друг был так ошарашен.

Да. Первыми в ту сторону побежали Гектор и Ахиллес. Они закричали, подняли копья и щиты, а потом… ринулись туда. Думаю, они увидели Олимп, поняли, что это, и просто… ринулись в атаку.

В атаку на марсианский вулкан? — повторил Орфу еще более ошеломленным тоном.

В атаку на Олимп, обитель богов, сказал Манмут, и сам потрясенный увиденным. *Ой-ой!*

Что «ой-ой»? — вопросил Орфу.

Круглый портал позади нас, запинаясь, выговорил Манмут. *Десятки греческих кораблей проплыли в него.*

Да, ты говорил.

Но теперь там видны сотни судов.

Греческих? — спросил ониец.

Нет, ответил Манмут. *По большей части это МЗЧ.*

Маленькие зеленые человечки? — Орфу говорил как плохой синтезатор голоса; каждое слово звучало так, будто он слышит его впервые.

Тысячи МЗЧ. На сотнях кораблей.

На фелюгах? — спросил Орфу.

Там фелюги, большие баржи, на которых они возят камни для голов, большие парусники, маленькие… Все они, вместе с ахейцами, плывут к

Олимпу.

Зачем? — спросил Орфу. *Чего ради зеки плывут к Олимпу?*

Не знаю! — крикнул Манмут. *Я просто… Ну и ну!*

«Ну и ну»?

Небо исчертили огненные полосы. Словно метеоритный дождь из космоса.

Боги возобновили бомбежку? — спросил Орфу.

Не знаю.

А направление?

Что? — спросил Манмут.

Будь у него челюсть, она бы сейчас отвисла. Небо сплошь исчертили огненные линии, в десятке мест вокруг Илиона раскрылись круглые порталы с Олимпом, черные шипастые машины снижались. Тысячи троянцев и ахейцев бежали в первый портал вслед за Гектором и Ахиллесом, десятки тысяч троянцев и их союзников занимали оборонительные позиции на городской стене и на равнине перед Скейскими воротами. Звенели гонги. Били барабаны. Наэлектризованный воздух шипел и потрескивал, крики слились в сплошной гул. Выглянувшее солнце заиграло резкими бликами на щитах, клинках и шлемах. Ахейцы бежали к оборонительным позициям

перед рвами, солнце блестело на их латах. Тысячи илионских лучников на стене подняли луки, нацелив стрелы в небо. Еще десяток ахейских кораблей вышли в море. Манмут не успевал поворачиваться так быстро, чтобы уследить за всем.

В каком направлении вытянуты метеоритные следы? — спросил Орфу. *С запада на восток, с востока на запад, с юга на север?*

Какая разница, в каком направлении? — возмутился Манмут. *Нет, извини. Они летят со всех сторон неба. Пересекаются на фоне синевы.*

Какие-нибудь из них летят к Илиону? — спросил Орфу.

Не похоже. Погоди. Я что-то вижу в голове метеоритного следа… Сейчас сделаю увеличение… Силы небесные, это…

Космический корабль? — сказал Орфу.

Да! — выдохнул Манмут. *Стабилизаторы, корпус, ревущие двигатели… как будто ракета из мультфильма, Орфу. Под ней столб желтой энергии. Остальные метеоры — тоже корабли… Некоторые зависли… один снижается… Ну и ну!*

Опять «ну и ну»? — сказал Орфу.

Зависший космический корабль вроде бы идет на посадку, сказал Манмут. *И несколько черных летательных машин тоже.*

Да? — голос у ионийца был спокойный, даже чуточку ироничный.

Они приземляются, на холме рядом с тобой! Почти прямо на тебя, Орфу! Стой там, я сейчас!

Манмут на четвереньках побежал к холму, туда, где желтые реактивные струи ракеты взметали стометровые клубы пыли и мелких камешков. Орфу он за пылью не видел. Шипастые летательные машины садились рядом с курганом амазонки, выпуская сложные шасси в форме треножников. Орудия приземляющихся шмелей поворачивались, наводясь на Орфу. Это было последнее, что разглядел Манмут, прежде чем вбежал в пыльную бурю.

Я никуда не денусь, передал Орфу. *Но не потяни себе сервомеханизм в спешке, друг мой. Кажется, я знаю, кто это.*

60. Экваториальное Кольцо

Катаясь вместе с Калибаном по темной террасе, Даэман чувствовал, что чудовище пытается откусить ему руку. Чудовище и впрямь пыталось откусить ему руку, но металлические волокна костюма и автоматическое смыкание разрывов термоскина не позволяли Калибану зубами оторвать мясо от костей, а затем разгрызть сами кости. Однако защиты костюма хватило бы ненадолго.

Человек и человеко-зверь налетали на столы, катались между трупами постлюдей, натыкались на решетку и отскакивали в микрогравитации от хрустальной стены. Калибан не ослаблял хватку и крепко держал Даэмана длинными пальцами и перепончатыми ногами. Внезапно он разжал зубы, запрокинул слюнявую морду и снова рванулся к горлу Даэмана. Тот вновь прикрылся правой рукой, и чудовище опять прокусило ее до кости. Даэман застонал. Оба отлетели к перилам. Хотя отверстия в термоскине смыкались автоматически, кровь брызгала наружу шариками, которые разлетались, попав на костюм Даэмана

или чешуйчатую шкуру чудовища.

На какое-то мгновение их прижало к перилам, и Даэман увидел в дюймах от своего лица желтые глаза Калибана. Даэман знал, что, если бы он не загораживался искусанной рукой, Калибан мгновенно вцепился бы в его лицо под осмотической маской, однако на самом деле думал он о другом, и это было поразительно. *Я не боюсь.*

Не осталось лазарета, куда факсировали бы его мертвое тело и восстановили там за двое суток или даже быстрее. Синие черви не ждут Даэмана. То, что случится сейчас, случится навсегда.

Я не боюсь.

Даэман видел звериные уши, слюнявую морду, чешуйчатые плечи и снова думал о том, насколько телесен Калибан. Он помнил непристойно розовую мошонку и пенис чудовища.

Калибан ощерил зубы для нового укуса. Отчетливо сознавая, что не сможет в третий раз заслонить свою яремную вену, Даэман опустил свободную левую руку, нащупал податливые шары и стиснул их так сильно, как ничего в жизни не сжимал.

Вместо того чтобы броситься на него, чудовище запрокинуло голову и взревело в разреженном воздухе так громко, что звук эхом отразился в

почти безвоздушном пространстве. Теперь чудовище пыталось вырваться. Даэман пригнулся, переместил обе руки еще ниже — правая кровоточила, но пальцы еще слушались — и сдавил сильнее. Калибан судорожно извивался и дергался, таща противника по полу. Даэман воображал, что сильными человеческими руками давит помидоры, что выжимает сок из апельсинов, из лопающейся мякоти… мир сжался до этой хватки, до того, чтобы держаться и давить. Калибан взревел еще громче, размахнулся длинной рукой и ударил Даэмана так, что тот отлетел.

Несколько секунд Даэман был почти без сознания и не понимал, где он, однако чудовище не воспользовалось этими секундами: оно визжало и билось, силясь в воздухе прижать чешуйчатые колени к животу. Как раз когда пелена перед глазами Даэмана начала рассеиваться, Калибан долетел до террасы, ухватился за перила и в прыжке преодолел разделяющие их пятнадцать футов. Длинные руки и когти тянулись к жертве.

Даэман вслепую пошарил между стульями и столами, нашел упавшую трубу, размахнулся обеими руками и со всей силы ударил Калибана в висок. Звук был на редкость приятный. Голова Калибана откинулась вбок, а сам он, размахивая

руками, врезался в Даэмана, однако тот отшвырнул чудовище в сторону. Правая рука уже начала неметь; он выронил трубу, вскочил на перила и прыгнул к полупроницаемой мембране тридцатью футами выше.

Слишком медленно.

Злоба придала Калибану сил. Более приспособленный к низкой гравитации, он всеми конечностями оттолкнулся от стены, ухватился за перила перепончатыми пальцами на ногах, присел и прыгнул следом.

Видя, что гонку к окну ему не выиграть, Даэман уцепился за брус, торчащий в пятнадцати футах под панелью с белым квадратом, и затормозил. Калибан приземлился на карниз и раскинул руки, преграждая путь к квадрату. Даэман никак не мог пробраться мимо этих раскинутых рук, этих хищных когтей. Боль в искусанной руке внезапно электрическим ударом пронзила тело и мозг, следом накатило онемение, предвестие слабости.

Калибан запрокинул голову, снова взвыл, показал зубы, проговорил нараспев:

— Что мне мерзость — освящает, что мне пища — восхваляет! Я не друг тебе, нет, а вот ты — мой обед! — и приготовился прыгнуть вслед Даэману, как только тот попытается сбежать.

На груди Калибана виднелись свежие шрамы, и Даэман мрачно усмехнулся.

Сейви ранила его выстрелом. Она не сдалась без борьбы.

И я не сдамся.

Вместо того чтобы сбежать, Даэман подтянулся на брус, напружинил ноги, опустил голову, толкнулся и прыгнул Калибану на грудь.

Полет занял две или три секунды, однако нападение застало чудовище врасплох. Еде не пристало вести себя так дерзко; добыча не нападает. Тут Калибан сообразил, что обед сам идет в руки — вместе с желанным термоскином, — и обнажил все зубы в усмешке, постепенно перешедшей в оскал. Зверь обхватил человека руками и ногами, и Даэман понял, что Калибан не выпустит его, пока не убьет и не обглодает.

Они вместе пролетели через мембрану. Даэман чувствовал, что разрывает занавес тонкой липкой ткани, Калибан ревел в безвоздушном пространстве, а через секунду — уже в ледяной тишине. Вместе они вывалились в космос. Даэман стискивал Калибана так же яростно, как Калибан — его, и левой рукой упирался в нижнюю челюсть чудовища, чтобы не дать тому дотянуться до горла за те восемь-десять секунд,

которых, он надеялся, должно хватить.

Термоскиновый костюм мгновенно отреагировал на вакуум: плотно обтянул тело, сжался до полной герметичности, сомкнув даже молекулярные поры, которые могли бы выпустить наружу воздух, кровь или тепло. Осмотическая маска раздула прозрачный щиток и перешла на стопроцентную рециркуляцию выдыхаемого воздуха. Охлаждающие капилляры термоскина перенаправили естественный пот Даэмана, охлаждая его обращенный к солнцу бок и передавая излишек тепла тем частям тела, что находились в минус двухсотградусной тени. Все это произошло за долю секунды, так что Даэман ничего даже не заметил. Он был занят тем, что отталкивал морду Калибана, не давая тому дотянуться зубами до горла и плеча.

Калибан оказался чересчур силен. Он мотнул головой, освободился из слабеющей хватки Даэмана и разинул пасть, чтобы снова взреветь, прежде чем перекусить жертве горло.

Воздух шумно вырвался из груди и пасти Калибана, словно вода из проткнутой тыквы-горлянки. Слюна мгновенно замерзала, вылетая в космос. Калибан зажал длиннопалыми руками уши, но поздно — барабанные перепонки

лопнули, брызнули кровяные шарики и тут же закипели в вакууме, а секунду спустя закипела и кровь в жилах Калибана.

Глаза чудовища полезли из орбит, из слезных протоков тоже забила кровь, рот по-рыбьи беззвучно открывался и закрывался, силясь глотнуть воздух, но воздуха не было. Выпученные глаза начали леденеть и подернулись белой пленкой.

Даэман высвободился, вывалился на внешнюю террасу, едва не повиснув в пустоте, но все же ухватился за металлическую сетку ограждения и, перебирая руками, добрался до знакомого соньера. Бежать не хотелось. Не хотелось показывать спину противнику. Даэману хотелось остаться и руками в перчатках добить бьющееся в судорогах чудовище.

Однако одна рука не работала — она висела плетью, когда он, толкнувшись, летел последние десять футов до соньера.

Харман. Ханна.

Человек в вакууме за такое время уже бы умер — при всей скудости своих познаний Даэман инстинктивно это понимал, — однако Калибан был не человек. Плюясь кровью и замерзшим воздухом, будто некая ужасная комета, кипящая при приближении к Солнцу, он покач-

нулся, замахал руками, ухватился за ограждение террасы и прыгнул сквозь полупроницаемую мембрану обратно, в относительно плотную и теплую атмосферу.

Даэману некогда было за ним следить. Упав ничком на водительское место в соньере, он смотрел на металлический выступ, где должна была находиться виртуальная панель управления. Она была выключена.

Как ее активировать? И что делать потом? Как Сейви включала соньер?

В голове была пустота. Перед глазами плясали черные точки. Задыхаясь и чувствуя близость обморока, Даэман судорожно пытался вызвать в памяти образ Сейви, включающей панель управления. Бесполезно.

Спокойно. Спокойно. Голос был его и не его — более взрослый, уверенный, отстраненный. *Не волнуйся.*

Он взял себя в руки. Выровнял дыхание, усилием воли замедлил биение сердца, сосредоточился.

Вроде бы она подавала команды голосом? Здесь это не сработает. Без воздуха нет и звука, объясняла Сейви. Или, может, Харман. В последнее время Даэман учился у всех и каждого. *Тогда*

как? Он заставил себя еще немного расслабиться, закрыл глаза и попытался вспомнить, как Сейви взлетала с айсберга в ту первую ночь.

Она провела ладонью над колпаком под рукоятью.

Даэман провел левой рукой. Загорелась виртуальная панель. Работая только левой рукой, закрыв глаза, чтобы лучше вспомнить, Даэман нажал нужные кнопки на разноцветном виртуальном пульте. Включилось силовое поле и вдавило его в подушки. Через секунду раздался рев, заставив Даэмана вскинуть голову, но это всего лишь воздух заполнял купол. Вместе с атмосферой появился и звук:

— Ручной режим или автопилот?

Даэман приподнял осмотическую маску, чуть не заплакав от первого за месяц глотка свежего воздуха, и сказал:

— Ручной режим.

В ладони тут же возник рычаг, окруженный виртуальной аурой.

Даэман поднял соньер на десять футов над металлической площадкой, вспомнив про эластичные ленты привязи, лишь когда они порвались и улетели в космос. Он повернул рычаг, дал энергию на задние двигатели, отчего соньер

сразу мотнуло в сторону, выровнял его, успев не врезаться в металл, и на скорости тридцать-сорок миль в час пробил белый квадрат.

Калибан ждал на карнизе внутри. Чудовище прыгнуло, точно рассчитав траекторию, чтобы опуститься на голову Даэману, но помешало силовое поле. Оно отбросило Калибана в пустой воздух посредине башни, и тварь, кувыркаясь, полетела вниз.

Даэман, осваиваясь с управлением, заложил широкий вираж, повернул рычаг и прибавил скорость. Соньер делал миль шестьдесят-семьдесят в час, когда Калибан поднял голову. Залитые кровью глаза округлились. Нос соньера ударил чудовище в живот, отбросив его на металл и стекло с противоположной стороны.

Даэман с наслаждением продолжил бы игру — перед желанием преследовать Калибана померкла даже дикая боль в правой руке, — но там внизу умирали его друзья. Он круто повернул и спикировал к поверхности почти ста этажами ниже.

Соньер едва не врезался в землю и пропахал гущу водорослей, разбрасывая в сторону обрывки мертвой травы, однако Даэман вовремя спохватился и, чуть убавив ход, полетел горизонтально.

От лазарета до башни он добирался двадцать минут, обратный полет занял минуты три-четыре.

Входная стена была недостаточно широка для соньера. Даэман сдал машину назад, прибавил скорость и сделал из полупроницаемого входа полностью проницаемый. В вихре осколков стекла, обломков металла и пластмассы соньер пронесся меж темными опустевшими баками. Даэман нахмурился, заметив в некоторых белые тела людей, которых они спасти не успели. Впереди на полу лежали еще два тела. Даэман остановил соньер, отключил защитное поле и спрыгнул.

Синий термокостюм по-прежнему был на Ханне: Харман оставил себе лишь осмотическую маску. В прожекторах соньера его голое тело казалось бледным и покрытым синяками. У Ханны рот был открыт, словно в последней отчаянной попытке глотнуть воздуха. Даэман не стал тратить время, проверяя, живы ли они. Левой рукой он уложил их в пассажирские ниши подле своей и задержался еще лишь на пару мгновений, чтобы закинуть рюкзак Сейви в соньер и бросить пистолет на подлокотник рядом со своим местом, после чего запрыгнул обратно и активировал силовое поле.

— Чистый кислород! — приказал он соньеру, как только зашумел воздушный поток.

От чистого холодного воздуха закружилась голова. Даэман принялся тыкать пальцами в виртуальную панель и запустил несколько сигналов безопасности, прежде чем нашел обогрев. Тепло заструилось со всех сторон.

Первым закашлял Харман, следом, через несколько секунд, Ханна. Оба открыли глаза и постепенно сфокусировали взгляд.

Даэман улыбался им, как дурак.

— Где… где?.. — прохрипел Харман.

— Не волнуйся, — сказал Даэман, медленно ведя соньер к выходу. — Спокойно.

— Время… время… — выговорил Харман. — Линейный… ускоритель.

— Черт!

Даэман совершенно забыл про ускоритель и в космосе даже ни разу не обернулся глянуть, где тот.

Он дал полный ход и, проломившись через дыру на месте мембраны, понесся к выходу в башне.

Калибана в башне видно не было. Даэман описал широкую дугу, пролетел в игольное ушко мембраны и устремился в открытый космос.

— Господи Исусе, — выдохнул Харман.

Ханна вскрикнула. Это был первый звук, который она издала с тех пор, как ее извлекли из бака.

Двухмильный линейный ускоритель был так близко, что коллекторное кольцо кротовины на его носу заполнило две трети неба над ними, закрыв солнце и звезды. По всей непомерной длине ускорителя четверки сопел плевались огнем, внося последние поправки курса перед столкновением. И хотя Даэман не знал, как что называется, он мог в подробностях разглядеть блестящие поперечные стяжки, отполированные кольца, испещренные бесчисленными микрометеоритными кратерами, медную возвратную линию над главным сердечником, инжекторы и вращающийся шар пленной кротовины цвета земли и неба. Ускоритель рос на глазах, затмевая последние звезды. Огромная черная тень накрыла хрустальный город.

— Даэман… — начал Харман.

Даэман уже действовал. Он дал полную мощность и понесся над башней, над городом, над астероидом, навстречу огромному голубому изгибу Земли, в то время как линейный ускоритель преодолевал последние разделяющие их сотни

метров.

На мгновение городские башни оказались над ними, затем чуть позади. И тут мчащаяся масса ударила в город и астероид, шар кротовины врезался в башни на секунду-две раньше самой конструкции из экзотического металла. Кротовина беззвучно схлопнулась в себя, ускоритель как будто сложился гармошкой в ничто, но вся сила столкновения стала очевидна, когда три человека повернулись и вытянули шею, глядя на то, что происходит за ними.

Звука не было. Это сильнее всего поразило Даэмана — полнейшая тишина. Ни грохота, ни сотрясения, ни одного из обычных земных признаков великого катаклизма.

Однако катаклизм происходил.

Хрустальный город взорвался на миллионы осколков, которые разлетелись в клубах пылающего газа. Шары пламени выросли на милю, на две, на десять, словно пытались нагнать уносящийся соньер, затем, истратив последний кислород, как будто втянулись внутрь — точно на видео в обратной перемотке.

Город на стороне астероида, противоположной той, в которую врезался ускоритель, выбросило в космос с поверхности каменной планетки по

тысяче разных траекторий: стекло, сталь и пульсирующая экзотическая материя рассыпались в полете, многие секции закатили собственные оргии разрушения, размеченные там и сям новыми беззвучными взрывами и самопоглощающимися огненными шарами.

Через секунду после первого удара весь астероид длиною в милю содрогнулся, рассылая вслед обломкам города концентрические волны газа и пыли, и раскололся на части.

— Скорее! — сказал Харман.

Даэман ничего не соображал. Он летел к Земле на полной скорости, лишь немногим опережая пламя, обломки и волны замерзшего газа, однако теперь по всей виртуальной панели мигали красные, желтые и зеленые аварийные сигналы. Хуже того, теперь снаружи доносились и звуки: подозрительное шипение и треск, через секунду перешедшие в пугающий рев. А что всего хуже, оранжевое свечение по краям соньера быстро превращалось в шар из огня и голубой электрической плазмы.

— Что происходит? — крикнула Ханна. — Где мы?

Даэман не ответил. Он не знал, что делать с тягой и управлением ориентировкой. Рев усили-

вался, как и зарево вокруг машины.

— У нас повреждения? — проорал Харман.

Даэман мотнул головой. Он так не думал. Он думал, что это как-то связано с вхождением в атмосферу на такой скорости. Как-то лет в шесть-семь, гостя у друзей в Парижском Кратере, Даэман, несмотря на предостережения матери, скатился по длинным перилам, слетел на пол и проехал по толстому ковру на голых локтях и коленках. Боль от ожогов заставила его запомнить урок на всю жизнь. Примерно так он представлял себе трение.

Даэман решил не делиться своей теорией с Харманом и Ханной: в другое время он и сам бы ее высмеял.

— Сделай что-нибудь! — выкрикнул Харман сквозь шум и треск.

У обоих мужчин волосы и бороды стояли дыбом в наэлектризованном воздухе. Ханна — лысая, даже без бровей — озиралась вокруг, будто проснулась и угодила в кошмар.

Пока рев не заглушил все остальное, Даэман заорал, обращаясь к виртуальной панели:

— Автопилот!

— Включить автопилот? — Бесполый голос соньера был почти не слышен за ревом.

Даэман сквозь защитное поле чувствовал жар и понимал, что это нехорошо.

— Включить автопилот! — заорал Даэман что есть мочи.

Силовое поле упало на людей и плотно вдавило их в ниши. Соньер перевернулся, и кормовые двигатели выбросили такие мощные струи пламени, что Даэман думал, зубы у него вылетят от тряски. От перегрузки торможения рука заболела невыносимо.

— Возвратиться к запрограммированному маршруту? — спокойно осведомилась машина тоном ученого-идиота, каким она и была.

— Да! — крикнул Даэман. Шея у него болела от давления силового поля, и он был уверен, что позвоночник сейчас переломится.

— Это подтверждение? — спросил соньер.

— Подтверждение! — заорал Даэман.

Включились еще двигатели, и соньер запрыгал, будто камешек по воде, дважды вновь окутался огнем, а затем каким-то образом выровнялся.

Даэман поднял голову.

Они летели — летели на такой высоте, что горизонт впереди по-прежнему закруглялся, так высоко, что горы далеко внизу угадывались лишь по белому снегу на фоне бурых и зеленых

земных оттенков. Однако они летели. Снаружи был воздух.

Даэман закричал: «Ура!», дотянулся до Ханны в синем термоскиновом костюме, обнял ее, снова закричал «Ура!» и с торжеством вскинул к небу кулак.

И замер, глядя вверх.

— Черт!

— Что? — спросил Харман, по-прежнему голый, если не считать болтающейся на шее осмотической маски. Он проследил взгляд Даэмана и сказал: — Черт!

Первые из тысяч огненных шаров — обломков хрустального города, линейного ускорителя или расколовшегося астероида — с ревом неслись меньше чем в миле от них, оставляя за собой десятимильный вертикальный хвост огня и плазмы, едва не опрокидывая соньер волной от своего прохождения. И с неба сыпались все новые и новые метеоры.

61. Илионская равнина

Манмут взбежал на Лесной холм, как раз когда из космического корабля, севшего в окружении шершней-флаеров, вышли девять высоких черных фигур. Все девять спустились по трапу в пыльную бурю, поднятую посадкой. Они были гуманоидно-инсектоидные, метра по два ростом, в блестящей хитиноподобной броне из твердопласта. Их шлемы отражали мир вокруг, словно полированный обсидиан, их руки — крючковатые, в черных шипах и зазубринах, — напомнили Манмуту изображения навозных жуков. Каждый держал какое-то сложное многоствольное оружие весом не меньше пятнадцати килограммов. Предводитель остановился в клубящей пыли и указал на Манмута.

— Эй, маленький моравек, это Марс? — Он говорил усиленным голосом на межлунном английском, одновременно вслух и по фокусированному лучу.

— Нет, — ответил Манмут.

— Нет? Должен быть Марс.

— Нет, — повторил Манмут, пересылая весь

разговор Орфу. — Это Земля. Думаю.

Высокий воин покачал увенчанной шлемом головой, как будто нашел ответ неприемлемым.

— Что ты за моравек? Каллистянин?

Манмут встал на задние ноги и выпрямился во весь рост:

— Я Манмут с Европы. Бывший капитан исследовательской подлодки «Смуглая леди». А это Орфу с Ио.

— Он высоковакуумный моравек?

— Да.

— Что случилось с его глазами, сенсорами, манипуляторами и ногами? И почему покороблен панцирь?

— Орфу — ветеран боевых действий, — ответил Манмут.

— Мы должны доложить о прибытии ганимедянину Коросу Третьему, — объявила бронированная фигура. — Отведи нас к нему.

— Он уничтожен, — ответил Манмут. — При исполнении долга.

Длинная черная фигура обернулась к своим обсидиановым товарищам, и Манмут понял, что они совещаются по фокусированному лучу. Затем вожак снова посмотрел на Манмута.

— Тогда отведи нас к каллистянину Ри По, —

приказал он.

— Тоже уничтожен, — ответил Манмут. — И прежде чем нам продолжить, кто вы?

Это роквеки, переслал Орфу по личному фокусированному лучу и добавил на общей частоте:

— Вы ведь роквеки?

Орфу так давно не разговаривал ни с кем, кроме Манмута, что маленькому моравеку удивительно было слышать его на общей частоте фокусированного луча.

— Мы предпочитаем именоваться моравеками Пояса, — ответил вожак, пытаясь обращаться к панцирю Орфу. — Мы эвакуируем тебя в боевой ремонтный центр, дедуля.

Он махнул рукой, и несколько боевых моравеков двинулись к ионийцу.

— Стоять, — скомандовал Орфу так властно, что высокие чужаки замерли. — Я сам решу, когда покинуть поле битвы. И не называй меня «дедуля», не то я с тебя кожух спущу. Миссию возглавлял Корос Третий. Он погиб. Его заместителем был Ри По. Он тоже погиб. Остались Манмут с Европы и я, Орфу с Ио. Какой у тебя ранг, роквек?

— Центурион-лидер Меп Аху, сэр.

«Меп Аху?» — подумал Манмут.

— Я командир! — рявкнул Орфу. — Тебя ясна

субординация, солдат?

— Да, сэр, — ответил роквек.

— Доложи нам, почему вы здесь и отчего думаете, будто это Марс, — произнес Орфу все тем же непререкаемым тоном. Его всегдашний бас сдвинулся в инфразвуковой диапазон. — Немедленно, центурион-лидер Аху.

Роквек заговорил. Все больше шершней-флаеров жужжало над головой. Сотни троянцев вышли из городских ворот и медленно приближались к холму, выставив копья и щиты. Тем временем сотни других троянцев и ахейцев проходили в круглый портал чуть южнее и бежали к заснеженным склонам Олимпа, видимым в вырезанном из неба и земли полукруге.

Меп Аху был краток. Он подтвердил догадки, которые Орфу высказал Манмуту, когда они пролетали через пояс астероидов по пути к Марсу. Шестьдесят два земных года назад моравек из Пуйла Астиг/Че и Консорциум Пяти Лун отрядили Короса III к поясу астероидов, причем в качестве дипломата, не шпиона. Тот провел в поясе пять лет, прыгая с астероида на астероид. По пути он лишился почти всей своей команды. Корос вел переговоры с вожаками воинственных роквекских кланов, делясь с ними опасениями моравекских

ученых околоюпитерианского пространства насчет стремительного терраформирования Марса и обнаруженных там признаков квантовой туннельной активности. Роквеки хотели знать, кто занимается опасным туннелированием — постлюди с Земли? Корос III и моравеки пояса сошлись на аббревиатуре НМС — неопознанные марсианские сущности.

Роквеки тоже были встревожены, но больше видимым — и невозможно быстрым — терраформированием Марса, чем квантовой активностью, которую их технологии различить не могли. Боевитые и храбрые по своей природе моравеки Пояса уже отправили к Марсу шесть космических флотилий. Ни один корабль не вернулся и не прислал отчета с марсианской орбиты. Что-то на Красной планете — роквеки не знали, что именно, — уничтожало флотилии на подлете.

Дипломатичность, изворотливость, смелость и несколько поединков помогли Коросу III завоевать доверие роквекских клановых вожаков. Ганимедянин изложил им план Консорциума Пяти Лун. Во-первых, роквекам поручалось за следующие примерно пятьдесят лет разработать и биоизготовить специальных боевеков на основе собственной ДНК. Они же должны были

сконструировать и построить современные боевые машины для сражений в открытом космосе и в атмосфере. Тем временем лучшие инженеры и ученые-моравеки Консорциума Пяти Лун перепрофилируют свою новейшую технологию с межзвездных исследований на разработку квант-туннелера и стабилизатора кротовых нор. Во-вторых, когда придет время и квантовая активность на Марсе достигнет угрожающего уровня, Корос III во главе маленькой группы моравеков околоюпитерианского пространства незаметно высадится на Красной планете. В-третьих, прибыв на Марс, Корос III поместит квант-туннелер в средоточие нынешней КТ-активности и таким образом не только стабилизирует квантовые туннели, которыми пользуются НМС, но откроет новые из пояса астероидов, где другие созданные Пятью Лунами туннельные устройства будут ждать мазерного сигнала к активации.

В-четвертых и в-последних, роквеки отправят свои корабли и бойцов по этим квантовым туннелям на Марс, где выявят, опознают, подавят и допросят неопознанные марсианские сущности и устранят угрозу, которую представляет для Солнечной системы чрезмерная квантовая активность.

— Звучит просто, — сказал Манмут. — Выявить, опознать, подавить и допросить. Однако в реальности ваша группа даже не добралась до нужной планеты.

— Навигация в квантовых туннелях оказалась сложнее, чем мы предполагали, — ответил центурион-лидер Меп Аху. — Наша группа, по-видимому, попала в один из существующих каналов НМС, миновала Марс и вышла… здесь.

Хитиново-обсидиановые воины огляделись и подняли тяжелое оружие: почти сотня троянцев поднималась на гребень холма.

— Не стреляйте, — сказал Манмут. — Это наши союзники.

— Союзники? — повторил роквек, обратив сверкающее забрало к надвигающейся стене щитов и копий. Наконец он кивнул, беззвучно пообщался с солдатами, и те опустили многоствольное оружие.

Илионцы и не думали следовать примеру чужаков.

К счастью, Манмут узнал троянского предводителя — он был в числе тех, кого представляли сегодня утром.

— Перим, сын Мегаса, не нападайте. Эти черные ребята — наши друзья и союзники.

Копья по-прежнему щетинились из-за щитов. Лучники во втором ряду опустили луки, но стрелы с тетивы не сняли, готовые выстрелить по команде. Возможно, роквеков не страшили метровые стрелы, смазанные ядом, но Манмуту не хотелось проверять свою внешнюю оболочку на прочность.

— «Друзья и союзники», — с издевкой протянул Перим. Под блестящим бронзовым шлемом были видны только его яростные глаза, сжатые губы и мощный подбородок. — Как они могут быть «друзьями и союзниками», маленькая машинка, если они даже не люди? И если на то пошло, ты, маленькая игрушка, тоже.

У Манмута не было на это хорошего ответа. Он сказал:

— Нынче утром ты видел меня вместе с Гектором, сын Мегаса.

— Я видел тебя и с мужеубийцей Ахиллесом! — крикнул троянец.

Лучники подняли луки. Не менее тридцати стрел нацелились в Манмута и роквеков.

Как мне завоевать его доверие? — по фокусированному лучу передал Манмут Орфу.

Перим, сын Мегаса, задумчиво произнес иониец. *Если бы мы позволили событиям идти, как,*

согласно «Илиаде», они должны развиваться, Перим погиб бы через два дня. Патрокл убил бы его, а также Автоноя, Эхекла, Адраста, Элаза, Мулия и Пиларта в одной жаркой схватке.

Что ж, ответил Манмут. *Двух дней у нас нет, а большая часть перечисленных тобой троянцев — Мулий, Автоной и остальные — стоят перед нами, подняв щиты и выставив копья. И я не думаю, что Патрокл подоспеет нам на помощь, разве что доберется сюда из Индианы вплавь. Есть предложения, как поступить сейчас?*

Скажи им, что роквеки — прислужники, которых выковал Гефест, и что Ахиллес призвал их, дабы они помогли выиграть войну с богами.

— Прислужники, — повторил Манмут по-гречески. *Я не знаю эту конкретную форму существительного. Это не значит «слуги» или «рабы» и…*

Просто скажи! — проревел Орфу. *Пока Перим не всадил копье тебе в печень.*

Печени у Манмута не было, но общий смысл он понял.

— Перим, благородный сын Мегаса! — крикнул он. — Темных воинов выковал Гефест, они прислужники, вызванные Ахиллесом, чтобы помочь нам выиграть войну с богами.

Перим нахмурился:

— Так ты тоже прислужник?

Скажи «да», велел Орфу.

— Да.

Военачальник отдал приказ. Его воины опустили луки и сняли стрелы с тетивы.

«Прислужниками», передал Орфу, *называются у Гомера своего рода андроиды, созданные из человеческих частей в кузнице Гефеста. Боги и некоторые смертные использовали их в качестве роботов.*

Ты хочешь сказать, что в «Илиаде» есть андроиды и моравеки?

В «Илиаде» есть все, ответил Орфу, затем рявкнул, обращаясь к предводителю роквеков:

— Центурион-лидер Аху, есть ли на вашем корабле проекторы силовых полей?

Обсидиановый великан-роквек со щелчком вытянулся по струнке:

— Так точно, командир.

— Направь отряд в город — вон в тот город, Илион — и разверни над ним полноценный щит, — приказал Орфу. — Установи еще один для защиты ахейского лагеря, который видишь на побережье.

— Полноценный щит, сэр? — спросил центу-

рион-лидер.

Манмут понимал, что поддержание такого щита, вероятно, потребует всей мощности ядерного корабельного двигателя.

— Полноценный, — сказал иониец. — Способный отразить любую атаку: баллистические снаряды, копья, стрелы, антиматерию, лазеры, мазеры, нейтронное, термоядерное и плазменное оружие. Это наши союзники, центурион-лидер.

— Есть, сэр.

Обсидиановый воин повернулся и отдал приказ по фокусированному лучу. По трапу спустились еще десять роквеков, неся тяжелые проекторы. Черные воины разделились на две группы и побежали с холма. Рядом с Манмутом и Орфу остался только центурион-лидер Аху. Приземлившиеся шершни-флаеры вновь поднялись в небо, жужжа и поводя пушками.

Перим подошел ближе. Гребень его блестящего, хотя и поцарапанного в боях шлема едва доставал до чеканной груди центуриона-лидера. Перим постучал костяшками пальцев по твердопластовой кирасе роквека.

— Занятные доспехи, — сказал троянец и повернулся к Манмуту. — Маленький прислужник, мы собираемся идти на битву за Гектором. Хочешь

присоединиться к нам?

Он указал на огромный круг, выкушенный из земли и неба на юге. Сквозь квантовый портал двигались — не бежали, а двигались в боевом порядке — новые ахейские и троянские отряды; флаги реяли на ветру, сверкали щиты и колесницы, озаренные земным светом по одну сторону арки, марсианским — по другую.

— Да, я с вами, — сказал Манмут. Орфу он передал: *Продержишься тут без меня, дедуля?*

Меня будет защищать центурион-лидер Меп Аху, ответил иониец.

Манмут следом за Перимом во главе троянского отряда спустился с холма — леса тут давно не было, а кустарник за девять лет практически вытоптали. У подножия они остановились: навстречу им шел голый безбородый человек с всклокоченными волосами и диким взглядом. Он осторожно ступал по камням окровавленными босыми ногами, а из одежды на нем был только медальон.

— Хокенберри? — сказал Манмут по-английски, не веря своим визуально-распознавательным микросхемам.

— Он самый. Здорово, Манмут, — ухмыльнулся схолиаст и перешел на греческий. — Привет-

ствую тебя, Перим, сын Мегаса. Я — Хокенберри, сын Дуэйна. Друг Ахиллеса и Гектора. Помнишь, мы виделись нынче утром?

Манмут до сей минуты не видел живого голого человека. И от души надеялся, что следующий раз наступит очень, очень не скоро.

— Что с тобой случилось? И где твоя одежда? — спросил он.

— Долго рассказывать, — ответил Хокенберри. — Но я постараюсь изложить ее коротко до того, как мы пройдем через ту дыру в небесах. — Периму он сказал: — Сын Мегаса, не могу я одолжить у вас какую-нибудь одежду?

Перим, очевидно, узнал наконец Хокенберри и вспомнил, как уважительно обходились с ним и Гектор, и Ахиллес во время прерванного совета на Лесном холме. Он обернулся и рявкнул:

— Одежду для господина! Лучший плащ, самые новые сандалии, самые крепкие доспехи, самые начищенные поножи и самое чистое исподнее!

Автоной выступил вперед:

— Благородный Перим, у нас нет ни запасных доспехов, ни обуви, ни оружия.

— Разденься и отдай ему свое! — проревел командир. — Но прежде раздави вшей. Это приказ.

62. Ардис-Холл

Небо падало до позднего вечера.

Ада выбежала на длинную лужайку и смотрела, как небо расчерчивают кровавые линии. Акустические удары прокатывали над холмами и речной долиной. Ада просто стояла, пока ученики и гости с криками вскакивали, опрокидывая столы, и в панике бежали к далекому факс-павильону.

Одиссей присоединился к Аде. Так они и стояли вдвоем посреди бушующего хаоса.

— Что это? — шепотом спросила Ада. — Что происходит?

В каждое мгновение на вечернем небе было не меньше десятка огненных линий, а порой они заполняли его целиком.

— Точно не уверен, — ответил варвар.

— Связано ли это с Харманом, Даэманом и Сейви?

Бородач посмотрел ей в глаза:

— Возможно.

По большей части огненные следы прочерчивали небо и гасли, но один — ярче других и

слышимый, будто тысяча ногтей разом чиркнула по стеклу, — дотянулся до восточного горизонта и ударил в землю, выбросив клубящееся облако пламени. Минуту спустя прокатился звук, настолько громче и ниже визга, с которым летел метеор, что у Ады заныли зубы. Следом налетел ветер, сорвавший листья с огромного вяза и поваливший почти все шатры на лугу за подъездной дорогой.

Ада вцепилась в сильную руку Одиссея, так что ее ногти до крови вонзились ему в кожу, но сама этого не заметила, а Одиссей ничего не сказал.

— Хочешь уйти в дом? — спросил он наконец.

— Нет.

Еще час они наблюдали небесное шоу. Бóльшая часть гостей покинула поместье — не найдя дрожек, одноколки или войникса, чтобы их увезли, они убегали по дороге, — но человек семьдесят учеников остались на зеленом склоне с Адой и Одиссеем. Еще несколько объектов врезались в землю, последний удар был сильнее первого. Все окна на северном фасаде Ардис-Холла вылетели, осколки дождем сыпались в вечернем свете.

— Я так рада, что Ханна сейчас в безопасности, в лазарете, — сказала Ада.

Одиссей посмотрел на нее и ничего не отве-

тил.

О том, что сервиторы упали, им сообщил Петир.

— Что значит «упали»? — спросила Ада.

— Упали, — повторил Петир. — На землю. Не работают. Сломались.

— Чепуха, — сказала Ада. — Сервиторы не ломаются.

И хотя метеоритный ливень был ярче заходящего солнца, она повернулась к этому зрелищу спиной и повела Одиссея и Петира в дом, осторожно ступая по битому стеклу и обломкам пластмассы.

Два сервитора лежали на полу в кухне. Еще один — в спальне на втором этаже. Их динамики молчали, маленькие руки в белых перчатках повисли. На команды, тычки и пинки они не отзывались. Люди вышли обратно и обнаружили во дворе еще двух упавших сервиторов.

— Ты когда-нибудь видела неисправного сервитора? — спросил Одиссей.

— Ни разу, — ответила Ада.

Подошли еще ученики.

— Это конец света? — спросила девушка по имени Пеаэн. Непонятно было, к кому она обращается.

Одиссей долго молчал и наконец ответил сквозь несущийся с неба рев:

— Смотря что падает. — Он указал мощным пальцем в орбитальные кольца, еле различимые за фейерверком метеоритного шторма. — Если просто большие ускорители частиц и квантовые устройства, мы это переживем. А если один из четырех больших астероидов, на которых жили посты… то это действительно может быть конец света… по крайней мере того, который мы знаем.

— Что такое астероид? — спросил любознательный ученик Петир.

Одиссей только отмахнулся.

— И когда мы узнаем? — спросила Ада.

Бородач вздохнул:

— Через несколько часов. К завтрашнему вечеру — почти наверняка.

— Не то чтобы я когда-нибудь по-настоящему думала о конце света, — сказала Ада. — Однако я точно не представляла, что мир погибнет в огне.

— Если он закончится для нас, то погибнет во

льду[55], — сказал Одиссей.

Все глянули на него.

— Ядерная зима, — пробормотал грек. — Если любой из этих астероидов — или достаточно большой его кусок — упадет в океан или на сушу, он выбросит в атмосферу столько мусора, что температура за несколько часов упадет на шестьдесят-семьдесят градусов Фаренгейта. Возможно, сильнее. Небо затянут тучи. Начнутся дожди, которые перейдут в снег. Он будет падать месяцы, годы, возможно, века. Планетарный тропический парник, к которому вы привыкли за последние полторы тысячи лет, покроется ледниками.

Метеор поменьше разорвал небо на севере и упал где-то в ближнем лесу. В воздухе пахло гарью. Ада видела со всех сторон отблески дале-

---

[55] Примечания: 55

— Однако я точно не представляла, что мир погибнет в огне. / — Если он закончится для нас, то погибнет во льду. — Аллюзия на стихотворение Роберта Фроста «Огонь и лед» (1920):

Кто говорит, мир от огня
Погибнет, кто – от льда.
А что касается меня,
Я за огонь стою всегда.
Но если дважды гибель ждет
Наш мир земной, – ну что ж,
Тогда для разрушенья лед
Хорош
И тоже подойдет.

(Перев. М. Зенкевича)

ких пожаров. Она подумала, как же мало знает о мире. Что там в лесу севернее Ардис-Холла? Она никогда не отходила больше чем на милю от Ардиса или другого факс-узла. И всегда гуляла в сопровождении войниксов.

— А где войниксы? — спохватилась она.

Никто не знал. Ада с Одиссеем обошли Ардис-Холл, проверили поля и нижний луг, где войниксы обычно стояли в ожидании или обходили периметр. Нигде не было ни одного. Стали вспоминать: их не видели с той минуты, как начался метеоритный дождь.

— Ты наконец всех их распугал, — сказала Ада Одиссею, пытаясь пошутить.

Тот снова мотнул головой:

— Это настораживает.

— Мне казалось, ты не любишь войниксов, — сказала Ада. — При мне разрубил одного в первый же день здесь.

— Они что-то замышляют, — сказал Одиссей. — Возможно, близится их время.

— Что?

— Ничего, Ада-ур. — Он взял ее руку и похлопал.

«Как отец», — подумала Ада и неожиданно для себя разревелась, как девчонка. Все это время она

вспоминала Хармана, свое смущение, злость, когда он рассказал о мечте стать отцом ее ребенка и чтобы ребенок знал его как отца. То, что тогда казалось нелепым, почти непристойным, теперь представлялось вполне разумным. Ада сжимала руку Одиссея и плакала.

— Смотрите! — крикнула Пеаэн.

Метеорит — не такой яркий, как другие, — падал прямо на Ардис, но под менее крутым углом. За ним по темнеющему небу (солнце наконец зашло) тоже тянулся хвост, но больше похожий на обычное пламя, чем на гудящую плазму.

Светящийся объект сделал круг и как будто упал с неба. Грохот удара донесся из-за линии деревьев над верхним лугом.

— Как близко! — сказала Ада; сердце у нее колотилось.

— Это был не метеор, — ответил Одиссей. — Стойте здесь. Я пойду проверю.

— Я с тобой, — объявила Ада.

Бородач открыл было рот, но она сказала просто:

— Это моя земля.

Они в сгущающихся сумерках вместе пошли вверх по холму, а в небе над ними по-прежнему бушевало пламя.

Пламя и дым были видны за линией деревьев на краю верхнего луга, однако Аде и Одиссею не пришлось блуждать в потемках. Ада первой увидела двух бородатых изможденных мужчин, когда те вышли из леса. Один был голый, его кожа белела в сумерках. Он нес на руках лысого ребенка в синем комбинезоне. Другой ходячий скелет был одет в зеленый термоскин, но настолько изорванный и грязный, что цвет было толком не различить. Правая рука у него висела как плеть, ладонью вперед, на голом запястье и ладони темнела кровь. Оба с трудом держались на ногах.

Одиссей до середины вытащил из ножен короткий меч.

— Нет! — крикнула Ада, опуская его руку вместе с мечом. — Это Харман! И Даэман!

Она побежала к ним через высокую траву.

Харман при ее приближении начал заваливаться вперед. Одиссей одним махом пробежал последние двадцать шагов и поймал ношу Хармана до того, как тот рухнул на землю. Даэман упал рядом на колени.

— Это Ханна, — сказал Одиссей, укладывая полубесчувственную девушку на траву и прижимая пальцы к ее шее, чтобы нащупать пульс.

— Ханна? — повторила Ада.

У девушки не было волос и ресниц, но из-под дрожащих век на Аду смотрели глаза Ханны.

— Привет, Ада, — сказала девушка на земле.

Ада встала на одно колено рядом с Харманом и помогла ему перевернуться на спину. Харман выдавил улыбку. Лицо ее любимого было в ссадинах и синяках, на лбу и на заросших, ввалившихся щеках запеклась кровь, а кожу покрывала нездоровая бледность. Его бил озноб, запавшие глаза горели лихорадочным огнем. Стуча зубами, он проговорил:

— Со мной все хорошо, Ада. Боже, как я рад видеть тебя.

Даэман выглядел гораздо хуже. Ада не могла поверить, что это те самые люди, которые месяц назад так легко отправились в путешествие. Он взяла Даэмана за локоть, чтобы тот не рухнул ничком.

— Где Сейви? — спросил Одиссей.

Харман печально покачал головой. У него не было сил заговорить снова.

— Калибан, — сказал Даэман, судя по голосу постаревший за эти недели на двадцать лет.

Метеоритный дождь слабел. Грохот и взрывы уходили дальше на восток. Еще несколько десятков черточек пересекли небо с запада на восток,

но теперь это больше походило на обычный августовский звездопад, чем на то, что творилось раньше.

— Давай отведем их в дом, — сказал Одиссей.

Он двумя руками легко поднял Ханну и подставил Даэману правое плечо. Ада помогла Харману встать на колени, потом на ноги, забросила его правую руку себе на плечи и, приняв на себя почти всю его тяжесть, двинулась вниз по темнеющему лугу к огням Ардис-Холла, где ученики Одиссея и гости Ады зажгли свечи.

— С рукой у тебя нехорошо, — сказал Одиссей Даэману, когда они спускались с холма. — Как только доберемся до света, я разрежу термоскин и гляну.

Ада свободной рукой аккуратно тронула окровавленную руку Даэмана. Тот застонал и едва не потерял сознание. Лишь сильное плечо Одиссея и то, что Ада быстро подхватила Даэмана за талию, спасло его от падения. Несколько минут веки молодого человека трепетали, потом он сфокусировал взгляд, улыбнулся Аде и зашагал дальше.

— Дело серьезное, — сказала Ада, чувствуя, что готова расплакаться второй раз за вечер. — Вам обоим надо факсировать в лазарет.

Она не поняла, отчего мужчины расхохота-

лись — сперва неуверенно и хрипло, как будто на них напал кашель, затем громче, звонче и, наконец, уже по-настоящему, от души, пока двое изможденных бородатых людей не сделались похожи на пьяных, охваченных беспричинным весельем.

63. Олимп

Олимп, высочайший вулкан Марса, вздымается более чем на семнадцать миль над окружающими равнинами и новым океаном у своего подножия. Основание горы имеет диаметр более четырехсот миль. Зеленая вершина возносится на восемьдесят семь тысяч футов — это почти три земных Эвереста. Ледяные склоны, белые днем, в эту минуту сияют кроваво-алым в лучах заходящего марсианского солнца.

Зубчатые скалы у северо-восточного подножья обрываются вертикально на семнадцать тысяч футов. В этот конкретный марсианский вечер длинная тень Олимпа протянулась на восток почти до трех вулканов Фарсиды в дымке на горизонте.

Высокоскоростной хрустальный эскалатор на склоне Олимпа разрезан пополам — так ровно, будто его отсекла гильотина. Семислойное силовое поле, созданное лично Зевсом, — *эгида* — закрывает Олимпийский массив от нападения и мерцает в алом закатном свете.

Под обрывами, там, где основание вулкана

подступает к северному океану, созданному при терраформировании всего полтора столетия назад, тысяча или больше богов собрались для битвы. Сто золотых колесниц, приводимых в движение невидимыми силами, но зримо влекомых мощными жеребцами, в тысяче футов прикрывают с воздуха одетых в золотые доспехи богов на высокой равнине и галечных пляжах внизу.

Зевс и Гера возглавляют бессмертную армию. Муж и жена — каждый по двадцать футов ростом — блистают щитами, оружием и доспехами, которые изготовил для них Гефест и другие искусные в ремеслах боги. Даже шлемы Геры и Зевса выкованы из чистого золота, пронизаны микросхемами, упрочены усовершенствованными сплавами. Афина с Аполлоном временно отсутствуют в первых рядах войска, но все прочие боги и богини здесь…

Афродита, прекрасная даже в боевых латах. Ее шлем усыпан драгоценными камнями, ее маленький лук стреляет хрустальными стрелами, чьи полые наконечники содержат ядовитый газ.

Арес в шлеме с ярко-алым гребнем ухмыляется, предвкушая невиданную бойню. В руках у него серебряный лук Аполлона и стрелы, самонаводящиеся на тепло человечьего тела. Они всегда

разят наповал.

Посейдон, земли колебатель, огромный, могучий и мрачный, облачился для войны впервые за тысячи лет. Десять человек, включая Ахиллеса, не поднимут боевой топор, который бог держит левой рукой.

Аид. Его лицо, латы и расположение духа еще мрачнее, чем у Посейдона, красные глаза блестят из глубоких глазниц боевого шлема. По правую руку от господина стоит Персефона в лазурных доспехах, держа в бледных пальцах зазубренный титановый трезубец.

Гермес — стройный и ужасный, закованный в багряную инсектоидную броню, — напружинился, чтобы молниеносно квант-телепортироваться на поле битвы, убить и унестись прочь раньше, чем человеческий глаз успеет заметить его появление.

Фетида. Ее божественные очи красны от слез, но все же она облачена в доспех и готова убить своего сына Ахиллеса, когда и если прикажет Зевс.

Тритон, грозный в многослойной, черной с зеленым отливом броне; это забытый сатир древних миров, ужас, трубящий в витую раковину, любитель похищать юношей и девиц, а затем, утолив свою похоть, бросать их тела в пучину.

Артемида, златодоспешная богиня охоты, держит в руке боевой лук и жаждет пролить галлоны человеческой крови, дабы отомстить за раны любимого брата, Аполлона.

Гефест, облаченный в пламя, готов предать смертных огню.

Все боги здесь, за исключением Афины и Аполлона, которые еще не исцелились от ран. Ряды за рядами безмолвных, закованных в латы исполинских фигур собрались у подножия скал. Над ними кружат другие боги и богини в золотых колесницах. И над всем, мерцая, набирает мощь эгида — оружие как оборонительное, так и наступательное.

По другую сторону эгиды, сразу за местом, где она врезается в каменистую почву и, выгибаясь сферой, уходит вглубь, к центру Марса, лежат на ничейной земле два мертвых церберида. Двухголовых псов длиною по двадцать футов, с зубами хромированной стали и газовыми хроматографами в ноздрях убили Гектор и Ахиллес, явившись к подножию Олимпа несколько часов назад.

За сто футов от церберидов чернеют обугленные развалины бывшей казармы схолиастов. За казармами выстроилось воинство людей. Сегодня вечером его численность — сто двадцать

тысяч человек.

Рать Гектора, сорок тысяч храбрейших троянских героев, стоит дальше от моря. Парису велено оставаться в Илионе — старший брат возложил на него трудную обязанность защищать дома и любимых в стенах города. Моравеки окружили Трою силовым полем, но Гектор больше полагается на бронзовые копья и человеческую отвагу. Однако все прочие военачальники здесь.

Рядом с Гектором стоит его брат Деифоб, предводитель десяти тысяч отборных копейщиков. Рядом Эней, уже не избранник Судеб; ему предстоит ковать себе новое счастье. За воинами Энея — благородный Главк со своими колесницами и одиннадцатью тысячами свирепых ликийцев.

Здесь же Асканий из Аскании, сокомандующий фригийского воинства, честолюбивый молодой военачальник в коже и бронзе. Его четыре тысячи двести асканийцев рвутся пролить божественный ихор, раз уж в жилах противника нет ни капли крови.

Позади троянских бойцов собрались цари и советники Илиона, слишком старые и ценные, чтобы идти на сечу, однако сегодня они облачены в доспехи и готовы умереть, если такова будет

воля вселенной. Первые среди них — сам Приам в легендарных доспехах, выкованных из древнего железного метеорита, и седовласый Антенор, отец многих троянских героев, большинство из которых уже полегло в сражениях.

Подле Антенора стоят почтенные братья Приама Ламп, Клитий и седобородый Гикетаон, который до вчерашнего дня чтил Ареса, бога войны, более всех на свете, а за Гикетаоном — самые уважаемые старейшины Трои, Панфой и Фимет. Сегодня вместе со старцами можно видеть прекрасную Андромаху, жену Гектора, мать убитого Скамандрия, ласково прозванного Астианактом, Владыкой города. Она не сводит взгляда с милого супруга и облачена в алое, будто живое знамя утраты и крови.

В середине трехмильного боевого строя людей высится златокудрый Ахиллес, сын Пелея, мужеубийца. С ним восемьдесят тысяч испытанных в сражениях ахейцев. Сегодня вечером, в полном боевом облачении, пылающий сверхчеловеческой силой почти нечеловеческого гнева, он выглядит бессмертным. Место справа от Ахиллеса пустует в память о его дражайшем друге и соратнике Патрокле, которого, как утверждают, зверски убила Афина Паллада менее чем сутки

назад.

Позади и правее Ахиллеса расположилась неожиданная троица — Агамемнон, Менелай и Одиссей. Атриды по-прежнему в синяках после единоборства с Ахиллесом, Менелай все еще не может держать щит левой рукой, однако свергнутые военачальники сочли необходимым быть со своими воинами в столь важный день. Одиссей, почесывая бороду, в задумчивости озирает человеческие и божественные ряды.

Средь остального ахейского войска, на колесницах и пешие, всегда во главе своих людей, стоят герои, уцелевшие за девять лет жестокой войны: Диомед, по-прежнему в львиной шкуре, с дубиной больше, чем в человеческий рост, Великий Аякс, возвышающийся над всеми воинами, Малый Аякс с его профессиональными убийцами из Локра. На бросок камня от них — великий копейщик Идоменей со своими прославленными критянами, а рядом, в колеснице, Мерион, рвущийся мчать в бой рядом с братом Большого Аякса, искусным лучником Тевкром.

На правом, ближнем к морю ахейском фланге бойцы поворачивают увенчанные шлемами головы к своему предводителю, старейшему из ахейских военачальников, мудрому смирителю

коней Нестору. Он намеренно встал впереди других здесь, на правом фланге, в красном плаще, заметный на высокой, запряженной четверкой колеснице, чтобы либо погибнуть, либо первым пробить боевые ряды бессмертных. Рядом на колесницах сыновья Нестора: друг Ахиллеса Антилох и его более высокий и красивый брат Фразимед.

Здесь же можно увидеть сотню других полководцев, каждый носит гордое имя, а также гордое имя своего отца. Вместе они возглавляют еще десять тысяч воинов, у каждого из которых — свое благородное имя и своя история, каждый пойдет в битву с гордым отцовским именем, чтобы покрыть себя славой или унести эти имена с собой в царство Аида.

Справа от ахейцев беспорядочно рассыпались по берегу несколько тысяч зеков — маленьких зеленых человечков, которые приплыли на баржах, фелюгах и хрупких парусных судах из океана Тетис или внутреннего моря долин Маринера. Зачем они здесь, ведомо лишь им самим, да еще, возможно, их аватаре Просперо либо богу Сетебосу, которого никто не видел. МЗЧ безмолвно стоят у кромки прибоя. Ни греки, ни троянцы, ни бессмертные боги еще никак с ними не взаимо-

действовали.

В полумиле от берега позади зеков розовеют в лучах марсианского заката паруса, и весла ловят блики золотого моря. Борта сотни ахейских кораблей ощетинились щитами и пиками. На этих кораблях более трех тысяч ахейских бойцов, однако видны лишь верхушки их шлемов с желтыми, алыми, пурпурными и синими гребнями. Меж крутыми боками судов рассекают позолоченные волны черные плавники. Это угадываемые лишь по перископам и черным металлическим обтекателям три роквекские подводные лодки — носители баллистических ракет.

За троянцами и ахейцами на суше растянулась на две мили пехота моравеков пояса — двадцать семь тысяч солдат в черных доспехах, с лапами как у жуков, легко- и тяжеловооруженные. Артиллерийские батареи роквеков, силовые и баллистические, установлены в пятнадцати километрах за линией фронта, стволы и проекторы направлены на Олимп и армию бессмертных. Над человеческими и моравекскими ратями кружат сто шестнадцать шершней-истребителей, у некоторых включен стелс-режим, другие черны, как в миг своего появления. На орбите, как сообщили моравеки пояса, находятся шестьдесят пять во-

енных космических кораблей на высоте от чуть выше марсианской атмосферы до нескольких миллионов миль за Фобосом и Деймосом. Командующий моравеков пояса только что доложил европеанскому моравеку Манмуту, а тот перевел Ахиллесу и Гектору, что все бомбы, снаряды, силовые поля и энергетические пушки на каждом из кораблей приведены в боевую готовность. Героям это ни о чем не говорило, и они оставили полученные сведения без внимания.

Неподалеку от Ахиллеса, справа от Одиссея и Атридов, но особняком от них расположились Манмут, Орфу и Хокенберри. Чуть раньше Манмут глянул на собравшиеся воинства, затем с помощью троянца Перима отрядил колесницу забрать Орфу через квантовый туннель. Левитирующего ионийца притащили за колесницей на буксире, по словам самого Орфу, «как помятый грузовой прицеп». Манмут не знал, что это значит — он не так фанатично, как Орфу, закачивал в свои банки данных разговорные выражения Потерянной Эпохи, — но пообещал себе когда-нибудь выяснить. Если выживет.

Схолиаст Томас Хокенберри, доктор филологии, облачен в плащ, доспехи и обувь троянского воина. Он явно увлечен зрелищем, но в то же

время почему-то не может устоять на месте. Пока тысячи воинов, подражая благородному Ахиллесу, стоят почти неподвижно, дожидаясь, когда подтянутся запоздавшие — и боги, и смертные, — Хокенберри переминается с ноги на ногу.

— Что случилось? — шепотом спрашивает Манмут по-английски.

— У меня что-то в трусах ползает, — шепчет Хокенберри в ответ.

И вот оба воинства собрались. Тишина пугает. Слышен лишь плеск волн, медленно накатывающих на галечный пляж, шум марсианского ветра в обрывах Олимпа, редкое ржание коней, свист летучих колесниц над головой, более высокое жужжание шершней-истребителей, звон бронзы, когда кто-нибудь из воинов переступает на месте, и мощный, всепроникающий звук, когда десятки тысяч возбужденных людей стараются дышать ровно.

Зевс выступает вперед; он проходит через эгиду, словно великан — через завесу падающей воды.

Ахиллес выходит на разделяющую войска полоску земли навстречу отцу богов.

– **ХОТИТЕ ЧТО-НИБУДЬ СКАЗАТЬ ДО ТОГО, КАК УМРЕТЕ ВЫ САМИ И ВЕСЬ ВАШ РОД?** — спрашивает Зевс будничным тоном, но с таким

усилением, что его слова долетают до воинов в дальних рядах и даже до греческих кораблей в море.

Ахиллес выдерживает паузу, оборачивается на человеческое воинство, смотрит на Олимп и несметные вражеские полчища, затем запрокидывает голову и снова глядит на исполинского Зевса.

— Сдайтесь сейчас, — говорит Ахиллес, — и мы пощадим ваших богинь, чтобы они стали нашими рабынями и наложницами.

64. Ардис-Холл

Даэман проспал два дня и две ночи. Он просыпался, только когда Ада кормила его бульоном или Одиссей — мыл. Еще он ненадолго проснулся, когда Одиссей его брил, водя бритвой по намыленным щекам, но сил ни говорить, ни слушать у Даэмана не было. Метеоритный дождь возобновился и на следующий вечер, и потом еще раз, однако рев в небесах не будил Даэмана. Он спал, когда маленький обломок чего-то со скоростью несколько тысяч миль в час пропахал поле за домом, там, где Одиссей учил последние недели. От удара образовался кратер пятидесяти футов в поперечнике и девяти футов глубиной, а в Ардис-Холле вылетели последние стекла.

Утром третьего дня Даэман открыл глаза. Ада сидела на краешке кровати — ее собственной, как выяснилось позже. Одиссей стоял, прислонившись к дверному косяку и скрестив на груди руки.

— С возвращением, Даэман-ур, — негромко сказала Ада.

— Спасибо, Ада-ур, — ответил Даэман. Голос у

него был сиплый, а на три коротких слова потребовались непомерные усилия. — Харман? Ханна?

— Обоим уже лучше, — ответила Ада, и Даэман впервые разглядел, какие зеленые у нее глаза. — Харман встал и сегодня завтракал внизу. Ханна заново учится ходить. Сейчас она на лужайке у дома, на солнышке.

Даэман кивнул и закрыл глаза. Больше всего ему хотелось провалиться обратно в сон, где боль была слабее, а сейчас руку нестерпимо жгло. Внезапно он резко открыл глаза и сдернул одеяло, в ужасной уверенности, что ее ампутировали, пока он спал, и сейчас он чувствует фантомные боли в фантомной конечности.

Рука была багровая, распухшая, со швом толстой ниткой там, где ее прокусил Калибан, однако она никуда не делась. Даэман попытался шевельнуть ею, подвигать пальцами и задохнулся от боли, однако ему удалось приподнять руку. Он уронил ее обратно на одеяло и некоторое время тяжело дышал.

— Кто?.. — спросил он мгновение спустя. — Сделал… швы? Сервиторы?

Одиссей подошел ближе к кровати.

— Швы наложил я, — ответил широкогрудый варвар.

— Сервиторы больше не работают, — сказала Ада. — Нигде. Факс-узлы еще действуют, так что новости поступают отовсюду. Сервиторы поломались, войниксы исчезли.

Даэман нахмурился, силясь осмыслить услышанное, но все равно ничего не понял. В комнату вошел Харман, опираясь на прогулочную трость, как на клюку. Даэман увидел, что его старший товарищ решил сохранить бороду, хотя вроде бы немного ее подровнял. Харман сел в кресло рядом с кроватью и пожал больному левую руку. Даэман на мгновение закрыл глаза и просто ответил на пожатие. Когда он снова открыл глаза, в них стояли слезы. «От усталости», — подумал он.

— Метеоритные дожди с каждым вечером слабеют, — сказал Харман. — Однако были несчастные случаи. Смерти. Больше ста человек в одном только Уланбате.

— Смерти? — повторил Даэман. Долгие годы у этого слова не было настоящего смысла.

— Вам придется заново учиться погребению, — сказал Одиссей. — Никакого больше факсирования в счастливую постчеловеческую вечность на орбитальных кольцах. Люди хоронят мертвых и заботятся о раненых.

— Парижский Кратер? — выговорил Даэман. —

Моя мама?

— Жива и невредима, — ответила Ада. — Город не затронуло. У нас каждый день прибывает кто-нибудь с новостями. Она прислала письмо, Даэман, факсировать сама боится, пока все не уляжется. Теперь, когда нет ни сервиторов, ни войниксов, ни электричества, большинство старается не путешествовать без крайней необходимости.

Даэман кивнул.

— Почему электричества нет, а факсы работают? Где войниксы? Что происходит?

— Мы не знаем, — сказал Харман. — Однако метеоритный ливень не привел к… как там выразился Просперо?.. массовому вымиранию. Спасибо и на том.

— Да, — сказал Даэман, однако думал он о другом. *Так Просперо, Калибан, гибель Сейви — все было на самом деле? Не во сне?* Он пошевелил правой рукой; боль стала ответом на вопрос.

Вошла Ханна в простом белом платье. На голове у нее пробивался легкий пушок, лицо выглядело более живым и человеческим. Ханна подошла к постели, осторожно наклонилась, следя, чтобы не задеть руку Даэмана, и крепко поцеловала его в губы.

— Спасибо тебе, Даэман. Спасибо, — сказала она, закончив поцелуй, и протянула ему маленькую незабудку, сорванную на лужайке.

Даэман неловко взял цветок левой рукой.

— Всегда пожалуйста, — ответил Даэман. — А мне понравился твой поцелуй.

И это была правда. Даэмана, страстного женолюба, никогда прежде не целовали.

— Занятно, — сказала Ханна. В другой руке у нее была туринская пелена. — Нашла под старым вязом, но она больше не работает. Проверила две других — то же самое. Даже турины теперь не работают.

— Или, может быть, греко-троянская драма закончилась. — Харман приложил вышитые микросхемы ко лбу и отбросил ткань в сторону. — Возможно, туринская история завершилась.

Одиссей, смотревший на синее небо и луг за окном, при этих словах повернулся к собравшимся в комнате:

— Сомневаюсь. Я подозреваю, настоящая война только началась.

— Ты что-нибудь знаешь о туринской драме? — спросила Ханна. — Мне казалось, ты говорил, что никогда не смотришь турины.

Одиссей пожал плечами:

— Мы с Сейви распространили туринские пелены почти десять лет назад. Я привез прототип из… далека.

— Зачем? — спросил Даэман.

Одиссей развел ладони:

— Грядет война. Люди на Земле должны были кое-что узнать про войну, про ее ужас и красоту. И узнать кое-что про людей в этой истории — Ахиллеса, Гектора и других. Даже про меня.

— Зачем? — спросила Ханна.

— Потому что грядет война, — повторил Одиссей.

— Мы в ней не участвуем, — сказала Ада.

Одиссей сложил руки на груди:

— Она коснется и вас. Пока что вы не на передовой, но линия фронта движется в вашу сторону. Вам придется воевать, хотите вы того или нет.

— Как мы будем воевать? — возразила Ада. — Мы не умеем. И не собираемся учиться.

— Примерно шестьдесят юношей и девушек, которые остались здесь, кое-чему научатся в ближайшие недели, — сказал Одиссей. — Захотят ли они сражаться, когда придет время, решать им. У человека всегда есть выбор. — Он указал на Хармана. — Веришь или нет, но ваш соньер можно починить. Я им занимаюсь, и, возможно, через

семь или десять дней мы поднимем его в воздух.

— Не хочу смотреть на войну, — сказала Ада. — И не хочу воевать.

— Имеешь право, — ответил Одиссей.

Ада опустила голову, борясь с подступившими слезами. Когда она уперлась кулаком в одеяло, Даэман вложил ей в руку Ханнину незабудку. И тут же задремал.

Проснулся он в темноте. Рядом на кровати сидела освещенная луной фигура. *Калибан!* Даэман машинально поднял руку и сжал кулак. От боли потемнело в глазах.

— Тише, — сказал Харман, бережно укладывая его перевязанную руку на место. — Успокойся, Даэман.

Даэман отчаянно хватал ртом воздух, пытаясь не сблевать от боли.

— Я думал, это…

— Знаю, — ответил Харман.

Даэман сел на постели:

— Как полагаешь, он не выжил?

Тень покачала головой:

— Не знаю. Я тоже… думал об этом. О них обоих.

— В смысле? Ты про Сейви? Она…

— Нет… То есть я часто о ней вспоминаю, но…

думал я о Просперо. Помнишь, да? Голограмма, сказавшая, что она лишь перезапись тени или что-то в таком роде?

— И что?

— Я думаю, это и был Просперо, — прошептал Харман и нагнулся ближе. — Думаю, он каким-то образом оказался заточен в постчеловеческом городе на астероиде, в том, что голографический Просперо назвал «моим островом». Как и Калибан.

— Кто их туда заточил? — спросил Даэман.

Харман выпрямился и вздохнул:

— Не знаю. Ни хрена я не знаю.

Даэман кивнул:

— Как и любой из нас. Долго же мы не понимали этой простой истины. Верно, Харман?

Тот рассмеялся. Но когда он заговорил, веселья в голосе не осталось и в помине:

— Боюсь, мы выпустили их на волю.

— Их? — прошептал Даэман. Секунду назад ему страшно хотелось есть, но сейчас желудок словно наполнился ледяной водой. — Калибана и Просперо?

— Да.

— Или убили, — процедил Даэман.

— Да. — Харман встал и похлопал молодого

человека по плечу. — Пойду я, отдыхай. Спасибо, Даэман.

— За что?

— Спасибо, — повторил Харман и вышел.

Даэман в изнеможении откинулся на подушки, но сон не шел. За разбитым окном стрекотали сверчки, кричали птицы, названий которых он не знал, в прудике за домом квакали лягушки, ветер шелестел в кронах. И внезапно Даэман поймал себя на том, что улыбается во весь рот.

Если Калибан жив, это, конечно, обидно. Но и я жив. Я жив.

Он заснул, и спал крепко, без сновидений, пока через час после рассвета Ада не принесла завтрак — его первый настоящий завтрак за пять недель.

Четыре дня спустя Даэман холодным, но погожим вечером одиноко гулял по саду, когда его разыскали Харман, Ада, Ханна, Одиссей, Петир и Пеаэн.

— Соньер починен, — сообщил Одиссей. — Подняться, по крайней мере, сможет. Хочешь посмотреть на пробный полет?

Даэман пожал плечами:

— Вообще-то, не очень. Но мне интересно, что ты собираешься с ним делать.

Одиссей глянул на Петира, Пеаэн и Хармана:

— Для начала я вылечу на разведку. Посмотрю, сильно ли метеоритные дожди повредили окрестностям, и проверю, долетит ли соньер до побережья и обратно.

— А если нет? — спросил Харман.

Одиссей пожал плечами:

— Пойду домой пешком.

— Где твой дом? — спросил Даэман. — И сколько времени ты будешь до него добираться, Одиссей-ур?

Одиссей улыбнулся, но глаза его были печальны.

— Если б вы только знали, — тихо промолвил он. — Если б вы только знали.

В компании учеников и Ханны варвар зашагал к усадьбе.

Харман и Ада остались прогуляться с Даэманом.

— Что он задумал? — спросил Даэман у Хармана. — Только честно.

— Решил поискать войниксов, — ответил Харман.

— А потом?

— Не знаю.

Харман больше не нуждался в клюке, но

по-прежнему ходил с тростью, объясняя, что сроднился с ней. Сейчас он ее концом сбивал выросшие среди цветов сорняки.

— Никак руки не дойдут до прополки, — посетовала Ада. — Раньше все делали сервиторы, а теперь на мне стирка, готовка и еще много всякого.

Харман рассмеялся.

— Трудно нынче сыскать хорошую прислугу, — сказал он и обнял Аду за талию.

Девушка одарила его многозначительным, ясным только для этих двоих взглядом.

— Я соврал, — сказал Харман Даэману. — И ты и я знаем, что Одиссей собирается напасть на войниксов, чтобы те не осуществили свой неведомый план.

— Да, — ответил Даэман. — Знаю.

— Он воспользуется этим, чтобы подготовить учеников к тому, что считает серьезной войной, — сказал Харман, глядя в сторону белого дома на холме. — Он хочет научить нас сражаться, пока не начались настоящие бои. По его словам, мы это сами поймем: появятся клубящиеся шары, откроются дыры в небесах, к нам придут другие миры.

— Да, — сказал Даэман. — Я слышал, как он так

говорит.

— Он безумен.

— Нет, — ответил Даэман.

— Ты пойдешь с ним на войну? — спросил Харман таким тоном, словно задавал этот вопрос уже много раз.

— Против войниксов — нет, — ответил Даэман. — Только если иначе будет нельзя. Прежде меня ждет другое сражение.

— Знаю.

Харман поцеловал Аду, сказал: «Увидимся в доме» — и пошел вверх по склону, все еще слегка прихрамывая.

Даэман внезапно почувствовал слабость. Рядом стояла деревянная скамейка с видом на нижний луг и речную долину, где сейчас лежала вечерняя тень. Даэман сел, Ада опустилась рядом.

— Харман понял, о чем ты говорил, — сказала она, — а я нет. Что за другое сражение?

Даэман пожал плечами; говорить на эту тему ему не хотелось.

— Даэман?

По ее тону было ясно: она не уйдет, пока не получит ответа, а сил встать и уйти самому у Даэмана не было.

— Есть такое место — Иерусалим, — сказал он

наконец. — По ночам там бьет в небо голубой луч. В нем заключены более девяти тысяч человек, соплеменников Сейви. Более девяти тысяч евреев, что бы это слово ни означало.

Ада глянула на него непонимающе, и Даэман понял, что эту часть их истории она еще не слышала. Все они заново осваивали искусство повествования. Рассказы помогали занять вечера при свечах чем-нибудь, кроме мытья посуды.

— Прежде чем война, обещанная Одиссеем, докатится сюда, — негромко, но твердо произнес Даэман, — прежде чем мне придется ввязаться в неведомую битву, я освобожу эти девять тысяч человек из треклятого луча.

— Как? — спросила Ада.

Даэман засмеялся. Это был свободный, искренний смех, которому он научился совсем недавно:

— Будь я проклят, если знаю.

Он с трудом встал, позволив Аде себя поддержать, и они пошли вверх по холму в сторону Ардис-Холла. Хотя до ужина оставался еще час, ученики Одиссея уже зажигали фонари на столе под старым вязом. Сегодня была очередь Даэмана помогать на кухне, и он пытался вспомнить, что должен готовить. Хотелось думать, что салат.

— Даэман? — Ада остановилась и посмотрела

на него.

Он поглядел на нее, зная, что она всегда будет любить Хармана, и почему-то его это радовало. Может быть, причина была в ранах и усталости, но Даэману уже не хотелось затащить в постель каждую встреченную женщину. Впрочем, с начала метеоритного ливня он встретил не так уж много новых женщин.

— Даэман, как тебе это удалось? — спросила Ада.

— Что удалось?

— Убить Калибана.

— Я не уверен, что убил его, — ответил Даэман.

— Но ты *победил* его, — почти сердито заспорила девушка. — Как?

— У меня было секретное оружие, — сказал Даэман и внезапно понял, что это правда.

— Какое?

По склону протянулись длинные вечерние тени, над Ардис-Холлом синело чистое небо, но Даэман видел темные тучи на горизонте у Ады за спиной.

— Гнев, — сказал он наконец. — Просто гнев.

65. Индиана, 1200 г. до н. э.

Примерно через три недели после начала войны, которая покончит с войнами[56] — кроме шуток! — я с помощью золотого медальона квитируюсь на противоположную сторону планеты. Я обещал Найтенгельзеру его забрать и предпочитаю по мере возможности держать слово.

В полночь по времени Илиона-Олимпа я выхожу из нового шатра-бомбоубежища, где Ахиллес совещается со своими уцелевшими военачальниками, и квитируюсь под влиянием внезапного порыва, зная, что скоро личная квантовая телепортация отойдет в историю. И вот я солнечным утром стою на холме в доисторической Северной Америке. Так непривычно видеть вокруг траву. В окрестностях Илиона ее почти не осталось, а на кровавых марсианских равнинах и вовсе нет.

Я спускаюсь к реке и перехожу на другой берег к лесу, моргая от яркого света и непривычной

---

[56] Примечания: 56

…после начала войны, которая покончит с войнами… — «Войной, которая покончит с войнами» называли Первую мировую. Первоначально — название эссе Герберта Уэллса, опубликованного в 1914 году; со временем, когда стало понятно, что Первая мировая не покончила с войнами, слова стали употребляться иронически.

тишины. Никаких взрывов, никаких предсмертных воплей, боги не телепортируются посреди конского ржания и боевых кличей. В первую минуту я еще тревожусь из-за индейцев, потом смеюсь над собой. У меня больше нет непробиваемых доспехов, волшебного Аидова Шлема и морфобраслета, однако мои латы из бронзы и твердопласта проверены в бою. На поясе у меня меч, за спиной лук, и я умею ими пользоваться. Разумеется, если я встречу Патрокла и если тот сумел вооружиться и по-прежнему на меня в обиде — а кто из ахейских героев не злопамятен? — я бы не слишком рассчитывал на победу.

Плевать. Как любит говорить Ахиллес, а может, центурион-лидер Меп Аху, кишка тонка — славы не жди.

— Найтенгельзер! — кричу я. — Кит!

На мои крики никто не откликается. Я нахожу Найтенгельзера только через час, и лишь потому, что случайно выхожу к индейскому поселению на поляне в полумиле от того места, куда квитировался. Здесь нет типи, только грубые шалаши из веток, листьев и, кажется, дерна. В центре деревни из шести жилищ горит костер. Внезапно раздается собачий лай, женщины визжат и подхватывают на руки детей, а шестеро коренных

американцев натягивают примитивные луки, целя в меня.

Я натягиваю мой прекрасный кедровый лук, изготовленный искусными мастерами в далеком Аргосе, одним отработанным движением прилаживаю на тетиву стрелу ручной работы и целюсь в них, готовый уложить всех, пока их дурацкие заточенные палочки будут отскакивать от моих доспехов. Главное, чтобы не попали в лицо или в глаз. Или в горло. Или…

Бывший схолиаст Найтенгельзер, одетый в такую же звериную шкуру, что и более сухощавые индейцы, выбегает на поляну между нами и что-то отрывисто кричит. Воины хмуро опускают луки. Я поступаю так же.

Найтенгельзер подходит ко мне.

— Черт тебя дери, Хокенберри, что ты тут делаешь?

— Спасаю тебя.

— Не шевелись.

Он что-то односложно кричит индейцам, затем говорит им на древнегреческом:

— И пожалуйста, подождите, не подавайте пока жареную собаку. Я на минутку.

Найтенгельзер берет меня за локоть и уводит к реке, подальше от деревни.

— Греческий? — спрашиваю я. — Жареная собака?

Он отвечает только на первую часть вопроса:

— У них очень сложный язык, мне трудно его освоить. Оказалось проще выучить их всех греческому.

Я смеюсь, но больше оттого, что мне внезапно представилось, как через три, четыре или пять тысяч лет археологи при раскопках доисторического поселка в Индиане обнаружат черепки с выцарапанными изображениями эпизодов Троянской войны.

— Что такое? — спрашивает Найтенгельзер.

— Ничего.

Мы садимся на не очень комфортные валуны по другую сторону реки и несколько минут разговариваем.

— Как война? — спрашивает Найтенгельзер.

Он немного сбросил вес и выглядит цветущим и довольным жизнью, в отличие от меня, усталого и угрюмого.

— Которая война? — говорю я. — У нас уже совершенно новая.

Немногословный, как всегда, Найтенгельзер лишь вопросительно поднимает бровь.

Вкратце рассказываю о последних событиях.

Некоторые подробности приходится опустить: не хочется разрыдаться или начать трястись на глазах у старого товарища-схолиаста.

Найтенгельзер слушает несколько минут, потом говорит:

— Ты меня подкалываешь?

— Нет, — отвечаю я. — Стал бы я такое выдумывать? Смог бы?

— Да, ты прав, — говорит Найтенгельзер. — Никогда не замечал за тобой особого воображения.

Я моргаю, но ничего не говорю.

— Что ты намерен делать? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами:

— Для начала спасу тебя.

Найтенгельзер смеется:

— Судя по всему, спасать надо тебя, а не меня. Зачем мне возвращаться в мир, который ты здесь живописал?

— Из профессионального любопытства? — предполагаю я.

— Моей специальностью была «Илиада». Судя по всему, ее больше нет. — Он встряхивает головой и потирает щеки. — Как можно взять в осаду Олимп?

— Ахиллес и Гектор нашли способ, — говорю я. — Мне уже пора. Ты со мной? Я не могу обещать,

что когда-нибудь еще сюда квитируюсь.

Найтенгельзер мотает головой:

— Я останусь здесь.

— Понимаешь ли ты… — медленно говорю я по-гречески на случай, если английский начал выветриваться у него из головы. — Тут тебе тоже небезопасно. Я про войну. Если человечество проиграет, то вся Земля…

— Да, я не глухой, — перебивает Найтенгельзер. — Я остаюсь.

Мы оба встаем. Я прикасаюсь к медальону, потому опускаю руку и говорю:

— У тебя здесь женщина.

Найтенгельзер пожимает плечами:

— Я показал кое-какие фокусы с тазером, морфобраслетом и прочими игрушками. На племя это произвело впечатление. Или, по крайней мере, ребята сделали вид, что произвело. — Он улыбается в своей ироничной манере. — Племя маленькое, а вокруг на сотни миль ни души. Им нужна свежая ДНК для генофонда.

— Тогда удачи тебе. — Я вновь берусь за медальон, но тут мне приходит еще одна мысль. — А где твой морфобраслет? И тазер?

— Все забрал Патрокл, — говорит Найтенгельзер.

Я, кроме шуток, оборачиваюсь и хватаюсь за рукоять меча.

— Не волнуйся, он давно ушел, — говорит Найтенгельзер.

— Куда?

— Сказал, что вернется в Илион на помощь своему другу Ахиллесу. Потом спросил меня, в какой стороне Илион. Я указал на восток. Он ушел в том направлении… и оставил меня в покое.

— Господи, — шепчу я. — Сейчас он, наверное, вплавь пересекает Атлантику.

— С него станется.

Найтенгельзер протягивает руку. Непривычно обмениваться рукопожатиями, когда столько недель пожимал запястья.

— Прощай, Хокенберри. Думаю, мы больше не свидимся.

— Похоже на то. Прощай, Найтенгельзер.

Я берусь за квит-медальон, чтобы повернуть диск, но тут схолиаст — бывший схолиаст — трогает меня за плечо.

— Хокенберри? — Он отдергивает руку, чтобы не телепортироваться вместе со мной. — Скажи, Илион по-прежнему стоит?

— О да. Илион по-прежнему стоит.

— Мы всегда знали, что будет дальше, — го-

ворит Найтенгельзер. — Девять лет мы с очень небольшой погрешностью знали, что будет. Как поступит тот или иной бог. Кто из людей погибнет и когда. Кто уцелеет.

— Да.

— Это одна из причин, почему я хочу остаться здесь, с нею. — Найтенгельзер смотрит мне в глаза. — Каждый час, каждый день, каждое утро я не знаю, что будет дальше. И это прекрасно.

— Понимаю.

Я и в самом деле понял.

— А ты знаешь, как пойдут события? Там, в твоем новом мире?

— Не имею ни малейшего понятия. — Я ловлю себя на том, что широко ухмыляюсь. Возможно, это выглядит пугающее — от прежнего ученого не осталось и следа. — Но узнать будет чертовски интересно.

Я поворачиваю квит-медальон и исчезаю.

Действующие лица

Ахейцы (греки)

Ахиллес — сын Пелея и богини Фетиды, самый свирепый из ахейских героев, с рождения обреченный умереть в бою под Троей и получить вечную славу либо прожить долгую жизнь в безвестности. Ему предстоит сделать выбор.

Одиссей — сын Лаэрта, царь Итаки, муж Пенелопы, искусный стратег, любимец богини Афины.

Агамемнон — сын Атрея, верховный командующий ахейцев, муж Клитемнестры. Именно его упрямое желание отнять у Ахиллеса невольницу Брисеиду стало причиной центрального кризиса «Илиады».

Менелай — младший сын Атрея, брат Агамемнона, царь Спарты и обманутый муж Елены.

Диомед — сын Тидея, ахейский вождь и столь свирепый воин, что описание его *аристейи* (единоборства в общей битве, показывающего личную доблесть) в «Илиаде» уступает размером лишь заключительной ярости Ахиллеса.

Патрокл — сын Менетия, лучший друг Ахиллеса, в гомеровской «Илиаде» обреченный пасть

от руки Гектора.

Нестор — сын Нелея, старейший из ахейских военачальников, «громогласный вития пилосский», склонный подолгу вещать на военных советах.

Феникс — сын Аминтора, старый учитель и давний товарищ Ахиллеса, загадочным образом сыгравший центральную роль в «посольстве к Ахиллесу».

Троянцы(защитники Илиона)

Гектор — сын Приама, вождь и величайший герой троянцев, муж Андромахи и отец маленького Скамандрия (известного жителям Илиона также под именем Астианакт, или Владыка города).

Андромаха — жена Гектора, мать Астианакта. Царственный отец и братья Андромахи пали от руки Ахиллеса.

Приам — сын Лаомедонта, престарелый царь Илиона (Трои), отец Гектора, Париса и множества других сыновей.

Парис — сын Приама, брат Гектора, прославленный и как воин, и как любовник. Именно Парис спровоцировал Троянскую войну, похитив Елену, жену Менелая, из Спарты и привезя ее в Илион.

Елена — жена Менелая, дочь Зевса, жертва

неоднократных похищений из-за своей невероятной красоты.

Гекуба — жена Приама, царица Трои.

Эней — сын Анхиза и Афродиты, вождь дарданов, которому в «Илиаде» суждено стать будущим царем бежавших троянцев.

Кассандра — дочь Приама, жертва изнасилования, злосчастная провидица.

Олимпийские боги

Зевс — царь богов, муж и брат Геры, отец бесчисленных олимпийцев и смертных, сын Крона и Реи — титанов, которых он сверг и низринул в Тартар, нижние круги мира мертвых.

Гера — жена и сестра Зевса, покровительница ахейцев.

Афина — дочь Зевса, «Третьерожденная», стойкая защитница ахейцев.

Арес — бог войны, громила, сторонник троянцев.

Аполлон — бог искусств, целительства и болезней, «сребролукий», главный защитник троянцев.

Афродита — богиня любви, союзница троянцев, интриганка.

Гефест — увечный бог огня, искусный мастер

богов, сын Геры; вожделеет к Афине.

Фетида — богиня моря и мать Ахиллеса от человека Пелея.

Люди старого образца

Ада — хозяйка Ардис-Холла, лишь недавно перешагнула Первую Двадцатку.

Харман — девяностодевятилетний, то есть до Последней Двадцатки ему всего год; единственный человек на земле, умеющий читать.

Даэман — приближается ко Второй Двадцатке, пухлый соблазнитель женщин и собиратель бабочек.

Сейви — Вечная Жидовка, единственный человек старого образца, избежавший финального факса 1400 лет назад.

Ханна — юная подруга Ады, изобретательница и скульптор, первая художница за почти два тысячелетия.

Моравеки

(автономные разумные биомеханические организмы, отправленные людьми во внешнюю часть Солнечной системы в Потерянную Эпоху)

Манмут — исследователь подледных морей на спутнике Юпитера Европе; капитан «Смуглой леди», самодеятельный исследователь шекспировских сонетов.

Орфу с Ио — восьмитонный шестиметровый бронированный вакуумный моравек, работающий в серном торе Ио, любитель Пруста.

Астиг/Че — европеанин, первичный интегратор Консорциума Пяти Лун.

Корос III — ганимедянин, заключенный в бакикарбоновый корпус, гуманоидной конструкции, с мушиными глазами, командир марсианской экспедиции.

Ри По — каллистянин, негуманоидной конструкции, корабельный навигатор.

Центурион-лидер Мер Аху — роквек, военный из пояса астероидов.

Другие сущности

Войниксы — загадочные двуногие существа,

частично слуги, частично охранники.

МЗЧ — маленькие зеленые человечки, известные также как *зеки*; хлорофиллоносные марсианские работники, которым поручено возводить тысячи огромных каменных голов.

Просперо — аватара эволюционировавшей и осознающей себя земной логосферы.

Ариэль — аватара эволюционировавшей и осознающей себя земной биосферы.

Калибан — ручное чудовище Просперо.

Калибаны — клоны Калибана, стражи Средиземного бассейна.

Сикоракса — ведьма, мать Калибана (согласно Просперо); известна также как Цирцея или Калипсо.

Сетебос — жестокий и капризный бог Калибана, многорукий, как каракатица, не из солнечной системы Земли. Пожиратель миров.

Тихий — бог Просперо (возможно), антагонист Сетебоса, неведомая сущность.

Схолиасты

(умершие ученые из прошлых столетий, восстановленные по своим ДНК и книгам либо богами, либо создателями богов, чтобы сообщать Музе о том, насколько события в Илионе соответствуют «Илиаде» Гомера)

Томас Хокенберри — доктор наук, античник, исследователь «Илиады», выпускник колледжа Уобаш и Йеля, преподаватель Индианского университета до своей смерти от рака в XXI веке. Хокенберри — самый долговечный из схолиастов, он был свидетелем почти десяти лет Троянской войны. Именно он заставил события свернуть с пути, описанного Гомером в «Илиаде».

Кит Найтенгельзер — еще один восстановленный ученый, старейший друг Хокенберри, единственный, кроме него, схолиаст, переживший гнев богов.